

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как напоминание о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические записи.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические записи.
Не отправляйте в систему Google автоматические записи любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

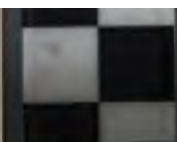

Въ знавъ гуньбана
Уважению Его Милос
козности Онуу В.
моряна Озору и Ане
Озору Товутикох.

Купносу

Перевогта

1852 году
Апр 4 504

The first of the
 second of the
 third of the
 fourth of the
 fifth of the
 sixth of the
 seventh of the
 eighth of the
 ninth of the
 tenth of the
 eleventh of the
 twelfth of the
 thirteenth of the
 fourteenth of the
 fifteenth of the
 sixteenth of the
 seventeenth of the
 eighteenth of the
 nineteenth of the
 twentieth of the
 twenty-first of the
 twenty-second of the
 twenty-third of the
 twenty-fourth of the
 twenty-fifth of the
 twenty-sixth of the
 twenty-seventh of the
 twenty-eighth of the
 twenty-ninth of the
 thirtieth of the
 thirty-first of the
 thirty-second of the
 thirty-third of the
 thirty-fourth of the
 thirty-fifth of the
 thirty-sixth of the
 thirty-seventh of the
 thirty-eighth of the
 thirty-ninth of the
 fortieth of the
 forty-first of the
 forty-second of the
 forty-third of the
 forty-fourth of the
 forty-fifth of the
 forty-sixth of the
 forty-seventh of the
 forty-eighth of the
 forty-ninth of the
 fiftieth of the
 fifty-first of the
 fifty-second of the
 fifty-third of the
 fifty-fourth of the
 fifty-fifth of the
 fifty-sixth of the
 fifty-seventh of the
 fifty-eighth of the
 fifty-ninth of the
 sixtieth of the
 sixty-first of the
 sixty-second of the
 sixty-third of the
 sixty-fourth of the
 sixty-fifth of the
 sixty-sixth of the
 sixty-seventh of the
 sixty-eighth of the
 sixty-ninth of the
 seventieth of the
 seventy-first of the
 seventy-second of the
 seventy-third of the
 seventy-fourth of the
 seventy-fifth of the
 seventy-sixth of the
 seventy-seventh of the
 seventy-eighth of the
 seventy-ninth of the
 eightieth of the
 eighty-first of the
 eighty-second of the
 eighty-third of the
 eighty-fourth of the
 eighty-fifth of the
 eighty-sixth of the
 eighty-seventh of the
 eighty-eighth of the
 eighty-ninth of the
 ninetieth of the
 ninety-first of the
 ninety-second of the
 ninety-third of the
 ninety-fourth of the
 ninety-fifth of the
 ninety-sixth of the
 ninety-seventh of the
 ninety-eighth of the
 ninety-ninth of the
 hundredth of the

[Faint handwritten notes at the bottom of the page]

СОЧНЕНИЯ

ПАТОНА.

ПЕРЕВЕДЕННЫЯ СЪ ГРЕЧЕСКАГО

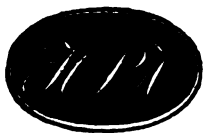
И

ОБЪЯСНЕННЫЯ

***Профессоромъ Санктпетербургской
Духовной Академіи***

КАРПОВЫМЪ.

ЧАСТЬ I.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской Россійской Академіи.

1841.

Отъ Санктпетербургскаго Комитета Духовной Цензуры печатать дозволяется.

Юня 25 дня 1841 года.

Цензоръ Архимандритъ Иоасафъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Имя Платона избавляетъ меня отъ труда говорить о цѣли и пользѣ предпринимаемаго перевода Платоновыхъ сочиненій. Стря на заглавномъ листѣ книги, оно само—и гораздо убѣдительнѣе—говоритъ за свою книгу. Великіе гении на поприщѣ науки суть свойственники не народа, а цѣлаго человѣчества; ихъ произведенія суть достояніе всѣхъ вѣковъ. По сему Русской литературѣ было бы стыдно предъ вѣками и человѣчествомъ не усвоить себѣ того, что справедливо почитается лучшимъ украшеніемъ каждой литературы.

Но какъ должно переводить сочиненіе, чтобы оно усвоилось литературѣ извѣстнаго народа? Переводы книгъ съ древнихъ языковъ бываютъ большею частію либо буквальные и подстрочные, какъ переводилъ Греческихъ поэтовъ нашъ И. И. Мартыновъ;

либо перифрастическіе, какъ переводилъ Платона Г. Кузень. Оба эти способа передавать современникамъ и потомству мысли и чувствованія древнихъ писателей очень не трудны; по тому что въ первомъ случаѣ переводчикъ не считаетъ нужнымъ заботиться о чистотѣ и плавности того языка, на который книга переводится, а во второмъ — нисколько не останавливается на особенностяхъ и частныхъ отбѣнкахъ переводимой мысли. Но по тѣмъ же самымъ причинамъ оба эти способа и не достигаютъ своей цѣли, не усвояютъ народу образцовыхъ произведеній древности. Переводы буквальные почти всегда — мертвый капиталъ литературы, а перифрастическіе почти вовсе бесполезны для читателей. Читая напримѣръ Кузена, вы дивитесь легкости и плавности его выраженія; но Платонъ едвали бы узналъ въ немъ энергію собственной своей мысли. Правда, одинъ Германскій рецензентъ недавно, говоря о Нѣмецкомъ переводѣ «Русской Исторіи» Г. Устрялова, замѣтилъ:

die Uebersetzung ist, wie sie seyn muss, d. h., man bemerkt es nirgends, dass es eine Uebersetzung ist, die man vor sich hat. Но это замѣчаніе, по моему мнѣнію, только въполовину справедливо. Хорошо конечно не узнать, что переводъ есть переводъ, однакожь не менѣе нужно и то, чтобы сочинитель переведенной книги узналъ въ этомъ переводѣ дѣйствительно *свое сочиненіе*. По сему истинно хорошимъ переводомъ, кажется, надобно почитать тотъ, въ которомъ 1) выражена мысль писателя, если можно, со всѣми ея отгѣнками, 2) сохранена чистота и естественность современной фразы на томъ языкѣ, на который сочиненіе переводится. *In hac translatione conficienda, говорить Асть о своемъ Латинскомъ переводѣ Платона, id potissimum contendî, ut, quæ sunt interpretationis officia, et fidelem et latinam eam fingerem.*

Эти общія правила я постоянно имѣлъ въ виду, при переложеніи Платоновыхъ разговоровъ, хотя, можетъ быть, и не всегда

находилъ въ себѣ довольно силы строгаго выполнить ихъ. Признаюсь, — особенности двухъ языковъ, оригинальность Платоновыхъ оборотовъ и выраженій, множество поговорокъ и пословицъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ необходимая связь философской мысли съ такими, а не другими Греческими формами, кое-гдѣ не позволяли мнѣ держаться на своихъ основаніяхъ и принуждали, то на минуту допустить перифразъ, то отчасти измѣнить нѣкоторымъ неважнымъ требованіямъ роднаго языка. Съ необходимостію, по Греческой пословицѣ, и боги не воюютъ (*). Впрочемъ смѣю надѣяться, что такихъ недостатковъ не много,

(*) Латинскій языкъ, по своимъ формамъ, безъ сомнѣнія ближе къ Греческому, нежели Русскій; — и однакожъ Астъ, перевода Платона на Латинскій языкъ, долженъ былъ, для выраженія нѣкоторыхъ Греческихъ терминовъ, составить слова: *dupliciloquentia* (*διπλασιολογία*), *sententiloquentia* (*γνωμολογία*), *simililoquentia* (*εὐχολογία*), также *breviloquentia*, *superbiloquentia*, *superrefutatio*, *subdeclaratio*, *augeratio*, *insanities*, и проч. Я болѣею частію старался избѣгать такого словотворенія.

и что знатоки дѣла, взвѣсивъ всѣ затрудненія, съ которыми мнѣ надлежало бороться почти на каждой страницѣ, извинять подобныя неисправности моего перевода.

Думая, что не хорошо дѣлать менѣе, когда есть возможность сдѣлать болѣе, я рѣшился предстать на судъ своихъ читателей не только какъ переводчикъ, но вмѣстѣ какъ критикъ и отчасти какъ комментаторъ Платоновыхъ сочиненій; а по тому, къ каждому разговору приложилъ свое введеніе и нѣсколько филологическихъ, историческихъ и философскихъ примѣчаній. Побужденіе къ составленію сихъ приложений, конечно не тщеславіе и суетность; да и кто изъ тщеславія согласился бы на такіе труды и пожертвованія! Я убѣжденъ опытомъ, что кому пріятно и нужно понять все, заключающееся въ Платоновыхъ сочиненіяхъ, тотъ не обойдется безъ средствъ вспомогательныхъ. Мысль Платона нерѣдко проясняется, то частными свойствами и отношеніями тѣхъ лицъ, которыя участвуютъ, или о которыхъ упоминается

въ разговорѣ, то предварительнымъ знаніемъ тѣхъ повѣрій и обычаевъ, которыя Грекамъ были совершенно извѣстны, а у насъ не существуютъ и представляются чѣмъ-то страннымъ, то соображеніемъ различныхъ ученій, имѣвшихъ вліяніе на образъ мыслей въ Греческомъ обществѣ, то изслѣдованіемъ смысла пословицъ и поговорокъ, которымъ у насъ не представляется ничего соотвѣтствующаго, то опредѣленіемъ цѣли сочиненія, и проч. Все это необходимо для уразумѣнія Платоновыхъ разговоровъ и, безъ объяснительныхъ приложений, требовало бы непрестанныхъ справокъ. При томъ мнѣ казалось, что читателю не бесполезно будетъ и предварительное обозрѣніе содержанія каждой бесѣды, чтобы онъ могъ вѣрнѣе слѣдовать за развитіемъ ея подробностей и наблюдать связь ихъ. Что же касается до филологическихъ замѣчаній, то въ семъ отношеніи я старался быть, сколько можно, короче и позволялъ себѣ оныя только въ мѣстахъ спорныхъ, чтобы наши эллинисты

видѣли причины такого, а не другаго переложенія.

Впрочемъ собственныя мои усилія, можетъ быть, не внушили бы мнѣ довольно смѣлости объяснять Платона, если бы я не нѣмѣлъ подъ рукою хотя не многихъ, однакожь превосходныхъ трудовъ по сему предмету. Но прежде нежели укажу на нихъ, считаю полезнымъ кратко и въ хронологическомъ порядкѣ обозрѣть всѣ, какія только были, полныя изданія Платоновыхъ сочиненій, а потомъ пересмотрѣть изданія частныя и боковыя пособія для переводчиковъ и объяснителей Платона.

Замѣчательно, что въ возраждавшейся Европѣ Платонъ заговорилъ прежде полатини, чѣмъ погречески. Первый, издавшій и распространившій въ ученомъ мірѣ разговоры сего, былъ Флорентинецъ *Марсилій Фицинъ*, который перевелъ нашего философа на Латинскій языкъ еще во второй половинѣ XV вѣка, вѣроятно съ оригинала Плотинава, и въ свой переводъ сперва внесъ много погрѣшностей и мечтаній

Отъ Санктпетербургскаго Комитета Духовной Цензуры печатать дозволяется.

Юня 25 дня 1841 года.

Цензоръ Архимандритъ Иоасафъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Имя Платона избавляетъ меня отъ труда говорить о цѣли и пользѣ предпринимаемаго перевода Платоновыхъ сочиненій. Стрѣ на заглавномъ листѣ книги, оно само—и гораздо убѣдительнѣе—говоритъ за свою книгу. Великіе гевія на поприщѣ науки суть свойственники не народа, а цѣлаго человѣчества; ихъ произведенія суть достояніе всѣхъ вѣковъ. По сему Русской литературѣ было бы стыдно предъ вѣками и человѣчествомъ не усвоить себѣ того, что справедливо почитается лучшимъ украшеніемъ каждой литературы.

Но какъ должно переводить сочиненіе, чтобы оно усвоилось литературѣ извѣстнаго народа? Переводы книгъ съ древнихъ языковъ бываютъ большею частію либо буквальные и подстрочные, какъ переводилъ Греческихъ поэтовъ нашъ И. И. Мартыновъ;

либо перифрастическіе, какъ переводилъ Платона Г. Кузень. Оба эти способа передавать современникамъ и потомству мысли и чувствованія древнихъ писателей очень не трудны; по тому что въ первомъ случаѣ переводчикъ не считаетъ нужнымъ заботиться о чистотѣ и плавности того языка, на который книга переводится, а во второмъ — нисколько не останавливается на особенностяхъ и частныхъ оттѣнкахъ переводимой мысли. Но по тѣмъ же самымъ причинамъ оба эти способа и не достигаютъ своей цѣли, не усвояютъ народу образцовыхъ произведеній древности. Переводы буквальные почти всегда — мертвый капиталъ литературы, а перифрастическіе почти вовсе бесполезны для читателей. Читая напримѣръ Кузена, вы дивитесь легкости и плавности его выраженія; но Платонъ едвали бы узналъ въ немъ энергію собственной своей мысли. Правда, одинъ Германскій рецензентъ недавно, говоря о Нѣмецкомъ переводѣ «Русской Исторіи» Г. Устрялова, замѣтилъ:

die Uebersetzung ist, wie sie seyn muss, d. h., man bemerkt es nirgends, dass es eine Uebersetzung ist, die man vor sich hat. Но это замѣчаніе, по моему мнѣнію, только вполониву справедливо. Хорошо конечно не узнать, что переводъ есть переводъ, однакожъ не менѣе нужно и то, чтобы сочиитель переведенной книги узналъ въ этомъ переводѣ дѣйствительно свое сочиненіе. По сему истинно хорошимъ переводомъ, кажется, надобно почитать тотъ, въ которомъ 1) выражена мысль писателя, если можно, со всѣми ея отгѣнками, 2) сохранена чистота и естественность современной фразы на томъ языкѣ, на который сочиненіе переводится. In hac translatione conficienda, говорить Астъ о своемъ Латинскомъ переводѣ Платова, *id potissimum contendî, ut, quæ sunt interpretationis officia, et fidelem et latinam eam fingerem.*

Эти общія правила я постоянно имѣлъ въ виду, при переложеніи Платоновыхъ разговоровъ, хотя, можетъ быть, и не всегда

находилъ въ себѣ довольно силы строго выполнить ихъ. Признаюсь,—особенности двухъ языковъ, оригинальность Платоновыхъ оборотовъ и выраженій, множество поговорокъ и пословицъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ необходимая связь философской мысли съ такими, а не другими Греческими формами, кое-гдѣ не позволяли мнѣ держаться на своихъ основаніяхъ и принуждали, то на минуту допустить перифразъ, то отчасти измѣнить нѣкоторымъ неважнымъ требованіямъ роднаго языка. Съ необходимостію, по Греческой пословицѣ, и боги не воюють (*). Впрочемъ смѣю надѣяться, что такихъ недостатковъ не много;

(*) Латинскій языкъ, по своимъ формамъ, безъ сомнѣнія ближе къ Греческому, нежели Русскій;—и однакожъ Астъ, переводя Платона на Латинскій языкъ, долженъ былъ, для выраженія нѣкоторыхъ Греческихъ терминовъ, составить слова: *dupliciloquentia* (*διπλασιολογία*), *sententiloquentia* (*γνωμολογία*), *simililoquentia* (*εἰκονολογία*), также *breviloquentia*, *superbiloquentia*, *superrefutatio*, *subdeclaratio*, *augeratio*, *insanitio*, и проч. Я большею частію старался избѣгать такого словотворенія.

и что знатоки дѣла, взвѣсивъ всѣ затрудненія, съ которыми мнѣ надлежало бороться почти на каждой страницѣ, пзвиняютъ подобныя неисправности моего перевода.

Думая, что не хорошо дѣлать меньше, когда есть возможность сдѣлать болѣе, я рѣшился предстать на судъ своихъ читателей не только какъ переводчикъ, но вмѣстѣ какъ критикъ и отчасти какъ комментаторъ Платоновыхъ сочиненій; а по тому, къ каждому разговору приложилъ свое введеніе и нѣсколько филологическихъ, историческихъ и философскихъ примѣчаній.

Побужденіе къ составленію сихъ приложений, конечно не тщеславіе и суетность; да и кто изъ тщеславія согласился бы на такіе труды и пожертвованія! Я убѣжденъ опытомъ, что кому пріятно и нужно понять все, заключающееся въ Платоновыхъ сочиненіяхъ, тотъ не обойдется безъ средствъ вспомогательныхъ. Мысль Платона нерѣдко проясняется, то частными свойствами и отношеніями тѣхъ лицъ, которыя участвуютъ, или о которыхъ упоминается

въ разговоръ, то предварительнымъ знаніемъ тѣхъ повѣрій и обычаевъ, которые Грекамъ были совершенно извѣстны, а у насъ не существуютъ и представляются чѣмъ-то страннымъ, то соображеніемъ различныхъ ученій, имѣвшихъ вліяніе на образъ мыслей въ Греческомъ обществѣ, то изслѣдованіемъ смысла пословицъ и поговорокъ, которымъ у насъ не представляется ничего соответствующаго, то опредѣленіемъ цѣли сочиненія, и проч. Все это необходимо для уразумѣнія Платоновыхъ разговоровъ и, безъ объяснительныхъ приложений, требовало бы непрестанныхъ справокъ. При томъ мнѣ казалось, что читателю не бесполезно будетъ и предварительное обозрѣніе содержанія каждой бесѣды, чтобы онъ могъ вѣрнѣе слѣдовать за развитіемъ ея подробностей и наблюдать связь ихъ. Что же касается до филологическихъ замѣчаній, то въ семъ отношеніи я старался быть, сколько можно, короче и позволялъ себѣ оныя только въ мѣстахъ спорныхъ, чтобы наши эллинисты

видѣли причины такого, а не другаго передоженія.

Впрочемъ собственныя мои усилія, можетъ быть, не внушили бы мнѣ довольно смѣлости объяснять Платона, если бы я не нѣлъ подъ рукою хотя не многихъ, однакожь превосходныхъ трудовъ по сему предмету. Но прежде нежели укажу на нихъ, считаю полезнымъ кратко и въ хронологическомъ порядкѣ обозрѣть всѣ, какія только были, полныя изданія Платоновыхъ сочиненій, а потомъ пересмотрѣть изданія частныя и боковыя пособія для переводчиковъ и объяснителей Платона.

Замѣчательно, что въ возраждавшейся Европѣ Платонъ заговорилъ прежде латини, чѣмъ погречески. Первый, издавшій и распространившій въ ученомъ мірѣ разговоры сего, былъ Флорентинецъ *Марсилій Фицини*, который перевелъ нашего философа на Латинскій языкъ еще во второй половинѣ XV вѣка, вѣроятво съ оригинала Плотинава, и въ свой переводъ сперва внесъ много цѣлпостей и мечтаній

Александрійской школы, по послѣ, по совету Критянина *Марка Музура* (*), знаменитаго въ то время филолога и эллиниста, значительно исправилъ его, хотя *Петръ Ианній* (**) все еще имѣлъ причину сказать: *Ficinum quidem religiose Platonem interpretatum esse, sed ita ut si ipse Plato legeret, pro suis non agnosceret.* Фицинъ сперва переводилъ Платона перифрастически, или, по словамъ *Гуеція* (***), *verborum quidem curam negligere Ficinum, sententias dilatare nonnunquam, vel contrahere.* Это изданіе вышло

1482 года и называется *Флорентинскимъ I.* Въ концѣ его значится: *impressum Florentiae per Laurentium Venetum.* За нимъ слѣдовали:

1491 *Флорентинское II*, напечатанное роскошно, по повелѣнію и на счетъ *Лаврентія Медицисъ.*

(*) *Menag.* Т. II. *Antibailleti*, p. 157.

(**) *Gaddii* Т. II. *de scriptt. non ecclesiasticis* p. 144.

(***) *Huet.* *de clarr. interpr.* p. 295.

1491 *Венеціанское I*, вновь пересмотрѣнное самимъ Фидиномъ.

1517 *Венеціанское II*, съ показаніемъ содержаній каждаго разговора, составленныхъ Фидиномъ.

1518 *Парижское I*, озаглавленное: *Opera Platonis latina a Mars. Ficino tractata.*

1522 *Парижское II*, неболѣе какъ копія перваго.

1532 *Базельское I*, съ поправками Гриня.

1539 *Базельское II*, Гринеево.

1546 *Базельское III.*

1548 *Лейденское I.*

1551 *Базельское IV*, съ поправками Гриня.

1557 *Лейденское II*, къ которому приобщены шесть сомнительныхъ разговоровъ Платона, переведенныхъ Сев. Коррадомъ. Эти разговоры: Эриксіасъ, Акефалосъ, Демодохъ, опредѣленія, о добродѣтели, о справедливости.

1561 *Корнаріево*, подъ заглавіемъ :
Platonis Atheniensis, philosophi summi ac
penitus divini, opera per lanum Cornarium,
Medicum Physicum, latina lingua cons-
cripta. Ejusdem eclogae decem additis Fi-
cini argumentis et commentariis. Basileae.
Въ этомъ изданіи особенно цѣнятся крити-
ками Корнаріевы эклоги, написанныя вслѣд-
ствіе соображенія подлиннаго Платонова
текста въ Альдовомъ и двухъ Базельскихъ
Греческихъ экземплярахъ (см. ниже); такъ
что Фридр. Фишеръ въ свое время счелъ
полезнымъ напечатать ихъ отдѣльно и при-
соединить къ нимъ предисловія Альда Ма-
нуція, Симона Гриней и Марка Гоннера.

1567 *Лейденское III.*

1588 *Лейденское IV.*

1590 напечатанное съ Лейденскимъ
Греческимъ подлинникомъ.

1592 *Лейденское V*, пересмотрѣнное
Стефаномъ Тремулеемъ.

1602 — напечатанное съ Франкфурт-
скимъ, или Вехеліанскимъ Греческимъ тек-
стомъ.

Вотъ всѣ Латинскія изданія Платоновыхъ сочиненій, получившія начало и развѣтлившіяся отъ Фицинова перевода, или отъ перваго Флорентинскаго кодекса. Но между тѣмъ, какъ Платонъ мало по-малу былъ исправляемъ, очищаемъ и распространяемъ на языкъ Латинскомъ, нашлись люди, признавшіе нужнымъ пересмотрѣть и распространить самый подлинникъ твореній Греческаго философа. Первый, рѣшившійся осуществить это намѣреніе своими издержками, былъ Венеціанецъ *Альдо Мануцій*. Его усердіе къ сему дѣлу простиралось до того, что онъ вызывался платить чистымъ золотомъ за исправленіе каждой ошибки въ Греческомъ, текстѣ Платона, и нашелъ себѣ ученаго дѣтеля, увлекавшагося не корыстію, а любовью къ общему благу. Тотъ самый *Маркъ Музуръ*, который, тридцатью годами ранѣе, совѣтовалъ Фицину, исправить переводъ Платоновыхъ сочиненій, теперь самъ наблюдалъ за вѣрностію предпринимаемаго Альдомъ изданія. Оно вышло въ

1513 году подъ заглавіемъ: *Platonis opera omnia graece. Venetiis, in aedibus Aldi et Andreae Soceri.* Этотъ текстъ снятъ съ древнѣйшихъ списковъ, сохранявшихся подъ титуломъ: *πλατῶν καὶ ἀξιοπιστα.* Къ нему приложены письма и шесть подложныхъ сочиненій, носящихъ имя Платона, также письмо Альда къ Льву X, въ которомъ онъ проситъ Первосвященника содѣйствовать распространенію просвѣщенія. За симъ изданіемъ слѣдовали:

1534 *Базельское I*, иначе, по имени Базельскаго книгопродавца Вальдера, называемое *Вальдеріанскимъ.* Заглавіе его: *Platonis omnia opera cum commentariis Procli in Timaeum et Politica, thesauro veteris philosophiae maximo, graece. Adiectus etiam est in Platonis omnia sententiarum et verborum memorabilium index.* Пересмотръ и исправленіемъ сего текста занимался особенно *Опорингъ*, который однакожь, избегавъ многихъ погрѣшностей изданія Альдова, вмѣсто ихъ сдѣлалъ нѣсколько новыхъ ошибокъ.

1556 *Базельское II*, иначе называемое *Гопперіанскимъ* — по слѣдующей причинѣ. Нѣкто *Арнольдъ Арленій*, путешествуя по Италіи, собралъ нѣсколько рукописныхъ экземпляровъ Платона и, провѣривъ нѣмъ изданіе Вальдерова, многое въ немъ исправилъ, пополнилъ пропущенное, отбросилъ чуждое и свои бумаги передалъ для напечатанія *Марку Гопперу*. Впрочемъ этотъ экземпляръ, какъ и предъидущій, все еще не безъ ошибокъ.

1578 *Стефаново* подъ заглавіемъ: *Platonis opera quæ extant omnia, ex nova Ioannis Serrani interpretatione, perpetuis ejusdem notis illustrata: quibus et methodus et doctrinæ summa breviter et perspicue indicatur. Ejusdem annotationes in quosdam suæ illius interpretationis locos. Henr. Stephani de quorundam locorum interpretatione judicium et multorum contextus græci emendatio. Excudebat Henr. Stephanus, Parisiis*, въ трехъ листовыхъ томахъ. Греческій текстъ сего изданія, кажется, не былъ свѣршенъ ни съ какими древними

рукописями, по списанъ съ экземпляра Альдова, которому Стефанъ отдавалъ преимущество предъ Базельскими, и исправленъ по филологическимъ указаніямъ Гоппера, Корварія, Евсевія и другихъ. Что же касается до перевода, сдѣланнаго Іоанномъ Серрскимъ, то на Латинскомъ языкѣ до толъ еще не было худшаго. Serranus, говоритъ Гуецій (*), *sententiis contentus verba despexit, fidelem absque eo ac perspicuam, quam pollicetur, conversionem praestiturus*. А Бруккеръ (**) обличаетъ его еще сильнѣе: Serranus, cum Platonem non satis intelligeret, sententiam magis suam, quam Platonis expressit, ejusque verba contempsit et analysi scholastica peregrinam Platoni faciem induxit. Не смотря на то, если не переводъ Іоанна Серрскаго, то Греческій текстъ Платоновыхъ сочиненій, установленный Стефаномъ, долго перепечатываемъ былъ почти безъ поправокъ и критики.

(*) de clar. interpr. p. 289.

(**) Histor. Philos. T. I. p. 569.

Даже и нынѣ ссылки на Платона дѣлаются обыкновенно по изданію Стефана. На это же изданіе указываютъ маргинальные знаки и въ моемъ переводѣ.

1590 *Лейденское*, или, по имени книгопродавца, *Лемарское* и

1602 *Вехеліанское*, подѣ заглавіемъ: *Platonis opera omnia, quae extant, Marsilio Ficino interprete. Graecus contentus quam diligentissime cum emendationibus exemplaribus collatus est etc. Francofurti.*

1781—7 *Бипонтійское*, подѣ заглавіемъ: *Platonis philosophi, quae extant, graece, ad editionem Henrici Stephani accurate expressa, cum Marsilii Ficini interpretatione, въ XI томахъ въ 8 долю. Къ сему изданію присоединены различныя чтенія и содержанія Платоновыхъ разговоровъ, изложенныя Тидеманомъ.*

1813 слл. *Таухницеево* — почти копія съ предъидущаго, въ VIII томахъ въ 8 долю. Первые три тома его, въ отношеніи къ Греческому тексту, пересмотрѣны Беккомъ и провѣрены трудами критиковъ и фило-

логовъ; а послѣдніе перепечатаны безъ всякой перемѣны.

1816—18. *Беккерова*, въ VIII томахъ въ 8 долю, съ критическими замѣчаніями. Греческій текстъ его неправиленъ чрезъ снесеніе всѣхъ лучшихъ кодексовъ Платона; а Латинскій—Фициновъ, напечатанъ съ древнихъ списковъ безъ всякой перемѣны, что бы могъ имѣть достоинство критическое. Къ сему изданію присоединены, кромѣ множества различныхъ чтеній, Рункеніевы схолиі.

1819—27. *Астово* въ IX томахъ въ 8 долю. Въ немъ Греческій текстъ изложенъ преимущественно по Альду, а Латинскій есть переводъ самаго Аста и отличается чрезвычайною точностію и близостію къ подлиннику. Впрочемъ, заботливость о переводѣ буквальномъ перѣдко заставляла переводчика упускать изъ вида естественность и ясность Латинскаго выраженія. Астъ обѣщался присоединить къ своему изданію подробные комментаріи; но доселѣ напечаталъ только одинъ томъ оныхъ,

закрывающій въ себѣ филологическій разборъ Протагора и Федра.

1821—26. *Вейгелиево*, въ XII томахъ и 8 долю, есть не что иное, какъ изданіе Беккерова, пересмотрѣнное Штальбомомъ, по замѣчаніямъ Баста, де-Фурія, Рудольфа и другихъ.

1833 слл. *Штальбомово*, начатое и продолжающееся, но еще не конченное. Оно издается на одномъ Греческомъ языкѣ съ Латинскими введеніями въ каждый разговоръ, съ обширными филологическими примѣчаніями, съ приложеніемъ различныхъ чтеній, указателей и проч. Это изданіе, и по вѣрности текста, и по основательности критики, и по богатству заключающихся въ немъ вспомогательныхъ способовъ для надлежащаго разумѣнія Платоновыхъ сочиненій, безспорно есть лучшее изъ всѣхъ, какія доселѣ выходили въ полномъ объемѣ.

Теперь слѣдовало бы обозрѣть разговоры Платона на языкахъ живыхъ; но литература новыхъ языковъ почти не

представляетъ намъ нашего философа въ цѣломъ умственномъ его существѣ, въ полномъ составѣ его твореній: онъ разобранъ по частямъ, раскиданъ по-членно на пространства всего Европейскаго ученаго міра. Намъ доселѣ извѣстны только три изданія Платона, покрайней мѣрѣ не много недоведенныя до конца: первое въ 5 томахъ на языкѣ Нѣмецкомъ—*Шлейермахерово*, заключающее въ себѣ 30 разговоровъ; второе — въ 11 томахъ на Французскомъ — *Кузенево*, состоящее изъ 29 разговоровъ (*); третіе въ 3 томахъ на Славянонорусскомъ — *Пахомова*, содержащее 25 разговоровъ (**). Если возьмемъ въ расчетъ

(*) Объявили, что Кузень издалъ 12 и 13 томы: но въ Россіи ихъ еще нѣтъ, и потому я не могу сказать, все ли въ нихъ содержится, чего недостаетъ въ прежнихъ.

(**) Къ этимъ тремъ изданіямъ, кажется, надлежало бы присоединить еще Клейкерова: *Platons Werke, aus dem griechische übersetzt in 6 Bände, 1778—97.* Но я никогда не видалъ его, и потому не могу судить ни о достоинствѣ, ни о полнотѣ его.

время выхода въ свѣтъ каждого изъ нихъ, и средства, примѣнительно ко времени, бывшія въ рукахъ всѣхъ трехъ переводчиковъ; то безъ всякаго пристрастія отдадимъ преимущество нашему отечественному изданію. Пахомовъ съ своими помощниками переводилъ Платоновы сочиненія еще въ осьмомъ десяткѣ прошедшаго столѣтія, когда въ библіотекахъ и западной Европы не находилось въ этомъ родѣ ничего лучше Стефанова подлинника, Корнаріевыхъ эклогъ и Фицинова перевода; а о другихъ побочных пособіяхъ, столь богатыхъ, каковы нынѣ, и особенно для всѣхъ 25 разговоровъ, нашему эллинисту и думать было невозможно. Не смотря на то, его переводъ, сравнительно, вѣрнѣе Кузенева и заключаетъ въ себѣ почти только два недостатка: одинъ тотъ, что Пахомовъ неправильно понималъ тонъ Платонова діалога и выражался слишкомъ педантски, безъ нужды облекая мысль философа въ Славянскія формы; другой тотъ, что онъ яснѣе видѣлъ

и выдерживалъ значеніе словъ, нежели мысли. Правда, по мѣстамъ у него встрѣчаются пропуски, или прибавки: но съ тогдашнимъ Русскимъ языкомъ можно ли было сдѣлать что-нибудь удачнѣе? Лучшій, не только изъ всѣхъ трехъ разсматриваемыхъ переводовъ, но едва ли не единственно хорошій, есть переводъ Шлейермахеровъ. Шлейермахеръ строго выдерживаетъ мысль философа, не пренебрегаетъ и малѣйшими ея оттѣнками, старается уловить въ формы Пѣмецкаго языка самую фразу подлинника и, при всемъ томъ, рѣдко бываетъ тяжелъ и теменъ. Что же касается до его критическихъ и филологическихъ замѣчаній, то, не вездѣ можно согласиться съ ними.

Что бы обзоръ литературы Платоновыхъ сочиненій было полно; надлежало бы по возможности оцѣнить частныя ихъ изданія на древнихъ и новыхъ языкахъ, и пересмотрѣть пособія, служащія къ объясненію Платона: но подобныхъ изданій и пособій такъ много, что не только перечитать и обсудить, даже видѣть всѣ

нѣ невозможно. Посему я укажу только на тѣ, которыя, по общему сужденію ученыхъ, заслуживаютъ особенное вниманіе.

Adrastus peripateticus писалъ о Тимев.

Нѣсколько отрывковъ его сочиненія находится у Порѣпрія ad harmonica Ptolemæi L. I. c. 5. p. 270.

Aelianus platonicus. Его сочиненіе разсмотрено и во многомъ одобрено Порѣпріемъ.

Albinus. Его Hypotheses Platonicae et isagoge, περί τῶν Πλάτωνι ἀρεσκόντων, говорятъ, сохраняются въ Ватиканѣ.

Aug. Arnold, Platons Werke einzeln erklärt und in ihrem zusammenhange dargestellt. Erster Theil, 1836. Продолженія кажется еще не было. Въ первой части аналитически излагаются содержанія 18-ти разговоровъ и определяется цѣль каждаго изъ нихъ.

Ast, Platonis Symposium et Alcibiades I, съ примѣчаніями, 1809.

Ast, Platon's Phædrus und Gastmahl, 1807.

Въ этомъ изданіи особенно одобряются комментаріи.

— **Platonis Phædrus, 1810,** съ примѣчаніями. Но въ X томѣ полнаго Астова изданія Платона, примѣчанія на Федра и Протагора гораздо обширнѣе.

— **Platonis Respublica, 1814,** и потомъ въ другой разъ 1820, съ учеными примѣчаніями.

Fr. Bast, Kritischer Versuch über den Text des Platonischen Gastmahls, 1794.

Bickerodii, Schediasma in Platonis Timæum, 1683.

Biester, Platonis dialogi IV, Meno, Crito, Alcibiades uterque, cum virorum doctorum animadversionibus, 1780. Эту книгу въ послѣдствіи два раза (1811 и 1820) пересматривалъ и издавалъ *Бутманъ*. Бистеру много содѣйствовали своими замѣчаніями *Гедике, Шнейдеръ и Готлеберъ*.

Boeckh, Simonis Socratici, ut videtur, dialogi IV, de lege (Minos), de lucri cupiditate, de justo ac virtute. Additi sunt incerti auctoris dialogi, Eryxias et Axiochus, 1810, съ критическимъ введеніемъ.

—— über die Bildung der Weltseele im *Timaeus* des Platon. In Daubii et Creuzeri studiis, Vol. III. 1806. p. 1—90.

—— Specimen editionis Timaei, Platonis dialogi, 1807.

—— de Platonico systemate coelestium globorum et de vera indole astronomiae philolaicae, 1810.

Boissonade, Excerpta ex Procli scholiis in *Cratylum* Platonis, 1820.

Busteed, Platonis *Menexenus* et *Lysiae* oratio funebris, 1696, съ переводомъ и краткими примѣчаніями Филельфа.

Creuzer, Initia philosophiae ac theologiae ex Platonis fontibus ductae, sive Procli Diadochi et Olympiodori in Platonis *Alcibiadem* commentarii, 1820—25, въ 4 частяхъ, изъ которыхъ

въ первой содержатся комментаріи на Алкивиада, во второй — схолиі Олимпіодора, въ третьей — богословскія наставленія Прокла, въ четвертой опроверженія Прокловыхъ наставленій, сдѣланныя Николаемъ Метоненскимъ.

Engelhardt, Platonis Laches, Apologia Socratis, Euthyphro et Menexenus, 1826, съ примѣчаніями.

Ettwallus, Platonis Hipparchus et Alcibiades uterque, 1771.

Van Eys, Disputatio de Platone Mosaiante, 1715.

Findissen, Platonis Gorgias, 1796, съ подробнымъ указателемъ Греческихъ словъ и различныхъ чтеній; но издатель не показалъ знанія грамматическихъ тонкостей.

Fischer, Platonis Euthyphro, Apologia Socratis, Crito, Phaedo, græce, 1783. Это изданіе замѣчательно по хорошему спесенію различныхъ чтеній въ древнихъ кодексахъ.

Fischer, Platonis Philebus et Symposium, Graece, съ примѣчаніями, направленными преимущественно къ показанію различій древнихъ изданій.

—— **Platonis dialogi duo, Cratylus et Theaetetus, 1770.**

—— **programmata отъ 1791 до 1798, въ которыхъ рассмотрѣны первыя шесть отдѣленій Кратила, но въ этихъ рассмотрѣніяхъ иногда безъ нужды много говорливости.**

Forster, Platonis dialogi V (Amatores, Euthyphro, Apologia, Crito, Phaedo), 1752. Особенно одобряется переводъ сего изданія.

Foxii Morzilli Hispalensis, Commentarius in X Platonis libros de republica, 1556. Изданіе болѣе обширно, чѣмъ учено.

—— **Morzilli, Commentarius in Platonis Timaeum, 1554.**

Gedike, Platonis Meno, Crito et Alcibiades uterque. Нѣмецкій переводъ съ хорошими и довольно подробными замѣ-

чаніями. Эта книга была издана два
раза, 1781 и 1822.

Götz, Platonis Parmenides mit philosophi-
schen Anmerkungen, 1825.

Gottleber, Platonis Menexenus et Periclis
Thucididis oratio funebris, 1782, съ
примѣчаніями, изъ которыхъ особен-
но хороши историческія.

Haenisch, Lysiae amatorius, 1827, graece.

Сочинитель изслѣдываетъ: Лизіасу
ли принадлежитъ извѣстная рѣчь въ
Платоновомъ Федръ, или самому
Платону, и защищаетъ первое мнѣ-
ніе.

Heindorf, Platonis dialogi tres, Phaedo,
Sophista, Protagoras, 1810. Этотъ
филологъ вообще отличается знані-
емъ грамматическихъ тонкостей, но
въ изъясненіи мыслей очень часто
невѣренъ.

——— Platonis libri IV, Gorgias, Apologia
Socratis, Charmides, Hippias major,
1805, съ краткими критическими
примѣчаніями на Апологію Сократа.

Heindorf, *Platonis dialogi duo, Gorgias et Theaetetus*, 1805, съ приложениемъ замѣчаній Бутмана. Изданіе отличное.

—— *Platonis dialogi IV, Lysis, Charmides, Hippias major, Phaedrus*, 1802 и въ другой разъ 1827, съ непрерывными примѣчаніями и поправками Бутмана по Беккеру.

—— *Platonis dialogi tres, Cratylus, Parmenides, Euthydemus*, 1806, съ примѣчаніями.

Van Heusde, *Specimen criticum in Platonem*, 1803. Эта книга заключаетъ въ себѣ прекрасныя критическія замѣчанія на многіе разговоры Платона.

Kirchmayer, *Exercitatio de Platonis Atlantide*, 1685, — сочиненіе полезное для проясненія нѣкоторыхъ мѣстъ Платонова Тимея.

Knebelius, *Platonis dialogi tres, Theages, Amatores, Io*, 1833, съ примѣчаніями и введеніями. Изданіе весьма хорошее.

Körpern, Platon's Alcibiades der zweite, 1786. Къ этому изданію приложены нѣсколько филологическихъ примѣчаній и содержанія разговоровъ.

—— Platon's Menexenus im Grundriss nebst Anmerkungen.

Kraft, de notione philosophiae in Platonis Erastis obvia, 1786. Это сочиненіе, кромѣ нѣкоторыхъ замѣчаній о значеніи справедливости и разсудительности въ смыслѣ Платона, заключаетъ въ себѣ краткій обзоръ содержанія.

Kuhnhardt, Platon's Phaedon mit besonderer Rücksicht auf die Unsterblichkeitlehre erläutert und beurtheilt, 1817.

Lange, Specimen criticum in Platonis Critonem, 1821.

Lichtenstädt, Platon's Lehren auf dem Gebiete der Naturforschung und der Heilkunde, 1826. Сочиненіе полезное при объясненіи Тимея.

Lindau, *Platonis Timaeus*, 1828, сѣврен-
ный съ лучшими изданіями и снаб-
женный непрерывными примѣча-
ніями.

—— *Epistola critica de locis quibusdam
Timaci*, 1803.

—— *Novum in Platonis Timaeum et Cri-
tiam conjecturarum atque emendatio-
num specimen*, 1816.

Vit. Lōrs, *Platonis Menexenus*, 1824;
переводъ съ Греческаго на Латин-
скій, съ примѣчаніями и мнѣніемъ
Аста, что Менексенъ написанъ не
Платономъ.

Massey, *Platonis de republica, sive de
justo libri X*, съ исправленнымъ
переводомъ и примѣчаніями, 1713,
въ 2 частяхъ. Критическія замѣчанія
не одобряются; хорошо только сис-
сеніе мнѣній древнихъ и новыхъ
философовъ съ мнѣніями Платона.

Meursius, *Platonis Timaeus a Chalcidio
latine versus, cum ejusdem in eundem
commentario*, 1617.

Morgenstern, Symbolae criticae in Platonis Critonem.

—— Commentationes tres de Platonis Republica, 1794.

—— Symbolae criticae in Platonis Politicam, 1815.

Müller, Platonis Io, sev dialogus de furore poëtarum, 1782, съ примѣчаніями.

Nitsch, Platonis Io, 1822, также съ примѣчаніями.

Car. Nürnberger, Platonis Alcibiades I et II, 1796.

Оболенскій, Платоновы разговоры о законахъ, 1827. Переводъ довольно близкій, вѣрный и легкій.

Pinzger, Specimen novi commentarii in Euthydemum, доведенъ до стр. 272 A. 1834.

Plutarchi, opuscula de animae creatione et de musica, идуть къ объясненію Тимея.

Procli commentarius in Timaeum, 1534, но не весь, а доведенъ только до стр. 44.

С. Слишкомъ обширенъ и утомителенъ; особенно много аллегорій.

Mich. Psellus, *εἰς τὴν Πλάτωνος ψυχολογίαν*,
v. Allatium de Psellis p. 87, et 91.

Regius, *Timée de Platon*, 1557.

Routh, *Platonis Euthydemus et Gorgias*,
1784, съ примѣчаніями, изъ которыхъ
особенно хороши историческія и кри-
тическія.

Schlosser, *Platon's Briefe*, mit einer histo-
rischen Einleitung und Anmerkungen.

Schmidt, *Parmenides*, als dialectisches
Kunstwerk, 1821.

Sturzmann, *de republica*, *Πλάτωνος πολιτεία*,
graece et latine, cum animadversionibus
criticis et argumentis atque commen-
tationibus de totius operis argumento,
ingenio, partibus, codicibus scriptis,
1817, и во второй разъ 1818.

Tiedemann, *dissertatio de doctrina Pla-
tonis de materia* in Vol. I. Biblioth.
Götting. Philolog. nov. Fasc. I. part. I.

Timaei, *lexicon vocum Platoniarum*, съ
примѣчаніями Рункенія, 1789.

Tirsch, *Specimen editionis symposii Pla-
tonis*, 1808.

Vernsdorf, notae in Platonis Critonem et Alcibiadem I. 1815.

Windischmann, Platon's Timaeus, 1804.

Winkelman, Platonis Euthydemus, 1833;
съ примѣчаніями, введеніями и схоліями. Къ сему изданію приложена книга Аристотеля de elenchis Sophistarum. Руководство превосходное.

Wittenbach, Platonis Phaedo, 1810, объясненный введеніемъ и примѣчаніями, — изданіе полное учености и познаній; но мало критики и не ровень переводъ.

Wolf, Platonis dialogorum delectus, pars I. Euthyphro, Apologia Socratis, Crito, 1812, съ Латинскимъ переводомъ.

— Platon's Gastmahl 1782, на Греческомъ, съ примѣчаніями. Книга, по тогдашнему времени, хороша.

— Zu Platon's Phaeton 1811. (*)

(*) Я не упоминаю о древнихъ рукописныхъ экземплярахъ сочиненій и объяснителей Платона. Число ихъ во всѣхъ Европейскихъ библіотекахъ превосходитъ выше трехъ сотъ. Подробный каталогъ ихъ сдѣланъ Фридрихомъ Фишеромъ. См. Platonis Euthyphro, Apologia Socratis, Crito, Phaedo, graece ex recens. Fr. Fischer. Lips. 1785.

Изъ этихъ изданій Платона и стороннихъ пособій для изъясненія его сочиненій, я имѣлъ подъ рукою немногія. Главными же руководителями моими были Стефанъ, Астъ, Шлейермахеръ и Штальбомъ: ихъ глубокимъ изслѣдованіямъ я обязанъ болѣе, чѣмъ собственнымъ своимъ усиліямъ.

Исследование истинной природы и значения
 нравственных законов, лежащих в основании
 человеческого общества, составляет предмет
 настоящего исследования. В нем мы рассмотрим
 те принципы, на которых основано
 человеческое общество, и те законы, которые
 управляют его развитием.

Вопрос о нравственности является одним из
 самых важных и сложных вопросов философии.
 Он касается не только отдельных людей, но
 и всего человеческого общества. Нравственность
 определяет то, что хорошо и что плохо, что
 справедливо и что несправедливо. Она является
 основой для всех законов и правил, которыми
 управляет общество. Без нравственности
 общество превратилось бы в хаос, в котором
 каждый человек боролся бы за свое выживание
 и свое благополучие, не считаясь с интересами
 других людей.

ЖИЗНЬ И СОЧИНЕНІЯ
ПЛАТОНА.

RECEIVED - JUNE 1903

AMERICAN

ЖИЗНЬ ПЛАТОНА.

Біографы Платона несогласны въ своихъ мнѣніяхъ о времени его рожденія : одни полагаютъ, что онъ родился во второмъ (1), другіе въ четвертомъ (2), году 87 олимпіады а иные въ первомъ (3). 88 Но всѣ согласны въ томъ, что онъ умеръ въ третьемъ году 108 ол. (348 до Р. Х.), и что прожилъ 81 годъ (4). Основываясь на сихъ двухъ несомнѣнныхъ показаніяхъ, и ими, какъ данными, опредѣляя неизвѣстное, мы заключаемъ, что Платонъ родился въ третьемъ году 87 ол. (429 до Р. Х.), и при томъ, по изслѣдованію Аста (5), 7 Таргеліона, соответствующаго нашему Маю. Мѣстомъ рожденія Платона Діогенъ Лаерцій (III, 3) почитаетъ островъ Эгину и подтверждаетъ свое показаніе тѣмъ, что въ третьемъ году 87 ол.

(1) По показанію Неанта у *Diog. L. III 3.*

(2) *Nunnesius ad vit. Arist. p. 33. 76 sqq. Dodwell. de cyclis dessert. X. § 80. p. 609.*

(3) *Diog. L. III. 2. Scalig. ad Euseb. chron. 1592 p. 100. Tenneman Syst. d. Plat. Philos. B. 1 p. 5.*

(4) *Diog. L. III. 2.; Cicer. de senect.; 5. Senec. Epist. 58 § 27.*

(5) *Ast Platons Leben und Schriften S. 14.*

Аеиняне, изгнавъ Эгинянъ, населили островъ новыми жителями, между которыми могъ быть и Аристонъ, отецъ Платона (1). Что же касается до происхожденія нашего философа; то древніе, можетъ быть принося дань удивленія генію своего вѣка, говорятъ объ этомъ много баснословнаго. Вѣрно только то, что Платонъ, по матери своей Периктіонъ, которая была дочь Главка и сестра Хармида, происходилъ отъ Солона, а по отцу, Аристону,—отъ знаменитаго Аеинскаго государя Кодра (2).

Воспитаніе Платону было дано соответственное высокому его происхожденію. Образованіемъ его занимались отличнѣйшіе наставники того времени: грамматикъ учился онъ у Діонисія, гимнастикъ у Аристона Аргивяни-

(1) *Corsini fast. attic.* T III. p. 250. sqq.

(2) Греки называли Платона божественнымъ — или потому что его предки, Солонъ и Кодръ, производили свой родъ отъ Нептуна, или потому, что его ученіе отличалось особенною высотой и почти всегда обращалось къ чувству религіозному. Впрочемъ древность не затруднялась въ приписаніи основанія для подобныхъ названій. Спевзиппъ, племянникъ Платона, выдумалъ басню, что дядя его родился не отъ Аристона, а отъ Аполлона, еще въ дѣвствѣ Периктіоны, и что дивный даръ слова, которымъ обладалъ Платонъ, былъ предзнаменованъ въ младенчествѣ его роємъ пчелъ, который, влетѣвъ къ нему въ уста, когда онъ спалъ, положилъ въ нихъ сотъ. *Anul. de dogm. Pl.* p. 249.

на (1), который (2) за прекрасную наружность, открытое чело и счастливое тѣлосложеніе своего ученика, далъ ему имя «Платона,» вмѣсто прежняго имени «Аристокла.» Въ Гимнастикѣ Платонъ оказалъ столь великіе успѣхи, что на Истмійскихъ и Пивійскихъ играхъ явился въ качествѣ публичнаго атлета. Музыку преподавали ему, Аѳинянинъ Драконъ, ученикъ славнаго Дамона (3) и Агригентинецъ Метеллъ (4). Платонъ занимался также живописью; но съ особенною ревностію упражнялся въ поэзіи и написалъ нѣсколько лирическихъ, трагическихъ и героическихъ сочиненій, которыя однакожъ въ послѣдствіи сжегъ (5) и сдѣлался врагомъ стихотворства (6). Древніе писатели говорятъ,

(1) *Diog. Laert.* III. 4.

(2) Tzetzes утверждаетъ, что имя Платона дано ему Сократомъ. *Chil.* 6. *hist.* 51. *chil.* II. *hist.* 390. Походъ къ сему названію понимаютъ различно: одни, — *πλάτυσμος* (широкотѣлый) *ἦν*. *Senec.* *epist.* 58; другіе, — *propter πλατὺν, copiosum atque apertum dicendi genus.* *Plin.* *Lib.* 1. *epist.* 10; а Тимонъ Силлогграфъ имя Платона производить отъ *πλάσσει* образовывать, — *ὡς ἐπέπλασε Πλάτων πεπλασμένα θαύματα εἰδώς.*

(3) *Olymp.* p. 77.

(4) *Plut.* de musica p. 1136.

(5) *Ἡφαίστης, πρόμολ' ἔβη, Πλάτων ὦν οὐλο χατίζε:* сказавъ Платонъ бросаю въ огонь свои стихотворенія.

(6) Извѣстно, что Платонъ изгналъ поэзію изъ своей республики.

что онъ даже служилъ въ войскѣ и находился въ сраженіяхъ при Танагрѣ, Коринѣ и Делосѣ (1). Но это показаніе вовсе несправедливо; потому что во время сраженія при Танагрѣ (88, 3 ол.) Платону не могло быть болѣе четырехъ лѣтъ, а въ битву Делосскую ему было около шести.

Прежде нежели Платонъ вступилъ въ число Сократовыхъ учениковъ, Кратилъ познакомилъ его съ философіею Гераклита: такъ говорятъ Аристотель и Апулей (2). Но по свидѣтельству Діогена Лаерція и Олимпіодора (3), Платонъ слушалъ Кратила уже послѣ смерти Сократа, и его именемъ называлъ одинъ изъ своихъ разговоровъ. Изъ сего разговора видно, что Кратилъ дѣйствительно былъ послѣдователемъ Гераклита; но Платонъ не обнаруживаетъ къ нему уваженія, какъ къ своему учителю, а смотритъ на него, только какъ на памятную книгу Гераклитовыхъ мнѣній. По этому свидѣтельству Аристотеля можно понимать такъ, что Платонъ еще въ юношествѣ изучилъ Гераклита посредствомъ дружескаго собесѣдованія съ Кратиломъ. Діогенъ Лаерцій (III 6), къ числу Платоновыхъ учителей относитъ также и Гермогена, послѣдователя Парменидова, зна-

(1) *Diog. Laert.* III. 8. *Aelian.* V. H. VII. 14.

(2) *Arist. metaph.* 16; *Apuleus* p. 2. et antea quidem, dicit, Heracliti secta fuerat imbutus.

(3) *Diog. L.* III. 6.

чить, ученика Элейской школы. Этотъ фактъ, по догадкѣ Теннемана (1), найденъ слѣдующимъ образомъ. Основываясь на словахъ Аристотеля, что Платонъ слушалъ философію Гераклита у Кратила, заключили, что учителемъ его былъ тотъ самый Кратиль, именемъ котораго онъ называлъ одинъ изъ своихъ разговоровъ; а какъ въ этой же бесѣдѣ разговариваетъ и Гермогенъ, послѣдователь Элейской школы; то, для сообразности, почли и его учителемъ Платона. Несомнѣнно въ этомъ отношеніи то, что Платонъ еще съ раннихъ лѣтъ занимался философіею Пивагора и Анаксагора: это видно изъ тѣхъ разговоровъ, которые написаны имъ при жизни Сократа. Но какъ онъ изучалъ Пивагора,—изъ сочиненій ли, напримѣръ Филолая, или устно, чрезъ Пивагоровыхъ послѣдователей,—опредѣлить трудно.

Имѣя около двадцати лѣтъ отъ роду (92, 3 ол.), Платонъ вступилъ въ число слушателей Сократа (2) и былъ ученикомъ его въ продолженіи десяти лѣтъ (3). Эліанъ, Діогенъ,

(1) *Tenneman Syst. d. Plat. Philos. B. I. p. 10.*

(2) Діогенъ Лаертій (III 5) рассказываетъ, что Сократъ, видѣлъ во снѣ, будто молодой лебедь оперившись на груди его, вдругъ распростеръ крылья, взлетѣлъ высоко и огласилъ воздухъ восхитительною пѣснію. Когда послѣ того Аристонъ привелъ къ нему Платона; то старецъ — философъ вскричалъ: «Вотъ мой лебедь!»

(3) Сократъ умеръ въ 95, 1 ол.

Апулей и другіе, описывая сей періодъ Платоновой жизни, снова примѣшали много вымысловъ, такъ что сказаній ихъ, безъ строгой критики, нельзя принять за истинныя. Нѣсколько вѣроятныя свѣдѣнія, относящіяся къ этому времени, состоятъ въ томъ, что Платонъ приходилъ въ судъ, какъ защитникъ обвиняемаго Сократа, что судьи приказали ему сойти съ кафедры (1), что онъ, вмѣстѣ съ Критономъ, Критовуломъ и Аполлодоромъ, совѣтовалъ Сократу присудить себя къ денежному штрафу (въ 50 минъ) и вызывался внести оный (2).

По смерти Сократа, Платонъ, вмѣстѣ съ другими его учениками, переехалъ въ Мегару къ Эвклиду (3). Этотъ переездъ долженъ былъ случиться на 31, а не на 28 году его жизни, какъ утверждаетъ Діогенъ (III, 6). Потомъ онъ ѣздилъ въ Кириною къ математику Теодору, и въ Италію—къ Пифагорейцамъ. Древніе писатели о путешествіяхъ Платона рассказываютъ не одинаково. Одни (4) говорятъ, что онъ прежде путешествовалъ въ Египетъ, а потомъ въ Италію; другіе (5) напротивъ, что прежде въ Ита-

(1) *Diog. Laert.* II. 41. *Menag.* p. 94.

(2) Такъ говорится въ апологіи Сократа, приписываемой Платону.

(3) *Diog. Laert.* II. 106.

(4) *Cicer. de finib.* V. 29. *Val. Max.* VIII. 7. 3.

(5) *Quintil. inst. orat.* 1. 12. § 15. *Apulei* p. 2.

лію, а потомъ въ Египетъ. По словамъ Діогена Лаэртія (III 6), Платонъ сначала отправился въ Кириною къ Теодору, а послѣ въ Италію и Сицилію. Это сказаніе достовѣрно потому, что на обратномъ своемъ пути изъ Сиракузъ въ Аѳины, онъ былъ высаженъ и проданъ. При томъ Цицеронъ говоритъ: *Sed audisse te credo, tum vero Platonem, Socrate mortuo, in Aegyptum discendi causa, post in Italiam contendisse.* Также въ книгѣ *de finibus*: *nisi enim id faceret, cur Plato Aegyptum peragravit, ut a sacerdotibus barbaris numeros et coelestia acciperet? Cur post Tarentum ad Archytam? Cur ad reliquos Pythagoreos, Echecratem, Timaeum, Locros?* Изъ словъ нѣкоторыхъ писателей можно заключать, что Платонъ путешествовалъ и по Азіи. Такъ Цицеронъ говоритъ (1): *Ultimas terras lustrasse Pythagoram, Democritum, Platonem accepimus.* Но еще яснѣе Лактанцій (2): *Soleo mirari, quid cum Pythagoras et postea Plato amore indagandae veritatis accensi, ad Aegyptios et Magos et Persas usque penetrassent, ad Indeos tantum non accesserint.* По словамъ Климента Александрійскаго (3), Платонъ у Вавилонянъ изучалъ астрономію, у Ассиріянъ—ихъ мудрость, у Евреевъ—ихъ законы и религію; а по Олимпіодору, онъ посѣщалъ

(1) *Tuscul. quaest. iv. 19.*

(2) *Inst. IV. 2.*

(3) *Admonit. de gent. p. 46. A.*

и Финикию. О цѣли его путешествій древніе писатели говорятъ различно. По свидѣтельству Цицерона (1), онъ путешествовалъ въ Египетъ для того, чтобы у тамошнихъ жрецовъ учиться арифметикѣ и астрономіи, а по сказанію Квинтилиана (2), чтобы вступить въ таинства Египетской религіи. Впрочемъ, странно было бы представлять какую-нибудь опредѣленную цѣль его путешествій: люди мыслящіе, во все времена любили обогащаться познаніями различныхъ странъ свѣта; а въ древности для Грековъ какая страна могла быть привлекательнѣе Египта,—отечества Эллинскаго образованія, сокровищницы восточной мудрости? По словамъ Діогена Лаерція (III. 6), спутниками Платона были, Еврипидъ и Клидіецъ Евдоксъ (3). Но Еврипидъ умеръ въ 93, 2. о.л.; следовательно не могъ сопутствовать Платону. Во время Страбона, въ Иліополисѣ показывали еще мѣсто, гдѣ жили Платонъ и Евдоксъ (4). Діогенъ говоритъ, что они находились тамъ тринадцать лѣтъ (не три ли только?) и введены были въ таинства Египетскихъ жрецовъ. Плутархъ въ

(1) de finib. V. 29.

(2) Inst. orat. 1, 12. § 15. *Lucan.* Phars. X. 181. *Georg. Cedren.* synopsis. hist. T. 1. p. 94. B.

(3) Діогенъ Лаерцій VIII. 86. почитаетъ его ученикомъ Платона. *Cicer.* de divin. II. 42. *Plut.* advers. Col. p. 1126. D.

(4) Strab. XVII. § 29. p. 558.

спутники Платону даетъ еще Симміаса ученика Сократова (1).

Въ Киринеѣ у Θεодора Платонъ учился математикъ: такъ говоритъ Апулей (р. 2). Но математикъ Θεодоръ, котораго, еще прежде смерти Сократа, слушали многіе молодые Аѳиняне, изображается въ Платоновомъ Теэтетѣ просто, какъ эмпирическій геометръ и послѣдователь софиста Пинеагора. Въ этомъ разговорѣ Сократъ, какъ будто шутитъ надъ нимъ и вызываетъ его на діалектическую борьбу. Такое свидѣтельство Платона ни сколько не подтверждаетъ словъ Апулея.

Когда Платонъ, на возвратномъ пути изъ Египта, прибылъ въ Карію (2); то Делось, прислалъ къ нему депутацію съ просьбою извѣстить слова оракула, который приказывалъ усугубить алтарь на островѣ Делось. По прибытіи въ Аѳины, или можетъ быть прямо изъ Каріи, Платонъ предпринялъ другое путешествіе въ Тарентъ къ извѣстнѣйшимъ въ то время Пинеагорейцамъ,—однакожь не для того, чтобы поступить въ ихъ школу, какъ думали древніе, но вѣроятно для возобновленія съ ними прежнихъ дружескихъ связей (3). Что онъ не былъ ученикомъ Архита и другихъ Пинеа-

(1) de daemone Socratis p. 578.

(2) Такъ повѣствуетъ Плутархъ de daem. Socr. p. 579. В.

(3) См. Phaedon p. 61. D. E. Wittenb. p. 150.

горейцевъ, это ясно даже изъ его упрековъ (1) Эвдоксу и Архиту, которые прилагая механику къ стратегіи, по его мнѣнію, унижали геометрію, потому что отъ предметовъ умственныхъ переводили ее къ матеріальнымъ.

Изъ Тарента и Великой Греціи Платонъ отправился въ Сицилію—по мнѣнію однихъ (2) для того, чтобы видѣть изверженіе Этны, по словамъ сочинителя седьмага письма, для того, чтобы собрать опыты, относящіеся къ законодательству и политикѣ; нѣкоторые же (3) говорятъ, что Діонъ, благородный юноша (4), побуждаемый громкою славою Платона, упросилъ своего государя и родственника пригласить его въ Сиракузы. Платоновы наставленія, продолжаютъ они, сдѣлали на Діона столь сильное впечатлѣніе, что, возненавидѣвъ развратную жизнь изнѣженныхъ Сиракузянъ, онъ вознамѣрился со временемъ освободить своихъ согражданъ отъ ига деспотической власти и осчастливить ихъ постановленіемъ новыхъ, мудрыхъ законовъ. Но Діонисію бесѣды Платоновы небыли такъ пріятны, какъ Діону; напро-

(1) *Plut. vitae parallellae illustr. imperat. v. Marcellus.*

(2) *Diod. Syc. XV. 7. Athenag. xi. 507. Apulei p. 5. Diog. Laert. III. 18. Olympiod. p. 79.*

(3) *Corn. Nepot. X. 2.*

(4) *Epist. VII. 524. A. 527. A. 556. A. Cicer. de it. III. 54. Plut. Dion.*

тивъ, онъ возбудили въ немъ мысль посвятить даже на жизнь Аѳинскаго мудреца; и только покровительство Аристомена и Діона могло спасти его отъ смерти. Впрочемъ Діонисій успѣлъ уговорить Спартанскаго посланника Полиса взять Платона на свой корабль и продать его на островъ Эгинъ, который въ то время велъ войну съ Аѳинянами. Такимъ образомъ Платонъ былъ проданъ; но Киринеинъ Аннихерисъ (1), выкупивъ его за 20 или за 30 минъ, препроводилъ въ Аѳины.

Возвратившись въ отечество, Платонъ открылъ философскую каѳедру въ Академіи (2), находящейся въ предмѣстіи Аѳинъ, гдѣ былъ и собственный его садъ (3). О методѣ его ученія и правилахъ школы дошло до насъ мало достовѣрныхъ свѣдѣній. Олимпіодоръ говоритъ, что почитая математику наукою, необходимою для философа, Платонъ надъ дверьми своей аудиторіи сдѣлалъ слѣдующую надпись: *ἀδεις ἀγεωμετρῆτος εἰσέλθω* (4). Уроки его, также какъ и

(1) *Diog. Laert.* III. 20. *Plut.* 960. A.

(2) *Diog. Laert.* III. 9. τὸ δ' ἐστὶ γυμνάσιον προδεδωκὸν ἀλοῦδες, ἀπὸ τίνος ἡρώος ὀνομασθῆναι Ἐκαδήμιον

(3) По словамъ Діогена Лаерція (III. 20) Платонъ возвратилъ Аннихерису деньги, заплаченные имъ за его свободу; но Аннихерисъ купилъ на нихъ усадьбу, или загородную мызу близъ Академіи, и подарилъ ее Платону.

(4) Безъ знанія геометріи, никто не входи.

Пифагоровы, говорятъ, раздѣлялись на эсotericскіе и экзotericскіе: но достовѣрно ли это мнѣніе, — увидимъ ниже. Ученіе Платона было столь увлекательно, что его слушали соотечественники и иностранцы, юноши и старики, полководцы и политики. Изъ безчисленнаго множества Платоновыхъ слушателей, исторія сохранила знаменитыя имена Тимофея, Фокіона, Иперіда, Димосеена и другихъ.

Черезъ 20 лѣтъ отъ основанія Академіи (103. 1. ол.), Діонисій Старшій умеръ, и на престолъ Сициліи вступилъ сынъ его Діонисій Младшій. Говорятъ, что Діонъ, не теряя изъ виду политическаго своего плана, просилъ юнаго государя пригласить къ себѣ Платона и вмѣстѣ съ тѣмъ писалъ къ самому философу, чтобы онъ не отказывался отъ приглашенія (1). Діонисій дѣйствительно сдѣлалъ по желанію своего родственника; — и Платонъ, сдавъ на время академическую кафедру Гераклиту Понтійскому, отправился съ Спевзинпомъ въ Сиракузы. Государь принялъ его очень милостиво, даже съ отличною честью (2): однакожь надежда Діона не исполнилась; потому что въ его дѣло вмѣшалась другая политическая партія, управлявшаяся историкомъ Филистомъ. Она навела

(1) Epist. VII. 329. С.

(2) Suidas Heracl. Epist. II. 73. Aelian. IV. H.v. 18. Plin. H. N VII. 50. Menz in Aristippi vita (Hal. M. 1719) p. 25.

на Діона подозрѣніе въ томъ, что онъ, подъ предлогомъ попеченія о образованіи Діонисія, скрывалъ намѣреніе овладѣть его престоломъ. По этому Діонъ былъ изгнанъ изъ Сициліи, а Платонъ съ трудомъ получилъ позволеніе возвратиться въ Грецію. Впрочемъ, не смотря на столь враждебныя чувствованія къ Платону, Діонисій вскорѣ снова и не однократно звалъ его въ Сиракузы, прислалъ за нимъ корабль и обещался исполнить всѣ его желанія касательно Діона. Въ то же время Діонъ, Архитъ и другіе Пиеагорейцы извѣщали его, что Діонисій совершенно посвятилъ себя философіи и настоятельно просили не отвергать его приглашенія. Убѣжденный сими просьбами, Платонъ, въ четвертомъ году 104 олімпіады, предпринялъ третіе путешествіе въ Сицилію (1); но, по прїѣздѣ туда, скоро замѣтилъ, что друзья представляли ему надежды несбыточныя. Разсмотрѣвъ дѣлю вблизи, онъ нашелъ въ Діонисіѣ, вмѣсто искренняго расположенія къ философіи, одно тщеславіе. По этому началъ опять приготавливаться къ отъѣзду; а Діонисій старался удержать его. Между тѣмъ, въ отношеніи къ Діону, приняты были мѣры еще строжайшія. Діонисій, будучи по праву родственника опекуномъ сына Діонова,

(1) *Corsini de die. nat.* p. 107. 113. *Bartelemy voyage du jeune Anach.* примѣч. къ глав. xxxiii. Т. IV. p. 278. sqq. Платонъ былъ тогда 69 лѣтъ отъ роду. *Epist. VII.* 338 С. ἀποκρινάμενος, διὰ γέροντος ἔτην.

объявилъ за послѣднимъ половину имущества, принадлежавшаго отцу, и продалъ все недвижимое его имѣніе. Въ то же самое время подвергся великой опасности и Платонъ, принявъ къ себѣ Гераклида, друга Діонова, котораго обвиняли въ возмущеніи Діонисіева войска; а разговоръ Платона съ Θεодотомъ, другимъ другомъ Діоновымъ, еще болѣе раздражилъ Діонисія; такъ, что Аѳинскій философъ отданъ былъ подъ стражу и со дня на день ожидалъ смерти. Узнавъ о столь бѣдственномъ положеніи своего друга, Архитъ, подъ видомъ посольства, отправилъ къ Діонисію Ламиска, который наконецъ упросилъ его отпустить Платона и выдать ему путевыя деньги. На возвратномъ пути Платонъ узналъ, что Діонъ, во время Олимпійскихъ игръ, готовился къ войнѣ противъ Діонисія; а потому послѣдній отъѣздъ его изъ Сициліи былъ въ первомъ году 105 олимпіады.

Вотъ краткое обозрѣніе рассказовъ, дошедшихъ до насъ изъ древняго міра, о путешествіяхъ Платона въ Сицилію и объ обстоятельствахъ его тамъ пребыванія. Судя по историческому достоинству тѣхъ источниковъ, откуда онъ почерпнуты, ихъ нельзя почитать несомнѣнными. Усвояемая Платону письма, изъ которыхъ Плутархъ, Діогенъ Л. и другіе заимствовали изложенные нами факты, суть произведенія вѣроятно одного изъ учениковъ, или почитателей Платона; слѣдовательно, всѣ сказа-

нія о намѣреніяхъ нашего философа, о его пребываніи въ Сиракузахъ, о его отношеніяхъ къ Діону и Діонисію, совершенной достовѣрности не имѣють. Несомнѣннымъ здѣсь можно почитать только то, что Платонъ изъ Тарента прибылъ въ Сиракузы по приглашенію Діона, который находясь въ связяхъ съ Тарентскими Пинеагорейцами, узналъ чрезъ нихъ о славномъ мудрецѣ Аѳинскомъ; что по смерти Діонисія Старшаго, Діонъ пригласилъ его въ другой разъ, вѣроятно съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы Платонъ преподавъ юному государю истинно благія правила, отклонилъ его отъ привычекъ порочной жизни и своимъ вліяніемъ расположилъ его сердце къ дядѣ, который никогда не пользовался его любовію. Принявъ это за вѣрное, должно согласиться, что путешествуя въ Сицилію, Платонъ не имѣлъ ни философской, ни политической цѣли, не замышлялъ государя сдѣлать философомъ, а его государство республикою и осуществить свою политическую идею: одно только чувство дружбы къ Діону и надежда быть полезнымъ Діонисію, заставили его подвергаться опасностямъ пути и превратностямъ политической жизни. Справедливость сей мысли особенно подтверждается тѣмъ мѣстомъ въ четвертомъ разговорѣ Платона о законахъ, гдѣ онъ монархическое правленіе предпочитаетъ всѣмъ прочимъ, и для мудраго законодательства требуетъ государя

мудраго, юнаго, одареннаго хорошими способностями ума, образованнаго, мужественнаго и съ возвышенными чувствованіями. Это мѣсто всегда можетъ быть апологіею Платона и въ отношеніи къ Діонисію (1).

Хотя сочиненія и философія Платона гораздо болѣе знакомятъ насъ съ его характеромъ, нежели самыя свидѣтельства современниковъ; однакоже скажемъ нѣсколько словъ и о его характерѣ. Платонъ, говорятъ (2), небылъ такъ веселъ, откровененъ и обязателенъ, какъ Сократъ; но казался скрытнымъ и угрюмымъ, и, по тогдашней пословицѣ, совершенно изгналъ изъ Академіи бога веселости и смѣха. Но изгнаніе смѣха и веселости могло казаться

(1) Въ письмахъ, усвояемыхъ Платону и его друзьямъ, есть намеки, по которымъ можно думать, что онъ находился въ тѣсной связи съ сильными въ то время аристократами, разсѣявшимися по Сициліи, Италіи и Греціи, и что эта связь прикрывалась завѣсою тайны и образовала Пиеагорейскій союзъ. Но сомнительно, чтобы Платонъ былъ членомъ сего братства; потому, что онъ вообще не любилъ тайныхъ обществъ и мало цѣнилъ дружбу людей, соединенныхъ для какой бы то ни было сокровенной цѣли. См. Письмо VII р., 333. D. Платону не приписываютъ никакихъ политическихъ замысловъ, во время пребыванія его въ Сиракузахъ; но приписываютъ ихъ Спевзиппу. См. *Plutarch. Vit. Dion.*

(2) *Diog. L. III. 26. Aelian III. 35. см. Meiner's Geschichte des Ursprungs, Fortgangs und Verfalls der Wissenschaften. Th. II. B. VIII. Cap. 3.*

недостаткомъ только для людей легкомысленныхъ, и въ такомъ вѣкѣ, когда училъ Платонъ, то есть, когда Греки искали во всемъ больше развлеченія и блеска, нежели наставленій и пользы. Говорятъ также, что онъ питалъ тайную вражду къ прочимъ ученикамъ Сократа, или по крайней мѣрѣ презиралъ ихъ (1). Это конечно могло быть: онъ не имѣлъ хорошаго понятія о философіи Антисѣена, Аристиппа и Эвклида. Слава Академіи, всеобщее удивленіе, приносимое въ жертву ея основателю, внутреннее сознаніе преимущества предъ современными мыслителями,—все это легко могло расположить Платона къ нѣкоторому самомнѣнію и гордости. Но если, по пословицѣ, и Гомеръ иногда дремалъ; то почемужъ не дремать Платону! За то, по свидѣтельству Плутарха (2), онъ самъ себя строже наказывалъ за гордость, нежели враги его. Къ числу враговъ и завистниковъ Платона, Діогенъ Л. (III. 34. 35) относитъ преимущественно Ксенофонта, который, какъ бы состязаясь съ Платономъ, старался писать въ томъ же родѣ и о тѣхъ же предметахъ, о которыхъ писалъ онъ. Поводомъ къ этой, неизвѣстной у насъ прагматической полемикѣ, говорятъ, послужилъ невыгодный отзывъ Платона о Ксенофонтowej киропедіи,

(1) Diog. L. III. 34, 35.

(2) Plutarch. VIII. 178.

выраженный въ его республикѣ (1). Наконецъ упрекають Платона и въ томъ, что онъ вносилъ въ свои творенія чужія мысли, даже чужія сочиненія (2), что всѣ его разговоры суть просто компиляціи (3), что его Тимей есть списокъ съ древней рукописи Тимея (4), что его республика не что иное, какъ переработка Протагоровыхъ антилогій (5), что онъ весьма много заимствовалъ у комика Эпихарма и для той же цѣли купилъ три книги Пифагоровы. Но если Платонъ и пользовался чужими мыслями, то пользовался какъ геній, который, собирая матеріалы, даетъ имъ собственную форму и творить новое, оригинальное, неподражаемое. Вотъ что говоритъ объ этомъ Thiersch (6): *Platoni vero illud non est opprobrio vertendum. Nam quod erat profundum ejus ingenium et infinita mentis*

(1) Книга: *περὶ παλαιᾶς Τρουφῆς*, приписываемая Аристиппу, и эпиграммы у Диог. Л., будто бы написанныя Платономъ, обвиняють нашего философа въ худой нравственности: но эти документы столь сомнительны, что ни сколько не могутъ служить основаніемъ для подобныхъ обвиненій. *Diog. L. III. 29. Athen. XIII. p. 589.* О враждѣ Платона съ Ксенофонтонъ чит. *Böckh. de Simultate, quam Plato cum Xenophonte exercuisse fertur.*

(2) *Diog. L. VI. 27.*

(3) *Athen. XI. p. 15.*

(4) *Timon. Aul. Gell. III. 17.*

(5) *Diog. L. III. 37.*

(6) *Diatrib. de Aristobulo 1806. p. 65.*

capacitas, omnia, quae ab aliis aut inventa aut disputata erant, intento studio recolebat secum atque fovebat, ut divino ipsius lumine illustrata miraque arte efformata novo tum splendore tum cultu in conspectum hominum emitterentur. Licet igitur vel centum Timones et Athenaei, magnorum ingeniorum humiles ipsi osores, loca nobis monstrarent, in quibus multiplicis eruditionis fontes ante stagnaverint, quam Platonis afflatu in limpidos liquores mutata profluerent, nihil tamen ejus laudi derogare possent. Quae enim Platonis studio retractantur, ea Platonis propria fiunt, cujusque tandem antea fuisse perhibeantur.

non bene est.

Платонъ умеръ, какъ сказано выше, въ первомъ году 108 ол. и при томъ въ мѣсяцъ Гекатомбеонъ (а не въ день своего рожденія, въ Таргеліонъ, какъ полагаетъ Сенека (1). Онъ прожилъ 81 годъ и, кажется, до послѣдней минуты своей жизни, то писалъ, то исправлялъ написанное (2). По смерти сего великаго мужа, на восковой доскѣ его нашли его республику со множествомъ перемарокъ и поправокъ (3). Аѳиняне воздвигли ему памятникъ съ надписью, не въ дальнемъ разстояніи отъ академіи, въ которой онъ былъ погребенъ: а Ми-

(1) Epist. L. VIII. § 27.

(2) Cicer. de Senect. 5.

(3) Dionys. Halicarn. de comp. verb. c. 25. Quint. inst. orat. VIII. 6. Muret. var. lect. XVIII. 8.

тридять, по свидѣтельству Фаворина (1), приказалъ Силаніану сдѣлать статую Платона и поставилъ ее въ академіи.

(1) Diog. L. III. 25. На пьедесталѣ этой статуи была надпись: *Μητρίδαζης ὁ Ῥοδοβάτης Πέρονος Μάσαις εἰκόνα ἀγέθετο Πλάτωνος, ἣν Σιλανίων ἐποίησεν*

О СОЧИНЕНІЯХЪ ПЛАТОНА.

Общій, предварительный взглядъ на сочиненія Платона, по нашему предположенію, долженъ руководствовать читателя къ приобрѣтенію вѣрнаго о нихъ понятія и служить ему предуготовительнымъ средствомъ къ уразумѣнію ихъ духа и характера. Если какая книга имѣетъ нужду въ подобномъ введеніи; то безъ сомнѣнія сочиненія Платона, потому что ни древній, ни новый міръ, не представляють писателя, который бы имѣлъ большее право жаловаться на позднѣйшихъ ученыхъ, какъ Платонъ, котораго бы такъ немилосердно переиначивали и перетолковывали, какъ его. Сократъ, выслушавъ написаннаго Платономъ Лизиса, сказалъ (1): «Безсмертные боги! чего не выдумаетъ на меня этотъ молодой человѣкъ!» Но что сказалъ бы Платонъ, прочитавши всѣ изложенія своей философій, всѣхъ своихъ комментариевъ и историковъ, отъ Аристотеля и Плутарха до Теннемана и Риттера? Какъ часто и разнообразно они измѣняли его ученіе! Сколько приписывали ему и сколько отнимали у

(1) Diog. L. III. 35.

него произвольно! Самыя сочиненія Платона то увеличивались, то уменьшались въ своемъ объемѣ, смотря потому, сколько кому угодно было отдѣлить подложныхъ отъ подлинныхъ его разговоровъ. Платонъ, своимъ твореніямъ какъ будто завѣщаль даръ Протея,—скрывать въ однихъ и тѣхъ же формахъ всѣ идеи и обнаруживать ту или другую сообразно съ желаніемъ и духомъ читателя. Но между тѣмъ все это происходило отъ недостатка строгой и отчетливой критики и отъ того, что на нихъ смотрѣли большею частію, какъ на памятники просто литературы, а не философіи, которая въ семъ случаѣ была по крайней мѣрѣ дѣломъ второстепеннымъ. Риттеръ справедливо замѣтилъ (1), что великаго мыслителя рѣдко понимаютъ современники, что только время и потомство выясняютъ его идеи. Потомки окружаютъ его, какъ своего учителя; потому что всѣ грядущіе суть ученики протекшихъ.

Но чтобы составить вѣрное понятіе о сочиненіяхъ Платона, надлежало бы прежде обратить вниманіе на современное Платону состояніе Греціи, на главное направленіе тогдашней философіи, на духъ ученыхъ произведеній, принадлежавшихъ той эпохѣ, на степень ихъ распространенія, на нравственный характеръ соотечественниковъ нашего философа и

(1) *Gesch. der Phil. alter. Zeit. Th. 2. B. VIII. c. 6.*

пр. Все это безъ сомнѣнія было условіемъ, подъ которымъ сочиненія Платона должны были получить такія или другія свойства; слѣдовательно все это могло бы объяснить многое, что въ нихъ темно, подвергнуть сомнѣнію то, что теперь кажется несомнѣннымъ, и вообще привести къ такимъ результатамъ, которыхъ до сихъ поръ мы, можемъ быть, и не представляемъ. Но сіи изслѣдованія увлекли бы насъ далеко за предѣлы нашего плана и заставили бы повторять то, что изложено во всякой исторіи литературы, политики и философіи. Переводя сочиненія Платона, мы, гдѣ нужно, будемъ обращаться къ симъ пособіямъ и ими подтверждать, или отвергать мнѣнія о смыслѣ и значеніи частныхъ мѣстъ въ его разговорахъ: а теперь, для достиженія предположенной цѣли, считаемъ нужнымъ говорить о языкѣ, формѣ, методѣ (философствованіи), составѣ и порядкѣ Платоновыхъ сочиненій.

Мнѣнія древнихъ о языкѣ Платона весьма различны. Одни превозносятъ его съ энтузіазмомъ, какъ явленіе, небывалое ни въ какую эпоху Греческаго образованія; другіе напротивъ унижаютъ его достоинство до послѣдней крайности.

Остроумные современники Платона часто шутили надъ языкомъ его сочиненій. Діогенъ Лаерцій (1) сохранилъ нѣсколько такихъ шу-

(1) *Diog. L.* III. 21, 29.

токъ и приписываетъ ихъ преимущественно тогдашнимъ Аѳинскимъ комикамъ, Теопомпу, Тимопу, Алексису и другимъ. Впрочемъ все, что они говорили, направлено болѣе противъ мнимой странности и темноты нѣкоторыхъ Платоновыхъ мыслей, нежели противъ чистоты выраженій. Другіе, смотря на сочиненія Платона со стороны языка, почитали ихъ только памятникомъ софистическаго тщеславія и не находили въ нихъ ничего, кромѣ нарядности и суетнаго щегольства фразы, въ которой болѣе громкихъ словъ, нежели основательной мысли (1). Говорили, что плодovitость Платонова языка нерѣдко перерождается въ роскошь, несовмѣстную съ свойствомъ философскихъ изслѣдованій, что монологи Платоновыхъ разговоровъ, то несносно растянуты, то непостижимо темны, что въ сочиненіяхъ Платона много странныхъ оборотовъ, а въ языкѣ много solecизмовъ (2).

Читая сіи обвинительные пункты, невольно представляешь себѣ отзывы критики и о философской литературѣ нашего времени. Чего требуютъ отъ ней?—Общепонятности, легкости въ языкѣ, ясности въ мысляхъ, изящества въ

(1) *Meiners* Gesch. d. Wissensch. in Griechenl. und. Rom T. 2. B. VIII. cap. 5.

(2) *Dionys.* VI. 957—64. 972. 1032—34. 1038. 1043. Также Лонгинъ, *περί ὕψους* passim. У Діонисія собраны примѣры ошибокъ противъ языка изъ всѣхъ сочиненій Платона.

обработкѣ. Поверхностное сужденіе хотѣло бы подстроить ее подъ тонъ эфемерныхъ фельетоновъ, забывая, что языкъ философскій есть нарѣчіе кабинетное, необходимое для выраженія высокихъ идей ума, что оно никогда не можетъ быть перелито въ формы болѣе простыя и общеупотребительныя въ обыкновенныхъ сношеніяхъ людей въ свѣтѣ. Съ другой стороны, языкъ свѣта, легкая оболочка летучихъ мыслей, вовсе недостаточенъ для выраженія высокихъ идей философіи. Онъ, жительницы міра духовнаго, бываютъ только минутными гостями земли: озаривъ душу философа свѣтомъ, постигаемымъ только въ глубинѣ ума, онъ темнѣютъ при одномъ прикосновеніи къ нимъ обыкновенныхъ формъ человѣческой мысли, а еще темнѣе становятся, облекаясь въ человѣческое слово. Можно ли опредѣленно обрисовать предметъ, неуловимый вполнѣ ни какими формами не только языка, но и самаго мышленія? Есть слово для выраженія; но оно не выражаетъ предмета: оно идетъ за идеєю только издали и формуетъ одну тѣнь ея, одинъ слѣдъ, оставленный ею земному мыслителю. Вотъ основаніе, на которомъ зиждется и развивается наука, никогда неоканчивающая своего развитія! И вотъ вмѣстѣ причина, по которой философъ принужденъ выходить за предѣлы обыкновенныхъ формъ народнаго выраженія

и изъ общественнаго языка образовать частное, кабинетное нарѣчіе!

Съ симъ - то нарѣчіемъ восходилъ на свою кафедру и Платонъ. Его окружало общество людей образованныхъ, но съ образованіемъ тогдашняго вѣка, привыкшаго къ пріятнымъ и легкимъ впечатлѣніямъ изящнаго. Эти люди были не мудрецы, углублявшіеся въ истину, но питомцы софистовъ, требовавшіе игры въ словахъ, парадности и декламациі въ дѣйствіи: избалованные роскошью и нѣгою въ домашней жизни, они приносили тотъ же вкусъ и въ академію, и жаждали роскоши въ самой рѣчи. Удивительно ли, что Платонъ, съ своими новыми идеями, требовавшими натурально и новаго языка, не всегда удовлетворялъ ихъ ожиданіямъ? Глубокій взглядъ его на свойства ума, высprenнія понятія его о природѣ, славная теорія его идей, высокое ученіе его о законахъ и организмъ политическаго тѣла, созерцаніе Бога, изображеніе любви, красоты высочайшаго блага и проч., все это созрѣло и образовалось въ душѣ Платона прежде, нежели готовы были формы, слова и выраженія для воплощенія его идей. По сей причинѣ онъ долженъ былъ дополнять языкъ соотечественниковъ новыми терминами, устанавливать ихъ значеніе, объяснять ихъ слушателямъ, и для объясненія прибѣгать къ аллегоріямъ, вымышлять образы, принимать пареніе поэта. Этимъ легко объяс-

няется растянутасть нѣкоторыхъ его монологовъ, темнота нѣкоторыхъ мыслей и высокость тона, требовавшая соотвѣтственной нарядности языка. При томъ должно замѣтить, что Платонъ училъ и писалъ въ такое время, когда процвѣтали софистика и діалектика, что ему надлежало имѣть дѣло съ людьми, дѣйствительно искусными въ словѣ; слѣдовательно, надобно было и самому утончать свои понятія, обрабатывать языкъ, чтобы распутывать софизмы, которыхъ узелъ скрывался большею частію въ неопредѣленномъ значеніи словъ. Отсюда то, безъ сомнѣнія, происходитъ та заботливость, съ которою Платонъ при всякомъ случаѣ старается опредѣлять смыслъ въ рѣчахъ своихъ собесѣдниковъ и соединять съ извѣстными словами извѣстныя понятія, такъ чтобы въ нихъ не оставалось ничего двусмысленнаго и темнаго. Но стараясь объ этомъ, не всегда можно было избѣжать сухости и утомительности въ рѣчи.

Такимъ образомъ, находясь между двумя сильными и почти противоположными двигателями,—между высокими идеями ума, требовавшими новаго, философскаго языка, и между вкусомъ своего времени, желавшимъ пріобрѣтать мудрость подъ легкими и общенародными формами слова, Платонъ только силою своего генія могъ примирить и сочетать сіи крайности. Онъ создалъ изящный языкъ высшаго

стиля,—такой языкъ, который годился и для выраженія его идей и для увлеченія слушателей, былъ и новъ и ясенъ, и ученъ и роскошенъ, и точенъ и блистателенъ. Древніе называли его языкомъ боговъ, такъ какъ самаго Платона царемъ философовъ (1) и говорили, что самъ Юпитеръ, если бы онъ захотѣлъ объясняться словомъ человѣческимъ, употребилъ бы слово Платона (2). Другіе, не столь восторженные цѣнители Платонова языка, слышали въ немъ по крайней мѣрѣ гармонію музыки (3). Пока Платонъ, какъ свидѣтельствуемъ Діонисій (4), подражая своему учителю, говорилъ безъ натяжекъ и изысканности, простая рѣчь его была невыразимо пріятна и увлекательна: тогда она казалась чище и правильнѣе нарочито обработанной рѣчи другихъ, тогда она была ясна, какъ день, и не заключала въ себѣ ни одного лишняго слова. Но, говоря о языкѣ Платона, мы имѣемъ особенное право положиться въ семъ отношеніи на судъ Цицерона, какъ отличнаго между Римлянами Эллиниста, и зна-

(1) *Cic. de orat.* 1. II.

(2) *Dionys. de admirab. vi dicendi in Demosth.* VI. p. 1024.

(3) *De compr. verb.* VI. 101. *Diog. L.* III. 37, 38.

(4) *De admirab. vi dicendi in Dem.* VI. p. 965. et sq. de Platone ad Cn. Pomp. 758 et sq.

менитаго оратора. Онъ признается (1), что своею славою и успѣхами на кафедрѣ ораторской обязанъ, не наставленіямъ риторовъ, а изученію Платоновыхъ сочиненій, и думаетъ, что изъ того же источника почерпнулъ свое краснорѣчіе и Демосфенъ, бывшій, какъ сказано выше, усерднымъ слушателемъ Платона. Сдѣлаемъ еще одно замѣчаніе. Платонъ писалъ прозою; но его проза будучи выраженіемъ высокихъ идей, отпечатлѣна характеромъ поэзіи: Прозаическому языку Платона, кажется, недоставало только стихотворнаго такта, чтобы превратиться въ оды Пиндара, *ut mihi non hominis, sed quodam Delphico videatur oraculo instinctus* (*sermo ejus*) говорить Квинтиліанъ (2).

Платонъ изложилъ свое ученіе въ формѣ разговорной. Впрочемъ, разговорная форма сочиненій,—не его изобрѣтеніе. Аристотель (3) первымъ діалогистомъ почитаетъ Алексамена Тео-

(1) *Cicer. orat. V. 3. 4.* Fateor, me oratorem, si modo sim, aut etiam quicumque sim, non ex rhetorum officinis, sed ex academiae spatiis extitisse. Illa enim sunt curricula multiplicium uberiorumque sermonum, in quibus Platonis primum sunt impressa vestigia; sed et hujus, et aliorum philosophorum disputationibus, et exagitatus maxime orator est et adjutus. Omnis enim ubertas et quasi silva dicendi, ducta ab illis est. Quod idem de Demosthene existimari potest, cujus ex epistolis intelligi licet, quam frequens fuerit Platonis auditor.

(2) *Quint. X. i. p. m. 578.*

(3) *Arist. Athen. X. 378.*

скаго: но вѣроятно Эпихармъ (1) и Зенонъ Элейскій (2) употребляли ту же самую форму, еще прежде Алексамена. Покрайней мѣрѣ нельзя сомнѣваться, что философскій разговоръ подъ перомъ Платона получилъ неслыханную дотогѣ искусственность, всесторонность, и діалектическую гибкость. Владѣя имъ вполне, Платонъ нечувствительно измѣняетъ направленіе рѣчи, ловко изворачивается при столкновеніи противурѣчущихъ мыслей, постепенно приводитъ въ ясность самыя запутанныя понятія, искусно соединяетъ результаты отдаленные, кстати сводитъ мысли собесѣдниковъ, нечаянно дѣлаетъ такія заключенія, которыя поставляютъ оппонента въ крайнее затрудненіе. Однимъ словомъ: въ Платоновомъ разговорѣ приводятся въ дѣйствіе всѣ способы искусной стратегіи. Онъ, то принимаетъ выпрепный полетъ диэирамба, то переходитъ въ холодную и спокойную прозу, то сыплетъ колкости сатиры, то дѣлается шутливымъ, какъ комедія. Посредствомъ столь изворотливаго разговора, Платонъ разсматриваетъ каждый предметъ со всѣхъ сторонъ, представляетъ его во всѣ возможные отношенія и такимъ образомъ мало по малу разоблачаетъ внутреннія его свойства.

(1) *Diog. L. III. 14. sq.*

(2) *Diog. L. III. 47. sq. Arist. de sophist. elench. 10.*

Съ этою гибкостію разговора у Платона въ совершенной гармоніи ловкость и оригинальность эротематической методы. Слѣдуя ей со всею строгостію, Платонъ не обнаруживаетъ и тѣни догматизма. Истина у него независима, не принадлежитъ никому, не есть достояніе какого нибудь одного лица; но является сама собою, чрезъ сравніваніе и оцѣнку противоположныхъ взглядовъ. Правда, Сократъ—лице въ Платоновыхъ разговорахъ оцѣнивающее достоинство мнѣній, кажется жрецомъ истины: его сужденія носятъ печать высшаго вѣроятія и убѣдительности; но онъ выслушиваетъ, какъ ученикъ, изслѣдываетъ, какъ человекъ любопытный, а не рѣшаетъ какъ оракулъ, не проповѣдуетъ, какъ безотчетная мудрость, не выливаетъ истины въ умы собесѣдниковъ, какъ въ пустой сосудъ (1). Однимъ словомъ, Сократъ въ Платоновыхъ сочиненіяхъ точно таковъ, какимъ онъ былъ на площадяхъ и въ портикахъ Аѳинскихъ. Единственное различіе между Сократомъ, сыномъ Софрониска, и Сократомъ Платоновымъ есть то, что первый эротематическую методу направлялъ къ обнаженію злоупотребленій практической жизни и дѣятельности своихъ современниковъ, а послѣдній ту же самую методу примѣнилъ къ обличенію заблужденій современной философіи и къ основательнѣй-

(1) *Plat. Protag.* p. 314.

шему изслѣдованію истинъ метафизическихъ. Вообще Платоновъ разговоръ можно назвать литературною копіею тогдашнихъ ученыхъ Аѳинъ: въ Аѳины все стекалось и разсуждало; въ Платоновомъ разговорѣ всѣ разсужденія записывались и приводились въ порядокъ.

Впрочемъ, сдѣланныя нами замѣчанія относятся болѣе къ наружной сторонѣ Платоновой методы; и мы не рассмотрѣли бы и половины дѣла, еслибы упустили изъ вида внутренній ея характеръ. Упомянуть о немъ тѣмъ нужнѣе, что онъ можетъ служить надежнымъ указателемъ истиннаго смысла и цѣли частныхъ бесѣдъ Платона. Существенное, внутреннее свойство Платоновыхъ разговоровъ состоитъ въ томъ, что въ нихъ почти никогда не выводятся и ясно не высказываются послѣдніе результаты изслѣдованія, что они въ философскомъ отношеніи не имѣютъ ни опредѣленнаго начала, ни опредѣленнаго конца (1). Платонъ вводитъ Сократа въ бесѣду съ любителями философіи и истины. Какое нибудь маловажное обстоятельство изъ жизни домашней или общественной подастъ поводъ къ разговору, и разговоръ мало по малу принимаетъ направленіе философское. Сократъ прикрывается завѣсою совершеннаго невѣденія того дѣла, о которомъ

(1) *Cicer. acad. quaest. I. B. Tennem. Syst. d. Platon. Phil. B. I. 5. 139. sqq.*

идеть рѣчь: другіе напротивъ излагаютъ свои мнѣнія почти всегда съ самоувѣренностію и педантскимъ тщеславіемъ. Сократъ сомнѣвается, и, предлагая своимъ собесѣдникамъ вопросъ за вопросомъ, кажется не имѣть при этомъ никакой особенной цѣли, кромѣ безотчетнаго желанія узнать истину; въ самомъ же дѣлѣ, сообразуясь съ ихъ отвѣтами, онъ ведетъ ихъ къ какому-то результату, котораго они не предусматриваютъ. Наконецъ, изъ свойства ихъ отвѣтовъ, или изъ прежняго ихъ согласія на положенія Сократа, вытекаетъ заключеніе, ясно обнаруживающее ихъ заблужденія. Такимъ образомъ истина освобождается отъ всѣхъ чуждыхъ ей покрововъ, выводится изъ предѣловъ и формъ всѣхъ школъ, становится какъ бы существомъ безплотнымъ, и мгновенно, какъ существо безплотное, исчезаетъ. Сократъ разоблачилъ ее, приблизилъ къ ней умы собесѣдниковъ, далъ имъ почувствовать ея красоту, величіе и совершенство, но не показалъ ея лицомъ къ лицу, не назвалъ по имени, не выразилъ словомъ, и она осталась только предметомъ внутренняго, глубокаго ощущенія, тайною бесѣдовавшихъ душъ, а не науки, изложенной въ книгѣ. Если же иногда надлежало дать о ней какое нибудь опредѣленное понятіе, то Сократъ собиралъ отдѣльныя черты ея, какъ разсыянные обломки разбитаго зеркала, изъ тѣхъ мнѣній, которыя были уже опровергнуты,

и торжественно сознавался, что онъ никакъ не можетъ соединить ихъ въ одно цѣлое.

Теперь видна причина, почему философія Платона во все времена была понимаема различно и, не смотря ни на какое различіе понятій, постоянно увлекала умы: но невидно, гдѣ искать истинной Платоновой философіи. Она должна быть вся въ его сочиненіяхъ, а изъ сказаннаго выше слѣдуетъ, что ее, по крайней мѣрѣ вполнѣ, нѣтъ тамъ. Это явное противорѣчіе приводило критиковъ къ разнымъ догадкамъ и заключеніямъ. Спрашивали: существующія нынѣ сочиненія Платона не для того ли только написаны, чтобы ученики его по нимъ могли припоминать положительные идеи своего учителя? Не содержится ли въ нихъ одна экзотерическая его философія. Все ли его творенія дошли до насъ?

Прежде нежели будемъ отвѣчать на эти вопросы, мы должны изслѣдовать: какова была форма устныхъ уроковъ Платона, и направленіе его разговоровъ не указываетъ ли на какую нибудь определенную цѣль ихъ?

Въ Платоновомъ Федрѣ мы находимъ нѣсколько намековъ на то, что разговорная метода устнаго преподаванія имѣетъ преимущество предъ методою, въ собственномъ смыслѣ догматическою⁽¹⁾. Основываясь на этихъ замѣчаніяхъ, Шлей-

(1) Должно замѣтить, что въ этихъ мѣстахъ Платонъ говоритъ не исторически о своихъ устныхъ

ермахеръ доказываетъ, что известные нынѣ разговоры Платона, по самой своей формѣ, суть списки съ устныхъ его бесѣдъ. Въ подтвержденіе сего мнѣнія можно бы еще указать на отзывъ Платона объ Аристотелѣ, какъ объ умѣ академіи, въ отсутствіе котораго, по его словамъ, она была глуха (1). Но мы имѣемъ причины думать, что въ устномъ преподаваніи своего ученія Платонъ держался не исключительно разговорной формы. Въ Греціи въ его время господствовалъ софистическій способъ наставленія; а известно, что скептицизмъ софистовъ былъ самымъ строгимъ догматизмомъ. Они требовали отъ слушателей вѣры безусловной, которая, натурально, не давала мѣста возраженіямъ и не допускала разговорной формы ученія. Если Платонъ и не вполне увлекался этимъ духомъ вѣка; то долженъ былъ ограничиваться обстоятельствами своей школы. Она имѣла определенное мѣсто и состояла изъ множества слушателей: можно ли было удержать единство предмета и цѣли, и вести непрерывную нить разговора, когда въ изслѣдованіи участвовала цѣлая масса людей съ разными понятіями и частными взглядами? Впрочемъ мы не говоримъ, что бы Платонъ, при

урокахъ, а только показываетъ, что эротематическая метода при наставленіи лучше софистической.

(1) *Ammon. vit. Arist.*

устномъ преподаваніи своего ученія, вовсе не употреблялъ разговорной формы; а только утверждаемъ, что въ этомъ случаѣ эротематическая метода была не всегдашнею его методою и прилагалась изрѣдка, развѣ къ приближеннымъ ученикамъ его. Следовательно, разговоры Платона не могли быть настоящимъ спискомъ съ устныхъ бесѣдъ его. Это заключеніе найдетъ достаточныя основанія и въ рѣшеніи втораго вопроса.

Всматриваясь въ содержаніе и направленіе Платоновыхъ сочиненій, мы замѣчаемъ въ нихъ совмѣстное изложеніе идей, принадлежащихъ Платону, съ критикою прежнихъ и современныхъ умствованій. Въ древнемъ мірѣ философія излагаема была почти всегда прагматически: тогда еще не отдѣляли ея исторіи отъ ученія положительнаго; доказательство на это почти всѣ памятники древней философской литературы, а особенно сочиненія Аристотеля и Цицерона. Сего же способа при изложеніи своихъ идей, держался и Платонъ, и держался едва ли не строже всѣхъ современныхъ и послѣдующихъ мыслителей; хотя должно согласиться, что такое совмѣщеніе философской догматики съ ея исторіею, вообще въ Греціи, и въ частности у Платона, происходило только отъ неполноты развитія наукъ, а не являлось въ сознаніи, какъ достоинство методы. Такое стрем-

леніе древнихъ мыслителей къ прагматическому изложенію наукъ, позволяетъ намъ угадывать причину, по которой Платонъ избралъ для своихъ сочиненій діалектическую форму. Нѣтъ сомнѣнія, что для прагматизма она гораздо удобнѣе всякой другой. Непрерывная рѣчь, какъ бы ясна ни была, никогда не въ состояніи выразить всѣхъ оттѣнковъ мысли, показать всѣ ея изгибы и отношенія. Употребляя ее, писатель невольно слѣдуетъ одному извѣстному взгляду и обращаетъ мало вниманія на другіе отъ него отличные; по этому часто упускаетъ изъ вида мнѣнія, болѣе или менѣе противорѣчушія основнымъ своимъ идеямъ; а отсюда произтекаетъ то неполнота, то неудовлетворительность изслѣдованій. Напротивъ, разговоръ представляетъ возможность обозрѣть предметъ со всѣхъ сторонъ, прояснить всѣ соприкосновенныя къ нему мысли и ввести его въ кругъ всѣхъ знаній, относящихся къ извѣстной наукѣ. Впрочемъ, болѣе частное и болѣе замѣтное направленіе Платоновыхъ разговоровъ мы видимъ въ ихъ діалектической полемикѣ съ софистами. Это живое изображеніе ихъ характеровъ, тщеславія, тѣхъ мѣстъ и обстоятельствъ, въ которыхъ они преподавали свое ученіе, тѣхъ пріемовъ, которыми увлекали за собою юношей, всѣ эти частныя оттѣнки софистики, такъ вѣрно схваченныя Платономъ, ясно указываютъ на особенную цѣль его разговоровъ,

отличную отъ цѣли его философій. Платонъ воскресилъ въ нихъ Сократа со всею тонкостію его прони, и преслѣдуетъ современныхъ себѣ враговъ здраваго смысла столь же сильно, сколь сильно преслѣдовалъ ихъ его учитель. Думать, что всѣ тѣ софисты и риторы, всѣ тѣ декламаторы и поэты, которые разсуждаютъ въ его разговорахъ, дѣйствительно разсуждали и въ его академіи, значило бы вовсе неznать хронологическихъ и біографическихъ подробностей, относящихся къ этимъ лицамъ. Нисколько не сомнѣваясь въ историческомъ значеніи ихъ, мы равно не сомнѣваемся и въ томъ, что у Платона не ученіе приводится для лицъ, а лица для ученія. Впрочемъ, само собою разумѣется, что обличая заблужденія прежней и современной философій, Платонъ тѣмъ удобнѣе и яснѣе раскрывалъ въ своихъ сочиненіяхъ и собственныя идеи. Такимъ образомъ онъ достигалъ тройной цѣли, то есть, завѣщалъ исторіи оригинальную методу Сократа, направленную имъ противъ софистовъ, показавъ хорошую и худую сторону древнихъ философскихъ ученій и сдѣлавъ вразумительными для читателей собственныя свои умствованія.

Отсюда удовлетворительно рѣшается вопросъ точно ли онъ писалъ свои сочиненія только для напominанія ученикамъ о своихъ идеяхъ, раскрытыхъ устно? Ограничивать трудъ Платона, какъ писателя, одною этою цѣлію,

значило бы навязывать ему средства выше цѣли. Чтобы напомнить слушателямъ о содержаніи академическаго ученія, нужно ли было Платону входить въ такія подробности при изложеніи своихъ мыслей, съ такою тщательностію обрабатывать свой языкъ и давать своимъ сочиненіямъ столь искусственную форму? Для сего безъ сомнѣнія было бы достаточно и краткихъ замѣчаній. При томъ, предположивъ исключительно эту цѣль Платоновыхъ разговоровъ, мы нашли бы въ нихъ весьма много разсужденій, не имѣющихъ къ ней никакого отношенія. Къ чему, напримѣръ, служили бы тогда длинныя описанія домашней и общественной жизни нѣкоторыхъ лицъ и упоминаніе о множествѣ другихъ, вовсе не философскихъ предметов? И такъ, соглашаясь, что сочиненія Платона могли и должны были приводить на память слушателямъ идеи, преподанныя имъ устно, мы однакожь не считаемъ этой цѣли исключительною.

Еще менѣе достовѣрною кажется намъ мысль, что въ дошедшихъ до насъ сочиненіяхъ Платона заключается только экзотерическое его ученіе. Экзотерическую и эсотерическую философію древніе вообще различали, какъ такія ученія, которыя утверждаются на отдѣльныхъ началахъ и одно изъ другаго изъясняемы быть не могутъ: по этому онѣ могли имѣть

мѣсто только въ извѣстныхъ философскихъ актахъ, ограничивавшихся частными вѣрованіями, постановленіями и образомъ жизни; исторія не безъ основанія приписываетъ ихъ, напримѣръ, Пифагорейскому союзу. Но условія и обстоятельства Платоновой школы были во все не таковы, чтобы ея ученіе могло двонуться и противорѣчить самому себѣ: въ нее стекались слушатели свободно; она не подчиняла ихъ ни какимъ формамъ; учениками Платона были всѣ, имѣвшіе охоту его слушать и способность понимать; его идеи были предметомъ разсужденій и внѣ школы—въ частныхъ собраніяхъ людей образованныхъ; изъ числа его учениковъ мы незнаемъ ни одного, о которомъ бы преданіе говорило, какъ объ эсотерикѣ своего учителя; напротивъ видимъ, что и Аристотель—умъ академіи, говоря объ ученіи Платона, ссылается на извѣстныя намъ его сочиненія. Самыя же сочиненія Платона еще менѣе допускаютъ мысль о существованіи экзотерической и эсотерической философій въ его школѣ; потому что хотя Платонъ въ своихъ разговорахъ почти никогда не высказываетъ послѣднихъ результатовъ изслѣдованія, однакожь такъ приближаетъ къ нимъ читателя, что онъ легко можетъ замѣтить намѣреніе и цѣль его ученія. Слѣдовательно у Платона нѣтъ завет-

ныхъ идей, которыхъ основаніе не скрывалось бы въ его твореніяхъ (1).

Впрочемъ можно думать, что устно Платонъ раскрывалъ свое ученіе опредѣленнѣе, нежели письменно. Гдѣ менѣе собесѣдованія, а болѣе догматизма и непрерывности въ рѣчи, тамъ преподаватель идетъ быстрѣе къ цѣли и, не отвѣкаясь отъ своего предмета столкновеніемъ противорѣчущихъ мнѣній, свободнѣе схватываетъ ее. Вѣроятно также, что раскрывая устно какой нибудь предметъ, Платонъ иногда прививалъ къ нему и такія мысли, которыя не подпадаю подъ частную цѣль разговора, не вошли въ его сочиненія. Отсюда легко понять, что такое разумѣлъ Аристотель подъ именемъ неписаннаго ученія (*ἄγραφα δόγματα*) и неписанныхъ раздѣленій (*διαίρεσις*) Платона (2). Это были не эсotericескія его мнѣнія, не заветныя мысли его школы, но послѣдніе результаты тѣхъ самыхъ идей, которыя изложены въ его разговорахъ; это свѣтлыя истины, мгновенно обнаруживающіяся въ минуты одушевленія, и темнѣющія подъ мертвою формою понятій.

(1) Шлейермахеръ эсotericескимъ ученіемъ Платона почитаетъ. мысли, изложенныя въ его разговорахъ, а эсotericескимъ, — тѣ результаты, которые можно выводить изъ нихъ: но это значитъ давать новое значеніе словамъ: эсotericеская и эсotericеская философія.

(2) *Arist. Phys. IV. 2; de gener. et corr. II. 3.*

По сему - то Платонъ свои *δόγματα ἄγραφα*, говорятъ, преподавалъ *ἀκινυματοδῶς*, гадательно, и содержаніемъ ихъ было ученіе о высочайшемъ благѣ (1). Можетъ ли философъ, и не язычникъ, разсуждать о такомъ предметѣ не гадательно!

И такъ, мы смотримъ на сочиненія Платона, какъ на полный репертуаръ его философій и полагаемъ, что въ нихъ можно найти, или по крайней мѣрѣ, изъ нихъ вывести всю систему его ученія.

Но дошедши до сего результата, мы видимъ передъ собою другую крайность: таже древность, которая доказываетъ намъ неполноту сборника Платоновыхъ сочиненій, вмѣстѣ утверждаетъ, что между ими много разговоровъ, Платону непринадлежащихъ. Это заставляетъ насъ разсмотрѣть его сочиненія со стороны ихъ подлинности и, если не отдѣлить подлинныя отъ подложныхъ, потому что такое отдѣленіе вполнѣ невозможно, то по крайней мѣрѣ отличить несомнѣнные отъ сомнительныхъ.

Двухътысячелѣтній авторитетъ сборника Платоновыхъ сочиненій, кажется, можно бы смѣло положить на вѣсы съ стремленіемъ новѣйшей критики находить вездѣ подложное, и тѣмъ возможнѣе, что почти всѣ извѣстныя нынѣ разговоры, носящіе имя Платона, исчислены еще Тразилломъ и Аристофаномъ Грам-

(1) *Arist. de anima* 1. 2. *Simpl. phys.* 32. b. 104. b.

матикомъ (1). Но съ другой стороны, можетъ ли
статься, чтобы ученая посредственность древняго
міра не пользовалась авторитетомъ столь зна-
менитаго философа, когда она охотно украшала
свои сочиненія и именами умовъ второстепен-
ныхъ, и когда, при недостаткѣ философской
критики и средствъ къ быстрому распростра-
ненію твореній, дѣлать подобныя подлоги было
очень легко? При томъ мы находимъ, что и
древняя критика уже не давала мѣста между
твореніями Платона нѣкоторымъ небольшимъ,
присвоеннымъ ему, разговорамъ. Вотъ каталогъ
Платоновыхъ сочиненій, вошедшихъ въ составъ
Стефанова изданія:

1. Евтифронъ.	12. Кратилъ.
2. Апологія Сократа.	13. Горгіасъ.
3. Критонъ.	14. Іонъ.
4. Федонъ.	15. Филебъ.
5. Теагесъ.	16. Менонъ.
6. Соперники.	17. Алкивіадъ 1.
7. Тезетъ.	18. Алкивіадъ 2.
8. Софистъ.	19. Хармидъ.
9. Эвтидемъ.	20. Лахесъ.
10. Протагоръ.	21. Лизисъ.
11. Иппіасъ младшій.	22. Иппархъ.

(1) *Diog. L. III. 58—61.* Тразиллъ, послѣдователь Платона, жилъ во времена Августа и Тиверія. (См. *Menagii Comment. ad Diog. L. III. 1. p. 183*), а Аристотанъ грамматикъ, въ третьемъ вѣкѣ.

23. Менексенъ.	34. Федръ.
24. Политикъ.	35. Иппіасъ старшій.
25. Минось.	36. Письма.
26. Республика.	37. Аксіохъ.
27. О законахъ.	38. Праведникъ.
28. Эпиномисъ.	39. О добродѣтели.
29. Тимей.	40. Сизифъ.
30. О душъ міра.	41. Демодохъ.
31. Критіасъ.	42. Эриксіасъ.
32. Парменидъ.	43. Клитофонъ.
33. Пиръ.	44. Опредѣленія (1).

Но изъ числа сихъ разговоровъ, Эриксіасъ, Демодохъ, Сизифъ, Аксіохъ и нѣкоторые другіе, не вошли въ списокъ Тразимовъ. Діогенъ Лаерцій, безъ всякаго изслѣдованія, называетъ ихъ подложными, и подводитъ подъ одну категорию съ Мидономъ, Алкіономъ, Хелидономъ, Кимономъ, Эпименидомъ и другими разговорами, которыхъ вовсе нѣтъ въ нашемъ сборникѣ, но которые въ древности приписывались также Платону (2). Все это наводитъ сильное подозрѣніе на авторитетъ сборника Платоновыхъ сочиненій; такъ что для

(1) Почти всемъ этимъ разговорамъ критика давала вторичныя названія, которыми хотѣла она выразить ихъ содержаніе: но нѣкоторые изъ этихъ названій столь мало соответствуютъ существу дѣла, что только вводятъ читателей въ заблужденіе.

(2) *Athen.* XI. p. 506. *Diog. L.* III. 62.

удостоверенія въ подлинности каждаго изъ нихъ, мы необходимо должны обратиться къ свидѣтелямъ, ближайшимъ ко времени Платона, и у нихъ искать указаній на то, что извѣстный разговоръ точно принадлежитъ ему, а не другому писателю. Въ этомъ отношеніи лучшій свидѣтель конечно Аристотель, какъ философъ, критикъ и непосредственный ученикъ нашего героя. Правда, оцѣнивая извѣстныя мысли своего учителя, Аристотель не всегда упоминаетъ объ отдѣльныхъ разговорахъ, въ которыхъ онъ содержится; однакожъ въ его сочиненіяхъ много и опредѣленныхъ указаній. На этомъ основаніи, несомнѣнными подлинными твореніями Платона должны быть почитаемы разговоры: *Федръ*, *Протагоръ*, *Парменидъ*, *Тезетъ*, *Софистъ*, *Политикъ*, *Федонъ*, *Иппіасъ старшій*, *Менексенъ*, *Менонъ*, *Эвтидемъ*, *Филебъ*, *О Республикѣ*, а по связи съ послѣдними, также *Тимей* и *Критіасъ*. И вотъ первый разрядъ Платоновыхъ сочиненій!

Смотря на сіи разговоры, какъ на коренныя сочиненія Платона, какъ на типъ его мышленія и сообщенія мыслей, критика можетъ и между остальными вѣрно отличить подлинныя его произведенія отъ подложныхъ, или покрайней мѣрѣ, философскія отъ нефилософскихъ. Само собою разумѣется, что подлинность ихъ въ такомъ случаѣ будетъ только посредственная.

Характеръ литературно—философскаго произведенія обыкновенно слагается изъ трехъ свойствъ: изъ особенностей языка, изъ извѣстнаго свойства и направленія мыслей, и изъ частныхъ приемовъ писателя, или обыкновенной его методы. Сими же чертами характеризуются и главные разговоры Платона. Но достаточны ли такіе признаки къ отличенію чуждыхъ элементовъ въ сборникъ Платоновыхъ сочиненій? Что касается до языка, то всякій легко можетъ представить себѣ многихъ писателей, относящихся къ одной и тойже эпохѣ и обнаруживающихъ одинъ и тотъ же характеръ въ образѣ выраженія. Доказательства на это ежедневны: кто не видитъ, какъ иногда одинъ умъ, выступивъ за черту умовъ обыкновенныхъ, кладетъ печать своего слова на всю современную письменность? Слѣдовательно, языкъ, самъ по себѣ, еще не можетъ быть порукою за подлинность нѣкоторыхъ Платоновыхъ сочиненій. При томъ подмѣтитъ всѣ отѣнки рѣчи, свойственной одному Платону, могъ бы развѣ непосредственный ученикъ его или ближайшій послѣдователь; а для нынѣшнихъ филологовъ, въ греческомъ слововыраженіи едва ли не все, кромѣ общаго родоваго различія греческихъ нарѣчій, подошло подъ одинъ уровень элинскаго языка. Равнымъ образомъ и свойства идей въ подлинныхъ Платоновыхъ сочиненіяхъ не могутъ быть

прилагаемы съ несомнѣннымъ успѣхомъ къ показанію подлинности или подмога прочихъ. Этотъ признакъ былъ бы достаточенъ только тогда, когда бы другіе не могли раздѣлять съ Платономъ ни его мыслей, ни предметовъ его мышленія. Но древность представляетъ намъ цѣлое поколѣніе философовъ, которые съ энтузіазмомъ изучивали и передавали устно или письменно каждую мысль своего учителя: почему же не предположить, что нѣкоторые изъ нихъ, желая придать своимъ ученическимъ идеямъ болѣе достоинства, внесли ихъ въ составъ его сочиненій? Съ другой стороны нельзя не допустить, что Платонъ могъ писать многое и не для философскихъ цѣлей, что между его твореніями возможны и случайныя, которыя ни по намѣренію писателя, ни по содержанію, не могутъ назваться философскими. Но если философскую мысль мы возьмемъ въ соединеніи съ обыкновенною методою подлинныхъ Платоновыхъ разговоровъ; то сею чертою гораздо вѣрнѣе опредѣлимъ все, по крайней мѣрѣ, все философское, написанное именно Платономъ. Метода его разговоровъ столь сообразна съ ходомъ его мыслей и способомъ ихъ сообщенія, что вездѣ, и какъ бы необходимо слѣдуетъ за ними. Главныя ея свойства (1),

(1) Древніе полагали за несомнѣнное, что разговоры, не имѣющіе пролога, не принадлежать Платону: но эта черта несущественна.

какъ сказано выше, суть: стремленіе возбудить душу читателя къ развитію своихъ собственныхъ идей, частое измѣненіе точки зрѣнія на одинъ и тотъ же предметъ, и умолчаніе о послѣднихъ результатахъ изслѣдованія. Сообразно съ этими признаками, ко второму разряду Платоновыхъ сочиненій могутъ быть отнесены слѣдующіе разговоры: *Лахесъ*, *Лизисъ*, *Хармидъ*, *Горгіасъ*, *Кратилъ*, *Апология Сократа*, *Критонъ*, *Евтифронъ*, *Іонъ*, *Пиръ*, *Алкивиадъ 1*, *Иппіасъ меньшій*, *О законахъ*.

Что касается до остальныхъ сочиненій въ сборникъ Платона, то они частію по свидѣтельствамъ древности, частію по нефилософскому своему содержанію, частію по неловкой и вовсе не Платонической методъ изложенія, рѣшительно не могутъ быть приписаны Платону; хотя многія изъ нихъ, въ какомъ нибудь отношеніи, весьма важны и проливаютъ довольно свѣта на отдѣльныя истины въ подлинныхъ Платоновыхъ разговорахъ. Мы даемъ имъ третье мѣсто въ ряду сочиненій, посвящихъ имя нашего философа.

Впрочемъ, этою классификаціе Платоновыхъ сочиненій оцѣнивается только относительное ихъ достоинство и подлинность, а не показывается порядокъ, въ которомъ онѣ должны слѣдовать одно за другимъ. О порядкѣ ихъ древніе и новѣйшіе критики говорили

очень много и очень различно. Мы укажем на мнѣнія болѣе замѣчательныя.

Драматизмъ, усматриваемый въ большей части Платоновыхъ разговоровъ, подаль древнимъ мысль раздѣлить ихъ на тетралогіи, какъ дѣлили свои сочиненія Греческіе трагики (1). Діогенъ Лаерцій (III, 56) справедливо замѣчаетъ, что изложеніе философскихъ идей началъ было просто и натурально: это доказывается характеромъ сочиненій, написанныхъ Іонійцами и Пиеагорейцами. Но Сократъ къ этой естественной простотѣ юной философіи присоединилъ элементъ ионическій, какъ Эсхилъ ввелъ другое дѣйствующее лице въ трагедію, а Платонъ дополнилъ философское изложеніе еще діалектикою, какъ Софокль дополнилъ трагедію своихъ предшественниковъ третьимъ дѣйствителемъ. При томъ у Іонянъ философія явилась въ простомъ догматическомъ разсказѣ о природѣ и уподоблялась эпопеѣ; по томъ у Пиеагорейцевъ, отъ видимой природы переходя къ самосознанію, она приблизилась къ поэзіи лирической; наконецъ въ Платоновой академіи, соединивъ міръ субъективный и объективный въ одно цѣлое, она естественно должна была принять характеръ драмы. Такимъ образомъ драматизмъ вошелъ не только

(1) Древняя драма состояла изъ трехъ трагедій и одной сатиры. См. Вазз. истор. лит. Т. 1. § 22.

въ форму, но и въ самый духъ Платоновыхъ разговоровъ, такъ что ихъ не несправедливо можно назвать философскими драмами (1). Впрочемъ, это сравненіе мы простерли бы слишкомъ далеко, если бы захотѣли допустить съ Тразилломъ (2) и Деркалидомъ (3), что самъ Платонъ располагалъ всѣ свои разговоры по тетралогіямъ. Въ подтвержденіе Тразиллова мнѣнія могло бы служить свидѣтельство Теренція Варрона о Федонѣ (4): *Plato in quarto de fluminibus apud inferos, quae sint, in heis unum Tartarum appellat: quare Tartari origo graeca*. Но Клитофона, который сводится въ одну тетралогію съ Республикою, Тимеемъ и Критіасомъ, нѣтъ основанія почитать сочиненіемъ несомнѣнно подлиннымъ.

(1) *Wyttenb. epist. ad Heusd. p. XLIV.*

(2) Тразиллъ жилъ около временъ Августа и Тиберія. *Menag. ad Diog. L. III. 1. p. 133.* Тетралогіи его слѣдующія:

- 1) Эвтифронъ, Апологія Сократа, Критонъ, Федонъ
- 2) Кратиль, Тезетъ, Софистъ, Политикъ,
- 3) Парменидъ, Филебъ, Пиръ, Федръ,
- 4) Алкивиадъ 1, Алкивиадъ 2, Иппархъ, Соперники,
- 5) Теагесъ, Хармидъ, Лахесъ, Лизисъ,
- 6) Эвтидемъ, Протагоръ, Горгіасъ, Менонъ,
- 7) Иппіасъ старшій, Иппіасъ меньшій, Ионъ, Менексентъ,
- 8) Клитофонъ, Республика, Тимей, Критіасъ,
- 9) Минносъ, О законахъ, Послѣзаконіе, Письма.

(3) *Albin. isagog. § 6. p. 129. Fisch.*

(4) Въ шестой книгѣ *de lingua latina. p. 88. T. 1. Bip.*

Такое же сгъшеніе подлинныхъ Платоновыхъ разговоровъ съ подложными или по крайней мѣрѣ сомнительными, допущено и въ нѣкоторыхъ другихъ тетралогіяхъ Тразилла. Отсюда можно заключить вообще, что если Платонъ дѣйствительно располагалъ свои разговоры по тетралогіямъ; то истинный тетралогическій порядокъ ихъ перепутанъ разговорами подложными. Еще неудачнѣе опытъ Аристофана Грамматика, который раздѣлилъ сочиненія Платона по трилогіямъ (1); потому что его дѣленіе не только произвольно въ отношеніи къ содержанію разговоровъ, но и несообразно съ хронологическимъ послѣдованіемъ ихъ. И такъ, нельзя ли расположить Платоновы сочиненія хронологически?

Преданіе древности и внимательное слѣдованіе за ходомъ отдельныхъ сочиненій Платона безъ сомнѣнія могли бы помочь намъ въ этомъ случаѣ. Такъ напримѣръ, по свидѣтельству Эвѣоріона и Панеція, первымъ произведеніемъ Платона былъ Федръ: *λόγου δὲ πρῶτον ὑράσσει αὐτῷ τῷ Φαίδρῳ* (2), что подтверждается и поэтическимъ или диѳирамвическимъ тономъ сего разговора. Равнымъ образомъ, печать юношеской живости Платона видна и въ его

(1) Это дѣленіе у *Diog. L. III. 61.*

(2) *Diog. L. III. 38.*

изошла, кажется, отъ того, что Jean de Serres не искалъ основанія для своихъ сочетаній въ отдѣльныхъ сочиненіяхъ Платона, но установилъ ихъ, сообразно съ вышними требованіями схоластической методы. Слѣдовательно, для избѣжанія подобной неправильности, мы прежде всего должны найти между разговорами Платона такіе, которые заключали бы въ себѣ основныя идеи всей его философій, и по томъ, сообразуясь съ содержаніемъ каждаго, обставить ихъ прочими: чрезъ это истины зависимыя будутъ сближены съ коренными и однѣ отъ другихъ получать болѣе ясности и опредѣленности. И такъ, сравнивая между собою отдѣльныя сочиненія Платона по объемлемости, плодovitости и важности содержащагося въ нихъ ученія, мы, вмѣстѣ съ Астомъ и Шлейермахеромъ, признаемъ основными разговорами: Парменида, Протагора и Федра. Въ Протагорѣ излагаются послышки для метафизическихъ результатовъ Платона о высотѣ добродѣтели; въ Парменидѣ заключается ученіе его объ идеяхъ, или объ истинѣ самой въ себѣ; въ Федрѣ разсматривается вообще природа изящнаго, или прекраснаго. Если нашъ взглядъ на сіи разговоры вѣренъ; то уже не трудно раздѣлить и прочіе: надобно только, сообразуясь съ содержаніемъ каждаго, отнести его къ тому коренному сочиненію Платона, изъ котораго онъ

долженъ былъ развиваться. Такимъ образомъ всѣ разговоры своего философа мы дѣлимъ на—

I *Протагоровскіе*, въ которыхъ излагается преимущественно нравственное ученіе, или теорія добродѣтели. Поелику же Платонъ разсматриваетъ добродѣтель въ человѣкѣ и въ обществѣ; то Протагоровскіе разговоры могутъ быть подраздѣлены, на *Ионическіе* и *Политическіе*. Къ первымъ принадлежатъ: *Эвтидемъ*, *Лаксесъ*, *Хармидъ*, *Менонъ* и *Иппіасъ меньшій*; ко вторымъ: *Политикъ*, *Республика*, *Законы*, *Критонъ*, *Менексенъ* и *Апология Сократа*. Внутренній характеръ всѣхъ сихъ разговоровъ *діалектико-дидактическій*.

II *Парменидовскіе*, въ которыхъ раскрывается особенно теоретическая сторона Платоновой философіи, или вообще истина въ разныхъ ея отношеніяхъ. Платонъ излагаетъ въ нихъ собственное ученіе большею частію въ связи съ ученіями прежнихъ философскихъ школъ и съ умствованіями софистовъ. Сюда относятся разговоры: *Тезетъ*, *Тимей*, *Критіасъ*, *Софистъ*, *Филебъ* и *Кратилъ*. Внутренній характеръ ихъ, *критико-діалектическій*.

III. *Федровскіе*, въ которыхъ истина и добро разсматриваются подъ формами прекраснаго и приводятся къ единству въ религіи, человѣкѣ и его произведеніяхъ. Основы-

ваясь на различіи сихъ отношеній истиннаго и добраго, Федровскіе разговоры можно, не слишкомъ въ строгомъ смыслѣ, подраздѣлить на богословскіе, психологическіе и пропедевтическіе. Къ первымъ принадлежатъ *Этифронъ*, *Пиръ*, *Лизисъ* и *Иппіасъ старшій*; ко вторымъ: *Алкивіадъ 1*, и *Федонъ*; къ третьимъ: *Горгіасъ* и *Іонъ*. Внутренній характеръ всѣхъ ихъ, — дидактико-поэтический.

ПРОТАГОРЪ.

ИСТОРИЯ

ПРОТАГОРЪ.

=

ВВЕДЕНІЕ.

Во времена Сократа и Платона былъ въ большомъ ходу вопросъ: «Добродѣтель приобретается ли воспитаніемъ и наукою, или сообщается самою природою?» Греческіе умствователи рѣшали эту задачу не одинаково: одни доказывали, что не учась добродѣтели, нельзя быть добродѣтельнымъ; другіе, что безъ естественнаго расположенія чловѣка къ добру, ни какая наука не поможетъ сдѣлаться добрымъ (1). О томъ же самомъ предметѣ, между прочимъ, разсуждалъ и Платонъ, и свои мысли о немъ изложилъ въ четырехъ разговорахъ: Протагоръ, Эвтидемъ, Менонъ и Лахесъ. Нѣкоторые критики, сравнивая содержаніе сихъ разговоровъ въ отношеніи къ разсматриваемому вопросу, находили, что Платонъ въ нихъ противорѣчить самъ себѣ, что будто, на примѣръ, въ

(1) О писателяхъ, касавшихся сего предмета, и о мнѣніяхъ Греческихъ ученыхъ, разсматривавшихъ его, см. *Fischer. ad Aeschin. Socrat. qui referuntur dialogg. p. 21 sqq.* и *Fuelleborn. Symbol. ad histor. philosoph. P. X. p. 143 sqq.*

Протагоръ онъ основываетъ добродѣтель на знаніи, слѣдовательно поставляетъ ее въ зависимость отъ науки, а въ Менонѣ почитаетъ ее даромъ боговъ, слѣдовательно выводитъ изъ круга человѣческой воли. Но мы уже имѣли случай говорить, что изтолкователи нашего философа нерѣдко навязывали ему такія положенія, о которыхъ онъ и не думалъ; потому что часто самую проницательность его понимали какъ рѣчь серьезную, и такимъ образомъ, по пословицѣ, *puer pro Iupone amplexi sunt*. Чтобы опредѣлить истинный смыслъ Платонова ученія объ источникѣ добродѣтели, надлежитъ непрестанно имѣть въ виду показанный нами выше общій характеръ Платоновыхъ сочиненій. Съ симъ именно указателемъ мы будемъ разсматривать содержаніе каждаго изъ четырехъ упомянутыхъ разговоровъ и, кажется, не ошибемся въ своемъ заключеніи.

Протагоръ (1) начинается бесѣдою Сократа съ Иппократомъ, сыномъ Иппониковымъ, ко-

(1) Платоновъ разговоръ, посвященный имя Протагора, у Діогена Лаэртія (III, 59) называется *Προταγόρας ἡ Σοφισταί*. *Ἑυδεικτικὸς*. Равнымъ образомъ и Фидрий къ названію «Protagoras» прибавляетъ: *vel Sophistae*. Но еще Проклъ замѣтилъ (*ad Plat. Polit. p. 350. 24*) что *ἡ Σοφισταί*, позднѣйшая вставка, *καθὰ περ ἄλλοι τῶν ἐπιγραφεῶν προσθέουσιν οὕσαι τῶν νεωτέρων τῆς ἐξουσίας ἀπολαβόντων*. Посему мы удерживаемъ только главное названіе разговора, данное ему самимъ Платономъ.

тораго пламенная и безотчетная жажда познаний влечетъ въ школу софиста Протагора. Предметъ сего, по отношенію къ цѣлой бесѣдѣ, вступительнаго разговора, состоитъ въ рѣшеніи вопроса: *что такое софистъ? и чему онъ учитъ?* Этотъ вопросъ разрѣшается только вообще, т. е., Сократъ наводитъ Иппократа на мысль, что софисты должны быть купцы, торгующіе съѣстными припасами для души; а при покупкѣ сей пищи гораздо болѣе должно боятся обмана, чѣмъ при покупкѣ пищи для тѣла; потому что послѣдняя перекладывается въ другія хранилища, а первая принимается прямо въ душу. 309—314 С.

Удовлетворяя сильному желанію Иппократа, Сократъ приводитъ его въ собраніе софистовъ и представляетъ Протагору, ихъ корифею. Высокое мнѣніе Протагора о своей наукѣ располагаетъ Сократа тѣснѣе ограничить прежнее значеніе софиста и подаетъ поводъ къ вопросу: *чему онъ учитъ?* Протагоръ отвѣчаетъ, что его предметъ—политика, а предметъ его политики—добродѣтель. Но Сократъ недоумѣваетъ, можно ли преподавать политику, разумѣя ее въ семъ смыслѣ, и предлагаетъ новый вопросъ, составляющій главную задачу бесѣды: *можно ли учить добродѣтели?* 314, С. 319, В.

Желая доказать, что добродѣтели учить нельзя, Сократъ указываетъ сперва на Аѳинянь, которые, когда дѣло касается художествъ, со-

трудно дѣлаться добрымъ, Симонидъ, говоритъ онъ, за тоже самое мнѣніе порицаетъ Питтака, который сказалъ, что трудно быть добрымъ. При томъ, вызвавшись изъяснить Симонидову пѣснь, софистъ самъ не замѣчаетъ, сколь сильно противурѣчить она собственному его положенію, что можно учить добродѣтели; ибо въ ней доказывается, что даже дѣлаться добрымъ по истинѣ трудно, а быть добрымъ вовсе невозможно, и свойственно одному Богу. Какъ же тутъ преподавать добродѣтель? 334, С. 347, А.

Этимъ, казалось бы, надлежало и окончить разговоръ; но Сократъ, подведши всѣ прочія добродѣтели подъ понятіе одной въ смыслѣ метафизическомъ, и посредствомъ Симонидовой пѣсни, сблизивши Протагора съ мыслию о томъ, что она не можетъ быть предметомъ науки, еще не изслѣдовалъ: должно ли и мужество почитать добродѣтелію нравственною? Спросять: для чего столь существенный моментъ задачи оторванъ отъ своего цѣлаго и отброшенъ къ концу разговора?—Отвѣчаемъ, что онъ вовсе не оторванъ, но соединяется съ главными частями бесѣды эпизодомъ, или экзегетическимъ разсужденіемъ о Симонидовой пѣсни. Протагоръ уже соглашается, что мудрость, разсудительность, справедливость и святость имѣютъ значительное между собою сходство, но мужество отличается отъ нихъ.

Чтобы преодолѣть это послѣднее упорство, Сократъ требуетъ опредѣленія мужества; и такъ какъ Протагоръ за существенную черту его принялъ смѣлость, даже отважность, то спрашиваетъ: смѣлые знаютъ ли, на что отваживаются?—Знаютъ, отвѣчалъ недалъновидный софистъ. А мужественные смѣлы?—Конечно.—Слѣдовательно мужественные знаютъ, на что отваживаются? Протагоръ замѣтивъ наконецъ, что мужество приводится къ тождеству съ знаніемъ, или мудростію, ограничиваетъ первую свою посылку, говоря, что хотя всѣ мужественные смѣлы, но не всѣ смѣлые мужественны, то есть, не всѣ знаютъ, на что отваживаются. Тогда Сократъ, какъ будто оставивъ предметъ изслѣдованія, непримѣтно заходитъ къ нему съ другой стороны и спрашиваетъ Протагора: все пріятное добро ли? и само ли по себѣ добро? Софистъ недоумѣваетъ, и заманиваемый вопросами Сократа, допускаетъ, что люди, ошибающіеся въ выборъ удовольствій и страданій, ошибаются по недостатку знанія; что никто добровольно не стремится къ злему, или къ тому, что почитается злымъ; если же стремится къ чему нибудь, то это нѣчто разумѣть, какъ добро. Такимъ образомъ стремленіе къ добру происходитъ отъ знанія; но мужественные стремятся къ добру, зная, что оно добро; и по тому мужество основывается на знаніи. Слѣ-

довательно мужество есть мудрость. 547, А. 560, D.

Видя себя снова опровергнутымъ, Протагоръ такъ смѣшался, что не хотѣлъ болѣе отвѣчать и замолчалъ. Но Сократъ сказалъ: Я спрашивалъ тебя для того только, чтобы изслѣдовать все, относящееся къ добродѣтели, и въ чемъ состоитъ самая добродѣтель. Знаю, что по раскрытіи сего, совершенно объяснилось бы и то, о чемъ мы оба такъ долго разсуждали: — я, что учить добродѣтели невозможно, ты — что она изучима. А теперь результатъ нашего разговора представляется мнѣ въ видѣ челобитника и наслышника, который, еслибы могъ говорить, сказалъ бы: какъ вы странны, Сократъ и Протагоръ! Ты, Сократъ, прежде утверждалъ, что добродѣтели учить нельзя, а теперь хочешь противнаго тому, стараясь доказать, что всѣ виды добродѣтели суть знаніе. А ты, Протагоръ, прежде полагалъ, что добродѣтель изучима, теперь же соглашаешься называть ее чѣмъ угодно, лишь бы только не знаніемъ. 360, D. 362.

Такое содержаніе Платонова Протагора показываетъ, что предположенная задача: можно ли учить добродѣтели? окончательно не рѣшена въ немъ. По сему Шлейермахеръ и Штальбомъ думаютъ, что цѣлю сего разговора Платонъ полагалъ не дѣйствительное изслѣдо-

ваніе предположеннаго вопроса, а обнаруженіе недостаточности софистическихъ умствованій для познанія истины, и показаніе того, какова должна быть достойная своего имени діалектика. Но не отвергая этой формальной, или методической цѣли, не трудно замѣтить въ Платоновомъ Протагорѣ и другую, болѣе реальную, имѣющую прямое отношеніе къ самому предмету бесѣды. Мы уже сказали, что Сократъ мало по малу отвлекъ вниманіе Протагора отъ разнообразія политическихъ добродѣтелей, и обратилъ его къ единству добродѣтели нравственной, сущность которой онъ всегда поставлялъ въ знаніи или мудрости (1). Но если она состоитъ въ знаніи; то преподавать ее нельзя и ненужно: ибо въ комъ она есть, тотъ уже знаетъ ее; а въ комъ нѣтъ, тотъ долженъ напередъ узнать ее, слѣдовательно имѣть добродѣтель прежде добродѣтели. По сему-то Платонъ истинную добродѣтель, т. е., знаніе и мудрость, приписываетъ одному Богу и производитъ ее отъ одного Бога. И такъ цѣлю разсматриваемаго разговора было—приблизить Протагора къ мысли, что

1. Добродѣтель сама по себѣ одна, и состоитъ въ знаніи (2).

(1) *Xenoph. memor.* III. 9. 5.; IV. 6, 7.

(2) *Ritters Gesch. d. Philos. d. alt. Z.* Th. 2. B. VIII. *Plat. de legg.* XII. p. 963. *C. Polit.* p. 306. A.

2. На землѣ могутъ быть учителя добродѣтелей (въ смыслѣ юридическомъ); но дать человѣку добродѣтель можетъ одинъ Богъ (1).

Почитаемъ нужнымъ также замѣтить, что ученіе, излагаемое въ Протагорѣ, обнаруживаетъ характеръ болѣе философіи Сократовой, чѣмъ Платоновой. Это видно изъ того, что всѣ добродѣтели приводятся къ одному знанію, что главныхъ добродѣтелей считается не четыре, какъ въ позднѣйшихъ сочиненіяхъ Платона, а пять; то есть, къ справедливости, разсудительности, благоразумію и мужеству, причисляется еще святость, или благочестіе (2), и что похвальное и пріятное принимаются за одно и тоже, то есть, предписывается такъ пользоваться удовольствіями, чтобы это было согласно съ мудростію.

Истолкователи Протагора представляютъ себѣ еще вопросъ: къ какому времени Платонъ относилъ сей разговоръ? Протагоръ въ немъ уже старикъ; Сократъ еще молодъ; Алкивіадъ *πρῶτον ὑπηνίκτης*, Агатонъ *νέον ἐπὶ μισθίων*. Но первый умеръ въ 1,94 ол.; третій былъ полководцемъ Аѳинянъ въ Пелопонесѣ въ 1,90 ол.; четвертый одержалъ побѣду въ качествѣ

(1) *Xenoph.* mem. IV. 8. 10. 21. Stäudl. Gesch. d. Moralphilosophie p. 94—99.

(2) *Plat.* de republ. VII. p. 518. Memn. p. 97. A.

трагическаго поэта въ 90 ол. При томъ, слуша-
телями Протагора и Сократа представляются
дѣти Перикла, которые умерли отъ заразы еще
при началѣ Пелопонезской войны, въ 3,84 ол.
Слѣдовательно, разговоръ можно относить къ 1
или 2, 87 ол. Сему заключенію не противу-
рѣчить то обстоятельство, что хозяиномъ дома,
въ которомъ происходила бесѣда, представлет-
ся Калліасъ, слѣдовательно Иппоникъ какъ
будто предполагается умершимъ; а онъ былъ
убитъ въ Делосскомъ сраженіи въ 1,89 ол. Въ
разговоръ вовсе не упоминается о смерти Ип-
поника, и Калліасъ могъ распоряжаться въ домѣ,
просто за отсутствіемъ отца. Что же касается
до того, что Ферекратовы *ἄγριοι*, по Протагору,
представлены были на сценѣ въ прошедшемъ
году (*πέρυσσι*), а по Атенею, при Преторѣ Ари-
стіонѣ въ 4,89 ол.; то въ справедливости по-
слѣдняго показанія можно сомнѣваться, по тому
что мнѣнія Атенея о Платонѣ часто бываютъ
вовсе неосновательны и отзываются какою-то
странною ненавистію. Впрочемъ, еслибы въ
Платоновомъ Протагорѣ и дѣйствительно найде-
ны были какіе нибудь анахронизмы; то и
тогда не слѣдовало бы обвинять Платона; по
тому что цѣлію его была истина не хроноло-
гическая, а философская. Онъ, какъ философъ
и мимикъ, замѣчалъ только ученія и снималъ
отличительныя черты съ предметовъ, ему пред-

ставлявшихся, не заботясь о томъ, когда существовали сіи ученія и были ли современны сводимыя имъ лица и обстоятельства.

Лица разговаривающія:

**СОКРАТЬ, ДРУГЪ СОКРАТА, ИНИОКРАТЬ,
ПРОТАГОРЪ, АЛКИВІАДЪ, КАЛЛІАСЪ,
КРЕТІАСЪ, ПРОДИКЪ, ИНИАСЪ.**

Др. Откуда, Сократъ?—Но что ужъ и спра- 30
шивать (1)? вѣрно отъ красавца Алкивіада (2)? Я
не давно видѣлъ его и, признаюсь, онъ показался
мнѣ очень красивымъ мужчиною,—однакожъ,
Сократъ, все мужчиною, который, между нами
будь сказано, уже обростаеъ и бородою (3).

Сокр. Такъ чтожъ? Развѣ ты не почита-
тель Омира (4), по словамъ котораго, намъ особен-
но нравится тотъ возрастъ, когда у юноши
начинаеъ пробиваться пухъ на бородѣ, какъ в.
теперь у Алкивіада?

Др. Да что мнѣ въ томъ (5)? Вѣдь правда,
что ты сей часъ отъ него? Каково же расположенъ
къ тебѣ (6) этотъ молодой человекъ?

Сокр. Мнѣ-то кажется, хорошо,—особенно
нынѣ, потому что много за меня говорилъ
и мнѣ помогалъ. Я точно сей часъ отъ него;
но вотъ странная вещь: находясь вмѣстѣ съ
нимъ, я не обращалъ на него и вниманія,
даже забылъ, что онъ со мною.

до того? Развѣ Протагоръ обидѣлъ тебя какъ нибудь?—Да, клянусь богами, Сократъ, сказалъ онъ съ улыбкою, обидѣлъ; потому что самъ-то единственный мудрецъ, а меня такимъ не дѣлаетъ.—О, будь спокоенъ, сдѣлаетъ и тебя мудрецомъ, лишь бы ты заплатилъ ему деньги и убѣдилъ ими.—Деньги? Зевсѣ и боги! воскликнулъ Иппократъ. Если бы отъ этого зависѣло;

Е. ихъ не осталось бы ни у меня, ни у друзей моихъ. Для того-то я теперь и пришелъ къ тебѣ, Сократъ, чтобы ты поговорилъ ему обо мнѣ. Самъ я еще молодъ, при томъ, никогда не видѣлъ и не слушалъ Протагора (14). Когда онъ прѣзжалъ къ намъ въ первый разъ, я былъ еще ребенкомъ (15). Но, Сократъ, всѣ превозносятъ этого человека и почитаютъ его чрезвычайно мудрымъ въ словѣ. Пойдемъ къ нему сей часъ, чтобы застать его
311. дома. Я слышалъ, что онъ остановился у Калліаса, сына Иппоникова (16); пойдемъ, сдѣлай милость.—Нѣтъ, добрый другъ мой, сказалъ я, туда еще не пойдемъ, потому что слишкомъ рано. Давай-ка встанемъ, да выйдемъ на галерею (17) и прогуляемся, пока разсвѣтетъ; а потомъ отправимся къ Протагору. Онъ по большей части бываетъ дома; а потому, не отчаявайся, мы, по всей вѣроятности, захватимъ его.

И такъ мы встали, вышли на галерею и начали прогуливаться. Желая испытать рѣшимость Иппократа, я пристально посмотрѣлъ на него и спросилъ: Послушай, Иппократъ,

ты намѣренъ теперь идти къ Протагору и заплатить ему за себя деньги: но знаешь ли, къ какому человѣку идешь, и чѣмъ желаешь сдѣлаться? Вотъ, если бы думалъ ты, напримѣръ, идти къ сшменному тебѣ Иппократу Кооскому, принадлежащему къ кастѣ Асклепиадовъ, съ намѣреніемъ платить ему за себя; и кто нибудь спросилъ бы тебя: какому человѣку, въ лицѣ Иппократа, хочешь ты платить деньги? Что отвѣчалъ бы ты?—Врачу, сказалъ бы я.—А чѣмъ С. думаешь сдѣлаться самъ?—Врачемъ.—Если бы равнымъ образомъ ты шелъ къ Поликлету Аргоскому, или Фидіасу Аѳинскому, желая платить имъ за себя; и кто нибудь спросилъ бы тебя: какимъ людямъ, въ лицѣ Поликлета и Фидіаса, ты намѣреваешься платить деньги? Какъ слѣдовало бы отвѣчать тебѣ?—Ваятелямъ, отвѣчалъ бы я.—А чѣмъ надѣнешься сдѣлаться самъ?—Разумнется, ваятелемъ.—Пусть такъ, сказалъ я; теперь оба мы пойдемъ къ Протагору, будучи готовы предложить ему за наставленіе D. тебя плату, лишь бы только достало нашихъ денегъ, и мы могли бы ими убѣдить его; въ случаѣ же недостатка, прибавимъ еще деньги друзей своихъ. Но что, если кто нибудь, замѣтивъ въ насъ столь сильную заботливость въ этомъ отношеніи, спросить: скажите мнѣ, Сократъ и Иппократъ, какому человѣку, въ лицѣ Протагора, вы собираетесь платить деньги? Что мы будемъ отвѣчать? Какимъ еще именемъ, E.

по слухамъ, называютъ Протагора? Фидіасъ называется ваятелемъ, Гомеръ — поэтомъ, а Протагоръ, чѣмъ? — Протагора-то, видишь, называютъ софистомъ, Сократъ, отвѣчалъ онъ. — Следовательно мы идемъ платить деньги Протагору, какъ софисту? — Конечно. — А если кто нибудь спросить тебя далѣе: отправляясь къ Протагору, какимъ же человѣкомъ ты надѣешься сдѣлаться самъ? —

319. Иппократъ покраснѣлъ (это можно было замѣтить, по тому что уже начинаю разсвѣтать) и сказалъ: Если мой отвѣтъ (18) долженъ быть сообразенъ съ предыдущими; то я конечно буду отвѣчать, что хочу быть софистомъ. — Но, ради боговъ, Иппократъ, не стыдно ли тебѣ явиться (19) между Греками софистомъ? — Божусь Зевсомъ, Сократъ, стыдно, если ужъ надобно говорить, что думаю. — Впрочемъ, можетъ быть, на науку, которой намѣреваешься учиться у Протагора, ты смотришь такъ же, какъ смотрѣлъ
- в. на науки грамматика, цитриста и гимнастика, (20) которыми ты учился не для науки, что бы, то есть, самому быть публичнымъ наставникомъ, а для того, чтобъ получить воспитаніе, приличное частному и свободному человѣку? — Въ самомъ дѣлѣ, Сократъ, я не иначе смотрю на науку Протагора. — Но понимаешь ли ты, что хочешь дѣлать, спросилъ я его, или не понимаешь? — А что? — Ты намѣреваешься ввѣ-
- с. рить попеченіе о душѣ своей такъ называемому софисту; а удивительно, если знаешь, что

такое софистъ. Когда же не знаешь; то вѣряя ему свою душу, равнымъ образомъ не можешь знать, доброму или худому челоуѣку (21) вѣряешь ее.—Это-то кажется, я знаю, сказалъ онъ.—Отвѣчай же, что такое, по твоему мнѣнію, софистъ?—Софистъ, какъ самое имя показывается (22), есть знатокъ мудрыхъ вещей.—Но тоже можно сказать и о живописцахъ, и объ архитекторахъ, возразилъ я; потому что и они—знатоки мудрыхъ вещей. По этому, если кто нибудь спросить насъ: какія именно мудрыя вещи извѣстны живописцамъ? то мы вѣроятно скажемъ: тѣ, которыя относятся къ рисованію картинъ. Такъ будемъ отвѣчать и на другіе подобные вопросы. Но когда спросятъ: о какихъ мудрыхъ вещахъ имѣеть понятіе софистъ? то что сказать? чему учить онъ?—Чему болѣе, Сократъ, какъ не искусству (23) убѣдительно говорить?—Да, можетъ быть, мы сказали бы и справедливо, только недостаточно, продолжалъ я; потому что изъ сего отвѣта вытекаетъ новый вопросъ: о чемъ именно софистъ учить убѣдительно говорить? Вѣдь и цитристъ учить убѣдительно говорить о томъ, что онъ знаетъ, то есть, объ игрѣ на цитрѣ: не правда ли, Иппократъ?—Правда.—Такъ о чемъ же убѣдительно говорить учить софистъ-то? конечно о томъ, что онъ знаетъ?—Вѣроятно.—Скажи же теперь, въ чемъ состоитъ то знаніе, которое и самъ онъ имѣеть и ученику передаетъ?—Право не знаю, что сказать

- тебѣ на это, отвѣчалъ онъ.—Какъ? спросилъ я
313. по томъ. Но развѣ ты невидишь, какой опасности подвергаешь свою душу? Если бы ты долженъ былъ вѣрить комунибудь свое тѣло и недоумѣвалъ, хорошо ли это будетъ, или худо; то долго думалъ бы, вѣрять его или нѣтъ: ты призвалъ бы на совѣтъ друзей и родныхъ и проводилъ бы цѣлые дни въ размышленіи. Когда же дѣло дошло до души, которую ты ставишь выше тѣла, въ которой все твое, — и счастье и несчастье, смотря потому, хороша она будетъ, или худая; ты не посоветовался ни съ отцемъ, ни съ братомъ, ни съ однимъ изъ насъ, друзей твоихъ: вѣрять ли ее, или нѣтъ, прибывшему иностранцу? Узнавъ о его прибытіи, какъ говоришь, вчера вечеромъ, и пришедши ко мнѣ сегодня до свѣта, ты ни однимъ словомъ не попросилъ моего совѣта: должно ли вѣриться ему, или нѣтъ? но вознамѣрился истощить деньги и у себя и у друзей своихъ, какъ будто уже рѣшено, что надобно слушать Протагора, котораго ты, по собственнымъ твоимъ словамъ (24), ни сколько не знаешь, съ которымъ никогда не говаривалъ,
с. и котораго называешь софистомъ, не понимая, что такое софистъ, коему хочешь вѣриться.—Выслушавъ это, Иппократъ сказалъ: судя по твоимъ словамъ, Сократъ, это правда.—Но какъ тебѣ кажется? продолжалъ я; софистовъ не лзя ли назвать разнощиками, или рыноч-

ными торговцами (25), которые торгуют на площади съѣстными припасами для души?—Мнѣ кажется, можно: но чѣмъ питается душа (26), Сократъ?—Разумѣется, кое-какими познаніями (27), отвѣчалъ я; только смотри, добрый другъ мой, чтобы софистъ, выхваляя свой товаръ, не обманулъ насъ, такъ же какъ разнощикъ, или рыночный торговецъ, торгующій съѣстными припасами для тѣла. Привозя свой товаръ, д. купцы обыкновенно хвалятъ его, хотя сами не знаютъ, полезенъ ли онъ тѣлу, или вреденъ; да и покупатели, кромѣ врача и гимнастика, не болѣе разумѣютъ это дѣло. Подобнымъ образомъ поступаютъ и софисты, развозящіе по городамъ познанія (28): барышничая ими и продавая ихъ охотникамъ, они выхваляютъ все, что продаютъ, хотя нѣкоторые изъ нихъ сами не знаютъ, полезенъ ли душѣ товаръ ихъ; да и покупатели, кромѣ врача души, е. столь же мало понимаютъ это. И такъ, если ты умѣешь отличать полезное отъ вреднаго; то можешь безопасно покупать познанія и у Протагора и у всякаго другаго: а когда не умѣешь; то смотри, добрый другъ мой, чтобы не подвергнуть гибели самое драгоценное свое сокровище. При покупкѣ познаній можно вѣдь впасть 314. въ гораздо большую опасность, нежели при покупкѣ пищи. Купивъ у разнощика, или рыночнаго торговца, съѣстные припасы и напитки, ты имѣешь возможность переложить ихъ въ

другія хранилища и, еще не принимая въ свое тѣло, призвать къ себѣ опытнаго человѣка и посовѣтоваться съ нимъ, что можно ѣсть или пить, и чего нельзя, когда что употреблять и сколько? При этой покупкѣ вообще не много бѣды. Но познанія нельзя перелагать въ другое хранилище: заплативъ за урокъ (29), ты принимаешь его прямо въ свою душу и, научившись, выходишь непременно или со вредомъ, или съ пользою. По сему познанія надобно подвергать изслѣдованію, и при томъ подъ руководствомъ старшихъ; ибо сами мы еще молоды для оцѣнки подобныхъ вещей. Теперь, исполнимъ свое намѣреніе, Иппократъ: пойдемъ и послушаемъ Протагора; а по томъ посовѣтуемся и съ другими; ибо Протагоръ тамъ не одинъ; мы найдемъ съ нимъ также Иппіаса Элейскаго (30), а можетъ быть и Продика Хіосскаго, и многихъ иныхъ мудрецовъ.

Съ сими мыслями (31) мы отправились и, пришедъ къ подъѣзду, продолжали какой-то разговоръ, начатый дорогою. Чтобы не прервать его и войти не окончивши, мы остановились у подъѣзда и до тѣхъ поръ разсуждали, пока не согласились другъ съ другомъ. Привратникъ евнухъ (32), кажется, подслушивалъ насъ и, такъ какъ софисты часто обезпокоивали его, вѣроятно былъ сердитъ на проходящихъ. По этому, когда мы постучались въ дверь, онъ отворилъ ее и, видя насъ, сказалъ: ну вотъ! еще какіе-то

софисты! Недосугъ ему (33)! И вдругъ, взявшись за дверь обѣими руками, захлопнулъ ее изо всей силы. Однакожъ мы опять постучались, и привратникъ, сквозь запертую дверь закричалъ: Ахъ, какіе люди! развѣ вы не слышали, что ему недосугъ?—Но, любезный, сказалъ я, мы идемъ не къ Каміасу, да мы и не софисты; не бойся, намъ нужно видѣть Протагора: **Е.** дай же ему.—Тогда слуга едва согласился отворить намъ дверь (34).

Какъ скоро мы вошли; то увидѣли, что Протaгoръ разхаживалъ взадъ и впередъ вдоль перистилля залы (35). Рядомъ съ нимъ ходили, съ одной стороны, Каміасъ сынъ Иппоника, Паралось сынъ Перикла, братъ Каміаса по матери, и Хармидъ сынъ Главковъ (36); съ другой—Ксантиппъ, второй сынъ Перикла, Филиппидъ, сынъ Филомела, и Антимерось изъ Мендеи (37), отличнѣйшій между учениками Протагора, учащійся для науки, съ цѣлю быть софистомъ. Позади ихъ (38) шли слушатели уроковъ, болышею частію иностранцы, которыхъ Протагоръ беретъ изъ всѣхъ посѣщаемыхъ имъ городовъ, увлекая ихъ своимъ краснорѣчіемъ (39), какъ Орфей, и которые слѣдуютъ за нимъ, какъ очарованные. Въ этомъ **В.** послѣднемъ сонмѣ было нѣсколько человекъ и нашихъ соотечественниковъ. Я особенно любовался на эту заднюю ширенгу, смотря, какъ всѣ, ее составлявшіе, остерегались, чтобъ не опередить Протагора и не помѣшать его шествію,

какъ чинно разступались на право и на лѣво, когда онъ и его фланги дѣлали поворотъ назадъ, какъ стройно образовали кругъ и потомъ ровнялись позади своего учителя.

- По томъ я узрѣлъ, сказалъ бы Омиръ (40),
 С. Иппіаса Элейскаго. Онъ возсѣдалъ на высокомъ мѣстѣ, въ противоположной сторонѣ перистилы. Вокругъ его на скамьяхъ помѣщались, Эриксиммахъ (41), сынъ Акуменовъ, Федръ Мирринузскій, Андронъ, сынъ Андротіоновъ (42), а изъ иностранцевъ, нѣкоторые соотечественники Иппіаса и другіе. Они, какъ мнѣ казалось, вопрошали своего учителя о природѣ и небесныхъ явленіяхъ; а онъ, возсѣдая на своемъ мѣстѣ, давалъ каждому отвѣтъ и разрѣшалъ всѣ вопросы.

- Наконецъ вотъ я увидѣлъ и Тантама (43),
 Д. Продика Хіосскаго. Онъ живетъ тамъ же, въ какомъ-то чуланѣ, который Иппоникуслужилъ кладовою, а теперь, по множеству прѣзжихъ, очищенъ Калліасомъ и отданъ для жительства иностранцамъ. Продикъ былъ еще въ постелѣ, окутанный, какъ мнѣ казалось, многими мѣхами и одѣялами (44). Подлѣ него, на ближнихъ диванахъ, возлежали—Павзаній Керамискій (45) и молодой человѣкъ, еще мальчикъ, имѣвшій, по моему замѣчанію, отличныя способности и весьма пріятную наружность. Его называли, какъ мнѣ слышалось, Агатомъ (46), и не удивительно, если Павзаній любитъ его. И такъ,
 Е.

здѣсь находились—этотъ мальчикъ, оба Адиманты (47), дѣти Кипида и Левколофида, и еще нѣсколько человекъ. Но о чемъ они говорили, изъ другой комнаты не лзя было слышать, хотя я сильно желалъ послушать Продика, потому что онъ кажется мнѣ человекомъ мудрѣйшимъ и божественнымъ. Басистый голосъ его 316. производилъ такой гулъ въ его чуланѣ, что невозможно было разобрать ни одного слова.

Лишь только мы вошли, вдругъ въ слѣдъ за нами явились—прекрасный Алкивиадъ (какъ ты называешь его, и въ чемъ я согласенъ съ тобою) и Критіасъ, сынъ Каллехровъ (48). Вошедши, мы немного постояли, на все насмотрѣлись, по томъ подошли къ Протагору, и я сказалъ в. ему: Протагоръ! мы вѣдь къ тебѣ.—Угодно ли вамъ говорить со мною на единѣ, спросилъ онъ, или при всѣхъ?—Для насъ все равно, отвѣчалъ я: узнавши, за чемъ мы пришли, ты самъ рѣшишь этотъ вопросъ.—За чемъ же вы пожаловали?—Представляю тебѣ Иппократа, здѣшняго уроженца, сына Аполлодорова, человека знатнаго и богатаго. По душевнымъ дарованіямъ, не уступая своимъ сверстникамъ, онъ, кажется, желаетъ пріобрѣсть извѣстность с. въ обществѣ, а для успѣшнѣйшаго достиженія сей цѣли, по его мнѣнію, нужны твои наставленія. И такъ, теперь смотри самъ, надобно ли объ этомъ говорить съ нами наединѣ, или при другихъ?—Ты не даромъ заботишься обо мнѣ,

разставили ихъ подлѣ Иппіаса, гдѣ нѣсколько сѣдалищъ было и прежде. Между тѣмъ Калліасъ и Алкивіадъ подняли съ постели Продика и привели его къ намъ вмѣстѣ съ собесѣдниками.

Когда всѣ мы заняли мѣста; то Протагоръ сказалъ: Сократъ! объяви-ка теперь, въ присутствіи сихъ мужей, что ты недавно говорилъ мнѣ касательно молодаго человека.—Объявить уже сказанное, значить повторить, за чѣмъ я пришелъ. Этотъ Иппократъ имѣетъ сильное желаніе воспользоваться твоими наставленіями. Но ему хотѣлось бы знать, что изъ него выйдетъ, если онъ будетъ твоимъ ученикомъ? Только въ томъ и дѣло. — Тогда Протагоръ сказалъ: Молодой человекъ! если ты будешь моимъ ученикомъ; то по прошествіи дня, проведеннаго со мною, возвратишься домой лучшимъ; тоже и на другой, тоже и каждый день,—все лучше и лучше.—Выслушавъ это, я отвѣчалъ: Тутъ нѣтъ ничего удивительнаго, Протагоръ; такъ и должно быть. Ты самъ, при всей своей старости и мудрости, учась чему нибудь такому, чего прежде не зналъ, становишься бы лучшимъ. Но не о томъ рѣчь. Представимъ, что Иппократъ въ эту самую минуту переменяетъ свое намѣреніе и хочетъ брать уроки у молодаго человека, Зевгзиппа Ираклейскаго, который недавно къ намъ пріѣхалъ. Онъ идетъ къ нему, какъ теперь пришелъ къ тебѣ, и, услышавъ

отъ него тоже, что отъ тебя, то есть, что чрезъ с. его уроки онъ съ каждымъ днемъ будетъ лучше и успѣшнѣе, спрашиваетъ его: въ чемъ же буду я лучше и успѣшнѣе? Зевгзиппъ скажетъ: въ живописи. Равнымъ образомъ представимъ, что Иппократъ учится у Ортагора ѳивскаго (62) и, слыша отъ него тоже, что отъ тебя, спрашиваетъ его: въ чемъ буду я съ каждымъ днемъ лучше, пользуясь твоими наставленіями? Тотъ скажетъ, что въ игрѣ на флейтѣ. Скажи же и ты, Протагоръ, что общаешь этому юношѣ и мнѣ, спрашивающему тебя D. его именемъ? Въ какомъ отношеніи лучшимъ возвратится Иппократъ домой, по прошествіи первого и каждаго, проведеннаго съ тобою дня?— Выслушавъ это, Протагоръ отвѣчалъ: Ты хорошо спрашиваешь, Сократъ; а на хорошіе вопросы пріятно и отвѣчать. Иппократъ посѣщая меня, не потерпитъ ничего такого, что могъ бы потерпѣть въ бесѣдѣ другихъ софистовъ. Другіе портятъ юношей; потому что юноши бѣгаютъ отъ наукъ, а они снова E. обременяютъ ихъ науками и заставляютъ учиться ариѳметикѣ, астрономіи, геометріи и музыкѣ (говоря это, онъ взглянулъ на Иппіаса): напротивъ, приходящіе ко мнѣ учатся только тому, для чего приходятъ. Я преподаю имъ науку благоразумія въ дѣлахъ домашнихъ, то есть, какъ лучше управлять собственнымъ домомъ, — и въ дѣлахъ общественныхъ, какъ

назадъ, не зная, что съ нимъ дѣлать. Могу наименовать тебѣ много и другихъ, которые, сами бывъ добродѣтельны, не могли сдѣлать лучшими никого, ни родныхъ, ни чужихъ. Смотри на такіе примѣры, я не думаю, Протагоръ, чтобы можно было учить добродѣтели. Впрочемъ, слыша отъ тебя противное, уступаю; ибо почитаю тебя такимъ человекомъ, который многое дозналъ опытомъ, многому учился, многое открылъ самъ. И такъ, если можешь, докажи яснѣе, что добродѣтель точно

С. пріобрѣтается ученіемъ: не скрывай этого, сообщи намъ.—Не скрою, Сократъ, сказалъ онъ: но долженъ ли я, какъ старшій, объяснить это вамъ младшимъ, посредствомъ притчи (72), или обыкновенною рѣчью?—Какъ тебѣ угодно, отвѣчали многіе изъ присутствующихъ.—Для меня пріятнѣе предложить вамъ притчу.

Было время, когда боги существовали, а смертные роды еще нѣтъ (73). Но какъ скоро и для нихъ наступило предназначенное время рожденія, боги образовали ихъ въ земной утробѣ, изъ смѣшенія огня и земли, и изъ того, что могло соединиться съ огнемъ и землею (74). Потомъ, вознамѣрившись вывести ихъ на свѣтъ, они приказали Прометею и Эпиметею (75) украсить ихъ и дать каждому приличныя силы. Но Эпиметей упросилъ Прометея, чтобы онъ позволилъ ему одному сдѣлать сей раздѣлъ; а когда я раздѣлю, сказалъ онъ, тогда самъ посмотришь.

Уговоривъ его, Эпиметей началъ дѣлать, и при раздѣлѣ, однимъ далъ крѣпость безъ **Е.** быстроты, а слабыхъ снабдилъ быстротою; другихъ вооружилъ, а для невооруженныхъ придумалъ инныя средства спасенія, то есть, имѣвшимъ малое тѣло (76), далъ возможность летать на крыльяхъ, или жить въ нѣдрахъ земли; а снабженныхъ огромностію должна была спастись самая огромность ихъ. Съ такимъ же **331.** равновѣсіемъ раздѣлилъ онъ и все прочее, заботясь о томъ, чтобы какой нибудь родъ не уничтожился. Поставивъ ихъ въ состояніе безопасности другъ отъ друга, Эпиметей придумалъ для нихъ средства и противъ перемѣнъ воздуха: то есть, одѣлъ ихъ густыми волосами и твердою кожею, которая могли бы защищать ихъ отъ холода и зноя, и во время сна служить естественною, самородною постелею; ноги же обложилъ, то копытами, то щетками, или **В.** твердою и безкровною кожею. Наконецъ, различными животнымъ назначилъ онъ и различную пищу: однимъ—раствнія земли, другимъ—древесныя плоды, инымъ—коренья, а нѣкоторымъ позволилъ пожирать животныхъ и, заботясь о сохраненіи родовъ, плотоядныхъ надѣлилъ меньшимъ плодородіемъ, а тѣхъ, которыхъ они должны были истреблять, большимъ. Но такъ какъ Эпиметей былъ не очень мудръ (77); **С.** то забывшись, расточилъ всѣ дарованія (на животныхъ безсловесныхъ) (78). Между тѣмъ родъ

человѣческій оставался еще неодареннымъ. Что тутъ дѣлать? Онъ находился въ затрудненіи. Въ ту самую минуту приходитъ Прометей посмотрѣть на раздѣль, и видитъ, что прочія животныя благоразумно снабжены всемъ, а человекъ — и безъ одежды, и безъ обуви, и безъ покрововъ, и безъ оружія: предназначенный же день, въ который надлежало и ему выйти изъ земли на свѣтъ, уже наступалъ. Мучась

D. недоумѣніемъ, какое бы спасеніе найти для человека, Прометей похитилъ у Иѳеста и Аѳины мудрость искусства (79) съ огнемъ, (потому что овладѣть и пользоваться ею безъ огня никому не возможно) и даровалъ ее обиженному творенію. Такимъ образомъ человекъ получилъ мудрость житейскую, но еще не имѣлъ мудрости политической, потому что она хранилась у Зевса; а въ укрѣпленное жилище его Прометею входить не такъ-то позволялось, да и стражи Зевсовы (80) были страшны. Онъ вошелъ

E. украдкою только въ общую рабочую Аѳины и Иѳеста (81) и, похитивъ у обоихъ по одному огненному искусству, далъ ихъ человеку. Съ того времени человѣческая жизнь протекаетъ въ

322. довольствѣ; а Прометей за похищеніе, сдѣланное въ слѣдствіе ошибки Эпиметеевой, говорятъ, понесъ наказаніе. Когда же человекъ получилъ божескій жребій; то, по еродству съ Богомъ, одинъ изъ всѣхъ животныхъ призналъ боговъ, началъ воздвигать имъ жертвенники и кумиры;

потомъ вскорѣ сталъ искусственно приводить въ порядокъ звуки и слова; избрѣлъ себѣ жилища, одежды, обувь и покровы, а изъ земли изыскъ пищу. Устроившись такимъ образомъ, люди сначала жили раздѣльно (обществъ еще не было) и, будучи во' всемъ слабѣе звѣрей, В. погибали отъ нихъ. Мастерство достаточно помогало имъ снискивать себѣ пищу, а для веденія войны съ звѣрями было недостаточно; ибо люди еще не имѣли искусства политическаго (82), коего часть есть—воинское. По этому они старались собираться въ общества и спасались, строя города: однакожь, собравшись по мѣстамъ и не имѣя политическаго искусства, обижали другъ друга до того, что снова разсылались и снова были истребляемы. Тогда Зевсъ, опасаясь, чтобы не погибъ весь родъ С. нашъ, приказалъ Эрмію низвестъ къ людямъ стыдъ и правду (83), которыя бы, служа украшеніемъ и союзомъ обществъ, водворили въ нихъ дружество. Но Эрміи спросилъ Зевса: какимъ образомъ даровать людямъ стыдъ и правду? Такъ ли раздѣлить ихъ, какъ раздѣлены искусства? (а искусства раздѣлены такъ, что получившій знаніе врачеванія достаточно былъ для другихъ, не имѣвшихъ сего знанія. Тоже сдѣлано и касательно прочихъ искусствъ (84)). Такимъ же ли образомъ сообщить людямъ стыдъ и правду, или дать ихъ всѣмъ?—Всѣмъ, сказалъ D. Зевсъ; пусть всѣ участвуютъ въ нихъ; потому

что небывать обществамъ, если получать ихъ только нѣкоторые, какъ раздѣлены искусства. При томъ, постанови моимъ именемъ законъ, что не имѣющій стыда и правды долженъ быть убитъ, какъ зараза общества.

- Такъ - то, Сократъ, и потому - то Аѳиняне и другіе народы, рассуждая о добродѣтели плотнической, или о какомъ нибудь иномъ мастерствѣ, совѣтуются только съ немногими, и не терпятъ, какъ ты справедливо сказалъ, и какъ я говорю, чтобы люди, не принадлежащіе къ числу тѣхъ немногихъ, подавали имъ со-
 323. вѣты. Но когда они приступаютъ къ совѣщанію о добродѣтели политической, которая должна выражаться въ справедливости и разсудительности (85); то натурально допускаютъ каждого подавать свой голосъ, потому что политическая добродѣтель должна быть достояніемъ всѣхъ, а иначе не было бы и обществъ (86). Вотъ причина (87), Сократъ. А чтобы ты не подумалъ, что я тебя обманываю, почитаю каждого человека дѣйствительно причастнымъ разсудительности и прочимъ политическимъ добродѣтелямъ; то замѣть слѣдующій признакъ. Вотъ въ другихъ добродѣтеляхъ (88), если кто нибудь, какъ ты говоришь, выдаетъ себя за отличнаго игрока на флейтѣ, или за знатока въ иномъ подобномъ искусствѣ, между тѣмъ какъ
 в. онъ невѣжда въ этомъ; то его или осмѣиваютъ, или бранятъ, а ближніе подходятъ и

усовѣщаваютъ, какъ помѣшаннаго. Что же касается до разсудительности и прочихъ политическихъ добродѣтелей; то, хотя бы и извѣстно было, что такой-то грѣшитъ противъ нихъ; однакожь какъ скоро онъ вздумалъ бы обвинять самаго себя, — его признаніе, которое въ первомъ случаѣ (89) отнесено было бы къ разсудительности, теперь сочли бы сумасшествіемъ и сказали, что всѣ должны казаться правыми, таковы ли они на самомъ дѣлѣ, или нѣтъ: тотъ сошелъ съ ума, кто не присвоитъ себѣ справедливости, потому что она, хоть отчасти, С. необходимо есть въ каждомъ; иначе человекъ не былъ бы и человекомъ.

Доселѣ я говорилъ, что каждый человекъ справедливо допускается къ совѣщанію о добродѣтели сего рода; потому что ей причастны все: а теперь постараюсь доказать, что она не врождена и является не сама собою, но всякій, въ комъ она есть, пріобрѣтаетъ ее наукою и стараніемъ. Извѣстно, что люди не сердятся D. другъ на друга за то зло (90), которое почитаютъ произшедшимъ отъ природы или случая, и подверженныхъ сему злу не усовѣщаютъ, не наставляютъ и не наказываютъ, что бы они не были такими, но жалѣютъ о нихъ. На примѣръ, какой безумецъ рѣшился бы подобнымъ образомъ поступать съ безобразными, малорослыми и слабосильными? Вѣрно все знаютъ, что красота и противоположное ей (91) полу-

- чаются отъ природы и случая. Когда же дѣло идетъ о благахъ, пріобрѣтаемыхъ стараніемъ, упражненіемъ и наукою; то человѣкъ, имѣющій
- Е. не сіи добродѣтели, а противоположное имъ зло, испытываетъ гнѣвъ, подвергается наказанію и слушаетъ наставленія. Къ числу такихъ золь относятся—несправедливость, нечестіе и вообще все, противоположное политической
314. добродѣтели. Но если ради сей добродѣтели (92) люди досаждаютъ другъ на друга и другъ друга усовѣщаютъ; то явно, что она достигается стараніемъ и наукою. Размысли, Сократъ, къ чему клонятся наказанія преступниковъ,—и онъ научать тебя, что люди почитаютъ добродѣтель
- В. пріобрѣтаемою. Никто не наказываетъ виновныхъ съ тою мыслию, и для того, что за нимъ есть грѣхъ (93), развѣ будутъ бить человѣка безразсудно, какъ животное. Рѣшаясь наказать кого нибудь по правиламъ благоразумія, наказываютъ (94) не за прошедшее преступленіе—что сдѣлано, того не передѣлаешь—а ради будущаго, чтобы, то есть, и самъ виновный не совершилъ снова преступленія, и другой, видѣвшій примѣръ наказанія, не рѣшился совершить его. Но кто имѣетъ такую мысль, тотъ конечно думаетъ, что добродѣтели можно учить, и на-
- С. казываетъ для отвращенія отъ зла. Такова цѣль наказаній и частныхъ и публичныхъ. Взыскиваютъ и наказываютъ всѣ, кого почитаютъ виновнымъ; взыскиваютъ и наказываютъ не

менѣе и Аѳиняне, твои соотечественники; слѣдовательно и Аѳиняне принадлежать къ числу людей, увѣренныхъ, что добродѣтель пріобрѣтается наукою. И такъ теперь, мнѣ кажется, достаточно доказано, что твои сограждане, Сократъ, справедливо допускаютъ къ политическимъ совѣщаніямъ и мѣдника, и кожевника, и почитаютъ добродѣтель изучимою и в. пріобрѣтаемою.

Остается еще разрѣшить твое недоумѣніе (35) касательно добродѣтельныхъ людей, по чему они учатъ сыновей своихъ всему, что могутъ преподавать имъ учителя, и воспитываютъ ихъ мудрецами, а въ добродѣтели, которою сами прославились, не дѣлаютъ ихъ лучше другихъ? На этотъ разъ я буду говорить съ тобою не приточно, а прямою рѣчью. Размысли о слѣдующемъ: одному ли чему нибудь, или не е. одному должны быть причастны всѣ граждане, когда основывается общество?—ибо именно съ этой стороны разрѣшается предложенное тобою недоумѣніе, а иначе ни съ которой. Если одному, и это одно не есть ни плотническое, ни мѣдническое, ни гончарное искусство, а справедливость, разсудительность и святость,—что все я заключаю подъ общимъ именемъ чловѣческой добродѣтели; если именно этому должны быть причастны всѣ люди, и съ этимъ дѣлать всякое дѣло, чѣмъ бы кто ни занимался, чему бы ни учился, а безъ сего не дѣлать

ничего; если и дѣтей, и мужчинъ, и женщинъ, какъ скоро они неимѣютъ сей добродѣтели, учатъ и наказываютъ, желая усовершенствовать наказываемыхъ и наставляемыхъ, а кто, не смотря на наказанія и наставленія, не слушается, того, В. какъ неизлѣчимаго, изгоняютъ изъ общества, или убиваютъ; если все это справедливо, и однакожь, при такомъ порядкѣ вещей, добродѣтельные люди учатъ своихъ дѣтей другому, а сему не учатъ: то смотри, какъ странны бываютъ эти добряки (95). Мы уже доказали, что политическую добродѣтель они признаютъ изучимою частно и публично; а между тѣмъ, будучи увѣрены, что ее можно преподавать и развивать, наставляютъ своихъ сыновей въ томъ, за что не положено смертной казни, хотя бы они того и не знали: напротивъ, что угрожасть ихъ дѣтямъ смертною казнію (97), ссылкой, и, кромѣ смерти, конфискаціею имущества, или какъ говорится, совершеннымъ разореніемъ семейства, когда они не будутъ учиться и успѣвать въ добродѣтели,—учатъ ли ихъ тому, и прилагаютъ ли къ тому всю свою заботливость? Извѣстно (98), Сократъ, что сыновья ихъ въ наукъ съ самаго малолѣтства, до конца жизни. Едва дитя начинаетъ понимать слова, какъ и кормилица, и мать, и педагогъ, и самъ отецъ, о томъ только и хлопочутъ, чтобы оно Д. было отличнымъ. Они учатъ и вразумляютъ его каждымъ дѣломъ и словомъ, что вотъ это

справедливо, а то несправедливо, это похвально, а то постыдно, это свято, а то нечестиво, это дѣлай, а того не дѣлай. И если дитя повинуется,—хорошо (99); а когда неповинуется, то исправляютъ его угрозами и ферулою, какъ искривившееся и худое дерево. Потомъ отсылаютъ дѣтей въ школу (100) и убедительно просятъ учителей заботиться болѣе объ ихъ благопріи, чѣмъ о грамотности и игрѣ на цитрѣ. Е. Учители дѣйствительно заботятся объ этомъ,—и едва дѣти начинаютъ разбирать и понимать написанное, какъ прежде понимали звуки,—даютъ имъ читать на скамьяхъ и заучивать поэмы лучшихъ писателей (101), въ которыхъ много наставительнаго, многое разсказывается 326. о древнихъ добродѣтельныхъ мужахъ и прославляются ихъ подвиги, чтобы дитя изъ соревнованія подражало имъ и само старалось сдѣлаться такимъ же. Къ сей самой цѣли, между прочимъ (102), стремятся и цитристы, питая разсудительность юношей и устраняя ихъ отъ шалости. Сверхъ того, выучившіисъ играть на цитрѣ, юноши тотчасъ затверживаютъ творенія другихъ добродѣтельныхъ поэтовъ, чтобы пѣть ихъ подъ звуки инструмента и, прѣвращивъ свою душу къ риѣму и гармоніи, исполнить ее кротости, созвучія и согласія, а чрезъ то доставить ей пользу въ словѣ и дѣлѣ; ибо и вся жизнь человѣческая имѣетъ нужду въ риѣмѣ и гармоніи (103). Послѣ того родители

Но признавшись въ этомъ, что скажемъ на слѣдующія его заключенія: по сему святость не такова, чтобы могла быть чѣмъ-то справедливымъ, и правда не такова, чтобы могла быть чѣмъ-то святымъ; но первая не справедлива, а послѣдняя не свята (118); или, первая несправедлива, а послѣдняя нечестива? Что отвѣчать на это? За себя я сказалъ бы, что и правда свята, и святость праведна; да и за тебя, если позво-

В. лишь, скажу тоже самое, то есть, что правда, или одно съ святостію, или подобна ей, а особливо, что правда есть, какъ святость, и святость, какъ правда. Смотри же, запрещаешь ты мнѣ отвѣчать такимъ образомъ, или считаешь этотъ отвѣтъ справедливымъ?—Не совсѣмъ справедливымъ, Сократъ, сказалъ онъ. Мнѣ кажется, не лзя согласиться безусловно, что правда

С. свята, а святость праведна; тутъ есть нѣкоторое различіе. Впрочемъ какая нужда? Если хочешь, прибавилъ онъ, пусть правда будетъ свята, а святость праведна. — О, нѣтъ, отвѣчалъ я; мнѣ нужно изслѣдовать не *если хочешь* и *если тебѣ кажется*; но чего хотимъ я и ты. Говорю, я и ты, и думаю, что дѣло рѣшится лучше, когда въ рѣшеніи его не будетъ *если*. — Такъ согласимся, что правда подобна святости, сказалъ онъ; ибо что *нибудъ* непременно подобно

Д. чему *нибудъ* въ чемъ *нибудъ*; даже бѣлое подобно въ чемъ *нибудъ* черному, твердое мягкому, и все другое, по видимому противополож-

ное. По сему и то, чему прежде мы приписывали особенныя значенія и говорили, что одно не таково, какъ другое, то есть, и части лица въ чемъ нибудь также подобны, и одна изъ нихъ такова, какъ другая. Такимъ образомъ ты можешь, если угодно, доказать, что все подобно одно другому. Но и подобное по чему нибудь, еще нельзя назвать подобнымъ, а неподобное Е. по чему нибудь—не подобнымъ; хотя это подобіе и очень не велико (119).—Удивившись сему я сказалъ: слѣдовательно справедливое и святое, по твоему мнѣнію, такъ относятся одно къ другому, что между ими есть только малое сходство? — Не столь малое, отвѣчалъ онъ, и не столь великое, какимъ оно тебѣ, по видимому, представляется.—Но, кажется, ты затрудняешься этимъ предметомъ, примовылъ я; остави же его и рассмотримъ нѣчто другое, тобою 332. сказанное.

Ты называешь что нибудь безуміемъ? — Называю.— Не совершенно ли противоположна ему мудрость,— Кажется, совершенно, отвѣчалъ онъ.— Но когда люди поступаютъ справедливо и съ пользою; тогда, по твоему мнѣнію, разсудительны они, или неразсудительны (120)? — Разсудительны, сказалъ онъ. — А разсудительны они конечно разсудительностию? — Необходимо.— Слѣдовательно поступающіе несправедливо поступаютъ безумно, и дѣлая такимъ образомъ бываютъ неразсудительны? — Мнѣ кажется, в.

такъ.—По сему дѣятельность безумная противуположна дѣятельности разсудительной? — Конечно.—И такъ совершаемое безумно, совершается безуміемъ, а разсудительно — разсудительностію?—Согласенъ.—Значить, исполняемое сильно, исполняется сильно, а слабостію слабо?—Кажется.—Съ скоростію — скоро, съ медленностію — медленно?—Дѣйствительно.—И что какъ дѣлается, то тѣмъ и дѣлается; а дѣлаемое напротивъ дѣлается отъ противнаго?—Согласенъ.—Хорошо,

- С. сказалъ я; есть ли что нибудь похвальное? — Есть. — Противуположно ли ему что нибудь, кромѣ постыднаго?—Ничто.—Есть ли что нибудь доброе?—Есть.—Противуположно ли ему что нибудь, кромѣ худаго?—Ничто.—Есть ли что нибудь высокое въ звукъ?—Есть.—Противуположно ли ему что нибудь кромѣ низкаго?—Ничто.—И такъ, каждой изъ противуположностей противуположно только одно, а не многое?—Согласенъ.—Хорошо; сообразимъ же теперь все, на что мы согласились, сказалъ я. Мы согласились, что одному противуположно
- Д. только одно, а не многое?—Согласились.—Что напротивъ дѣлаемое, отъ противнаго дѣлается?—Да.—Согласились также, что дѣлать безумно, значить, дѣлать противное тому, что дѣлается разсудительно?—Конечно.—И что исполняемое разсудительно исполняется разсудительностію, а безумно — безуміемъ?—Точно такъ. — Но что дѣлается напротивъ, то дѣлается отъ проти-

внано? — Да. — А дѣлается одно разсудительностью, другое — безуміемъ? — Конечно. — И напротивъ? — Безъ сомнѣнія. — И такъ же отъ е. противныхъ? — Да. — А противны безуміе и разсудительность? — Кажется. — Но помнишь ли, что сначала допущена противоположность между безуміемъ и мудростію? — Помню. — И одно противоположно только одному? — Да. — Отъ чего же отказаться намъ, Протагоръ: отъ того ли, что одному противоположно только одно (121), или отъ того, что разсудительность есть иное; чѣмъ мудрость, что каждая изъ нихъ есть часть: добродѣтели, что будучи иными, они не сходны ни сами по себѣ, ни по своимъ значеніямъ, какъ части лица? Отъ чего отказаться намъ? Ибо, эти положенія не очень чужды музыкальному отношенію между собою: онѣ не ладятъ и не гармонируютъ одно съ другимъ; да и какъ имъ ладить, если одному по необходимости противоположно только одно (121), а не многое, между тѣмъ, какъ безумію, которое — одно, противопоставляются и мудрость и разсудительность? В. Такъ ли, Протагоръ, или не такъ? сказалъ я. Онъ согласился нехотя. — Следовательно, разсудительность и мудрость должны быть одною; а прежде мы признали почти однимъ и тѣмъ же правду и святость. Но пусть такъ, продолжалъ я; не станемъ, Протагоръ, затруднять себя этимъ; изслѣдуемъ прочее. Кажется ли тебѣ, что человекъ, дѣлающій неправду, разсуждаетъ,

когда дѣлаетъ ее? — Я стыдился бы, Сократъ, согласиться съ этимъ; однакожъ многіе говорятъ такъ. — Но къ нимъ ли обратить мнѣ свою
С. рѣчь, или къ тебѣ? — Изслѣдуй, если угодно, сперва мнѣнія людей. — Все равно, лишь бы ты отвѣчалъ, такъ ли тебѣ кажется, или не такъ. Прямая цѣль моя — изслѣдовать самое дѣло; а между тѣмъ, можетъ быть, случится испытать и вопрошателя и отвѣтника. — Отъ сего предложенія Протагоръ сперва скромно уклонялся, жалуясь на трудность предмета; но по томъ однакожъ согласился отвѣчать.

Д. И такъ, отвѣчай мнѣ сперва, сказалъ я: кажется ли тебѣ, что люди, поступающіе несправедливо, разсудительны? — Пусть такъ. — А дѣйствовать разсудительно — не тоже ли, по твоему, что дѣйствовать благоразумно? — Тоже. — Но дѣятельность благоразумная, когда поступаютъ несправедливо, не есть ли дѣятельность доброжелательная? — Положимъ. — Несправедливому лучше ли наслаждаться добромъ, или зломъ? — Лучше добромъ. — Но признаешь ли ты что нибудь за добро? — Признаю. — То ли есть добро, что полезно людямъ, спросилъ я? — Да, клянусь Зевсомъ; однакожъ я называю добро добромъ, хотя бы оно и не было полезно людямъ. Мнѣ показалось, что Протагоръ уже сердится, горячится, и готовъ отказаться отвѣчать. Замѣтивъ это, я началъ спрашивать его осторожнѣе и тише. То ли считаешь ты добромъ

Протагоръ, что никому не полезно, или то, что ни по чему не полезно? — Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, я знаю многое, что людямъ не полезно (121); но пища, питіе, лѣкарства и множество другихъ вещей, полезны имъ. Иное людямъ—ни то, ни сѣ, а лошадямъ; иное однимъ быкамъ, иное собакамъ, а иное никому изъ животныхъ, но деревьямъ,—и въ деревьяхъ иное хорошо для корня, но худо для ростковъ; на примѣръ навозъ, когда обкладываютъ имъ корень растеній, есть добро, а приложи его къ побѣгамъ и молодымъ вѣткамъ,—все пропадетъ. Равнымъ образомъ масло для всякаго растенія весьма вредно, даже враждебно и волосамъ животныхъ, кромѣ волося человѣческихъ, которымъ, какъ и всему тѣлу человѣка, оно помогаетъ. И такъ добро есть нѣчто различное и разнообразное: одно и то же, по отношенію къ внешней сторонѣ тѣла—добро для человѣка, а по отношенію къ внутренней—зло. Отъ того-то всѣ врачи запрещаютъ больнымъ принимать масло, кромѣ самой малой мѣры во время стола, чтобы только заглушить непріятный запахъ пищи и питія, сообщающійся обонянію.

Когда Протагоръ кончилъ; то присутствующіе зашумѣли, въ знакъ того, что онъ хорошо говорилъ. Но я сказалъ: Протагоръ! Ты видишь во мнѣ человѣка забывчиваго, такъ что если кто нибудь долго бесѣдуетъ,—я забываю, о чемъ была рѣчь. Если бы я былъ глухъ; то, желая

разговаривать со мною, ты призналъ бы за необходимое говорить мнѣ громче, нежели другимъ: подобнымъ образомъ и теперь, — такъ какъ тебѣ пришлось имѣть дѣло съ безпамятнымъ, то раздѣляй отвѣты и сокращай ихъ, если хочешь, чтобы я слѣдовалъ за тобою. — Какъ же еще короче прикажешь отвѣчать? короче, нежели нужно? — О нѣтъ, сказалъ я. — Значить столько, сколько нужно? — Конечно. —

- Е. Но долженъ ли я отвѣчать столько, сколько самъ считаю нужнымъ, или сколько ты? — Я слышалъ, что ты можешь, если захочешь, долго разсуждать (122) объ одномъ и томъ же предметъ, такъ что въ словахъ у тебя недостатка не будетъ, и готовъ научить другихъ
335. тому же: знаю, что ты въ состояніи говорить и кратко, такъ что въ краткости никто не превзойдетъ тебя. Употребь же другой способъ — краткословіе, если угодно тебѣ разговаривать со мною. — Сократъ! сказалъ онъ, я уже пу-
скалъ свое слово въ борьбу со многими людьми и, если бы мнѣ дѣлать, что ты приказываешь, или бесѣдовать, какъ велить состязающійся, то не превзойти бы другихъ, и имени Протагора не было бы между Греками. — Видя, что прежніе отвѣты Протагора не нравятся самому ему, и что онъ не думаетъ разговаривать, отвѣтствуя на мои вопросы, я не счелъ
- В. своимъ дѣломъ присутствовать при его разсужденіяхъ и сказалъ: Протагоръ! я не настаиваю,

чтобы твоя беседа была несообразна съ твоею методою; но если бы тебѣ хотѣлось разговаривать такъ, что бы мнѣ можно было за тобою слѣдовать,—я принялъ бы участіе въ разговорѣ. Ты, какъ самъ говоришь, и какъ другіе свидѣтельствуютъ, умѣешь сообщать свои мысли и обширно и коротко, потому что ты мудрецъ: напротивъ я неспособенъ къ слуханію длинныхъ рѣчей, хотя бы и желалъ имѣть такую способность. Что бы беседа наша продолжилась, тебѣ, какъ сильному въ обоихъ родахъ, надлежало бы снизойти ко мнѣ. Если же ты не хочешь того, а у меня есть дѣло, и мнѣ нельзя выслушивать длинныхъ рѣчей твоихъ, потому что надобно кое-куда сходить; то я и иду, хотя бы, можетъ быть, слушалъ тебя съ удовольствіемъ.

Сказавъ это, я всталъ, чтобъ уйти. Но когда поднялся, Калліасъ правою рукою схватилъ меня за руку, а лѣвою за этотъ плащъ, и сказалъ: мы не пустимъ тебя, Сократъ; если ты уйдешь, то наша беседа будетъ уже не такова. Прошу тебя, останься съ нами. Мнѣ ни кого не слушать съ такимъ удовольствіемъ, какъ тебя и Протагора, когда вы разговариваете другъ съ другомъ: доставъ же всѣмъ намъ это удовольствіе.—Сынъ Иппоника! сказалъ я, (въ эту минуту я уже всталъ (193) и хотѣлъ уйти), для меня и всегда было пріятно твое любомудріе, и теперь хвалю и люблю е.

его; посему желалъ бы угодить тебѣ, если бы требовалъ отъ меня возможнаго. Но въ настоящемъ случаѣ ты какъ будто хочешь, чтобы я слѣдовалъ за сильнымъ скороходомъ, Крисономъ Имерейскимъ, или состязался съ тѣми, которые могутъ пробѣгать двойное, либо цѣло-
 336. дневное поприще (124). Говорю тебѣ, что я болѣе тебя радъ бы слѣдовать за сими скороходами; но право не могу (125). Если же тебѣ угодно видѣть меня и Крисона въ равномъ бѣгѣ; то проси послѣдняго о снисхожденіи, потому что я не въ состояніи бѣжать скоро, а онъ можетъ—медленно. Равнымъ образомъ, если ты желаешь слышать меня и Протагора; то проси послѣдняго, чтобы онъ отвѣчалъ столь же
 в. кратко, какъ прежде, и прямо на вопросъ: а иначе какой будетъ образъ разговора? Разговорное собесѣдованіе, по моему мнѣнію, отлично отъ народнои рѣчи. — Но видишь, Сократъ, сказалъ онъ, Протагору - то кажется справедливымъ разговаривать, какъ онъ хочетъ, а тебѣ, какъ ты хочешь.

Ты не такъ говоришь, Калліасъ, возразилъ Алкивіадъ: Сократъ сознается, что онъ неспособенъ къ длиннословію, и въ этомъ уступаетъ
 с. Протагору; но для меня было бы удивительно, если бы онъ уступилъ кому нибудь въ умѣнн вести разговоръ, или давать и принимать вопросы. Если и Протагоръ признается, что онъ ниже Сократа въ разговорѣ; то для послѣдняго

И довольно: когда же онъ не согласится съ этимъ; то пусть разговариваетъ, вопрошая и отвѣчая, а не растягиваетъ рѣчи послѣ каждаго вопроса, какъ бы уклоняясь отъ предмета и прямого рѣшенія; пусть не расплоскаетъ ея до того, пока многіе изъ слушателей забудутъ, о чемъ говорено было. Впрочемъ я ружаюсь, что Сократъ не забывчивъ, хоть шутя и говоритъ, будто не можетъ помнить. И такъ, по мнѣ, онъ правъ: пусть каждый объявитъ свое мнѣніе.

Послѣ Алкивіада говорилъ, кажется, Критіасъ: Продикъ и Иппіасъ! сказалъ онъ, Калліасъ, по видимому, слишкомъ на сторонѣ Протагора, а Алкивіадъ всегда упоренъ въ своихъ мысляхъ: напротивъ мы, не присоединяясь Е. ни къ Сократу, ни къ Протагору, должны просить обоихъ, чтобы они не прѣскащали своей бесѣды на срединѣ. — На это Продикъ от- 337. вѣчалъ: Ты хорошо говоришь, Критіасъ. Слушатели, присутствующіе при такихъ разсужденіяхъ, должны быть, по отношенію къ обоимъ разговаривающимъ лицамъ, общими, но не равными; ибо это не одно и тоже. Надобно слушать вообще того и другаго, однакожъ не равно принимать мнѣніе каждаго, но съ мудрейшимъ соглашаться болѣе, а съ немудрымъ — менѣе. Я и самъ считаю нужнымъ согласиться, Протагоръ и Сократъ, что вы можете спорить, но не ссориться: спорятъ друзья съ друзьями

и въ добромъ расположеніи; а *ссорятся* противники и враги. Такая бесѣда была бы для насъ весьма пріятна. Разговаривая подобнымъ образомъ, вы заслужили бы отъ насъ, слушателей, болѣе одобреніе, чѣмъ похвалу; ибо *одобреніе* происходитъ отъ души безпристрастной, а *похвала* заключается преимущественно въ словахъ, несообразныхъ съ убѣжденіемъ. И мы, C. слушатели, чувствовали бы отъ того больше удовольствіе, чѣмъ наслажденіе; ибо *удовольствіе* свойственно учащемуся, когда бываетъ доволенъ умъ его, а *наслажденіе* прилично вкушающему нѣчто такое, что пріятно дѣйствуетъ на его тѣло. — Когда Продикъ сказалъ это; то весьма многіе изъ присутствующихъ изъявили свое одобреніе (126).

Послѣ Продика началъ говорить мудрый Иппіасъ: Мужи, находящіеся здѣсь, сказалъ онъ, я думаю, что всѣ вы родственники, ближніе и граждане не по закону, а по природѣ (127): ибо D. подобное по природѣ сродно подобному; а законъ—тиранъ челоуѣковъ (128), онъ часто насилуетъ природу (129). И такъ, постыдно намъ, вѣдающимъ свойство вещей, мудрѣйшимъ изъ Эллиновъ, и потому стекшимся изъ цѣлой Эллады въ сей пританіумъ мудрости (130), а изъ цѣлаго города въ сей величайшій и благополучнѣйшій домъ,—постыдно намъ не проявить E. ничего достойнаго такой чести, но какъ худшимъ изъ людей разногласить другъ съ дру-

гомъ. Прошу и совѣтую, Протагоръ и Сократъ, позволить намъ, какъ посредникамъ, которые сближаютъ противныя стороны, свести васъ на среднемъ пути: и ты, Сократъ, не требуй точно того рода слишкомъ краткихъ разговоровъ, какой не нравится Протагору, но опусти и ослабь броды слова, чтобы оно казалось намъ величественнѣе и рисовалось; и Протагоръ не долженъ поднимать всѣ паруса (131) и при благопріятномъ вѣтрѣ пускаясь въ море рѣчи, терять изъ вида землю: обоимъ вамъ надобно рѣзать середину. Если вы рѣшитесь дѣлать такъ; то довърьте мнѣ избрать судію (132), распорядителя и начальника, который будетъ ставиться о посредственной длиннотѣ рѣчей того и другаго изъ васъ. В.

Это понравилось присутствующимъ; всѣ одобрили мнѣніе Иппіаса, и Калліасъ сказалъ, что онъ не отпуститъ меня, что надобно избрать распорядителя. Но я отвѣчалъ: стыдно избирать судію рѣчей, потому что если избранный будетъ хуже насъ, то покажется несправедливымъ худшему судить лучшихъ; а когда онъ будетъ равенъ намъ, то и въ этомъ не много правды, ибо равный намъ и выполнить равное, следовательно избраніе его дѣло лишнее. Ну такъ вы выберете лучшаго чѣмъ мы? С. Избрать когонибудь мудрѣе Протагора, думаю, вамъ по истинѣ невозможно. Если же въ самомъ дѣлѣ не выберете лучшаго, а только укажете;

- то пристыдите Протагора, поставивъ надъ нимъ, какъ будто надъ пустымъ человѣкомъ, какого нибудь судію. Но что касается до меня, то мнѣ все равно. Чтобы наша бесѣда и разговоры, которыхъ вы желаете, могли состояться, я готовъ поступить такъ: если Протагоръ
- Д. не хочетъ давать отвѣтовъ, то пусть вопрошаетъ, а я буду отвѣчать и вмѣстѣ постараюсь показать ему, какимъ образомъ, по моему мнѣнію, отвѣчающій долженъ выполнять свое дѣло. Мои отвѣты будутъ продолжаться дотолъ, пока онъ не перестанетъ предлагать вопросовъ; а потомъ пусть обѣщается передать мнѣ право вопрошателя, и если окажется не готовымъ отвѣчать, то и я, и вы, будемъ съобща просить его, какъ теперь просите меня, чтобы онъ не разрушалъ нашей бесѣды. Для сего не
- Е. нужно никакого распорядителя; вы все будете распоряжаться. — Присутствующіе согласились со мною, и Протагоръ, хотя ему и очень не хотѣлось, принужденъ былъ принять на себя должность вопрошателя, съ тѣмъ, чтобы послѣ довольнаго количества вопросовъ, кратко отвѣчать и на мои вопросы. Онъ началъ свое дѣло почти слѣдующимъ образомъ.

Я думаю, Сократъ, сказалъ Протагоръ, что важная сторона воспитанія мужчины, 339. есть знаніе поэмъ; а это должно состоять въ разумѣніи того, что поэты воспѣвали правиль-

но и что нѣтъ, также въ умѣннѣхъ изъяснять ихъ сочиненія и давать отчетъ вопрошающему. Возьмемъ же и теперь вопросъ, близкій къ прежнему нашему предмету, то есть, къ добродѣтели, только добродѣтель перенесемъ въ поэзію (133). Симонидъ (134) гдѣ-то говоритъ Скопасу сыну Тесалійца Креона, что истинно трудно сдѣлать *В.* *человѣкомъ добрымъ, совершеннымъ во всѣхъ отношеніяхъ* (135), *человѣкомъ безъ недостатка*. Знаешь ли ты эту пѣснь, или я долженъ прочитать ее всю?—Не нужно, отвѣчалъ я; знаю, и много размышлялъ о ней.—Дѣльно; чтожь, каково она написана?—хорошо, вѣрно или нѣтъ?—Очень хорошо и вѣрно.—Но считаешь ли ты сочиненіе хорошимъ, въ которомъ сочинитель противорѣчитъ самому себѣ?—Нѣтъ, отвѣчалъ я.—Всмотрись же получше, сказалъ онъ.—Я довольно всматривался, добрый *С.* Протагоръ.—Слѣдовательно знаешь, что въ той же пѣснѣ говорится далѣе: *я имѣю не выгодное мнѣніе о Питтаковомъ изрѣченіи, хотя оно произнесено и мудрыми мужемъ, — что трудно быть добрымъ* (136).—Знаешь ли, что эти слова сказаны тѣмъ же, кѣмъ и прежнія?—Знаю.—И тебѣ кажется, что послѣднія согласны съ первыми?—Кажется;—и вдругъ опасаясь, чтобы онъ не началъ разсуждать, я прибавилъ: а тебѣ не кажется?—Можетъ ли быть согласенъ *Д.* самъ съ собою тотъ, кому принадлежать оба эти мнѣнія?—кто сперва утверждалъ, что трудно

сдѣлаться истинно добрымъ человекомъ, а потомъ, не много продолживъ свое сочиненіе, забылъ о прежней мысли и осуждаетъ Питтака, который говоритъ тоже самое, что трудно быть добрымъ, и не принимаетъ словъ его, хотя онѣ подтверждаются собственными его словами? Явно, что осуждая Питтаково мнѣніе, тождественное съ своимъ, Симонидъ осуждаетъ и самого себя, такъ что или первое, или последнее, должно быть невѣрно.—Выслушавъ это разсужденіе, многіе произвели одобрительный шумъ

Е. и похвалили Протагора: а у меня, отъ словъ его и отъ шума присутствующихъ, какъ будто отъ добраго удара кулачнаго бойца, сперва потемнѣло въ глазахъ и завертѣлось въ головѣ; но потомъ, если сказать тебѣ правду, желая выиграть время для размышленія о мнѣніяхъ поэта, я обратился къ Продикку и вызвалъ его къ бесѣдѣ слѣдующею рѣчью: Продикъ! Симонидъ—твой согражданинъ; ты долженъ помочь ему. Я призываю тебя, почти какъ Скамандръ, осажденный Ахиллесомъ, по свидѣтельству Омира, призывалъ Симонса:

«Воздвигнись, мой братъ, крѣпость мужа оба авось
Обуздаемъ» (137).

Да, призываю тебя; иначе Протагоръ разгромить нашего Симонида. Чтобы поставить его на ноги, нужна именно твоя мусікія (138), посредствомъ которой ты различаешь

В. слова хотѣть и желать, и еще нынѣ говорилъ

много прекраснаго. Смотри же, такъ ли и тебѣ кажется, какъ мнѣ: я думаю, что Симонидъ не противорѣчить самъ себѣ. Но объяви напередъ свое мнѣніе, Продикъ; тоже ли, по твоему, *дѣлаться и быть* (139), или не тоже?—О, свидѣтельствуюсь Зевсомъ, не тоже, отвѣчалъ Продикъ. — Слѣдовательно въ первомъ мѣстѣ Симонидъ выражаетъ собственную свою мысль, что истинно трудно *дѣлаться* добрымъ человекомъ?—Конечно.—А потомъ осуждаетъ Питтака- С. не за одинаковое съ своимъ мнѣніе, какъ полагаетъ Протагоръ, а за другое? ибо Питтакъ не сказалъ, какъ Симонидъ, что трудно *дѣлаться*, но трудно *быть* добрымъ. И такъ видишь, Протагоръ, Продикъ говорить, что *быть* и *дѣлаться* не одно и тоже: а если *быть* и *дѣлаться* не одно и тоже; то Симонидъ не противорѣчить самому себѣ. Можетъ быть и Продикъ и многіе другіе готовы утверждать съ Исіо- D. домъ, что трудно *сдѣлаться* добрымъ; потому что боги, прежде добродѣтели, требуютъ пота: но когда кто достигъ высоты ея; то бывъ трудною, она становится легка.

Продикъ выслушавъ это, похвалилъ меня; а Протагоръ сказалъ: такою поправкою, Со- кратъ, ты больше испортилъ, чѣмъ поправилъ дѣло. — Плохъ же видно я, Протагоръ, былъ E. мой отвѣтъ; я тотъ смѣшной врачъ, который врачуя болѣзнь, только усиливаетъ ее.—А вѣдь въ самомъ дѣлѣ такъ. — Какъ такъ? спросилъ

- я?—Поэтъ былъ бы не уменъ, если бы пріобрѣтеніе добродѣтели—дѣлю, по признанію всѣхъ людей, самое трудное, — почиталъ столь мало-важнымъ (140). — Клянусь Зевсомъ, сказалъ я, что Продикъ весьма кстати принялъ участіе въ нашемъ разговорѣ; ибо божественная мудрость его, Протагоръ, едва ли не столь древняя, что получила начало отъ Симонида,
341. а можетъ быть, и того древнѣе (141): напротивъ ты знаешь много другаго, а этой мудрости, кажется, не знаешь, не такъ какъ я, ученикъ Продика (142). Ты по видимому не замѣтилъ, что и слово *трудно* Симонидъ, должно быть, понималъ не въ томъ значеніи (143), въ какомъ оно принимается тобою. Продикъ каждый разъ учить меня разумѣть его въ значеніи ужаса; напримѣръ, если я, хваля тебя, или кого другаго, говорю: Протагоръ человекъ ужасно мудрый, то онъ воз-
- В. ражается: не стыдно ли тебѣ доброе называть ужаснымъ? ужасное есть зло; а потому никто не говоритъ объ ужасномъ богатствѣ, объ ужасномъ мирѣ, объ ужасномъ здоровьѣ; но говорятъ объ ужасной болѣзни, объ ужасной войнѣ, объ ужасной бѣдности, потому что ужасное есть зло. Такимъ же образомъ, можетъ быть, и Хіосцы и Симонидъ подъ именемъ труднаго понимаютъ зло, или что другое, чего ты не знаешь. Спросимъ-ка лучше Продика; ибо съ
- С. нимъ приличнѣе совѣтоваться о языкѣ Симонида.

Продикъ! что разумѣеть Симонидъ подь именемъ труднаго?—Злое, отвѣчалъ онъ.—Слѣдовательно за то и осуждаетъ онъ Питтака, сказавъ я, что въ его выраженіи: трудно быть добрымъ, видить мысль: худо быть добрымъ?—Что же другое, кромъ сего, по твоему мнѣнію, Сократъ, можно бы разумѣть тутъ? Симонидъ порицаетъ Питтака за его неумѣніе правильно различать слова, такъ какъ онъ Лесбосецъ и воспитанъ былъ подь вліяніемъ варварскаго нарѣчія (144). — Слышишь Протагоръ, что говоритъ Продикъ? Можешь ли что нибудь **Д.** сказать противъ него?—Далеко не такъ, Продикъ, отвѣчалъ онъ. Мнѣ хорошо извѣстно, что Симонидъ, какъ и всѣ мы, подь именемъ труднаго разумѣлъ не злое, а то, что не легко, и пріобрѣтается великими трудами.—И мнѣ равнымъ образомъ кажется, Протагоръ, что онъ разумѣлъ то самое; да и Продикъ это знаетъ, но только шутить, какъ будто желая испытать, можешь ли ты защищать свое мнѣніе. А что трудное Симонидъ называлъ не худымъ, важный признакъ заключается въ слѣдующемъ **Е.** же за тѣмъ выраженіи: тамъ говорится, что *сіе преимущество принадлежитъ одному Богу.* Если бы Симонидъ сказалъ, что худо быть добрымъ, и потомъ прибавилъ, что одинъ Богъ имѣетъ это зло, или что сіе преимущество принадлежитъ одному Богу; то Продикъ почелъ бы своего соотечественника человѣкомъ гибель-

нымъ и вовсе не Хюсцемъ (145). Между тѣмъ угодно ли тебѣ знать мою опытность (или какъ ты называешь это) въ поэмахъ? Я, пожалуй, выскажу свое мнѣніе о смыслѣ Симонидовой пѣсни: а когда неудобно; готовъ слушать тебя.— На это предложеніе Протагоръ отвѣчалъ: какъ хочешь, Сократъ; а Продикъ, Иппіасъ и другіе рѣшительно приказывали говорить.

И такъ попробуюсь объяснить вамъ, что именно я думаю объ этой пѣсни. Самая древняя и особенно распространившаяся между Греками философія находится въ Критѣ и Лакедемонѣ, в. и софистовъ тамъ множество (146). Но они притворяются и кажутся невѣждами, какъ и тѣ, о которыхъ говорилъ Протагоръ, чтобы не обнаружить своего превосходства въ мудрости предъ прочими Греками; напротивъ выставляютъ себя предъ ними только въ военномъ искусствѣ и мужествѣ, съ тою мыслию, что узнавъ, чѣмъ дѣйствительно они лучше другихъ, всѣ примутся за то же дѣло. Такою скрытною софисты обманываютъ жителей иныхъ странъ, которые подражая Лакедемонянамъ (147), и прокалываютъ себѣ уши, и надѣваютъ с. на руки кожаные перчатки, и упражняются въ гимнастикѣ, и носятъ короткіе плащи, какъ будто Лакедемоняне этимъ только и превосходятъ прочихъ Грековъ. А Лакедемоняне, какъ скоро хотятъ искренно побѣдствовать своими софистами, и какъ скоро наскучило

нимъ бесѣдовать тайно, — тотчасъ предписываютъ
выслать всѣхъ иностранцевъ-подражателей⁽¹⁴⁸⁾;
если же какой изъ нихъ и останется, то скры-
ваютъ отъ него свою бесѣду. Сверхъ того, по-
добно Критянамъ, не позволяютъ и своимъ
юношамъ отъѣзжать въ другія общества, чтобы
они не передали кому-нибудь того, что сами
знаютъ. Въ этихъ республикахъ не только муж-
чины, но и женщины получаютъ высокое
воспитаніе. А что я говорю справедливо, то-
есть, что Лакедемоняне въ самомъ дѣлѣ хорошо
воспитаны въ философій и искусствъ слова, —
можете узнать изъ слѣдующаго. Кто захочетъ
поговорить хотя бы-то съ худшимъ изъ Лаке-
демонянъ; тотъ найдетъ его большею частію
какъ будто слабымъ въ рѣчи: но потомъ, при
случаѣ, вдругъ вырывается у него, весьма кста-
ти, изреченіе краткое и сжатое, подобное силь-
но пущенной стрѣлѣ, такъ что собесѣдникъ,
являясь предъ нимъ не лучше дитяти. Обра-
щая вниманіе на это обстоятельство, многіе и
изъ древнихъ, и изъ современныхъ намъ мужей
поняли, что подражать Лакедемонянамъ зна-
читъ болѣе любить мудрость, нежели тѣлесныя
упражненія; ибо произносить подобныя изрѣ-
ченія можетъ только человекъ совершенно об-
разованный. Такими почитаются Фалесъ Ми- 343.
летскій, Питтакъ Митиленскій, Висъ Пріен-
скій, напѣ Солонъ, Клеовулъ Линдскій, Ми-
сонъ Хинейскій⁽¹⁴⁹⁾ и седьмой, причисляемый

- къ нимъ, Хилонъ Лакедемонскій. Всѣ они были соревнователями, любителями и учениками Лакедемонскаго образованія, и каждый можетъ знать, что именно въ этомъ состояла ихъ мудрость, то-есть, въ краткихъ, достопамятныхъ
- В. изрѣченіяхъ. Съ общаго согласія, они посвятили начатокъ своей мудрости Делфійскому храму Аполлона, написавъ на немъ всѣми прославляемыя мѣнія (150): *познай самаго себя и ничего слишкомъ*. Но для чего я говорю объ этомъ? Для того, что у древнихъ философія состояла въ Лакедемонскомъ краткословіи, и что самое выраженіе Питтака: *трудно быть добрымъ*, переходило изъ устъ въ уста, какъ выраженіе
- С. хвалимое мудрыми. Но Симонидъ, побуждаемый страстію къ мудрости, понялъ, что если онъ опровергнетъ это изрѣченіе, какъ знаменитаго борца, и преодолѣетъ его; то самъ прославится между современниками. Такимъ образомъ, именно противъ сего изрѣченія и съ умысломъ уронить его, онъ, какъ мнѣ кажется, написалъ всю свою пѣснь. Изслѣдуемъ общими силами, правду ли я сказалъ. Кто хотѣлъ бы вдругъ съ самаго начала пѣсни произнести:
- В. трудно сдѣлаться человѣкомъ добрымъ; и тутъ же прибавилъ бы частицу *μη*; тотъ говорилъ бы безъ смысла: эта частица вовсе неумѣстна, если предположимъ, что Симонидъ не имѣлъ намѣренія воставать на Питтаково изрѣченіе. Противъ словъ Питтака, что трудно быть

добрымъ, Симонидъ возражаетъ: Нѣтъ, Питтакъ, но дѣлаться добрымъ человекомъ трудно по истинѣ. Онъ не говоритъ: истинно добрымъ,— не сюда относить истину, какъ бы предполагая однихъ истинно добрыми, а другихъ—хотя и въ добрыми, но не истинно; это было бы нецѣпо и недостойно Симонида. Нѣтъ, въ его пѣсни слово *по истинѣ* надобно перестановить (151), какъ будто бы онъ подразумѣвалъ изрѣченіе Питтака, и какъ будто бы утверждалъ самъ Питтакъ, а Симонидъ отвѣчалъ ему. Напримѣръ, первый взывалъ бы: Люди! трудно быть добрымъ! а послѣдній въ отвѣтъ ему: несправедливо говоришь Питтакъ; не быть, а дѣлаться 344
человекомъ добрымъ, совершеннымъ во всѣхъ отношеніяхъ, — человекомъ безъ порока, трудно по истинѣ. При такомъ смыслѣ рѣчи, и частица *μεν* будетъ здѣсь не безъ причины, и слово *по истинѣ* въ концѣ выраженія уместно. Это значеніе подтверждается также всѣмъ послѣдующимъ: ибо можно бы и чрезъ разсмотрѣніе отдѣльныхъ мыслей въ пѣсни Симонида показать, какъ хорошо она написана, в. какъ она изящна и обработана; но разсматривать ихъ было бы долго. По сему мы раскроемъ только общій характеръ сочиненія и намѣреніе сочинителя—совершенно опровергнуть изрѣченіе Питтаково во всей своей пѣсни. Немного ниже онъ какъ будто говоритъ, что сдѣлаться добрымъ человекомъ хотя по истинѣ трудно,

- однакожь все еще на нѣсколько времени воз-
- С. можно: напротивъ сдѣлавшись, оставаться въ этомъ состояніи и быть добрымъ человѣкомъ, какъ ты утверждаешь, Питтакъ, есть дѣло невозможное и не человѣческое, потому что сіе преимущество принадлежитъ одному Богу; а *человѣку нельзя не быть злымъ, когда его увлекаетъ слѣпая судьба*. Но кого увлекаетъ слѣпая судьба при управленіи кораблемъ? Явно, что не неопытнаго; ибо неопытный всегда внизу. Лежачаго никто не повергаетъ; повергнуть можно только стоячаго, чтобы онъ лежалъ, а не лежачаго. Подобнымъ образомъ и слѣпая судьба можетъ увлечь только осмотрительнаго; а того, кто всегда неосмотрителенъ, она не увлекаетъ. Такъ напримѣръ, сильная буря дѣлаетъ безсильнымъ только кормчаго, худая погода—только земледѣльца; тоже и о врачѣ. Равно и злымъ свойственно дѣлаться только доброду, какъ свидѣтельствуешь другой поэтъ (152): «добрый человѣкъ—то золъ, то добръ». Напротивъ, злему свойственно не дѣлаться, но всегда быть по необходимости. По сему, и осмотрительный, и мудрый, и добрый, когда увлекаетъ ихъ слѣпая судьба, не могутъ не быть злыми. А ты говоришь, Питтакъ, что трудно быть добрымъ: дѣлаться добрымъ конечно трудно, но возможно; напротивъ быть добрымъ не возможно. *Всякій человѣкъ, поступающій хорошо, добръ, а худо—золъ*. Но что называется добрымъ

поступкомъ въ отношеніи къ грамотѣ? и что дѣлаетъ добрымъ человѣкомъ вразсужденіи ея? 346. Разумѣется изученіе грамоты. Какая добрая дѣятельность характеризуетъ добраго врача? Разумѣется, умѣнье пользоваться больныхъ. *А худо — зло.* Но кого называли бы мы худымъ врачомъ? очевидно того, кому прежде случалось носить имя врача, а потомъ — имя врача хоронимаго; слѣдовательно, который могъ бытъ и худымъ. Вотъ мы, несвѣжды въ врачевномъ искусствѣ, не въ состояніи дѣлать худо, ни какъ врачи, ни какъ плотники, ни какъ другіе каіе нибудь люди въ этомъ родѣ. Кто, вѣдая худо, не былъ бы врачомъ; того нельзя было бы назвать и худымъ врачомъ. По сему добрый человѣкъ иногда можетъ сдѣлаться и худымъ, или отъ времени, или отъ труда, или отъ болѣзни, или отъ какого нибудь другаго несчастія; ибо единственное худое дѣйствіе есть лишеніе знанія: напротивъ человѣкъ худой никогда не сдѣлается худымъ; потому что онъ всегда худъ. Чтобы сдѣлаться худымъ, ему надлежало бы сперва сдѣлаться хорошимъ. Слѣдовательно и это выраженіе пѣсни указываетъ С. на прежнюю мысль, что доброму человѣку невозможно постоянно быть добрымъ; но возможно одному и тому же дѣлаться и добрымъ и худымъ. *Болѣе же всѣхъ бываютъ добрыми, тѣ, которыхъ любятъ боги.* Что все это было говорено противъ Питтака, еще болѣе подтвер-

ждается дальнѣйшимъ содержаніемъ пѣсни. Симонидъ говоритъ: *По сему я не предаю своей жизни суетной и несбыточной надеждѣ, ища того, что невозможно*, — совершенно непорожнаго чело­вѣка между людьми, питающимися отъ плодовъ далеко населенной земли:

- Д. *если же найду его; то возвышу вѣль.* Такъ сильно и во всей своей пѣсни нападаетъ онъ на изрѣченіе Питтака. *Я хвалилъ бы и любилъ всякаго охотно* (153), *кто не дѣлалъ бы ничего постыднаго; а съ необходимостію и боги не воюютъ* (154). Вотъ и это сказано для прежней цѣли: ибо Симонидъ не былъ столь простъ, чтобы вызывался хвалить чело­вѣка, который охотно не сдѣлалъ ничего худаго, какъ будто есть люди, охотно дѣлающіе зло. Я думаю почти такъ, что ни одному мудрецу не приходило въ умъ, будто чело­вѣкъ грѣшить охотно (155), и охотно совершаетъ постыдные, Е. или худые поступки. Мудрые люди знали, что всѣ, дѣлающіе постыдное и худое, дѣлаютъ это невольно. По сему и Симонидъ не говоритъ, что онъ хвалилъ бы того чело­вѣка, который охотно не дѣлаетъ зла; но слово *охотно* относитъ къ самому себѣ, — въ той мысли, что прекрасный и добрый чело­вѣкъ не рѣдко принуждаетъ себя быть чѣмъ-нибудь другомъ и 346. хвалителемъ, равно какъ нерѣдко случается чело­вѣку имѣть жестокихъ отца, мать, отечество, и другое тому подобное. Люди порочные,

встрѣчаясь съ такими случаями, смотрятъ на нихъ почти съ удовольствіемъ, и своею хулою выказываютъ и обвиняютъ порочность родителей, или отечества, чтобы другіе не обвиняли и не порицали ихъ самихъ за нерадѣніе о родителяхъ и отечествѣ; такъ что хулятъ ихъ **В.** еще болѣе и къ необходимой враждѣ присоединяютъ произвольную. Напротивъ добрые принуждаютъ себя скрывать многое и хвалить родителей и отечество: если же, будучи оскорблены, и досаждаютъ на нихъ; то заставляютъ себя одуматься и примириться съ ними, даже любить ихъ. Мнѣ кажется, что верѣдко и самъ Симонидъ не охотно, а по неволѣ признавалъ нужнымъ хвалить и прославлять тирана (156), или другаго ему подобнаго. По сему-то онъ **С.** говоритъ Питтаку: *Я не для того хулю тебя, что люблю хулить. Меня удовлетворилъ бы человекъ, только что не худой, но и не совершенно несмысленный, а здраво мыслящій, знающій законную пользу общества. Я не сталъ бы порицать его, потому что не расположенъ къ порицанію. Роды глупыхъ безмысленны, и кто находилъ бы удовольствіе бранить ихъ, тотъ набранился бы досыта. Все прекрасно, къ чему не примѣшалось постыдное.* Сія слова имѣютъ не такой смыслъ, какъ будто **В.** бы онъ сказалъ: все было, къ чему непримѣшалось черное; иначе это было бы очень смѣшно. Нѣтъ, для него довольно и середины,

чтобы не хулить. Не ищу, говорить онъ, совершенно непорочнаго человека между людьми, питающимися отъ плодовъ далеко населенной земли: если же найду его; то возвыщу вамъ. То-есть, мнѣ не придется никого хвалить за это: но чтобы имѣть причину любить и хвалить всѣхъ, для меня довольно было бы и одной средины, то-есть недѣланія зла. Въ настоящемъ
 Б. случаѣ Симонидъ употребляетъ нарѣчіе Митиленаецъ, какъ бы говоря Питтаку: я готовъ любить и хвалить всякаго охотно (здѣсь слово *охотно* надобно отдѣлать отъ дальнѣйшаго выраженія), кто не дѣлалъ бы ничего постыднаго; но есть и такіе, которыхъ я люблю и хвалю неохотно. И такъ я никогда не порицалъ бы тебя, если бы твои слова были хоть отчасти приличны и вѣрны: но такъ какъ ты
 347. принимаешь за истину явную ложь, да еще и вразсужденіи важнаго предмета; то я порицаю тебя. Вотъ такая мысль, Продикъ и Протагоръ, по моему мнѣнію, была въ умѣ Симонида, когда онъ писалъ свое сочиненіе!

Хорошо и ты, Сократъ, объяснилъ Симонидову пѣснь, сказалъ Иппіасъ; но у меня есть на
 Б. тотъ же предметъ превосходная рѣчь, которою, если хотите, я подѣлюсь съ вами.—Конечно, Иппіасъ, отвѣчалъ Алкивіадъ; но пусть это послѣ: а теперь должны сдѣржать свое слово Протагоръ и Сократъ. Если Протагору угодно еще спрашивать; то Сократъ будетъ отвѣчать: а

когда первый хочет отвѣчать; то послѣдній обязанъ предлагать вопросы.—Предоставляю Протагору, сказалъ я, избрать, что ему пріятнѣе. Пожалуй, мы оставимъ разсужденіе о пѣсняхъ и поэмахъ, и съ удовольствіемъ приведемъ къ концу изслѣдованіе того предмета, о которомъ я прежде спрашивалъ тебя, Протагоръ. При томъ, разговоръ о стихотвореніяхъ, мнѣ кажется, приличнѣе на пирахъ пустыхъ людей и площадныхъ звакъ, которые, будучи не въ состояніи бесѣдовать сами по себѣ отъ пьянства, а собственнымъ языкомъ и словами—по причинѣ невѣжества, дорого платятъ флейщицамъ, высоко цѣнятъ чужіе звуки инструментовъ и бесѣдуютъ другъ съ другомъ ихъ тонами. Напротивъ, когда собираются собесѣдники хорошіе, добрые и образованные; то у нихъ не увидишь ни флейщицъ, ни танцовщицъ, ни пѣвицъ; потому что они, и безъ этихъ бездѣлокъ и ребячествъ, могутъ бесѣдовать одинъ съ другимъ сами по себѣ, собственнымъ голосомъ, то говоря, то слушая, — и все это въ порядкѣ, хотя бы случилось имъ выпить и много вина. Тоже надобно сказать и о со- Е. браніяхъ, подобныхъ настоящему, куда многіе изъ насъ пришли съ извѣстнымъ о себѣ понятіемъ: онѣ не имѣютъ нужды въ чужомъ голосѣ и въ поэтахъ, которыхъ нельзя спросить, о чемъ у нихъ говорится, и которыхъ словамъ одни приписываютъ такой смыслъ, другіе—

привелъ мнѣ на память, иное разрышилъ. Вопросъ, кажется, былъ такой: мудрость, разсудительность, мужество, справедливость и святость, суть ли только пять названій одной вещи, или подъ каждымъ названіемъ разумѣется особенная сущность и вещь, имѣющая свое частное значеніе, и отличающаяся отъ прочихъ? Ты сказалъ тогда, что это названія не одной вещи, но что каждое изъ нихъ соотвѣтствуетъ отдѣльно своей собственной, и

- C. что всѣ эти вещи суть части добродѣтели — не въ томъ смыслѣ, какъ части золота, подобныя однѣ другимъ и цѣлому, коего онѣ части; но какъ части лица, не похожія ни на цѣлое, коего онѣ части, ни одна на другую, но имѣющія особенныя свои значенія. Если ты и теперь думаешь такъ же, какъ прежде,—скажи; а если иначе,—объяснись. Я не поставлю тебѣ въ вину и другаго отвѣта; ибо
- D. не удивляюсь, что тогда ты, можетъ быть, хотѣлъ только испытать меня. — Я повторяю, Сократъ, отвѣчалъ онъ, что всѣ эти вещи суть части добродѣтели, и что четыре изъ нихъ дѣйствительно близки одна къ другой, но мужество есть нѣчто отличное. Въ вѣрности словъ моихъ ты можешь легко удостовѣриться; ибо найдешь много людей самыхъ несправедливыхъ, самыхъ нечестивыхъ, самыхъ безразсудныхъ и глупыхъ, которые однакожь отличаются мужествомъ. — Пой, сказалъ я, вотъ это-то

и надобно изслѣдовать. Мужественными называешь ты смѣлыхъ, или кого другаго?—Да, и отважныхъ, отвѣчалъ онъ, которые смѣло приступаютъ къ тому (159), чего многіе боятся.—Пусть такъ; но добродѣтель считаешь ли ты прекрасною? и не по тому ли выдаешь себя за наставника въ ней, что она прекрасна?—Конечно, если я не сошелъ съ ума. —Однако все ли въ ней прекрасно, или иное постыдно, а иное прекрасно?—Все до крайности прекрасно.—Знаешь ли, кто смѣло погружается въ колодезь?—Разумѣется, водолазь.—По тому ли, что умѣетъ, или по чему другому? — По тому, что умѣетъ.—Кто смѣло сражается на конѣ, конный или или пѣшій?—Конный. — А кто съ короткимъ щитомъ, легко вооруженный, или нѣтъ?—Легко вооруженный. И, если угодно, все такимъ же образомъ.—Слѣдовательно знатоки смѣлѣе незнакоковъ, и смѣлѣе самихъ себя, когда выучились, чѣмъ были прежде до ученія. В. Но видывалъ ли ты людей, незнающихъ ничего такого, которые однакожь смѣлы во всѣхъ подобныхъ дѣйствіяхъ?—Видывалъ, даже сличкомъ смѣлыхъ.—Слѣдовательно эти смѣльчаки вмѣстѣ и мужественны?—О, въ такомъ случаѣ мужество было бы дѣломъ постыднымъ, отвѣчалъ онъ; потому что это люди изступленные.—Но что сказалъ ты о мужественныхъ? развѣ не то, что они смѣлы?—Да; я и теперь говорю объ нихъ тоже самое. — И однакожь с.

эти смѣльчаки не мужественны, а безумны? между тѣмъ какъ прежде было сказано, что самые мудрые суть и самые смѣлые, а самые смѣлые—самые мужественные? Следовательно мужество есть мудрость?—Не вѣрно припоминаешь, Сократъ, что я говорилъ и отвѣчалъ тебѣ. Ты спросилъ: мужественные смѣлы ли? Я отвѣчалъ: смѣлы. Но не спрашивалъ: смѣлые мужественны ли? иначе на твой вопросъ было

Д. бы сказано, что не всѣ. А что мужественныхъ я призналъ смѣлыми, этого ты ни чѣмъ не опровергъ. Потомъ знатоковъ ты счелъ смѣлые самихъ себя и тѣхъ, которые незнакомы съ известнымъ искусствомъ, и отсюда заключилъ, что мужество и мудрость — одно и то же. Но продолжая идти симъ путемъ, можно бы также вывести слѣдствіе, что и крѣпость есть мудрость. Напримѣръ, положимъ, что ты сперва спросилъ бы меня: крѣпкіе сильны ли? Я отвѣчалъ бы: да. Потомъ: умѣющіе сражаться

Е. сильнѣе ли тѣхъ, которые не умѣютъ сражаться, и сильнѣе ли самихъ себя, когда они выучились, чѣмъ были до ученія? Я опять сказалъ бы: да. А какъ скоро я согласился бы въ томъ и другомъ; ты, основавшись на допущенныхъ мною положеніяхъ, могъ бы заключить, что по моему сознанію, крѣпость есть мудрость. Между тѣмъ допустивъ, что крѣпкіе сильны, я никакъ не могу допустить обрат-
351. наго положенія, что сильные крѣпки: ибо сила

и крѣпость не одно и тоже; но первая, то-есть, сила, происходитъ и отъ знанія, и отъ изступленія, и отъ страсти, а крѣпость—отъ природы и хорошаго питанія тѣла. Равно и въ настоящемъ случаѣ, смѣлость и мужество—не одно и тоже. Случается, что мужественные бываютъ смѣлы; но не всѣ смѣлые мужественны: ибо смѣлость происходитъ и отъ искуства, и отъ гнѣва, и отъ изступленія, такъ же какъ и сила; а мужество—отъ природы и хорошаго питанія души.

Думаешь ли, Протагоръ, что одни живутъ хорошо, а другіе худо? — Конечно.—Хорошо ли живетъ тотъ, кто проводитъ жизнь среди неспріятностей и страданій?—Нѣтъ.—А кто, проживши вѣкъ пріятно, наконецъ умеръ, тотъ хорошо ли жилъ, по твоему мнѣнію? — Хорошо.—Слѣдовательно жить пріятно, значитъ жить хорошо? а жить неспріятно, значитъ жить не хорошо? —Безъ сомнѣнія, если только жизнь находила удовольствіе въ прекрасномъ. — Какъ же, Протагоръ? Не почитаешь ли и ты, подобно многимъ другимъ, нѣкоторыхъ пріятностей зломъ, а нѣкоторыхъ неспріятностей добромъ? — Почитаю (160).—По тому ли что нибудь не добро, что пріятно, если изъ того не произтекаетъ ничего другаго? И равнымъ образомъ, по тому ли что нибудь не зло, что неспріятно? — Не знаю, Сократъ, сказалъ онъ, такъ же ли прямо, какъ ты спрашиваешь, долженъ я и отвѣчать,

- Д. что пріятности всѣ—добро, а непріятности всѣ—зло. Кажется безопаснѣе будетъ не только для отвѣта, но и для всей моей жизни, когда скажу, что вопервыхъ есть пріятности, которыхъ нельзя назвать добромъ, а непріятности, которыя никакъ не зло; вовторыхъ, есть пріятности—добро, а непріятности—зло; вътретьихъ, есть нѣчто безразличное—ни добро ни зло.—Пріятное, по твоему мнѣнію, самоли причастно удовольствію, или производитъ его? — Само
- Е. причастно, отвѣчалъ онъ.—А когда я спрашиваю: нѣчто, какъ пріятное, есть ли недобро? то разумно: удовольствіе—есть ли недобро? — Изслѣдуемъ, Сократъ, какъ ты всегда говоришь: если изслѣдованіе приведетъ къ дѣлу и откроется, что пріятное и доброе—одно и то же, согласимся; а если нѣтъ, то позволимъ себѣ сомнѣваться. — Но хочешь ли самъ давать на-
359. правленіе изслѣдованію, или предоставляешь это мнѣ?—По праву тебѣ, отвѣчалъ онъ; потому что ты ведешь рѣчь. — Значить, такимъ образомъ мы откроемъ истину? Въ самомъ дѣлѣ, кто намѣревался бы рассмотреть человека въ отношеніи къ его здоровью, или другимъ свойствамъ тѣла, а видѣлъ бы только лице и оконечности рукъ его; тотъ сказалъ бы: откройка и покажи мнѣ грудь и спину, чтобы я могъ рассмотреть тебя яснѣе. Того же и я хочу въ отношеніи къ изслѣдованію. Узнавъ твое мнѣніе о добромъ и пріятномъ, я считаю

нужнымъ предложить тебѣ еще слѣдующій вопросъ : открой-ка , Протагоръ , свою мысль ; В. какъ ты думаешь о знаніи ? такъ ли , какъ многіе люди , или иначе ? А люди большею частію понимаютъ его , какъ нѣчто такое , что не имѣетъ ни силы , ни водительства , ни власти : разумѣя же его въ семъ смыслѣ , полагаютъ , что человѣкъ , обладающій знаніемъ , управляется не имъ , но иными двигателями , то страстію , то удовольствіемъ , то скорбію , иногда любовію , а чаще страхомъ ; слѣдовательно , знаніе почитаютъ какъ бы рабомъ , котораго увлекаетъ—кто и куда угодно . Такъ ли и ты думаешь о немъ , или признаешь его чѣмъ-то прекраснымъ , и приписываешь ему силу управлять человекомъ ? То - есть , кто узналъ бы добро и зло ; тотъ не поддался бы другому влеченію и слушался бы только знанія , почитал одну разсудительность достаточною помощницею человека ? — Кажется , надобно понимать такъ , какъ ты говоришь , Сократъ . При томъ мнѣ , болѣе нежели кому нибудь , было бы стыдно не поставятъ мудрости и знанія выше всѣхъ человѣческихъ дѣйствій . — Хорошо и справедливо , Протагоръ . Но знаешь ли ? многіе невѣря мнѣ и тебѣ , будутъ говорить , что часто люди свѣдущіе не хотятъ оправдывать своихъ свѣдѣній самымъ дѣломъ и поступаютъ иначе ; а когда я спросилъ бы ихъ : отъ чегожъ это такъ ? они сказали бы : отъ того , что были

- людьми управляетъ или удовольствіе, или скорбь, или какая-нибудь другая изъ тѣхъ
- Е. причинъ, о которыхъ я недавно упоминалъ.— Мало ли, Сократъ, и кроме того, неправды на языкъ человѣческомъ!—Давай же убѣдимъ народъ и объяснимъ ему, что значить то состояніе, которое онъ называетъ служеніемъ удовольствіямъ и недѣланіемъ лучшаго, хотя бы оно
353. и познано было. Правда, когда мы скажемъ: люди! вы несправедливо говорите, вы обманываетесь; то они, можетъ быть, будутъ отвѣчать: Протагоръ и Сократъ! если это состояніе не есть служеніе удовольствіямъ; то что же оно? скажите намъ, какъ вы его называете? — Для чего, Сократъ, разсматривать мнѣнія народа, который говоритъ, какъ случится? — Я думаю,
- В. что это поможетъ намъ найти отношеніе мужества къ другимъ частямъ добродѣтели. И если, по силѣ условія, мнѣ будетъ позволено давать направленіе рѣчи; то смотри, какъ прояснится предметъ нашего разговора: а когда тебѣ не угодно; то пожалуй, оставимъ его.—Итъ, ты говоришь правду; продолжай, какъ началъ.—
- С. И такъ, если бы спросили насъ: что значить у васъ повиноваться удовольствіямъ? то надлежало бы отвѣчать: слушайте, я и Протагоръ постараемся объяснить вамъ это. Не то ли самое, люди, бываетъ и съ вами, въ разсматриваемомъ состояніи, что не рѣдко случается съ тѣми, которые, прельщаясь приманками пищи,

пьянства и сладострастія, и зная, что онъ порочны, тѣмъ не менѣе предаются имъ? — Они подтвердили бы это. — Потомъ я и ты конечно опять спросили бы ихъ: Но по чему эти дѣйствія вы называете злыми? по тому ли, что онъ доставляютъ удовольствіе минутное, следовательно пріятны только сами по себѣ? или по тому, что влекутъ за собою болѣзни, нищету и другое тому подобное? или наконецъ по тому, что, хотя и не приготавливаютъ ничего худаго въ будущемъ, а только представляютъ настоящія наслажденія, однакоже питаютъ ими тако-го человека, который разумѣетъ ихъ, какъ зло (161)? Можемъ ли мы, Протагоръ, ожидать отъ нихъ другаго отвѣта, кромѣ того, что зло вышеупомянутыхъ дѣйствій состоитъ не въ минутномъ удовольствіи, а въ его слѣдствіяхъ, то-есть, въ болѣзняхъ и прочемъ? — Я думаю, что они отвѣчали бы не иначе. — Но причина болѣзни есть вмѣстѣ причина страданія, и причина нищеты есть также причина страданія. Они конечно согласились бы? — Протагоръ подтвердилъ. — Изъ этого не видите ли вы, что удовольствія, какъ я и Протагоръ говоримъ, почитаются зломъ только по тому, что оканчиваются страданіемъ и лишаютъ человека другихъ удовольствій? Они согласились бы. — Да и намъ обоимъ кажется тоже самое. — Теперь спросимъ ихъ о противоположномъ: 354.

Люди! когда вы утверждаете, что страданіе

есть добро; то не разумѣете ли подъ этимъ, напимѣръ, тѣлесныхъ упражненій, воинскихъ подвиговъ, медицинскаго врачеванія посредствомъ выжиганій, выпрызываній, принятія лѣкарствъ и пощенія (162)? по тому что все это хотя и хорошо, однакожь болѣзненно. Они согласились бы.—Конечно.—Но по тому ли вы

В. называете сіи дѣйствія добрыми, что онѣ производятъ крайнее страданіе и скорбь только въ настоящемъ, или по тому, что отъ нихъ зависитъ здоровье, благосостояніе тѣла, спасеніе обществъ, власть надъ другими обществами и богатство въ будущемъ времени? Они вѣроятно допустили бы послѣднее.—Безъ сомнѣнія.—Слѣдовательно, эти дѣйствія суть блага не по другой какой причинѣ, а только по тому, что онѣ оканчиваются удовольствіями, что ими прекращаются и отвращаются страданія? Или

С. вы разумѣете другую цѣль, кромѣ удовольствій и страданій, по отношенію къ которой называете ихъ добрыми? Я не думаю, чтобы они подтвердили послѣднее.—И я также, сказалъ Протагоръ.—По этому вы гонитесь за удовольствіемъ, какъ за добромъ, и бѣгаете страданія, какъ зла? Они согласились бы.—Конечно.—И такъ, вы почитаете зломъ страданіе, а добромъ—удовольствіе; между тѣмъ, какъ прежде, и удовольствие называли зломъ, если оно лишаетъ васъ удовольствій большихъ, чѣмъ само, или приготовляетъ страданія важнѣе представляе-

мыхъ имъ наслажденій. Впрочемъ, можетъ д. быть, вы по чему другому, для какой-нибудь иной цѣли называли удовольствіе зломъ? Въ такомъ случаѣ скажите намъ. Но вы не можете сказать.—И мнѣ кажется, что не могутъ, отвѣчалъ Протагоръ.—Не такъ же ли опять надобно думать и о самомъ страданіи? Прежде не говорили ли вы, что страданіе—добро, по тому что имъ замѣняются страданія болѣе тѣхъ, какія есть въ немъ, или приготовляются удовольствія важнѣе настоящаго страданія? Впрочемъ, можетъ быть, у васъ въ виду другая цѣль, по которой страданіе называется добромъ, а Е. не та, о которой я говорю? въ такомъ случаѣ укажите намъ ее. Но вы не укажете. — Ты правъ, сказалъ Протагоръ. — Далѣе, положимъ, вы спросите меня: къ чему же ты такъ много и съ разныхъ сторонъ разсматриваешь это? Прошу снисхожденія, отвѣчалъ бы я. Во-первыхъ, не легко показать, что значить то состояніе, въ которомъ, по вашему выраженію, человекъ служить удовольствіямъ; во-вторыхъ, въ этомъ именно и сосредоточивается вся сила доказательствъ. Я считаю нужнымъ и еще сказать вамъ: смотрите, называете ли вы добро чѣмъ-то отличнымъ отъ удовольствія, а зло— 355. чѣмъ-то отличнымъ отъ страданія? или для васъ достаточно прожить вѣкъ пріятно, безъ страданій? Если достаточно, и вы не знаете другаго добра или зла, которое не оканчи-

валось бы этимъ; то слушайте далѣе. Когда вы говорите, что не рѣдко человѣкъ, понимающій известное дѣйствіе, какъ зло, тѣмъ не менѣе совершаетъ его, хотя бы и могъ не совершать, потому что бываетъ побужденъ и возбуждается

В. удовольствіями; когда вы говорите также, что человѣкъ, знающій добро, не хочетъ дѣлать его, повинаясь минутному удовольствію: то ваши слова я нахожу смѣшными. А что онѣ смѣшны, тотчасъ будетъ видно, какъ скоро мы перестанемъ называть предметы различными именами, напримѣръ, и пріятнымъ и непріятнымъ, и добромъ и зломъ; но, такъ какъ этихъ предметовъ найдено только два, будемъ означать ихъ и двумя названіями, то-есть, или всегда добромъ и зломъ, или всегда

С. пріятнымъ и непріятнымъ. Условившись такимъ образомъ, мы говоримъ, что человѣкъ, понимающій известное дѣйствіе, какъ зло, тѣмъ не менѣе совершаетъ его. Но пусть спросятъ насъ: по чему?—По тому, скажемъ, что онъ побуждается. — Чѣмъ побуждается, спросятъ еще?— На это уже нельзя отвѣчать: удовольствіемъ; ибо вмѣсто слова «удовольствіе» мы приняли слово «добро». И такъ, остается только повторять: по тому что побуждается.—Да чѣмъ же побуждается? скажутъ намъ.—Ахъ, ради Зевса, добромъ.—Тогда, вопрошатель, если онъ любитъ уколоть, засмѣется и примолвитъ: забавныя вы! Человѣкъ, знающій,

что известное дѣйствіе есть зло, и что не должно дѣлать его, увлекается къ совершенію зла добромъ! Но это добро стѣитъ или не стѣитъ того, чтобы имъ побѣждено было зло? — Мы конечно будемъ отвѣчать: не стѣитъ; по тому что иначе тотъ не погрѣшилъ бы, кто покорялся бы удовольствіямъ.—По чему же именно, спроситъ онъ, добро не стѣитъ зла, или зло добра? По тому ли, что одно значительно, а другое незначительно; одно болѣе, а другое менѣе; или по чему иному? — Мы, конечно не найдемъ иной причины, кромѣ указанной (163).— И такъ, быть побѣжденнымъ, по вашему, очевидно значить принимать большее зло вмѣсто меньшаго добра?—Выходитъ такъ.—Теперь, перемѣнимъ имена, то-есть, означимъ тѣ же предметы словами: пріятное и непріятное, и скажемъ: человекъ, знающій, что (прежде говорили: зло, а въ настоящемъ случаѣ пуетъ будетъ: непріятное) непріятное непріятно, тѣмъ не менѣе совершаетъ его, по тому что побѣждается удовольствіями, хотя удовольствія очевидно не стоятъ быть побѣдителями. И чѣмъ опредѣляется цѣнность удовольствія (164) въ сравненіи съ страданіемъ, какъ не избыткомъ, или недостаткомъ котораго нибудь изъ нихъ, то-есть, тѣмъ, что одно значительно, а другое незначительно; одно болѣе, другое менѣе; одно выше, другое ниже? Положимъ, что кто нибудь скажетъ: Сократъ! настоящая пріятность и непрі-

- ятность весьма отличны отъ слѣдующихъ за ними пріятности и страданія. Я спрошу: въ чемъ же состоитъ это различіе, какъ не въ удовольствіи и страданіи? Инаго различія нѣтъ. Человѣкъ умѣющій взвѣшивать, складываетъ на одну тарелку вѣсовъ пріятности, а на другую страданія, какъ ближайшія, такъ и отдаленныя, и взвѣшивая ихъ, видитъ, что перетягиваетъ. То-есть, если сравниваемъ пріятности съ пріятностями, то избирай значительнѣйшія и большія; если же страданія съ страданіями, то маловажныя и меньшія; а когда поставишь въ сравненіе пріятное съ непріятнымъ, то поступай слѣдующимъ образомъ: какъ скоро пріятное выше непріятнаго, дальнѣйшее выше ближайшаго, или ближайшее выше дальнѣйшаго, — дѣлай его: напротивъ, какъ скоро пріятное пересиливается непріятнымъ, — не дѣлай его. Не таково ли отношеніе между ими, люди, сказали бы я? И они конечно согласились бы со мною? — Безъ сомнѣнія согласились бы, прибавилъ Протагоръ. — А если такъ, продолжалъ бы я; то отвѣчайте мнѣ: одна и таже величина кажется ли вашему взору близки большую, а вдали меньшую, или не такъ? — Кажется. — Не тоже ли скажете вы въ многочисленномъ? не тоже ли я, будучи равны одинъ другому, близки громкимъ, а вдали а: счастье наше состо

ить съ одной стороны въ производствѣ и полученіи великихъ массъ, а съ другой, въ избѣганіи и недѣланіи малыхъ; то гдѣ искать спасенія жизни? Въ искусствѣ ли измѣрять, или въ значеніи явленія? Последнее очевидно обманываетъ насъ, нерѣдко заставляя понимать одно и тоже различнымъ образомъ и колебаться въ дѣйствіяхъ и избраніи вещей великихъ и малыхъ. Одно только искусство измѣрять отличаетъ сей обманъ чувствъ; одно оно, открывая вѣрное, доставляетъ душѣ спокойствіе, устанавливаетъ ее въ истинѣ и спасаетъ жизнь. И такъ, искусство ли измѣрять, или какое другое искусство, почли бы люди спасеніемъ жизни?—Искусство измѣрять, отвѣчалъ Протагоръ.—Положимъ же, что спасеніе нашей жизни зависитъ отъ избранія того, что равно и неравно: но какъ скоро надлежало бы рѣшить, когда должно избрать большее, и когда меньшее, и надобно ли разсматривать то и другое само по себѣ, или въ сравненіи съ иными, близкими или отдаленными вещами; то въ семъ случаѣ, что спасло бы жизнь? не знаніе ли, не мѣра ли, какъ средство опредѣлять 35: избытокъ и недостатокъ? И поелику это искусство имѣетъ дѣло съ равнымъ и неравнымъ; то не арифметика ли? Люди вѣроятно подтвердили бы это?—Конечно подтвердили бы, отвѣчалъ Протагоръ.—Хорошо; но далѣе: Если спасеніе жизни состоитъ въ правильномъ избраніи

- и полезное? — Такъ. — Если же пріятное есть доброе, продолжалъ я; то человекъ, знающій или думающій, что другое нѣчто—лучше того, что онъ дѣлаетъ, и возможно для него, конечно не будетъ дѣлать прежняго дѣла, имѣя въ своей власти лучшее? И не правда, что быть нижесамаго себя въ этомъ случаѣ, есть невѣжество, а выше самаго себя,—мудрость? — Всѣ согласились. — Чтожъ? По этому находится въ невѣществѣ, значить имѣть ложное мнѣніе и обманываться касательно дѣлъ великой важности? — И на это всѣ согласились. — Не справедливо ли также, сказалъ я, что никто добровольно не стремится къ злему, или къ тому, что почитаетъ злымъ? Да и неестественно, кажется, человеку, вмѣсто добра желать того, что признаетъ онъ худымъ. Если же кто-нибудь и поставляется въ необходимость избрать изъ двухъ золъ одно; то вѣрно не избрать бѣльшаго, когда возможно меньшее. — Это также всѣмъ намъ показалось. — Чтожъ? допускаете ли вы боязнь и страхъ? и такъ же ли понимаете ихъ, какъ я? (это къ тебѣ относится, Продикъ). По моему мнѣнію, боязнь и страхъ суть ожиданіе зла. — Протагоръ и Иппіасъ согласились, что мое опредѣленіе вѣрно; но Продикъ сказалъ, что такимъ образомъ надлежало опредѣлять боязнь, а не страхъ. — Все равно, Продикъ, возразилъ я. Дѣло въ томъ, справедливо ли сказанное прежде? то-есть, захочетъ ли человекъ идти къ тому, чего боится, когда отъ

него зависить стремиться къ предмету, не внушающему страха? или, послѣ того, съ чѣмъ мы согласились, это невозможно? Прежде было допущено, что чего мы боимся, то почитаемъ зломъ; а что почитаемъ зломъ, того не ищемъ и добровольно не получаемъ.—Правда.— 359.

Но когда все это такъ, Продикъ и Иппиасъ; то пусть теперь Протагоръ защищаетъ справедливость первыхъ своихъ отвѣтовъ,—не самыхъ первыхъ, которыми допускалось пять частей добродѣтели, не похожихъ одна на другую и имѣющихъ свои особенныя значенія; нѣтъ, я разумѣю не тѣ, а послѣдующія. Въ послѣдствіи онъ говорилъ, что четыре добродѣтели дѣйствительно близки одна къ другой; но пятая, то - есть мужество, весьма отлична отъ нихъ. Ты можешь, Сократъ, видѣть это изъ того, сказалъ онъ, что есть люди самые нечестивые, самые несправедливые, самые безразсудные и глупые, которые однакожь очень мужественны, и отсюда заключить, что мужество весьма отлично отъ прочихъ частей добродѣтели. Я тогда же былъ удивленъ этимъ отвѣтомъ (а еще болѣе удивился, изслѣдовавъ его вмѣстѣ съ вами) и по тому спросилъ Протагора: не смѣлыхъ ли называетъ онъ мужественными? даже отважныхъ, отвѣчалъ онъ. Помнишь ли ты это, Протагоръ? — Помню.— С. Скажи же намъ, предъ чѣмъ отважны мужественные? Предъ тѣмъ ли, предъ чѣмъ и трусы?—

Нѣтъ.—Значить, предъ инымъ чѣмъ-нибудь?—
Да, отвѣчалъ онъ.—Можетъ быть трусы отважны предъ тѣмъ, что требуетъ смѣлости, а мужественные предъ тѣмъ, что страшно?—

Д. Люди такъ говорятъ, Сократъ.—Правда; но я не о томъ спрашиваю: мнѣ нужно знать, предъ чѣмъ отважны мужественные, именно по твоему мнѣнію? Предъ тѣмъ ли, что страшно, и что они почитаютъ страшнымъ, или предъ тѣмъ, что нестрашно?—Изъ словъ твоихъ видно, что первое невозможно.—И это правда: если слова мои вѣрны, то никто не захочетъ приближаться къ тому, что почитаесть страшнымъ, развѣ невѣжество заставитъ когонибудь быть ниже себя.—Конечно.—И такъ, всѣ трусы и мужественные отваживаются на то, что требуетъ смѣлости; слѣдовательно, и трусы и мужественные стремятся къ одному.—

Е. Нѣтъ, Сократъ, совершенно напротивъ: трусы стремятся вовсе не къ тому, къ чему мужественные: на примѣръ, одни хотятъ идти на войну, а другіе не хотятъ.—Но похвально ли идти на войну, или постыдно?—Похвально, отвѣчалъ онъ.—А прежде мы согласились, что похвальное есть вмѣстѣ и доброе; ибо всѣ похвальные дѣйствія, сказали мы, еуть также и добрыя дѣйствія.—Справедливо; я всегда такъ думаю.—Хорошо; которые же, по твоему мнѣнію, не хотятъ идти на войну, когда это дѣло похвальное и доброе?—Трусы, отвѣчалъ онъ.—Но по-

хвальное и доброе есть вмѣстѣ и пріятное?— Конечно.— Слѣдовательно, трусы съ сознаниѣмъ не хотятъ того, что похвальнѣе, лучше и пріятнѣе? — Если мы согласимся на это, сказалъ онъ, то поставимъ себя въ противорѣчіе съ прежде допущенными положеніями. — А мужественный? не къ тому ли идетъ онъ, что похвальнѣе, лучше и пріятнѣе?—Необходимо согласиться.— По этому мужественные, боясь чего В.нибудь, боятся не постыднаго страха, и обнаруживаютъ смѣлость не постыдною отвагою?— Безъ сомнѣнія. — Если же то и другое не постыдно,—значить похвально?—Согласенъ. — А когда похвально, то и хорошо? — Такъ.— Слѣдовательно и трусы, и смѣльчаки, и изступленные, боятся постыднаго страха и оказываютъ постыдную смѣлость?—Согласенъ.— Но отваживаются они на постыдное и злое по другой ли какой причинѣ, или по незнанію и невѣжеству? — По незнанію и невѣжеству, отвѣчалъ онъ.—Чтожь теперь? То, по чему трусы суть С. трусы, называешь ты трусостию, или мужествомъ?—Трусостию.—А трусы не потому ли трусы, что не понимаютъ страха? — Конечно потому. — Слѣдовательно, трусы бываютъ трусами отъ невѣжества?—Согласенъ. — Но то, по чему трусы бываютъ трусами, ты согласился назвать трусостию?—Такъ.—По этому, трусость есть незнаніе того, что страшно и не страшно? — Одобрилъ.—А трусости противно мужество? — D.

Такъ.—Слѣдовательно, знаніе того, что страшно и нестрашно, противно незнанію сихъ вещей?—И это еще одобрилъ.—Незнаніе же ихъ есть трусость? — На это уже едва отвѣчалъ. — По сему, знаніе того, что страшно и нестрашно, есть мужество?—Тутъ Протагоръ не хотѣлъ отвѣчать болѣе и замолчалъ. А я между тѣмъ продолжалъ: Что же, Протагоръ? и не подтверждаешь и не отвергаешь? — Самъ кончи, сказалъ онъ.—Позволь сдѣлать еще одинъ вопросъ: Не думаешь ли ты и теперь, какъ думалъ прежде, что между людьми есть величайшіе невѣжды, которые однакожъ очень мужественны?—Тебѣ, кажется, сильно хочется, чтобы я отвѣчалъ: изволь, признаюсь, что прежде допущенныя мною положенія не позволяютъ отвѣчать мнѣ. — Но я спрашивалъ тебя не для чего инаго, а только для того, чтобы изслѣдовать все, относящееся къ добродѣтели, и въ чемъ состоитъ самая добродѣтель (165). Знаю, что по раскрытіи сего, совершенно объяснилось бы и то, о чемъ мы оба такъ долго разсуждали: я,—что учить добродѣтели невозможно; ты,—что она изучима. А теперь заключеніе нашего разговора представляется мнѣ въ видѣ челобитчика, или насмѣшника, который, если бы могъ говорить, сказалъ бы: какъ вы странны, Сократъ и Протагоръ! ты, Сократъ, прежде утверждалъ, что добродѣтели учить нельзя, а теперь хочешь противнаго тому, усиливаясь

доказать, что все виды добродѣтели,—и справедливость, и разсудительность, и мужество,— суть знаніе; но вѣдь отсюда слѣдуетъ, что все онѣ могутъ быть предметомъ науки. Если бы добродѣтель была не знаніе, а что-нибудь другое, какъ доказывалъ Протагоръ; то очевидно не могла бы быть изучимою: поелику же она, въ угодность тебѣ, Сократъ, есть знаніе (168); то странно, отъ чего бы ей не быть предметомъ науки. Равнымъ образомъ, Протагоръ прежде полагалъ, что добродѣтель изучима, а теперь хочетъ, по видимому, противнаго, и лучше соглашается называть ее почти всею, лишь С. бы только не знаніемъ. Но подъ этимъ условіемъ она никакъ не можетъ быть предметомъ науки. Обозрѣвая такимъ образомъ все съ начала до конца, и встрѣчая ужасныя противорѣчія, я сильно желаю распутать ихъ, и хотѣлъ бы, послѣ прежнихъ нашихъ изслѣдованій, опредѣлить: что такое добродѣтель? а потомъ опять разсмотрѣть: изучима ли она, или нѣтъ? Пусть тотъ Эпиметей не вводитъ насъ въ обманъ при изслѣдованіи, какъ онъ, по твоимъ D. словамъ, обошелъ насъ при раздѣлѣ. Мнѣ и въ притчѣ, Прометей правится больше Эпиметея. Руководствуясь имъ и желая быть предусмотрительнымъ въ цѣлой своей жизни, я готовъ дѣлать все и, если хочешь, съ удовольствіемъ буду изслѣдовать вмѣстѣ съ тобою предметъ нашего разсужденія, какъ обѣщался сначала.—

Твое усердіе, Сократъ, и искусство вести разговоръ, похвальны, отвѣчалъ Протагоръ. Впрочемъ и я, думаю, человѣкъ нехудой, а особенно независтливъ: говорю многимъ, что изъ всѣхъ, съ кѣмъ встрѣчаюсь, и преимущественно изъ сверстниковъ твоихъ, болѣе уважаю тебя, и не удивляюсь, что ты будешь принадлежать къ числу знаменитѣйшихъ мужей по своей мудрости. Что же касается до предлагаемаго тобою предмета, то изслѣдуемъ его, если хочешь, послѣ: а теперь время обратиться къ 362. чему нибудь другому.—Пусть будетъ такъ, какъ тебѣ угодно, сказалъ я: при томъ, и мнѣ давно уже пора идти, и только благодаря любезному Калліасу, я доселѣ оставался здѣсь.—Послѣ этихъ обоюдныхъ объясненій, мы разстались.

ЭВТИДЕМЪ.

3818786

ЭВТИДЕМЪ.

=

ВВЕДЕНІЕ.

Въ Платоновыхъ сочиненіяхъ можно различать два главные рода софистовъ. Одни изъ нихъ любили блистать краснорѣчіемъ и часто увлекали имъ слушателей. Обыкновеннымъ дѣломъ такихъ ораторовъ было—изысканною пышностію выраженій возвышать въ глазахъ толпы самые низкіе предметы и придавать имъ видъ чего-то важнаго. Въ обиліи и неистощимости своего слова они были такъ увѣрены, что смѣло вызывались говорить сколько угодно и о какомъ угодно предметѣ, запросто являлись на площади, или въ народныхъ собраніяхъ, и требовали себѣ темы для рѣчи. Этимъ ремесломъ особенно отличались Горгіасъ, Иппіасъ и другіе. Но были и такіе софисты, которые не отказываясь отъ способности говорить краснорѣчиво, преимущественно однакожь вдавались въ діалектическія умствованія и чрезъ нихъ-то думали проложить себѣ путь къ славы. Воздемъ сихъ умствователей былъ Протагора

Абдерскій (1). Его искусство, въ самомъ началѣ почти шутовское, получило великій вѣсъ, когда онъ вышелъ съ нимъ на площадь, сталъ управлять народнымъ мнѣніемъ и своимъ примѣромъ сдѣлалъ то, что многіе начали смотрѣть на діалектику, какъ на сильнѣйшую подручницу политики (2). Съ того времени во всей Греціи, а особенно въ Аѣинахъ, появилось множество людей, которые и жизнь и труды свои посвящали исключительно волшебному искусству властвовать надъ умами посредствомъ діалектическихъ тонкостей. Это бы конечно еще не бѣда, если бы цѣлю подобныхъ упражненій было направлять сердца ко благу, распространять и укоренять въ народѣ правила хорошей нравственности и повиновенія властямъ: но, къ сожалѣнію, Діалектика, наука сама по себѣ полезная, въ рукахъ легкомыслія и невѣжества вскорѣ превратилась въ презрѣнное орудіе тщеславія, скептицизма и шарлатанства.

(1) По свидѣтельству Діогена Лаерція (IX, 52), онъ первый ввелъ въ обыкновеніе ученыя состязанія и охотниковъ до спора познакомилъ съ софизмами. Онъ же, на зло здравому смыслу, началъ извращать значеніе словъ и былъ отцемъ эристики. См. Suid. v. *Πρωτ.*

(2) *Cicer. Brut. 12. Quint. instit. III. 1. 12.* Протагоръ равнымъ образомъ успѣвалъ и въ знаменитомъ мѣслѣ: *τὰ ἥττω κρείττω ποιῆν* — особенно посредствомъ искусной діалектики *Cell. Noct. Att. V. 3. 7.*

Мѣсто тихихъ и спокойныхъ изслѣдованій заступили жаркія пренія и споры; съ каждымъ днемъ проповѣдывались новыя истинности, доказывалась новая ложная мысль; и даже между наставниками здравой философіи, стали появляться такіе люди, которые, отложивъ въ сторону всякое сочувствіе къ истинѣ, заботились единственно о рукоплесканіяхъ черни и въ злоупотребленіи мудрости дошли до того, что рѣшались опровергать каждое чужое положеніе и защищать каждый парадоксъ, вопреки здравому смыслу (1). Успѣхамъ ихъ способствовало самое начало, изъ котораго болѣею частію вытекали ихъ заключенія, и которое весьма хорошо соответствовало тогдашнему умственному направленію Грековъ. Оно состояло въ томъ, что о всѣхъ вещахъ, падающихъ подъ обманчивое чувство, какъ ненадежное мѣрило личнаго опыта, можно съ одинаковою вѣрностію говорить и да и нѣтъ (2).

(1) Отъ софистической діалектики надобно отличать особенный родъ умствованій Мегарской школы. Правда и Мегарцы иногда любили вдаваться въ парадоксы, строить ложные силлогизмы и выводить желѣзные заключенія: но цѣль ихъ была всегда благородная—прояснить вопросы существенно философскіе.

(2) Theaet. p. 152. A. p. 177. С. гдѣ Протагоръ говоритъ: *τὴς τὴν φερομένην οὐσίαν λέγοντας καὶ τὸ ἀεὶ δοκῶν ἑκάστῳ τῷτο καὶ εἶναι ἄντ' ὃ δοκᾷ*. Спарт. р. 386. D.

Демокритомъ (1). Мы согласны видѣть въ этомъ мѣстѣ Платона и остроумную игру словъ, или обоюдную мысль, что софисты опытни и совершенны во всякомъ родѣ борьбы; только не сомнѣваемся, что *δπλομαχία* Эвтидема и Діонисіодора есть намекъ на учителя ихъ Протагора. Наконецъ вотъ и еще доказательство, что Эвтидемъ и Діонисіодоръ были Протагорейцы. По свидѣтельству Платона, оба эти братья имѣли обыкновеніе вносить тонкости діалектики въ политическія рѣчи; а это совершенно въ духѣ Протагора, который, какъ выше сказано, любилъ отличатся софизмами въ народныхъ собраніяхъ. Допустивъ связь между первыми и послѣдними, мы легко понимаемъ цель Сократова вопроса (р. 293. А.): ужъ не царское ли искусство есть то знаніе, которымъ можно усвоить себѣ добродѣтели? Предложивъ сей вопросъ софистамъ, Сократъ очевидно имѣлъ въ виду ученіе Протагора, и хотѣлъ внушить имъ, что они давно бы должны были оставить заблужденія своего учителя и посвятить себя безпристрастному изслѣдованію истины. Вслѣдъ за тѣмъ (отъ стр. 286 до 288), онъ съ настойчивостію опровергаетъ софизмъ Эвтидема и Діонисіодора, что никто не можетъ лгать и противорѣчить другому; но этотъ софизмъ, какъ извѣстно, приписывается и Протагору (2).

(1) *Aul. Cell. Noct. Att. V. 3.*

(2) *Diog. L. IX. 53.*

Для подтверждения всего, доселѣ сказаннаго, изслѣдуемъ, какую цѣль предположилъ себѣ Платонъ въ разсматриваемомъ нами разговорѣ.

Давно уже говорили, что при изложеніи Эвтидема цѣлю его было—показать во множествѣ примѣровъ смѣшную и жалкую сторону софистической діалектики. Но если бы онъ, въ самомъ дѣлѣ имѣлъ въ виду не болѣе сего, то мы безъ труда согласились бы съ Фридрихомъ Астомъ признавать этотъ разговоръ недостойнымъ Платонова генія, потому что заключающійся здѣсь оборъ діалектическихъ хитросплетеній съ одной стороны весьма мало продвигаетъ силу и свойство эристики, съ другой обнимаетъ не цѣлое сочиненіе. Какая тогда была бы связь между отвлеченіями бесѣды? и для чего бы Сократу такъ долго разсуждать съ Критономъ? Шлейермахеръ справедливо замѣтилъ, что при опредѣленіи цѣли Платона Эвтидема, надобно обратить вниманіе и на ту часть разговора, въ которой Сократъ бесѣдуетъ съ Клиніасомъ, и которая дѣлаетъ честь свѣтлому и здравому уму Платонова учителя. Но онъ неправильно воспользовался своимъ замѣчаніемъ; ибо заключилъ, что въ этомъ отвлеченіи бесѣды Платонъ старается развить мысли о свойствахъ истинной добродѣтели и знанія, частію изложенныя еще въ Горгіасѣ, Тезетѣ и Менонѣ, и такимъ образомъ приготовляетъ читателя къ высшимъ

взглядамъ философіи (1). Въ Менонѣ ученіе о добродѣтели, въ Горгіасѣ вопросъ о взаимномъ отношеніи честности и пользы, въ Теэтетѣ задача о природѣ знанія, раскрыты обстоятельныѣ и положительныѣ, чѣмъ въ Эвтидемѣ; по сему послѣдняго разговора не лзя почитать объясненіемъ первыхъ. Мнѣнія Шлейермахера не раздѣляютъ ни Сохеръ, ни Винкельманъ. По словамъ Сохера, Платонъ хотѣлъ своимъ Эвтидемомъ оправдать и защитить философію Сократа отъ того нареканія, какое навлекали на нее софисты (2); а Винкельманъ утверждаетъ, что намѣреніе Платона было въ яснѣйшихъ примѣрахъ представить, какое безмѣрное разстояніе раздѣляетъ эристику софистовъ отъ здравой діалектики Сократа, и вмѣстѣ съ тѣмъ показать, какихъ плодовъ можно ожидать отъ той и другой (3). Эти два мнѣнія конечно уже не то, что предыдущія: по крайней мѣрѣ онѣ гораздо ближе къ истинѣ. Но все еще не лзя сказать, чтобы цѣль разговора была опредѣлена вполне и вѣрно. Въ сужденіи Винкельмана особенно бросается въ глаза, что онъ не показываетъ, какимъ образомъ послѣдняя часть Эвтидема связывается съ предыдущими и относится къ главной найденной имъ цѣли: а

(1) Opp. Plat. Vol. II. P. 1. p. 400. sq.

(2) De script. Plat. p. 212.

(3) Proleg. ad Euthyd. p. XXXIII.

этого не лзя не требовать, если не хотимъ обвинять Платона въ несоблюденіи единства плана и содержанія. Сохеръ поступилъ въ семь случаевъ гораздо лучше: онъ опредѣлилъ взаимное отношеніе всѣхъ частей разговора и, что касается до сущности его содержанія, можно сказать, попалъ на прямую дорогу. Но у него нѣтъ объясненія, къ чему все это направлено, какую силу и важность все это имѣетъ для читателей. Отъ того онъ оставилъ много нерѣшенныхъ возраженій, неудовлетворенныхъ сомнѣній, непримиренныхъ противорѣчій. По сему намъ не мѣшаетъ снова заняться тѣмъ же предметомъ и, если можно, опредѣлить удовлетворительнѣе какъ содержаніе, такъ и цѣль Эвтидема.

Опредѣлимъ сначала главную тему разговора, потомъ подтвердимъ свое опредѣленіе разборомъ его содержанія и заключимъ нужными замѣчаніями о нѣкоторыхъ предметахъ, имѣющихъ близкое къ нему отношеніе. Желаніе придать хоть сколько нибудь ясности сему загадочному произведенію Платона, дышетъ въ глазахъ нашихъ подобное изслѣдованіе стоящимъ труда и вниманія.

И такъ что составляетъ главный предметъ Эвтидема?—Мы, кажется, не удалимся отъ истины, если скажемъ, что въ немъ Платонъ предположилъ себѣ слѣдующую тему: Хитрая и любопытная діалектика софистовъ, которую

такъ высоко цѣнять Протагорейцы — какъ бы хвастливо ни выдавала она себя за учительницу добродѣтели и мудрости, — на самомъ дѣлѣ есть только пустословіе, а потому не имѣетъ ничего общаго съ зрѣлымъ и основательнымъ философствованіемъ Сократа, и даже совершенно противна его ученію, направленному къ пользѣ истинной мудрости и добродѣтели. Не смотря на то, многіе легкомысленные люди, особенно площадные ораторы и комическіе писатели, принимаютъ ее въ смыслъ истинной философіи, а настоящую мудрость вообще, и въ частности ученіе Сократа, дѣлаютъ предметомъ презрѣнія, и единственнаго мудреца Греціи относятъ къ числу послѣднихъ софистовъ.

Выдержалъ ли Платонъ эту тему, увидимъ послѣ, когда будемъ разбирать содержаніе и ходъ разговора. Теперь замѣчаемъ только, что съ раскрытіемъ духа и достоинства Сократовой философіи, въ Эвтидемѣ тѣснѣйшимъ образомъ связываются два вопроса: одинъ, о достоинствѣ и честности самаго Сократа; другой, о суетности и ничтожности софистическаго ученія. Всѣ эти три предмета существенно входятъ въ составъ разсматриваемаго сочиненія и какъ бы опредѣляютъ главный чертежъ его. Сократъ иронически удивляется мудрости Эвтидема и Діонисіодора и, для примѣра, какимъ образомъ они должны бы преподавать добродѣтель, — напаетъ съ Клиніасомъ въ бесѣду. Цѣль этой

части разговора очевидно состоитъ въ показаніи превосходства Сократовой методы и въ намекъ на высоту результатовъ, къ которымъ ведетъ она. Напротивъ софисты, не следуя ни какой методъ и не имея въ виду положительной истины, которая должна была бы увѣнчать ихъ измысливанія, строить софизмъ за софизмомъ, противорѣчать здравому смыслу, извращаютъ самыя ясныя понятія и оскорбляютъ чувство нравственное. Цель этихъ эристическихъ разсужденій конечно состоитъ въ томъ, чтобы обличить безплодность софистики, нелѣпость ея заключеній и жалкое состояніе тѣхъ юношей, которые ввѣряются ея преподавателямъ. Наконецъ Сократъ бесѣдуетъ съ Критономъ, который пересказываетъ ему обидныя мнѣнія логографовъ о его связяхъ и діалектическихъ преніяхъ съ софистами. Цѣлю сего окончательнаго разговора надобно почитать, безспорно, оправданія истинной философіи и самаго Сократа, на основаніи двухъ предыдущихъ частей сочиненія, то-есть, что Сократъ, ни по методу, ни по духу ученія, не принадлежитъ къ числу людей, развращающихъ юношество. Такимъ образомъ цѣль Платонова Эвтидема слагается изъ трехъ цѣлей, и всѣ онѣ имѣютъ одна къ другой ближайшее отношеніе.

Отсюда уже само собою вытекаетъ и раздѣленіе разсматриваемаго разговора: тройствомъ его цѣли опредѣляется и тройство частей, со-

какъ бы воспламенить въ Клиніасъ любовь къ добродѣтели? — Эвтидемъ и Діонисіодоръ смѣло утверждаютъ, что они могутъ преподать ему добродѣтель не только лучше, но и скорѣе всѣхъ, и тотчасъ же предлагаютъ образцы своихъ наставленій. Въ этихъ образцахъ не надобно искать ни послѣдовательности, ни порядка. Фридрикъ Астъ напрасно требовалъ сего, упуская изъ вида намѣреніе Платона—представить путаницу софистическихъ умствованій во всемъ ихъ хаосъ и безобразіи. Но послушаемъ, какимъ образомъ софисты учатъ добродѣтели.

Урокъ начинается вопросомъ Эвтидема, обращеннымъ къ Клиніасу: Какъ онъ думаетъ, кто учится? умный или невѣжда? — Конечно умный, отвѣчалъ Клиніасъ.—Но Эвтидемъ опровергаетъ его слѣдующимъ софизмомъ: Кто учится, тотъ перенимаетъ что-нибудь; а кто учитъ, тотъ старается сдѣлать своего ученика умнымъ человекомъ; слѣдовательно учиться свойственно не умному, а невѣждѣ.—Это заключеніе тотчасъ подхватываетъ Діонисіодоръ и доказываетъ противное: Когда учитель грамматики читаетъ урокъ дѣтямъ, то научаетъ только тѣхъ изъ нихъ, которые умѣютъ понимать его; а что бы умѣть понимать, надобно имѣть умъ; по сему учатся умные, а не невѣжды.—Вслѣдъ за симъ опроверженіемъ, награжденнымъ общеою похвалою слушателей, Эвтидемъ возражаетъ:

Тѣ, которые учатся, не тому ли учатся, чего не знаютъ?—Клипіасъ отвѣчаетъ утвердительно.—А онъ говоритъ: Не правда, если учитель дастъ урокъ ученикамъ, то конечно дѣлаетъ не что иное, какъ произносить слова и буквы; а слова и буквы и безъ того уже были извѣстны имъ; слѣдовательно, слушая учителя, слушаешь то, что и прежде зналъ.—Но Діонисіодоръ берется доказать и противное: Знать, говоритъ онъ, есть не что иное, какъ имѣть знаніе; а знаніе пріобрѣтаетъ тотъ, кто прежде ничего не смыслилъ: стало быть и учится тотъ, кто прежде ничего не зналъ.

Вотъ первый опытъ софистическихъ уроковъ въ добродѣтели! Сократъ, боясь, что эти мудрецы никогда не кончатъ дивныхъ своихъ силлогизмовъ, вѣжливо прерываетъ ихъ, и убѣждаетъ Клиніаса не смущаться такими шутками. Нѣтъ сомнѣнія, говоритъ онъ, что Эвтидемъ и Діонисіодоръ отъ шутокъ скоро перейдутъ къ настоящему дѣлу и введутъ насъ въ таинства своей науки. Потомъ, отвлекая софистовъ отъ пустословія, учтиво напоминаетъ имъ о данномъ обѣщаніи преподавать юношѣ добродѣтель: а поелику они уже уклонились отъ своей темы; то вызывается представить образецъ, какъ бы, по его мнѣнію, надлежало вести разговоръ объ избранномъ предметѣ.

Такимъ образомъ, за нелѣпыми умозаключеніями софистовъ, весьма кстати слѣдуетъ при-

мѣръ Сократовой логики. Сократъ начинаетъ разсуждать дѣйствительно о добродѣтели, и ведетъ рѣчь, уклоняясь отъ всякаго щегольства діалектическими тонкостями. Онъ заботится только о томъ, какъ бы точнѣе и проще опредѣлить понятія о вещахъ, свойственныя всѣмъ умнымъ людямъ. Сущность его бесѣды состоитъ въ слѣдующемъ. Всѣ мы, говоритъ онъ, ищемъ счастья и всѣ полагаемъ его въ обладаніи благами: а что благо, и что зло,—о томъ мнѣнія людей весьма различны. Обыкновенно благами почитаются: богатство, здоровье, красота тѣла, знаменитость происхожденія, власть, могущество. Но къ благамъ безъ сомнѣнія должны быть причислены также: умеренность, справедливость, мужество, мудрость. А точнѣе сказать, такъ счастье наше состоитъ не въ чемъ иномъ, какъ въ одной мудрости. Чья душа украшается ею, тому конечно не лѣзя отказать въ имени счастливца. Богатство, почести и все другое, что люди обыкновенно почитаютъ благомъ, не тогда ли только составляютъ наше счастье, когда мы умѣемъ справедливо употреблять ихъ? А это зависитъ опять отъ мудрости. Отсюда Сократъ заключаетъ, что мудрость, или знаніе, есть истинное благо, а невѣжество—настоящее

Поелику же всѣ люди ищутъ счастья, то долженъ прежде заботиться о приобрѣтеніи. Но при этомъ рождается во-
просъ: ли приобрѣтать ее?—Если можно,

то мы должны всѣми силами стараться образовывать свой умъ и украсить его мудростію.

Такъ говорилъ Сократъ Клиніасу и съ намѣреніемъ раскрылъ мысль, что счастье состоитъ въ добродѣтели, а добродѣтель—въ мудрости или знаніи. Онъ предупредилъ этимъ мнѣніе софистовъ, которые, пользуясь многознаменательностію слова «добродѣтель», оцѣнивали ее, по примѣру Протагора, одними выгодами, и поставляли въ удачномъ дѣйствованіи, *eutuchia*. Кто у насъ поучится, говорили они, тотъ будетъ искуснымъ политикомъ, превосходнымъ дипломатомъ, публичнымъ ораторомъ,—вообще, не то чтобы честнымъ, но полезнымъ членомъ республики. Напротивъ Сократъ ничего не называлъ добродѣтлію, кромѣ мудрости, обнаруживающейся, какъ онъ намекаетъ, честностію, справедливостію и другими видами (1). Должно замѣтить, что въ Эвтидемѣ излагается именно его, а не Платоново понятіе о добродѣтели. Платонъ, и по свидѣтельству самаго Аристотеля (2), впоследствии значительно уклонился отъ ионической теоріи своего учителя, когда, сообразно тремъ способностямъ человека,—уму, чувству и вождельнію, указалъ и троякую добродѣтель.

(1) Эта мысль прекрасно раскрыта *Брандисомъ* Mus. Rhen. Vol. 1. p. 150. *Stalbaum*, prolegg. ad Lachetem et Charmidem.

(2) Eth. magn..I. 1.

По ученію Платона, она состоитъ уже не въ знаніи, но въ нѣкоторомъ могуществѣ и крѣпости души, что мы подробно раскроемъ въ своихъ введеніяхъ къ Федру и Республикѣ.

Предложивъ образецъ разговора о добродѣтели, Сократъ скромно проситъ своихъ собесѣдниковъ раскрыть его мысли съ большимъ искусствомъ. Но софисты начинаютъ пустословить еще безстыднѣе прежняго. Вамъ угодно, говоритъ Діонисіодоръ, чтобы Клиніасъ сдѣлался мудрымъ? то-есть вы хотите, чтобы онъ пересталъ быть тѣмъ, что есть? следовательно вы хотите, чтобы онъ бѣдненькой погибъ? Ибо перестать быть тѣмъ, что есть, значитъ погибнуть. Это заключеніе выводитъ изъ терпенія Ктезиппа, друга Клиніасова, — и онъ упрекаетъ софиста въ безсовѣстной лжи. Но Эвтидемъ подхватываетъ слова его и начинаетъ доказывать, что лгать невозможно. Кто лжетъ, тотъ говоритъ то, чего вовсе нѣтъ, о чемъ не лѣзя и помыслить; следовательно ложь есть дѣло невозможное. — Ктезиппъ просто, но справедливо замѣчаетъ, что лжецъ говоритъ о существующихъ же предметахъ, только не такъ изображаетъ ихъ, какъ они существуютъ. — Стало быть, возражаетъ Діонисіодоръ, по твоему, надобно изображать всѣ вещи такъ, какъ существуютъ, то-есть, дурныя дурно, хорошее, теплыя тепло, холодныя холодно, что изъ сего выйдетъ. —

Сократъ, желая скорѣе потушить разгарающуюся распрю между Ктезиппомъ и Діонисіодоромъ, прерываетъ ихъ разговоръ и насмѣшливо говоритъ Клиніасу: подожди, другъ мой, пусть они погорячатся, поспорятъ о пустякахъ; пусть губятъ людей, лишь бы погибающій изъ глупаго сдѣлался мудрымъ. Но Ктезиппъ увѣряетъ, что онъ и не думалъ горячиться; жаль только, примолвилъ онъ, что противникъ его не можетъ сносить противорѣчій— Какъ? быть не можетъ, утверждаетъ, софистъ, что бы кто-нибудь не соглашался съ другимъ, или противорѣчилъ другому, и свое положеніе доказываетъ слѣдующимъ образомъ: Если справедливо, что нельзя ничего отрицать; то вѣрно и то, что нельзя никому противорѣчить. Тѣ, которые хорошо понимаютъ свой предметъ; не разнятся въ своихъ мнѣніяхъ о немъ: напротивъ, кто не понимаетъ его; тотъ, говоря иначе, говоритъ о другомъ, а не о томъ, о чемъ говорятъ первые, слѣдовательно не противорѣчитъ имъ.—Ктезиппъ на это уже ничего не отвѣчаетъ; а Сократъ, замѣтивъ софистамъ, что ихъ умозаключенія заимствованы у Протагора и подобныхъ ему мудрецовъ, предостерегаетъ ихъ, что бы они не попались въ собственныя свои сѣти. Если, сказалъ онъ, никому нельзя лгать; то никому нельзя и ошибаться въ мнѣніяхъ. А какъ скоро никому нельзя ошибочно судить о вещахъ;

по чему такъ часто заставляеть Сократа разсуждать о знаніи и добродѣтели. Впрочемъ должно замѣтить, что какъ въ Протагорѣ, такъ и въ Эвтидемѣ, начала его философіи вполнѣ отнюдь не раскрываются. Сократъ болѣею частію, начиная отъ самыхъ крайнихъ предѣловъ софистики, идетъ къ своей цѣли мало по малу и, не достигая до послѣднихъ результатовъ, вдругъ прекращаетъ изслѣдованія или заключаетъ ихъ ироніею. Такъ, на примѣръ, въ настоящей своей бесѣдѣ съ Клиніасомъ, онъ сперва, въ угодность софистамъ, опредѣляетъ понятіе о добродѣтели пользою; потомъ взвѣшиваетъ разные роды пользы и подъ эту мѣру подводитъ каждое искусство порознь, на примѣръ, воинское, которымъ такъ много занимались наши *δολομαχοί*, риторское, которое до того было возвышено въ глазахъ современниковъ, что философія предъ нимъ ни чего не значила и находилась въ презрѣніи, и царское или политическое, которымъ по видимому особенно любилъ хвастаться Протагоръ. Удивительно, что никто изъ комментаторовъ Платона не обращалъ должнаго вниманія на то важнѣйшее мѣсто Эвтидема, гдѣ говорится о Царскомъ искусствѣ. Давно надлежало бы спросить и изслѣдовать: для чего Сократъ такъ простран-

но разсуждаетъ о томъ, что политика или насколько не относится, или весьма мало относится къ добродѣтели? Мы не сомнѣваемся, что весь этотъ отрывъ разговора направленъ противъ Протагора, по мнѣнію котораго, вся наука о добродѣтели была, кажется, *политикῆ* или *ρασιδικῆ τέχνη*. Твердымъ основаніемъ нашей увѣренности въ сей мысли служатъ тѣ мѣста въ Платоновомъ Протагорѣ, гдѣ этотъ софистъ поставляетъ добродѣтель въ умѣньи устроить домашнюю и общественную свою жизнь, и производить ее отъ боговъ, чтобы упрочить благоденствіе республики (1). Если же наше мнѣніе справедливо; то къ какой бы стати Платону, въ разсматриваемомъ разговорѣ, нападать на Протагора, если бы Эвтидемъ и Діонисіодоръ не были его учениками? Но последуемъ за ходомъ бесѣды.

Сколько ни старался Сократъ навести софистовъ на надлежащій путь изысканій и отвлечь отъ пустословія, — ничто не помогало. Едва онъ договорилъ послѣднія слова объ искомомъ предметѣ, какъ вдругъ Эвтидемъ спрашиваетъ его: Хочешь ли, Сократъ, я научу тебя тому знанію, котораго ты такъ сильно добиваешься? или лучше, не угодно ли, я докажу тебѣ, что ты давно уже обладаешь имъ? — Кто знаетъ, продолжалъ онъ, тотъ имѣетъ знаніе;

(1) Protag. p. 318. E. sqq. p. 322. sqq.

кто имѣетъ знаніе, тотъ, въ силу аксіомы, что одно и тоже не можетъ вмѣстѣ быть и не быть, одаренъ знаніемъ; а кто одаренъ знаніемъ, тотъ непремѣнно знаетъ все, потому что, не зная чего-нибудь, онъ былъ бы лишенъ знанія, что противно допущенному выше. Если же, Сократъ, ты знаешь все; то знаешь и то, что желалъ знать.

Не безъ особенной цѣли Платонъ влагасть и этотъ софизмъ въ уста Эвтидема и Діонисіодора. Здѣсь, какъ мы думаемъ, новое указаніе на близкія отношенія ихъ къ Протагору. Известно, что Протагоръ признавалъ человека мѣриломъ всего (1) и думалъ, что вещи такъ существуютъ, какъ кому представляются. На этомъ основаніи, естественно, не могло быть мѣста незнанію; всякій непремѣнно знаетъ все. Напрасно Сократъ увѣряетъ софистовъ, что онъ не все знаетъ: не хотятъ слушать и, чтобы легче изумить его своими заключеніями, предписываютъ ему не заговариваться, а отвѣчать на ихъ вопросы коротко: да, или нѣтъ. Послѣ сего Сократу ничего не оставалось болѣе, какъ ловить ихъ въ ихъ же западню, отложивъ въ сторону начала собственной философіи. И вотъ онъ спрашиваетъ: Не ужели они, зная нечто, будутъ утверждать, что все знаютъ?—Поможительный отвѣтъ софистовъ мгновенно пред-

(1) *Menag. ad Diog. L. IX. 51.*

ставилъ Ктезиппу тѣмъ нелѣпныхъ заключеній, и этотъ пылкій молодой человѣкъ начинаетъ колко шутить надъ мудрецами. Между тѣмъ Эвтидемъ, привязавшись къ словамъ Сократа, что онъ не все знаетъ, строитъ новъй софизмъ. Кто знаетъ что-нибудь, говоритъ онъ, тотъ знаетъ это тѣмъ же, а не другимъ; а кто знаетъ что-нибудь тѣмъ же, тотъ знаетъ все и всегда.—Сократъ отвѣчаетъ, что умъ его конечно одаренъ знаніемъ, но въ этомъ знаніи содержится не все, а только то, что онъ знаетъ; потомъ предлагаетъ вопросъ Діонисіодору: Знаю ли я, что добрые люди бываютъ несправедливы?—Діонисіодоръ, думая, что Сократъ не одобряетъ этой мысли, говоритъ: не знаю,—и такимъ образомъ противорѣчитъ прежнему своему положенію, что всѣ и все знаютъ. Тогда Сократъ, обращаясь къ Эвтидему, спрашиваетъ его: Какъ тебѣ кажется, Эвтидемъ, справедливо ли судить брать твой?—Но Діонисіодоръ, чтобы вывести его и себя изъ затрудненія и дать разговору новое направленіе, вдругъ предлагаетъ вопросъ и съ своей стороны: Что? развѣ я брать Эвтидему?—Однакожь Сократъ не отвѣчаетъ ему, и на упрекъ софиста, что онъ избѣгаетъ отвѣтовъ, говоритъ: Васъ двое, а я одинъ. Вотъ, еслибъ и со мною былъ брать мой Патроклъ; то дѣло пошло бы иначе.—Такъ Патроклъ брать тебѣ, спрашиваетъ Эвтидемъ?—Вопросъ, очевидно, прежній, только перемѣнены

лица.—Да, мы съ нимъ отъ одной матери, но отъ разныхъ отцовъ, говоритъ Сократъ: отецъ Патрокловъ былъ Хередемъ, а мой Софронискъ.—Значить Софронискъ, подхватилъ софистъ, есть другой въ разсужденіи отца? Слѣдовательно онъ не отецъ? и ты, Сократъ, не имѣешь отца?

Послѣдній софизмъ построенъ, очевидно на томъ положеніи древней діалектики, которымъ утверждалось, что одно сказуемое не можетъ приличествовать многимъ вещамъ или лицамъ, что каждый предметъ имѣетъ свои особенныя свойства. По свидѣтельству Плутарха (1), это положеніе было развито преимущественно Стилпономъ; но еще гораздо ранѣе знали его софисты, какъ видно изъ словъ Платона (2): «Такъ, пожалуй, мы дадимъ возможность спорить и дѣтямъ и запоздалымъ умникамъ; ибо всякій тотчасъ возразить, что «одно не есть многое, и многое не есть одно. «Иные еще будутъ рады не называть челоуѣка «добрымъ, а только добро называть добромъ, «челоуѣка — челоуѣкомъ.» Шлейермахеръ въ этихъ словахъ видитъ упрекъ Антисѣену; но по нашему мнѣнію, онъ ближе относится къ

(1) Adv. Colot. p. 1119. C. s. 22. p. 575. Vol. V. Сн. *Deys*, de Megaricorum doctrina p. 83. sq.

(2) Sophist. p. 251. C. сравн. 260. A. B. Phileb. p. 14. C.

Эвтидему и Діонисіодору, особенно когда сообразимъ указаніе на нихъ Цицерона (1): *diffidit* (запоздалые умники): *autem homines scis quam insolentes sint.*—Въ слѣдъ за обиднымъ для Сократа заключеніемъ софистовъ, Ктезиппъ дѣлаетъ столь же обидный вопросъ самимъ софистамъ: Но и вашъ отецъ, говоритъ онъ, отличенъ ли отъ моего?—Нѣтъ не отличенъ, отвѣчаютъ они, потому что иначе остались бы безъ отца.—Какъ же такъ? продолжаетъ Ктезиппъ: вашъ отецъ есть ли отецъ и другихъ? И другихъ, говорятъ они.—Отсюда противникъ тотчасъ выводитъ заключеніе, что отецъ ихъ есть отецъ всѣхъ, и мать ихъ есть мать не только людей, но и животныхъ: и софисты не смѣютъ отвергать сего невыгоднаго для себя заключенія; потому что въ противномъ случаѣ имъ надлежало бы остаться безъ отца и матери. Такъ-то ничтожна софистическая діалектика! Не только Сократъ, но и неопытный юноша, едва вступившій на поприще эристики, опутываетъ Эвтидема и Діонисіодора собственными ихъ словами и основное положеніе ихъ, что одного и того же сказуемаго не лзя приписать многимъ, подлежащимъ уничтожаетъ самою легкою выходкою.

Слѣдующіе далѣе софизмы двухъ братьевъ суть не болѣе какъ грамматическія уловки, что

(1) Epist. famil. IX. 20.

опять напоминаетъ Протагора. Протагоръ, какъ извѣстно, очень любилъ играть формами языка и составлять ихъ такъ, чтобы въ нихъ заключались различныя мысли (1). Это искусство вѣроятно прилагалъ онъ и къ діалектическимъ преніямъ. Другой цѣли грамматическія его упражненія, кажется, не имѣли и не могутъ идти въ сравненіе съ благонамѣреннымъ разборомъ словъ и выраженій, которымъ такъ усердно занимался Продикъ (2). Но что далѣе?

Одно слово, случайно вырвавшееся у Сократа, даетъ софистамъ поводъ къ новымъ лежумствованіямъ. Сократъ советуетъ Клиніасу не шутить такими прекрасными вещами, каковы парадоксы мудрецовъ,—и у Діонисіодора вдругъ готовъ силлогизмъ. Прекрасныя вещи, говоритъ онъ, будучи отличны отъ самаго прекраснаго, тѣмъ не менѣе имѣютъ въ себѣ красоту: по сему и твой быкъ, Сократъ, будучи отличенъ отъ тебя, тѣмъ не менѣе есть ты; ибо нѣтъ невозможнаго, чтобы то, что отлично отъ другаго, было тѣмъ самымъ, отъ чего оно отлично.

Этотъ софизмъ очевидно направленъ противъ Сократова ученія объ общихъ понятіяхъ и тѣснѣйшей связи ихъ съ вещами недѣлимыми, откуда потомъ Платонъ вывелъ свое

(1) *Spengel*. *Artium Scriptorr.* p. 40. sqq. *Classen.* de grammaticae graecae primordiis. p. 31. sqq.

(2) *Welker*. въ *Mus. Rhen. Nov. Vol.* 1. P. 1. p. 461. sqq.

заключеніе, что сущность вещей содержится въ идеяхъ. Все различіе между Сократовою и Платоновою мыслию состояло въ томъ, что первая имѣла характеръ логическій, а послѣдняя—метафизическій: это замѣтилъ еще Аристотель (1). Извѣстно, что между эристами и послѣдователями Сократа были большіе споры и разногласія объ отношеніи родовыхъ и индивидуальныхъ понятій. Послѣдніе утверждали, что можно соединять понятія частныя, и подводить ихъ подъ одно родовое, или умственное; а первые доказывали, что частныхъ понятій соединять нельзя; ибо сказуемая, усвоенная какой нибудь вещи, не содержится въ ея сущности, но приписываются ей отъвне (то есть отъ нашего ума), какъ нѣчто чуждое. Нѣкоторые же это положеніе простирали еще далѣе, отрицая вообще возможность утверждать, что бы то ни было о каждомъ предметѣ (2). Къ такимъ-то эристамъ надобно отнести и нашихъ софистовъ.

Вотъ та часть разговора, въ которой Платонъ съ неподражаемымъ искусствомъ связалъ въ одно цѣлое почти всѣ, славившіеся въ его время софизмы! Здѣсь каждое отдѣленіе носить печать его генія: не возможно было лучше

(1) *Metaph.* XIII. 4. см. 1. 6.

(2) См. *Soph.* p. 251. *C. Phileb.* p. 14. *C. Arist. Metaph.* IV. 19. p. 119. VII. 3. p. 169.

изобразить и опровергнуть бѣдность, пустоту и пошлость эристики; нельзя было также явнѣе раскрыть достоинство Сократовой metody и показать, въ какой степени она способна къ распутыванію самыхъ затѣйливыхъ хитро-сплетеній. Здѣсь даже длинное и нѣсколько утомительное пустословіе софистовъ допущено не безъ основанія. Въ Греціи діалектика, въ извѣстный періодъ времени, была всеобщаю заразою: многіе по цѣлымъ днямъ находились въ обществѣ говоруновъ, щеголявшихъ гибкимъ умомъ и смѣшившихъ слабоуміе и невѣжество необыкновенными силлогизмами; такъ что не только Платонъ, но и Аристотель почелъ нужнымъ подвергнуть строжайшей критикѣ всѣ умствованія тогдашнихъ Эвтидемовъ и Діонисіодоровъ.

Выше сказано, что одною изъ главныхъ цѣлей, которыя Платонъ имѣлъ въ виду при сочиненіи Эвтидема, было также защитить истинную философію своего учителя отъ несправедливаго нареканія современниковъ. Такимъ апологическимъ мыслямъ посвящена послѣдняя часть сего разговора. Пересказавъ Критону свою бесѣду съ двумя софистами, Сократъ совѣтуетъ и ему поучиться у столь мудрыхъ людей: но Критонъ, не понявъ шутки, просто-душно сознается, что такой совѣтъ ему не нравится, даже упрекаетъ Сократа за короткое обращеніе съ этими ничтожными спорицами,

и рассказываетъ, какъ одинъ логографъ, слышавшій ихъ бесѣду, переважно рѣшилъ, что всѣ философы занимаются пустяками и вся философія—взоръ. Между тѣмъ Критонъ съ своей стороны отдаетъ ей полную справедливость и дружески совѣтуетъ Сократу держаться подальше отъ подобныхъ учителей, что бы не подавать людямъ причины презирать и поносить превосходную науку. На этотъ совѣтъ Критона Сократъ отвѣчаетъ во-первыхъ—описаніемъ тѣхъ логографовъ, изъ которыхъ одинъ разговаривалъ съ нимъ, во вторыхъ—замѣчаніемъ, что по всѣмъ отраслямъ искусствъ есть и хорошие и худые преподаватели, и что отъ дурныхъ качествъ учителя несправедливо было бы заключать о ничтожествѣ и вздорности науки.

Этимъ оканчивается Платоновъ Эвтидемъ. Упустивъ изъ вида послѣднюю бесѣду Сократа съ Критономъ, мы рѣшительно не могли бы понять, къ чему клонились первыя двѣ части разговора: но теперь ясно видимъ, что онѣ направлены къ оправданію истинной философіи вообще, и Платонова лица въ частности. Платонъ хотѣлъ доказать, что враги Сократа несправедливо относятъ его къ числу софистовъ и уничижаютъ достоинство мудрости.

Но кого надобно почитать главными его врагами? По прямымъ указаніямъ Платонова Эвтидема, то были логографы, образовавшіеся

подъ вліяніемъ Антифона и Горгіаса. Известно, что Антифонъ Рамнузійскій первый началъ писать судебныя рѣчи и продавать ихъ людямъ, имѣвшимъ какое нибудь тяжёлое дѣло (1). Логографы обладали поверхностными понятіями о философіи, но гордились своимъ ремесломъ: они почитали себя важными политическими мужами, а ученіе Сократа, великаго философа своего времени, смѣшивали съ пустыми, утонченными умствованиями софистовъ. Изъ такихъ-то логографовъ одинъ разговаривалъ съ Критономъ и произносилъ нелѣпыя отзывы о философіи вообще, и въ частности о лучшемъ преподавателѣ ея, Сократѣ. Ученые многократно изслѣдывали, на кого именно изъ логографовъ Платонъ мѣтитъ въ своемъ Эвтидемѣ. Гейндорфъ и Шлейермахеръ думаютъ видѣть здѣсь Исократъ: но онъ совсѣмъ не былъ противникомъ Сократовой философіи; по крайней мѣрѣ Платонъ въ своемъ Федръ (2) отзывается о немъ съ похвалою. Равно нельзя разумѣть тутъ и Лизіаса, какъ полагаетъ Grön van Prinsterer (3). Платонъ, правда, замѣчаетъ въ немъ недостатокъ философскаго образованія; но от-

(1) См. *Quintil. instit.* III. 1, 11. *Ammian. Marcell.* 30. 4. *personatus* Plutarch. *Vitt. decem oratorr.* p. 307. ed. Reisk.

(2) *Phaedr.* p. 279. D.

(3) *Prosopogr. Plat.* p. 117.

нюдь не обвиняетъ его въ клеветѣ на Сократа. По мнѣнію Винкельмана (1), то былъ Тразимахъ Халкедонскій: но и онъ, судя по изображенію его въ первой книгѣ Республики, не презиралъ философіи, подобно выставленному въ Эвтидемѣ логографу. Наконецъ Сауній (2), упоминаясь здѣсь логографомъ почитаетъ теодора Византійскаго, который въ Федръ (р. 266. Е.) называется *λογοδαίδαλος*, а по Эвтидему (р. 305. Е.), будто бы имѣетъ въ виду *τὰ εἰκότα τῆ λόγῃ*, свойства рѣчи, сообразныя съ требованіями времени и моды (3). Но *τὰ εἰκότα* характеризовало занятіе всѣхъ вообще риторовъ, начиная съ Тизіаса до Коракса (4). Намъ кажется, что Платонъ не указываетъ здѣсь ни на одно частное лице, иначе онъ не забылъ бы отмѣнить его какими-нибудь характеристическими чертами; но подъ однимъ логографомъ разумѣетъ всѣхъ. Эта догадка тѣмъ вѣроятнѣе, что ему и слѣдовало опровергнуть не частное, неблагоприятное мнѣніе о Сократѣ, а то, которое господствовало въ цѣломъ классѣ риторовъ.

Но какое отношеніе между софистами и логографами? по чему Платонъ, обличивъ не-

(1) Prolegg. p. XXXIV. sqq.

(2) Zimmerm. Mus. stud. antiquitt. a 1855. N 50.

(3) Spengel. Synagog. p. 98. sqq.

(4) Phaedr. p. 267. A. p. 272. D. E.

лѣныя умствованія первыхъ, въ одномъ и томъ же сочиненіи отзывается невыгодно и о послѣднихъ?—Логографы, подобно ораторамъ, ни какъ не хотѣли равняться съ софистами, не смотря на то, что пользовались ихъ наставленіями и методою состязанія. Известно, что Горгіасъ боялся прослыть въ народномъ мнѣніи ихъ единомышленникомъ (1). Писатели рѣчей почитали себя важными политическими особами; а мы знаемъ, что политики были весьма немилостивы къ софистамъ. Въ одномъ разговорѣ (2) Сократъ спрашиваетъ Анита: прилично ли Менону слѣдовать наставленіямъ софистовъ?—и Анитъ проклиная ихъ, какъ язву общества. Почти въ томъ же смыслѣ называются они *τῶν πολιτικῶν ἀντιτέχνον* (3). Презирая ихъ съ ихъ діалектикою, логографы были непримиримыми врагами и философій. Необразованные, полуученые, они не находили въ ней ничего добраго и не умѣли отличить ее отъ пустой эристтики; къ тому же терпѣть не могли и самого Сократа за его наивные, но почти всегда мѣткіе вопросы, заставлявшіе ихъ молчать и ронявшіе ихъ значительность въ глазахъ толпы. Послѣ сего неудивительно, что Платонъ, любитель философій и почита-

(1) *Fossius de Gorgia Leont.* p. 41.

(2) *Menon.* p. 51. A.

(3) *de Rep.* VI. p. 493. A.

телъ сына Софронискова, вооружился на нихъ всю силою ироніи и старался доказать, что они не должны смѣшивать—ни Сократа съ софистами, ни истинной мудрости съ пустыми диалектическими тонкостями.

Не лзя также оставить безъ изслѣдованія довольно важнаго вопроса: почему Платонъ видѣлъ враговъ Сократа только въ логографахъ, а не упомянулъ о комикахъ, напримѣръ, Аристофанѣ, Амипсѣ и Эвполисѣ, которые не разъ выводили его на сцену въ каррикатурномъ видѣ?

Въ то время, когда Платоновы сочиненія начинали выходить въ свѣтъ, Аристофанъ уже понялъ всю свою несправедливость противъ Сократа: за это ручаются многіе факты изъ литературной его жизни. Замѣчательно, что послѣ комедіи *Облака*, поставленной на сцену 1,89 олимп., ни въ одной Аристофановой пьесѣ нѣтъ выходовъ, оскорбительныхъ для Сократовой личности. Въ *Птицахъ*, появившихся въ 2,91 олимп., поэтъ коснулся только цинической вѣщности нашего философа, и-то мимоходомъ (vers. 1271, 1541 ed. Dindorf); а въ *Лягушкахъ*—сочиненіи, относящемся къ 3,93 олимп., онъ уже упоминаетъ о дружбѣ Сократа съ *Эврипидомъ* (vers. 1491). Замѣчательно еще, что

въ 4,89 олимп. (1), пересмотрѣвъ свои Облака, Аристофанъ рѣшился совершенно передѣлать ихъ и первое изданіе предать забвенію. Какая могла быть причина столь скорой перемѣны мыслей въ ихъ сочинителѣ?—Безъ сомнѣнія онъ узналъ теперь въ Сократѣ человека съ прекрасною душою, благороднымъ характеромъ, высокою нравственностію, пламенною любовію къ отечеству, —и не хотѣлъ, вопреки своему убѣжденію, забавлять Аѣинскую чернь сценическими насмѣшками надъ истиннымъ мудрецомъ. Неудивительно, что послѣ такого благороднаго поступка со стороны Аристофана, Платонъ не коснулся его личности въ Эвтидемѣ.

Напрасно нѣкоторые критики предполагаютъ, что въ Облакахъ перваго изданія были осмѣяны одни софисты, а роль Сократа вставлена уже во второе. Послѣ умныхъ изслѣдованій Германа и Пальмерія, эта догадка оказалась вовсе неосновательною. Самъ Аристофанъ (in *Parabasi secundae recensionis vers. 515 et Vespar. v. 1050—60*), отзываясь объ Облакахъ, какъ объ одной изъ лучшихъ своихъ пьесъ, и жалуется на Аѣинянь, не умѣвшихъ должнымъ образомъ оцѣнить ее. Можно ли думать, что бы послѣ сего онъ рѣшился поставить ее на сцену съ

(1) *Hermann. praefat. ad Nubb. p. XIII. sqq. Palmerius exercitt. p. 723.*

разными перемѣнами и прибавками? Невѣроятно также, чтобы Платонъ въ своей Апологіи, упоминая о комедіи Аристофана, указывалъ на ея передѣлку. По самому существу цѣли, онъ долженъ былъ опираться на сочиненіе, уже знакомое публикѣ. Схولیасты дѣйствительно упоминаютъ о второй рецензіи Облаковъ; но Германъ доказалъ, что эта рецензія не была докончена, и что дошедшія до насъ Облака составлены по обоимъ ихъ зданіямъ (1).

Итакъ, Платонъ въ своемъ Эвтидемѣ оставилъ Аристофана въ покоѣ не по тому, что въ *Облакахъ* перваго изданія Сократъ не былъ выведенъ на сцену въ роль софиста, а по тому что первый въ то время былъ уже другомъ послѣдняго, и эти дружескія ихъ отношенія живо изображаются потомъ въ Платоновомъ *Пирѣ*. Нашего мнѣнія не опровергають слова Сократа въ Апологіи (р. 19. В. С.), что комедія Аристофанова не мало содѣйствовала къ распространенію несправедливыхъ о немъ сужденій. Сократъ, не покидавшій ироніи и въ присутствіи своихъ судей, указалъ здѣсь не на писателя *Облаковъ*, а на тѣхъ, которые въ комедіи, давно забытой самимъ сочинителемъ, не переставали искать пищи для своей клеветы.

(1) См. *Wolf. praef. ad nubb. p. IV. Böckh. de Gracae Traged. princip. p. 21.*

Почти въ одно время съ Облаками явился на сценѣ и Коннѣ Амипсіа. Эта комедія написана была, кажется, не для того, чтобы осмѣять Сократа, а просто для потѣхи зрителей, любившихъ вообще пошутить надъ философами. Кто былъ этотъ Коннѣ?—Отъ Цицерона до Винкельмана его считали отличнымъ виртуозомъ и лучшимъ въ свое время учителемъ музыки (1). Но возможно ли, чтобы въ Греціи, отечествѣ изящныхъ искусствъ, славный виртуозъ влачилъ нищенскую жизнь, добивался куска хлѣба воспитаніемъ дѣтей и былъ игрушкою комическихъ писателей? Ибо нѣтъ сомнѣнія, что Коннѣ, изображаемый Аристофаномъ (2) и Кратиномъ (3), тотъ самый, о которомъ говоритъ Платонъ. А изъ словъ ихъ видно, что этотъ знаменитый артистъ былъ не

(1) *Cicer. epist. famil IX. 24. Max. Tyr. p. 225. T. II. et al. Winkelm. praef. p. XL. sq. Schleierm. Opp. Plat. T. II. Vol. III. p. 552.*

(2) *Aristoph. Equitt. vers. 554.* «Это разваливающийся старикъ, Коннѣ, съ засохшимъ вѣнкомъ на головѣ, который умираетъ отъ жажды, и котораго, за прежнія побѣды, надлежало бы пить въ Пританіумѣ».

(3) Схολіастъ, ad *Equitt. v. 554*, приводитъ слѣдующія слова Кратина: «Кушай и благодарь брюхо, пока не одолѣлъ тебя голодъ; да любишь тебя вѣнцелюбецъ Коннѣ».—Явный намекъ на Гезіода (*Opp. et dier. v. 299*): *φιλέη δὲ εὐστέφανος Δημήτηρ.*

богѣе, какъ свѣшной, пьяный и обжорливый старикъ. Всѣ достоинства, какими онъ могъ гордиться, ограничивались давними музыкальными побѣдами, которыя глубоко врѣзались въ его душу, и въ воспоминаніе которыхъ онъ, не смотря на крайнюю бѣдность, всегда носилъ канокъ на головѣ. На старости лѣтъ занятіе его состояло въ преподаваніи дѣтямъ музыки: а гдѣ дѣти, тамъ любилъ бывать и Сократъ, и по этой причинѣ, вѣроятно, посѣщалъ Конна. Можетъ быть ихъ не менѣе сближало сходство обстоятельствъ и характеровъ. Сынъ Софрониска, подобно Конну, терпѣлъ горькую нужду и въ простонародіи назывался бѣднякомъ, *ὁ πένης* (1); а Коннъ, подобно Сократу, не былъ равнодушенъ къ философскимъ умозрѣніямъ и иногда любилъ дѣлить время съ софистами. По свидѣтельству Атеней (V. р. 218. С.), Амипсій въ своемъ Коннѣ вывелъ на сцену хоръ созерцателей, *φροντιστῶν*, чего конечно не сдѣлалъ бы онъ, если бы Аѣицяне не знали Конна, какъ большаго охотника до ученыхъ бесѣдъ. Притомъ у нашего учителя музыки была пресвѣжшая фізіогномія и самыя странныя ухватки. Случалось, онъ гулялъ по улицамъ съ преважнымъ видомъ украшенный вѣнкомъ, а иногда бродилъ, пошатываясь изъ стороны въ сторону,

(1) *Хелорh. оэсop. II. 3. см. Plat. Apolog. p. 23. В.*

подъ вліяніемъ винныхъ паровъ. Сократу ли было не сблизиться съ такимъ оригиналомъ? Философъ могъ придумать предлогъ, будто хочетъ брать у него уроки, и такимъ образомъ войти съ нимъ въ короткое знакомство. По крайней мѣрѣ въ комедіи Амипсія Сократъ, въ изношенномъ своемъ плащѣ, занимаетъ самое видное мѣсто между собесѣдниками Конна (1). Это сборище софистовъ вѣроятно казалось очень забавнымъ, по тому что комедія Коннъ нравилась публикѣ больше другихъ (2). Можетъ быть Амипсій, для эффекта, заставлялъ Конна въ потъ лица толковать подобнымъ ему старикамъ музыкальную гамму, и чрезъ это ввелъ его въ пословицу, какъ учителя стариковъ, *γεροντοδιδασκαλον*.—И такъ по чему же Платонъ въ своемъ Эвтидемѣ не говоритъ прямо объ Амипсѣ?—Безъ сомнѣнія по тому, что сей комикъ представилъ Сократа, не какъ софиста, а какъ болтливаго и мѣлочнаго старика, за что онъ не

(1) На это указываютъ нѣсколько стиховъ изъ комедіи Амипсія, сохраненныхъ Діогеномъ Лаерціемъ (II. 23): «И ты, Сократъ, мужъ лучший изъ немногихъ, и пустѣйшій изъ многихъ,—и ты страдалецъ, пришелъ къ намъ! Откуда у тебя такой плащъ? Это безъ сомнѣнія злой умыселъ кожевниковъ?»

(2) Полное содержаніе Амипсіева Конна намъ неизвестно. *Meineke. quaest. scen. spec. secund. 43. Ranke in Seebod. bibl. crit. a. 1828 n. 31. p. 247.*

только не сердился, но еще самъ шутилъ надъ собою въ томъ же отношеніи.

О комедіи Эвполиса, который въ угодность современному вкусу и легкомыслію, выводилъ также на сцену сына Софронискова, почти не стоитъ и говорить; по тому что эта комедія не имѣла успѣха, а слѣдовательно и не могла быть обидною для нашего философа. При томъ Эвполисъ изображалъ Сократа, не какъ софиста, а какъ жалкаго изслѣдователя небесныхъ вещей, или что-то похожее на это. По крайней мѣрѣ такъ позволяютъ думать отрывки Эвполисова сочиненія у Рункелія (p. 175 sq) (1).

Остается еще опредѣлить время, когда написанъ Эвтидемъ. Въ самомъ разговорѣ почти нѣтъ ни какихъ признаковъ, по которымъ можно было бы угадать годъ его выхода изъ подъ пера Платонова. Шлейермахеръ, основываясь на словахъ (271 C): «изъ Туріоса ушли въ нашу сторону» заключаетъ, что бѣгство двухъ братьевъ случилось вмѣстѣ съ Лизіасомъ, слѣдовательно въ 2,92 олимпіады. Но въ Туріосѣ не разъ возникали народныя тревоги, враждебныя софистамъ. Не болѣе справедлива и мысль Пинзгера (2), который изъ словъ Платона на страницѣ 275 выводитъ догадку, что сочиненіе

(1) *Fritsch. quaest. Aristoph. P. 1. p. 217.*

(2) *Pinzgeri. specim. nov., edit. Euthydemi p. 10.*

разговора произошло будто бы прежде изгнанія Алкивіада, а именно въ 4,91 олимпіады. Гораздо вѣроятнѣе мнѣніе Винкельмана, что Эвтидемъ написанъ послѣ смерти Протагора: по крайней мѣрѣ это подтверждается выраженіемъ Платона (р. 286. С.): «оно (умозаключеніе) было въ большомъ ходу у учениковъ Протагоровыхъ и еще прежде ихъ». Поелику же Протагоръ, по изслѣдованію Фререта (1) и Геелія (2), умеръ за 410 лѣтъ до Р. Х., то время написанія Эвтидема надобно относить къ 3,92 олимпіады. Впрочемъ и сего еще мало: кажется, этотъ разговоръ изданъ не ранѣе, какъ въ началѣ 94 олимп., когда Аристофанъ уже успѣлъ примириться съ Сократомъ, то есть, въ послѣдніе годы Сократовой жизни. Нашу мысль оправдываетъ и содержаніе и духъ всего сочиненія. По апологическому своему характеру оно могло имѣть особенную важность тогда, какъ враги Сократа уже успѣли распространить въ народѣ самыя невыгодныя отзывы и о немъ и о его философіи, и такимъ образомъ приготавливали ему тюремное заключеніе и смерть: однакожъ, въ разговоръ еще ни слова не говорится о тѣхъ людяхъ, которые оклеветали его уже по формѣ, предъ судіями.

(1) Memoir. de l'Academ. d. inscript. T. 47. p. 277-282.

(2) Histor. Sophistar. p. 70.

Сказавъ все, что по нашему мнѣнію, нужно было сказать для поясненія Эвтидема, мы сильно можемъ повторить прежнюю свою мысль, что въ этомъ сочиненіи, отъ начала до конца, живо отражаются гениальный умъ и художническое чувство Платона. Всѣ части его, прекрасно обработанныя порознь, сведены въ одно гармоническое цѣлое и направлены къ одной общей цѣли, указанной въ началѣ нашего сужденія. Тамъ непріятнѣе встрѣчать сомнѣнія нѣкоторыхъ критиковъ въ подлинности сего разговора. И на чемъ основываются ихъ сомнѣнія? Во-первыхъ на томъ, что въ Эвтидемѣ не видно самаго Платона, а только раскрыты мысли Сократовой философіи; во-вторыхъ на томъ, что этотъ разговоръ заключаетъ въ себѣ много шутовскихъ выраженій и поговорокъ. Но вспомнимъ, что Платонъ писалъ его въ молодыхъ лѣтахъ, еще не успѣвъ развить оригинальной своей идеи, и излагалъ, думая не о себѣ, не о своемъ ученіи, а единственно о чести учителя, сильно колеблемой въ народномъ мнѣніи. Вспомнимъ и то, что онъ былъ превосходный мимикъ и, когда надлежало ввести въ свою бесѣду софистовъ, вводилъ ихъ съ свойственными имъ ухватками, поговорками, вкусомъ и нравами; а софисты, какъ извѣстно, были не слишкомъ разборчивы во всѣхъ этихъ отношеніяхъ. При томъ должно замѣтить, что во всякомъ сочиненіи непремѣн-

но бываютъ такія стороны, которыми оно представляется въ ближайшую и исключительную связь съ характеромъ современной жизни, такъ что потомство ошиблось бы, если бы съ этихъ сторонъ вздумало оцѣнивать его собственнымъ своимъ взглядомъ.

Лица разговаривающія:

**КРИТОНЪ, СОКРАТЪ, ЭВТИДЕМЪ, ДІОНИСИОДОРЪ,
КЛИНІАСЪ И КТЕЗІИДЪ.**

Крит. Съ кѣмъ это, Сократъ, ты вчера 271.
разговаривалъ въ Ликей? Вы окружены были
такою толпою народа (1), что подошедши по-
слушать васъ, я никакъ не могъ вслушаться
въ предметъ вашего разсужденія; а когда при-
поднялся на пальцы, то мнѣ показалось, что
съ тобою бесѣдовалъ какой-то иностранецъ. Кто
онъ такой?

Сокр. О которомъ иностранецъ спрашиваешь
ты, Критонъ? Тамъ былъ не одинъ, а два.

Крит. Тотъ, котораго я разумью, сидѣлъ
третій по правую твою руку, а между вами— в.
маленькой сынъ Аксіоха (2), который, на мой
взглядъ, очень подросъ, такъ что по возрасту,
какъ будто не многимъ отстаетъ отъ нашего
Критовула, только тотъ сухощавъ, а этотъ
полонъ, красивъ и хорошъ лицомъ.

Сокр. Иностранецъ, о которомъ ты спра-
шиваешь, былъ Эвтидемъ, а по лѣвую руку
возлѣ меня сидѣлъ братъ его, Діонисіодоръ, и
также участвовалъ въ разговоръ.

Крит. Я не знаю ни того, ни другаго,
Сократъ.

Сокр. Обыкновенно, какіе-то новые софис-
ты (3).

Крит. Откуда они? и въ чемъ состоятъ
ихъ мудрость?

Сокр. Родомъ они, думаю, оттуда же, гдѣ
и были, то-есть изъ Хіоса (4); потомъ пересе-
лились въ Туріосъ, а изъ Туріоса ушли въ на-
шу сторону и проживаютъ здѣсь уже много
лѣтъ. Что же касается до мудрости, о которой
ты спрашиваешь; то чудеса, Критонъ; они
все знаютъ! До сихъ поръ я не понималъ, что
такое всезнайка, а теперь—вотъ дивные атлеты!
Это уже не Акарнанскіе братья (5), могучіе толь-
ко тѣлесными силами; нѣтъ, Эвтидемъ и Діони-
содоръ—люди сильные и по тѣлу, въ такомъ
родѣ боя, въ которомъ можно побѣждать всѣхъ (6),
и въ которомъ они не только сами владѣютъ
оружіемъ, но за известную плату согласны на-
272. учить и другихъ тому же (7); люди сильные и
въ судахъ, гдѣ лично подвизаются и настав-
ляютъ охотниковъ говорить и писать судебныя
рѣчи. Но то ли еще? Доселѣ они были искусны
только въ этомъ, а теперь уже вполне увѣн-
чали свое всепобѣдительное искусство; доселѣ
по крайней мѣрѣ одинъ родъ борьбы оставался
у нихъ необработаннымъ, а теперь и это такъ
усовершенно ими, что никто не въ состояніи
и заикнуться. Вотъ сколь сильными сдѣлались

они въ устныхъ состязаніяхъ и въ опроверженіи всякой мысли, ложная ли она, или истинная! По сему я намѣреваюсь, Критонъ, вѣрить себя этимъ мужамъ; ибо они общаются въ короткое время научить всякаго тому же самому.

Крит. Какъ, Сократъ! развѣ не пугаютъ тебя лѣта? Вѣдь ты уже старъ.

Сокр. Нисколько не пугаютъ, Критонъ. Я имѣю достаточную и утѣшительную причину не бояться ихъ. Сами Эвтидемъ и Діонисіодоръ, можно сказать, уже въ старости начали учиться этой мудрости, сему возделънному для меня искусству состязаться. За годъ, или за С. два, они не знали его. Одного только боюсь: не подать бы случая издѣваться надъ этими иностранцами, такъ же какъ надъ Конномъ Митровійскимъ, цитристомъ, который доселѣ продолжаетъ учить меня на цитръ. Дѣти, товарищи мои въ его школѣ, смотря на насъ, и меня осмѣиваютъ и Конна называютъ учителемъ стариковъ: какъ бы не подвергнуть и ихъ такому же поношенію. Да и не даромъ они не вдругъ соглашаются принять меня: можетъ быть сами боятся того же. Я уже подговорилъ нѣкоторыхъ стариковъ ходить вмѣ- D. стѣ со мною на уроки Конна: другихъ подговорю посѣщать уроки Эвтидема и Діонисіодора. По чему бы и тебѣ, Критонъ, не быть моимъ товарищемъ (8)? А для приманки, поведемъ

дѣтей твоихъ: принимая ихъ, они будутъ учить и насъ.

Крит. Не мѣшаешь, если тебѣ угодно, Сократъ. Но прежде скажи о мудрости этихъ людей, что бы знать, чему мы будемъ учиться у нихъ.

Сокр. Подожди, услышишь. Будто я и не могу сказать, какъ бы не понялъ ихъ: нѣтъ, я понялъ, помню и постараюсь пересказать тебѣ все съ начала. По внушенію какого-то бога, я сидѣлъ одинъ тамъ, гдѣ ты видѣлъ меня, то-есть, въ раздѣвальницѣ, и уже хотѣлъ встать, какъ вдругъ—обычное мнѣ знаменіе, геній (9), и я опять сѣлъ. Вскорѣ послѣ того вошли Эвтидемъ и Діонисіодоръ со множествомъ, какъ мнѣ показалось, учениковъ своихъ. Вошедши, они начали прохаживаться въ крытой галлерей и еще не сдѣлали двухъ, трехъ поворотовъ, какъ вошелъ Клиніасъ, который дѣйствительно очень подросъ, твое замѣчаніе справедливо, а за нимъ толпа пріятелей его и, между прочими, нѣкто Ктезиппъ Пеанійскій, прекрасный и добрый юноша по природѣ, но задорный по молодости. Клиніасъ, замѣтивъ при самомъ входѣ, что я сижу одинъ, подошелъ прямо ко мнѣ и сѣлъ по правую мою руку, какъ самъ ты сказалъ. Діонисіодоръ и Эвтидемъ, увидѣвъ его, сперва остановились и разговаривали другъ съ другомъ, время отъ времени поглядывая на насъ,—а я внимательно наблюдалъ за ними;

ПОТОМЪ ПОДОШЛИ КЪ НАМЪ И ОДИНЪ ИЗЪ НИХЪ, ЭВТИДЕМЪ, СЫНЪ ПОДЛѢ МАЛЬЧИКА, А ДРУГОЙ ПОДЛѢ МЕНЯ СЪ ЛѢВОЙ РУКИ, ПРОЧІЕ ЖЕ—КОМУ ГДѢ СЛУЧИЛОСЬ. Я ПОКЛОНИСЯ ИМЪ, ТАКЪ КАКЪ И ПРЕЖДЕ ПО ВРЕМЕНАМЪ ВИДАЛСЯ СЪ НИМИ, ПОТОМЪ ОБРАТИВШИСЬ КЪ КЛИНІАСУ, СКАЗАЛЪ: КЛИНІАСЪ! ПРЕДСТАВЛЯЮ ТЕБѢ ЭВТИДЕМА И ДІОНИСІОДОРА, МУДРЕЦОВЪ ВЪ ВЕЩАХЪ НЕ ПУСТЫХЪ, А ВАЖНЫХЪ. ОНИ ЗНАЮТЪ ВСЕ, ОТНОСЯЩЕЕСЯ КЪ ВОЙНѢ,—ВСЕ, ЧТО НУЖНО ЗНАТЬ ЧЕЛОВѢКУ, ЖЕЛАЮЩЕМУ СДѢЛАТЬСЯ ИСКУСНЫМЪ ПОЛКОВОДЦЕМЪ, ТО-ЕСТЬ, КАКЪ РАСПОЛАГАТЬ И ВЕСТЬ ВОЙСКО, КАКЪ СРАЖАТЬСЯ ОРУЖІЕМЪ; ОНИ МОГУТЪ ТАКЖЕ НАУЧИТЬ, КАКЪ ПОМОГАТЬ САМОМУ СЕБѢ ВЪ СУДАХЪ, ВЪ СЛУЧАѢ КАКОЙ-НИБУДЬ ОБИДЫ.—КОГДА Я СКАЗАЛЪ ЭТО, ЭВТИДЕМЪ И ДІОНИСІОДОРЪ ОБНАРУЖИЛИ СВОЕ НЕУДОВОЛЬСТВІЕ; ИБО, ПОСМОТРѢВЪ ДРУГЪ НА ДРУГА, Д. УЛЫБНУЛИСЬ. ПОТОМЪ ПЕРВЫЙ ИЗЪ НИХЪ ПРИМОЛВИЛЪ: НЕ ЭТИМЪ УЖЕ МЫ СЕРЬЕЗНО ЗАНИМАЕМСЯ, СОКРАТЬ; ТАКОЕ ЗАНЯТІЕ У НАСЪ ТОЛЬКО МЕЖДУ ДѢЛОМЪ. — О, ТАКЪ ВАШЕ ДѢЛО, ДОЛЖНО БЫТЬ, ОЧЕНЬ ВАЖНО, ЕСЛИ ПОДОБНОЕ ЗАНЯТІЕ ДЛЯ ВАСЪ БЕЗДѢЛКА. СКАЖИТЕ ЖЕ, РАДИ БОГОВЪ, ВЪ ЧЕМЪ СОСТОИТЪ ОНО? — ВЪ ТОМЪ, СОКРАТЬ, ОТВѢЧАЛЪ ОНЪ, ЧТОБЫ КАКЪ МОЖНО ЛУЧШЕ И СКОРѢЕ ПРЕПОДАТЬ ЛЮДЯМЪ ДОБРΟДѢТЕЛЬ.—О ЗЕВСЬ, ВСКРИ- Е. ЧАЛЪ Я, КАКОЕ ВЕЛИКОЕ ДѢЛО! ГДѢ ВЫ НАШЛИ ЭТО ЭРМІЕВО СОКРОВИЩЕ (10)? А Я, ПРАВО, ДУМАЛЪ О ВАСЪ ТАКЪ, КАКЪ СЕЙ ЧАСЪ ЖЕ ГОВОРИЛЪ, ТО-ЕСТЬ, ЧТО ВЫ СЪ ОСОБЕННЫМЪ ИСКУСТВОМЪ ДѢЙСТВУЕТЕ ОРУЖІ-

- емъ (11). Помнится даже, что и сами вы, въ первое время прибытія къ намъ, объявляли о себѣ тоже. Но если теперь по истинѣ обладаете и этою наукою; то умиласердитесь (12): отъ души привѣтствую васъ, какъ боговъ, и прошу
274. у васъ прощенія въ прежнихъ словахъ своихъ. Впрочемъ смотрите, Эвтидемъ и Діонисіодоръ, правду ли вы сказали? Вѣдь не удивительно не вѣрить, когда общаете такъ много.—Будь увѣренъ, Сократъ, что правду, отвѣчали они.—Поздравляю же васъ съ такимъ приобрѣтеніемъ гораздо болѣе, чѣмъ великаго царя съ владычествомъ. Однакожь скажите мнѣ: намѣрены ли вы объявить всемъ объ этой мудрости, или думаете какъ иначе?—Для того-то мы и пріѣхали сюда Сократъ, чтобы объявить о себѣ и учить, кто пожелаетъ учиться.—О, бьюсь объ закладъ,
- В. что всѣ пожелаютъ, кто не знаетъ вашего искусства! Вотъ я первый, потомъ Клиніасъ, а тамъ Ктезиппъ и всѣ эти; сказалъ я, указывая на друзей Клиніаса. А они уже очутились во кругъ насъ: ибо Ктезиппъ сперва сидѣлъ, кажется, далеко отъ Клиніаса; но когда Эвтидемъ, разговаривая со мною, наклонился впередъ, потому что между нами былъ Клиніасъ, и заслонилъ его отъ Ктезиппа; то Ктезиппъ, желая
- С. смотрѣть на своего друга и вмѣстѣ слушать разговоръ, первый вскочилъ съ своего мѣста и сталъ противъ насъ. Потомъ его примѣру послѣдовали и другіе обычные пріатели Клиніаса

и друзья Эвтидема и Діонисіодора. На нихъ-то указаль я Эвтидему и примолвилъ, что всѣ они готовы учиться. Въ самомъ дѣлѣ, какъ Ктезиппъ, такъ и прочіе изъявили сильное желаніе и въ одинъ голосъ просили его показъ опытъ своей мудрости.

Тогда я сказалъ: Эвтидемъ и Діонисіодоръ! какъ хотите, а надобно и ихъ удовлетворить и для меня сдѣлать это. Показать себя во многомъ конечно не бездѣлица; но скажите мнѣ по крайней мѣрѣ: того ли только, кто убѣжденъ, что должно у васъ учиться, можете вы сдѣлать добрымъ человѣкомъ, или и того, кто еще не убѣжденъ, потому что вовсе не починаетъ добродѣтели предметомъ науки, а васъ ея учителями? то-есть, къ вашему ли искусству, или къ иному какому-нибудь относится также знаніе убѣдить человѣка, что добродѣтель изучима и что вы именно тѣ люди, у которыхъ можно научиться ей (13) самымъ лучшимъ образомъ?—Точно къ нашему, Сократъ, отвѣчалъ Діонисіодоръ.—По этому вы лучше, нежели кто-либо изъ современниковъ, можете расположить къ философіи и добродѣтели (14)?—Думаемъ, 275. Сократъ. — Отложите же всѣ прочія разсужденія до другаго времени, сказалъ я; а теперь покажите себя только въ слѣдующемъ: доставьте мнѣ и всѣмъ присутствующимъ удовольствіе; убѣдите сего мальчика, что должно философствовать и любить добродѣтель; это ему

- нужно. Я и прочіе, здѣсь находящіеся, сильно желаемъ, чтобы онъ былъ самымъ лучшимъ человѣкомъ. Передъ вами сынъ Аксіоха, слѣдовательно внукъ Алкивіада старшаго, и племянникъ того, который нынѣ здравствуетъ; имя его Клиніасъ (15). Такъ какъ онъ молодъ, то мы опасаемся, чтобы кто нибудь, предупредивъ насъ, не развратилъ его и не наклонилъ мыслей его къ какимъ-нибудь другимъ предметамъ. По этому вы пришли весьма кстати. Если ничто не мѣшаетъ вамъ, позаботьтесь о мальчикѣ и побесѣдуйте съ нимъ въ нашемъ присутствіи.—Почти такъ говорилъ я.—На это Эвтидемъ рѣшительно и смѣло сказалъ: ничто не мѣшаетъ, Сократъ, лишь бы юноша согласился отвѣчать. — О, къ этому, — то именно онъ и привыкъ, замѣтилъ я: друзья, то и дѣло, обращаются съ нимъ, часто спрашиваютъ его и заставляютъ разговаривать; слѣдовательно въ отвѣтахъ онъ будетъ вѣроятно смѣлъ.

- Но въ состояніи ли буду я, Критонъ, хорошо пересказать тебѣ этотъ разговоръ? Дѣло не маловажное умѣть при повтореніи удержать такую безцѣнную мудрость (16). Приступая къ разсказу, не призвать ли и мнѣ на помощь
- Музы и Мнемосину (17), какъ призываютъ ихъ поэты?—Началь Эвтидемъ, и помнится слѣдующимъ вопросомъ: Клиніасъ! Какіе люди обыкновенно учатся: умные, или невѣжды?—Ребенокъ, такъ какъ задача была трудна (18), покраснѣлъ

и въ недоумѣніи посмотрѣлъ на меня; а я, видя, что онъ смѣшался, сказалъ: не робѣй, Клиніасъ, отвѣчай смѣло: то, или другое тебѣ Е. кажется? можетъ быть чрезъ это получишь великую пользу.—Въ ту же минуту Діонисіодоръ наклонился ко мнѣ почти на ухо съ комическою улыбкою, и молвилъ: предсказываю тебѣ, Сократъ, что какъ ни отвѣтитъ дитя, во всякомъ случаѣ будетъ обличено въ ошибку (19).— Между тѣмъ Клиніасъ уже отвѣчалъ, такъ что мнѣ болѣе не нужно было возбуждать его; да, онъ отвѣчалъ, что учатся умные.—А называешь ли ты кого-нибудь учителями? спросилъ Эвтидемъ, или не называешь?—Называю.—Но учителя не суть ли учителя твоихъ, которые учатся, какъ напримѣръ, цитристъ и грамматистъ были твоими и другихъ дѣтей учителями, а вы ихъ учениками?—Согласился.—И вы, учась чему-нибудь, конечно прежде не знали того, чему учились?—Не знали.—И однакожь, не зная того, были умны?—Не такъ-то, отвѣчалъ онъ.—В. А если не умны, то невѣжды?—Правда.—И такъ, учась тому, чего не знали, вы учились невѣждами?—Мальчикъ согласился.—Значить, умные учатся невѣждами, а не умными, какъ ты думалъ, Клиніасъ?—Лишь только онъ сказалъ это, какъ всѣ послѣдователи Діонисіодора и Эвтидема дружно, будто хоръ по знаку капельмейстера (20), зарукоплескали и подняли смѣхъ. Потомъ, прежде нежели ребенокъ успѣлъ С.

порядочно вздохнуть, Діонисіодоръ обратился къ нему и сказалъ: а что, Клиніасъ какъ скоро грамматистъ говоритъ что-нибудь, которые дѣти разумѣютъ слова его: умные или невѣжды? — Умные, отвѣчалъ Клиніасъ. — Следовательно учатся умные, а не невѣжды, и ты неправильно сей часъ отвѣчалъ Эвтидему. — Послѣ сего-то уже слишкомъ много смѣялись

D. и шумѣли почитатели софистовъ, сорадуясь ихъ мудрости; а мы, какъ оглушенные, молчали. Замѣтивъ наше смущеніе, Эвтидемъ соби-
рался еще болѣе удивить насъ, не давалъ ребенку отдыха и продолжалъ спрашивать, какъ хорошій орхистъ, предлагая сугубые вопросы объ одномъ и томъ же предметѣ (21). — А что, Клиніасъ, сказалъ онъ: учащіеся тому ли учатся, что знаютъ, или тому, чего не знаютъ? — Въ ту же минуту Діонисіодоръ опять проинтенталъ

E. мнѣ: Сократъ! вѣдь и это такая же штука, какъ прежняя. — О Зевсъ! отвѣчалъ я, да и первый-то вопросъ дѣлаетъ вамъ по истинѣ много чести. — У насъ всѣ равно пензбѣжны, сказалъ онъ. — По этому вы, думаю, пользуетесь высокимъ мнѣніемъ у своихъ учениковъ? — Между тѣмъ Клиніасъ отвѣчалъ Эвтидему, что учащіеся учатся тому, чего не знаютъ. — Какъ же такъ, спросилъ его Эвтидемъ по прежнему?

277. Знаешь ли ты буквы? — Знаю, сказалъ онъ. — Всѣ знаешь? — Всѣ. — Но когда человекъ говоритъ что-нибудь, развѣ не буквы онъ говоритъ? —

Согласился.—И поелику ты знаешь всѣ буквы, то онъ говорить то, что ты знаешь?—И въ этомъ согласился.—Чтожь теперь? сказалъ онъ; значить, не ты учишься, когда что-нибудь говорить, а тотъ, кто не знаетъ буквъ?—Такъ; однакожь я учусь.—Но ты учишься тому, что знаешь, если только знаешь всѣ буквы.—Правда.—Слѣдовательно ты неправильно отвѣ- в. чалъ, сказалъ онъ.—Эвтидемъ еще не успѣлъ порядочно кончить своего заключенія, какъ Діонисіодоръ перехватилъ рѣчь его, будто мячъ, и опять напалъ на дитя.—Клиніасъ! сказалъ онъ, Эвтидемъ обманываетъ тебя. Скажи мнѣ: учиться не значить ли пріобрѣтать познаніе о томъ, чему кто учится?—Клиніасъ согласился.—А познать, не то же ли, что имѣть уже познаніе?—Подтвердилъ.—Слѣдовательно, не зная, все равно, что не имѣть познанія?— С. Конечно.—Но кто получаетъ что-нибудь? тотъ ли, кто имѣетъ, или кто не имѣетъ?—Кто не имѣетъ.—А ты согласился, что не знающіе принадлежать къ числу людей не имѣющихъ?—Согласился.—По этому, учащіеся принадлежать къ числу людей получающихъ и не имѣющихъ?—Такъ.—Слѣдовательно учатся, Клиніасъ, не тѣ, которые знаютъ, а тѣ, которые не знаютъ.

Послѣ сего Эвтидемъ стремился было, какъ борецъ, и въ третій разъ низпровергнуть маль- D. чика ⁽²³⁾: но я, видя, что ребенокъ совсѣмъ поги-

басть, и боясь, чтобы онъ вовсе не оробѣлъ, рѣшился помочь его горю утѣшеніемъ. Не удивляйся, Клиніасъ, сказалъ я, если такой разговоръ кажется тебѣ необычайнымъ. Можетъ быть ты не замѣчаешь, что эти иностранцы дѣлають съ тобою то самое, что бываетъ въ таинствахъ Коривантовъ, которые, приступая къ посвященію адепта, сажаютъ его на престолъ (23). Если ты бывалъ посвящаемъ; то знаешь, что сей обрядъ начинается плясками Е. и шутками: точно такъ же теперь пляшутъ вокругъ тебя и шутятъ, подобно орхистамъ, Эвтидемъ и Діонисіодоръ, чтобы потомъ ты могъ быть посвященъ. И такъ въ эти минуты представляй себѣ начала софистическихъ церемоній. Продикъ же говоритъ, что сперва должно уразумѣть истинное значеніе именъ: вотъ иностранцы и показали тебѣ, что ты не знаешь, какъ люди употребляютъ слово учиться (*μανθάνειν*). Они называютъ симъ словомъ во-первыхъ то, когда человекъ, не имѣвъ прежде никакого 278. познанія объ извѣстномъ предметѣ, наконецъ узнаетъ его, во-вторыхъ то, когда онъ, уже пріобрѣтши познаніе о немъ, съ помощію его разсматриваетъ тотъ же самый предметъ, какъ скоро его дѣлають, или о немъ разсуждаютъ. Хотя конечно въ этомъ случаѣ чаще употребляется глаголъ бесѣдовать (*συμμιέναι*), чѣмъ учиться; однакожь иногда говорятъ и учиться (*μανθάνειν*). Да, Клиніасъ, ты забылъ, какъ показали тебѣ

надо мною; ибо только жажда вашей мудрости возбуждаетъ во мнѣ смѣлость лепетать предъ
Е. вами. Удержитесь же отъ смѣха, слушая меня, вы и ученики ваши; а ты, сынъ Аксіоха, отвѣчай.

Точно ли всѣ люди желаютъ себѣ успѣховъ?—Но можетъ быть такой вопросъ есть одинъ изъ тѣхъ смѣшныхъ вопросовъ, которыхъ теперь я такъ боюсь? Можетъ быть глупо и спрашивать объ этомъ? ибо кто не желаетъ себѣ успѣха?—Конечно нѣтъ такихъ, отвѣчалъ
279. Клиніасъ.—Положимъ, сказалъ я; но далѣе-то: Желая себѣ успѣха, какимъ образомъ дѣйствительно достигнуть его? не такъ ли, чтобъ получить много добра? Или можетъ быть этотъ вопросъ еще глупѣе прежняго? ибо дѣло и само по себѣ ясно. — Безъ сомнѣнія. — Пусть такъ; но между всѣми вещами, что называется добромъ? Или можетъ быть и это найти (25) столь же легко, и не требуетъ усилій порядочнаго человѣка? Можетъ быть всякій скажетъ, что добро есть богатство? Не правдали?—Правда, отвѣчалъ Клиніасъ. — Что оно состоитъ также въ здоровьѣ, красотѣ и прочихъ тѣлесныхъ достоинствахъ? — Согласился. — Но
В. вѣдь и благородство, и сила, и почести въ отечествѣ, не менѣе добро?—Конечно.—А нѣтъ ли и еще чего-нибудь добраго? напримѣръ, быть разсудительнымъ, справедливымъ, мужественнымъ? Скажи, ради Зевса, Клиніасъ: тогда

ли мы были бы правы, когда бы почитали это добромъ, или тогда, когда не почитали бы? Можетъ быть иные недоумѣваютъ касательно сего предмета, а ты какъ думаешь?—Я почитаю это добромъ, отвѣчалъ Клиніасъ.—Хорошо; но къ какому классу отнести мудрость? къ добру, или къ чему другому?—Къ добру.—Подумай-ка, с. не забыли ли мы и еще о какомъ-нибудь добрѣ, стоющемъ замѣчанія?—Кажется не забыли, отвѣчалъ Клиніасъ.—Тогда я, какъ будто припоминая что-то, сказалъ: охъ нѣтъ, клянусь Зевсомъ, мы пропустили величайшее изъ всѣхъ благъ.—Какое же это, спросилъ онъ? — Благополучіе, Клиніасъ, которое всѣ, даже и самые плохіе люди называютъ величайшимъ добромъ.—Ты правъ.—Потомъ опять одумавшись, я сказалъ: а вѣдь мы, я и ты, сынъ Аксіоха, не много смѣшны въ глазахъ этихъ иностранцевъ?—По-чему же, спросилъ онъ?—По тому, что упомянувъ о благополучіи прежде, теперь снова говоримъ о немъ. — Какъ же такъ? — Да такъ, смѣшно полагать въ другой разъ то, что было уже положено (зѣ), и говорить объ одномъ и томъ же дважды. — Что ты разумѣешь тутъ?—Послушай, сказалъ я: мудрость есть благополучіе; это извѣстно и ребенку. — Клиніасъ удивился, по тому что еще слишкомъ молодъ и несмышленъ; а я, замѣтивъ его удивленіе, спросилъ: развѣ ты не знаешь, что флейщики, въ отношеніи къ игрѣ на флейтѣ, суть люди самые

D.

E.

благополучные?—Знаю.—Тоже должно сказать
 и о грамматистахъ въ отношеніи къ искусству
 читать и писать?—Безъ сомнѣнія.—Чтожь те-
 перь? Говоря вообще, считаешь ли ты кого-
 нибудь благополучнѣе кормчаго во время мор-
 ской бури?—Нѣтъ.—А во время войны, съ кѣмъ
 бы ты охотнѣе согласился раздѣлять судьбу: съ
 280. мудрымъ полководцемъ, или съ немудрымъ?—
 Съ мудрымъ.—Во время болѣзни, кому бы охот-
 нѣе ввѣрился: мудрому врачу, или глупому?—
 Мудрому.—По сему, гораздо благополучнѣе имѣть
 дѣло съ мудрымъ, чѣмъ съ невеждою?—Конеч-
 но.—Слѣдовательно мудрость вездѣ дѣлаетъ лю-
 дей благополучными; съ нею никто не оши-
 бается, но всѣ поступаютъ правильно и удачно:
 иначе она не была бы и мудростію. Такимъ
 в. образомъ въ главномъ мы наконецъ, не знаю
 какъ-то, согласились, то-есть, заключили, что
 кто обладаетъ мудростію, тотъ не имѣетъ нуж-
 ды въ благополучіи. А когда согласились въ
 этомъ; то я спросилъ Клиніаса и о другихъ,
 прежде допущенныхъ положеніяхъ. Допустили
 ли мы, сказалъ я, что человекъ бываетъ счаст-
 ливъ и получаетъ успѣхъ въ дѣлахъ своихъ,
 какъ скоро у него много добраго.—Допустили.—
 Но настоящія блага тогда ли составляютъ на-
 ше счастье, когда онъ полезенъ намъ, или,
 когда не полезенъ?—Когда полезенъ.—Полезны
 ли онъ, когда мы только имѣемъ ихъ, а не
 употребляемъ? На примѣръ, полезно ли имѣть

много пищи и не ѣсть, много питья и не пить?—Вовсе нѣтъ. — Вообрази же теперь, что художники приобрѣли все нужное для каждой части своей работы, и однакожь не употребляютъ приобретеннаго: счастливы ли они чрезъ то, что у нихъ есть все нужное для художника? Представь напримѣръ, что плотникъ приобрѣлъ всѣ инструменты и нужныя деревья, а ничего не строить: полезно ли ему это приобретение?—Ни мало.—Чтожь теперь? Кто приобрѣлъ богатство и всѣ другія блага, о которыхъ мы недавно упоминали, а не употребляетъ ихъ; тотъ счастливъ ли чрезъ приобретение сихъ благъ?—Нѣтъ, Сократъ.—Слѣдовательно, кто хочетъ быть счастливымъ; тому надобно не только приобрести эти блага, но и употреблять ихъ, если одно приобретение не приноситъ ни какой пользы (27).—Правда.—И такъ, для счастья человека, Клиніасъ, необходимо какъ приобретение благъ, такъ и употребленіе ихъ.—Кажется.—Но употребленіе правильное, спросилъ я, или и неправильное?—Правильное. — Ты хорошо-таки отвѣчаешь (28); ибо, по моему мнѣнію, гораздо вреднѣе употреблять ихъ неправильно, чѣмъ вовсе не употреблять: первое худо, а послѣднее ни худо, ни хорошо. Правду ли я говорю?—Правду.—Но при обработкѣ деревьевъ, можетъ ли что другое содѣйствовать правильному употребленію ихъ, кромѣ знанія, собственнаго плотнику?—Ничто. — Не знаніе ли

D.

E.

281.

- мудростию: для того не стыдно и не безчестно, Клиніасъ, ради сего пріобрѣтенія, повиноваться и служить, какъ любящему его человѣку, такъ и другимъ, и быть готовымъ ко всякому должному послушанію, лишь бы кто искренно желалъ сдѣлать его мудрымъ. Или, можетъ быть, тебѣ иначе кажется, спросилъ я?—Нѣтъ, мнѣ кажется, что ты говоришь правду, отвѣчалъ онъ. — Да, Клиніасъ, если только можно
- С. учить мудрости, если она не сама собою достается людямъ; ибо это еще требуетъ изслѣдованія, и наши мнѣнія въ семъ отношеніи еще не извѣстны.—Но мнѣ думается, Сократъ, что мудрости учить можно, примолвилъ онъ. — Прекрасно сказано, лучший изъ мужей (30), отвѣчалъ я обрадовавшись; ты хорошо дѣлаешь, что избавляешь меня отъ долгихъ изслѣдованій вопроса: можно ли учить мудрости, или нельзя? Если же она, по твоему мнѣнію, изучима, и одна въ состояніи доставить человѣку счастье и успѣхи; то не почеешь ли ты нужнымъ
- Д. философствовать о ней? и не устремись ли своею мыслию къ пріобрѣтенію ея?—Конечно, Сократъ, отвѣчалъ онъ, и сколько возможно болѣе.

Выслушавъ это съ радостію, я сказалъ: Вотъ образецъ разположительной бесѣды, какой мнѣ хотѣлось бы, Діонисіодоръ и Эвтидемъ. Она конечно не искусственна и утомительна своею растянутостію: но пусть кто нибудь изъ

насъ потрудится изложить ес по правиламъ искусства. А когда вамъ не угодно, раскройте сему ребенку по крайней мѣрѣ то, что я оставилъ безъ изслѣдованія, то-есть, долженъ ли Е. онъ стараться приобрѣсть всякое знаніе, или какое-нибудь одно, которое сдѣлало бы его человекомъ счастливымъ и добрымъ, и въ чемъ состоитъ оно; ибо я съ самаго начала говорилъ вамъ, что для насъ весьма важно видѣть сего юношу мудрымъ и добрымъ. Сказавъ это, 183. Критонъ, я сильно желалъ знать, что будетъ далѣе, и ожидать, какимъ образомъ они приступятъ къ слову и съ чего начнутъ свои наставленія, должествовавшія расположить юношу къ мудрости и добродѣтели. Вотъ старшій изъ нихъ, Діонисіодоръ, первый открылъ бесѣду; а мы смотрѣли на него съ надеждою тотчасъ услышать какуюнибудь дивную рѣчь: да и не обманулись; ибо этотъ человекъ началъ въ самомъ дѣлѣ удивительное слово, и тебѣ, Критонъ, стоитъ выслушать его, чтобы судить, В. какъ оно возбуждаетъ къ добродѣтели.

Діонисіодоръ сказалъ: Отвѣчайте мнѣ, Сократъ и всѣ другіе, желающіе, чтобы сей юноша сдѣлался мудрымъ: шутя вы говорите это, или желанія ваши истинны, отъ души? — Тутъ мнѣ пришло на мысль, что прежнія наши слова, которыми мы просили ихъ разговаривать съ юношею, вѣроятно, приняли они за шутку, а по тому и сами шутили, ни-

- С. сколько не заботясь о рѣчи серьезной. Подумавъ это, я отвѣчалъ еще рѣшительнѣе прежняго, что мы отнюдь не шутимъ. — Смотри, Сократъ, продолжалъ Діонисіодоръ, чтобъ послѣ не отказываться отъ теперешнихъ словъ своихъ. — Я уже смотрѣлъ, и вѣрно не откажусь. — И такъ что же? Вы сказали, что хотите видѣть Клиніаса мудрымъ? — И очень. — А теперь онъ мудръ, или нѣтъ? — Говорить, что еще нѣтъ: видишь, онъ нехвастливъ. — Значить, вамъ угодно, чтобъ онъ сдѣлался мудрымъ и не былъ
- Д. невеждою? — Мы согласились. — Следовательно, вы желаете, чтобъ онъ сдѣлался тѣмъ, что теперь не есть (31), и не былъ тѣмъ, что теперь есть. — Услышавъ это, я смѣялся, а Діонисіодоръ между тѣмъ продолжалъ: — Но желая, чтобъ онъ не былъ тѣмъ, что теперь есть, вы, кажется, хотите, чтобъ онъ погибъ. О, тѣ друзья и пріятели весьма драгоценны, которые болѣе всего желаютъ гибели любимому своему юношѣ.
- Е. — Услышавъ это, Ктезиній разсердился за своего друга и вскричалъ: Турійскій иностранецъ! Если бы не было невѣжливо, я сказалъ бы тебѣ: возьми на свою голову (32) то дѣло, которое ты вздумалъ налагать на меня и на другихъ. Объ этомъ и говорить преступно: ну, могу ли я желать Клиніасу гибели? — Какъ, Ктезиній? возразилъ Эвтидемъ: развѣ по твоему мнѣнію, можно лгать (33)? — Да, клянусь Зевсомъ, отвѣчалъ онъ, если только я не сошелъ съ ума.

— Но кому же можно: тому ли кто говорить о дѣлѣ, о которомъ идетъ рѣчь, или тому, кто не говоритъ? — Тому, кто говоритъ, отвѣчалъ онъ. — Однакожь говорящій о дѣлѣ конечно го- 284.
ворить не о другомъ какомъ-нибудь сущемъ, а о томъ, что онъ говоритъ. — Какъ же иначе? — И дѣло, о которомъ говорится, вѣроятно есть сущее одно само по себѣ, отличное отъ другого? — Безъ сомнѣнія. — По сему говорящій объ немъ, говоритъ о сущемъ? — Правда. — Но говорящій о сущемъ, говоритъ истину. Следовательно, и Діонисіодоръ, поколику онъ говоритъ о сущемъ, говоритъ истину и нисколько не лжетъ на тебя? — Такъ, сказалъ Ктезиппъ: но кто говоритъ объ этомъ, Эвтидемъ; тотъ говоритъ не о сущемъ. — Да не сущее развѣ не то, В.
чего нѣтъ? — Конечно то, чего нѣтъ. — И не сущее ли какъ не можетъ быть сущимъ? — Ни какъ. — А можно ли трудиться надъ тѣмъ, что не существуетъ? напримеръ, могъ ли бы кто-нибудь сдѣлать Клиніасу то, чего вовсе нѣтъ? — Не думаю, отвѣчалъ Ктезиппъ. — Какое же отсюда слѣдствіе? Ораторы, говоря къ народу, неужели не трудятся? — Нѣтъ, трудятся. — А когда трудятся, то и дѣлаютъ? — Конечно. — По этому говорить, значить трудиться и дѣлать? — С.
Согласился. — Следовательно никто не говоритъ о томъ, чего нѣтъ; ибо иначе можно было бы и дѣлать то, чего нѣтъ. А ты уступилъ, что не сущаго дѣлать нельзя; значить, по твоимъ

же словамъ, и лгать нельзя. И такъ все, что говорить Діонисіодоръ, есть истинное и сущее. — Но ради Зевса, Эвтидемъ, сказалъ Ктезиппъ: положимъ, онъ говоритъ о сущемъ; да говорить-то не такъ, какъ оно есть. — Что ты, Ктезиппъ? возразилъ Діонисіодоръ: развѣ можно найти кого-нибудь, кто говорилъ бы о вещахъ, какъ онъ суть? — Конечно; таковы всѣ честные, добрые и правдивые люди (34). — Но не правда ли, что хорошее хорошо, а худое худо? — Правда. — И ты соглашаешься, что честные и добрые люди говорятъ о вещахъ, какъ онъ суть? — Соглашаюсь. — Но если добрые люди, Ктезиппъ, говорятъ о вещахъ, какъ онъ суть: то о худомъ говорятъ безъ сомнѣнія худо? — Да, клянусь Зевсомъ, отвѣчалъ онъ, особенно о худыхъ людяхъ (35), къ которымъ ты, если хочешь меня послушать, берегись присоединяться, чтобы добрые, говорящіе, какъ тебѣ извѣстно, о худыхъ худо, не заговорили и на твой счетъ такъ же. — По этому о великихъ людяхъ, продолжалъ Эвтидемъ, говорятъ они величественно, а о горячихъ горячо? — Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ Ктезиппъ, равно какъ о холодныхъ говорятъ и велятъ говорить холодно (36). — А, ты бранишься, Ктезиппъ, сказалъ Діонисіодоръ, ты уже бранишься! — Пѣтъ, клянусь Зевсомъ, отвѣчалъ онъ; я люблю тебя, Діонисіодоръ; но прошу, какъ друга, чтобы ты никогда не говорилъ

285. мнѣ подобныхъ грубостей, будто я хочу поги-

белѣ тѣхъ людей, которые для меня весьма дороги.

Замѣчая, что они болѣе и болѣе раздражаются другъ противъ друга, я обратился къ Ктезиппу и шутливымъ тономъ сказалъ: Ктезиппъ! кажется, мы должны принять отъ иностранцевъ все, что они говорятъ, лишь бы только имъ угодно было сообщить намъ свое знаніе. Не будемъ спорить о словахъ. Если они умѣютъ губить людей такъ, что изъ худыхъ и неразумныхъ дѣлаютъ ихъ хорошими и благо-разумными—какая нужда, сами ли они изобрѣли, или у кого другаго изучили это разру- в. шительное и губительное искусство, посредствомъ котораго человѣкъ умираетъ худымъ, а возра- ждается хорошимъ—если они обладаютъ симъ искусствомъ (а безъ сомнѣнія обладаютъ, ибо сами объявили, что недавно открыто ими сред- ство дѣлать людей добрыми изъ худыхъ); то согласимся съ ними. Пусть они убьютъ намъ это дитя и чрезъ то сдѣлаютъ его благо-разум- нымъ; пусть убьютъ и всѣхъ насъ. Но можетъ быть вы, люди молодые, пугаетесь? въ такомъ случаѣ пусть они сдѣлаютъ свой опытъ надо С, мною, какъ будто надъ Карійцемъ (37): я уже старъ, готовъ отважиться и вѣрится Діонисіодору, какъ Колхидской Медѣ (38). Пусть они убьютъ меня, даже, если угодно, сварятъ, и дѣлаютъ все, что хотятъ, лишь бы мнѣ переродиться въ человѣка добраго.—На мои слова Ктезиппъ

отвѣчалъ: И я также, Сократъ, готовъ отдаться въ волю иностранцевъ: пусть они, если угодно, дерутъ съ меня кожу больше, чѣмъ теперь, лишь бы только изъ ней вышелъ не мѣхъ, какъ изъ Марсіасовой (39), а добродѣтель. Діонисіодоръ, кажется, думаетъ, что я сержусь на него: нѣтъ, я не сержусь, а только противорѣчу тому, что, по моему мнѣнію, не хорошо сказалъ онъ на меня. Противорѣчія, благороднѣйшій Діонисіодоръ, ты не называй бранью; брань есть нѣчто другое.

Какъ, Ктезиннъ? возразилъ Діонисіодоръ: развѣ словами можно противорѣчить?—Конечно, отвѣчалъ онъ; и очень можно. А тебѣ кажется,

Е. что противорѣчій не бываетъ?—Но ты, думаю, не докажешь, что когда нибудь слыхалъ, какъ одинъ противорѣчитъ другому?—Правда, отвѣчалъ онъ: однако ты слышишь теперь же, какъ я доказываю, что Ктезиннъ противорѣчитъ Діонисіодору. — И ты представишь мнѣ основаніе противорѣчія?—Конечно.—Какое же? продолжалъ онъ: вѣдь можно говорить о всякой вещи?—Можно.—Какъ она есть, или какъ не 286. есть?—Какъ есть. — Ибо помнишь, Ктезиннъ, мы недавно доказали, что никто не говоритъ о не сущемъ: о *нѣтъ* и *рѣчи* нѣтъ. — Такъ чтожь? сказалъ Ктезиннъ: развѣ чрезъ это мы меньше противорѣчимъ другъ другу?—Но когда оба мы знаемъ дѣлю; то будемъ ли противорѣчить одинъ другому, или станемъ говорить одно и

можно?—Одно и то же.—А когда некоторый изъ насъ не знаетъ дѣла, то начнемъ ли мы взаимно себя противорѣчать въ отношеніи къ нему, или можемъ быть и не вспомнить объ немъ?—Кто B. знаетъ и съ этимъ согласился.—Наконецъ, когда бы я говорилъ объ одномъ дѣлѣ, а ты о другомъ; то было ли бы между нами противорѣчіе? Или, когда я говорилъ бы о какой-нибудь вещи, а ты вовсе не говорилъ бы о ней: не говорящій противорѣчить ли говорящему (40)?—Ктезиппъ замолчалъ; а я, удивившись речѣ Діонисіодора, спросилъ его: Какъ это, Діонисіодоръ? Я уже отъ многихъ и часто слыжалъ C. твое указаніе, но не перестаю удивляться. Оно было въ большемъ ходу у учениковъ Протагора (41) и еще прежде ихъ (42), но мнѣ всегда представлялось страннымъ, по тому что какъ будто опровергало и другія положенія и само себя. Надѣюсь, что ты, любезнѣйшій, получишь раскрытій мнѣ истину. Точно ли невозможно говорить ложь? вѣдь это, кажется, сила речей? не такъ ли? то-есть говорящій, или говорить правду, или вовсе не говорить?—Согласился.— Но можетъ быть нельзя только говорить ложь, D. а думать можно?—И думать нельзя, сказалъ онъ.—Значить, вовсе не бываетъ ложнаго мнѣнія?—Не бываетъ.—По этому нѣтъ ни неважества, ни невѣжды? ибо невѣжество, если бы оно было, состояло бы въ прагматической лжи.—Конечно.—Но этого нѣтъ, спросилъ я?—

Нѣтъ, отвѣчалъ онъ. — Однакожь, Діонисіодоръ, ты говоришь для того ли только, чтобы говорить и сказать нѣчто необыкновенное, или въ самомъ дѣлѣ думаешь, что между людьми Е. нѣтъ ни одного невѣжды? — Твое дѣло опровергнуть меня, отвѣчалъ онъ. — А развѣ, по твоему мнѣнію, можно опровергать, когда никто не лжетъ? — Нельзя, сказалъ Эвтидемъ. — Я и не требовалъ опроверженія, отвѣчалъ Діонисіодоръ; ибо какъ требовать того, чего нѣтъ? — О Эвтидемъ! такія мудрыя и прекрасныя вещи я что-то не довольно понимаю; но вотъ скоро какъ-нибудь выразумѣю ихъ и, можетъ быть, скажу тебѣ нѣчто посильнѣе (43): тогда извини меня.

287. Смотри же: нельзя ни лгать, ни ложно мыслить, ни быть невѣждою, а потому ни ошибаться въ поступкахъ; ибо кто дѣлаетъ, не можетъ ошибиться въ томъ, что дѣлаетъ. Не такъ ли говорите вы? — Такъ, отвѣчалъ онъ. — Вотъ же сильный вопросъ, сказалъ я: если мы не ошибаемся ни въ дѣлахъ, ни въ словахъ, ни въ мысляхъ, если все это справедливо; то, ради Зевса, чьими же слывете вы учителями? Развѣ не объявили вы недавно, что лучше всякаго чловѣка пре-
В. подаете добродѣтель каждому, кто хочетъ учиться? — Ты, Сократъ, настоящій Кроносъ (44), подхватилъ Діонисіодоръ, если припоминаешь, что мы говорили прежде, повторилъ бы все, что сказалъ я за годъ, а не знаешь, какъ привязаться къ тому, что говорится теперь. —

Да теперешнее-то видишь, трудно (45), отвѣчалъ я, конечно потому, что сказано мудрецами; вотъ и въ послѣднихъ словахъ твоихъ очень трудно поймать тебя. Не самъ ли ты говоришь, Діонисіодоръ, что я не могу привязаться къ нимъ? а это не значитъ ли, что мнѣ не опровергнуть ихъ? Или, можетъ быть, твое выраженіе: я не знаю, какъ привязаться къ нимъ, имѣетъ (ἐννοῖα) другой смыслъ? — Но и къ тому что ты говоришь, столь жетрудно привязаться. Однакожь, отвѣчай мнѣ. — Какъ? Не дождавшись твоего отвѣта, Діонисіодоръ, сказалъ я? — Ты не отвѣчаешь? — Такъ и должно быть. — Конечно такъ должно быть, прибавилъ онъ. — А почему, спросилъ я? видно по тому, что ты пришелъ къ намъ, какъ всесвѣтнѣйшій мудрецъ въ словѣ, знающій, когда должно отвѣчать, когда нѣтъ; и теперь не отвѣчаешь, зная, что D. отвѣчать не должно? — Ты болтаешь, а не думаешь объ отвѣтахъ, сказалъ онъ. Послунайся, добрый человѣкъ, и отвѣчай: вѣдь самъ же признаешь меня мудрецомъ. — Кажется, необходимость велить послушаться; ибо твоя власть. Ну спрашивай. — Что мыслить, спросилъ онъ: то ли, въ чемъ есть душа, или то, что бездушно? — То, въ чемъ есть душа. — А знаешь ли ты какое-нибудь выраженіе, въ которомъ была бы душа? — Клянусь Зевсомъ, что не знаю. — Почему же ты недавно спрашивалъ, какой смыслъ имѣетъ (νοοῖ) (46) мое выраженіе? — Конечно по E. тому только, отвѣчалъ я, что слабость ума за-

- ставила меня ошибиться. Или, можетъ быть, я не ошибся? можетъ быть и правда, что выраженія мыслятъ? Какъ ты думаешь: ошибся я или нѣтъ? Если не ошибся; то ты не опровергнешь меня и, не смотря на свою мудрость, не сумѣешь привязаться къ слову: а если ошибся, то ты не правду утверждаешь, будто нельзя
288. ошибаться. И это относится уже не къ тому, что сказано было тобою за годъ. Такъ-то, Діонисіодоръ и Эвтидемъ, продолжалъ я, ваша мудрость всегда въ одномъ состояніи: она и теперь еще, какъ въ древности, низвергая другія мнѣнія, и сама падаетъ съ ними; и ваше искусство, не смотря на столь дивный подборъ словъ, доселѣ не нашло средства вывести ее изъ сего состоянія. — Послѣ того Ктезиппъ сказалъ: Что за странныя вещи говорите вы,
- В. мужи Турійскіе, Хіосскіе, или какіе еще, — какіи именемъ угодно вамъ называться, — вы, которымъ сумасбродствовать ничего не стоитъ! — Опасаясь, чтобы между ими не произошло ссоры, я снова остановилъ Ктезиппа и сказалъ: Ктезиппъ! Считаю нужнымъ и тебѣ напомнить тоже самое, что напоминалъ Клиніасу: ты не знаешь, сколь удивительна мудрость этихъ иностранцевъ; только они не хотятъ серьезно раскрыть ее намъ, а подражаютъ Протею, Египетскому софисту, и чаруютъ насъ. Будемъ же и мы подражать Менелая (47) и не отстанемъ отъ этихъ мужей, пока не обнаружится серьезная
- С.

сторона ихъ знанія. Я надѣюсь, что они откроютъ нечто превосходное, когда начнутъ говорить не-шутя. И такъ попросимъ ихъ, убедимъ, умолимъ быть откровенными. Между тѣмъ мнѣ хочется (48) снова показать имъ, какого бы объясненія я просилъ отъ нихъ; а потому попытаюсь, какъ могу, повести свою D. бесѣду далѣе отъ той точки, на которой прежде остановился. Можетъ быть, чрезъ это мнѣ удастся вызвать ихъ къ далу; можетъ быть изъ участія и жалости къ моимъ серьезнымъ усиліямъ, они и сами заговорятъ посерьезнѣе.

И такъ Клиніасъ, сказалъ я, напомнимъ мнѣ, на чемъ мы остановились. Кажется, мы наконецъ согласились въ томъ, что должно философствовать. Такъ ли?—Такъ, отвѣчалъ онъ.— А философія есть приобращеніе знанія. Не правда ли?—Правда, сказалъ онъ.— Но какое знаніе можно приобращать, чтобы приобратить его справедливо? Не то ли, обыкновенно, которое об- B. щаетъ намъ пользу? — Конечно то. — Было ли бы для насъ полезно ходить и узнавать, гдѣ въ землѣ закрыто много золота?—Можетъ быть, отвѣчалъ онъ.— Однакожь, прежде мы доказали, возразилъ я, что нѣтъ никакой пользы собрать себѣ все золото, даже безъ труда и безъ распа- пыванія земли; такъ что, если бы мы умѣли и камни превращать въ золото, наше умѣнье еще 189. не имѣло бы никакой цѣны; ибо кто не знаетъ, какъ пользоваться золотомъ, тому оно новое

- Безразлично.** Понимашь ли ты это спросилъ я? —
Какъ же, понимаю. — Такого же образца нѣтъ
 никакой пользы и въ прочихъ знаніяхъ. на-
 приимъ, хозяйственномъ, врачебномъ и другихъ,
 которыя наставляя, что должно дѣлать, не упо-
 требляютъ сдѣланнаго. Правда ли? — Подтвер-
 дилъ. — Еслибы также было знаніе дѣлать без-
 смертными, не научающее однакожь употре-
 блять безсмертіе; то и оно, по вышепринятымъ
 основаніямъ, не имѣло бы, какъ видно, ника-
 кой пользы. — Во всемъ этомъ мы согласились. —
 И такъ, любезное дитя, сказалъ я: намъ нужно
 такое знаніе, въ которомъ совпадали бы и
 дѣланіе и умѣнье пользоваться тѣмъ, что сдѣ-
 лано. — Кажется. — Многого безъ сомнѣнія тре-
 буется, чтобы мы, умѣя дѣлать лиру, были
 мастера и играть на ней; ибо здѣсь искусство
 производительности и искусство употребленія от-
 дѣльны одно отъ другаго, то-есть, дѣланіе лиры
 и игра на лиру взаимно различаются. Не такъ
 ли? — Подтвердилъ. — Не нужна намъ, разумѣет-
 ся и игра на флейтѣ (49); ибо и объ ней должно
 заключить тоже самое. — Согласился. — Но ради
 боговъ, сказалъ я! Когда мы изучаемъ искусство
 сочинять рѣчи; то должно ли предполагать,
 что приобретеніе его сдѣлаетъ насъ счастливы-
 ми? — Не думаю, возразилъ Клиніасъ. — А на
 какомъ основаніи, спросилъ я? — Мнѣ известны
 49. писатели рѣчей (50), отвѣчалъ онъ,
 пользоваться написанными рѣчами,

какъ дѣлатели лиръ — своими лирами; между тѣмъ другіе весьма хорошо пользуются ими, хотя сами не въ состояніи сочинять рѣчи. Отсюда видно, что искусство сочиненія рѣчей и искусство употребленія ихъ отдѣльны. — Ты привелъ, кажется, достаточное основаніе, что искусство сочинять рѣчи не есть то, пріобрѣтеніе коего сдѣлало бы насъ счастливыми: а я въ немъ-то именно и думалъ найти знаніе, котораго мы такъ давно ищемъ; потому что люди, сочиняющіе рѣчи, ко- В. гда случается встрѣтиться съ ними, кажутся, Клиніасъ, чрезвычайно мудрыми, а самое искусство ихъ — божественнымъ, высокимъ; и не удивительно, ибо оно есть часть искусства чародѣевъ и не много уступаетъ ему. Чародѣи укрощаютъ змѣевъ, пауковъ, скорпіоновъ 190. и другихъ животныхъ, или болѣзни; а сочинители рѣчей внушаютъ кротость и стоворчивость судіямъ, депутатамъ и народной толпѣ. Или, можетъ быть, ты иначе мыслишь, спросилъ я? — Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, я мыслю такъ, какъ ты говоришь. — Къ чему же еще обратимся мы? къ какому искусству? — Не придумаю, сказалъ онъ. — А я, кажется, нашелъ. — Какое же? спросилъ Клиніасъ. — По видимому воинское, отвѣчалъ я: пріобрѣтеніе его, скорее В. всѣхъ другихъ можетъ сдѣлать человека счастливымъ. — О, не думаю. — Какъ? сказалъ я. — Оно есть искусство охотиться за людьми. — Такъ

- чтожь? — Никакая охота, отвѣчалъ онъ, не простирается далѣе цѣли поймать и схватить. Но схвативъ, что ловили, охотники не могутъ пользоваться своею добычею: напротивъ, псары и рыболовы отдаютъ ее поварамъ; геометры, астрономы и счетчики (ибо и они охотники, потому что не сами дѣлаютъ фигуры (51), а находятъ уже готовыя), по крайней мѣрѣ благоразумнѣйшіе изъ нихъ, умѣя не употреблять, а только ловить, довѣряютъ пользоваться своими открытіями діалектикамъ (52). — Такъ, прекраснѣйшій и мудрѣйшій Клиніасъ, сказалъ я, истинно такъ. — Конечно, продолжалъ онъ, даже и полководцы, взявъ какой нибудь
- D. городъ, или лагерь, передаютъ его политикамъ (53), какъ ловцы перепеловъ, которые сдаютъ свою добычу перепелопитателямъ, потому что сами не могутъ употреблять то, что взяли. По сему, если намъ нужно такое искусство, которое, научая дѣлать или ловить, равно научало бы и пользоваться дѣломъ или добычею, и чрезъ то доставляло бы намъ счастье; то, вмѣсто воинскаго, надобно поискать какого-нибудь другаго.

E. Крит. Что ты говоришь, Сократъ? Не уже ли этотъ мальчикъ въ самомъ дѣлѣ такъ разсуждалъ?

Сокр. А ты не вѣришь, Критонъ?

Крит. Да, клянусь Зевсомъ. Если онъ это говоритъ, то ему, кажется, не нужно учиться

ни у Эвтидемы, ни у другаго какова бы то ни было человека.

Сокр. Но въ самомъ дѣлѣ, ради Зевса, не Ктезиппъ ли ужь говорилъ это? Не слышалъ ли я?

Крит. Какой Ктезиппъ!

291.

Сокр. По крайней мѣрѣ мнѣ хорошо помнится, что это говорено не Эвтидемою и не Діонисіодоромъ. Но, любезнѣйшій Критонъ, не рассуждалъ ли такимъ образомъ кто-нибудь лучший изъ бывшихъ тамъ? А что я действительно слышалъ это, не лъзя сомнѣваться.

Крит. Да, клянусь Зевсомъ, Сократъ, что вѣрно кто-нибудь лучший (54) и гораздо лучший. Но какова же потомъ искали вы искусства? и нашли ли, или не нашли, чего искали?

Сокр. Гдѣ найти, другъ мой! мы только сдѣлались смѣшными, какъ дѣти, гонящіеся в. за лаворонками (55); мы готовы были тотчасъ схватить то одно, то другое знаніе, но онѣ всегда ускользали отъ насъ. Впрочемъ, что много говорить? Когда мы дошли даже и до царскаго искусства, съ намѣриемъ рассмотреть, не оно ли доставляетъ намъ счастье и бываетъ его причиною; то и тутъ показали какъ будто въ лабиринтѣ, и думая, что уже конецъ разысканій, очутились снова среди недоуманій, побавившихъ насъ при самомъ началѣ изслѣдованія, и увидѣли, что намъ все столько же недостаетъ, сколько доставало прежде.

С.

Крит. Какъ же это случилось, Сократъ?

Сокр. Я расскажу. Намъ, видишь, представилось, что политическое и царское искусство одно и то же.

Крит. Такъ чтожь тутъ?

Сокр. Сему искусству, такъ какъ оно одно только знаетъ употребленіе всего, передаютъ власть надъ дѣлами, и воинское и прочія производительныя искусства. По сему оно естественно показалось намъ тѣмъ самымъ, чего мы искали, то-есть, причиною правильной дѣятельности въ обществѣ, которая, какъ говорится въ ямбахъ Эсхиловыхъ (36), одна возседитъ у государственнаго кормила, одна, всѣмъ управляя, и надъ всѣмъ начальствуя, на все разливаетъ пользу.

Крит. Чтожь? вѣдь вамъ хорошо показалось, Сократъ?

Сокр. А вотъ самъ разсудишь, Критонъ, когда захочешь послушать, что было послѣ сего. Мы тотчасъ начали разсматривать предметъ слѣдующимъ образомъ: Пусть такъ; но господствующее надъ всѣмъ царское искусство производить ли для насъ что-нибудь, или не производить? — Конечно производить что-нибудь, сказали мы другъ другу. И ты, Критонъ, сказалъ бы это?

И ты, Критонъ, сказалъ бы: да, ты принеся бы ему? Или ты бы тебя: Что произво-

дить врачебное искусство, поколику начальствуетъ надъ всѣмъ, надъ чѣмъ начальствуетъ?— Ты конечно отвѣчалъ бы: здравіе?

Крит. Да.

Сокр. Потомъ, что производить ваше искусство земледѣлія (57), поколику оно начальствуетъ надъ всѣмъ, надъ чѣмъ начальствуетъ? Ты конечно сказалъ бы: произращаетъ изъ 192. земли пищу?

Крит. Правда.

Сокр. Но что производить царское искусство, поколику оно господствуетъ надъ всѣмъ, надъ чѣмъ господствуетъ? Можетъ быть, на это ты не вдругъ отвѣтишь?

Крит. Не вдругъ, клянусь Зевсомъ, Сократъ.

Сокр. Равно и мы, Критонъ. Однакожь ты знаешь, что если есть такое искусство, какого мы ищемъ, то оно должно быть полезно.

Крит. Безъ сомнѣнія.

Сокр. Следовательно, оно должно подавать намъ какое-нибудь благо?

Крит. Необходимо, Сократъ.

Сокр. А благо, по обоюдному согласію называему съ Клиніасомъ, есть не что иное, какъ некоторое знаніе.

Крит. Да, ты говоришь правду.

Сокр. По этому всѣ дѣла, приписываемыя политикамъ—а такихъ дѣлъ много: напримѣръ, доставлять гражданамъ богатство, свободу,

спокойствіе—всѣ онѣ, по видимому, ни худы, ни хороши. Политика должна сдѣлать насъ мудрыми и преподавать намъ знаніе, если она обязана облагодѣтельствовать и счастливить насъ.

- С. *Крит.* Правда. И вы тогда конечно согласились въ этомъ заключеніи, какъ ты рассказывалъ о вашей бесѣдѣ.

Сокр. Но царское искусство дѣлаетъ ли людей мудрыми и добрыми?

Крит. Что же можетъ препятствовать, Сократъ?

Сокр. Дѣлаетъ добрыми всѣхъ и во всемъ? сообщаетъ всякое знаніе, — и козвенное и плотническое, и всѣ другія?

Крит. Не думаю, Сократъ.

- Сокр.* И такъ, какое же знаніе? Какимъ
D. знаніемъ мы пользуемся отъ сего искусства? Само оно, изъ всѣхъ худыхъ и добрыхъ дѣлъ, не производитъ ни одного; а знаніе не сообщаетъ никакого знанія, кромѣ самаго себя. По сему спрашивается: въ чемъ состоитъ оно? чѣмъ мы пользуемся отъ него? Хочешь ли, Критонъ, мы назовемъ его искусствомъ дѣлать людей добрыми?

Крит. Конечно.

Сокр. Но кто будетъ у насъ добрымъ? и въ чемъ мы будемъ пользоваться? Ибо если, мы скажемъ еще, что добрый человекъ долженъ быть добрымъ, а другой — злымъ, то что же мы скажемъ?

что такое доброе, когда мы не измѣдовали Е. дѣла, приписываемаго политикѣ. Такимъ образомъ, по простой пословицѣ, остается вѣчное тоже (*ὁ Διδῶ Κόρινθος*) (58), и, какъ я говорилъ, намъ недостаеъ столько же, или еще болѣе, нежели прежде, для отысканія такого знанія, которое сдѣлало бы насъ счастливыми.

Крит. Да, клянусь Зевсомъ, Сократъ, вы, какъ видно, запутались въ большія недоумѣнія.

Сокр. Запутавшись въ такіа недоумѣнія, Критонъ, я и самъ уже закричалъ изъ всей 293. силы, прося иностранцевъ и призывая ихъ, какъ Діоскуровъ (59), спасти насъ—меня и дитя—отъ сего тревожнаго разговора, позаботиться и не-шутя показать, въ чемъ состоитъ то знаніе, съ помощію котораго мы могли бы хорошо провести остальную жизнь свою.

Крит. Чтожь? согласился ли Эвтидемъ сказать вамъ это?

Сокр. Какъ же, другъ мой; онъ дѣйстви-тельно началъ очень свысока слѣдующее слово.

Хочешь ли, Сократъ, чтобъ я преподалъ тебѣ то знаніе, въ разсужденіи котораго вы такъ В. давно недоумѣваете, или доказалъ, что ты уже имѣешь его? — О счастливецъ, воскликнулъ я! неужели ты можешь это сдѣлать? — Конечно, начиналъ онъ. — Такъ докажи же мнѣ, ради Зевса, что я имѣю требуемое знаніе; ибо это лучше, чѣмъ учиться такому старику, какъ я.—

Крит. Отвѣчай мнѣ: знаешь ли ты что-

- нибудь?—Да, многое, только все мелочи.—Достаточно, сказалъ онъ. Почитаешь ли ты возможнымъ, чтобы того самаго сущаго, которое есть, не было? — Нѣтъ, клянусь Зевсомъ, не почитаю. — Но не сказалъ ли ты, что кое-что знаешь? — Сказалъ. — И такъ ты знатокъ, когда знаешь? — Конечно, знатокъ того именно, что знаю. — Все равно. Развѣ не необходимо, что знатокъ знаетъ все?—Нѣтъ, ради Зевса, вѣдь я многого не знаю. — А если чего-нибудь не знаешь, то и незнатокъ?—Незнатокъ того именно, чего не знаю, другъ мой, сказалъ я. — По этому, продолжалъ онъ, ты меньше, не будучи знаткомъ? Между тѣмъ самъ же говоришь, что ты знатокъ, и такимъ образомъ ты то,
- D. что есть, и вмѣстѣ не то, что есть. — Положимъ, Эвтидемъ, сказалъ я: ты-таки, по пословицѣ, прекрасно трещишь (*μαλὰ δὴ παταῖας*) (60). Но какъ же мнѣ попасть на то знаніе, котораго мы искали? Видно такъ: поелику не лъзя, чтобы одно и то же было и небыло; то, если я знаю одно, знаю и все; ибо невозможно быть вмѣстѣ знаткомъ и незнаткомъ. А когда я знаю все; то обладаю и тѣмъ знаніемъ, котораго мы искали. Не это ли твоя мысль, мудрое твое открытіе?—Ты уже и самъ себя опровергаешь, Сократъ, сказалъ онъ.—Какъ? Эвтидемъ, а тебѣ не тоже приключилось? Я не досажую, что раздѣляю равную участь съ тобой и Діогеномъ, этого любезною головою. Скажи,
- E.

не правда ли, что оба вы одно сущее знаете, а другого не знаете? — Совсѣмъ нѣтъ, Сократъ, отвѣчалъ Діонисіодоръ. — Что вы говорите? сказалъ я. Развѣ вы ничего не знаете? — Конечно (61). — А когда нѣчто знаете, то знаете и все? — Все, отвѣчалъ онъ, такъ же какъ и ты, зная одно, знаешь все. — О Зевсъ, сказалъ я, какія дивныя слова, и сколько открывается въ нихъ добраго! А прочіе люди знаютъ все, или ничего? — О, прочіе-то люди одно знаютъ, а другого не знаютъ; они вмѣстѣ знатоки и незнатоки (62). — Но какъ же это? спросилъ я. — Такъ, Сократъ, что всѣ знаютъ все, если знаютъ одно. — О, ради боговъ, Діонисіодоръ, вскричалъ я: теперь ясно, что вы говорите не шута; насилу я вызвалъ васъ къ серьезной бесѣдѣ. И такъ вы въ самомъ дѣлѣ все умѣете? и плотничать и кожевничать? — Конечно. — И шить башмаки? — Да, сударь, и подшивать подметки (63). — Умѣете также сосчитать, сколько звѣздъ и песку? — Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ онъ. А ты думалъ, что мы не подтвердимъ этаго? — Тутъ Ктезиннъ прервалъ нашъ разговоръ и сказалъ: представьте же, ради Зевса, Діонисіодоръ, какое нибудь доказательство, изъ котораго бы видно было, что вы говорите правду. — Что я представлю тебѣ? отвѣчалъ онъ. — Знаешь ли ты, сколько зубовъ у Эвтидема? и знаетъ ли Эвтидемъ, сколько ихъ у тебя? — А развѣ тебѣ не довольно было слышать, что мы все знаемъ? —

Отнюдь не довольно. Скажите намъ еще это одно, и тѣмъ докажете, что говорите правду. Когда вы скажете, сколько у. каждаго изъ васъ зубовъ, и когда сосчитаеъ ихъ, мы увидимъ, что число ихъ дѣйствительно таково; тогда покрѣпимъ вамъ и во всемъ другомъ. — Подумаеъ, что Ктезиппъ смѣется надъ ними,

D. они не захотѣли говорить, и на каждый вопросъ его отвѣчали только, что все знаютъ; — ибо кажется ничего уже не оставалось, о чемъ бы Ктезиппъ весьма откровенно не спрашивалъ ихъ, даже о вещахъ самыхъ постыдныхъ: — а они, какъ дикіе кабаны на ударъ, смѣло и дружно шли на вопросы, повторяя, что все знаютъ. Наконецъ и я, Критонъ, побуждаемый невѣріемъ, спросилъ Эвтидема: Не умѣеъ ли

E. Діонисіодоръ и плясать? — Конечно умѣеъ, отвѣчалъ онъ. — Но ужъ вѣрно не пляшетъ на головѣ по ножамъ и, будучи въ такихъ лѣтахъ, не вертится на колесѣ (64)? Вѣрно его мудрость не простирается столь далеко? — Для него нѣтъ ничего невозможнаго, сказалъ онъ. — Однакомъ, теперь ли только вы все знаете, или и всегда знали, спросилъ я? — И всегда, отвѣчалъ Эвти-

демъ. — Знали, когда были дѣтми и едва родились? — Все, сказали оба вмѣстѣ. — Намъ показалоъ это невѣроятное, и Эвтидемъ спросилъ:

295. что? не вѣрно? Слышите? — Да, кроме того только, что вы сами говорите, что вы мудрыс. — Но вы же сами говорите, что вы всегда знали, что вы мудрыс. —

ТЫ обладаешь столь же дивными вещами.—О, съ удовольствіемъ готовъ быть обличенъ въ этомъ, сказалъ я; ибо если я мудръ, самъ того не сознавая, и ты докажешь, что мнѣ все и всегда было извѣстно; то найду ли въ цѣлой жизни Эрміево сокровище болѣе сего? — Отвѣчай же, сказалъ онъ. — Спрашивай, буду отвѣчать. — Знатокъ ли ты чего- В. нибудь, Сократъ, или незнатокъ? — Знатокъ. — Но тѣмъ ли ты и знаешь, чѣмъ знатокъ, или не тѣмъ? — Чѣмъ знатокъ, то-есть, душою, сколько я понимаю тебя. Впрочемъ можетъ быть ты иное разумѣешь? — Не стыдно ли тебѣ, Сократъ, на вопросъ отвѣчать вопросомъ? — Пусть стыдно, сказалъ я; но какъ же мнѣ поступить? Пожалуй, буду дѣлать, что приказываешь: только приказываешь ли ты мнѣ не спрашивать, а отвѣчать, даже и тогда, когда я не знаю, о чемъ ты спрашиваешь? — Однакожъ ты понимаешь что-нибудь въ моихъ С. вопросахъ, сказалъ онъ? — Понимаю. — Такъ надо и отвѣчать, что понимаю. — Какъ? если я, съ своимъ вопросомъ соединяешь одинъ смыслъ, а я приписываю ему другой и, сообщая своему понятію, отвѣчаю; то мой отвѣтъ, конечно не относящійся къ дѣлу, не ужасно ли удовлетворитъ тебя? — Меня-то можетъ утѣшить, сказалъ онъ: а тебя, не думаю. — А ради Зевса, я не буду отвѣчать, не въ смыслъ вопроса. — Ты не бу-

дешь отвѣчать на вопросы, сообразно своему понятію, конечно по тому, что тебѣ хочется быть болтуномъ и упрямѣ обыкновеннаго. —

D. Замѣтивъ, что онъ сердится за различіе словъ, которыми хотѣлъ бы обойти и поймать меня, я вспомнилъ, что и Коняъ всякой разъ досадуетъ, какъ скоро я не соглашаюсь съ нимъ, и тогда уже гораздо менѣе заботится обо мнѣ, ибо почитаетъ меня неучемъ. Поелику же во мнѣ родилась мысль брать уроки и у Эвтидема; то я призналъ за лучшее согласиться съ нимъ, чтобы послѣ онъ не отвергъ меня, какъ негоднаго слушателя, и для того сказалъ: Если, по твоему мнѣнію, Эвтидемъ, такъ надобно

E. дѣлать; то дѣлай: ибо ты безъ сомнѣнія лучше умѣешь вести разговоръ, нежели я, человекъ неученый. Спрашивай же сначала. — Хорошо, сказалъ онъ, отвѣчай опять: знаешь ли ты то, что знаешь, или нѣтъ? — Знаю, и при томъ

296. душою. — Но вотъ ужъ въ отвѣтъ этаго человека и больше, чѣмъ въ моемъ вопросѣ: вѣдь я спрашиваю тебя не о томъ, чѣмъ ты знаешь, а о томъ, знаешь ли чѣмъ бы то ни было? — Излишекъ моего отвѣта произошелъ отъ моей необразованности, сказалъ я; извини меня: я

уже готовъ отвѣчать просто, что всегда знаю, чѣмъ бы то ни было, то, что знаю. — Но всегда знаешь, продолжалъ онъ, тѣмъ же ли, или инымъ? — Всегда другимъ? — Всегда, когда знаю, знаю тѣмъ же. — Да неужели

не перестанешь прибавлять (66), сказалъ онъ? — Боюсь, чтобы не обмануло насъ это *всегда*. — Насъ не обманетъ; развѣ тебя? Одна в. кожь отвѣчай. Ты знаешь всегда тѣмъ же? — Всегда, сказалъ я, за исключеніемъ *когда*. — Хорошо, ты знаешь всегда тѣмъ же; но зналъ всегда, одно знаешь тѣмъ, чѣмъ знаешь, а другое другимъ, или все тѣмъ же? — Все вмѣстѣ, что только знаю, отвѣчалъ я, знаю тѣмъ же. — Опять прежнее прибавленіе, сказалъ онъ. — Ну, пожалуй, прочь это: *что только знаю*. — Какая нужда! не устраний ничего, а только с. отвѣчай. Можешь ли ты знать все вмѣстѣ, когда не все знаешь? — Это было бы чудо, сказалъ я. — Прибавляй же теперь, что хочешь, подхватиъ онъ; ты согласился, что знаешь все вмѣстѣ (66). — Кажется, если прежнія слова мои: *все знаю, что только знаю*, не имѣютъ никакой силы. — Но ты равно согласился и въ томъ, что всегда знаешь тѣмъ, чѣмъ знаешь, когда ли бы ты зналъ, или какъ иначе; ибо, по твоимъ же словамъ, ты знаешь всегда и все вмѣстѣ; следовательно, ты зналъ все вмѣстѣ и D. во время дѣтства, и по рожденіи, и въ минуту рожденія, и до рожденія, и до существованія земли и неба. Да ты, клянусь Зевсомъ, всегда, все вмѣстѣ и будешь знать (67), если только я пожелаю того. — О пожелай, высокопочтенный Эвтидемъ, сказалъ я, если въ самомъ дѣлѣ ~~пожелаю~~ ^{пожелаю} правду! Но я не очень вѣрю, чтобы

тебя достало для сего, пока съ твоимъ желаніемъ не соединить своего и брать твой, Діонисіодоръ. Въ противномъ случаѣ, тотчасъ бы.... (68)

- Е. Скажите (впрочемъ какъ бы мнѣ и недоумѣвать, когда вы, мужи дивные мудростію, говорите, что я все знаю), скажи, Эттидемъ, какъ я могу знать подобное тому, что люди добрые бываютъ несправедливы? Скажи, знаю ли я это, или не знаю? — Знаешь, отвѣчалъ онъ.—Что знаю? спросилъ я.—Что люди добрые не бываютъ несправедливы.—Да, конечно, и
397. уже давно; но вопросъ не о томъ: я говорилъ, что люди добрые бываютъ несправедливы. Откуда бы мнѣ знать это?—Ни откуда, отвѣчалъ Діонисіодоръ.—Слѣдовательно, я не знаю сего?—Ты портишь разговоръ, сказалъ Эттидемъ Діонисіодору. Если бы Сократъ не зналъ сего; то былъ бы вмѣстѣ знатокъ и незнатокъ.—Діонисіодоръ покраснѣлъ. — А ты-то, Эттидемъ, что говоришь? возразилъ я. Твой братъ, думаешь, утверждаетъ несправедливо: но вѣдь онъ все знаетъ?—Я братъ Эттидема? быстро подхватилъ Діонисіодоръ. — Подожди любезный, сказалъ я, пока Эттидемъ не научить меня, какимъ образомъ я знаю, что люди добрые бываютъ несправедливы, и не позавидуй моему уму. Бѣжишь, Сократъ, сказалъ Діонисіодоръ, и думать не хочешь. —
- С. слабѣ васъ и

отъ двоихъ-то? Мнѣ далеко до Иракла: но и онъ не могъ сражаться въ тоже время и противъ гидры, этой софистики, у которой, по причинѣ ея мудрости, вмѣсто одной отсѣченной словесной головы, раждались многія, и противъ рака, другаго софиста, повидимому, только что вышедшаго изъ моря. Когда этотъ послѣдній досаждалъ ему своими словами и кусалъ его слага; то Иракль посылалъ на помощь племянника своего Иолеоса, который действительно помогъ ему (69). Если бы и ко мнѣ пришелъ сюда Иолеосъ, мой Патрокль (70); то поступилъ бы еще не такъ.—Полно тебѣ пѣть-то, сказалъ Діонисіодоръ, отвѣчай-ка: Иолеосъ болѣе ли былъ племянникомъ Иракла, чѣмъ твоимъ? — Для меня весьма пріятно отвѣчать тебѣ, Діонисіодоръ, тѣмъ пріятнѣе, что ты непрестанно вопрошаешь меня, сколько могу замѣтить, по зависти и для того, чтобы помѣшать Эвтидему преподавать мнѣ ту мудрую вещь.—Отвѣчай же, сказалъ онъ. — Отвѣчаю, что Иолеосъ былъ племянникомъ Иракла, а моимъ, какъ мнѣ кажется, отнюдь не былъ; по тому что отецъ

D.

его не Патрокль, братъ мой, а Ификлесъ, братъ Иракла, сходный съ нимъ по имени (71). — Но Патрокль, сказалъ онъ, твой ли? — Конечно мы оба имѣемъ отъ одной матери, хотя и не отъ свательно, онъ и братъ тебѣ иппалъ, другъ мой, что мы оба отъ отца: его отецъ былъ

E.

- Хередемъ, а мой Софронискъ.—И такъ, отецъ былъ Софронискъ и Хередемъ, спросилъ онъ?— Да, отвѣчалъ я, одинъ мой, другой его. — Но
298. Хередемъ былъ другой въ разсужденіи отца?— Да, въ разсужденіи моего отца, сказалъ я.— Однакожь, былъ другимъ въ разсужденіи отца, онъ былъ отецъ? Впрочемъ можетъ быть ты самъ тоже, что камень (72)?—Боюсь, сказалъ я, чтобъ у тебя въ самомъ дѣлѣ не сдѣлаться камнемъ, чего однакожь мнѣ не хочется. — А развѣ ты другой въ разсужденіи камня? — Конечно другой.—Но если ты другой въ разсужденіи камня, то ты не камень? И если другой въ разсужденіи золота, то ты не золото? — Правда.—А по тому, если Хередемъ другой въ
- В. разсужденіи отца, то онъ не отецъ.—Кажется, что онъ не отецъ, отвѣчалъ я. — Когда же Хередемъ отецъ, перехватилъ Эвтидемъ, то на-противъ Софронискъ, какъ другой въ разсужденіи отца, уже не отецъ, а по тому у тебя, Сократъ, нѣтъ отца (73).—Тутъ вмѣшался въ разговоръ Ктезиппъ и сказалъ: Но развѣ не одинаковое заключеніе и о вашемъ отцѣ? Не правда ли, что онъ другой въ разсужденіи моего отца? — Слѣшкомъ далеко (74), отвѣчалъ Эвтидемъ. — Какъ! По вашему мнѣнію онъ тотъ же? — Конечно тотъ же, сказалъ онъ. — Ну, мнѣ не хотѣлось
- С. бы, Эвтидемъ, мой отецъ есть ли тотъ же, какъ и другихъ людей? — И другихъ, отвѣчалъ онъ. А развѣ ты думаешь, что одинъ

И тотъ же отецъ не есть отецъ? — Я дѣйстви-
тельно такъ думалъ. — Что? по твоему, золото
не есть золото? человекъ не есть человекъ? —
Не то, Эвтидемъ, сказалъ Ктезиппъ: ты, по
пословицѣ, не вяжешь нитки съ витной(75), ты
говоришь что-то странное, будто твой отецъ
есть отецъ и другихъ. — Однакожь такъ. — Но
только ли другихъ людей, спросилъ Ктезиппъ,
или также и лошадей и всѣхъ прочихъ жи-
вотныхъ? — Всѣхъ, отвѣчалъ онъ. — И мать рав- d.
нымъ образомъ есть мать всѣхъ? — Какъ же. —
По этому твоя мать есть вмѣстѣ мать морскихъ
звѣзевъ? — И твоя также, сказалъ онъ. — Слѣдо-
вательно ты братъ пискарей, щенятъ и поро-
сятъ? — И ты также, отвѣчалъ онъ. — А сверхъ
того, твой отецъ собака? — И твой также. Ты
самъ тотчасъ согласишься въ этомъ, продолжалъ
Діонисіодоръ, только отвѣчай мнѣ. Скажи-ка,
есть ли у тебя собака? — И очень злая, отвѣчалъ
Ктезиппъ. — А есть ли у ней щенята? — Да, е.
стольжезлые. — И ихъ отецъ конечно собакаже? —

.....
Чтожь? Вѣдь эта собака твоя? — Конечно. — Зна-
чить, этотъ отецъ твой, слѣдовательно твой
отецъ собака, и ты братъ щенятъ? — Потомъ
Діонисіодоръ, чтобы не дать Ктезиппу времени
говорить, вдругъ перехватилъ рѣчь, и сказалъ:
Отвѣчай-ка еще: ты бьешь эту собаку? — Кте-
зиппъ замылся и отвѣчалъ: жалъ, право, что
не могу побить тебя. — Слѣдовательно ты бьешь 199.

- своего отца? — Гораздо справедливѣе было бы пожелать вашего, за то, что онъ произвелъ на свѣтъ такихъ мудрыхъ дѣтей. Не правда ли, Эвтидемъ, продолжалъ Ктезиппъ, что вашъ отецъ, который вмѣстѣ и отецъ щенятъ, получилъ много добраго отъ вашей мудрости? — Но вѣдь ни ему, ни тебѣ, Ктезиппъ, нѣтъ надобности во многомъ добръ. — Какъ? И ты также, Эвтидемъ, не имѣешь въ немъ нужды? — Да, и никто. Скажи мнѣ, Ктезиппъ, добро ли, по
- В. твоему мнѣнію, больному принимать лѣкарство, когда онъ имѣетъ въ немъ нужду, или не добро? Равнымъ образомъ, когда человекъ идетъ на войну, лучше ли ему вооружиться, или быть невооруженнымъ? — Я говорю утвердительно, хотя напередъ знаю, что ты выведешь отсюда какое-нибудь удивительное заключеніе. — А вотъ увидишь, только отвѣчай. Соглашаясь, что добро человеку принимать лѣкарство, когда нужно, не то ли ты утверждаешь, что онъ долженъ принимать сего добра, сколько можно болѣе, и что было бы хорошо, если бы кто истеръ и положилъ ему въ сосудъ цѣлый возъ чемерицы? — Безъ всякаго сомнѣнія, Эвтидемъ, лишь бы принимающій, величиною, равнялся Дельфій-
- С. ской статуѣ. — Не тоже ли и касательно войны? Если добро быть вооруженнымъ, то конечно надобно имѣть сего добра, то-есть, копій и щитовъ, сколько можно болѣе? — Конечно, отвѣчалъ Ктезиппъ. А ты, Эвтидемъ, вѣроятно

другаго мнѣнія? По твоему, нужны только одинъ щитъ и одно копье (76)?—По моему, такъ. —Даже когда надлежало бы вооружить Геріона и Бриарей (77)? Вѣдь я почиталъ васъ—тебя и друга твоего,—какъ мастеровъ въ сѣктованьи, людьми, гораздо болѣе свѣдущими въ этомъ отношеніи? —Эвтидемъ замолчалъ, а Діонисіодоръ, по поводу прежняго Ктезинипова отвѣта, D. спросилъ: Думаешь ли ты, что и золото имѣть есть добро?—Конечно, отвѣчалъ Ктезинипъ, при томъ какъ можно болѣе.—Но добрыя вещи, по твоему мнѣнію, надобно имѣть всегда и вездѣ? —Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ онъ.—А ты согласишься, что золото есть добро?—Согласился, сказалъ онъ.—Слѣдовательно, его должно имѣть всегда, вездѣ, особенно же въ себѣ, и тотъ былъ бы самымъ счастливымъ человекомъ, у кого таланта E. три золота было бы въ брюхѣ, съ талантъ въ черепѣ и по статеру въ каждомъ глазѣ? —Но вѣдь говорятъ же, Эвтидемъ, отвѣчалъ Ктезинипъ, что между Скинами признаются преимущественно счастливыми и почтенными именно тѣ, которые въ томъ же смыслѣ на своихъ черепахъ (78), въ какомъ ты недавно собаку называлъ своимъ отцомъ, имѣютъ много золота. И что всего удивительнѣе,—Скины даже пьютъ изъ своихъ вызолоченныхъ череповъ и, положивъ ихъ верхушкою на ладонь руки, видятъ ихъ внутренность.—А что, спросилъ Эвтидемъ, Скины и вообще 300. люди то ли видятъ, что могутъ видѣть, или

и то, чего не могутъ? — Конечно то, что могутъ. — И ты равнымъ образомъ? — И я. — Но видишь ли ты наши платья? — Вижу. — Следовательно наши платья могутъ видѣть (79)? — Странно, отвѣчалъ Ктезиппъ. — Чтожъ онѣ видятъ? — Ничего; а тебѣ, по твоей простотѣ, не думается ли, что онѣ видятъ? Ты, Эвтидемъ, кажется, на яву бредишь, и если можно говоря, не говорить, то именно это дѣлаешь. — Но развѣ
в. не лѣзя, подхватилъ Діонисіодоръ, говорить тому, кто молчитъ? — Невозможно, отвѣчалъ Ктезиппъ. — Равнымъ образомъ, и молчать тому кто говоритъ? — Еще менѣе. — Однакомъ, когда ты говоришь: вотъ камни, деревья, желѣзо; не то ли говоришь, что молчить (80)? — Совсѣмъ нѣтъ; когда я иду по кузницѣ, то желѣзныя вещи говорятъ, издавая столь сильный звукъ и визгъ, если къ нимъ прикасаются, что заглушаемая ими велерѣчивость твоя ничего не говорить. Теперь, скажи-ка, какимъ образомъ можно молчать тому, кто говоритъ? — Ктезиппъ,
с. мнѣ казалось, все еще горячился за своего друга. — Когда ты молчишь, спросилъ его Эвтидемъ, то не все ли молчишь (81)? — Да, отвѣчалъ онъ. — Следовательно, молчишь и то, что говоришь? ибо въ числѣ всего заключается и говорящее. — Такъ чтожъ? сказалъ Ктезиппъ; значить, все молчить? — Отнюдь нѣтъ, возразилъ Эвтидемъ; но вотъ видишь, любезный: не правда ли, что все говорить? — Да, все гово-

ращее, отвѣчалъ онъ. — Да я не о томъ спрашиваю: все молчить, или говорить? — Ни то ни се, и то и другое, подхватилъ Діонисіодоръ: съ этимъ отвѣтомъ ужъ вѣрно ничего не сделаешь. — Тогда Ктезиппъ, по своей привычкѣ, громко захохоталъ и сказалъ: Ну, Эвтидемъ, твой братъ, обоюродилъ положеніе(82) и пропалъ, со всемъ побѣжденъ. — При этомъ Клиніасъ обрадовался и засмѣялся, а Ктезиппъ какъ будто сталъ въ десять разъ выше. — Мнѣ показалось, что этотъ хитрецъ у нихъ же перенялъ способъ опроверженія; ибо ни у кого, кромѣ ихъ, не найти такой мудрости. И я сказалъ: Что ты смѣешься, Клиніасъ, надъ такими важными и прекрасными вещами? — А ты, Сократъ, знаешь что-нибудь прекрасное? подхватилъ Діонисіодоръ. — Какъ же, отвѣчалъ я, и много кое-чего. — Это кое-что отлично отъ прекраснаго, или одно и тоже съ нимъ(83)? — Тутъ я впалъ въ крайнее недоумѣніе и подумалъ: подѣламъ мнѣ; за чѣмъ было развѣвать ротъ; однакожь отвѣчалъ: Отлично, потому что красота присуща всякой вещи. — И такъ, если тебѣ присущъ быкъ, то ты быкъ? и если, какъ теперь, тебѣ присущъ Діонисіодоръ, то ты Діонисіодоръ? — Говори-ка лучше, сказалъ я. — Однакожь какимъ бы образомъ, продолжалъ онъ, одно могло быть другимъ, когда одно присуще другому? — А развѣ ты сомнѣваешься въ этомъ? спросилъ я, рѣшившись подражать в.

- симъ мужамъ въ вожделенной для меня мудрости ихъ. — Какъ же не сомнѣваться и мнѣ, и всѣмъ людямъ, въ томъ, чего нѣтъ! — Что ты, Діонисіодоръ? развѣ прекрасное не прекрасно, и безобразное не безобразно? — А если бы я и такъ думалъ? — Въ самомъ дѣлѣ? — Въ самомъ дѣлѣ, отвѣчалъ онъ. — По этому, тоже не есть то же, другое не есть другое? Но вѣдь другое конечно не то же. Я думаю, и дитя не будетъ сомнѣваться, что другое есть другое. Ты, Діонисіодоръ, вѣрно съ намѣреніемъ не обратилъ вниманія на это, между тѣмъ какъ прочее въ нашемъ разговорѣ разобрано превосходно, съ искусствомъ мастеровъ, къ которымъ относится изслѣдывать все порознь. — А развѣ ты знаешь, спросилъ онъ, что свойственно каждому изъ мастеровъ? Но знаешь ли, къ кому относится ковать (84)? — Знаю; къ кузнецу. — И обжигать глину? — Да, къ гончару. — И закалывать, снимать кожу, разрѣзывать мясо на мѣлкіе куски, варить и жарить? — Конечно, къ повару. — По сему, кто дѣлаетъ, что къ кому относится, тотъ дѣлаетъ правильно? — Безъ сомнѣнія. — А ты согласился, что разрѣзывать на части и снимать кожу относится къ повару? Согласился или нѣтъ? — Согласился, сказалъ я; но извини меня. — Слѣдовательно, кто закалываетъ повара и, разрѣзавъ его на части, варить и жарить, тотъ дѣлаетъ, что къ кому относится (та проопіиета)? и кто куетъ кузнеца, обжи-

гасить гончара, тотъ равнымъ образомъ дѣлать, что къ кому относится? — О Посидонъ! Е. вскричалъ я, вотъ вѣнецъ мудрости! Что, еслибъ она принадлежала мнѣ, какъ будто моя собственная! — А узналъ ли бы ты ее, Сократъ, спросилъ онъ, если бы она была твоя собственная? — Разумается, отвечалъ я, лишь бы только тебѣ это было угодно. — Но разве ты думаешь, что свое можно знать? — Да, лишь бы ты понималъ не иное что нибудь; ибо, начинать-то приходится съ тобою, а оканчивать съ Эвтидемомъ (84). — Что почитаешь ты своимъ? не то ли, чѣмъ владеешь и можешь пользоваться, когда хочешь? На примѣръ быка, 302. или овцу, ты почитаешь своимъ не по тому ли, что въ твоей власти продать ихъ, подарить, или принести въ жертву какому угодно богу? А на что не имѣешь подобной власти, то и не твое? — Замѣтивъ, что отсюда выйдетъ какой-то чудесный вопросъ и желая поскорѣ услышать его, я отвечалъ: Именно такъ, Діонисіодоръ, только это и мое. — Но что, по твоему мнѣнію, называется животнымъ? не то ли, въ чемъ есть душа? — Конечно-то, сказалъ я. — И ты соглашаешься, что изъ животныхъ тѣ только твои, съ которыми властно тебѣ дѣлать все, в. что прежде говорено было? — Соглашаюсь. — Тутъ онъ умышленно пріостановился, какъ бы думая о чемъ-то высокомъ, и по томъ продолжалъ: Скажи мнѣ, Сократъ, есть ли у тебя

- отечественный Зевсъ? — А я, опасаясь, чтобы сей вопросъ не привелъ насъ къ такому же заключенію, какое было недавно выведено (86), старался избѣгнуть его по крайней мѣрѣ скрытою уверткою, бросался туда и сюда и наконецъ, какъ опутанный сѣтью, отвѣчалъ: Нѣтъ, Діонисіодоръ (87). — О, такъ ты человекъ жалкій и
- C. вовсе не Аѣинянинъ, когда у тебя нѣтъ ни отечественныхъ боговъ, ни храмовъ, ни прекраснаго, ни добраго. — Удержись, Діонисіодоръ, сказалъ я, говори лучше и не брани меня, какъ учитель. Есть у меня и жертвенники, и храмы, какъ домашніе, такъ и отечественные, есть въ этомъ родѣ все, что имѣютъ другіе Аѣиняне. — Следовательно и у другихъ Аѣинянъ нѣтъ отечественнаго Зевса? — Конечно, отвѣчалъ я; это названіе неизвѣстно никому изъ Іонянъ: ни тѣмъ, которые отдѣлились отъ нашей республики, ни намъ самимъ. Мы при-
- D. знаемъ отечественнымъ божествомъ Аполлона, такъ какъ отъ него родился Іонъ (88); а Зевсъ называется у насъ божествомъ не отечественнымъ, но блюстителемъ (*ἑρμης*) и братскимъ (*φρατρης*), подобно Аѣинѣ, которая также носитъ имя братской. — Довольно! сказалъ Діонисіодоръ; теперь видно, что у тебя есть Аполлонъ, Зевсъ и Аѣина. — Конечно. — И не правда ли, что они твои боги? — Да, прародители и владыки, отвѣчалъ я. — Но вѣдь они твои? или, можетъ быть, ты не признаешь ихъ своими? —

Продолжать признаю. — Следовательно, эти боги Е. суть животныя? ибо ты согласился, что существо, одаренное душою, есть животное. Вро-неть, у эпикъ боговъ, можетъ быть, и нѣтъ души? — Какъ же, есть, отвѣчалъ я. — Ну такъ они животныя? — Животныя, сказалъ я. — Но почему ты равнымъ образомъ согласился, что нѣтъ животныхъ, только ты принадлежать тебѣ, и нѣтъ ихъ въ твоей вѣдѣ подарить, продать и 303. принести въ жертву какому угодно богу? — Согласился, не могу ускользнуть, Эпидемъ. — Теперь послушай же, продолжалъ онъ: если Зевсъ и другіе боги суть твои; то не въ твоей ли власти продать ихъ, подарить, и вообще дѣлать съ ними, что угодно, какъ съ прочими животными? — Пораженный этимъ словомъ, Критонъ, я остался безгласенъ. Ктезиппъ хотѣлъ было помочь мнѣ и сказалъ: О ужасъ, Иракль! какое прекрасное заключеніе! — Но Діонисіодоръ подхватилъ: Что? ужасъ Иракль, или Иракль ужасъ? — Тогда Ктезиппъ воскликнулъ: О Посидонъ! странное слово! Я отступаю; эти люди непобѣдимы.

Тутъ уже, любезный Критонъ, не осталось в. ни одного челоука между присутствующими, который не превознесъ бы и этой мудрости и этихъ мудрецовъ; а они почти разрывались отъ смѣха, рукоплесканій и радости. Во всѣ прежніе разы препорядочно шумѣли только друзья Эпидема; теперь же едва ли не подняли

- шума въ честь мужей и не обрадовались даже колонны Ликей. И я самъ, по тогдашнему расположенію духа, готовъ былъ признаться, что никогда не встрѣчалъ столь мудрыхъ людей, и
- С. будучи увлеченъ ихъ мудростію къ похваламъ и прославленію, обратился къ нимъ и сказалъ: О какъ вы счастливы, обладая столь дивнымъ даромъ, — вы, которые раскрыли важнѣйшій предметъ такъ скоро и въ такое короткое время! Въ вашихъ умствованіяхъ много прекрасныхъ качествъ, Эвидемъ и Діонисіодоръ; но между сими качествами особенно величественно то, что вы не обращаете вниманія на общее мнѣніе людей, даже почтенныхъ и кое-что значущихъ, а только смотрите на мнѣніе подобныхъ
- Д. вамъ. Ибо, я хорошо знаю, что весьма небольшому числу подобныхъ вамъ, такіа умствования дѣйствительно могутъ нравиться; напротивъ, нныя приписываютъ имъ столь мало достоинства, что скорѣе постыдились бы опровергать ими другихъ, чѣмъ быть опровергнутыми чрезъ нихъ самимъ. И то въ вашихъ разсужденіяхъ представляется чѣмъ-то народнымъ и добросовѣстнымъ, что, не допуская ни прекраснаго, ни добраго, ни блага, и ничего инаго въ семъ родѣ, не признавая никакого различія между однимъ и другимъ, вы, по вашимъ же словамъ,
- Е. просто заграждаете людямъ уста. А что, заграждая уста другимъ, вмѣстѣ связывали, кажется, и свой собственный языкъ, то это дѣлаетъ

всехъ любезнѣе и избавлаетъ вашихъ устроя-
нѣй отъ зависти. Но выше всего въ нашемъ
дѣлѣ—та некуственность, по которой каждый
человѣкъ можетъ изучить его въ самое корот-
кое время. Я замѣтилъ это, между прочимъ
обращая вниманіе на Ктезиппа: какъ онъ могъ
другъ подражать вамъ. Такая сторона вашего 304.
занятія конечно хороша для скорого препода-
ванія, но для разговора съ людьми негодится.
Если вамъ угодно послушаться меня, то бере-
гитесь говорить подобнымъ образомъ въ при-
сутствіи многихъ, по тому что скоро изученная
наука не принесетъ вамъ благодарности. Лучше
бесѣдуйте только между собою. Когда же возду-
маете разговаривать съ кѣмъ нибудь другимъ,
то говорите развѣ съ тѣмъ, кто заплатитъ вамъ
деньги. Это самое вы будете совѣтовать и учи- В.
нникамъ своимъ, если хотите быть благоразум-
ными; пусть они никогда и ни съ кѣмъ
не разговариваютъ, а бесѣдуютъ другъ съ
другомъ. Что рѣдко, Эвтидемъ, то и дорого;
вода и высоко цѣнится, да дешево продается,
говоритъ Пиндаръ. Однакомъ смотрите, прибавилъ я, чтобы меня и Клиніаса принять так-
же въ число вашихъ учениковъ.

Высказавъ это и еще нѣсколько краткихъ
замѣчаній, мы ушли. Теперь разсуди, Кри-
тонъ, не нужно ли и тебѣ вѣдѣть съ нами
посвѣщать сихъ двухъ мужей, если они, по ихъ
же словамъ, могутъ учить всякаго, кто захочетъ

- С. заплатить имъ, не различая ни дарованій, ни возраста, и если—что особенно ты долженъ знать—никому, говорить, не препятствуютъ приобрѣтать выгоды торговли, но каждому удобно передають свою мудрость.

Крит. Да, Сократъ, я конечно люблю слушать, и съ удовольствіемъ учился бы чему нибудь; но боюсь, что принадлежу къ числу не тѣхъ, которые подобны Эвтидему, а тѣхъ, которые, какъ ты говоришь, охотнѣе желали бы быть опровергаемыми посредствомъ такихъ умствованій, чѣмъ опровергать ими. Я

- Д. показался бы смѣшнымъ, если бы вздумалъ вразумлять тебя; однакожь хочу рассказать, что слышалъ. Знай, что во время моей прогулки, одинъ изъ тѣхъ, которые оставили ваше собраніе, подошелъ ко мнѣ. Это былъ человѣкъ, почитающійся умнымъ и отличнымъ писателемъ судебныхъ рѣчей. Критонъ! сказалъ онъ мнѣ, ты не слушаешь этихъ мудрецовъ? — Нѣтъ, ради Зевса, отвѣчалъ я; тамъ, за множествомъ народа, ничего не разслушать. — А стоило бы послушать. — Для чего? спросилъ я. — Чтобы узнать разговоръ тѣхъ людей, которые нынѣ принадлежать къ числу мудрѣйшихъ въ
- Е. извѣстномъ родѣ рѣчей. — Чтожь тебѣ показалось? — То, отвѣчалъ онъ, что можно слышать отъ всѣхъ подобныхъ болтуновъ, которые о пустыхъ вещахъ разсуждаютъ съ неумѣстною важностію. Это собственныя его слова. — Но

вѣдь философія, сказалъ я, дѣло прекрасное.— Что за прекрасное, добрякъ? ничего не стоитъ. Вотъ если бы теперь ты былъ тамъ, то вѣрно стыдился бы за своего друга. Какой чудакъ! Онъ хочетъ вѣрится этимъ людямъ, а они, не думая о томъ, что говорятъ, только привязываются къ каждому слову. Ихъ, какъ я уже сказалъ, почитаютъ отличными мудрецами нашего времени; между тѣмъ, и самое дѣло, Критонъ, и люди, занимающіеся имъ, весьма низки и достойны смѣха. — А мнѣ кажется, Сократъ, что дѣло-то не заслуживаетъ порицанія, и что ни мой знакомецъ, ни кто другой не в. долженъ порицать его: напротивъ справедливо, думаю, бранять тѣхъ, которые въ присутствіи многихъ вступаютъ въ разговоръ съ подобными учителями.

Сокр. Нѣтъ, Критонъ; это удивительные мужи. Впрочемъ, я еще не знаю, что сказать. Къ какому роду людей относится тотъ, кто подошелъ къ тебѣ и порицалъ философію? Риторъ ли онъ, то-есть, одинъ изъ тѣхъ, которые сами умѣютъ подвизаться въ судилищахъ, или сочинитель рѣчей, только высылающій ратора въ борьбу и вооружающій его своею рѣчью?

Крит. О, менѣе всего риторъ, клянусь Зевсомъ. Я не думаю даже, чтобы онъ когда-нибудь приходилъ въ судилище; однакожь слыветъ, говорятъ, человѣкомъ сильнымъ въ этомъ дѣлѣ и сочинителемъ сильнымъ рѣчей (89).

- Сокр.* Теперь понимаю. О такихъ-то именно людяхъ и самъ я хотѣлъ говорить. Это тѣ, Критонъ, которые, по словамъ Продика, стоятъ на срединѣ между философомъ и политикомъ, и почитаютъ себя мудре всѣхъ, чтобъ быть и казаться мудрецами особенно въ глазахъ народа; такъ что, по ихъ мнѣнію, никто кромѣ философовъ не мѣшаетъ имъ пользоваться всеобщими похвалами. Они думаютъ, что еслибъ послѣднихъ прославить, какъ людей, ничего не стоящихъ; то побѣда и вѣнецъ мудрости уже безъ всякаго сомнѣнія принадлежали бы имъ. Пусть они и въ самомъ дѣлѣ мудры; но захваченные въ частныхъ разсужденіяхъ, вѣрно будутъ оципаны (*κολύβοις*) Эвтидемами. Впрочемъ эти люди и справедливо называются мудрецами; ибо нѣчто заимствуютъ отъ философіи, нѣчто отъ политики, и какъ то, такъ и
- Е.* другое—не безъ основанія: а заимствуя, сколько нужно, изъ обѣихъ областей, наслаждаются плодами мудрости безъ труда и опасности.

Крит. Но вѣдь они говорятъ же что-нибудь, Сократъ?

Сокр. Ничего не говорятъ.

Крит. Однакомъ рѣчь ихъ имѣетъ какую-то нарядность.

Сокр. Правда, Критонъ; въ ней болѣе нарядности, чѣмъ истины. Этихъ людей трудно убавить, что и человекъ и все прочее, находясь въ средѣ между злымъ и добрымъ и за-

имствуя нѣчто отъ того и другаго, бываетъ лучше перваго и хуже послѣдняго. Когда же заимствованное взято изъ двухъ благъ, заключающихся не въ одной вещи; то оно должно быть, хуже обонхъ, поколику каждое изъ началъ, давшихъ ему бытіе, есть уже добро. А что составлено изъ двухъ золъ, относящихся къ различнымъ вещамъ, и находится въ срединѣ между ними; то, и только то одно, лучше всякаго изъ цѣлыхъ, воихъ части вошли въ составъ его. И такъ предположимъ, что философія и политика, та и другая въ своемъ родѣ, суть добро: въ такомъ случаѣ сочинители рѣчей, заимствуя нѣчто изъ первой и послѣдней, и занимая средину между ними, ничего неговорятъ, по тому что хуже обонхъ. Если же одна изъ нихъ—добро, а другая—зло; то они въ томъ отношеніи будутъ хуже, а въ этомъ лучше. Словамъ ихъ тогда бы только можно было приписать нѣкоторую истинность, когда бы оба упомянутыя искусства были зло. Но я не думаю, что сочинители рѣчей признають, или оба зломъ, или одно зломъ, а другое добромъ. По сему, заимствуя нѣчто изъ обонхъ, они дѣйствительно ниже каждаго порознь. Политика и философія цѣнны сами по себѣ; а они, третіе зано въ отношеніи къ истинѣ, стараются казаться первыми. Впрочемъ, видно ужъ простить имъ это удовольствіе; не будемъ досадовать на нихъ, но постараемся почитать ихъ

тѣмъ, что они есть. Мы должны быть довольны всякимъ, кто говорить хоть что-нибудь, D. носящее характеръ ума, и усердно трудится надъ проясненіемъ истины.

Крит. Однакожь, Сократъ, я все еще въ недоумѣніи касательно своихъ сыновей и, какъ всегда говорилъ тебѣ, не знаю, что съ ними дѣлать. Младшій конечно еще малъ; но Критовулъ уже на возрастъ и имѣть нужду въ чѣмъ-нибудь руководствѣ (90). Всякій разъ, разговаривая съ тобою, я убѣждаюсь, что безумно заботиться о многихъ вещахъ касательно дѣтей, E. напримеръ, о своей женитьбѣ, чтобы родить ихъ отъ благородной матери, о деньгахъ, чтобы оставить имъ богатство, а не рабѣть объ ихъ воспитаніи. Но когда смотрю на тѣхъ, которые берутся учить людей, то ужасаюсь: мои наблюденія доказываютъ мнѣ, что всякій изъ нихъ весьма далекъ отъ своего дѣла. По сему, если 307. сказать тебѣ правду, я не знаю, совѣтовать ли сыну заниматься философіею.

Сокр. Ты не знаешь, любезный Критонъ, что по всякой наукѣ есть много людей пустыхъ, которые ничего не стоятъ, и нѣсколько дѣльныхъ, которые дороже всего. Не ужели ни гимнастика, ни экономія, ни риторика, ни стратегія, не кажутся тебѣ науками прекрасными?

Крит. По мнѣ, онѣ весьма хороши.

Сокр. Чтожь? Не видишь ли, что каждый изъ этихъ наукъ питаетъ много людей смышленныхъ и неспособныхъ ни къ какому дѣлу? в.

Крит. Да, клянусь Зевсомъ, ты говоришь правду.

Сокр. Но не ужели по этой причинѣ и самъ ты будешь бѣгать отъ всѣхъ наукъ, и дѣтей своихъ не образуетъ ими?

Крит. Это было бы несправедливо, Сократъ.

Сокр. И такъ не дѣлай, Критонъ, чего не должно. Хороши люди, или худы,—пусть себѣ занимаются философією. Ты только основательнѣе изслѣдывай самое дѣло; и если оно покажется тебѣ худымъ, устраняй отъ него не только дѣтей, но и всякаго человѣка: а когда, с. напротивъ, найдешь его такимъ, какимъ оно кажется мнѣ; то иди за нимъ смѣло, трудись, и дѣти твои, какъ говорится, не отстанутъ отъ тебя.

ЛАХЕСЪ.

at 10:00 AM on 10/10/2011
10/10/2011 10:00 AM
10/10/2011 10:00 AM

ЛАХЕСЪ.

=

ВВЕДЕНІЕ.

Въ Протагорѣ и Эвтидемѣ Платонъ разсуждалъ вообще о добродѣтели: въ первомъ изслѣдывалъ онъ, можно ли преподавать ее; во второмъ показалъ, какъ понимаютъ и преподають ее софисты. Тѣ же вопросы рѣшаются и въ слѣдующихъ за ними диалогическихъ разговорахъ, только въ нихъ, для большаго и подробнѣйшаго раскрытія предмета, добродѣтель разсматривается уже не вообще, а въ частяхъ или видахъ: въ Лахесѣ, какъ мужество; въ Хармидѣ, какъ разсудительность; въ Эвтифронѣ (1), какъ святость; въ Иппіасѣ Меньшемъ, какъ справедливость, или противоположное ей—ложь. Недостаетъ конечно отдѣльной бесѣды о мудрости;

(1) Эвтифрона я отнесъ было къ разговорамъ Федоровскимъ; онъ и дѣйствительно имѣетъ много общаго съ Федромъ: но теперь сознаю свою ошибку и отношу этотъ разговоръ къ числу бесѣдъ Протагоровскихъ—на томъ основаніи, что въ немъ разкрывается собственно Сократово ученіе о святости.

но мы замѣтили еще въ своемъ введеніи къ Эвтидему, что мудрость у Сократа отнюдь не входила въ рядъ частныхъ добродѣтелей, а почиталась категорическимъ свойствомъ, или отличительнымъ признакомъ всѣхъ, поколику онѣ должны быть выведены изъ круга познаній опытныхъ и утверждены на началѣ всеобщемъ, метафизическомъ (1). Всякая добродѣтель, училъ Сократъ, въ существѣ своемъ зависитъ отъ твердаго и постоянного знанія. Хотите ли воспитать дѣтей, обогащайте ихъ умъ различными теоретическими (техническими) свѣденіями, питайте ихъ душу какими угодно науками, соображаясь съ частною цѣлію разцвѣтающей жизни: однакожь помните, что всѣ свѣденія и науки надобно увѣнчивать одною общею добродѣтію и соединять у одной общей цѣли. Эта добродѣтель—мудрость, эта цѣль—знаніе добра и зла. Такимъ образомъ всѣ показанные разговоры Платона суть истолкованія одного Протагора: въ нихъ предметъ его раздробляется на части и каждая часть, посредствомъ подробнѣйшаго анализа, возводится къ значенію высшему, благороднѣйшему.

Рядъ частныхъ ионическихъ бесѣдъ я начинаю Лахесомъ, не потому, что будто бы Ла-

(1) О природѣ знанія и мудрости Платонъ разсуждаетъ въ своихъ разговорахъ, особенно же въ *Парменидѣ*: но тамъ знаніе не имѣетъ Сократовомъ.

десъ, какъ утверждаетъ Шлейермакеръ, есть дополненіе къ Протагору, но потому, что онъ болѣе другихъ сходенъ съ послѣднимъ въ характеръ изслѣдыванія предмета.

Предметъ сего разговора есть мужество. Лизимахъ и Мелисіасъ, сыновья великихъ мужей на воинскомъ поприщѣ, признаются, что воспитаніе ихъ было упущено, что они далеко отстали отъ родителей, и чувствуя это, хотятъ доставить своимъ дѣтямъ самое лучшее образованіе, только не знаютъ, въ чемъ должно состоять оно, недоумѣваютъ, полезно ли въ этомъ отношеніи искусство сражаться въ полномъ вооруженіи, и для того просятъ совѣта у Никіаса и Лахеса. Никіасъ и Лахесъ начинаютъ совѣтовать, но, не имѣя въ основаніи своихъ мнѣній никакого твердаго, положительнаго начала, вступаютъ въ бесполезный, ни къ чему неведущій споръ. Наконецъ въ бесѣдѣ ихъ принимаетъ участіе Сократъ и сообщаетъ ей философскій характеръ. «Если дѣло идетъ о воспитаніи дѣтей, говоритъ онъ; то надобно разсуждать не объ искусствѣ сражаться въ полномъ вооруженіи, а объ образованіи душъ, и прежде изслѣдывать, способенъ ли кто нибудь образовывать ихъ». Поелику же съ понятіемъ о дѣйствованіи оружіемъ, стоитъ въ ближайшей связи понятіе о мужествѣ; то должно напередъ разсмотрѣть: «разумѣемъ ли мы, что такое мужество и знаемъ ли какъ оно пріобрѣтается?»

Сократъ предполагаетъ рѣшить оба эти вопроса одинъ за другимъ; но, такъ какъ въ продолженіи всей бесѣды, совѣтники Лизимаха и Мелисіаса не разрѣшаютъ и перваго изъ нихъ, то послѣдній остается вовсе безъ отвѣта.

Цѣль этого разговора высказана въ самомъ разговорѣ. Доведши своихъ собесѣдниковъ до искренняго убѣжденія, что они не понимаютъ значенія мужества, Сократъ заключаетъ: «Я говорю—и мое слово не съ площади—что всѣ мы вообще должны искать самаго лучшаго учителя особенно для себя, ибо имѣемъ въ немъ нужду, потому и для дѣтей. Воспитаніе юношества есть дѣло крайней важности: только глубокое знаніе и живое чувствованіе добродѣтели могли бы сдѣлать человека воспитателемъ, достойнымъ своего имени. Но кто обладаетъ подобнымъ знаніемъ? кто постигъ эту мудрость? кто согрѣтъ и проникнуть этимъ чувствомъ? Ты хочешь быть врачомъ душъ?—Уврачуй-ка прежде самаго себя.

Сообразясь съ такимъ предметомъ и цѣлію бесѣды, Платонъ избралъ собесѣдниками Сократа двухъ знаменитыхъ полководцевъ, Лахеса и Никіаса, и придалъ имъ не только разные характеры, но и различносторонніе взгляды на мужество. Можно думать, что черты, которыми Платонъ изображены эти лица, были знакомы глазами всѣхъ людей военнаго дѣла. Но по свойству своему, раздѣляя

иже на два класса. Одни изъ нихъ поставляли мужество въ личной храбрости и, питая свое самлюбіе этимъ преимуществомъ, пренебрегали всякою наукою. Наука въ военномъ дѣлѣ казалась имъ бесполезною; знаніе представлялось лишнею ношею солдата; добродѣтель почитали они стихіею, чуждою той атмосферы, въ которой надобно жить и дѣйствовать воину. Сила, неустрашимость, твердость, — вотъ единственные его качества: человеку, со всеми прекрасными принадлежностями существа разумнаго, не нужно быть тамъ, гдѣ свирѣпствуетъ бой дикихъ звѣрей. Такимъ-то воиномъ-полководцемъ Платонъ изображаетъ Лахеса, и только природное остроуміе, прямота души, сердечная откровенность, рѣшительный тонъ, а особенно готовность слышать истину, какъ будто показываютъ его расположеніе къ наукѣ. Напротивъ другіе поставляли мужество болѣе въ зависимости отъ искусства и знанія, чѣмъ отъ личной неустрашимости. Къ этому разряду военныхъ людей относились особенно тѣ, которые съ молодыхъ лѣтъ находились въ обществѣ софистовъ и философовъ, возрастали подъ вліяніемъ ихъ наставленій, любили теорію стратегіи и въ ея теоріи видѣли все превосходство воина. Получивъ кое-какія начала, наслышавшись частныхъ мнѣній, но не усвоивъ ихъ собственнымъ размышленіемъ, они довольствовались простымъ, безплоднымъ знаніемъ, не думали

вводить его въ сферу жизни, и не умѣли предлагать его къ дѣлу. Такимъ-то ученымъ поводомъ въ разсматриваемомъ разговорѣ представляется Никіасъ. Щедрость мнѣніями мудрецовъ, стараніе выказать свою любовь къ наукѣ и обращеніе съ людьми, славившимися умомъ и познаніями, суть отличительныя черты его характера.

Главные моменты содержанія бесѣды, носящей имя Лахеса, суть слѣдующіе:

1. Прологъ. Личныя отношенія разговаривающихъ лицъ; поводъ, по которому онѣ сошлись, или совѣщаніе о томъ, нужно ли коншамъ умѣть сражаться въ полномъ вооруженіи.

2. Доказательства Никіаса, что знаніе это искусство дѣтямъ весьма полезно въ различныхъ случаяхъ.

3. Мысль Лахеса, что искусство сражаться всякимъ оружіемъ едва ли можно назвать искусствомъ, или наукою.

4. Сократъ избирается посредникомъ между двумя спорящими сторонами, но уклоняется отъ посредничества и предлагаетъ избрать того, кому болѣе извѣстенъ предметъ изслѣдованія.

5. Потомъ онъ замѣчаетъ превратное направленіе дѣла и говоритъ, что надобно разсуждать не объ искусствѣ сражаться всякимъ оружіемъ, а о разсужденіи

предоставить тому, кто опытниѣ въ образованіи души.

6. Никіасъ объявляетъ, что когда дается направление разговору поручается Сократу; то испытанію подвергнуты будутъ не юноши, а собесѣдники.

7. Установленіе дѣйствительнаго предмета бесѣды (понятіе о мужествѣ). Если мы хотимъ сдѣлать кого-нибудь лучшимъ; то прежде сами должны знать, въ чемъ состоитъ существо добра.

8. Если мы хотимъ сдѣлать юношей лучшимъ въ добродѣтели; то необходимо разсмотрѣть, что такое добродѣтель, или по крайней мѣрѣ, что такое часть ея, мужество.

9. Рѣшеніе Лахеса, что добродѣтель есть твердость, или непоколебимость души, запутывается въ противорѣчія и опровергается.

10. Рѣшеніе Никіаса, что добродѣтель есть знаніе, чего должно бояться и на что отваживаться.

11. Опроверженіе Никіасова мнѣнія. Всякое знаніе обнимаетъ свой предметъ въ трехъ временахъ, а Никіасово понятіе о мужествѣ указываетъ только на время будущее. Если же распространить его на всѣ времена; то нодѣ именемъ мужества надобно будетъ разумѣть добродѣтель вообще.

12. Эпилогъ. Всѣ признаютъ себя неспособными разрѣшить вопросъ, въ чемъ состоитъ

дуютъ не на Афинской площади, не въ народномъ собраніи, а въ семейномъ кругу, въ обществѣ друзей, гдѣ и у насъ не всегда идутъ въ расчетъ ранги, степени и политическія преимущества.

Богѣе уважительныя причины, заставляющія критиковъ сомнѣваться въ подлинности Лахеса, заключаются во внутреннемъ достоинствѣ сего разговора и въ его языкѣ. Лахесъ безъ сомнѣнія не столько искусственъ, тонокъ и оригиналенъ, сколько Протагоръ; въ немъ какъ-то болѣе простоты, менѣе драматизма и движенія. Но должно вспомнить, что Сократъ бесѣдуетъ здѣсь не съ софистами, а съ полководцами. Естественно ли было бы, когда бы Платонъ заставилъ Никіаса и Лахеса распутывать хитросплетенные узлы діалектики, или Сократа—говорить такимъ языкомъ, какой, по всей вѣроятности, не могъ быть понятенъ для людей военныхъ? Простое, безыскусственное развитіе разговора, а особливо непрерывный рядъ истинъ, собственно Сократическихъ, скорѣе могутъ привести насъ къ заключенію, что Платонъ написалъ своего Лахеса еще въ молодости и даже прежде, нежели появился въ свѣтъ его Протагоръ. Нельзя также не замѣтить, что многія мысли и выраженія въ Лахесѣ какъ будто взяты изъ другихъ разговоровъ Платона, напр. формулы (181. С.) *χρῆν μὲν—μὴ ἄλλως ποιεῖν, ἀλλὰ οὕτως* — изъ Республ. С. D.; мысль о

характерны въ рѣчахъ и дѣйствіяхъ (188. D.) также изъ Республикѣ 398. E. 591. C. D.; взгляды на Лакедемонъ, какъ *δραστήριον* (183. E). приводить на память *ἑνελαιοίαν*, которая такъ обстоятельно описана въ Протагорѣ 342. C; выраженіи *ἢ ἄλλος ποῖα* (181. C. 201. C.), *καὶ ἄλλος καὶ δὴ καὶ* (181. A.) встрѣчаются то въ Республикѣ 328. D. 338. A., то въ Федонѣ. Отрывъ Лахеса о мужествѣ Сократа въ Делосскомъ сраженіи (181. B.), по видимому, взятъ изъ Платонова Пира 221. A: въ послѣднемъ сказано: *ἀνεχόμενοι οὖν—αὐτὸς τε ἄμα καὶ Ἀρχης;* а первый говорить: *ἐν γὰρ τῇ ἀπὸ Ἀθηνῶν φυγῇ μετ' ἐμῆ συνανεχόμεν.* Метафоры, заимствованныя отъ охоты и ловли, какъ напр. *διέφυγεν, κινηγέτην μετὰδαν* (194. B.) указываютъ на нѣкоторыя мѣста въ Парменидѣ 128. C, Софистѣ 226. B, Республикѣ 301. E. и Эвтидемѣ 290. B. C. D. Раннимъ образомъ, *χημαζόμενοις ἐν λόγῳ καὶ ἀπορῶσι* (194. B.) встрѣчается въ Филебѣ 29. B. *χημαζόμενα γὰρ ὅτως ὑπ' ἀπορίας ἐν τοῖς νῦν λόγοις.* Такихъ выраженій, которыя какъ будто взяты изъ другихъ разговоровъ Платона, въ Лахесѣ вообще весьма много. Основываясь на этомъ, Асть заключаетъ, что Лахесъ есть произведеніе одного изъ Платоновыхъ подражателей. Но подобная мнительность, по нашему мнѣнію, выходитъ за предѣлы самой строгой критики. Можно ли требовать, чтобы писатель въ одномъ и томъ же родѣ, въ одной и той же формѣ

своихъ сочиненій не повторилъ нѣсколько разъ одной и той же фразы, поговорки, пословицы? Сродство языка въ извѣстныхъ сочиненіяхъ, кажется, болѣе должно ручаться за ихъ подлинность и происхожденіе отъ одного лица, чѣмъ вести къ мысли о подложности котораго нибудь изъ нихъ. Подражаніе узнать не трудно: соблюдая внѣшнія черты подлинника, оно всегда ниже его по внутреннему своему характеру. Удачно подражать можно только тому, что поверхностно и пусто въ содержаніи.

Лица разговаривающія:

**ЛЕЗИМАХЪ, МЕЛИСІАСЪ, НИКІАСЪ, ЛАХЕСЪ,
СЫНОВЬЯ ЛЕЗИМАХА И МЕЛИСІАСА И
СОКРАТЪ.**

Лиз. Вы, Никіасъ и Лахесъ, видѣли того 178. человека, который сражается въ полномъ вооруженіи (1): но я и Мелисіасъ еще не сказали вамъ, для чего пригласили васъ съ собою посмотреть на него; а теперь скажемъ. Мы, думаю, можемъ откровенно бесѣдовать съ вами; ибо иные смѣются надъ подобными вещами, и когда кто нибудь просить у нихъ совѣта, не открываютъ своихъ мыслей, но стараясь угадать, что мыслить совѣтующійся, говорятъ в. противъ собственнаго убѣжденія: напротивъ вы, по нашему мнѣнію, способны и понять, и понявъ, откровенно высказать, что думаете. По сему-то мы и пригласили васъ на совѣтъ объ одномъ предметѣ, о которомъ тотчасъ объявимъ вамъ. Дѣло, начинаемое мною такъ издалека, состоитъ въ слѣдующемъ. Здѣсь съ нами сыновья наши: вотъ этотъ его, называющійся, 179. по имени своего дѣда, Фукидидомъ; а этотъ мой, носящій также дѣдовское имя отца моего.

- названіе его—Аристидъ. На насъ лежитъ обязанность заботиться о нихъ, сколько можно болѣе, а не поступать подобно многимъ, которые, какъ скоро дѣти подросли, позволяютъ имъ дѣлать, что хотятъ. По сему мы теперь
- В. же намѣрены начать свое посильное о нихъ попеченіе. Зная, что и у васъ есть сыновья, вы конечно болѣе, чѣмъ кто-нибудь, беспокоились, какъ бы дать имъ воспитаніе и сдѣлать ихъ благородными. Если же въ вашемъ умѣ часто не было и мысли объ этомъ; то напоминая вамъ, что нерадѣніе въ семъ отношеніи противорѣчитъ долгу, мы просимъ васъ приложить, вмѣстѣ съ нами, нѣкоторое стараніе къ пользѣ дѣтей. А откуда это пришло намъ въ голову, послушайте, Никіасъ и Лахесъ, хотя рѣчь будетъ и немного длинна. Я и Мелиссасъ, видите, имѣемъ общій столъ; съ нами кушаютъ и дѣти. Мы будемъ, какъ я уже сказалъ, бесѣдовать съ вами откровенно. Каждый изъ насъ можетъ этимъ юношамъ рассказывать о своемъ родителѣ много прекрасныхъ дѣлъ, которыя онъ совершилъ частію въ военное, частію въ мирное время, заботясь о пользѣ то союзниковъ, то согражданъ (2): о собственныхъ же своихъ дѣлахъ ни ему ни мнѣ рассказать нечего. По сему мы теперь стыдимся своихъ
- Д. дѣтей и обвиняемъ отцовъ, что намъ, во время нашего дѣтства, они позволяли баловаться (3), а дѣла чужія — ми. Это-то слышать отъ

насъ и наши юноши. Если вы, не будете ра-
дѣть о себѣ и повиноваться намъ, говоримъ мы
имъ, то останетесь безславными; а когда поза-
ботитесь, то скоро окажетесь достойными тѣхъ
именъ, которыя носите. Вотъ они и готовы
повиноваться; но мы все-таки изслѣдуемъ,
чему учась и чѣмъ занимаясь, можно бы имъ
сдѣлаться людьми благородными. Нѣкто одоб-
рилъ намъ и эту науку, что то-есть хорошо Е.
юношѣ уметь сражаться въ полномъ воору-
женіи, хвалилъ того человека, который нынѣ
показывалъ вамъ себя, и предлагалъ посмотреть
его. По сему-то мы признали нужнымъ и сами
пойти на это зрѣлище, и васъ пригласить,
имѣть какъ зрителей и совѣтниковъ, или, когда
удобно, участниковъ въ попеченіи о нашихъ
сыновьяхъ. Вотъ что хотѣли мы сообщить
вамъ. Теперь ваше дѣло дать свой совѣтъ и
объ этой наукѣ, должно ли заниматься ею, или
нѣтъ, и о другихъ, которыя найдете полезными
для юноши, и, можетъ быть, о самомъ сооб-
ществѣ (4).

Ник. Я одобряю вашу мысль, Лизимахъ
и Мелисіасъ, и готовъ принять участіе въ
этомъ дѣлѣ. Думаю, что и Лахесъ не отка-
жется.

Лак. И справедливо думаетъ, Никіасъ. В.
Что Лизимахъ говорилъ о родителяхъ—своемъ
и Мелисіасовомъ, то весьма встаети можно ска-
зать не только о нихъ, но и о насъ, и о всѣхъ,

на комъ лежать общественныя должности. Со всеми ими бываетъ почти тоже, что мы отъ него слышали: то-есть, они не радятъ, не заботятся о дѣтахъ и частныхъ дѣлахъ своихъ (5). Это хорошо сказано, Лизимахъ. Но я

С. удивляюсь, по чему, приглашая насъ на совѣтъ о воспитаніи юношей, ты не приглашаешь Сократа. Во-первыхъ онъ землякъ твой (6); во-вторыхъ онъ всегда участвуетъ въ тѣхъ бесѣдахъ, въ которыхъ разсуждаютъ о предметахъ, подобныхъ твоему, то-есть о наукахъ и занятіяхъ, свойственныхъ дѣтямъ.

Лиз. Что ты говоришь, Лахесь? Сократу ли думать о такихъ вещахъ?

Лак. Конечно, Лизимахъ.

Ник. Объ этомъ-то и я могу сказать тебѣ не хуже Лахеса. Сократъ недавно познакомилъ

Д. со мною Агаокла (7), ученика Дамонова, учителя музыки для моего сына, — и чтожь? Агаоклъ оказался не только пріятнымъ музыкантомъ (8), но и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ достойнымъ собесѣдникомъ юношей.

Лиз. Но такіе старики, каковъ я, Сократъ, Никіасъ и Лахесь, не знаютъ молодыхъ людей; по тому что, за старостію, сидятъ большею частию дома. Если же и ты, сынъ Софрониска,

Е. можешь дать своему земляку добрый совѣтъ, то посовѣтуй: да и надобно; вѣдь ты мой родовой другъ; я и отецъ твой всегда были пріятелями и друзьями, и онъ умеръ прежде чѣмъ

между нами произошла какая-нибудь размолвка. Кстати теперь мнѣ пришли на память нѣкоторыя слова: ребята мои, разговаривая между собою дома, часто упоминаютъ о Сократѣ и очень хвалятъ его; но мнѣ никогда не случилось спросить ихъ, не о сынѣ ли Софронисковомъ говорятъ они. Скажите-ка, дѣти, не это ли тотъ Сократъ, о которомъ вы всякій разъ упоминаете?

Сынъ. Это онъ я есть, батюшка.

Лиз. О, прекрасно, клянусь Ирою, Сократъ, что ты вообще оправдываешь своего отца, благороднѣйшаго изъ людей; особеннѣе же оправдаешь его, когда будешь обращаться съ нами, а мы съ тобою, по домашнему.

Лак. То-то, Лизимахъ; не отпуская-ка этого челоуѣка: я, да и многіе видѣли, что онъ оправдываетъ не только отца, но и отечество. Во время бѣгства отъ Делоса, мнѣ случилось путешествовать вмѣстѣ съ нимъ,—и говорю тебѣ, что еслибъ и другіе хотѣли быть подобными ему, наша республика была бы права, на нее не пало бы тогда столь позорное пятно.

Лиз. Хороша похвала, Сократъ, когда хвалятъ тебя люди, достойные вѣроятія, и за такое дѣло, какъ это. Знай же, что я радуюсь, слыша о заслуженномъ тобою мнѣніи, и будь увѣренъ въ моемъ расположеніи къ тебѣ. Тебѣ и прежде надлежало бы посѣщать насъ и по с. праву считать своими домашними; а теперь,

съ этого дня, со дня обоюднаго нашего знакомства, не иначе поступай, но будь съ нами коротокъ, возобнови знакомство со мною и съ сими юношами, чтобы сохранить родовую нашу дружбу. Если такъ будешь дѣлать, то и мы станемъ, еще чаще, вспоминать о тебѣ. Что же вы скажете о томъ, съ чего было начато? Какъ думаете? Годится ли дѣтямъ, или нѣтъ, умѣть сражаться въ полномъ вооруженіи?

- Д. Сокр. Попытаюсь, Лизимахъ, дать совѣтъ, какой могу, о предложенномъ предметѣ, и сдѣлать все, къ чему меня приглашаешь. Но поелику я моложе этихъ господъ и не столько опытенъ, какъ они; то мнѣ, думаю, приличнѣе сперва послушать, что они скажутъ, и поучиться у нихъ, а по томъ, если представится нѣчто отличное отъ ихъ словъ, предложить собственное мнѣніе и убѣдить имъ тебя и дѣтей твоихъ. Сдѣлай же одолженіе, Никіасъ, начини кто-нибудь изъ васъ (9).

- Ник. Ничто не мѣшаетъ, Сократъ. Изучать юношамъ эту науку, кажется, полезно во многихъ отношеніяхъ. Имъ хорошо свободное время проводить не въ другихъ занятіяхъ, до которыхъ они бываютъ охотники, а въ этомъ: чрезъ такое занятіе они непремѣнно укрѣпляютъ свое тѣло; ибо тутъ нуженъ трудъ не слабѣе
182. и не менѣе всякаго гимнастическаго упражненія. При томъ это движеніе и верховая ѣзда

особенно приличны свободному человеку; потому что мы бываемъ атлетами только на томъ поприщѣ, и только то поприще намъ указывается, съ военными орудіями коего прежде ознакомились. Сверхъ сего, эта наука будетъ полезна и во время самой битвы, когда въ щиренгъ понадобится сражаться со многими; а особенно должно ожидать отъ ней пользы, когда ряды разстроится и уже нужно будетъ драться одинъ на одинъ, или преслѣдуя в. защищающагося непріятеля, или защищая себя въ бѣгствѣ отъ его преслѣдованія. Кому извѣстно это знаніе, тотъ ничего не потерпитъ не только отъ одного, но, можетъ быть, и отъ многихъ; напротивъ, съ помощію онаго всегда будетъ брать верхъ. Наконецъ, оно можетъ возбудить расположеніе и къ другимъ похвальнымъ знаніямъ; ибо кто умѣетъ сражаться въ полномъ вооруженіи, тотъ захочетъ знать и прочее, относящееся къ строю; а перенявъ это и гордась своимъ искусствомъ, успѣетъ и во всемъ, что с. входить въ должность военачальника. Теперь ясно, что дѣти, обладающія этою наукою, изучать и усвоить себѣ всѣ прочія, все похвальное и достойное человѣка пытливаго, все, къ чему ведетъ означенная наука. Прибавимъ къ сему еще одно не маловажное обстоятельство, что она каждому во время войны вдохнетъ болѣе смѣлости и мужества, чѣмъ сколько кто имѣлъ прежде. Да и тѣмъ нельзя пренебрегать,—хотя

инному это кажется и бездѣлицею, — что она
D. придастъ человѣку хорошую наружность; здѣ
надобно показаться молодцомъ, а непріате-
лямъ тою же самою наружностію внушаетъ
страхъ. И такъ, по моему мнѣнію, Лизимахъ,
юноши должны ей учиться, и причины уже
извѣстны. Теперь я съ удовольствіемъ послу-
шалъ бы Лахеса, если онъ имѣетъ сказать нѣ-
что кромѣ сего.

Лак. Но трудно найти искусство, Никіасъ,
которому не слѣдовало бы учиться; ибо хорошо
все знать. Надобно конечно знать и то, какъ
E. сражаться въ полномъ вооруженіи, если только
это, по словамъ учителей и Никіаса, есть дѣй-
ствительно наука: а когда не наука, когда вы-
дающіе себя за ся преподавателей обманываютъ
насъ, или когда это и наука, но нестоящая
вниманія; то къ чему изучать ее? Я говорю
такъ, основываясь на слѣдующемъ. Если бы
умѣнье сражаться въ полномъ вооруженіи по-
ходило на науку; то оно, мнѣ кажется, не
скрылось бы отъ Лакедемонянъ, которые во
всю свою жизнь заботятся единственно объ
183. отысканіи и пріобрѣтеніи того, чѣмъ вос-
пользовавшись, могли бы побѣждать другихъ
на войнѣ. Но какъ скоро Лакедемоняне не
знаютъ этой науки; то преподавателямъ ее
должно бы знать, что они гораздо болѣе про-
чихъ Эллинговъ любятъ подобныя занятія, и
что оцѣненный ими въ семь отношеніи, какъ

трагикъ; оцѣненный нами, собралъ бы много денегъ и у другихъ Грековъ. По сему, кто почитаетъ себя хорошимъ писателемъ трагедій, В. тотъ не страивуетъ за предѣлами Аттики, чтобы показать свое искусство въ другихъ республикахъ; но тотчасъ идетъ сюда и здѣсь даетъ свои представленія: такъ и должно быть (40). Напротивъ для людей, сражающихся въ полномъ вооруженіи, Лакедемонъ, какъ видно, есть недоступное святилище, куда они не смѣютъ занести и ноги, а только ходятъ вокругъ его границъ, показывая свою пауку каждому и даже тѣмъ, которые сами сознаются, что между ними многіе въ знаніи военнаго дѣла превосходятъ сихъ учителей. При томъ мнѣ случилось, Лизимахъ, быть съ нѣко- С. торыми изъ такихъ людей на самомъ дѣлѣ,—и вижу, что они значать. Да можно судить и по тому, что изъ всѣхъ искусниковъ сражаться въ полномъ вооруженіи, будто нарочно, ни одинъ не прославился на войнѣ; между тѣмъ какъ по прочимъ наукамъ, которыя входили въ кругъ ихъ занятій, иные сдѣлались известными. Эти-то искусники, кажется, болѣе другихъ и терпятъ неудачи. Вотъ хоть бы тотъ Стезилай, котораго вы со мною видѣли въ толпѣ, и который такъ хвастался и столько дивнаго, D. какъ слышали, говорилъ о себѣ. Разъ я съ большимъ удовольствіемъ смотрѣлъ на него, когда онъ, правда нехотя, но точно показавъ

- истинное искусство. Случилось, что корабль, на которомъ онъ плылъ, столкнулся съ однимъ ластовымъ судномъ. Въ то время Стезилай дѣлалъ видъ сраженія серповиднымъ копьемъ, — оружіе конечно отличное, какъ и самъ владѣтель его. Впрочемъ о другихъ качествахъ этого человѣка говорить не стоитъ, а что вышло изъ его затѣи присоединить къ коню серпъ, разскажу вамъ. Когда онъ такимъ образомъ сражался, копье его какъ-то запуталось въ снастяхъ ластоваго корабля и зацѣпилось за нихъ. Онъ потянулъ свое оружіе, съ намѣреніемъ высвободить его, но не могъ. Между тѣмъ тотъ корабль начиналъ двигаться мимо другаго. Стезилай, пока могъ, слѣдовалъ за нимъ, не выпуская изъ рукъ копья. Но когда судно уже совсѣмъ проходило и ткнуло его, державшагося за копье; то онъ началъ, рука чрезъ руку, 184. перехватывать древко своего оружія до самаго конца. На ластовомъ кораблѣ подняли смѣхъ и рукоплесканія, смотря на его положеніе; а когда кто-то бросилъ на палубу подъ ноги къ нему камень, и онъ выпустилъ копье, тогда при видѣ серповиднаго его оружія, повисшаго на снастяхъ грузоваго корабля, не могли уже и на военномъ суднѣ удержаться отъ смѣха. Итакъ, можетъ, въ сей наукѣ и есть что-нибудь, какъ говоритъ Никіасъ; но что я видѣлъ, то В. видѣлъ; а по тому повторяю сказанное прежде, что эта наука или мало полезна, или вовсе не

наука, и что называемая и прикрываемая однимъ только именемъ, она не стоитъ изученія. При томъ, если бы издумалъ заниматься ею человекъ трусливый, съ намѣреніемъ сдѣлаться смѣлымъ; то мнѣ кажется, онъ сталъ бы еще замѣтнѣе прежняго: а если мужественный, на котораго обращается вниманіе всѣхъ; то и малѣйшая его ошибка подверглась бы великимъ пересудамъ; ибо выдавать себя за знатока въ этой наукѣ, значитъ возбуждать къ себѣ зависть, такъ что хвалясь ею, но не отличаясь отъ другихъ какою-нибудь чрезвычайною добродѣтелію, не лзя избѣжать насмѣшекъ. Вотъ мои мысли, Лизимахъ, о занятіи этою наукою. Теперь, какъ я сказалъ съ самаго начала, что не должно отпускать Сократа, пусть и онъ объявитъ свое мнѣніе о предложенномъ предметѣ. С.

Лиз. Да, прошу тебя, Сократъ, тѣмъ болѣе, что наше совѣщаніе, по видимому, имѣетъ д. нужду въ посредникѣ. Если бы эти господа были согласны въ своихъ мнѣніяхъ; то посредничество казалось бы еще менѣе необходимымъ: но вотъ Лахесъ, видишь, протѣиворѣчитъ Никіасу; по сему хорошо послушать тебя, къ которому изъ нихъ ты присоедилишь свой голосъ.

Сокр. Какъ, Лизимахъ? ты думаешь воспользоваться тѣмъ мнѣніемъ, на сторонѣ котораго будетъ болѣе нашихъ голосовъ?

Лиз. А чтожь иное и дѣлають, Сократъ?

Сокр. Не ужели и ты поступишь такъ же, Е. Мелісіасъ? На примѣръ, если бы у тебя происходило совѣщаніе о тѣлесныхъ упражненіяхъ твоего сына, какого рода онъ должны быть; то намъ ли многимъ повѣрилъ бы ты, или тому, который гимнастическія свои способности развилъ и употреблялъ подъ руководствомъ хорошаго наставника?

Мел. Натурально тому, Сократъ.

Сокр. Значить, ты охотнѣе повѣрилъ бы ему одному, чѣмъ намъ четверымъ?

Мел. Можетъ быть.

Сокр. Ибо, по твоему мнѣнію, кто хочетъ хорошо судить, тотъ долженъ основываться на знаніи, а не на множествѣ.

Мел. Какъ же иначе?

Сокр. По этому, прежде должно изслѣдовать, 185. искусенъ ли кто-нибудь изъ насъ въ томъ, о чемъ совѣтуемся, или нѣтъ. Если искусенъ, повѣримъ ему одному, а прочихъ оставимъ; если же нѣтъ, будемъ искать другаго. Развѣ вы—ты и Лизимахъ, приступаете теперь къ мало-важному дѣлу, а не къ такому приобретенію, которое выше всѣхъ вашихъ приобретеній? Вѣдь смотря потому, хороши бываютъ сыновья, или напротивъ, весь родительскій домъ въ отношеніи къ нимъ пострадаетъ, годъ за годъ дѣтей.

Сокр. И такъ объ этомъ надобно подумать да подумать.

Мел. Конечно.

Сокр. Какимъ же бы образомъ, какъ я сей-часъ сказалъ, изслѣдовать (если хотимъ изслѣдывать), кто изъ насъ самый искусный въ упражненіи тѣла? Не тотъ ли, кого учили и занимали этимъ, и у кого, по сему предмету, были хорошіе наставники?

Мел. Мнѣ кажется, тотъ.

Сокр. А еще прежде не изслѣдовать ли намъ, что такое было бы, въ отношеніи къ чему мы ищемъ учителей.

Мел. Какъ ты говоришь?

Сокр. Можетъ быть яснѣе будетъ такъ: кажется, мы еще не условились, что такое было бы, о чемъ у насъ совѣщаніе и разсужденіе, и касательно чего предложенъ вопросъ: кто изъ насъ самый искусный, покоинку имѣть наставниковъ, и кто нѣтъ?

С.

Ник. Но развѣ не извѣстно, Сократъ, что мы разсуждаемъ о сраженіи въ полномъ вооруженіи, должно ли учить этому юношей или не должно?

Сокр. Конечно такъ, Никіасъ: но когда бы дѣло шло о лѣкарствѣ для глазъ, должно ли изслѣдовать его или нѣтъ; то что тогда было предметомъ совѣщанія: лекарство, или

ж. Глаза.

В. Сокр. Равнымъ образомъ, если бы разсуждали: должно ли падѣть на лошадь узду, или нѣтъ, и когда? то совѣщались бы о лошади, а не объ уздѣ?

Ник. Конечно.

Сокр. Однимъ словомъ: когда кто разсуждастъ о чемъ-нибудь для чего-нибудь; то совѣщаніе идетъ о томъ, для чего разсуждается, а не о томъ, что требуется для другаго.

Ник. Необходимо.

Сокр. Значитъ, тогда надобно изслѣдывать самаго совѣтника, искусенъ ли онъ въ врачеваніи того, для чего происходитъ изслѣдованіе.

Ник. Конечно.

Сокр. А мы теперь разсуждаемъ о наукѣ для души юношеской.

Е. Ник. Да.

Сокр. И такъ надобно опредѣлить: искусенъ ли кто-нибудь изъ насъ въ врачеваніи души, можетъ ли хорошо врачевать се и руководствовался ли онъ хорошими учителями?

Лак. Но какъ же, Сократъ? развѣ ты не видывалъ, что иногда безъ учителей бываютъ искусны въ чемъ-нибудь, нежели съ учителями?

Сокр. Положимъ, Лакхесъ; но такимъ-то людямъ ты не хотѣлъ бы повѣрять, пока они, занимаясь искусствомъ, не будутъ учиться у хорошихъ учителей.

будь хорошо выполненнымъ дѣломъ. одинъ, 186.
или нѣсколько разъ.

Лак. Это правда.

Сокр. Стало быть и мы, Лакесъ и Никіасъ, когда Лизимахъ и Мелисіасъ пригласили насъ на совѣщаніе о своихъ сыновьяхъ, стараюсь о добротѣ ихъ душъ,—и мы должны, если имѣли, указать имъ своихъ учителей, которые, бывъ сами добрыми и воспитавъ души многихъ юношей, потомъ научили и насъ. Когда же кто изъ насъ скажетъ, что у него не было учителя, что онъ совершилъ дѣла свои самъ собою; то пусть укажетъ на какихъ-нибудь Афинянъ или иностранцевъ, на рабовъ или свободныхъ, которые подъ его руководствомъ сдѣлались добрыми. Если же мы не представимъ ни того ни другаго; то велимъ искать новыхъ совѣтниковъ, а не подвергаться опасности испортить дѣтей, принадлежащихъ нашимъ друзьямъ, и быть крайне виновными въ отношеніи къ ближнимъ. И такъ, Лизимахъ и Мелисіасъ, я первый говорю, что по сему предмету у меня не было учителя, сколько я съ равныхъ лѣтъ ни стараюсь объ этомъ. Софисты, которые одни берутся сдѣлать меня честнымъ и добрымъ, не могу платить; а самъ ~~я~~ это искусство и доселѣ не въ состояніи. ~~Въ~~ же касается до Никіаса и Лакеса, то не ~~нужно~~ ^{нужно}, что они нашли его, или выучили; по тому что у нихъ больше денегъ,

примѣръ, какіе люди уже были предметомъ вашихъ попеченій, и кто вами изъ худаго превращенъ въ честнаго и добраго. Если же вы только начинаете воспитывать; то замѣтите, что дѣлаете опытъ не надъ Карійцемъ (11), а надъ сыновьями и дѣтьми друзей своихъ. Смотрите, чтобы и у васъ, по простой пословицѣ, гончарни не было въ бочкѣ (12). И такъ скажите, что въ этомъ отношеніи вы имѣете и приписываете себѣ, и чего нѣтъ. Спроси-ка, Лизимахъ, этихъ мужей и не отпускай ихъ.

Лиз. Мнѣ кажется, господа, Сократъ говорить хорошо. Однакожь вы, Никіасъ и Лахесъ, должны сами знать, угодно ли вамъ выслушать такой вопросъ и отвѣчать на него. Для меня и Мелисіаса конечно было бы пріятно, если бы вы захотѣли раскрыть все, о чемъ Сократъ спрашивалъ; ибо мы, какъ сказано мною съ самаго начала, для того и пригласили васъ на совѣтъ, что предполагаемъ въ васъ надлежащую заботливость и вообще объ этомъ предметѣ, и по тому, что вашимъ дѣтямъ, почти такъ же, какъ и нашимъ, настало время учиться. И такъ, если вамъ ничто не мѣшаетъ, D. говорите и, вмѣстѣ съ Сократомъ, изслѣдуйте дѣла, предлагая и принимая доказательства другъ отъ друга. И то хорошо сказалъ онъ, разсуждаете о важнѣйшемъ наотрите же, думаете ли вы, что такъ такимъ образомъ.

Лиз. Такъ чтожъ, Никіасъ?

Ник. Ты, кажется, не знаешь, что кто слишком близко подходит къ Сократу съ своимъ словомъ, какъ съ родиною, и вступаетъ съ нимъ въ разговоръ, тотъ, съ чего бы ни началъ разговаривать, не перестанетъ спутываться собственною рвчью, пока не впадетъ въ необходимость дать отчетъ, какъ онъ живетъ теперь и какъ жилъ прежде. А когда впадетъ; какъ Сократъ долготъ не отпустить его, пока не учинитъ всахъ подробностей. Напротивъ я не есмь ... къ нему и знаю, что уже надобно крытіе. ... его; знаю, что испытаю тоже и я: иными учениками такъ радъ встрѣчаться съ нимъ сему ученику, ни какого зпа въ припоминаніи по причинѣ ... не хорошо сдѣлали, или дѣлаемъ; сугь, могли бы ... кто не избгнеть сего, тотъ ... либо ... о послѣдующей жизни, ... (13); захочетъ и почтеть ... ду- ... ему съ ... и не не

приятно подвергнуться испытанію со стороны Сократа; я давно замѣтилъ, что, въ его присутствіи, рѣчь будетъ у насъ не о дѣтяхъ, а о насъ самихъ. Еще повторяю, что мнѣ ни что с. не мѣшаетъ бесѣдовать съ Сократомъ, какъ ему угодно: но смотри, что думаетъ объ этомъ Лахесь.

Лак. Моя мысль о бесѣдѣ одинакова, Никіасъ, или, если угодно, и не одинакова, а двояка. Я могу иному показаться любителемъ и мѣстѣ ненавистникомъ бесѣдъ. Когда я слушаю рѣчь о добродѣтели, или о какой нибудь мудрости, отъ такого человѣка, который дѣйствительно стритъ своей рѣчи; то бываю весьма радъ и говорящему, и слову его, такъ какъ d. между ними есть соотвѣтствіе и гармонія: такой человѣкъ кажется мнѣ въ самомъ дѣлѣ музыкантомъ, проявляющимъ прекраснѣйшую гармонію не на лирѣ, не на музыкальныхъ инструментахъ, но въ жизни, въ которой у него слова созвучны съ дѣлами,—не іонически, не фригійски и не лидійски, а прямо дорически, то-есть, выражаютъ единственную Эллинскую гармонію (14). Разговоръ такого человѣка доставляетъ мнѣ отраду, и я тогда кажусь любителемъ бесѣдъ, я съ жадностію принимаю, E. что говорится. Но кто дѣлаетъ противное сему; въ хорошо ни говори, огорчаетъ меня и есть ненавидѣть бесѣду. Сократъ, поговорамъ, мнѣ конечно неизвѣстенъ;

- однакожь нѣкогда я, какъ слѣдовало, испытать самыя дѣла его и изъ нихъ узналъ, что онъ
189. стоитъ прекрасныхъ рѣчей и можетъ смѣло говорить ихъ. Если же онъ таковъ; то я буду бесѣдовать съ нимъ, съ большимъ удовольствіемъ подвергнувъ его испытанію, не поскучая урокомъ, соглашаюсь съ Солономъ и къ его словамъ прибавляю только одно: хочу учиться до старости не иначе, какъ у добрыхъ. Признайтесь: надобно предположить отличнаго учителя, чтобъ, учась не хотя, не показаться ему неучемъ. А что наставникъ молодъ, не
В. пользуется извѣстностію и тому подобное, объ этомъ я не забочусь. И такъ объявляю тебѣ, Сократъ: учи и обличай меня въ чемъ хочешь; готовъ учиться даже тому, что уже знаю. Я расположенъ къ тебѣ съ того дня, въ который ты раздѣлялъ со мною опасности и показалъ опытъ добродѣтели, свойственный только тому, кто истинно хочетъ показать его. Говори же, что тебѣ любо, не обращая вниманія на нашу возрастъ.

- С. Однакожь мы вѣрно ужъ не будемъ обвинять васъ за неготовность подавать совѣты и изслѣдывать.

Лиз. Но вѣдь это наше дѣло, Сократъ; по тому что я почитаю тебя однимъ изъ своихъ. Смотри же и вмѣсто меня, о чемъ мы, ради юношей, должны спрашивать ихъ, и совѣтуясь съ ними посредствомъ разговора. Я,

но своей старости, уже многое и забываю, что думалъ было сказать и что недавно слышалъ. А если между тѣмъ входятъ еще другія рѣчи; то и совсѣмъ не припомню. И такъ говорите и рассматривайте предметъ сами между собою; а я буду слушать и, выслушавши, мы съ Мелисіасомъ сдѣлаемъ то, что вамъ понравится.

Сокр. Надобно повиноваться Лизимаху и Мелисіасу, Никіасъ и Лахесъ. Можетъ быть намъ въ самомъ дѣлѣ не худо испытать самихъ себя и въ томъ, что мы предпринимали изслѣдовать теперь же, то-есть, какіе учителя были у насъ по рассматриваемой наукѣ, и кого сдѣлали мы лучшимъ. Но это изслѣдованіе Е. вѣроятно поведетъ насъ едва ли не къ началу дѣла: ибо, если мы знаемъ, что принадлежащая кому-нибудь вещь улучшаетъ того, кому принадлежить, и если, сверхъ сего, можемъ сдѣлать, чтобы она ему принадлежала; то конечно знаемъ и предметъ своего совѣщанія, то-есть, кому и какъ легче и успѣшнѣе пріобрѣсть ее. Впрочемъ, можетъ быть, вы не понимаете, что я говорю? такъ вотъ какъ скорѣе поймете. Если 190. мы знаемъ, что зрѣніе, принадлежа глазамъ, улучшаетъ то, чему принадлежить, и сверхъ сего умѣемъ сдѣлать, чтобы оно глазамъ принадлежало; то конечно знаемъ и самое зрѣніе, что такое оно, какъ предметъ нашего совѣщанія, и какъ легче и успѣшнѣе пріобрѣсть сго. А когда не знаемъ, что зрѣніе, что слухъ;

то едва ли можемъ быть совѣтниками, стоящими слова, и врачами глазъ и ушей,—едва ли скажемъ, какъ лучше приобрести слухъ и зрѣніе.

В. *Лак.* Ты правду говоришь, Сократъ.

Сокр. Не за тѣмъ ли, Лакхесъ, эти люди нынѣ призвали насъ, чтобы мы подали совѣтъ: какимъ образомъ душамъ ихъ сыновей сообщить добродѣтель и чрезъ то сдѣлать ихъ лучшими?

Лак. Конечно.

Сокр. Но напередъ не нужно ли знать, что такое добродѣтель? Ибо вовсе не зная, что она, можно ли намъ совѣтоваться, какъ лучше приобрести ее?

С. *Лак.* Мнѣ кажется, не лѣзя, Сократъ.

Сокр. Мы конечно приписываемъ себѣ знаніе добродѣтели?

Лак. Да, приписываемъ.

Сокр. И что знаемъ, можемъ какъ-нибудь выразить?

Лак. По чему не такъ?

Сокр. Однакожь, почтеннѣйшій, не станемъ съ перваго раза разсматривать добродѣтель вообще,—можетъ быть это довольно трудно. Возьмемъ сперва какой нибудь видъ ея и посмотримъ, въ силахъ ли мы знать его. Такое изслѣдованіе будетъ для насъ вѣроятно легче.

Д. *Лак.* Сдѣлаемъ и такъ, Сократъ, если угодно.

Сокр. Какой же бы видъ добродѣтели избрать намъ? не лучше ли тотъ, къ которому имѣеть отношеніе наука сражаться всякимъ оружіемъ? А она, по мнѣнію многихъ, относится къ мужеству: не такъ ли?

Лак. Кажется, въ самомъ дѣлѣ такъ.

Сокр. Давай же, Лакесь, прежде всего скажемъ, что такое мужество, а по томъ разсмотримъ, какимъ образомъ оно можетъ быть приобрѣтено юношами, сколько это зависитъ отъ Е. наукъ и упражненія. И такъ, сообразно съ моимъ предначертаніемъ, попытайся сказать, что такое мужество.

Лак. Это, клянусь Зевсомъ, не трудно. Кто рѣшился удерживать свое мѣсто въ строю, отражать непріятеля и не бѣжать; тотъ вѣрно мужественъ.

Сокр. Ты хорошо говоришь, Лакесь; но, можетъ быть, моя вина, что твой отвѣтъ не ясенъ и заключаетъ въ себѣ не ту мысль, которую я соединялъ съ своимъ вопросомъ, а другую.

Лак. Что ты хочешь сказать, Сократъ? 191.

Сокр. Объяснюсь, сколько могу. По твоему, мужественъ тотъ, кто сражается съ непріятелями, удерживая свое мѣсто въ строю.

Лак. Это именно мои слова.

Сокр. Равно и мои. Но что будетъ тотъ, кто сражается съ непріятелями, не удерживая своего мѣста, а убѣгая?

Лак. Какъ убѣгая?

Сокр. На примѣръ какъ Скиѣы (15), которые, говорятъ, не менѣе сражаются въ бѣгствѣ, какъ и въ погонѣ, или какъ хваленые Энеевы кони, которые, по словамъ Омира, могли весьма быстро летать туда и сюда, то убѣгая, то преслѣдуя. Да Омиръ превозноситъ и самаго Энея за умѣнье бояться, и называетъ его совѣтникомъ страха (16).

Лак. Хорошо, Сократъ; но вѣдь онъ говорить о колесницахъ, а ты о Скиѣскихъ всадникахъ. Скиѣы-то на коняхъ сражаются конечно такъ; но Греческая пѣхота по моему.

Сокр. Можетъ быть кромѣ Лакедемонянъ,
 С. Лакесь; по тому что Лакедемоняне, при Платѣ, встрѣтившись съ щитоносцами (17), не хотѣли, говорятъ, сражаться съ ними на одномъ мѣстѣ, а побѣжали. Когда же чрезъ это Персидскія линіи разстроились; то они, подобно всадникамъ, вдругъ возвратились и, сразившись, одержали побѣду.

Лак. Твоя правда.

Сокр. Такъ вотъ по чему ты не хорошо отвѣчалъ: я виноватъ, что не хорошо спрашивалъ. У меня была мысль спросить о мужественныхъ не только въ пѣхотѣ, но и въ конницѣ, и вообще во всякомъ родѣ войны; да и не о воинахъ только, но и о тѣхъ, которые мужественно подвергаются опасностямъ на морѣ, мужественны противъ болѣзней, бѣдности, или

и политики, которые также храбро сражаются не съ одними скорбями и страхомъ, но и съ страстями, или удовольствіями, то удерживая свое мѣсто, то отступая; ибо во всемъ этомъ, Е. Лахесь, не менѣе возможно мужество.

Лак. И очень, Сократъ.

Сокр. И такъ всѣ эти мужественны; только одни оказываютъ мужество въ удовольствіяхъ, другіе въ скорбяхъ, иные въ страстяхъ, а нѣкоторые въ страхъ. Напротивъ, немужественные во всемъ этомъ обнаруживаютъ боязнь.

Лак. Конечно.

Сокр. Значить, я спрашивалъ тебя, что это такое въ обоихъ случаяхъ. Попытайся же опять сначала сказать, что такое мужество, какъ одно и тоже во всемъ. Но можетъ быть ты не понимаешь словъ моихъ?

Лак. Не слишкомъ.

Сокр. Я говорю такъ. Пусть будетъ пред- 192.
ложенъ вопросъ: что такое скорость, проявляющаяся и въ бѣганіи, и въ музыкѣ, и въ разговорѣ, и въ ученіи, и во многомъ другомъ,—та скорость, которую, можно сказать, мы приобретаемъ въ дѣятельности рукъ, ногъ, языка, голоса и мысли (18)? Не спросилъ ли бы и ты такимъ образомъ?

Лак. Конечно спросилъ бы.

Сокр. И такъ положимъ, что съ этимъ вопросомъ кто нибудь обратился бы ко мнѣ и сказалъ: Сократъ! что называешь ты скоростью

В. во всемъ? Я отвѣчалъ бы: называю способность въ короткое время дѣлать много и голосомъ и хожденіемъ и всѣмъ другимъ.

Лак. И отвѣчалъ бы въ самомъ дѣлѣ правильно.

Сокр. Попытайся же, Лакесь, подобнымъ образомъ опредѣлить и мужество. Что такое оно, какъ одна и та же способность, и въ удовольствіи, и въ страданіи, и во всемъ, въ чемъ мы недавно находили его?

Лак. По моему мнѣнію, мужествомъ, если только надобно опредѣлять его всеобщимъ признакомъ, называется какая-то твердость души.

С. *Сокр.* Конечно такъ надобно опредѣлять, когда хочешь отвѣчать на вопросъ. Однако, мнѣ кажется, что не всякая же твердость, если не обманываюсь, представляется тебѣ мужествомъ. Заключаю изъ того, что мужество ты относишь, вѣроятно, къ вещамъ весьма хорошимъ.

Лак. Да, безъ сомнѣнія, къ прекраснымъ.

Сокр. Слѣдовательно твердость хороша и честна, когда соединяется съ благоразуміемъ?

Лак. Конечно.

Сокр. Чтожъ она будетъ безъ разсудительности? Вѣроятно противоположное, то-есть, дурное и зловредное?

Лак. Да.

Сокр. И такъ, назовешь ли ты ее хорошею, когда она зловредна и дурна?

Лак. Не слѣдуетъ, Сократъ.

Сокр. Значить, такой твердости, которая не хороша, ты не признаешь и мужествомъ если мужество есть дѣло хорошее.

Лак. Правда.

Сокр. И такъ, по твоимъ словамъ, мужество есть благоразумная твердость.

Лак. Должно быть.

Сокр. Посмотримъ же, въ чемъ она благоразумна: во всемъ ли, какъ въ великомъ, такъ и въ маловажномъ? Напримѣръ, назовешь ли мужественнымъ того, кто съ благоразумною твердостью расточаетъ деньги, зная, что расчленивши ихъ, онъ пріобрѣтетъ болѣе?

Лак. О нѣтъ, клянусь Зевсомъ.

Сокр. А врача, который не смятается, остается твердымъ, когда сынъ его, либо и другой, страдая воспаленіемъ въ легкихъ, не можетъ пить или ѣсть?

Лак. Нѣтъ, и это не такое мужество.

Сокр. А человека твердаго на войнѣ, который хочетъ сразиться, благоразумно рассчитавъ и зная, что ему помогутъ другіе, что онъ всенепитъ въ дѣло съ непріателемъ не столь многочисленнымъ и болѣе слабымъ, чѣмъ собственный его отрядъ, и что при томъ самая пощада его лучше,—человѣка, твердо опирающагося на такіе расчеты и способы, назовешь

ты мужественнѣе того, который рѣшился оставаться и быть твердымъ въ противоположномъ лагерѣ?

В. *Лак.* Мнѣ кажется, Сократъ, что въ противоположномъ лагерѣ болѣе мужества.

Сокр. И однакожь мужество послѣдняго будетъ не такъ разсудительно, какъ перваго?

Лак. Правда.

Сокр. Равнымъ образомъ и въ конномъ сраженіи, твердый съ знаніемъ, по твоему мнѣнію, не столь мужественъ, какъ твердый безъ знанія?

Лак. Мнѣ кажется.

Сокр. Тоже утверждаешь ты о твердости и пращниковъ, и луконосцевъ, и другихъ воиновъ?

С. *Лак.* Конечно.

Сокр. А тѣ люди, которые, вздумавъ сойти въ колодезь и, не смотря на неумѣнье, захотѣвши плавать, твердо рѣшались бы на это, или иное подобное дѣло,—тѣ, по твоему мнѣнію, мужественнѣе ли другихъ, опытныхъ въ этомъ искусствѣ?

Лак. Кто же бы сказалъ иначе, Сократъ?

Сокр. Конечно никто, у кого подобныя мысли.

Лак. Да и я такихъ же мыслей.

Сокр. Однакожь, Лакесь, эти люди, подвергаются опасностямъ и бываютъ тверды безраз-

Судя, чѣмъ ты хотѣлъ доказать намъ съ
искусствомъ.

Асс. Говорится.

Судя. Но безразличная ласковость и твердость д.
не кажутся ли намъ проявитъ истиннаго и
дурнина?

Асс. Говорится.

Судя. А нужно ли намъ признавать чѣмъ-то
хорошимъ.

Асс. Да признавать.

Судя. И вотъ теперь опять истинное то-
есть безразличную твердость кажутся намъ
хорошимъ.

Асс. Истинно такъ.

Судя. Чтобъ? хорошо ли мы говоримъ?

Асс. Нетъ. Говоримъ Завсѣгда. Сказать.

Судя. Истинно. но къ чему не признавать.

Асс. . и в ты признаешь не допустить. и
намъ дѣла и насъ неслучайны съ словами. Если
бы кто-нибудь слышалъ нашу разговору. то
сказалъ бы. что не дѣла-то мы имеемъ. край-
не. и не слышитъ—не слышитъ.

Асс. Истинно справедливо.

Судя. Чтобъ? хорошо ли было такъ?

Асс. Истинно не хорошо.

Судя. Ахъ, да ли даже слышать при
томъ. что мы говоримъ.

Асс. При чемъ и такъ даже?

Судя. При томъ истинно. которое слышитъ,
было такъ. Если угодно. мы тамъ ужъ

стоить въ твердости.

Лак. Я готовъ, Сократъ; не отстану, и не привыкъ къ такому роду речеі мнѣ есть охота разсуждать; но досадно, ч умѣю выразить своихъ мыслей. Мнѣ ка я понимаю, что такое мужество; только у какъ-то ускользаетъ собственное понятіе, что я не могу заключить его въ слово и зать, что оно такое.

Сокр. Но порядочный ловчій долженъ слѣдовать свою добычу, другъ мой, а не влять ее.

Лак. Безъ сомнѣнія.

Сокр. Не угодно ли пригласить на .с и Никіаса? Можетъ быть онъ успѣшнѣе на

Лак. Согласенъ; почему не такъ?

Сокр. Поспѣши же, Никіасъ, къ друзи своимъ, обуреваемымъ словами, и, если имѣ снгу, помоги имъ въ ихъ недоумѣніи. Ты

Ник. Какъ? Да ты въ самомъ дѣлѣ думаешь, что знать, чего бояться и на что отвѣчаться, свойственно гадателю?

Лак. Разумѣется; кому же иному?

Ник. Гораздо свойственнѣе тому; другъ мой, кого я разумѣю. Гадателю-то должны быть известны только признаки будущаго, на примѣръ, кому угрожаетъ или смерть, или болѣзнь, или лишеніе дѣлечь, или побѣда, или поражение, какъ на войнѣ, такъ и во всякой другой борьбѣ: а кто потерпитъ, или не потерпитъ что-нибудь лучше сего, о томъ гадатель ли можетъ судить, или другой, подобный ему?

Лак. Ну, такъ я не знаю, Сократъ, что у него на мысли. Сколько видно, онъ не признаетъ мужественнымъ, ни гадателя, ни врача, ни кого инаго. Чтожъ? развѣ приписывать это свойство какому богу? Никіасъ, мнѣ кажется, не хочетъ искренно сознаться, что онъ ни въ чего не говорить, а только вертится туда и сюда, стараясь скрыть свое недоумѣніе. Да такъ-то вертѣться могли бы и мы, когда бы не захотѣли показать, что противурѣчимъ сами себя. Пусть бы намъ пришлось говорить въ судѣ,—можно бы еще позволить себѣ такіа рѣчи: но теперь, въ домашней бесѣдѣ, за чѣмъ попустому огораживать себя ничто незначащими словами?

Сокр. И я также, Лакесь, ничего тутъ не вижу; однакожь посмотримъ, не думаетъ ли

Никѣсь что-нибудь сказать, и не съ нимъ-то-ли говорить, лишь бы говорить. Испытаемъ же его ясное, что онъ мыслить, и когда скажетъ нѣчто, согласимся, а не скажетъ, настаивимъ.

Лак. Испытывай ты, Сократъ, если хочешь; а я уже, кажется, довольно испытывалъ.

Сокр. Ничто не вылазитъ; ибо испытаніе будетъ общее съ моею и твоею стороны.

Лак. Конечно.

Сокр. Слажи-ка мнѣ, или лучше намъ, Никѣсь,—ибо мы оба, я и Лакесь, обращаемся къ тебѣ: ты называешь мужество знаніемъ того, чего должно бояться и на что отражаться?

Ник. Да.

D.

Сокр. Однако это знаніе принадлежитъ безъ сомнѣнія не всякому, если даже и врачъ, и гадатель, не получивъ его, не будутъ обладать имъ и не могутъ быть названы мужественными (12). Такъ ли говорилъ ты?

Ник. Такъ.

Сокр. Следовательно, по положенію. не каждая же свинья въ самомъ дѣлѣ можетъ звать это (13) и быть мужественною.

Ник. Кажется.

Сокр. Значитъ, ты не считаешь за мужество даже и свинью Броніиоидею (14). Или говорию я не истинно, а въ самомъ дѣлѣ, что люди, держащіеся твоимъ мнѣніемъ, не мужественны?

должны отказать въ мужествѣ всякому животному и согласиться, что оно не можетъ быть мудрымъ; иначе левъ, барсъ, дикій кабанъ, кажется, знали бы то, чего, по трудности дѣла, не знаетъ и человѣкъ. Съ другой стороны, принявъ такое понятіе о мужествѣ, какое сдѣлалъ ты, необходимо допустить, что и левъ, и коршунъ, и быкъ, и обезьяна, рождаются съ одинаковымъ мужествомъ.

197. *Лак.* Клянусь богами, ты прекрасно говоришь, Сократъ. Отвѣчай-ка въ самомъ дѣлѣ, Никіасъ, мудре ли насъ эти животныя: а вѣдь мы всѣ соглашаемся, что онѣ мужественны. Или можетъ быть ты, вопреки всеобщему убѣжденію, осмѣлишься отказать имъ въ этомъ свойствѣ?

- Ник.* Я не называю мужественнымъ, Лакхесъ, ни животнаго, ни другаго существа, которое, не зная, чего надобно бояться, не знаетъ и боязни, но воодушевлено безстрашіемъ и истовствомъ. Почитаешь ли ты мужественными дѣтей, которыя, по невѣденію, ничего не боятся? Мнѣ кажется, безстрашіе и мужество—не одно и тоже. Мужество и осмотрительность, по моему мнѣнію, есть достояніе немногихъ, а безразсудность и дерзость свойственна многимъ, и мужчинамъ и женщинамъ, и дѣтямъ и животнымъ. И такъ, что ты съ другими называешь мужествомъ; то, по моему, есть безразсудность:

напротивъ мужество, о которомъ я говорю, бываетъ разумно.

Лак. Смотри-ка, Сократъ, какъ онъ, подумавъ, себя-то огораживаетъ рвчюю, а тѣхъ, кою всѣ признаютъ мужественными, старается лишить этой чести. С.

Ник. Совсѣмъ нѣтъ, Лахесь; будь спокоенъ. Я почитаю мудрымъ и тебя, и Ламаха (12), если вы мужественны, и многихъ другихъ Аѳинянъ.

Лак. Я ничего не говорю на это, хотя бы и надлежало сказать, что бы ты въ самомъ дѣлѣ не называлъ меня Эксонцемъ (13).

Сокр. И не говори-таки, Лахесь; ибо ты, D. кажется, не понялъ, что эту мудрость онъ заимствовалъ у нашего друга Дамона; а Дамонъ очень коротокъ съ Продиномъ, который, по видимому, лучше всѣхъ софистовъ различаетъ такіа названія.

Лак. Да софисту, Сократъ, и приличнѣе этимъ хвастаться, чѣмъ мужу, которому республика ввѣрила власть надъ собою.

Сокр. Однакожъ, Лахесь, кто располагаетъ великими дѣлами, тому прилично имѣть и великій умъ. Мнѣ кажется, Никіасъ не безъ нужды изслѣдуетъ, въ какомъ смыслѣ надобно принимать слово мужество.

Лак. Смотри же самъ, Сократъ.

Сокр. Буду смотреть, почтеннѣйшій. Впрочемъ не думай, что я устранию тебя отъ разго-

вора; нѣтъ, слушай внимательно и слѣди за словами.

Лак. Пусть такъ, если нужно.

198. *Сокр.* Да, нужно. А ты, Никіасъ, говори намъ опять сначала. Знаешь ли, что мужество, при самомъ вступленіи въ разговоръ, мы понимали, какъ часть добродѣтели?

Ник. Конечно.

Сокр. Но въ своихъ отвѣтахъ разумѣлъ ли ты ее, какъ часть, какъ одну изъ другихъ частей, которыя всѣ вмѣстѣ называются добродѣтельно?

Ник. Не иначе.

Сокр. Слѣдовательно ты говоришь то же, что я? а я къ мужеству причисляю разсудительность, справедливость и другое тому подобное: по сему и ты?

Ник. Конечно.

В. *Сокр.* Помни же, что въ этомъ мы согласились. Тсперь рассмотримъ: чего надобно бояться, и на что отваживаться? можетъ быть въ семъ отношеніи ты думаешь одно, а мы другое. И такъ, выслушай наше мнѣніе и потомъ, если не примешь его, предложи свос. Мы думаемъ, что вещь, которой надобно бояться, внушаетъ страхъ, а та, на которую должно отваживаться, не внушаетъ страха. Но что внушаетъ страхъ, то угрожаетъ не прошедшимъ и не настоящимъ, а будущимъ зломъ; ибо страхъ

есть чаяніе будущаго зла. Не такъ ли и тебѣ кажется, Лахесь?

Лак. Безъ сомнѣнія, Сократъ.

Сокр. Вотъ же наше мнѣніе, Никіасъ: то, С. чего должно бояться, по нашему, есть будущее зло; напротивъ то, на что надобно отваживаться, мы понимаемъ, какъ будущее не-зло, или добро. А ты такъ, или иначе думаешь?

Ник. Такъ.

Сокр. И знаніе сего называешь мужествомъ?

Ник. Непремѣнно.

Сокр. Разсмотримъ еще третіе обстоятельство (34): согласимся ли и въ немъ?

Ник. Въ чемъ же состоитъ оно? D.

Сокр. А вотъ я скажу. Мнѣ и Лахесу кажется, что знаніе чего бы то ни было, не есть иное знаніе прошедшаго, какъ что произошло, иное знаніе настоящаго, какъ что происходитъ, иное знаніе будущаго, какъ что лучше могло бы быть произведено, или произойдетъ, но еще не произошло: напротивъ я думаю, что всякое знаніе—одно и тоже. Напримеръ, по отношенію къ здоровью, во всю времена живтъ другой врачебной науки, кромѣ одной, которая наблюдаетъ и настоящее и прошедшее и будущее, какъ что будетъ. Тоже E. думаетъ и земледѣіе по отношенію къ произведеніямъ земли. Что же касается до войны, то сами можете свидѣтельствовать, что воевод-

ство превосходно заботится и о прочемъ, и о будущемъ: оно знаетъ, что не надобно повиноваться гаданію (25), а должно управлять, покоялику ему самому лучше извѣстно все, относящееся къ войнѣ, и настоящее и будущее. Да и 199. законъ повелѣваетъ, не гадателю начальствовать надъ воеводою, а воеводѣ надъ гадателемъ. Скажемъ ли это, Лахесь?

Лак. Скажемъ.

Сокр. Чтожь? а ты, Никіасъ, согласенъ ли, что одно и тоже знаніе занимается и будущимъ и настоящимъ и прошедшимъ состояніемъ всякаго дѣла?

Ник. Да, Сократъ, мнѣ такъ кажется.

Сокр. Но мужество, почтеннѣйшій, по твоимъ словамъ, есть знаніе того, чего должно бояться, и на что отваживаться. Не правда ли?

В. Ник. Правда.

Сокр. А мы согласились въ значеніи того, чего должно бояться, и на что отваживаться; то-есть, первое надобно понимать какъ будущее зло, а послѣднее какъ будущее добро.

Ник. Конечно.

Сокр. Между тѣмъ одно и тоже знаніе имѣть въ виду и будущее, и все другое.

Ник. Такъ.

Сокр. Слѣдовательно, мужество есть знаніе того только, чего должно бояться и на что отваживаться; ибо оно, подобно другимъ знаніямъ, знаетъ не одно будущее касательно

добра и зла, но и настоящее и прошедшее и будущее.

Ник. Должно быть. C.

Сокр. И такъ, Никіасъ, ты опредѣлилъ назъ какъ бы только третью часть мужества; а мы спрашивали у тебя, что такое оно вообще. Видишь, мужество есть уже знаніе не только того, чего должно бояться и на что отваживаться, какъ сказано тобою прежде, но и всѣхъ вообще благъ и золъ, какъ говоримъ тебѣ. Такъ, или иначе, Никіасъ, изъясни ты свою мысль? D.

Ник. Кажется такъ, Сократъ.

Сокр. Но думаешь ли, любезнѣйшій, что тотъ сколько нибудь недостаточенъ въ добродѣтели, кто знаетъ всякое добро и зло и всѣми образомъ, какъ оно есть, будетъ и было? Думаешь ли, что тому человеку недостасть разсудительности, справедливости и святости, кто одинъ можетъ быть осторожнымъ въ отношеніи къ богамъ и людямъ, кто, зная какъ обращаться съ ними, умѣетъ различать опасное отъ неопаснаго и пріобрѣтаетъ блага? E.

Ник. Кажется ты говоришь дѣло, Сократъ.

Сокр. И такъ, сказанное тобою, видно, есть не часть добродѣтели, а вся добродѣтель.

Ник. Должно быть.

Сокр. А мы вѣдь называли мужество частью добродѣтели?

Ник. Да, называли.

Сокр. Между тѣмъ какъ настоящее наше положеніе не то показываетъ.

Ник. Должно быть, не то.

Сокр. Следовательно мы не нашли, Никіасъ, что такое мужество.

Ник. Кажется, не нашли.

Лак. А я думалъ, любезный Никіасъ, что
 200. ты найдешь, когда такъ пренебрегъ моими отвѣтами на вопросы Сократа. Да, я очень надѣялся, что мудрость, заимствованная тобою у Дамона, поможетъ тебѣ найти это.

Ник. Хорошо, Лакесь, что ты нисколько не думаешь объ этомъ дѣлѣ и, какъ недавно обнаружилось, вовсе неразумнешь мужества: но къ чему видѣть, что и я оказался такимъ же! Вѣдь тебѣ конечно не будетъ никакой пользы не знать вмѣстѣ со мною того, что прилично знать всякому, кто нѣсколько занимается собою. Ты, кажется, дѣйствуешь истинно почеловѣ-
 В. чески; смотришь не на себя, а на другихъ. Напротивъ я думаю, какимъ бы образомъ то, о чемъ нынѣ довольно разсуждали, и чего достаточно не раскрыли, послѣ обдумать—или съ помощію Дамона, надъ которымъ ты позволяешь себѣ смѣяться, никогда его не видавши, или съ помощію другихъ людей. Когда же обдумаю, то съ охотою поучу и тебя; ибо ты, по мой взглядъ, имѣешь великую нужду въ наукѣ.

Лак. О, ты очень мудръ, Никіасъ; одна-кожь я советую Анзимаху и Мелисіасу рас-
сказаться съ тобою и со мною, когда надобно
разсуждать о воспитаніи юношей, а Сократа
не отпущать. Таковъ былъ советъ мой съ са-
мого начала; такъ поступилъ бы и я, если бы
у меня были взрослые дѣти.

Ник. Съ этимъ-то я согласенъ. Если Со-
кратъ захочетъ принять на себя попеченіе о
юношахъ, то не должно искать никого другаго.
Вотъ и я съ большимъ удовольствіемъ ввѣрилъ
бы ему своего Никерата(26), да онъ, какъ скоро
речь зайдетъ объ этомъ, всегда рекомендуетъ D.
другаго, а самъ не соглашается. Смотри, Анзи-
махъ, послушается ли онъ и тебя-то.

Лиз. Слѣдуетъ, Никіасъ; вѣдь и я охот-
но сдѣлалъ бы для него то, чего не захотѣлъ
бы сдѣлать для многихъ другихъ. Что же
ты скажешь, Сократъ? Послушаешься ли на-
сколько и примешь ли участіе въ попеченіи
о юношахъ, чтобы они были самыми луч-
шими?

Сокр. Жестоко, Анзимахъ, не хотѣть при-
нять участія въ попеченіи о комъ бы то ни
было, чтобы онъ вышелъ самымъ лучшимъ.
И если бы въ теперешнемъ разговорѣ я ока-
зался знающимъ, а они незнающими, то на
это дѣло конечно надлежало бы пригласить
меня: но видишь, все мы равно въ недоумѣ-
ніи; на какомъ же основаніи одного изъ насъ

- предпочесть другому? По моему мнѣнію, никто не заслуживаетъ предпочтенія. Если же такъ;
201. то смотрите, не пригодится ли мой совѣтъ. Я говорю—и мое слово не съ площади—что всѣ мы вообще должны искать самаго лучшаго учителя особенно для себя, ибо имѣемъ въ немъ нужду, потомъ и для дѣтей, не щадя на то ни денегъ, ни всего другаго; а оставаться такими, каковы мы теперь, не совѣтую. Если же кто-нибудь вздумаетъ смѣяться надъ нами, что мы въ такомъ возрастѣ посвящаемъ учителей,
В. то укажемъ ему на Омира (27), который говоритъ: не хорошо стыдиться человеку нуждающемуся; и, не обращая вниманія на возраженія, позаботимся съобща какъ о себѣ самихъ, такъ и о дѣтяхъ.

Лиз. Мнѣ нравятся слова твои, Сократъ; и я, какъ ни старъ, готовъ со всею ревностію учиться вмѣстѣ съ юношами. Смотри же, сдѣлай такъ: завтра рано приходи ко мнѣ, да непременно;
С. мы посоветуемся объ этомъ. А теперь кончимъ свою бесѣду.

Сокр. Сдѣлаю, Лизимахъ; приду къ тебѣ по утру, если будетъ угодно Богу.

ПРИМЪЧАНІЯ.

4-20-61
by 14601.0
[unclear]

П Р И М Ъ Ч А Н І Я

КЪ

П Р О Т А Г О Р У.

(1) Но что ужъ и спрашивать, *ἢ δηλαδὴ*. Стезаны правильно пишетъ *ἢ δηλα δή*; по тому что *δή* требуетъ послѣ себя *δι*. Равнымъ образомъ надобно писать не *ἢ*, но *ἥ*; по тому что сія частица выражаетъ *ἐπανόρθωσιν*, и умѣстна послѣ вопроса. Цицеронъ переводитъ это выраженіе такъ: *an id quidem dubium non est*.

(2) Въ подлинникѣ нѣсколько иначе: *οτι ἀλλ' οὐκ ἔστιν ἐν τῇ περὶ τὴν Ἀλκιβιάδου βίῃ*. Но Филологи извинять меня: близость выраженія и цѣлю ниже его скромности.

(3) Уже обрастаетъ бороною, *πώγωνος ἤδη ὑπεπιπλάμενος*. *Πώγων* Греки часто принимали за знакъ мужескаго возраста. *Lucian. Alexandr. 6. T 1. p. 522. Schmicke: ἤδη δὲ πώγωνος ὁ Ἀλέξανδρος ἐπιπλάμενος. Αμογ. 24 p. 622. ἀλλ' ἄχρι μὲν ἔδειπε κατὰ τὸν ἑρὸν Πλάτωνα πώγωνος ἐμπίπλετο.*

(4) *Iliad. XXIV, 348.*

Πρῶτον ὑπηνήτη, τέτρε χαριστάτη ἦβη.

Едва показался на юности пріятный пушокъ.

(5) Что лишь съ такою *τί οὖν τὰ νῦν*. Слова: *τί οὖν τὰ νῦν*, я читаю и перевожу согласно съ нѣкѣмъ

пункцію Гейндорфа и Аста: *τί οὐ*; *τα ὅν* и пр., по тому что *τα ὅν* отрицательно стоятъ не могутъ, и очевидно относится къ глаголу *φαίν.*

(6) *Къ тебѣ, прѣдъ се, вѣстѣ съ Гейндорфомъ, Беккеромъ, Штальбономъ и Астомъ принимаю, вѣсто Стефаномъ прѣдъ се наставляю*, что здѣсь вовсе неумѣстно.

(7) *Прекраснѣ Алкивіада.* По свидѣтельству Корнелія Непота (VII, 1), Alcibiades natus in amplissima civitate summo genere, omnium aetatis suae multo formosissimus. Впрочемъ Сократъ здѣсь явно шутитъ надъ тѣлесною красотою, почитая ее ничтожною въ сравненіи съ красотою души, или съ мудростію.

(8) *Самому мудрому не казаться красивѣмъ, тѣ σοφώτατον.* Нѣкоторые толкователи Платона, для сообразности съ слѣдующимъ *καλλίων*, читаютъ *σοφώτερον*. Но *тѣ σοφώτατον* относится къ Протагору, котораго почитали человѣкомъ мудрѣйшимъ, даже называли прямо мудростію. (См. Diog. L. IX. 50. ib. Menag.). Напротивъ, словомъ *καλλίων* указывается на Алкивіада, который, какъ юноша, по своей мудрости, былъ ниже Протагора.

(9) *Еще третьяго дня.* Здѣсь говорится о второмъ прибытіи Протагора въ Аѣны. (См. ниже 310), по изслѣдованію Аста (Platons. Leb. u. Schrift. p. 77 sq.), въ 3,89 ол. Сравни. *Macrob.* (Saturn. I, 1. p. 202. ed. Bip.): Paralus vero et Xantippus, quibus Pericles pater fuit, cum Protagora disserunt secundo adventu Athenis morante, quos multo ante infamis illa pestilentia Atheniensis absumserat. Annos ergo cotinentium mitti in digitos, exemplo Platonis nobis suffragante, non convenit.

(10) *Περσπαжи же намъ содержаніе вашей беседы.* Погретоски вопросительная рѣчь: τί οὖν οὐ διηγήσῃ; — формула учтивости, употреблявшаяся въ сто повелительнаго наклоненія. Подоб. обр. Conviv. in it. τί οὐ περιμενεῖς; 175 В. ἀκοὺν καλεῖς αὐτόν καὶ μὴ ἀλφῶνς; и ниже 311 А. ἀλλὰ τί οὐ βαδίζομεν παρ' αὐτόν;

(11) *Этому малышу.* Разумѣется одинъ изъ слугъ, ἀκολούθος. Беккъ замѣчаетъ, что слуга, на котораго здѣсь указывается, не могъ быть рабъ, потому что рабамъ не позволялось сидѣть въ присутствіи господъ. Но ἀκολούθοι были не рабы, а почетные слуги, составлявшіе свиту господина. Одни изъ нихъ шли впереди его, другіе позади, а нѣкоторые сидѣли у его ногъ во время стола. По этому они назывались и разными именами. См. Hoffmann. Lexic. v. Pedisequus.

(12) *Нѣтъ ли чего новаго, мѣ ти νεώτερον, мѣ ти νέον.* У Грековъ вообще употребителенъ уравнительный отрѣшенный, тогда какъ мы, не сравнивая опредѣленно двухъ предметовъ, употребляемъ положительный степенъ. Подобнымъ образомъ Phaedon. 105. Α. εἰ γὰρ χεῖρον πολλὰνις ἀνέαν.

(13) Въ Аттікѣ известны были двѣ деревни подъ именемъ Θнос: одна близъ Элевсеріи, а другая подъ Марасона. См. Interpr. ad Thucid. II, 18. Wesseling. ad Diod. IV, 60.

(14) *И не слушалъ Протагора, οὐδ' ἀκήνοα εἶέν,* т. е. итѣ, которое, особенно послѣ истоникіи, относит. часто опускается; наприм. 315 В. οἷς ὑμεῖς χρεῖοτε καὶ προθυμότερος πεύκοιτε (т. е. итѣ).

(15) Я былъ еще ребенкомъ, παῖς ἤ. Пр. нес. средн. вмѣсто ἤμην. Въ нѣкоторыхъ спискахъ вмѣсто ἤ стоитъ ἤν.

(16) Калліасъ, сынъ Иппоника, по свидѣтельству Перизонія (ad Aelian. V. Н. XIV, 16), былъ слѣпымъ почитателемъ софистовъ и своими деньгами много способствовалъ ихъ славу.

(17) Встанемъ, да выйдемъ на галлерей, ἐξαναστῶμεν εἰς τὴν αὐλήν, выраженіе сжатое, заключающее въ себѣ два понятія: — встать и пойти. Αὐλή соответствуетъ Латинскимъ словамъ aula и aulaeum. Древніе съ особеннымъ удобствомъ устроили надворную часть домовъ или галлерей, и украшали ее различнымъ образомъ, а особенно коврами и статуями. Это мѣсто назначалось для прогулки и называлось αὐλή. Такія же aula или aulaea устроены были въ Греческихъ театрахъ и дали начало декораціямъ. См. Hoffm. Lex. v. aulaeum.

(18) Если мой отвѣтъ, εἰ μὲν τι, т. е. τί το το πρᾶγμα, ἢ ἀπόκρισις.

(19) Явится, παρέχειν αὐτόν, вмѣсто σαυτόν.

(20) Изъ многихъ мѣстъ Платона (Alcib. I. 106. Theag. 122), Ксенофонта (de republ. Laced. II, 1), Исократы (Paneg. II, 195) и Аристотеля (Polit. VIII, 5) видно, что обыкновенный курсъ воспитанія дѣтей въ Греціи состоялъ изъ грамматики, музыки и гимнастики. Но подъ общимъ названіемъ грамматики разумѣлись, кажется, всѣ отрасли словесныхъ наукъ, а подъ именемъ музыки — преимущественно το κιθάριζαν игра на цитрѣ.

(21) *Доброму или худому человеку, οὐτ' εἰ ἀγαθὸν οὐτ' εἰ κακὸν πράγματι.* Подъ словомъ *πράγμα* Греки большею частію разумѣли вещь въ смыслѣ неопредѣленногъ, нѣчто, а иногда — лицо, даже цѣлый народъ; напр. Gorg. 520. В. *μέμφεσθαι τὴν τῷ πράγματι* (т. е. народу); Krit. 53. D. *καὶ ἐν οἷς ἀσχημὼν φαίνεται τὸ τῷ Σωκράτει πράγμα.* По сему я перевожу: доброму или худому человеку.

(22) *Какъ самое имя показываетъ.* Слово *σοφιστής* у Грековъ значило тоже, что у насъ знатокъ чего-нибудь, только *софистовъ* сверхъ того почитали еще учителями своего искусства и этою чертою отличали ихъ отъ мудрецовъ.

(23) *Какъ не искусенъ, ἢ ἀπιστάτην.* Кажется, надлежало бы читать: *ἢ μὴ ἐπιστάτην.*

(24) *По собственнымъ моимъ словамъ, ἐξ ὧν οὐ λέγεις, т. е. ἐξ ὧν ἂ οὐ λέγεις,*—весьма употребительное сокращеніе рѣчи; Theaet. 171, В. *ἐξ ὧν γέγραφε*, Phaed. 61. С. *ἐξ ὧν ἐγὼ ἠσθῆμαι*, и въ другихъ мѣстахъ.

(25) *Разнощиками или рыночными торговцами, ἐμπορὸς τις ἢ κάπηλος.* ἔμποροι (собст. peregrinatores) *πλανῆται ἐπὶ τὰς πόλεις* (Polit. II, 371). *Κάπηλος* Платонъ описываетъ въ томъ же мѣстѣ, какъ τὰς *πρὸς ὠνήν τε καὶ πρᾶσιν διακονῶντας, ἰδρυμένους ἐν ἀγορᾷ*, или, по описанію Цицерона (de offic. 1, 42), *qui mercantur a mercatoribus, quod statim vendant.* У насъ: разнощики и рыночные торговцы.

(26) *Мнѣ кажется, можно: но такъ пишется... φαίνεται γὰρ ἔμοιγε τοιούτος τις.* Τρέφεται δὲ и пр. Такъ читается въ Ald. et Bas. I. 2. Но надобно читать: *φαίνεται*

γὰρ ἔμοιγε τοιῦτός τις τρέφεται δὲ и пр. Фигинъ переводитъ: *Hipp. Talis mihi sane videtur; verum quibus alitur animus?* Напротивъ новѣйшіе (Гейндорфъ, Веккъ, Штальбомъ и Кузенъ) слова φαίνεται γὰρ ἔμοιγε τοιῦτός τις, влагаютъ въ уста Сократа, вѣроятно слѣдуя переводу Шлейермахера, который говоритъ, что Иппократъ не могъ сказать φαίνεται γὰρ ἔμοιγε. Но частица γὰρ есть и причинная и подтвердительная, какъ Нѣмецкое *ja*. Въ послѣднемъ смыслѣ она употребляется почти столь же часто, какъ и въ первомъ; напр. *Phaedr.* 229. A. Φαίδ. Εἰτέ μοι, ὃ Σόκρατες, ἐκ ἐκθένδε μέντοι ποθέν ἀπὸ τῆ Ἰλισσοῦ λέγεται ὁ Βορέας τὴν Ὀρείθυιαν ἀρπάσαι; Σόκρ. Λέγεται γὰρ, (да, такъ говорятъ). Вообще въ отвѣтахъ частица γὰρ очень употребительна: *Thaet.* 187. A. Ὁρθῶς γὰρ οἶμ. 193 D. Ἔοικε γὰρ и проч. И такъ, слова φαίνεται γὰρ ἔμοιγε и пр. надобно приписать не Сократу, а Иппократу.

(27) *Разумѣется, кое-какими познаніями, математикой дѣль.* Подъ словомъ *μαθήματα* я разумѣю познанія, а не науки. Науки и искусства, у Грековъ назывались *τέχναι*, которыми положительно, сообразно съ принятыми формами, занимались такъ называемые *δημιουργοί*, публичные мастера, и художники. Къ числу сихъ мастеровъ относились и народные ораторы. Но высшее разсматриваніе науки и искусства, художественное, или творческое разработываніе ихъ, а особенно изслѣдованіе связи между ними, почиталось дѣломъ мудрости, философіи, или мусикии. Платонъ постоянно приписываетъ софистамъ искусство (*τέχνη*) учить юношество за деньги: но такъ какъ софисты

выдавали себя за людей знающихъ все, и потому брались сообщать своимъ слушателямъ познаніи (*μαθήματα*) о всемъ; то Платонъ нерѣдко называетъ ихъ иронически и мудрецами, *σοφοί*. И такъ *μαθήματα* суть отрывочныя познанія изъ области различныхъ наукъ и искусствъ, не имѣющія въ своемъ основаніи одной идеи, но измѣняющія свой характеръ, смотря по направленію преподавателя и требованію слушателей. На это значеніе *τῶν μαθημάτων σοφιστικῶν* указываетъ и частица *δή* въ.

(28) *Софисты, развозящіе по городамъ познаніи.* О путешествіяхъ софистовъ съ этою цѣлю говоритъ Платонъ, *Tim.* 19. E. τὸ δὲ τῶν σοφιστῶν γένος — ἀτε πλανητῶν ὃν κατὰ πόλεις οἰκίῃσιν τε ἰδίαις ἕδαισι διωκη-
μός. Lucian. Hermot. § 59. καὶ φιλόσοφοι ἀποδίδονται τὰ μαθήματα, ὥσπερ οἱ μάηλοι, κεραισάμενοί γε οἱ πολλοὶ καὶ δολώσαντες καὶ καμομετρῶντες.

(29) *Заплативъ за урокъ, натаѣиъта тѣν τιμήν.* Софисты брали съ своихъ слушателей, по условію, деньги послѣ каждаго урока. Отсюда *Aristoph. Nub.* 246. μισθὸν δ' ὄντιν' ἂν πρᾶττη μ', δρᾶμαι σοὶ ната-
θήσειν τὰς θεάς. Сравн. ниже 328 С.

(30) Атеней (V. р. 340. Т. II. Сравн. *Casaub.* р. 240. Т. III) обвиняетъ Платона въ анахронизмъ, говоря, что Иппіасъ Элейскій никакъ не могъ быть въ Аѳонахъ въ одно время съ Протагоромъ; по тому что Протагоръ въ другой разъ приходилъ въ Аѳины во время Пелопонесской войны. Но Платонъ вѣроятно и не заботился о хронологической истинѣ, а сводилъ современныхъ себѣ софистовъ произвольно и излагалъ ихъ мнѣнія, какъ мнимыя. Иппіасъ описывается, какъ

самый тщеславный педантъ своего времени. См. *Groen van Prinsterer*. Prosopograph. Plat. p. 91. sq. Тамъ же о Продикѣ Хіоскомъ p. 87. sq.

(31) *Съ силии мыслями, Δόξαν ἡμῖν ταῦτα*, — аттицизмъ, перѣдко встрѣчающійся и у другихъ писателей; такъ *Xenoph. Anab. IV. I. 13. δόξαν δὲ ταῦτα ἐκίρουσαν ἑταῶ ποιεῖν. Lucian. Ver. Hist. 1, 7. δόξαν δὲ μοι καὶ ὅθεν ἀρχεται ὁ ποταμὸς καταμαθεῖν*, и проч. Значеніе его можно видѣть изъ слѣдующаго необходимаго дополненія: *δόξαν ἡμῶν ἐχόντων περὶ ταῦτα*.

(32) Богатые Греки, каковъ былъ и Калліасъ, начиная оставлять національный образъ жизни и подражая въ роскоши Персамъ, имѣли въ домахъ своихъ евнуховъ. Тѣже обычаи мало по-малу приняты были и Римлянами. *Terent. Eun. 1, 2. 28. De janitoribus, sev pueris ab janua.* см. *Pignor. de serv. p. 214. sq.*

(33) *Недосугъ слугу, Οὐ σχολή αὐτῷ*, то-есть, господину. Такимъ же образомъ Римляне употребляли мѣстоим. ipse. См. *Bach. ad Xenoph. Oecon. III, 5. Spanheim. ad Aristoph. Nub. v. 219. Burmann. ad Virgil. Georg. IV, 82.*

(34) *Тогда слуга едва согласился отворить намъ дверь. Μόγισ ὅν ποτε ἡμῖν ἀνδρῶπος ἀνέωξε τὴν θύραν: "Ανδρῶπος* почти во всѣхъ изданіяхъ безъ члена. Асть заключаетъ отсюда, что Греки, говоря о комъ-нибудь съ униженіемъ, произносили нарицательное его имя безъ члена. Догадка остроумная и вѣроятная — тѣмъ болѣе, что она подтверждается подобнымъ употребленіемъ именъ въ новыхъ языкахъ. Нельзя ли отсюда изъяснить происхожденіе Русскаго обычая называть слугу челоѡкомъ, *ἀνδρῶπος*?

(35) *Вдоль перистилл залы, въ тѣ простѣ.* Простѣон, зала, непосредственно слѣдовавшая за переднею (atrium) и отличавшаяся отъ нашихъ залъ тѣмъ, что вдоль всѣхъ стѣнъ ея устроены портіки (peristylum), назначившіяся для прогулки. См. *Vitruv.* V, 2. VI, 7. 10. Перипатеѣ значимо ходить вдоль и вокруг перистилл залы.

(36) Упоминаемый здѣсь Хармидъ есть тотъ самый, именемъ котораго названъ одинъ изъ Платоновыхъ разговоровъ.

(37) Мендеа, одинъ изъ Эракійскихъ городовъ. См. *Pomp. Mel.* II, 2.

(38) *Позади ихъ, тѣхъ же оі бліоθεν.* Оі нѣтъ во многихъ лучшихъ спискахъ, и оно, очевидно, лишнее; потому что выраженіе оі бліоθεν должно бы указывать на извѣстныхъ уже слѣдователей; но объ нихъ не было говорено. Притомъ тѣхъ здѣсь зависить отъ предлога, а не отъ глагола; слѣдовательно бліоθεν не можетъ быть обращено въ прилагательное. Конструкція такова: *тѣхъ же оі бліоθεν ηκολούθουν ἐπαμβούτες τῶν λεγομένων.* За ними, т. е., почетными слушателями, которые формально не принадлежали къ школѣ, или дѣйствительные ученики.

(39) *Увлекала ихъ своимъ красноречіемъ, ηηλδὼν τῇ φωνῇ.* Кηλεῖν свойственно поетамъ, музыкантамъ и ораторамъ, которые какъ бы очаровываютъ и увлекаютъ души. Греческому ηηλεῖν соответствуетъ Латинское blandiri. *Apollon. Rhod.* I, 515. *Lamb. ad Horat. Carm.* I. 12. 7. Том. I. p. 36.

(40) Πηγάων ἡ γῆραια, συνέχευε βίᾳ Ὀμήρου, τὸν δὲ μετ' εἰσενόησα, ἔφη Ὀμήρου (Odys. XI, 581). Плешкорнахеръ полагаетъ, что слова ἔφη Ὀμήρου въ сѣнѣ нѣ текуть с margins, следовательно на Πηγάωνъ должны быть выпущены. Но у Платона много подобныхъ писемъ. Напр. Thaeet. 170 D. Νῆ γὰρ ἀέρι· ὁ Σόκρατες, μάλα μυρίοι θῆτι, φησὶν Ὀμήρου, οὐ γὰρ ποιεῖ ἐξ ἀνθρώπων πρῶτατα παρέρχουσι, Менон. 76 D. ἐν τῶν δὴ οὐκ ἔστι λέγα, ἔφη Πηδάρος и проч. Grou приводитъ другую притчу уместности словъ ἔφη Ὀμήρου. Platon donne ici finement à entendre, говорить онъ, que les sophistes ne sont que des ombres, des phantômes des sages, comme ceux, qu' Ulysse vit aux enfers; ибо при этомъ именно случаи сказаны слова τὸν δὲ μετ' εἰσενόησα. Но Платону нужны были въ-роятно не слова, а эпическій тонъ Омира, чтобы пошутить надъ важною осанкою, диктаторскимъ положеніемъ и недадствомъ со-инствоу. Эта мысль оправдывается напыщенностію слѣдующихъ за симиъ выражений: ἐν θρόνῳ καθήμενος, — ἐφαίνοντο δὲ περὶ φάσας τε καὶ τὸν μεταύρου ἀστρόνομινα ἅτα διερωτῶν τὸν Ἰππίαυ и проч. По этому мнѣ очень нравится замѣчаніе Стежана, что вмѣсто ἔφη Ὀμήρου, лучше бы (по крайней мѣрѣ сообразнѣе съ характеромъ Русскаго языка) читать: φαίη ἄν Ὀμήρος.

(41) Ἐρικσινнахъ — врачъ, часто упоминаемый въ сочиненіяхъ Платона, напр. въ Федрѣ и Пирѣ.

(42) Андротіонъ. См. разговоръ подъ именемъ Горгіаса 487 С.

(43) Накомецъ ἡ γυνὴ καὶ Ταντάλα, καὶ μὴν Τάνταλον εἰσείδον (Hom. Odys. XI, 581). Платонъ

уподобляетъ Продика Тантагу, котораго богатство вошло у Грековъ въ пословицу: *Tantalos χρηματι, Tantalos talanta* (см. *Fischer. ad. Bathyrhg. 41. Anast. 585*). Поводъ къ сему уподобленію подало Платону необыкновенное корыстолюбіе Продика, котораго современники называли пятидесятидрахмовымъ хвостомъ (см. *Krat. 384. Arist. Rhet. III, 14 etc.*); потому что онъ требовалъ отъ слушателей за свои уроки по пятидесяти драхмъ, около 115 р. серебр.

(44) *Окутанный, какъ мнѣ казалось, многими матами и одъями.* Шутка надъ низменностію Продика. См. *Casaub. ad. Sveton. II, 78. Aristoph. Nub. 10. ἐν πέντε σιούραις ἐνυμεορδουλευμένος.*

(45) Керанисъ, деревня въ Трибѣ Аканантисъ.

(46) Этотъ Агатонъ впоследствии извѣстенъ былъ какъ поэтъ, и поэзія его отличалась низменностію. *Aristoph. Thesmoph. 52, 58 sq.*

(47) Адриантъ, сынъ Книида, исторически не извѣстенъ; а сынъ Левколоида былъ вождь Аенискаго войска во время Пелопонесской войны. *Xenoph. hist. Græc. I, 4. 21.*

(48) Критіасъ, сынъ Каллесхра, сперва долго былъ въ связи съ софистами и Сократомъ, потомъ ушелъ въ Фессалію и тамъ, по свидѣтельству Ксенофонта (*Мемог. I. 2. 12*), сдѣлался однимъ изъ жесточайшихъ и корыстолюбивѣйшихъ олигарховъ.

(49) Аениское правительство разумно софистику, какъ нововведеніе, враждебное нраву и религіи. Поэтому Протагоръ, сказавъ, что софистика возбуждаетъ ненависть, старается теперь доказать

несправедливость обвиненій мнимкою древностію своей науки и вѣсть съ тѣмъ опереться на авторитетъ знаменитыхъ мужей. Сверхъ сего, такое направленіе разговора ведетъ прямо къ изслѣдованію нерѣшеннаго прежде вопроса: чему учить Софистъ и полезно ли для души его ученіе? У Платона нѣтъ ни одной мысли безъ цѣли.

(50) *Таинство и священныя письменныя, τελεταὶ τε καὶ χρησιμότητες*. Первые приписываются Орфею: *Aristoph. Ran.* 1064. Ὀρφεὺς μὲν γὰρ τελετὰς ἡμῖν κατέδωκε, а послѣднія — Музею, о которомъ см. *Passow. in Mus.* p. 21. 26 sq.

(51) Иккосъ Тарентскій, славный атлетъ, представшій около 77 ол. Говорятъ, что желая сохранить свои силы и на играхъ всегда оставаться побѣдителемъ, онъ отказался приносить жертвы Венерѣ. *Legg. VIII*, 839. E. *Astii* annot. p. 58.

(52) Продикъ Силиврійскій родился, кажется, въ Мегарѣ, а потомъ переехалъ въ Силиврію, одинъ изъ Θρακίѣскихъ городовъ близъ Пропонтиды (*Strab. VIII*, p. 437). Онъ былъ учителемъ гимнастики, а потомъ, сдѣлавшись больнымъ, съ гимнастикою соединилъ медицину — не для того, чтобъ выздороветь, но чтобъ усмирить болѣзнь и умереть. *Polit. III*, 406. *Arist. Rhet. I*, 5. 29.

(53) Агаѳоклъ, музыкантъ; учитель Дамона, который въ свою очередь училъ музыкѣ Перикла. *Lucret.* 180 D. *Plut. vita Pericl.* 153 E.

(54) Питоклидъ Хиосскій, музыкантъ и Пиеагореецъ (*Schol. comment. T. II*, p. 387 Beck.), былъ учителемъ Агаѳокла и Перикла (прежде Дамона).

(55) *Какъ говорится, ὥς ἔπος εἰπεῖν*, Греческая поговорка. Шлейермахеръ не точно переводитъ ее: *dass ich es kurz heraussage*.

(56) *Превосходнѣе мой, βελτίω ἐμείνης εἶναι*. Мѣстоименіемъ ἐμείνης указывается εἰς τὸ πρόαγμα ποιεῖσθαι, а не на слѣдующее за нимъ выраженіе τὸ δμολογεῖν μᾶλλον и пр. По сему послѣ εἶναι лучше бы поставить (·).

(57) *Притомъ замѣчательно, что... Καὶ ἄλλας πρὸς ταύτη ἔκειμαι, ὥστε*. Это выраженіе, кажется, повреждено, потому что καὶ ἄλλας (т. е. εὐλαβείας, какъ понимаютъ) ἔκειμαι, не имѣетъ связи съ другою половиною фразы: ὥστε, οὖν θεῷ εἰπεῖν, μηδὲν δυνὸν πάσχειν и проч. По видимому, умістнѣе было бы: καὶ ἄλλως τε πρὸς ταύτη ἔκειμαι, ὥς и проч. такъ что те отъ слѣдующ. ὥστε, кажется, должно быть перенесено къ слову ἄλλως. Впрочемъ Штаббомъ замѣчаетъ (Adn. ad Gorg. 473. D), что ἄλλος, перемѣнялся по надежамъ, иногда тѣмъ не менѣе удерживаетъ значеніе нарѣчія: πραετεια, напр. ζηλωτὶς ὢν καὶ εὐδαιμονιζόμενος ὑπὸ τῶν πολιτῶν καὶ τῶν ἄλλων ξένων.

(58) *И вообще давно живу на свѣтѣ, καὶ γὰρ καὶ τὰ ξύμπαντα* (т. е. ἔτη) *πολλὰ μοι ἐστίν*.

(59) *Нѣтъ ни одного, кому бы, δὲν, слѣдъ изъ двухъ мѣстоименій: δεῖς, οὐ*. Мысль такая: δεῖς δεῖς ἐστὶ πάντων ὑμῶν οὐ καθ' ἡλικίαν οὐ πατὴρ εἶην. Подобное сліяніе мѣстоименій въ различныхъ надежахъ у Платона весьма нерѣдко.

(60) *Сами, καὶ αὐτοὶ τε*, (т. е. не дожидаясь слугъ). Въ такомъ случаѣ вѣсто те, умістнѣе было

бы γε; ибо послѣдняя частица усиливаетъ значеніе того слова, послѣ котораго поставляется. Напр. выше 309 С. καὶ πολὺ γε. 322 D. καὶ τόμον γε δις παρ' εἰς.

(61) *Схватили скамьи и диваны, Ἀντιλαβόμενοι τῶν βαθρῶν καὶ τῶν κλινῶν.* Шлейермахеръ переводитъ und machten Bänke und Polster. Но κλινή — не подушка, не скамья, даже не кровать (κράβατος), а родъ дивана, на которомъ Греки и Римляне обыкновенно возлежали (отъ κλίνω). Слову κλινή ближайшимъ образомъ соответствуетъ Французское couchette.

(62) Ортагоръ Фивскій, — вѣроятно тотъ савый, который училъ музыкѣ Эпанимонда. *Athen. V, 184. E.*

(63) *Мнѣ кажется, что этому учить нельзя.* Платонъ приходитъ наконецъ къ главному вопросу разговора: можно ли учить добродѣтели? Этотъ вопросъ въ его время, былъ особенно въ ходу. Люди, почитавшіеся учеными и мыслящими, толковали о немъ часто и рѣшали его различнымъ образомъ. Одни доказывали, что добродѣтель пріобрѣтается воспитаніемъ и наукою; другіе, что она зависитъ отъ способностей, и следовательно есть даръ природы. *Fischer. ad Aesch. Socr. qui feruntur dialogg. p. 21 sqq. Fülleborn. Symbol. ad histor. Phil. P. X. p. 145 sqq.* Протагоръ защищалъ первое мнѣніе и по тому выдавалъ себя за учителя добродѣтели; а Платонъ не держался исключительно ни того, ни другаго, но рассматривалъ добродѣтель въ двухъ видахъ, юридическомъ и денежномъ, первую почиталъ предметомъ

науки, а вторую даромъ боговъ. Этими только различеніемъ добродѣтели можно согласить кажущіся противурѣчія Платоновыхъ положеній въ Меконѣ, Протагорѣ, Эвтидемѣ и Лахесѣ.

(64) *Я называю Афинлянъ мудрыми*, — похвала едва ли не ироническая; потому что Платонъ въ другомъ мѣстѣ (Polit. VI, 492. B) называетъ народъ величайшимъ развратителемъ юношества (*τὸς πολλὸς νεύλοτις εἶναι σοφιστὰς*), особенно когда онъ — въ собраніи, въ судѣ, въ театрѣ.

(65) *Оглушенный крикомъ*. Впрочемъ *θορυβεῖν* значило кричать не только для выраженія неудовольствія (см. *Vesseling. ad Diod. Sicul. I. 72. T. I. p. 84*), но и въ знакъ удовольствія (см. *Jakobs. ad Anthol. gr. T. I. P. II. p. 22*).

(66) *Спартишчинами, прутанисъ*, назывались сенаторы, или председатели народныхъ собраній. *Polux. VIII, 9. 95. sq.*

(67) *Луконосцы, тофогатъ*, составляли городскую милицію, были вооружены луками и вѣроятно по этой причинѣ назывались также Скинами. *Polux. p. 408. sq.*

(68) *И нельзя сказать, что... μὴ τοῖοντι δεῖ... равно какъ δεῖ ὅτι, δεῖ ὅπως, μὴ δεῖ, и другіе подобныя аттицизмы значать одно и тоже: non dico, ne dicam.*

(69) Въ древности Атеней, а въ наши времена Шнейдеръ и другіе, обвиняютъ Платона за то, что онъ въ семъ мѣстѣ говоритъ о Периклѣ еще живущемъ, между тѣмъ, какъ онъ умеръ уже въ 487 олимп. Но изъ подлинныхъ словъ Платона почти вовсе не видно, что онъ разумѣлъ его живущимъ. Одно только

выраженіе: *ἀ δὲ αὐτὸς σοφός ἐστιν*, какъ будто указываетъ на время настоящее; но говоря о великихъ людяхъ, Греки часто употребляли настоящее вмѣсто прошедшаго.

(70) *Безпастушныя, ἀφῆτοι*, т. е., оставленные безъ стражи. Эту аналогію Платонъ, кажется, беретъ отъ священныхъ животныхъ, которыя, какъ думали Греки, пасутся только подъ покровительствомъ Бога. *Plut. Lucull. p. 507. sq. Crit. 119. D. ἀφῆτων ὄντων ταύρων ἐν τῇ τῷ Ποσειδῶνος ἱερῇ.*

(71) Клиніасъ и Алкивіадъ были дѣти Клиніаса, павшаго при Херонѣ, и находились подъ опекою Перикла и Аристарха, брата его. *Plut. Alcib. 191 F.*

(72) На Востокъ былъ, а частію и теперь есть обычай объяснять извѣстный предметъ приточно. Ученые находили много причинъ, которыми могъ поддерживаться этотъ обычай, и цѣлей, для которыхъ онъ существовалъ. Въ этомъ мѣстѣ Платонъ указываетъ на особенный и замѣчательный случай употребленія приточной рѣчи: *ὡς πρεσβύτερος νεωτέροις, μῦθον λέγων ἐπιδείξω.*

(73) *Было время* и пр. Излагаемая здѣсь притча объ Эпиметѣ и Прометѣ есть подражаніе Исіодовой о Прометѣ и Пандорѣ (*Theogon. v. 535. sqq.*). Первая мысль въ ней, что люди, какъ *αὐτόχθονες*, произошли изъ земли (*Empedocles natos homines ex terra ait, ut blutum. Varr. Fragm. T. I. p. 276. Ut merito maternum nomen adepta terra sit, e terra quoniam sunt cuncta creata. Lucr. V, 794*), или изъ земли, смѣшанной съ водою, *ἐκ πηλῆς* (*Ovid. metam. I. 80*), встрѣчается еще у самыхъ древнихъ философовъ. (*Ритт. Ист. Фил.*

др. вр. Т. I. ст. 245). Но такъ какъ софисты, пересказывая древнія притчи, большею частію измѣняли ихъ въ подробностяхъ и принаровляли къ своей цѣли; то и Платонъ изложилъ притчу объ Эпиметей и Прометей совершенно въ духѣ софистическомъ, то-есть, внесъ въ нее множество щеголеватыхъ фразъ и ненужныхъ повтореній, перепуталъ въ ней порядокъ разсказа и раскрылъ ее въ такомъ видѣ, что Протагоръ, доказывая ея изучимость добродѣтели, незаметно доказалъ и происхожденіе ея отъ боговъ, слѣдовательно поставилъ себя въ противурѣчія и подалъ Сократу поводъ къ новому изслѣдованію вопроса. (См. *Ann. Eckert. Specimen in Protagorae apud Platonem fabulam de Prom.*). Впрочемъ объ этомъ ниже.

(74) Подъ веществами, соединяемыми съ огнемъ и водою, древніе разумѣли воздухъ и землю. Огонь соединяется съ воздухомъ (*Lucr. III, 235. nec calor est quisquam, quod non sit mixtus et aër*), а вода съ землею (*Ovid. l. 1.*). Штальбомъ догадывается, что Протагоръ имѣлъ въ виду ученіе Парменида, который стихіями всѣхъ вещей почиталъ землю, огонь и нѣчто третіе, смѣшанное изъ того и другаго. *Brand. comment. eleat. l. p. 156. 165.*

(75) Прометей и Эпиметей почитались сынами Япета и Климены (*Hesiod. Theog. 513*), или Азіи, дочери Океана (*Apollod. 1. 2. 3.* Сравни. *Heune Obsegr. p. 10*).

(76) *Ἰμψισμὸς* малое тѣло, *ἃ μὲν γὰρ ἀδύναμις* — выраженіе вовсе не въ характерѣ рѣчи Платоновой, но отличается страннымъ сочетаніемъ номатій, которыхъ

въ то время щеголяли второстепенные поэты и со-
+ясты, старавшіеся самую обыкновенную мысль
выразить въ кудрявой +разѣ. Такъ всегда Платонъ
дастъ каждому лицу въ своемъ разговорѣ языкъ, ему
приличный, и въ угодность своей линіи, даже ино-
гда допускаетъ шероховатость рѣчи; напр. ниже: τῷ
δὲ αὐτῷ αὐτὰ ἰσώζε.

(77) Но такъ какъ Эпиметей былъ не очень
+удръ. Эпиметей значитъ непроницательный, не-
предусмотрительный (отъ ἐπιμηθεΐα): напротивъ
Прометей — проницательный, предусмотрительный
(отъ προμηθεΐα). Платонъ, заставивъ Протагора раз-
сказывать имъ объ Эпиметей и Прометей, поставилъ
его въ такое же отношеніе къ рассматриваемому въ
разговорѣ вопросу, въ какомъ находился Эпиметей
къ человѣческому роду. Последний, по непредусмо-
трительности, обидѣлъ человѣка; первый, также по
непредусмотрительности, обидѣлъ собственное свое
положеніе, что добродѣтели можно учить; ибо въ
самомъ имъ приписалъ ей божественное происхож-
деніе. По сему-то въ концѣ бесѣды, Сократъ, намѣкая
на Протагора, говоритъ: «пусть тотъ Эпиметей не
вводитъ насъ въ обманъ при изслѣдованіи, какъ, по
твоимъ словамъ, обошелъ насъ при раздѣлѣ.»

(78) На животныхъ безсловесныхъ, εἰς τὰ ἄλογα.
Этихъ словъ нѣтъ въ спискахъ Clark. и Vatic. Θ., и онѣ
представляются въ самомъ дѣлѣ позднѣйшимъ допол-
неніемъ; ибо безъ нихъ была бы естественнѣе связь
предыдущаго выраженія съ послѣдующимъ: ληπὸν
δὲ (вмѣсто δὴ) ἀνθρώπων ἔτι...

(79) *Мудрость искусства, τὴν ἐντεχνὸν σοφίαν*, мудрость, проливающую себя въ искусствахъ, или, по значенію слова *τέχνη*, въ искусствахъ и наукахъ. Протагоръ очевидно говоритъ здѣсь метонимически, то-есть, указываетъ на произведеніе вѣсто производителя; такъ что похищеніе мудрости въ искусствахъ есть не что иное, какъ похищеніе ума, дающаго бытіе наукамъ и искусствамъ (по изъясненію Эггера in Prot. fab. p. 57. sq., Kunstvermögen, или Kunstsinne). Слѣдовательно древніе, умъ или духъ почитали не твореніемъ, а пришельцемъ съ неба. Polit. 274. C. *ὅθεν δὴ τὰ πάσαι λεχθέντα παρὰ θεῶν ὁδῶρα ἡμῖν δεινότερα — πῦρ μὲν τὰ Προμηθεΐως, τέχνη δὲ παρ' Ἥφαιστοι καὶ τῆς συντέχνης*. Замѣчательно также, что Прометей похитилъ мудрость искусства съ огня, который, по смыслу мифа, выражаетъ пламенное стремленіе чувства, слѣдовательно не долженъ быть отдѣляемъ отъ мудрости; между тѣмъ у насъ

Какъ часто мудрость безъ огня,
Огонь безъ мудрости бываетъ!
Тутъ только чадъ и головня;
Тамъ ледъ, — и никогда не таетъ!

(80) Стражи Зевса были *Βία* и *Κράτος*, Сила и Власть, дѣти Стикса, Hesiod. Theog. 385. Callim. hupn. in Iov. 67.

(81) *Въ общую работу Аины и Пфесты,.... давъ ихъ человеку, εἰς δὲ τὸ τῆς Ἀθῆνας καὶ Ἥφαιστοι οἰκῆμα... διδῶσιν ἀνθρώπῳ*, — повтореніе прежняго, обличающее болтливость софиста, который при недостаткѣ мыслей, говорить объ одномъ и томъ же много разъ и всегда различными образомъ.

(82) *Ибо люди еще не имели искусства политическаго*. Доселѣ Протагоръ рассказывалъ свой мифъ

вѣрно, такъ какъ и всѣ въ древности рассказывали его; а теперь начинаетъ наклонять его къ своей цѣли и для того вноситъ къ рассказу иную причину, по которой люди не могли защищаться отъ зверей: они не имѣли искусства политическаго (которое преподають софисты), и потому начали строить города. Но и въ городахъ не могли ужиться другъ съ другомъ, — опять по недостатку искусства политическаго. После сего надлежало бы сказать: «тогда-то софисты рѣшились помочь бѣдному человечеству и преподавать ему добродѣтель.» Но Протагоръ говорить не такъ, а слѣдующимъ образомъ: «тогда-то Зевсъ приказалъ Эрмію низвести на землю Стыдъ и Правду и раздѣлить ихъ всѣмъ людямъ.» Что же отсюда слѣдуетъ? Во-первыхъ то, что политическое искусство есть стыдъ и правда; во-вторыхъ то, что оно есть даръ Зевса, а потому не можетъ быть предметомъ науки, и Протагоръ самъ себя противурѣчить. Такъ шутитъ Платонъ надъ безсвязностію, безцѣльностію и слабостію софистическихъ умствованій!

(85) *Низвести къ людямъ стыдъ и правду.* Древніе поэты говорили, что когда люди до крайности развратились, Стыдъ и Правда оставили землю, — и этотъ мифъ лучше, потому что бытіе добродѣтели въ человѣкѣ въ самомъ дѣлѣ несовмѣстно съ порчею политическаго сердца. Возвращеніе же Стыда и Правды на землю, что предполагаетъ Протагоръ, должно было бы означать обновленіе нашей природы силою божественною, а не софистическимъ ученіемъ. Впрочемъ см. *Ekker. in Protag. fab. p. 31 sq.*

(84) *И насчетъ прописи искуствъ, καὶ οἱ ἄλλοι θημιγυοί.* Если бы Платонъ говорилъ не латинскѣмъ соизвѣстѣ, а снѣмъ отъ себя; то вѣроятно сказанъ бы: καὶ οἱ ἄλλοι θημιγυοί ὁσαύτως.

(85) *Во справедливости и разсудительности.* Выше, политическою добродѣтелію названы справедливость и отды, теперь — справедливость и разсудительность, а дѣлье говорится: причастны разсудительности и прочимъ политическимъ добродѣтелямъ. Такимъ образомъ соизвѣстѣ водъ понятіе стыда и правды легкомысленно подводитъ всѣ нравственные добродѣтели и называетъ ихъ политическими; такъ что, не смотря на сродство человека съ богами, на божественное происхожденіе стыда и правды и на участіе всѣхъ людей въ нихъ, въ человеческой природѣ, по его мнѣнію, нѣтъ основанія нравственности, а есть только добродѣтели политическія. Явное противорѣчіе! При томъ должно замѣтить, что *разсудительность*, σωφροσύνη, на Латинскій языкъ всегда переводилось словомъ temperantia. Но temperantia имѣетъ значеніе чисто практическое и при томъ отрицательное; по крайней мѣрѣ соотвѣтствующее ему у насъ слово *воздержаніе* употребляется только въ сѣмъ смыслѣ. Напротивъ Греческое σωφροσύνη, по смыслу Сократа и Платона, не есть просто воздержаніе, напимѣръ отъ гнѣва, отъ плоти, вообще отъ страстей, и заключаетъ въ себѣ значеніе вовсе не отрицательное, но выражаетъ положительное состояніе души или гармонію всѣхъ силъ ея, то, что у насъ называется разсудительностію, а у Германцевъ Besonnenheit. Этимъ словомъ переводитъ σωφροσύνη и Шлейерхахеръ. См. Харм. введ.

(86) *А иначе не было бы и общества, ή μη είναι πόλις.* "И, когда зависить отъ предыдущей мысли, значить: иначе, aliter, alioquin. Напр. Phædr. 245. D. *τὸτο δὲ οὐτ' ἀπολλυσθαι ἔτε γίγνεσθαι, δυνατόν, ή πάντα τε θρανὸν παῖσιν τε γένεσιν συμπεσσοαν στήναι.* Parm. 164. C. *Ἀλλήλων ἄρα ἐστὶ τὸτο γὰρ αὐτοῖς ἐντε λείπεται, ή μηθενὸς εἶναι ἄλλοις.*

(87) *Вотъ причина, αὕτη τῶτε αἰτία.* Надлежамо бы, по видному, сказать: *αὕτη ή τῶτε αἰτία*; но *αἰτία* здѣсь сказуемое, а *αὕτη* — подлежащее; какъ бы такъ поруски: это-то причина, Сократъ.

(88) *Вотъ съ другихъ добродѣтелей, ἐν γὰρ ταῖς ἄλλαις ἀρεταῖς, вмѣсто τέχναις.* Соинствъ называется въ искусства добродѣтелями, и, какъ ниже увидимъ, почитаетъ ихъ врожденными; потому что онѣ были похищены Прометеемъ. Это—*ή σοφία ἐντεχνος*. По этому и слово *ἀγαθός*, на языкѣ Протагора значить вообще: искусный, прославившійся своимъ искусствомъ.

(89) *Которое съ первымъ слушалъ, ὃ ἐκεῖ, т. е. ἐν ταῖς ἄλλαις ἀρεταῖς, а теперь, ἐνταῦτα т. е. ἐν δικαιοσύνῃ καὶ τῇ ἄλλῃ πολιτικῇ ἀρετῇ.*

(90) *Извѣстно, что люди не сердятся другъ на друга за то зло, которое почитаютъ... ὅσα γὰρ ήγῶνται ἄλλήλους κακὰ ἔχον ἄνθρωποι, παν quaecunque mala homines inter se habere arbitrantur.* По этому напрасно пишутъ нѣкоторые, вмѣсто *ἄλλήλους*, *ἄλλους*.

(91) *Красота и противоположное сѣ, τὰ καλὰ καὶ τὰναντία τῶτοις* Мѣстоим. *τῶτοις* относятся къ *τὰ καλὰ*, а *τὰναντία τῶτοις*—къ *ταῦτα*, т. е. къ *τὸ τὸς αἰσχροῦς ή σμικροῦς ή ἀσθενεῖς εἶναι*.

(92) Но если ради *свои* добродетели (т. е. политической) люди досаждаютъ другъ на друга и другъ друга услащиваютъ. Выше (323. В) было сказано напротивъ, что какъ скоро кто-нибудь вздумалъ бы обвинять себя въ нарушении политической добродетели, то его признаніе сочли бы сумасшествіемъ; потому что она, хоть отчасти, есть въ каждомъ. Такъ сомнѣніе противурѣчить самому себѣ и не замѣчаетъ своихъ противорѣчій!

(93) Что за ними есть грѣхъ, *ὅτι ἡδίκησαν*. Такъ какъ этотъ глаголъ относится къ *τὸς ἀδικήσας*; то надлежало бы сказать, *ὅτι ἡδίκησαν*: но такой переходъ отъ множественнаго къ единственному числу въ Греческомъ языкѣ весьма не рѣдокъ. См. Gorg. p. 525. В. *Mathiae* Gram. gr. p. 587. Въ подобныхъ случаяхъ глаголъ, поставленный въ единственномъ числѣ, лучше переводить безлично.

(94) Наказываетъ, *τιμωρεῖται*. Съ этимъ глаголомъ въ настоящей рѣчи постоянно соединяется *κολάζειν*. Аристотель (*Rhet. I. 10*) и Виттембахъ (*ad Eclog. hist. p. 452*) различаютъ ихъ слѣдующимъ образомъ: *Τιμωρεῖσθαι* значитъ наказывать за сдѣланную кому-нибудь обиду, а *κολάζειν* — наказывать за преступленіе или грѣхъ, — поруски: взыскивать и наказывать. Впрочемъ эти глаголы въ сочиненіяхъ Платона такимъ образомъ не различаются.

(95) Остается еще разрѣшить твое сомнѣніе, *ἔτι δὴ λοιπὴ ἀπορία ἐστίν, ἥν ἀπορεῖς*. Кажется предъ словомъ *ἀπορία* нуженъ бы членъ; потому что даже слѣдуетъ: *ἥν ἀπορεῖς*.

(96) То смотри, какъ страннымъ бываютъ эти добряки, *σκεψαι ὡς θαυμασίως γίνονται οἱ ἀγαθοί*. Стефанъ in marg: considera, quam mirabiliter viri boni tales evadant. Гейндорфъ: quam miris modis boni in civitate existant. Шейермахеръ: so sieh doch zu, wie wunderbar diese trefflichen Männer seyn müssen. Но *θαυμασίως* здѣсь имѣетъ значеніе въ соединеніи съ *μαροῦς* *γίνονται*, какъ *εὖ πράττει*, или *κακῶς πράττει*, а не отрицательно; по сему *θαυμασίως γίνονται* значить: бывать страннымъ, и словами, *ὡς θαυμασίως γίνονται οἱ ἀγαθοί*, указывается не на дѣтей, а на родителей.

(97) Напротивъ, что угрожаетъ ихъ дѣтямъ смертною казнью, *ἐφ' ᾧ δὲ ἡ τε ζημία θάνατος*. Эпиклитическую частицу *τε* надобно относить не къ *ζημία*, а къ *θάνατος* См. 314. А. 336. С.; хотя въ Греческомъ текстѣ она должна стоять именно предъ *ζημία*, потому что здѣсь оборотъ поэтический и къ одному подлежащему относится два сказуемыхъ, которые *per attractionem*, какъ говорятъ грамматики, соединяются съ подлежащимъ частицею *τε*.

(98) Известно, *οἰεσθαι γε* *χρη*, формула, принадлежащая исключительно Платону. Она обыкновенно поставляется послѣ вопроса, и когда вопросъ положительный, — подтверждаетъ, а отрицательный — отрицаетъ. Что бы удержать собственное значеніе словъ *οἰεσθαι γε*, надлежало бы перевести ихъ нашимъ простонароднымъ: *и въдоло*. Употребленіе см. *Gorg.* 522. А. *Phaedon.* 68. В. *Crit.* 53, С. 54. В. *al.*

(99) Если дитя повинустся, — хорошо, *καὶ εὖ μὲν ἐκείν πεῖσθαι*. Послѣ этого протазиса иногда слѣдуетъ

апотазисъ: εὖ ἔχῃ, какъ у Теофраста (charact. 9): καὶ εἰς μὲν λάβῃ, εὖ ἔχῃ; но болѣею частію апотазисъ только подразумѣвается. *Eustath.* ad *Iliad.* I. p. 50. *Casaub.* ad *Athen.* V, 2. p. 43. *Matthiae* gramm. gr. p. 1248. not. V.

(100) *Отсылать дѣтей въ школу, εἰς διδασκαλῶν πέμποντες*, т. е., *εἰς δόμον или δόματα τῶν διδασκαλῶν*, какъ и ниже p. 326. В. *εἰς παιδοτρέβη.* *Matth.* gramm. gr. p. 701. 1147.

(101) О чтеніи и изученіи поѣтовъ у Грековъ см. *Cicer.* *Orat.* 1. 42. *Quint.* *Instit. Orat.* I, 4. 1; также *Legg.* VII. 810. sqq.

(102) *Между прочимъ, ἕτερα τοιαῦτα*, тоже что *τᾶλλα*.

(103) *Ибо и вся жизнь человѣческая имѣетъ нѣжду въ руолѣ и гармоніи, πᾶς γὰρ ὁ βίος—εὐαρμοστίας δεῖται.* Подобнымъ образомъ Цицеронъ (*de Offic.* I, 40): *sicut in fidibus aut in tibiis,—sic videndum est in vita, ne forte quid discrepet, vel multo etiam magis, quo major et melior actionum quam sonorum concentus est.* Но не должно думать, что Платонъ серьезно вылагаетъ эти слова въ уста Протагора. Протагоръ былъ весьма далекъ отъ истинной мусикии (см. *Davis.* ad *Max.* *Tyr.* XII, 7. p. 543. *Wernsdorf.* ad *Himer.* p. 285. *Wittenb.* ad *Phaed.* p. 127) и говорить это только сообразуясь со всеобщимъ мнѣніемъ. По сему-то ниже p. 333. А. Сократъ шутитъ на его счетъ, говоря: οὗτοι γὰρ οἱ λόγοι ἀμφοτέροι οὐ πάνυ μυσικῶς λέγονται.

(104) *Какъ грамматисты, ὅπερ οἱ γραμματισταί.* Учители *τῆς γραμματικῆς*, учившіе дѣтей читать

и писать и преподававшие ихъ начала языка (*Horat. ep. I, 20. 17*). Римляне называли ихъ *litteratores*. *Fischer. ad Weller. I, p. 2*. Поруски почти тоже, что грамотеи.

(105) *Начертываютъ буквы карандашомъ, ὑπογράφαντες γραμμαῖς*. Грамматъ, въ настоящемъ случаѣ, вѣроятно, фигуры буквъ, на которыя указываетъ Квинтилианъ (*Instit. Orat. I. l. 27*): *Quum vero jam ductus sequi coeperit, non inutile erit eos tabellæ quam optime insculpi, ut per illos velut sulcos ducatur stylus, nam neque errabit—neque extra præscriptum poterit egredi, et celerius ac sæpius sequendo certa vestigia formabit articulos, neque egebit adjutorio manum suam manu superimposita regentis. Карандашомъ, γραφίδι, по Стефану, penicillo, по Катуллу (XXII, 7), plumbo.*

(106) *Такъ и юношамъ, общество, ὅς δὲ καὶ ἡ πόλις*. ὅς часто употребляется вхѣсто οὗτως. *Eurip. Нес. v. 882. Troad. v. 147. v. 721. Electr. v. 151 etc.* и ниже 328. А.

(107) *Законы — изображение добродѣтельныхъ законодателей древности*. Такъ учили софисты; тоже и еще хуже утверждали нѣкоторые Англійскіе и Французскіе моралисты двухъ предшествующихъ столѣтій: — мысль, порожденная духомъ политическаго и нравственнаго разврата. Напротивъ, какъ хорошо говорить Демосѳенъ: (*adv. Aristog. p. 774*): *ὅτι πᾶς ἐστὶ νόμος εὐρημα μὲν καὶ δῶρον θεῶν, δόγμα δὲ ἀνθρώπων φρονίμων, ἐπανόρθωμα δὲ τῶν ἐκβείων καὶ ἀκείων ἀμαρτημάτων, πόλεως δὲ συνθήκη κοινῇ, καθ' ἣν πᾶσι προσηκὺν ἔσιν τοῖς ἐν τῇ πόλει; и Цицеронъ (de leg. I. 324): *lex est ratio summa, iusita in natura, quæ jubet ea, quæ facienda sunt, prohibetque contraria* (II. 323), *quæ non tum denique incipit lex esse, cum**

scripta est, sed tum, cum orta est; orta autem simul est cum mente divina. Cp. Minos. 513. sq. Legg. I. 644. D. Definit. 415. B.

(108) *Не должно быть частными лицъ, ἑδὲνα δὲ ἰδιωτέων.* Указывается на высшее: одному ли чему-нибудь, или не одному должны быть причастны всѣ граждане?—Если одному, то и пр. ἰδιωτέων съ родительными, значить: alicujus rei imperitum esse; но у Платона ἰδιώτης противопоставляется слову δημογρός, qui publice rem aliquam proficitur. Слѣдовательно смыслъ рѣчи такой: въ прочихъ искусствахъ, или ремеслахъ δυνατόν μὲν ἐστὶ δημογρόν εἶναι καὶ ἰδιωτέων, а въ добродѣтели политической ἑδὲνα δὲ ἰδιωτέων, ἀλλὰ πάντας δημογρὸς ἀναγκαῖον εἶναι, т. е., въ добродѣтели политической должны быть всѣ публично искусны.

(109) *Того, кто не хорошо играетъ, τὸν μὴ καλῶς αὐλῶντα,* зависить не отъ ἐπιπλήττει, а отъ ἐδίδασκε; потому что ἐπιπλήττειν требуетъ дательнаго лица, какъ выше 319 D. καὶ τέτοις ἑδεῖς τέτο ἐπιπλήττει.

(110) *Въ сравненіи съ людьми, которые не знаютъ этого дела, ὡς πρὸς τὰς ἰδιώτας.* Ὡς πρὸς выражаютъ отношеніе или сравненіе одной вещи съ другою, напр. Polit. 503. A. ὡς πρὸς τὰς ἄλλας. Parmen. 146. B. ἢ ὡς πρὸς μέρος ὅλον ἂν εἴη. Alcib. I. 123. B. καὶ τὰ μὲν Λακεδαιμονίων ὡς πρὸς Ἑλληνικὸς μὲν πλῆτες μεγάλα, ὡς δὲ πρὸς τὰς Περσικὸς καὶ τῷ ἐκείρων βασιλείῳς ἑδέν.

(111) *Представленные съ праздника Базуса поетомъ Ферекратомъ. Этотъ праздникъ у Грековъ.*

назывался *Ἀγυαῖον*, по имени площади, окруженной оградой, въ которой находилась храмъ Бакуса и давались зрѣлища въ честь его, *Runk. in auct. emendat. ad Hesych. T. I. p. 999. Boeck. Abhandl. d. Acad. d. Wissensch. in Berl. a. 1817. p. 81.* О Ферекратѣ, комическомъ писателѣ, *ἄττιμωτάτῳ*, см. *Heinrich. in libr. Epimen. p. 182. sq. 191. sq.* Упоминаемое здѣсь сочиненіе его, по свидѣтельству Атеней (V, 59), издано при Архонтѣ Аристіонѣ (49,4 ол.). Глаголь *ἐδίδαξεν*, кажется, указываетъ на мимическое искусство Ферекрата представлять предметъ на сценѣ живо и естественно. Подобными мизантропамъ въ хорѣ Ферекратовомъ, *ὡπερ οἱ ἐν ἐμείνῳ τῷ χόρῳ μισάνθρωποι.* Нѣкоторые толкователи думаютъ, что словами, *μισάνθρωποι ἐν τῷ χόρῳ*, указывается на другое сочиненіе, а не на дикарей (*ἄγριοις*) Ферекратовыхъ. Напротивъ *Groen. v. Prinster. (Prosopogr. Plat. p. 182)* полагаетъ, что сочиненіе одно и тоже, только *ἄγριοι* были Кентавры, а хоръ составляли Мизантропы. Но Гейнрихъ I. I. p. 8. sq. опровергаетъ оба эти мнѣнія на основаніи изслѣдованій о Ферекратовой баснѣ (*in appendice Epimenidis p. 188*), и говоритъ, что хоръ составляли дѣйствительно *οἱ ἄγριοι* — Кентавры, только къ нимъ нейдетъ *μισάνθρωπία*, и потому онъ советуетъ писать *ἡμισάνθρωποι* — получеловѣки, или какъ *Jacobsius (Anthol. Palat. T. III, P. II. p. 800)* *μιξάνθρωποι*. Однакожъ выше же сказано, что *ἄγριοι* похожи на людей, не знающихъ ни воспитанія, ни суда, ни законовъ и пр.: почему же они не могли быть названы мизантропами?

(112) *ἄγρια* и *Φρίνονες*, говорятъ, были такъ развратны, что вошли въ пословицу. *Aeschin.*

in Cicirrh. p. 527. ἀλλ', αἶμαι, ὅτε Φρινόνδας ὅτε Εὐρύβατος ἐκ' ἄλλος ἰδεῖς πόποτε τῶν πάλαι πονη-
φῶν τοῦτο μαῖος καὶ γόης ἰγνέτο.

(113) Протагоръ, по свидѣтельству Діогена Лаерція, πρῶτος μισθὸν οἰσεπραξάτο μνᾶς ἑκατόν, что составляетъ почти 2275 р. серебр. Замѣчательно, что по Казавбону (in Diog. L. IX), Демокритъ у Абдеритянъ назывался φιλοσοφία, а Протагоръ — λόγος ἐμμοθος, продажный умъ.

(114) Пока кто-нибудь не прерветъ его, εἰάν μὴ ἐπιλάβηται τις. Это выраженіе весьма хорошо соотвѣтствуетъ предъидущимъ глаголамъ ἤχει καὶ ἀποτείνει: послѣдніе означаютъ звучаніе мѣди, или струны, а ἐπιλαμβάνεσθαι — прикосновеніе пальца къ струнѣ или прерваніе звука.

(115) Они растянутъ рѣчь стадіѣ на двѣнадцать, δολιχὸν κατετείνουσιν τὸν λόγον. По замѣчанію Стефана, едва ли не лучше читать δολιχόν — τὴν λόγῳ, т. е., растягиваютъ рѣчь на двѣнадцать стадіѣ.

(116) Μὴν' ἔγωγε οὐκ ἔστιν οὐδὲν, ὅπως εὐδαιμονίᾳ εἴμι πάντ' ἔχων, разум. πρὸς τὸ πάντ' ἔχων. Подобнымъ образомъ Phædr. 229. В. πᾶσα καθίξεσθαι, herba ad sedendum.

(117) И потому восполни этому недостатку въ души моеи, т. е., удовлетвори моему желанію, чтобы я не замѣчалъ никакой странности въ словахъ твоихъ. Впрочемъ въ нѣкоторыхъ спискахъ нѣтъ слова ἐν τῇ ψυχῇ.

(118) Или первая несправедна, а послѣдняя несправедлива, ἀλλ' ἀδικον ἀρα, τὸ δὲ ἀνέσιον. Текстъ по видимому поврежденъ. По мнѣнію Гейндорфа и

Шлегелиахера надобно читать: *ἄδινον ἀρα τὸ δι, τὸ δὲ ἀνόσιον*.

(119) Хотя это подобіе и не подобіе и слича не слично. Въ подлинникѣ: *καὶ πάνυ σμικρὸν ἔχει τὸ ὁμοιον*, а по связи рѣчи нужно бы еще: *καὶ τὸ ἀνόμοιον*. По сему Гейндорфъ вноситъ въ текстъ *ἀνόμοιον* и читаетъ: *καὶ πάνυ σμικρὸν ἔχει τὸ ἀνόμοιον ἢ τὸ ὁμοιον*. Но *ὁμοιότης* здѣсь заключаетъ въ себя то и другое понятіе, т. е., подобіе и неподобіе, и означаетъ, какъ бы вообще, отношеніе подобныхъ и неподобныхъ предметовъ. Такъ р. 356. А. *τὸ ἡδὺ* стоитъ вмѣсто *τὸ ἡδὺ καὶ τὸ λυπηρόν*.

(120) Или неразумительны, *εἰ τὲναντίον ἐπράττον*. Какъ частица *εἰ*, такъ и прощ. несов. *ἐπράττον* здѣсь, кажется, неумѣстны. По видимому надлежало бы читать: *ἢ τὲναντίον πράττειν*, т. е., соὶ δοκῶσιν, — тѣмъ болѣе, что далѣе слѣдуетъ отвѣтъ: *σφροονεῖν*.

(121) Одному противуположно только одно, *τὸ ἐν ἐνὶ μόνον ἐναντίον εἶναι*. Частица *τὸ* относится не къ *ἐν*, а къ цѣлой фразѣ; иначе вышелъ бы другой смыслъ.

(122) Если одному по необходимости противуположно только одно, *ἐνὶ μὲν ἐν μόνον ἐναντίον εἶναι, πλείοσι δὲ μή*. Лучше бы читать съ Гейндорфомъ: *ἐν ἐνὶ μόνον ἐναντίον εἶναι, πλείω δὲ μή*; потому что далѣе *τῇ δὲ ἀφροσύνῃ* противупологается многое: *σοφία καὶ σφροσύνη* (над. имен.).

(123) Что людямъ не полезно, *ἃ ἀνθρώποις μὲν ἀνωφελὴ ἐστί*, и проч. Такъ какъ Протагоръ представляется здѣсь въ состояніи возмущенномъ, то

Платонъ, всегда удивительный линикъ, влагасть въ уста его и перепутанныя, сбитыя выраженія. Надлежало бы сказать такъ: *ἃ μὲν ἀνθρώποις ἀνωφελέα ἐστί, τὰ δὲ φέλημα, ὥς καὶ σκία καὶ ποταὶ* и пр. *καὶ ἄλλα ἀνθρώποις μὲν ἄδύτατα, ἵπποις δὲ μή.*

(124) Краткословіе и длиннословіе *μακρολογία* и *βραχυλογία*, было искусство говорить объ одномъ и томъ же предметѣ по произволу, какъ можно обширнѣе, или какъ можно короче, и почиталось изобрѣтеніемъ софистовъ. Phædr. 267. B. *Τίσιαν δὲ Γοργίαν τε ἴδσομεν εὖδην, οἱ — συντομίαν λόγων καὶ ἄπειρα μῆνη περὶ πάντων ἀνευρών.*

(125) Которые могутъ пробѣгать двойное, либо цѣлосное поприще, *δολιχοδρομοί*. Schol. *δολιχοδρομοὶ εἶσιν οἱ τὸν δόλιχον τρέχοντες.* Такъ назывались скороходы, которые могли пробѣгать отъ семи до двадцати четырехъ стадій, или на Русскую мѣру, отъ 483 до 1656 саженьей. Schol. Aristoph. ad *Aves* v. 292. *Ἡμεροδρομοί*, по Схолиасту, *οἱ ταῖς βασιλικαῖς διατάξεσι ταχύτατα διακινούμενοι*, а по Ливію (XXXI, 24), *hemerodromos vocant Græci ingens die uno cursu emetientes spatium.*

(126) Платонъ въ этомъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ своихъ сочиненій, шутитъ надъ тщеславіемъ Продика, хваставшагося особеннымъ искусствомъ различать значенія синонимистическихъ словъ. Charm. 163. D. Crat. I. 384. B. Euthyd. 277. E. и проч.

(127) Не по закону, а по природѣ, φύσιν, οὐ νόμῳ. Софисты не только отличали законъ отъ природы, но даже противопоставляли первый послѣдней;

между тѣмъ, какъ на самомъ дѣлѣ, онѣ и не противоположны, и взаимно не отдалены. Что такое природа безъ закона?—Хаосъ, въ которомъ нельзя представить ни движенія ни покоя, ни постоянства ни переменчивости, ни бытія ни небытія. Что такое законъ безъ природы? — Логическое понятіе, форма безъ содержанія, чистый абстрактъ. Соинистъ соглашается, что всѣ мы, какъ люди, не чужды другъ другу, всѣ мы родственники, ближніе и граждане міра: но то самое, что сродняетъ всѣхъ людей, и есть законъ, коего частнымъ выраженіемъ суть законы положительные, разнообразныя по мѣрѣ необходимаго оразноображиванія закона природы въ народныхъ субъектахъ, подъ вліяніемъ вѣка и мѣстныхъ условій.

(128) *Законъ тираннъ челоѣковъ.* Понимая законъ, какъ изобрѣтеніе и внѣшніе узы, соинисты натурально должны были прійти къ мысли, что онъ — тиранъ челоѣковъ. Но какъ легко было, по видимому, отъ сего заключенія перейти къ слѣдующему: если законъ есть тиранъ, то онъ тиранствуетъ надъ тѣмъ, что ему противоположно; а закону противоположно беззаконіе; слѣдовательно, если законъ есть тиранъ, то онъ тиранствуетъ надъ беззаконіемъ. Потому: законъ тиранствуетъ надъ беззаконіемъ, и тотъ же законъ, по мнѣнію соинистовъ, есть тиранъ челоѣковъ; слѣдовательно, тѣ люди, надъ которыми онъ тиранствуетъ, беззаконны. А отсюда само собою слѣдовало бы, что истинный тиранъ челоѣковъ есть не законъ, а беззаконіе.

(129) *Онъ часто насилуетъ природу, то-есть, когда слѣпой природѣ хотѣлось бы действовать*

несообразно съ закономъ, незаконно. Слѣза Богу, что законъ еще насильствуетъ!

(130) *Въ сей Пританіѹли мудрости*, т. е., въ Аѳинахъ, въ городѣ Минервы, въ средоточіе Греческаго просвѣщенія. *Πρυτάνιον* было священное мѣсто въ храмѣ Весты, гдѣ хранились законы Солона и гдѣ ежедневно предлагаемы были почетный столъ всѣмъ, оказавшимъ важныя заслуги отечеству. *Cicero deorat. I. 54. Liv. XLI. 40.*

(131) *Поднимать все паруса*, въ подлинникѣ *πάντα κἄλλον ἐκτείναντα*, натягивать все канаты, выраженіе метонимическое, и кажется было пословицею, какъ и однозначущее съ нимъ: *πάντα λίθον κινῆν*.

(132) *Судію, φανδύχον. Φανδύχοι* были въ Аѳинахъ *οἱ κριταὶ τῷ αὐθιῶνος*, вѣ ο ποιητῆς αἰσουμνήτας εἶλε. *Schol. ad Aristoph. Pac. 755.*

(133) *Добродѣтель перенесемъ съ поэмѹ, μετανηγευμένον δὲ εἰς ποίησιν*. Таково обыкновенное чтеніе; въ немъ *μετενηγευμένον* относится къ *ἐρῶτημα*; но Астъ принимаетъ *μετενηγευμένον* и относитъ его къ род. τῷ αὐτῷ,—это кажется вѣрнѣе.

(134) Такъ какъ избираемая теперь для объясненія пѣснь Симонида нигдѣ отдѣльно и въ связи не изложена, а сохранилась только въ Платоновомъ Протагорѣ, въ которомъ однакожъ стихи Симонида разсматриваются отрывочно; то Гейне (*Opusc. I. 160. sq.*) вознамѣрился привести ихъ въ логическую и даже буквальную связь. Но Шлейермахеръ во

многого не соединяется съ нимъ и имѣются нѣсны
 Симокида слѣдующіе образы: "Ἀνδρα ἀγαθὸν
 μὲν ἀλαθείᾳ γενέσθαι χαλεπὸν, χερσὶ τε καὶ ποσὶ
 καὶ νόφ. τετραγώνον ἀνευ φόβου τετυγμένον οὐδέ
 μοι ἐμμελέως τὸ Πιπτάκιον νέμεται, καίτοι σοφῶς
 παρὰ φόβου εἰρημένον χαλεπὸν φόβου ἐσθλὸν ἔμμεναι...
 (ἀλλὰ) θεὸς ἂν μόνος τέτο' ἔχοι (τὸ) γέρας. "Ἀνδρα δὲ
 οὐκ ἔστι μὴ οὐ κακὸν ἔμμεναι, ὃν ἂν ἀμήχανος συμ-
 φορὰ κατέλῃ πράξας μὲν γὰρ εὖ πᾶς ἀνὴρ ἀγα-
 θός· κακὸς δὲ κακῶς (— — ?) ἐπιπλείεον. (δὲ) καὶ
 ἀριστοὶ (εἰσιν) ὅς ἂν οἱ θεοὶ φιλόσιν... "Ἐμοὶ γ' ἔφαρ-
 κει ὅς ἂν μὴ κακὸς ἢ μηδ' ἀγαν ἀπάλαμνος, εἰδὼς
 γε δνῆσαι πόλιν δίκαν ὕγιης ἀνῆρ. Οὐ μὴν (μιν;) ἐγὼ
 μωμήσομαι, οὐ γὰρ εἰμι φιλόμωμος· τῶν γὰρ ἡλιθίων
 ἄπικρα γενέθλα πάντα τοι καλὰ τοιοῖ τ' αἰσχρὰ
 μὴ μέμικται... Τοῦνεκεν οὐ ποτ' ἐγὼ τὸ μὴ γενέσθαι
 δυνατόν διζήμενος κενεῖαν εἰς ἀπρακτὸν ἐλπίδα μοῖραν
 αἰῶνος βαλέω, πανάμωμον ἀνθρώπον εὐρεδῆς ὅσοι
 καρπὸν αἰνύμεθα χθόνος· ἐπεὶ ὑμῖν εὐρὼν ἀπαγγε-
 λέω. Πάντας δὲ ἐπαίνημι καὶ φιλέω ἐκὼν ὅσις ἐρῶν
 μηδὲν αἰσχρὸν ἀνάγκη δὲ οὐδὲ θεοὶ μάχονται.
 „Трудно даже сдѣлаться человѣкомъ, истинно до-
 „брымъ, совершеннымъ во всѣхъ отношеніяхъ, чело-
 „вѣкомъ безъ недостатка.... И я не имѣю выгоднаго
 „мнѣнія о Питтаковомъ изрѣченіи, хотя оно произ-
 „несено и мудрымъ мужемъ, что трудно быть до-
 „брымъ.... Это преимущество принадлежитъ одному
 „Богу; а человѣку нельзя не быть злымъ, когда его
 „увлекаетъ слѣпая судьба.... Всякій человѣкъ, посту-
 „пающій хорошо, добръ, а худо—злой—. Болѣе же
 „всѣхъ бываютъ добрыми тѣ, которыхъ любятъ боги...

„Меня удовлетворилъ бы человекъ, только что не „худой, но и не совершенно бессмысленный, а здраво- „мыслящій, знающій законную пользу общества. Я „не сталъ бы порицать его, потому что не располо- „женъ къ порицанію. При томъ роды глупыхъ без- „численны..... все прекрасно, къ чему не примѣша- „лось постыдное.... По сему я не предаю своей жиз- „ни суетной и несбыточной надеждѣ, нища того, что „невозможно, — совершенно непорочнаго человека „между людьми, питающимися отъ плодовъ далеко „населенной земли. Если же найду его, то возвищу „ванъ. И такъ я хвалилъ бы и любилъ всякаго „охотно, кто не дѣлалъ бы ничего постыднаго. А съ „необходимостію и боги не воюютъ.“

(154) *Совершеннымъ во естѣхъ отношеніяхъ, въ подлинн. $\chi\epsilon\rho\alpha\iota\ \tau\epsilon\ \kappa\alpha\iota\ \pi\omicron\omicron\iota\ \kappa\alpha\iota\ \nu\omicron\phi\ \tau\epsilon\tau\rho\alpha\gamma\omega\omicron\nu\omicron\nu$, четвероугольнымъ по рукамъ, ногамъ и уну. Кто не видитъ здѣсь типа латинской поговорки: *omnibus numeris*, или, *omnibus partibus absolutum esse?* $\tau\epsilon\tau\rho\alpha\gamma\omega\omicron\nu\omicron\varsigma$, въ переносномъ смыслѣ, значило у Грековъ: совершенный, полный; *Arist. Rhet. III. 11. τὸν ἀγαθὸν ἄνδρα πάντα εἶναι τετράγωνον μεταφορὰ ἀμφοῦ γὰρ τέλεια.**

(155) Известенъ случай, по которому Пяттакъ сказалъ это. См. *Eraim. Adag. Chil. II. Cent. I. 12.* „Periander Corinthius initio populariter ac moderate gerebat imperium; postea versis moribus tyrannice agere cœpit. Id simul atque cognitum esset Pittaco Mitylenaeo, diffisum de sui ipsius animi constantia, magistratum deposuisse relictoque imperio in exilium abiisse. Percontantibus deinde quibusdam, qua gratia fugisset imperium, respondisse quod

admodum esset arduum probum esse propter mutatum Periandrum. Quibus auditis Solonem addidisse suum apophthegma: χαλεπὰ τὰ καλὰ.

(137) *Iliad. XXI. 308.*

(138) *Тѳол мусикiа, τῆς οἷς μουσικῆς.* Подъ словомъ *музика* разумѣлась вообще наука, или искусство въ высшемъ значенiи. Phædr. 259. D. Phædon. 60. E. 61. A. Polit. 288. C. Cratyl. 406. A. al. Впрочемъ это слово могло быть здѣсь употреблено и въ собственномъ значенiи; потому что искусство Продика, какъ извѣстно, состояло въ сличенiи названiй; а такiе опыты сличенiя и доселѣ сохранили имя симионiй.

(139) *Дѣлаться и быть, τὸ γενέσθαι καὶ τὸ εἶναι,* — извѣстное различенiе бытiя условнаго и безусловнаго, которое, со временъ Платона, такъ часто и заботливо было раскрываемо философами, особенно въ Германiи. Бытiе безусловное (*esse, das Seyn*) всегда одно и тоже, вѣчно, неизмѣнно и прилично одному Богу: бытiе условное, или бываше (fieri, das Werden) имѣетъ начало и конецъ, рождается и исчезаетъ, восходитъ и низходитъ по степенямъ и свойственно существамъ сотвореннымъ, или ихъ дѣйствицѣ. Такъ различаетъ Платонъ и разсматриваемыя здѣсь выраженiя: дѣлаться добрымъ, быть добрымъ; равнымъ образомъ: дѣлаться добрымъ чело-вѣку по истинѣ трудно, а быть добрымъ вовсе невозможно. Ниже Сократъ, ссылаясь на Псiода, разумѣетъ 284 стихъ его *opp. et. dd.*

(140) *Столь маловажныиъ, οὕτω φαύλόν τι.* Указывается на преждеупомянутую мысль Псiода,

что когда кто достигъ высоты добродѣтели, то она, бывъ трудною, становится легка. Но Платонъ, вѣсть съ Исіодомъ, почиталъ добродѣтель легкою въ безусловномъ ея значеніи, поелику она выше всѣхъ человѣческихъ усилій и бываетъ сама себѣ закономъ. Такая добродѣтель принадлежитъ конечно не человеку, а Богу.

(141) *Получила начало отъ Симионида², а можетъ быть—и того древнѣе.* Платонъ здѣсь шутитъ надъ Протагоромъ, пародируя собственные слова его (см. выше 316. В), что софистическое искусство весьма древне и происходитъ отъ Омира, Исіода и Симионида.

(142) *Ученикъ Продика.* См. Cratyl. 384. В. Менон. 96. D. Charm. 163. D. Сократъ во многихъ мѣстахъ, шутя, называетъ себя ученикомъ Продика въ искусствѣ различать значенія словъ.

(143) *И слово трудно Симионидъ, должно быть, писалъ не съ тѣхъ значеній.* *Χαλεπόν*, трудно, Греки принимали въ двухъ смыслахъ: по одному, оно соотвѣствовало латинскому *difficile* и противопоставлялось Греческому *ῥᾱδίον*, или *ῥῆτιον*; а по другому—было тоже, что у Римлянъ *molestum*, которому противопоставлялось *τὸ ῥᾶν*. Въ последнемъ случаѣ *χαλεπόν* было синонимическое съ словомъ *δυσόν*. Но и *δυσόν* употребляемо было также въ хорошую и худую сторону, и въ первомъ приложеніи значило — *удивительное*, а во второмъ — *ужасное*. Сократъ, разумѣя его здѣсь только въ одномъ значеніи, какъ ужасное, а ужасное какъ злое, *δυσόν*

считается—во первыхъ надѣ Продикомъ и надѣ ничтожностью его искусства различать значенія названій, во вторыхъ надѣ всѣмъ софистамъ, къ которымъ обыкновенно прилагалось слово *δυναῖς*, какъ противуположное τῷ σοφῷ;—напр. Phaedr. 245. C. ἡ δὲ δὴ ἀποδείξις ἔσται δυναῖς μὲν ἀπλοῦς, σοφοῖς δὲ πλοῦτη. Впрочемъ у Платона *σοφός* и *δυναῖς* чаще прилагаются къ одному и тому же лицу, и первое принимается почти всегда пронически, а последнее—въ значеніи слова сильный, простон. ужасный, для Нѣмецк. *gewaltig*.

(144) *Воспитанъ былъ подѣ сѣлннѣмъ варварскаго народа.* По свидѣтельству Діодора Сяцил. (V, 81), первые жители Лесбоса были Пелазги; а потому Лесбось почитаетъ оныя *ἔχοντα λαὸς ἡδρουμένους, τὸς μὲν Ἰωνᾶς, τὸς δὲ ἐξ ἄλλων ἐθνῶν παντοδαπῶν συνεσφύημότες.*

(145) *И вовсе не Хиосцы.* Хиосцы въ древности славились хорошою нравственностію и строгимъ сохраненіемъ законовъ. *Vindlingii Collectan. Thes. ant. gr. T. XI. p. 492. Müller. Geschichte der hellenischen Stämme. T. II. P. 2. p. 226.*

(146) *Самая древняя — философія* и пр. Вся эта рѣчь, по видимому, есть пародія рѣчи Протагоровой р. 316. D. sqq. и насмѣшка надѣ тою мыслию, что софистическое искусство весьма древне. Со-кратъ самымъ древнимъ убѣжищемъ софистовъ почитаетъ Критъ и Лакедемонъ; между тѣмъ извѣстно, что Лакедемоняне чуждались всякаго образованія.

*Isocr. panath. p. 272: οὗτοι δὲ τοσούτον ἀπολελειμένοι
τῆς ποιῆς παιδείας καὶ φιλοσοφίας εἶσιν, ὥστ' ἔδδ'
γράμματα μάθάνουσιν. Hipp. mai. 285. C. Ἐπεὶ
δδ' ἀριθμεῖν ἐκείνων γε, ὥς ἔπος εἰπεῖν, πολλοὶ
ἐπίστανται.*

(147) *Подражал Лакедемонянам, лакωνίζοντας.*

Въ древней Греціи Лакедемонъ былъ предметомъ сѣшняго подражанія прочихъ республикъ и частныхъ лицъ. Изъ Спарты, какъ нынѣ изъ Париза, мода разсылала законы всѣмъ, кто хотѣлъ казаться лучшимъ изъ Грековъ, или по платью и наружности, или по приёмамъ и обычаямъ. Впрочемъ наши современники — рабы Французскаго вкуса только въ мелочныхъ принадлежностяхъ изящной жизни; а древніе Греки подражали Спартянцамъ, желая казаться героями, и потому перенимали у нихъ многое, изобрѣтенное стремленіемъ къ простотѣ и самодовольности.

(148) *Выслать всѣхъ иностранцевъ — подражателей, ξενηλασίας ποιῶμενοι.* Иностранцамъ позволялось приходить въ Спарту и оставаться въ ней только на время общественныхъ праздниковъ. По прошествіи сего времени объявляема была *ξενηλασία*, высылка иностранцевъ изъ города. Это постановленіе приписываютъ Ликургу. *Crag. de rep. Lacéd. III. 53. p. 210 sq. Müller Gesch. d. hell. Stämme Tom. II. P. II. p. 8.*

(149) *Мисонъ Хинейскій, Діодоръ (Fragm. I. IX. Tom. IV. p. 42) называетъ его Маліенскимъ. По свѣдѣтельству Плутарха (de El delph. 385. E). Имятоу*

мыя лингва. По свидетельству Плутарха 511. В), первая надпись сделана была Ами-последняя приписывается разным лицам I. 40. 44. Cic. de fin. III. 2.

(151) *Надобно перестановить, ѱλεθεῖναι.* Отсюда figura trajectionis (Cic. orat. 69) gressionis verborum (Cic. de orat. III. 54).

(152) *Какъ свидѣтельствуеть другой* какой именно, неизвестно. Приведенный здъ встрѣчается также у Ксенофонта (метога 2. 20) и вѣроятно принадлежит какому-гномическому поэту. См. Hermann. ad Soph. v. 364.

(153) *Я хвалилъ бы и любилъ всякаго кто не дѣлалъ бы, и пр.* Моментъ, къ Сократъ направляетъ свое объясненіе, въ переводѣ удержанъ быть не можетъ. П-стоятъ: πάντας δὲ ἐπαίνῃσι καὶ φιλέω ἐκὼν и пр. Вопросъ о словѣ ἐκὼν: относить глаголамъ ἐπαίνῃσι καὶ φιλέω, или къ глаг-

(155) *Ниодному мудрецу не приходило съ-
улизъ, будто челоѣкъ грѣшитъ охотно.* Это ученіе
Платона, по видимому, ведетъ къ фатализму: но са-
мая цѣль настоящаго разговора доказываетъ против-
ное. Ниже говорится, что заблужденіе есть плодъ
незнанія; а кто знаетъ и однакожь грѣшитъ, для
того грѣхъ есть уже не зло, а добро; следовательно
онъ въ сознаніи дѣлаетъ охотно не какъ первое, а
какъ послѣднее. Само собою явствуетъ, что это
усиліе ума согласить владычество грѣха съ свобо-
дою челоѣка весьма слабо: но мудрецъ — язычникъ
и не могъ сказать ничего лучше. Въ ученіи Пла-
тона по крайней мѣрѣ есть основаніе, на которомъ
можно было психологически изслѣдовать причину
челоѣческой склонности къ грѣхамъ и заблужде-
ніямъ. Необходимость грѣшить для челоѣка мысля-
щаго во все времена долженствовала быть урокомъ
очень поучительнымъ.

(156) *Хвалить и прославлять тирана.* Здѣсь
указывается, можетъ быть, на Иерона, при дворѣ ко-
торого Симонидъ нѣсколько времени находился, или
на Скопаса, которому написать эту самую пѣснь.
Xenoph. Hier. init.

(157) *Да и другихъ присутствующихъ, καί
τῶν ἄλλων οἰκεδόντι τῶν παρόντων.* Выраженіе *οἰ-
κεδόντι* значить не *послѣ*, но то же что у Римлянъ
sane quidem, и въ этомъ смыслѣ не рѣдко употреб-
ляется въ отвѣтахъ; напр. *Sophist. 250. C. οἰκεδόν,
sane quidem.* Впрочемъ и Латинское *sane* иногда

бываетъ утвердительнымъ, подобно нарѣчіямъ *γένηται* и *οτινίπο*.

(158) *Какъ скоро двое идутъ, то....* и пр., известное мѣсто *Иліады* XI. 224. *Σύν τε δὺ' ἐρχομένω, καὶ τε πρό ὃ τῷ ἐνόησεν* "Ὅπως κέρδος ἔη μῦθος δ' εἶπερ τε νοήσῃ" *Ἀλλὰ τε οἱ βράσσων τε νόος, λεπτῇ δέ τε μητις.*

(159) *Отвѣжныя — которые слыло пристыжаютъ къ тому...* *ἴτας γε, ἐφ' ᾧ οἱ πολλοὶ...* Такая конструкция происходитъ отъ того, что *ἴτης* удерживаешь управление своего глагола *εἶναι* ἐφ' ᾧ.

(160) *Почитаю, ἐγὼ γὰρ λέγω.* Шлейермахеръ и Шгальбомъ, обращая вниманіе на частицу *γὰρ*, влагають эти слова въ уста Сократа: но о значеніи частицы *γὰρ* см. примѣч. 26.

(161) *Однакожь питаются или такого телеска, который разуметь ихъ какъ зло, ὅμως δ' ἂν κακὰ ᾔην, ὅτι μαθόντα χαίρην ποιεῖ καὶ ὀπρῶν.* Это мѣсто переводить весьма различно, и переводчики особенно затрудняются словомъ *μαθόντα*, а потому нѣкоторые читаютъ *παθόντα*, или еще *ἀμαρθόντα*. Но показанное выраженіе надобно понимать такъ, какъ бы стояло: *ὅμως δ' ἂν γινώσκοντα (μαθόντα), ὅτι πυνηρόν ἐστι (κακὰ ᾔην) τὸ χαίρην.* Подобнымъ образомъ выше. *Ε. ὑπὸ σίτων καὶ ποτῶν, καὶ ἀφροδισίων κρατέμενοι ἡδέων ὄντων, γινώσκοντες ὅτι πυνηρά ἐστιν, ὅμως αὐτὰ πράττειν.*

(162) *Пощеніа, λιμοκτονιδῶν.* *Λιμοκτονία*, по Асту, *inedia vel is victus, qui per complures dies solo*

poſui miſiſaque et ptiſanae cremore continetur, germ. Hungerkur. См. Foës oecon. Hippocr. p. 386.

(163) *Потому ли это одно.... кроме указанной....* Соответствующій вѣнъ словъ Греческій текстъ нѣсколько испорченъ Шлейермахеромъ и другими, подражавшими ему переводчиками, которые, вопреки авторитету лучшихъ списковъ, измѣнили интерпункцію Платоновой рѣчи. Надобно читать такъ: ἡ δὲ τὰ μὲν μείζω, τὰ δὲ σμικρότερα ἢ. ἡ πλείω, τὰ δὲ ἐλάττω; — ἡ (конечно, безъ сомнѣнія) ἐχ' ἔξομεν εἰπεῖν ἄλλο ἢ τὸτο.

(164) *И тѣмъ опредѣляется цѣнность удовольствій.....* Погрешеніи стоитъ: καὶ τίς ἄλλη ἀναξία ἡδονῇ..... Въ словѣ ἀναξία, не смотря на сомнѣніе Штальбома, который измѣняетъ его въ ἀξία, и Гейндорфа, по мнѣнію коего, надобно писать ἀπαξία, я не встрѣчаю никакого затрудненія, нѣмъ въ виду то, что Греки въ одномъ словѣ часто заключали два противоположныхъ понятія и въ такомъ случаѣ принимали его просто за выраженіе отношенія. См. примѣч. 119 и ниже: τὸ παραχρημα ἡδύ, гдѣ подъ словомъ ἡδύ разумеется ἡδύ τε καὶ λυπηρόν. Такимъ образомъ ἀναξία надобно разумѣть какъ ἀξία τε καὶ ἀναξία—цѣнность. Но вѣсто ἡδονῇ, лучше читать ἡδονῆς; потому что прилагательное ἀναξία съ предшествующимъ τίς ἄλλη имѣетъ сѣмъ имени существительнаго.

(165) *Въ тѣхъ состоитъ самая добродѣтель,* τί ποτ' ἐστὶν αὐτό, ἡ ἀρετή;—αὐτὸ вѣсто αὐτῇ. Прилагательное, или мѣстоименіе часто несогласуется съ

стіе *δν* вовсе не ошибѣка переписчика
мнѣнію Аста, и не должно быть измѣны
οὔσα, ни на *δλον*; оно относится къ
ἄλλο τε ἔν.

П Р И М Ъ Ч А Н І Я

КЪ

Э В Т И Д Е М У.

(1) *Съ кѣлизъ это, С.... народа.... τίς ἦν, ὃ Σ.... περισσήμη.* Эти слова цитуются у Димитрія въ книгѣ περὶ ἐρμηνείας § 235. ed. Gal. Частица ἦ, которой Гейндорфъ не даетъ мѣста въ текстѣ, весьма уместна въ немъ и явно соответствуетъ слову ὅστε, tam magna turba ut

(2) *Сынъ Аксіоха, Ἀξιόχου μισθίου,* то-есть Клиніасъ, внукъ Аксіоха перваго. *τὸ ἡμετέρον.....* Критовулъ. Критовулъ, сынъ Критона, красавецъ и любимецъ Сократа, *Diog. L. 11. 13, 121. Plat. Apol. p. 38. 13. Phædon. p. 59,* тщеславившійся своею красотою. *Xenoph. symp. III. 7. IV. 10. V. 1. sqq.* Поэтому *ἐμείνος μὲν σκληρόος* надобно относить къ Клиніасу, а не къ Критовулу. Значеніе словъ *σκληρόος* и *προφερέης* хорошо опредѣляетъ Схоліастъ: *σκληρόος*, говоритъ онъ, ὃ τῷ μὲν χρόνῳ πρεσβύτερος, τῇ δὲ ὅψιν νεώτερος δοκῶν (это Клиніасъ) *προφερέης* δέ, τῷ μὲν χρόνῳ νεώτερος, τῇ δὲ ὅψιν πρεσβύτερος (это Критовулъ).

(3) Слова: *обыкновенно какіе-то новые софисты, μαῖνοί τινες..... σοφισταί,* по нѣкоторымъ спискамъ

влагаются въ уста Критона, и Штальбомъ находитъ это правдоподобнымъ, по выраженію, *ὡς εἶπαι*: но это выраженіе не только не препятствуетъ, а напротивъ заставляетъ относить ихъ къ Сократу; ибо оно значитъ: *какъ обыкновенно, или, разумеется*. Гейндорфъ и Шлейермахеръ неправильно переводятъ его: *ut facile conjici potest, wie du leicht denken kannst*.

(4) *Оттуда же, гдѣ и были, то-есть изъ Хиоса, ἐντεῦθεν ποθέν εἶπαι ἐκ Χίου*. Эти Хиосскіе выходцы, кажется, присоединились къ тѣмъ Аѳинянамъ, которые въ 2,84 ол. подъ предводительствомъ Лампона и Ксенократа переселились въ Туріосъ. *Diodor. XI. 90. XII. 7. 10*. Впрочемъ эмиграціи жителей изъ Туріоса происходили нѣсколько разъ, и причинами ихъ были враждебныя столкновенія Турійскихъ партій.

(5) Акарнанскіе братья, вѣроятно были какіе-нибудь странствующие геркулесы, въ родѣ нашихъ Легатовъ, Готье и подобныхъ имъ.

(6) *Въ такомъ родѣ бол, въ которомъ....., καὶ μάχη, ἥ....* Фицинъ правильно переводитъ: *et eo genere pugnae, quo omnia superantur*. Но подѣтнимъ боемъ должно разумѣть не діалектическую изворотливость, а *ἀπλομαχίαν*, фехтованье, въ которомъ Эвтидемъ и Діонисіодоръ, по преданіямъ, были весьма искусны. *Naase ad Xenoph. de rep. Lacedaem. p. 218 seqq.* Сократъ, упоминая объ ихъ искусствѣ фехтовать, дѣлаетъ только аллюзію на искусство софистическое и *ἀπλομαχίαν* соединяетъ подъ однимъ родомъ: *παυκράτιον εἶναι*.

(7) *Научитъ и другихъ тому же, о ω та ποιησαι*, т. е., *σφδν μαχεσθαι εν δπλοις*—самый обыкновенный аллигисъ. Gorg. p. 449. A. Phaedr. p. 266. C. 268. B. et al.

(8) *Почему бы и тебѣ не быть такимъ товарищемъ, καὶ οὐ τί πη συμφοῖτα*,—выраженіе, очевидно поврежденное. По догадкѣ Аста, надобно бы читать: *καὶ οὐ δῆτι συμφοιτᾷς*; но это не сообразно съ контекстомъ рѣчи. Вернѣе Винкельманъ: *καὶ οὐ τί ἐ συμφοιτᾷς*; посѣщай пожалуйста и ты. См. 10 примѣч. къ Протагору.

(9) О значеніи Сократова генія мы будемъ имѣть случай говорить при разборѣ Федра и другихъ Платоновыхъ бесѣдъ; а здѣсь замѣчаемъ только, что Шлейермахеръ, Гейндорфъ и Кузенъ напрасно утверждаютъ, будто Сократъ въ этомъ мѣстѣ упоминаетъ о своемъ геніѣ иронически. Кто потрудится сравнить томъ настоящей его рѣчи съ тономъ Сократова обращенія къ генію—напримѣръ въ Федрѣ; тотъ не найдетъ между ними никакого различія.

(10) *Ἐρμῖεο σκροπιτε, τὸ ἔρμαιον*. Известно, что Ἐρμῖй почитался божествомъ путей. Посему всякая находка на дорогѣ, принималась была какъ даръ Ἐрμῖа. Теперь Сократъ нечаянно, какъ бы на дорогѣ нашелъ учителей добродѣтели, и потому ученіе ихъ называетъ *τὸ ἔρμαιον*. Понималъ *τὸ ἔρμαιον* въ этомъ смыслѣ, легко замѣтить всю тонкость Сократовой ироніи.

(11) *Καὶ ταῦτ' ἔλεγον περὶ σφδν*. Этихъ словъ я не перевожу, потому что онѣ кажутся повтореніемъ предъидущихъ: *ὥστερ γδν δῆ ἔλεγον*.

(12) *Умилосердитесь, ἰλεω εἰησιν.* Такъ какъ добродѣтель, по внутреннему убѣжденію Сократа, можетъ быть преподаваема только богами, то онъ обращается къ софистамъ, учителямъ добродѣтели, съ такимъ выраженіемъ, съ какимъ Греки обращались только къ богамъ, когда умоляли ихъ о прощеніи грѣховъ.

(13) *Добродѣтель изугиша.... научитесь ей, διδαντὸν ἢ ἀρετὴν.... καλλιστά τις αὐτὸ μάθοι.* Такое словосочиненіе у Платона весьма нерѣдко. См. de ger. IV. p. 430. С. Мысль будетъ ясна, когда послѣ διδαντὸν станемъ разумѣть *πρᾶγμα*, и потомъ къ сему слову отнесемъ αὐτό.

(14) Замѣчательно, что Сократъ не допускалъ различія между философіею и добродѣтелію. Любить мудрость, по его мнѣнію, значило любить добродѣтель; — теорія и практика у него должны были сливаться въ одну жизнь разумнаго существа. Отсюда бытіе и явленіе бытія въ области нравовъ почиталъ онъ такими крайностями, которыя уничтожаютъ сами себя и годятся только для софистическаго тщеславія. См. Харм. введ.

(15) *Племянникъ того, который нынѣ вдростаетъ, αὐτανεπίδς τῆ νῦν ὄντος Ἀλκιβιάδης.* Изъ этихъ словъ Пинзгеръ заключаетъ, что Платоновъ Эвтидемъ написанъ до изгнанія Алкивіада; но Греческій текстъ показываетъ только то, что когда Платонъ писалъ своего Эвтидема, Алкивіадъ былъ еще живъ.

(16) *Такую безцѣпную мудрость, σοφίαν ἀμύχανον δοῦν.* Выраженіе ἀμύχανος σοφία, означаетъ мудрость безъискусственную, неподчиненную формамъ

науки, выливающуюся свободно, незнающую никакихъ ограниченій. Отсюда нарѣчіе *ἀμηχανος* надобно понимать въ томъ же смыслѣ, въ какомъ *ἀτεχνος*, то есть, отъ души, какъ выше p. 273. E.

(17) О томъ, что Мнемосину, мать музъ, поэты призывали вмѣстѣ съ музами, см. *Dissem. ad Pindar. Nem. VII. v. 14.* Сравни. *Theætet. p. 191. D.*

(18) *Такъ какъ вопросъ былъ труденъ, ἄτε μεγαλὸν ὄντος....* *Μεγάλη* здѣсь тоже что *χαλεπή*, равно какъ латинское *magna questio* есть *difficilis questio*. См. *Hipp. mai. p. 287. B.* *οὐ μέγα ἐστὶ τὸ ἐρῶ-τητα, ἀλλὰ καὶ πολὺ τέτυ χαλεπώτερα ἂν ἀποκρίνασθαι ἐγὼ σε διδάξαιμι.*

(19) Этотъ соизмъ основывается на двузначности всѣхъ трехъ словъ, заключающихся въ вопросѣ, т. е., *σοφοί*, *ἀμαθεῖς* и *μανθάνειν*. Подъ словомъ *σοφοί* сперва разумѣются люди, преданные мудрости и добродѣтели, а потомъ тѣ, у которыхъ есть способность учиться. Равнымъ образомъ *ἀμαθεῖς* сперва суть только незнающіе, а потомъ глупые, или невѣжды. Тоже и *μανθάνειν* — сперва означать учиться, а потомъ знать. Впрочемъ на двунаменательность послѣдняго слова далѣе указываетъ и самъ Сократъ. См. *Arist. de Sophist. elench. c. 4. § 3. p. 526. ed. Virent.* Сравни. *Ethic. Nic. I. 10.*

(20) Замѣчательно, что между послѣдователями софистовъ рукописсканія были въ большомъ употребленіи. Рукописсканіями они сопровождали каждую остроумную выходку своихъ учителей. Доказательства встрѣчаются почти во всякомъ Платоновомъ разговорѣ. Платонъ, часто говоря о такихъ знакахъ

одобренія, кажется, нѣтъ ту мысль, что они недостойны философской школы и могутъ быть терпимы только въ театрахъ и обществахъ декламаторовъ.

(21) Сила сравненія Эпигидема съ орхистами состоитъ здѣсь безъ сомнѣнія въ слѣдующемъ: какъ хорошіе орхисты во время пляски повторяютъ тѣже самыя движенія членовъ и, для разнообразія, только слегка измѣняютъ ихъ; такъ и Эпигидемъ въ разговорѣ дѣлаетъ Клиніасу тѣже самыя вопросы и едва едва разнообразитъ ихъ.

(22) По мнѣнію Викторія (Varr. lectt. XXI. 2.), сила сравненія здѣсь состоитъ въ томъ, что въ Греціи борцы объявляемы были побѣдителями только по троекратномъ преодолѣніи противника. *Fabrigonist. I. c. 24. et 27. in Gronovii thesaur. gr. T. VII. p. 888. sqq. et p. 2261. Spanhem. ad Iulian. p. 261. sq.*

(23) О таинствахъ Коривантовъ см. *Fales. obss. critt. II. p. 53. Wesseling. ad Diodor. Sicul. Tom. II. annot. p. 493. Alberti ad Hesych. in. h. v. Lobeck. Aglaoph. T. 1. p. 116. sqq.*, который между прочимъ пишетъ: *Eleusinia et corybantia dissimillima fuere. Eleusinia enim publica auctoritate celebrabantur loco augustissimo sanctissimoque, corybantia privatim in gurgustiiis; illis magistratus præsidebant et sacerdotes populi Atheniensis, his ambubaiæ et acruscatorum infimi; illis summus constabat apud omnes honos, decus, sanctitas, hæc prudentissimo cuique odio erant et contemptui.* Обряды посвященія въ таинства Коривантовъ начинались пляскою вокругъ иниціата; послѣ того сажали его на престолъ. *Procl. Theol. Plat. VI. 13. Plat. legg. VII. p. 780. D.*

[illegible]

23. Библ. фонд — Библиотечный и Штабской
библиотечный фонд фонд. Оформлен на универ-
ситет из библиотечных книжек Пантеонных ре-
зультатов: Библ. фонд р. 132 С фонд из 214 р.
134 С фонд: из 214 р. 135 А фонд и
фонд и из 214 р. 136 С фонд и
фонд и из 214 р. 137 С фонд и
фонд и из 214 р. 138 С фонд и
фонд и из 214 р. 139 С фонд и
фонд и из 214 р. 140 С фонд и
фонд и из 214 р. 141 С фонд и
фонд и из 214 р. 142 С фонд и
фонд и из 214 р. 143 С фонд и
фонд и из 214 р. 144 С фонд и
фонд и из 214 р. 145 С фонд и
фонд и из 214 р. 146 С фонд и
фонд и из 214 р. 147 С фонд и
фонд и из 214 р. 148 С фонд и
фонд и из 214 р. 149 С фонд и
фонд и из 214 р. 150 С фонд и
фонд и из 214 р. 151 С фонд и
фонд и из 214 р. 152 С фонд и
фонд и из 214 р. 153 С фонд и
фонд и из 214 р. 154 С фонд и
фонд и из 214 р. 155 С фонд и
фонд и из 214 р. 156 С фонд и
фонд и из 214 р. 157 С фонд и
фонд и из 214 р. 158 С фонд и
фонд и из 214 р. 159 С фонд и
фонд и из 214 р. 160 С фонд и
фонд и из 214 р. 161 С фонд и
фонд и из 214 р. 162 С фонд и
фонд и из 214 р. 163 С фонд и
фонд и из 214 р. 164 С фонд и
фонд и из 214 р. 165 С фонд и
фонд и из 214 р. 166 С фонд и
фонд и из 214 р. 167 С фонд и
фонд и из 214 р. 168 С фонд и
фонд и из 214 р. 169 С фонд и
фонд и из 214 р. 170 С фонд и
фонд и из 214 р. 171 С фонд и
фонд и из 214 р. 172 С фонд и
фонд и из 214 р. 173 С фонд и
фонд и из 214 р. 174 С фонд и
фонд и из 214 р. 175 С фонд и
фонд и из 214 р. 176 С фонд и
фонд и из 214 р. 177 С фонд и
фонд и из 214 р. 178 С фонд и
фонд и из 214 р. 179 С фонд и
фонд и из 214 р. 180 С фонд и
фонд и из 214 р. 181 С фонд и
фонд и из 214 р. 182 С фонд и
фонд и из 214 р. 183 С фонд и
фонд и из 214 р. 184 С фонд и
фонд и из 214 р. 185 С фонд и
фонд и из 214 р. 186 С фонд и
фонд и из 214 р. 187 С фонд и
фонд и из 214 р. 188 С фонд и
фонд и из 214 р. 189 С фонд и
фонд и из 214 р. 190 С фонд и
фонд и из 214 р. 191 С фонд и
фонд и из 214 р. 192 С фонд и
фонд и из 214 р.

[illegible]

(27) *Какая-нибудь польза изъ успѣхъ пріобрѣтеній, ὅ τι ὠφελοῖτ' ἀπὸ τῆς κτήσεως.* Въ Парижскомъ спискѣ стоитъ ὅλδ. Но есть основаніе въ этомъ мѣстѣ предпочитать ἀπὸ; потому что ὑπὸ указываетъ на дѣйствующую причину известнаго произведенія; а ἀπὸ — только на случай или поводъ къ произведенію, какъ здѣсь на пріобрѣтеніе благъ. *Hermann. ad Sophocl. Electr. v. 65. Euthyphr. p. 15. A.*

(28) *Если одно пріобрѣтеніе не приноситъ никакой пользы, ὥς ἂδεν ὠφελος τῆς κτήσεως γίγνεται.* Штальбомъ, основываясь на одномъ мѣстѣ Ямвлиха (*Protrept. c. 4*), замѣчаетъ, что надобно писать: ἤν ἂδεν ὄφ; и это чтеніе дѣйствительно лучше.

(29) *Ты хорошо — таки отвечаешь, καλῶς γέ λένε.* Такъ стоитъ въ кодексѣ Стобея: но въ древнихъ спискахъ: καλῶς δε. Первое чтеніе, кажется, вѣрнѣе; потому что частица δε всегда указываетъ на нѣчто противоположное; а γέ только усиливаетъ значеніе слова.

(30) *Лучшій изъ мужей, ὃ ἀρίστε ἀνδρῶν.* Сократъ называетъ Клиніаса мужемъ, разумѣется, пронически, и причина проніи здѣсь та, что Клиніасъ произноситъ свое мнѣніе о такомъ положеніи, о которомъ судить не легко было и мудрецамъ; посѣдѣвшимъ въ изслѣдованіи истины.

(31) *Что теперь не есть, ὅς μεν ἔστι.* Софизмъ основывается очевидно на словѣ ὅς, которое употреблено софистомъ вмѣсто οἷος. Вопросъ былъ о качествѣ Клиніаса, а не о бытіи его.

(32) *Возьми на свою голову, σοὶ εἰς κεφαλὴν,* то есть, погибни ты самъ. См. *Küster. ad Aristoph. Plut. v. 525. 659. et Schol. ad Pac. v. 1063.*

(55) *Рассъ, по моему мнению, можно глгть?*
ἡ δὲναι σοὶ ὁλον τ' εἶναι ψευδοδαι, — известное въ древности умозаключеніе соизствовъ, который доказывалось, что не лзя говорить о томъ, чего нтъ, следовательно и не лзя глгть. Никъ Платонъ приписываетъ этотъ соизмъ Протагору и предшествовавшимъ ему мудрецамъ, а въ своемъ соизмѣ (р. 257) — Пармениду.

(54) Ктезипъ очевидно кѣтитъ на соизствовъ, у которыхъ каждое слово ложъ.

(35) *Но если добрые люди говорятъ.... о худыхъ людяхъ, какъбъ ἀρα λέγουσι.... какъбъ ἀνθρ.* Основаніе соизма — въ двоякомъ значеніи выраженія: «худо говорить.» Въ одномъ смыслѣ оно значить ргче dicere, въ другомъ — male dicere, то-есть, худо говорить значить, или дурно выразаться, или дурно отзываться.

(36) *Холодные говорятъ холодно,* — насмѣшка Ктезиппа надъ тупыми остроуми и медальювидною диалектикою соизствовъ.

(37) Карійцы въ древности славились неустрашимостію въ сраженіяхъ, но при всемъ томъ были презираемы; потому что продавали свою жизнь всакому, кто, для какой бы то ни было цѣли, желалъ купить ее. Греки набирали ихъ въ свои войска и всегда поучали въ передовыхъ линіяхъ страдать для удержанія первого натиска непріятельск. Оксидъ произнесла пословица: сдѣлать пробу на Карійца, εἰ τῷ Καίρι πειδύμεται. *Норманн Lexicon, v. Caris*

(38) Платонъ очевидно указываетъ здѣсь на то баснословное сказаніе, что Медея уговорила Пелеевыхъ дочерей сварить своего отца, чтобы онъ сдѣлался опять молодымъ. См. *Palephat. incred. hist.* 44. *Fischer interpr. ad Ovid. metam.* VII. v. 283.

(39) Марсіасъ, великій музыкантъ, по мифологическому сказанію, вздумалъ состязаться съ Аполлономъ. Но Аполлонъ побѣдилъ его и, въ наказаніе за дерзость, содралъ съ него кожу. Изъ этой кожи, повѣшенной имъ на деревѣ, вышелъ мѣхъ и во времена Геродота, какъ онъ самъ говоритъ, находился въ Фригійскомъ городѣ Цемнахъ. *Herod.* VII. 26.

(40) Основаніе софизма то, что, по мнѣнію Діонисіодора, мы всегда вѣрно судимъ о вещахъ, а потому имъ въ какомъ случаѣ не можемъ противорѣчить другъ другу.

(41) Протагоръ до такой степени вѣрилъ чувствамъ, что почиталъ истиннымъ все, представлявшееся имъ. Поелику же чувства одного человека постигаютъ вещи иначе, нежели чувства другаго; то, софистъ не видѣлъ никакого основанія для опроверженій, или разногласій. *Theat.* p. 161. E. sqq. *Теннет. Geschichte der Philos.* T. I. p. 507. ed. 2.

(42) Объ этихъ прежнихъ мудрецахъ Платонъ говоритъ въ *Kratyl.* p. 429. *D. Sophist.* p. 260. C.

(43) Скажу нѣчто посильнѣе, *φορτικώτερόν τι εἰρήσεται*; по изъясненію Гейндорфа (*ad Cratyl.* p. 400. A), скажу нѣчто толще, въ чемъ, то-есть, не будетъ

діалектическихъ тонкостей, и что слѣдовательно для насъ, софисты, покажется непріятнымъ. Сравни. de Rep. II. p. 367. A. IV. p. 442. E. Gorg. p. 482. E. Phædr. p. 256. C.

(44) Слово *Κρόνος* здѣсь весьма уместно: софисты приписываютъ Сократу только способность помнить прошедшее и упрекаютъ его въ недостаткѣ вниманія къ настоящему. См. *Aristoph. pubh. v. 926. Vesp. v. 1458. Plut. v. 581.* Въ томъ же смыслѣ употребляется *ἀρχαῖος*, *pubh. v. 825. 908. Plut. v. 319. al.* Посему напрасно нѣкоторые филологи заѣмляютъ его словомъ *νεῖος*.

(45) *Видишь, теперешнее-то очень трудно, καὶ γὰρ χαλεποὶ εἶσιν.* *Χαλεποὶ* очевидно относится къ предъидущему *τοῖς λεγομένοις* и поставлено во множественномъ числѣ *κατὰ σύνεσιν*, потому то-есть, что *τοῖς λεγομένοις* имѣетъ силу слова *τοῖς λόγοις*.

(46) Выше Сократъ сказалъ: *какой другой смыслъ имѣетъ мое выраженіе* и употребилъ слово *ἐννοεῖ*: *τί σοι ἄλλῃ ἐννοεῖ τῆτο τὸ ῥῆμα.* Но софистъ *ἐννοεῖ* замѣняетъ глаголомъ *νοεῖ* и даетъ словамъ Сократа совсѣмъ другое значеніе: *какой смыслъ имѣетъ* (т. е. смысляютъ) *мое выраженіе? ὃ τί μοι νοεῖ* (или по лучшимъ спискамъ *νοοῖ*) *τὸ ῥῆμα.*

(47) Здѣсь Платонъ дѣлаетъ аллюзію на известное мѣсто Гомеровою Одиссеи. L. IV. v. 554. *σῆρ.* Менелай, задерживаемый вѣтрами на морѣ, долго не могъ понасть въ свое отечество и рѣшился спросить Протея о причинѣ медленнаго плаванія. Платонъ

дочь Протея, научила его, какъ удержатъ бога— прорицателя, когда онъ вынырнетъ изъ моря, и заставить его удовлетворить вопрошателя. Слѣдуя ея наставленію, Менелай схватилъ Протея и, не смотря ни на какія его превращенія, не выпускалъ его изъ рукъ своихъ, пока тотъ, принявъ прежній свой образъ, не произнесъ пророчества.

(48) *Мнѣ хочется, дождь мой.* Въ такомъ именно значеніи *дождь мой* употребляется во многихъ мѣстахъ Платоновыхъ сочиненій. Напр. *Rhadr.* p. 230. E. *εὐδὲ μὲν δόξω μοι καταγεῖσθαι.* *Thest.* p. 183. E. *ἀλλὰ μοι δόξω—ὃ γεῖσθαι αὐτῷ* и проч.

(49) Эти слова Сократа надобно представлять въ связи не съ тѣми, за которыми онъ непосредственно слѣдуетъ, а съ главнымъ предметомъ рѣчи: *нѣтъ никакой пользы и въ прочихъ знаніяхъ, наприимр, хозяйственныхъ, врачебныхъ и другихъ.*

(50) *Писатели рѣчей; λογοποιοὶ* суть тѣже самыя, которые въ концѣ сего разговора называются *λογογράφοι*, то-есть, люди сочиняющіе рѣчи по заказу, для защищенія какого-нибудь судебного дѣла. *Pierçon ad Morg.* p. 244.

(51) *Не сами дѣлаютъ фигуры, ὃ γὰρ ποιῶσι τὰ διαγράμματα;* то-есть, ихъ искусство не есть *ποίησις*, не изобрѣтаетъ, не творитъ чего-нибудь новаго, но разсматриваетъ уже данное, слѣдовательно по справедливости должно быть названо *θεωρητική*. Истинъ дѣло о фигурахъ, то-есть, очертаніяхъ вещей

διαφάνεια по видимому свойственно только гео-
странъ и астрономанъ, а не счетчикамъ, или помы-
слишнему, алгебристамъ; но подъ словомъ *διαφάνεια*
надобно разумѣть какъ пространственное, такъ и
численное выраженіе предствозъ, вообще природу
въ явленіяхъ.

(52) *Δισφρατίζεσθαι* пользоваться своимъ опти-
мизмомъ *διαλεκτικῶν*; потому что подъ именемъ
диалектики Греки разумѣли науку, изслѣдывающую
внутреннія свойства вещей, что нынѣ философія, и
въ этомъ отношеніи противопоставили ее наукамъ
опытнымъ, которыя занимаются явленіями природы.
См. de Rep. VII. p. 551. B.—536. C.

(53) *Πολιτικάται, πολιτικοί; ἀνδράσι*, то-есть,
дипломатами, которые разсуждаютъ о сдѣлѣ вѣстныхъ
лагерей или городовъ, объ условіяхъ мира или пере-
мирія, объ управленіи завоеванными странами и проч.
Сраженіе полководцевъ съ людьми перепеловъ, ка-
жется, есть намѣкъ на отношеніе сильнѣйшихъ Гре-
ческихъ республикъ къ слабѣйшимъ и походитъ на
колку укоризну, хотя Сократъ, какъ мы знаемъ, былъ
и великій патріотъ.

54. *Впрямъ кто-нибудь лугамъ, τῶν κρηττόνων
μυθῶν περὶ ἐνείδεσσι.* Не объявляя прямо, кто ска-
залъ это, Сократъ однакоже утверждаетъ, что онъ
слышалъ сіи мысли, и такимъ образомъ какъ будто
указываетъ на внушеніе божественное: ибо подъ сло-
вомъ *κρηττόνων* Греки иногда разумѣли боговъ.
См. Xenoph. mem. p. 31. Diogen. ad Laert. p. 128.

Между тѣмъ Критонъ *κρείττους* относитъ къ кому-нибудь изъ лучшихъ собесѣдниковъ Сократовыхъ.

.. (55) *Какъ дѣти, гонимыя за бабочками, ὥσπερ τὰ παῖδια τὰ τὰς κορυδὰς διώκοντα.* Это выраженіе, кажется, имѣло силу пословицы: но его нельзя почитать однозначительнымъ съ нашею поговоркою: дѣти гонимыя за бабочкой; потому что оно указываетъ на дѣйствіе не выполнимое, на предпріятіе выше силъ человѣческихъ, и чрезъ то намѣкаетъ, что искомое знаніе, или истинная мудрость и добродѣтель даются небомъ, а не землею.

(56) См. Трагедію Эсхила *ἐπὶ τὰ ἐπὶ Θήβαις*. v. I. *Κάδμω πολλῖται, χορὴ λέγαν τὰ καίρια δεῖτε φυλάσσει πρᾶγος ἐν πρόμνῃ πόλεως Οἴακα νομῶν, βλέφαρα μὴ κοιμῶν ὑπνῳ.*

(57) *Ваше искусство, земледѣліе.* Многіе Аѳиняне, имѣвшіе въ Атикѣ помѣстья, сами обрабатывали поля свои. Сраен. *Voschl.* Оссоном. Athen. T. I. 44. sq. Ипже (р. 504. С.) Платонъ относитъ Критона къ классу *τῶν χρηματιστῶν*.

(58) *Вѣчное тоже,* или Зевсовъ Коринѣъ, *ὁ Διὸς Κόρινθος*, — пословица, выражавшая вѣчное вращеніе въ сферѣ известнаго понятія, и прилагавшаяся къ такимъ доказательствамъ, въ которыхъ первое доказывается вторымъ, а второе первымъ. Происхожденіе сей пословицы объяснили *Müllerus Doricens.* I. p. 88. 9. *Dissem. ad Pindar.* p. 467. *Wachsmuth.* Hellen. Alterthumsk. II. 2. p. 188.

(59) Диоскурами Греки называли созвѣдіе Кастора и Поллукса, къ которымъ они обращались съ молитвами при кораблекрушеніяхъ. По сему упоминунъ о тревоженномъ разговорѣ, Сократъ здѣсь очень кстати унодобляетъ Эвтидема и Дионисіодора Диоскурамъ.

(60) *Ты-таки, по пословицѣ, прекрасно пре-
щилъ, τὸ γὰρ λεγόμενον, καὶ δὴ παταγεῖς.* Во всѣхъ
почти изданіяхъ стоитъ: *καὶ δὴ πάντα λέγεις*, а по
Схолиасту, *καὶ δὴ πάντ' ἄγεις*. Но въ этихъ выра-
женіяхъ не видно никакой пословицы: слѣдовательно
здѣсь текстъ поврежденъ. Штальбомъ, основываясь
на замѣчаніяхъ *Abreschii ad Hesychium et Dindorfii*
fragm. Aristoph. p. 100 поправляетъ его такъ: *καὶ*
δὴ παταγεῖς; и эта поправка весьма правится, потому
что у Гезихія Vol. II. p. 117. *καὶ δὴ παταγεῖς*
дѣйствительно называется пословицею.

(61) *Κοινοῦ καὶ καὶ αἰά.* Штальбомъ ~~хочетъ~~
что здѣсь надобно подразумѣвать *ἐπιστάμενοι*: ~~какъ~~
будто бы то-есть Дионисіодоръ ~~отвѣчалъ~~ ~~на~~
тѣмъ: *κῆτος, μὴ κῆτος* ~~знаетъ~~. Но ~~это~~ ~~нельзя~~
вовсе не нужно: нѣтъ сомнѣній, что ~~Сократъ~~
мысль Сократа и соглашается. ~~Онъ~~ ~~не~~
знаютъ. Сила софизма—въ слѣдующемъ. ~~Онъ~~
вѣкъ или знаешь, или не знаешь. ~~Онъ~~
что зная нѣчто, знаетъ ~~нѣчто~~ ~~нѣчто~~
не зная чего-нибудь ~~нѣчто~~ ~~нѣчто~~
нѣчто могли доказать ~~нѣчто~~ ~~нѣчто~~
ничего не знаютъ.

(62) Очевидно, что Діонисіодоръ говоритъ это иронически: но какъ велико различіе между ироніею Сократовою и софистическою! Сократъ тонокъ и изысканъ; внѣшнюю сторону его рѣчи нельзя оскорблять: напротивъ софисты грубы и дерзки; ихъ выраженія носятъ характеръ реблическаго своеправія.

(63) *Да, сударь, и подшивають подметки, καὶ γὰρ μὰ Δία κατὰνυ.* Такъ объясняетъ слово *κατὰνυ* Casaub. ad Theophr. Char. IV. p. 58. Формула *καὶ γὰρ μὰ Δία*, или *ἦ καὶ γῆ Δία* соответствуетъ Латинской: *et mehercule*, и входитъ въ рѣчь, какъ выраженіе досады, или насмѣшки. Schaefer. Melett. Critt. p. 62. Fritsch. Quaest. Lucian. p. 155. sqq.

(64) Объ этомъ искусствѣ Греческихъ балансировъ см. Xenoph. symp. II. 11. и Burnet. примѣч. къ означенному мѣсту Ксенофонта Пира.

(65) *Да неужели не перестанешь ты прибавлять, ὅτι αὖ πάντι* Софисту стало досадно, что Сократъ прибавилъ: *когда знаю, ὅταν ἐπίσταμαι*, ограничивъ этимъ значеніе слова *всегда*, *ἀεὶ*, которое можетъ быть принимаемо въ двухъ смыслахъ, — какъ *всегда* и какъ *всякій разъ*, и двусмысленностію коего Ѳвтидемъ хотѣлъ воспользоваться.

(66) *Ты согласился, что знаешь все вѣдѣть, ἀπαντα γὰρ οἰοῖτο εἰπίστασθαι.* 'Απαντ' есть сокращеніе словъ *ἅμα* и *πᾶς*. Сократъ говоритъ: странно было бы, если бы я, незная всего, *пᾶντα*, зналъ все вѣдѣть, *ἀπαντα*; я знаю все вѣдѣть только то, что знаю. Но софистъ, не обращая вниманія на это погнѣнное ограниченіе, навязываетъ Сократу признаніе,

о онъ знаа все нѣстъ, знаетъ все, и такимъ обра-
мъ *ἀπαντα* принимаетъ въ значеніи *πάντα*.

(67) *Да ты всегда все слышишь и будешь
имъ, αὐτὸς αἰεὶ ἐπιστήσῃ καὶ ἀπαντα.* Филологи
этомъ выраженіи почитаютъ неумѣстнымъ *αὐτὸς*
замѣняютъ его то *αὐθις*, то *εὐθύς*: но по моему
мнѣнію, здѣсь и должно стоять слово *αὐτὸς*; по-
му что въ этомъ мѣстѣ оно употреблено вмѣсто
γὰρ и почти однозначительно съ слѣдующимъ:
τός τε φέυξῃ πάντα τὰ ἐπιτηδεύματα. Euthyd. p.
17. B. *Ἐγὼ ἔν μοι δοκῶ καὶ αὐτὸς πάλιν ὁφηγή-
σθαι.* Euthyd. p. 288. C.

(68) *Въ противоположъ слугамъ, тотчасъ бы,
а δὲ τὰχ' αὖ.* Δὲ стоитъ во всѣхъ спискахъ Пла-
на: но филологи, не понимая Платоновой мысли,
включаютъ эту частицу, какъ глоссема. Между
тѣ обыкновенное чтеніе намъ кажется весьма
примѣ, и δὲ въ настоящемъ выраженіи необло-
но; потому что *ἔγω δὲ* указываетъ на противную
идею: *εἰ συμβηθείη δ' ἀδελφός*; а слѣдующее
ταχ' αὖ есть эллипсисъ и мысленно должно быть
полнено словомъ *ἐπιστήσῃ*.

(69) Басня о сраженіи Геркулеса съ *Λακωνί-
ρακόν*, весьма хорошо выражаетъ *ἀντιμαχίαν*
спору Сократа съ софистами: въ *αὐτῷ λόγῳ*
исстоятельству имѣетъ ближайшее примѣненіе, а
исстоящему дѣлу — даже и то, что *ῥα* *ἐν τῷ*
Геркулесу, недавно вышедъ изъ *ἀντιμαχίας* и *ἐν τῷ*
о сраженіи; ибо это весьма *παρὰ τὴν ἀλήθειαν*

который за нѣсколько времени пріѣхалъ въ Аѳины
изъ за моря и сидѣлъ по лѣвую сторону Сократа.

(70) О Патроклѣ, братѣ Сократа, Платонъ не упоминаетъ ни въ какомъ другомъ мѣстѣ своихъ разговоровъ; да и изъ прочихъ писателей никто не говоритъ о немъ. Одинъ только Гемстергузій (ad Lucian. som. § 12), предлагаетъ догадку, будто этотъ Патроклѣ былъ ваятель, процвѣтавшій въ 95 олимп. и упоминаемый Плиніемъ (Hist. natur. 37. 8.), что впрочемъ едвали справедливо. Сократъ въ настоящемъ мѣстѣ говоритъ о своемъ братѣ, что онъ *πλέον ἢν θάτερον ποιήσεν*. Это выраженіе филологи объясняютъ слѣдующимъ образомъ: *malam rem etiam peiorem redderet*. Но такое объясненіе, по нашему мнѣнію, вовсе не вѣрно: Во первыхъ здѣсь нѣтъ и мысли о худомъ дѣлѣ; во вторыхъ *θάτερον* значитъ не *хуже*, а *иначе*, отъ *τὸ ἕτερον*. По сему я перевожу: *онъ поступилъ бы еще не такъ, то-есть, онъ помогъ бы мнѣ еще болѣе, чѣмъ Иолеосъ Праклу*. Впрочемъ это сказано иронически, а не въ собственномъ смыслѣ.

(71) *Сходный съ нимъ по имени.* Здѣсь говорится о сходствѣ именъ Патроклѣ и 'Іриклѣ. Сократъ, очевидно шутить надъ стараніемъ софистовъ отыскивать въ каждомъ словѣ основаніе для какого-нибудь новаго софизма. Онъ какъ бы такъ говорить: чего стоитъ вамъ Иолесовымъ отцемъ сдѣлать, вмѣсто Ифiclesа, Патрокла; вѣдь имена-то ихъ

говорить, что отецъ есть отецъ, а не обращаетъ вниманія на то, чей онъ отецъ.

(76) *Только одинъ щитъ и одно копье, ἀλλὰ μίαν καὶ ἐν ὅρῳ* Здѣсь послѣ *μίαν* очевидно пропущено переписчиками *ἀσπίδα*.

(77) Геріонъ и Бріарей, по мифологическимъ сказаніямъ, сторукіе титаны. Сравни. *legg. VII. p. 759. С. См. Энциклоп. Лекс. сл. Бріарей.*

(78) По свидѣтельству Геродота (IV, 26), Скифы, кѣсто стакановъ, употребляли вызолоченные черепы убитыхъ ими непріятелей. Ктезиннъ, имѣя въ виду то обстоятельство, что извѣстный непріятельскій черепъ принадлежалъ извѣстному Скифеу, принялъ слово *свой* въ значеніи не собственности, а принадлежности, подобно тому, какъ прежде принималъ его Діонисіодоръ (собака — твоя; собака есть отецъ, слѣдовательно собака — отецъ есть отецъ твой).

(79) Этотъ союзъ основывается на двузначности Греческаго выраженія *δυνάτ' ἐν ὅρῳ ἔσ' ἡ ταῦτα*. Оно заключаетъ въ себѣ слѣдующія два смысла: 1) Итакъ ихъ можно видѣть? 2) Итакъ онѣ могутъ видѣть?

(80) *Не то ли говоришь, что молчишь?* *ἢ οὐδὲν λέγεις*; поруски надлежало бы сказать: не о томъ ли говоришь, что молчишь? Но такимъ образомъ мы упустили бы изъ вида основаніе союза. Въ выраженіи *ἢ οὐδὲν λέγεις* заключается два смысла: молча говорить, и говорить о томъ,

что молчать. Такъ объясняется этотъ соизмъ и у Аристотеля de elenchis Sophist. C. IV. 6. Сравни. X, 8. Тоже и далѣе: желѣзные вещи говорятъ какъ издающія—и проч. *φθεγγόμενα καὶ βοῶντα μέγιστον τὰ σιδηρὰ λέγεται*. Иначе: о желѣзныхъ вещахъ говорить, что онѣ издають и проч.

(81) *То не все ли молчишь? ἢ πάντα σιγᾷ;* основаніе соизма опять въ двоякомъ значеніи выраженія *πάντα σιγᾷ*; ибо оно значитъ: во первыхъ всему молчать, во вторыхъ о всемъ молчать. Ходъ умозаключенія таковъ: когда ты молчишь, все молчишь; но въ понятіи все заключается и то, что говорить; следовательно, когда ты молчишь, молчишь и то, что говорить.

(82) *Обободилиъ положеніе, ἐξηφοτέρῃνε τὸν λόγον*, то-есть, вывелъ заключеніе, что о предметѣ нашего разговора можно сказать и да и нѣтъ. Чтобы понять причину Ктезипповой радости, надобно вспоминать объ упрекѣ, который выше (р. 297. А) сдѣланъ Эвтидемомъ Діонисіодору: *διαφθεῖρας τὸν λόγον, καὶ φανήσεται ἑτοσί δι' ἐπιστάμενος καὶ ἐπιστήμων ἅμα ἐν καὶ ἀνεπιστήμων*.

(83) Соизмъ хочетъ сказать, что нѣтъ ничего прекраснаго и, ухватившись за слова Сократа, что красота присуща всякой вещи, строитъ слѣдующій соизмъ: если ты прекрасенъ, поколику тебѣ присуща красота; то равнымъ образомъ ты былъ, поколику тебѣ присущъ былъ; или также, ты Діонисіодоръ, поколику тебѣ присущъ Діонисіодоръ.

(84) Этотъ софизмъ основанъ опять на двусмысленности Греческаго выраженія: *τίνα προσημίη χαλιεύειν, κεραμέειν* etc. Оно означаетъ во первыхъ, кому должно ковать, лѣпить и проч., во вторыхъ кого должно ковать, лѣпить и проч.

(85) *Лишь бы понималъ.... а оканчивать съ Эвтидемоу.* Связь сихъ мыслей та, что извѣстное выраженіе Діонисіодоръ принимаетъ въ одномъ значеніи, а Эвтидемъ—въ другомъ. Сократъ хочетъ сказать: смотри, Діонисіодоръ, такъ ли ты разумѣешь это положеніе, какъ разумѣетъ его братъ твой; ибо начинать—то приходится съ тобою, а оканчивать съ нимъ.

(86) Указывается на предыдущее заключеніе, то-есть: заколотъ повара, и проч. значить дѣлать то, что къ кому относится.

(87) Этотъ отвѣтъ Сократа произвелъ много споровъ и недоумѣній между комментаторами. Нельзя сомнѣваться, что Аѣнияне дѣйствительно поклонялись отечественному Зевсу. Свидѣтельства объ этомъ собраны Албертомъ ad Hesychium v. *Πατρῷος Ζεύς*. Какимъ же образомъ Сократъ могъ сказать о себѣ, что онъ не признаетъ отечественнаго Зевса? По нашему мнѣнію, сынъ Софрониска здѣсь обращаетъ противъ софистовъ собственное ихъ оружіе, то-есть, опровергаетъ ихъ тѣми же двусмысленностями, которыя составляли всю ихъ мудрость. Извѣстно, что подъ именемъ отечественнаго Зевса Аѣнияне разумѣли га—покровителя любви къ родителямъ: но Сократъ

принимаетъ это названіе въ томъ значеніи, что отечественный Зевсъ есть родоначальникъ Аѳинскаго народа и такимъ образомъ отклоняетъ созвизъ Діонисіефора.

(88) Аѳиняне и Іонійцы почитали родоначальникомъ своимъ Аполлона, потому что отъ него и Креузы родился Іонъ, давший свое имя Іонійцамъ. См. *Chr. Fel. Bachr. de Apolline patricio* 1829. *Müller. Dor. Vol. I. p. 244. sq.*

(89) Подъ именемъ риторовъ Греки разумѣли такихъ людей, которые лично подвизались въ судахъ и говорили въ защиту, или противъ разсматриваемаго дѣла. *Suid. s. v. Ρήτωρ τὸ παλαιὸν ἐκαλεῖτο ὁ δῆμος συμβαλέων καὶ ὁ ἐν δῆμῳ ἀγορεύων, εἴτε ἰκανὸς εἴη λέγειν εἴτε καὶ ἀδύνατος.* По сему у Ксенофонта (мемог. II. 6) *ρήτορες καὶ δημηγόροι* суть названія синонимическія. Когда же кто-нибудь изъ риторовъ пользовался особенною довѣренностію народа; то его называли *δημαγωγός*. См. *Schömann. de Com. Athen. p. 109. Valckenar. diatrib. C. XXIII. p. 251. sqq.* Впослѣдствіи къ риторамъ присоединился классъ ораторовъ, которые говорили рѣчи въ торжественныхъ собраніяхъ, *ἐν ταῖς πανηγύρεσι*, по побужденію тщеславія. Такимъ ораторомъ, между прочими, былъ и Горгіасъ, коего именемъ названъ одинъ изъ Платоновыхъ разговоровъ. Но кромѣ риторовъ и ораторовъ, въ Греціи были еще такъ называемые логографы. Они лично не присутствовали въ судѣ, а только писали рѣчи для защищенія или опроверженія судебныхъ дѣлъ и походили на нынѣшнихъ юридическихъ ябедниковъ. Ихъ-то особенно не любилъ Сократъ,

ПРИМѢЧАНІЯ.

какъ людей поверхностныхъ, не имѣвшихъ основательнаго образованія и презиравшихъ истинную науку.

(90) Діогенъ Лаерцій (II. 13. 121) упоминаетъ о четырехъ сыновьяхъ Критона: Критовулъ, Гермонтъ, Эпигенасъ и Ктезиннъ. Здѣсь, по мнѣнію Гейнорфа, Критонъ говоритъ о Гермонтѣ и Критовулѣ. Поелику же въ Эвтидемѣ Критовулъ представляется возрастнымъ; то видно, что Платонъ написалъ этотъ разговоръ незадолго до осужденія Сократа; ибо Критовулъ, сынъ Критоновъ, находился въ числѣ тѣхъ Сократовыхъ учениковъ, которые готовы были взять своего учителя на поруки и внести за него штрафныя деньги.

П Р И М Ъ Ч А Н І Я

КЪ

Л А Х Е С У.

(1) *Который сражается въ полномъ вооруженіи, μαχόμενον ἐν ὅπλοις.* Что это за искусство сражаться въ полномъ вооруженіи? и правильно ли перевели мы выраженіе: *ἐν ὅπλοις μαχεσθαι*? Въ *Эвтиденѣ* *ὀπλομαχία* переведено словомъ «сехтованіе»: но сехтовать у Грековъ значило не то, что у насъ; потому что Греки употребляли въ сраженіи не такое оружіе, какое употребляемъ мы. По свидѣтельству Казавбона (*Fischer. ad Chapt. p. 79*), *ὀπλομάχοι* были во первыхъ тѣ, которые, подъ руководствомъ военнаго офицера, учились сражаться дѣйствительнымъ оружіемъ (*veris armis*), во вторыхъ тѣ, которые преподавали это искусство. Но Казавбоново показаніе неопредѣленно и, кажется, только вполонину справедливо; ибо Греческое юношество *ἐν ὀπλομαχία*, какъ извѣстно, дѣйствовало не настоящими оружіемъ, а тупыми или закругленными ковылями (*pila rotundata*), которыя назывались *ἰσφαίροντες ἀκόντις*. Намекъ на другое значеніе слова *ὀπλομαχία* мы находимъ у Ксенофонта (*Ἀναβάς. I.*

Упомянувъ о какомъ-то Фалинѣ, онъ говоритъ: *προσ-εποιεῖτο ἐπιστήμων εἶναι τῶν περὶ τὰς τάξεις καὶ δπλομαχίαν*. Основавшись на этомъ выраженіи, Винкельманъ (prolegg. ad Euthyd. p. XXXVIII) утверждаетъ, что подъ словомъ *δπλομαχία* надобно разумѣть вообще военную тактику. Но сему мнѣнію противурѣчитъ разсужденіе Никіаса въ Лахесѣ (p. 182. B). То же мѣсто въ Ксенофоновомъ отступленіи Шнейдеръ и Борнеманъ объясняютъ иначе и, кажется, удовлетворительнѣе, нежели Винкельманъ. Они говорятъ, что Персы употребляли такое оружіе, которымъ можно было бы сражаться издали, ибо ничѣмъ, кромѣ щита, не закрывали своего тѣла: напротивъ Греки вступали въ битву, вооружившись мечемъ, защитивъ грудь латами, голову шлемомъ, ноги сапогами. Такимъ-то родомъ битвы особенно гордился Фалинъ и въ этомъ искусствѣ былъ учителемъ Варваровъ. Если это замѣчаніе справедливо; то *δπλομαχίαν προσομολογεῖν*, или *ἐν δπλοῖς μάχεσθαι* значило: быть вооруженнымъ съ головы до ногъ и сражаться, употребляя всякое оружіе. По Агенею (IV. 13. p. 154. E), сему искусству прежде всѣхъ училъ нѣкто Демеасъ, Мантинейскій фехтмейстеръ; но потомъ преподавали его и софисты. *Plat. Euthyd. p. 271. E. Xenoph. mem. III. 1.*

(2) Извѣстно, что Аристидъ былъ первымъ аралъ-провіантмейстеромъ и казначеемъ союзныхъ. Заботливость о пользѣ союзниковъ къ нему преимущественно и относится.

звояли баловаться, *εἶων τρυφᾶν*. Этому, повидимому, противурѣчаютъ слова Платона

вредѣ, — вообще собственные ихъ нравственныя и религіозныя свойства.

(6) *Онъ великакъ твой, ὄντα δημότην.* По свидѣтельству Плутарха (v. Pericl. p. 68. B.), Сократъ, Аристидъ и Фукидидъ были изъ дѣмы Алопекской.

(7) Объ Агаѳоклѣ см. 53 прим. къ Протаг.

(8) *Пріятный музыкантъ, ἀνδρὶν χαρίεστων ἐν μόνον τῇν μουσικῇ.* *Χαρίεστες* вообще суть люди пріятные въ обществѣ, а въ отношеніи къ музыкѣ, ихъ можно назвать такими артистами, въ игрѣ которыхъ не столько оригинальности и изобрѣтательности, сколько легкости и пріятности въ исполненіи.

(9) *Сдѣлайте же одолженіе.... кто-нибудь изъ васъ, τί ἐ λέει πότερος ὑμῶν; Πότερον* по свидѣтельству Гезихія, часто употребляется вмѣсто *ἐν ἐκ δύοιν*, см. Sophist. p. 264. D. Legg. XI. p. 914. C. et al. О вопросительной рѣчи, вмѣсто повелительной, см. 10 примѣч. къ Протаг.

(10) Науки и искусства во всѣ времена свидѣтельствовали объ извѣстномъ характерѣ и направленіи обществъ. Въ этомъ отношеніи о каждомъ государствѣ можно утверждать тоже, что говорятъ объ юмѣ челоѣкъ: скажите мнѣ, съ кѣмъ онъ знакомъ, — скажу вамъ, каковъ онъ. Разсмотрите общественныя занятія и удовольствія народа; — вамъ не трудно етъ опредѣлить нравственное его состояніе, и лѣтъ какова его жизнь въ настоящемъ и судьба будущемъ. Вникните, чѣмъ любитесь народный, вы уразумѣете его достоинства и слабости

его здравіе и болѣзни. Смыли ли обзгаться въ Лакедемонѣ всесвѣтныя скоморохи, гдѣ не терпѣлось ничего чуждаго, гдѣ строгость жизни простиралась даже до суровости нравовъ и смягчалась только пламенною любовію къ отечеству? Тамъ не было блеска и роскоши, но за то царствовали довольство, спокойствіе и слава. Напротивъ Аѳиняне принимали безъ разбора всѣхъ иностранцевъ, стекались на зрѣлища, жаждали новостей, жили воображеніемъ, но теряли чувство народности, трепетали предъ призраками, боялись самихъ себя и ранѣе всѣхъ другихъ Грековъ изгладили въ себѣ характеръ дѣлнннзма.

(11) О значеніи сравненія см. 36 примѣч. къ Ѣвтидему.

(12) Объ этой пословицѣ см. Schol. ad h. l. Пословица: *ex bockis gomaria* — указываетъ на тѣхъ, которые приступаютъ только еще къ началамъ науки, а уже говорятъ свысока, какъ будто получили познаніе совершеннѣйшее.

(13) Извѣстный стихъ Солона: *ἡρόδοτος δ' αὖτε πολλὰ διδασκόμενος*. Онъ сохраненъ Плутархомъ v. Solon. p. 96. E. и Схолиастомъ ad Sophocl. Antig. v. 711.

(14) Изъ многихъ мѣстъ Ксенофоновыхъ и Платоновыхъ сочиненій видно, что послѣдователи Сократа, и особенно Платонъ, болѣе одобряли аѳинскій образъ жизни, такъ какъ Доріане отличались какою-то важностію и прямодушіемъ и въ отношеніи совершенно противоположны были дѣламъ аѳинскихъ жителей.

Юлианамъ. Посему Лахесъ, требуя искренности въ разговоръ, хочетъ, чтобъ онъ шелъ дорически, то есть, чтобы въ немъ слова гармонировали съ мыслями, а мысли съ дѣлами. Сравни. сужденіе Платона въ его Республикѣ. L. III. p. 598. sqq.

(15) На образъ сраженія Скиѳовъ указываетъ Гораций (Od. I. 19. 11) *non patitur Scythas et versis animosum equis Parthum dicere*. Этимъ также объясняется Горациево выраженіе: *profugi Scythae*. Od. I 35, 9.

(16) Слова Омира, которыя Платонъ приводитъ здѣсь, находятся въ Илиадѣ V. 225. Ст. VIII. 105. sqq. Въ послѣднемъ мѣстѣ Энеевы кони уже въ рукахъ Діомеда, который говоритъ: *ἔς ποτ' ἀπ' Αἰνείαν ἐλόμην μῆστορα φόβοιο* (другое чтеніе: *μῆστορα*, которому слѣдуетъ и Платонъ). Сократъ, по обычаю, играя словами, подъ выраженіемъ *μῆστορα φόβοιο* разумѣетъ того, кто замышляетъ бѣгство, такъ какъ бы *μῆστορ* происходило отъ *μῆδεσθαι*. Посему тотъ ошибется, кто будетъ искать здѣсь серьезнаго истолкованія словъ Омировыхъ.

(17) *Σὺ στιτοносцали*, *πρὸς τοῖς γέρροφόροις*. *Γέρροα*, по свидѣтельству Схоліаста, были ивовые щиты, употреблявшіеся Греками для всякаго огражденія во время сраженія. Но иногда, говоритъ онъ, подъ словомъ *γέρροα* разумѣлись и щиты Персидскіе, сдѣланные изъ кожи, даже палатки. Снес. *Herod.* VII. 61.

(18) Вотъ способъ, которымъ Платонъ ищетъ общихъ понятій о вещахъ. Онъ требуетъ родового *при* торый былъ бы признакомъ всехъ

предметовъ одного рода. Подобнымъ образомъ и въ Менонѣ (р. 74. А) устанавливается общее понятие о добродѣтели: τὴν δὲ μίαν (ἀρετὴν) ἢ διὰ πάντων τῶν ἐξείν, ἃ δύναμεθα ἀνευρεῖν. Сравни. Heindorf ad Sophist. р. 240. А.

(19) Если даже и врагъ и гадатель были названы мужественными, ὁλοτε γе μήτε ἱατρος μήτε μάγισ αὐτὸ γινώσκει, μηδὲ ἀνδρίος ἔσται. Здѣсь должно замѣтить употребленіе частицъ μήτε и μηδέ. Различіе между ними тоже, какое между δὲ и τί. Частица μήте употребляется для соединенія, а μηδέ — для раздѣленія словъ. Посему бге или μήте полагается, когда какое-нибудь общее понятие объясняется частными; а μηδέ имѣетъ мѣсто тамъ, гдѣ къ рѣчи присоединяется нѣчто новое, отъ значенія прежнихъ словъ отличное. Точно такое значеніе имѣютъ сии частицы и въ настоящемъ случаѣ.

(20) Эта пословица приводится и изъясняется Схолиастомъ: καὶν κῶον καὶν ὅς γινώη. Она означаетъ то, что легко познается и доступно даже для бессмысленнаго животнаго.

(21) И свиньи Кромионской, ὅδὲ τὴν κρομμύωναν ὕν. По свидѣтельству Страбона VIII. р. 583 и Павзанія Corinth. I., Кроміонъ была деревня Коринесскаго округа. Имя сей деревни едіалось историческимъ, благодаря одной свиньѣ, которая опустошала эту страну и наконецъ была убита Тезеемъ. Ovid. metamorph. VII. 435. Quod que suis securus arat Cromyona colonus, Munus opusque tuum est.

(22) Ламахъ былъ Аѳинскій полководецъ, участвовалъ въ Сиракузской войнѣ и, не смотря на старость, почитался человекомъ хитрымъ. *Plutarch. Vit. Nic. C. 15. sqq. Vit. Alcib. C. 18. καὶ γὰρ ὁ τρίτος ὁ στρατηγὸς Λάμαχος, ἡλικία προήκων, ὅμως ἐδόκει μηδὲν ἥττον εἶναι τῷ Ἀλκιβιάδου διάπυρος καὶ φιλονικύδυνος.* Никіасъ упоминаетъ о немъ и соединяетъ его имя съ именемъ Лахеса, очевидно, желая укольнуть послѣдняго.

(23) Лахесъ, кажется, былъ родомъ изъ Эксонской дѣмы. Намеки на это есть у Свиды, Стефана Византійскаго и Гарпократіона. *Anecd. Becker. T. I. p. 358.* Жители этой страны почитались людьми безстыдно злоязычными. *Schol. ad. h. l. Ἀξωνίς δημος Κερρόπιδος, καὶ Ἀξωνεῖς οἱ ἐνεῖθεν, οἱ καὶ βλάσφημοι ἐκωμῶδῶντο εἶναι παρ' ὃ καὶ ἀξωνένεσθαί φασι τὸ βλάσφημεῖν ὃ καὶ ἡ Πλατωνικὴ ρῆσις δηλοῖ.*

(24) *Третіе обстоятельство.* Первое было то, что мужество есть часть добродѣтели; второе то, что достойное страха есть будущее зло, а не страшное—будущее добро; третіе то, что знаніе каждой вещи относится ко всемъ временамъ.

(25) *Надобно повиноваться не гаданію.* Это сказано, кажется, въ насмѣшку Никіасу, который подверженъ былъ страннымъ предразсудкамъ. По крайней мѣрѣ Плутархъ (*Vit. Nic. C. 15 et 24*) при-
му διασιδαιμονίαν.

(26) Никерать, сынъ полководца Никіаса, по свидѣтельству Ксенофонта, былъ весьма коротокъ съ Сократомъ и большой любитель Омира. Онъ находится въ числѣ лицъ, разговаривающихъ въ Платоновой Республикѣ, только тамъ болѣе держится, по видимому, стороны Тразимаха. См. L. I. p. 327. С. Никерать убитъ тридцатью тираннами. *Xenoph.* Hellen. II. 3. 39. *Lysias* or. contra Poliuch. p. 602.

(27) Это мѣсто находится въ Одиссее XVII. 347. Платонъ приводитъ его также въ Хармидѣ p. 161. A.

О П Е Ч А Т К И.

стр.	стр.	Наставлено:
8	10	Еврипидъ
—	20	Евдокъ
12	9	Демосенъ
98	22	Эллиниста
31	18	пустой
34	17	философія.
43	16	Эвтифронъ
49	9	приобрѣтается
61	11	чѣмъ
62	23	приобрѣтается
63	4	-----
92	5	всѣмъ
98	11	(95)
100	15	грамматикъ
109	22	мудрость. 4
113	3	(121)
114	13	(122)
115	28	(123)
116	7	(124)
—	9	(125)
121	23	добрыя (136).—
—	30	мнѣнія?—
123	15	тиранна
170	18	добродѣтели
198	13	Месовону
205	13	Рункелія
261	6	Ну, Эвтидемъ,
286	20	безыскусственное
303	1	дѣломъ одинъ

Читай:

Эврипидъ
Эвдокъ
Демосенъ
эллиниста
пустой
философія?
Эвтифронъ.
приобрѣтается
чѣмъ
приобрѣтается

всѣмъ
(96)
грамматисты
мудрость?
(123)
(124)
(125)
добрыя (136).
мнѣнія?
тирана
добродѣтель
Месову
Рункелія
Ну, Эвтидемъ!
безыскусственное
дѣломъ—одинъ

СОЧИНЕНИЯ
ПЛАТОНА.

ПЕРЕВЕДЕННЫЯ СЪ ГРЕЧЕСКАГО

И

ОБЪЯСНЕННЫЯ

*Профессоромъ Санктпетербургской
Духовной Академіи*

КАРПОВЫМЪ.

ЧАСТЬ 2.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ.

1842.

АИЗНИРОЗ

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы, по напечатаніи, представлено было
въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экзем-
плярѣвъ.

С. Петербургъ. Октября 1 дня 1841 года.

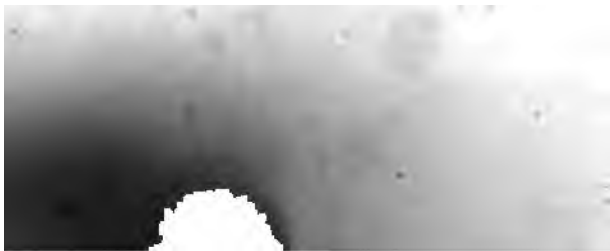
Ценсоръ *А. Никитенко.*

ХАРМИДЪ.

THE END

Х А Р М И Д Ъ.

В В Е Д Е Н І Е.

Разговоръ, озаглавленный именемъ Хармида, Платонъ посвятилъ изслѣдованію разсудительности, одной изъ коренныхъ добродѣтелей въ нравственной философіи Грековъ. Разсудительность (*σοφροσύνη*) въ древней Греціи, какъ у насъ здравый смыслъ (*sensus communis*, *mens sana*), или еще больше,—благоразуміе (*prudentia*), принимаема была въ различныхъ значеніяхъ. Это видно не только изъ содержанія разсчитываемаго теперь разговора, но и изъ того, что двѣ родственныя и по времени близкія одна къ другой философскія школы, Сократова и Аристотелева, составляли объ ней едва не противоположныя понятія. По мнѣнію Аристотеля (1), разсудительность не имѣетъ мѣста въ области собственно душевныхъ дѣйствій: ея

(1) Eth. Nicom. III. 13. 14.

поприще—сфера чувственныхъ пожеланій и страстей; здѣсь, между сими движителями сердца, то возмутительными и дикими, то тихими и обаятельными, человѣкъ долженъ утвердить масштабъ, которымъ опредѣлялась бы золотая середина въ радостяхъ и печаляхъ, въ наслажденіяхъ и страданіяхъ. И этотъ масштабъ, эта мѣра удовольствій, это Делфійское *μηδὲν ἄγαν* (ничего слишкомъ) есть не что иное, какъ *σωφροσύνη*. Такое понятіе Аристотеля о разсудительности заставило Римскихъ ученыхъ разумѣть ее уже не какъ разсудительность, но какъ воздержаніе, или умѣренность; а потому Греческое *σωφροσύνη* они переводили словомъ *temperantia*. Въ послѣдующія же времена, когда философы разсматривали мнѣнія древнихъ болѣе по Латинскимъ переводамъ, нежели по оригиналамъ, слово *temperantia* получило значеніе обширнѣйшее и почиталось тождественнымъ Греческому *σωφροσύνη* не только въ смыслѣ Аристотелевомъ, но и Сократовомъ. Между тѣмъ Сократъ понималъ эту добродѣтель совсѣмъ иначе. Подъ словомъ *σωφροσύνη* онъ разумѣлъ практическій разсудокъ, или такое нравственное состояніе человѣка, въ которомъ всѣ силы его дѣйствуютъ по законнымъ своимъ нормамъ, не пересиливая одна другой и не измѣняя взаимнаго отношенія. Нѣкогда спросили Сократа: что такое разсудокъ (*φρόνησις*)? — Благозвучіе души, отвѣчалъ онъ. Потомъ на другой вопросъ:

кто имѣеть разсудокъ?—Тѣ, сказалъ онъ, которые не легко погрѣшаютъ (1). Такимъ образомъ разсудокъ, разсудительность, или здравомысліе (*σὺς* и *φρόνησις*), по его мнѣнію, есть красота души, гармонія ея силъ и согласіе внѣшней дѣятельности чловѣка съ душевными силами (2). Что Сократъ и Платонъ имѣли точно такое понятіе о разсудительности, видно и изъ значенія объяснительныхъ выраженій, нерѣдко стоящихъ въ связи съ словомъ *σωφροσύνη*, или замѣняющихъ его. Такъ напримѣръ *σωφροσύνη* часто представляется однозначущимъ съ словами *ἡ αἰδοσιμότης* и *ἡ κοσμιότης*; въ Федонѣ (р. 83. E),

(1) *Stob. serm.* III. p. 96. *Σωκράτης ἐρωτηθεὶς, τί φρόνησις, εὐαρμοσύνη, εἶπε, ψυχῆς Ὁ αὐτὸς ἐρωτηθεὶς, τίνας φρόνημοι; οἱ μὴ ῥαδίως, εἶπεν, ἐξαμαρτάνοντες.* Сравни. *Xenoph. mem.* III. 9. 4—5.

(2) Асть неправильно думаетъ, что Сократъ почитаетъ разсудительность добродѣтелию опытною, противуположною мудрости, или наукѣ. Слова Платона (*Phaedon.* 82. A. B.) *οἱ τὴν δημοτικὴν τε καὶ πολιτικὴν ἀρετὴν ἐπιτετηδευκότες, ἣν δὴ μάλα σοφροσύνην τε καὶ δικαιοσύνην. ἐξ ἔθους τε καὶ μελέτης γεγονυῖαν ἀνευ φιλοσοφίας τε καὶ νῦν.* Также *symp.* 209. A. *πολὺ δὲ μεγίστη, ἔφη, καὶ κάλλιστη τῆς φρονήσεως ἡ περὶ τὰς τῶν πόλεων τε καὶ οἰκήσεων διακόσμησις, ἣ δὴ ὀνομαζομένη σοφροσύνη τε καὶ δικαιοσύνη,* подтверждаютъ только ту мысль, что разсудительность не зависитъ отъ теоретическаго знанія и не можетъ быть предметомъ науки, но происходитъ изъ нравственнаго настроенія души и обнаруживается особенно въ жизни практической.

Протагоръ (p. 322. C. D) и Горгіасъ (p. 506. E. sqq.) говорится, *οἱ νόμοι καὶ σόφρονες*; а у Ксенофонта (Mem. III. 9. 4. IV, 5. Plat. legg. p. 710. Phædon. p. 69. E) вмѣсто *σωφροσύνη* стоитъ *ἡ εὐταξία καὶ ἡ εὐνομία*. Въ подобномъ значеніи Сократъ понимаетъ разсудительность и въ Хармидѣ.

Но должно замѣтить, что въ этомъ разговорѣ Платонъ, слѣдуя обыкновенной Сократической методѣ, не высказываетъ ясно и опредѣленно Сократовыхъ мыслей о разсудительности, а только приближаетъ читателя къ вѣрному о ней заключенію. Онъ имѣетъ въ виду два обстоятельства, существенно вредившихъ правильному и полному раскрытію этой добродѣтели въ Греческомъ обществѣ: первое—то, что понятія о ней въ народѣ вообще были различны, неосновательны и произвольны; второе—то, что многіе поставляли се въ одной способности разсуждать о всемъ, не зная и не дѣлая ничего. Обращая вниманіе на эти обстоятельства, Платонъ предположилъ себѣ цѣлю въ Хармидѣ—во первыхъ обнаружить шаткость и ложность людскихъ мнѣній о той добродѣтели, которую называли словомъ *σωφροσύνη*, во вторыхъ обличить хвастовство софистовъ, которые, будучи готовы разсуждать о всемъ и въ этомъ смыслѣ приписывая себѣ разсудительность, отнюдь не имѣли разсудительности, какъ добродѣтели; потому что она не есть

чистая теорія. Истинное знаніе должно обнаруживаться жванію, а иначе оно не было бы и истиннымъ; общее не можетъ ни существовать, ни приносить пользу, ни быть дѣйствительною добродѣтелію; не проявляясь въ частностяхъ. На это-то кажется мѣтить и Ксенофонтъ, когда говоритъ, что Сократъ не опредѣлилъ мудрости и разсудительности, а только сказалъ, что зная похвальное и честное, надобно пользоваться имъ, а зная постыдное, должно удалиться отъ него (1).

Что именно такова цѣль Платонова Хармида, въ томъ увѣрится всякій, кто захочетъ безъ предубѣжденій вникнуть въ содержаніе, ходъ и направленіе разговора. Въ приступъ къ нему (р. 153—158) Платонъ аллегорически показываетъ, какъ надобно понимать разсудительность въ смыслъ добродѣтели; въ первой части (р. 159—164) опровергаетъ понятія о разсудительности, составляемыя легкомысліемъ и невѣжествомъ народа; во второй (р. 165—175) изслѣдываетъ, полезна ли разсудительность, какъ чисто теоретическое знаніе, или способность разсуждать о себѣ и о всѣхъ вообще знаніяхъ, безъ приложенія разсужденій къ самому

(1) *Xenoph. mem. III. 9. 4. Σοφίαν δὲ καὶ σωφροσύνην ἔ διώριζεν, ἀλλὰ τὸν μὲν καλὰ τε καὶ ἀγαθὰ γινώσκοντα χρῆσθαι αὐτοῖς, καὶ τὸν τὰ ἀσχηρὰ εἰδὼτα εὐλαβεῖσθαι.*

дѣлу; наконецъ нѣтъ заглавнѣйшій (р. 176) и гово-
рить, что изслѣдованія Соборнаго не по-
крыли, какъ надобно, почитать разсудитель-
ность, и Сократъ признаетъ себя неспособнымъ
опредѣлить ее. Рассмотрѣвъ всѣ эти отдѣльныя
подробнѣе и кстати обратимъ вниманіе на
основанія Аста, по которымъ онъ не даетъ
мѣста Хармиду въ числѣ достойныхъ разгово-
ровъ Платона.

Главныя мысли вступленія суть слѣдую-
щія: Сократъ, по возвращеніи изъ Потидеи,
приходитъ въ Палестру и спрашиваетъ у встрѣ-
тившихся съ нимъ знакомыхъ, въ какомъ со-
стояніи теперь философія и кто изъ юношей
въ настоящее время отличается мудростію и
красотою. Критіасъ указываетъ ему на двою-
роднаго своего брата Хармида, какъ перваго
красавца; а Сократъ говоритъ: если у Хармида
и душа въ красотѣ не уступаетъ тѣлу, то онъ
непобѣдимъ; поэтому предлагаетъ рассмотреть
ее. Зовутъ Хармида, который тогда жаловался
на головную боль,—къ Сократу, который при-
нялъ на себя роль врача. Послѣдній беретъ
лечить голову какимъ-то листомъ и пригово-
ромъ, безъ котораго листъ не можетъ имѣть
дѣйствія; при томъ говоритъ, что этимъ сред-
ствомъ нельзя врачевать одинъ членъ, не врачуя
цѣлаго тѣла, и нельзя также врачевать цѣлое
тѣло, не врачуя души; а потому считаетъ
необходимымъ начать пользованіе Хармида

съ души его. Но Критіасъ увѣряетъ, что Хармидъ столь же разсудителенъ по душѣ, сколь прекрасенъ по тѣлу; и Сократъ признаетъ это весьма естественнымъ, потому что, происходя отъ Солона и Критіаса, юноша могъ по наслѣдству получить высокія качества души и склонность къ поэзіи; однакожь, чтобы узнать нужно ли пользоваться Хармидомъ, или нѣтъ, онъ спрашиваетъ его, что такое разсудительность?

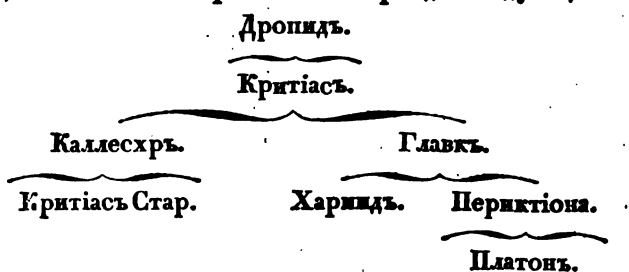
Въ этомъ вступленіи, сказано, заключается положительное понятіе Сократа о разсудительности. Мы открываемъ его здѣсь слѣдующимъ образомъ: Сократу рекомендуютъ Хармида, какъ юношу, одареннаго красотою и получившаго отличное воспитаніе. Но Сократъ признаетъ нужнымъ изслѣдовать, таковъ ли Хармидъ и по душѣ, каковъ по тѣлу, и это внутреннее состояніе души, долженствующее соответствовать внѣшнимъ свойствамъ его тѣла, называетъ разсудительностію. Значить, разсудительность, по его мнѣнію, есть здоровье, красота и гармонія души. Потомъ Сократъ беретъ за врачевать Хармида посредствомъ приговоровъ, или полезныхъ бесѣдъ, и цѣлю такого врачеванія представляетъ приобрѣтеніе разсудительности. Но мое лекарство, говоритъ онъ, можетъ быть полезно только въ томъ случаѣ, когда пользованіе будетъ начато съ души; по выздоровленіи души, тѣло выздоровѣетъ само собою. Зна

разсудительность есть не какое-нибудь познание, или богатство познаний, но нравственное состояніе, которое необходимо должно выразиться въѣннею жизнью, правильною дѣятельностію и даже истиннымъ понятіемъ о разсудительности (р. 159. А). Не смотря на такую ловкость и дѣйствительно Сократическій характеръ вступленія, Асть находитъ въ немъ много несообразностей. По его мнѣнію, сочинитель Хармида, говоря здѣсь о родствѣ Солонъ съ Дропидомъ⁽¹⁾, противорѣчитъ словамъ Платона въ Тимей (р. 20. Е): *ἦν μὲν ἢν Σόλων οἰκεῖος καὶ σφόδρα φίλος ἦεν Δροπίδῃ τῷ προπαλτῇ, καὶ ὡς λέγει πολλὰ καὶ αὐτὸς ἐν τῇ ποιήσει*. Но слово *οἰκεῖος*, по Схолиасту, означаетъ не только близняго вообще, но и родственника: *Λέγουται γὰρ οἰκεῖοι καὶ οἱ συγγενεῖς*. Hesychius: *οἰκεῖοι οἱ κατ'*

(1) Въ родственной связи Дропида съ Солономъ сомнѣваться нельзя: но что они, по показанію Прокла (ad Tim. p. 25), были родные братья, дѣти Экзекестида, и жили въ одно время, что Дропидъ, по изслѣдованію Корсинна (Fast. Att. T. III. pag. 78) и Меурсія (de Archont. Athen. I. 38), былъ Архонтомъ въ 593 года до Р. Хр. — это довольно сомнительно; яму что въ Хармидѣ говорится: «домъ вашего дѣда по мужескому колену, Критіаса, сына Дропида, прославленный, какъ извѣстно, и Анакреонтъ, и Солономъ, и многими другими поэтами, отличается» и проч. Значитъ Солонъ жилъ нѣсколько лѣтъ Дропида и едвали не былъ тестемъ Критіаса сына Дропида.

ἐπιγνῖαν ἀλλήλοις προσήμοντες καὶ ἴδιοι, καὶ οἱ κατ' οἰκίαν πάντες. Асту кажется также, что Платонъ, происходя самъ отъ Солона и Дропида, не сталъ бы столь тщеславно говорить о предкахъ Хармида и Критіаса (р. 157. Е) (1). Но я не вижу, по чему бы потомку не перевозносить своихъ предковъ, если имена ихъ слились съ славою отечества и составляютъ украшеніе его исторіи. Притомъ должно замѣтить, что Хармигъ написанъ Платономъ еще въ школѣ Сократа, въ молодыхъ лѣтахъ, на 24 или 25 году отъ роду, когда юношеское самовмѣніе, опиравшееся на знаменитости предковъ, но незнакомое съ ферулою опыта, манило его на поприще общественной службы и обещало ему въ будущемъ блистательные успѣхи (2).

(1) Родословная Критіаса и Хармида слѣдующая:

(2) *Plat. epist. VII. p. 324. В. С. Νέος ἐγώ ποτε ὦν πολλοῖς δὴ ταυτὸν ἐπαθὼν φήθην, εἰ θάπτον ἐμαυτὲ γενοίμην Κύριος, ἐπὶ τὰ κοινὰ τῆς πόλεως εὐθὺς ἵναί. Καὶ μοι τύχαι τινὲς τῶν τῆς πόλεως πραγμάτων τοιαῖδε παρέτεσσον ὑπὸ πολλῶν γὰρ τῆς τότε πολιτείας λοιδωρμένης μεταβολὴ γίνεται, καὶ τῆς μεταβολῆς εἰς καὶ*

О столь раннемъ выходѣ Хармида можно заключать изъ того, что въ этомъ разговорѣ Критіасъ находится въ тѣсной связи съ Сократомъ, значить еще не принадлежитъ къ числу тридцати Аѳинскихъ тиранновъ, и потому Аѳиняне еще не имѣютъ причины обвинять Сократа за этого самовластителя (1). Наконецъ Асту особенно не нравится здѣсь то, что Сократъ какъ будто увлекается вовсе не философическою любовью къ Хармиду, въ чемъ Атеней (L. V. p. 187) укоряетъ и самаго Платона. Но если всѣ подобныя выраженія въ Платоновыхъ сочиненіяхъ понимать серьезно, въ значеніи буквальномъ; то надобно почестъ подложными и тѣ разговоры, которые самъ Астъ признаетъ несомнѣнными. Гдѣ больше цинизма какъ не

πεντήκοντά τινας ἀνδρες προέβησαν ἄρχοντες, ἔνθα μὲν ἐν ἅττει, δέκα δ' ἐν Πιραιεῖ, περί τε ἀγορᾶν ἑκάτεροι τῶντων ὅσα τε ἐν τοῖς ἅττει διοικεῖν ἔδει, τριάκοντα δὲ πάντων ἄρχοντες κατίστησαν αὐτοκράτορες τοῦτων δὴ τινες οἰκιστοὶ τε ὄντες. (то - есть, Критіасъ и самъ Хармидъ, который, по свидѣтельству Ксенофонта (Hellen. II. 4. 19), принадлежалъ къ числу десяти архонтовъ Пирея.

(1) *Aeschin. adv. Timarch. p. 169. ed. Reisk.* — Судя надъ Сократомъ между прочимъ ставилъ ему въ вину то, что изъ его школы вышелъ Критіасъ, одинъ изъ жесточайшихъ Аѳинскихъ тиранновъ, убѣжавшій потомъ въ Эссалию. См. прим. къ Прот. 18. Этотъ самый Критіасъ извѣстенъ былъ и какъ поэтъ. Отрывки его стихотвореній дошли до насъ. См. *Critias fragm. ed. V. Bach. Lips. 1827. 8.*

въ Федръ и Пиръ? Однакожъ эти бесѣды не только подлинныя, но еще въ составъ Платоновыхъ сочиненій занимаютъ почетное мѣсто. Внимательный наблюдатель замѣтитъ, что эротическія выходки Сократа вездѣ прикрыты ироніею и имѣютъ смыслъ болѣе благородный. Ксенофонтъ справедливо замѣчаетъ: *πολλὰ μὲν αὖ τινος ἔραυ, φανερόν δ' ἦν ὅτι τῶν τὰ σόφια πρὸς ἄραυ ἄλλὰ τῶν τὰς ψυχὰς πρὸς ἀρετῇ πρῶτον ἐφίεμενος*. Притомъ Сократъ въ Хармидѣ говоритъ (р. 174. В): «мною, другъ мой, ничего не опредѣлишь; въ отношеніи къ красавцамъ я просто бѣлый снуръ; мнѣ почти всѣ въ этомъ возрастѣ кажутся красивыми.»

Въ первой части разговора Сократъ бесѣдуетъ съ однимъ Хармидомъ, который на вопросъ Сократа, что такое разсудительность, произноситъ три различныхъ понятія объ этой добродѣтели. Сперва онъ называетъ ее благопристойною дѣятельностію и тихостію, *τὸ νομίαν κράτειν καὶ ἡσυχῇ*. Но Сократъ, не говоря ничего о благопристойности, *τὴ νομίαντι*, такъ какъ она действительно есть одинъ изъ отличительныхъ признаковъ разсудительности, отвергаетъ только тихость, *τὴν ἡσυχίαν*. Тихостію, говоритъ онъ, всегда и во всемъ хуже скорості; слѣдовательно не можетъ быть чертою похвальною и достойною разсматриваемой я добродѣтели. Потомъ Хармидъ поставляетъ

разсудительность въ стыдливости. Но поелнку стыдливость сама по себѣ имѣетъ значеніе неопредѣленное и не всегда одобряется, напри- мѣръ, по словамъ Омира, стыдъ не добро въ чловѣкѣ нуждающемся: то Сократъ находитъ и это понятіе недостаточнымъ. Наконецъ юно- ша предлагаетъ третіе опредѣленіе разсудитель- ности. Я слыхалъ, говоритъ онъ, что быть раз- судительнымъ, значить дѣлать свое, *τὰ ἑαυτοῦ πράττειν*. Это мнѣніе въ самомъ дѣлѣ было въ ходу у тогдашнихъ философовъ (1), и Платонъ не безъ основанія заставилъ Хармида сказать, что оно заимствовано имъ отъ другихъ. Не безъ причины также Сократъ догадывается, что Хармидъ слышалъ его отъ Критіаса; потому что Критіасъ вообще любилъ науки и, кажется, охотѣе слушалъ знаменитыхъ софистовъ того времени, чѣмъ Сократа (2). Впрочемъ Сократова догадка оправдывается и тѣмъ, что сынъ Кал- лекхра съ жаромъ вступился за истинность этого положенія. Но дѣйствительно ли оно истинно?—Надобно замѣтить, что Сократъ опро- вергаетъ его не какъ ложное, а какъ неопре- дѣленное, или неточное. Слова: дѣлать свое, говоритъ онъ, походятъ на загадку, то-есть буквально выражаютъ не тотъ смыслъ, который вѣроятно былъ въ умѣ чловѣка, произнесшаго

(1) *Plat. Tim.* p. 72. A.

(2) *Plat. Tim.* 20. A. *Protag.* p. 316. A. 336. D. E.

нихъ (1). Держась буквального значенія этихъ словъ, Сократъ умозаключаетъ слѣдующимъ образомъ: кто дѣлаетъ свое, тотъ дѣлаетъ то, что ему принадлежитъ, или его касается; но разсудительный дѣлаетъ свое; слѣдовательно разсудительный дѣлаетъ то, что ему принадлежитъ, или его касается, значить ткать себѣ платье, шить себѣ башмаки и проч.,—и все только себѣ, а не другимъ. Когда это третіе, предложенное Хармидомъ мнѣніе привело собесѣдниковъ къ столь нелѣпому заключенію, то Критіасъ попышалъ поправить дѣло. Между словами *дѣлать* и *производить*, говоритъ онъ, есть различіе. Я согласенъ, что разсудительный можетъ заниматься и чужимъ; но въ такомъ случаѣ онъ производитъ, а не дѣлаетъ. Производительность иногда бываетъ безчестна, если относится къ предметамъ неизящнымъ: напротивъ дѣло, по словамъ Псіода, всегда честно. Притомъ, произведенное хорошо и съ пользою есть не *чужое произведеніе*, а *своя работа*. Соединяя эти мысли, Сократъ заключаетъ, что подъ именемъ *собственнаго и своего*, Критіасъ разуметь добро, и дѣлами называетъ произведенія людей добрыхъ; а потому предлагаетъ

(1) Выраженіе: *дѣлать свое*, имѣетъ различныя значенія: 1) дѣлать то, что меня касается, или мнѣ принадлежитъ; 2) жить для себя, а не для общества; 3) жить, какъ мнѣ хочется; 4) исполнять возложенныя на меня обязанности.

вопросъ: точно ли разсудительность есть дѣланіе добра? и такимъ образомъ переходить ко второй части разговора.

Въ этой части Критіасъ сперва утверждаетъ, что человѣкъ разсудительный дѣлаетъ доброе и полезное: но чрезъ такое понятіе, разсудительность очевидно лишается отличительныхъ своихъ признаковъ, сливается со всеми другими добродѣтелями, становится внѣ отношеній къ чувствованіямъ сердца, вводится въ міръ опыта и дѣлается игрушкою софистики. Посему Сократъ, желая обратить вниманіе собесѣдника на связь ея съ знаніемъ, какъ внутреннею, или духовною принадлежностію каждой добродѣтели, спрашиваетъ его: знаетъ ли дѣлающій доброе и полезное, что онъ разсудителенъ? — и когда тотъ отвѣчалъ положительно, продолжаетъ: а знаетъ ли врачъ, что, пользуя кого-нибудь, онъ дѣйствительно исцѣлитъ его, или художникъ, что его работа непременно доставитъ ему выгоду? — На этотъ вопросъ, разумѣется можно было отвѣчать только словомъ *иногда*; — и Сократъ заключаетъ: слѣдовательно человѣкъ разсудительный иногда не знаетъ своего, то-есть, того, что онъ разсудителенъ. Явно, что это заключеніе стоитъ въ связи съ предъидущимъ положеніемъ Критіаса. Выше было допущено, что разсудительный дѣлаетъ свое; но кто хочетъ дѣлать свое, тотъ непременно долженъ знать его. Теперь Сократъ

доказать, что разсудительный не всегда знает свое; следовательно онъ не всегда можетъ и дѣлать свое.

Опровергнутый такимъ образомъ, Критіасъ превращаетъ Сократово слѣдствіе и говоритъ: кто не знаетъ своего, тотъ и неразсудителенъ; истинно разсудительный необходимо знаетъ себя, то-есть, дѣлаетъ доброе и полезное не иначе, какъ съ сознаніемъ, и это мнѣніе подтверждаетъ значеніемъ Делфійской надписи. Но Сократъ, предположивъ умственно тройкій смыслъ знанія, а именно: 1) знаніе, какъ форму, 2) знаніе, какъ матерію, или содержаніе и 3) знаніе, какъ произведеніе, или сочетаніе матеріи съ формою, хочетъ изслѣдовать, въ какомъ смыслѣ Критіасъ понимаетъ самознаніе, свойственное человеку разсудительному, и спрашиваетъ: какое благо доставляетъ намъ разсудительность, какъ знаніе себя? Явно, что этотъ вопросъ клонится къ опредѣленію произведенія, или плодовъ, приносимыхъ самознаніемъ. Критіасу надлежало оправдать свое мнѣніе чрезъ приложеніе его къ наукамъ, искусствамъ и практической жизни. Но онъ говоритъ, что въ этомъ отношеніи знанія—не одинаковы: однѣ изъ нихъ производятъ нѣчто осязательное, постигаемое чувствами; а другія дѣлаютъ то, на что, какъ на произведеніе ихъ, указать невозможно. Къ послѣднему роду знаній, по его понятію, относятся и разсудительность. Эта мысль конечно

справедлива, но не довольно ясна и заключаетъ въ себѣ болѣе формы, чѣмъ содержанія. По сему Сократъ требуетъ, чтобы Критіасъ опредѣленнѣе указалъ на матерію, или предметъ самознанія. Искусства считать и взвѣшивать, говоритъ онъ, не приносятъ плодовъ осязательныхъ; однакожъ числа и тяжести, которыми онъ занимается, суть нѣчто отличное отъ нихъ. Скажи же, Критіасъ, что бы такое было отличное отъ разсудительности, съ чѣмъ она имѣетъ дѣло? Этимъ вопросомъ сынъ Каллесхра поставленъ былъ въ необходимость найти послѣдній и частнѣйшій признакъ разсматриваемой добродѣтели въ самомъ предметѣ. Но вотъ отвѣтъ его: прочія искусства, говоритъ онъ, суть знанія не себя, а чего-нибудь другаго; одна только разсудительность есть знаніе самой разсудительности и прочихъ знаній. Кто не замѣтитъ съ перваго взгляда, что предметъ разсудительности, какъ самознанія, является здѣсь логическимъ понятіемъ и есть не болѣе, какъ чистая форма, — скелетъ науки, которую Фихте называлъ философією? И какъ искусно Платонъ обличаетъ заблужденія Сократовыхъ учениковъ, которые, искажая мнѣнія своего учителя, бросали ихъ для потѣхи въ толпу софистовъ! Извѣстно, что Сократъ основывалъ свою философію также на самопознаніи, слѣдовательно почиталъ ее знаніемъ знаній, то-есть наукою человѣческой жизни и дѣятельности въ природѣ внутренней и

низшей. Но сего знанія онъ не отдѣлялъ отъ предметовъ реальныхъ, сей науки не ограничивалъ предѣлами логическихъ понятій: его философія была практическою, его мудрость—аскетическаго сердца, его умствованія—душею всѣхъ занятій даже въ самыхъ низшихъ слояхъ опыта. По сему, рассматривая послѣднее, чисто формальное положеніе Критіаса, сынъ Софрониска поставляетъ его въ совершенную противуположность съ своимъ ученіемъ и ищетъ въ немъ именно того, чего ни въ какомъ формализмѣ быть не можетъ, то-есть, возможна ли разсудительность, какъ знаніе разсудительности и другихъ знаній, и какую пользу она привнесетъ намъ, когда мы будемъ имѣть о ней такое понятіе.

Приступая къ рѣшенію перваго вопроса, Сократъ предварительно условливается съ Критіасомъ понимать разсудительность не только какъ знаніе знанія и прочихъ знаній, но и какъ знаніе незнанія, потому умозаключаетъ слѣдующимъ образомъ: Нѣтъ ни одной душевной силы и ни одной человѣческой дѣятельности, которая не направлялась бы къ извѣстному, отличному отъ себя предмету, а занималась бы собою. Какъ же возможно, чтобы разсудительность, если она есть знаніе знанія и прочихъ знаній, обращалась только къ себѣ и имѣла предметомъ только себя? Обращаясь къ себѣ, она должна быть больше себя; потому

что подлежитъ знанію, которое познаетъ ее: съ другой стороны, имѣя предметомъ знаніе, она конечно менѣе себя; ибо въ такомъ случаѣ знаніе подчинено ей (1). Притомъ если бы разсудительность, какъ знаніе знанія, была возможна; то она видѣла бы себя подѣ какими-нибудь частными чертами, значить отличала бы себя отъ себя. Такъ напримѣръ, если бы зрѣніе видѣло само себя; то безъ сомнѣнія имѣло бы свой цвѣтъ, какъ необходимое условіе зрѣнія. Но это противорѣчитъ принятому положенію, которое, не выходя изъ предѣловъ логической формы, не приписываетъ разсудительности ничего реальнаго. Между тѣмъ надобно быть великимъ человѣкомъ, говорить Сократъ, чтобы найти въ вещи такія свойства, которыя служили бы ей для ней самой; да и тогда еще осталось бы нерѣшеннымъ, это ли должно назвать разсудительностію.

(1) Для объясненія сего умозаключенія, мы подвергаемъ такой же критикѣ нравственное начало самоусовершенія: *perfice te ipsum*. Кто стремится усовершенить себя; тотъ долженъ быть уже совершенъ (болѣе себя); потому что видитъ свои недостатки и умѣетъ исправить ихъ. Съ другой стороны кто стремится усовершенить себя; тотъ очевидно несовершенъ (менѣе себя); ибо находитъ, что его качества ниже сознаваемой имъ мѣры совершенства.

Приведенный такими изслѣдованіями въ недоумѣніе, Критіасъ не можетъ сказать ничего дѣльнаго и только словами старается прикрыть свое безсиліе въ рѣшеніи Сократовой задачи. По сему Сократъ обращается къ другому вопросу: полезна ли разсудительность, какъ знаніе знанія и прочихъ знаній, даже самаго незнанія? Предположивъ, что это понятіе справедливо, онъ приписываетъ разсудительному знанію того, что кто знаетъ и чего кто не знаетъ. Критіасъ не давъ надлежащаго вѣса словамъ: *что* знаетъ и *чего* не знаетъ, охотно соглашается на его заключеніе: обладающій знаніемъ, говоритъ онъ, разумѣется знающъ. Побуждаемый такимъ недоразумѣніемъ Критіаса, Сократъ объясняетъ свою мысль слѣдующимъ образомъ: знаніе, спрашиваетъ онъ, будучи знаніемъ знанія, можетъ ли различать что-нибудь кромѣ того, что это — знаніе, а то — незнаніе? и изъ отрицательнаго отвѣта Критіасова мало по малу выводитъ слѣдствіе, что человеку разсудительному, покомнику онъ имѣетъ только знаніе знаній, а незнакомъ коротко съ самымъ содержаніемъ ихъ, не можетъ быть извѣстно, что и что именно знаетъ, также кто и чего именно не знаетъ; а потому для человека разсудительнаго всѣ знанія сливаются въ одно безразличное, логическое знаніе, и всѣ знатоки стоятъ на одной общей степени наукомъ

съ незнаючими. Къ чему же ведетъ такая разсудительность? Что въ ней добраго и полезнаго, спрашиваетъ Сократъ? Она приносила бы великую пользу только въ такомъ случаѣ, когда бы знала, кто и что именно знаетъ, кто и чего именно не знаетъ; ибо тогда, съ ея помощію, мы поручали бы исполненіе дѣлъ только людямъ знающимъ, и по тому у насъ все исполнялось бы превосходно.

Впрочемъ положимъ, продолжаетъ Сократъ, что разсудительность, какъ знаніе знаній, дѣйствительно знаетъ, о чемъ кто-нибудь имѣетъ познаніе и о чемъ — нѣтъ: но и въ такомъ случаѣ она не сдѣлаетъ насъ счастливыми. Не спорю, что подъ ея руководствомъ, люди пользовались бы здоровьемъ, спасались бы отъ опасностей, носили бы хорошую одежду, обувь и проч.: но все еще они не были бы счастливы; да и опытъ показываетъ, что нѣкоторые художники хотя и обладаютъ знаніемъ своего искусства, однакожъ не наслаждаются благополучіемъ. Скажи же, Критіасъ, спрашиваетъ Сократъ, которое именно знаніе доставляетъ людямъ счастье. — Но Критіасъ не нашелъ ни одного, годнаго для этой цѣли. — По крайней мѣрѣ то, о которомъ я спрашиваю, имѣетъ ли какой-нибудь предметъ? — Имѣетъ, отвѣчалъ Критіасъ, — добро и зло. Пришедши къ этой мысли Сократъ

заключается, что благополучіе человека зависит отъ знанія добра и зла, и что прочія знанія тогда только могутъ быть полезны, когда будутъ развиваться подъ его условіемъ. Если же всѣ люди и во всѣхъ родахъ знаній получаютъ пользу только отъ знанія добра и зла; то разсудительность, какъ знаніе знаній, вовсе бесполезна. Замѣчанье же, Критіасъ, слабости моихъ изслѣдованій, прибавляетъ Сократъ? Я не умѣю найти пользу даже въ разсудительности, которая безъ сомнѣнія должна быть чѣмъ-то весьма полезнымъ. Явно, что знаніе добра и зла, поставленное Сократомъ выше всякаго знанія, есть то самое здравіе души, та самая гармонія душевныхъ силъ и нравственной дѣятельности человека, на которую, какъ на истинную разсудительность, онъ указывалъ еще въ приступѣ къ Хармиду. Это подтверждаетъ и Ксенофонтъ (1). Когда спросили Сократа, говоритъ онъ, должно ли почесть мудрыми и разсудительными тѣхъ, которые, зная, что надобно дѣлать, дѣлаютъ противное; то онъ отвѣчалъ, что такіе люди отнюдь не мудры и не разсудительны; ибо изъ дѣлъ возможныхъ, по моему мнѣнію, всѣ охотнѣе совершаютъ дѣла, признаваемые особенно полезными. Здѣсь понятие

(1) *Хенорк. мем.* III. 2. 4.

пользы Сократъ не отличаетъ отъ понятія добра, что справедливо замѣтилъ и Штейдлинъ (Gesch. d. Moralphilosophie p. 84 sqq.). Въ заключеніе разговора Сократъ снова обращается къ Хармиду и жалѣетъ, что отъ Критіасовой разсудительности онъ не получитъ ничего полезнаго; всего же болѣе жалѣю о томъ, говоритъ онъ, что и Θракійскій приговоръ оказался пустымъ дѣломъ, или лучше самъ я—плохимъ изслѣдователемъ. По этому, если ты, Хармидъ, дѣйствительно разсудителенъ, то меня почитай болтуномъ, а себя человѣкомъ счастливейшимъ. Но Хармидъ не знаетъ, разсудителенъ онъ, или нѣтъ, и рѣшается подвергнуться дѣйствию Сократова приговора.

Лица разговаривающія:

СОКРАТЬ, ХЕРЕФОНЪ, КРЕТИАСЪ, ХАРИНДЪ.

Возвратившись наканунѣ вечеромъ изъ Потидейскаго лагеря, я, послѣ долговременной отлучки, весело спѣшилъ въ обычныя мѣста собранія собесѣдниковъ (1) и между прочимъ зашелъ въ Тавреесву палестру, что противъ храма царскаго. Тутъ встрѣтилосъ мнѣ очень много и незнакомыхъ людей и знакомыхъ. Увидѣвъ меня, неожиданно вошедшаго, они тотчасъ, кто откуда, раскланивались со мною издали; а Хересонъ, какъ человекъ пылкій (2), выскочивъ изъ толпы, подбѣжалъ ко мнѣ и, схвативъ меня за руку, сказалъ: ахъ, Сократъ! какъ это спасся ты отъ сраженія? Вадъ едва мы ушли, при Потидеѣ произошла битва, — и находящіеся здѣсь только сей часъ узнали о ней. — Какъ видишь, отивчалъ я. — Здѣсь, продолжалъ онъ, объявляютъ, что сраженіе было жаркое и что въ немъ пало много знаемыхъ. — И справедливо объявляютъ, они

я. — Такъ ты участвовалъ въ битвѣ (3), спросилъ онъ? Конечно участвовалъ. — А! сюда же! садись и рассказывай намъ; потому что мы еще не все ясно знаемъ. — Тутъ онъ привелъ меня къ Критіасу, сыну Калаесхрову, и посадилъ. Сѣвши подлѣ Критіаса, я приветствовалъ какъ его, такъ и другихъ, и началъ рассказывать имъ о событіяхъ въ лагерь, отвѣчая на вопросы каждаго; а спрашивалъ кто что.

- Когда же любопытство наше было удовлетворено; то и я съ своей стороны спросилъ о новостяхъ въ городѣ, о философiи, въ какомъ она теперь состояніи, и о юношахъ, кто изъ нихъ отличается мудростію, красотою, или тѣмъ и другимъ вмѣстѣ. При этомъ вопросѣ Критіасъ, взглянувъ на дверь и замѣтивъ ка-
 154. кихъ — то юношей, входившихъ въ палестру и ссорившихся между собою, а по слѣдамъ ихъ другую толпу, сказалъ: что касается до красавцевъ, Сократъ, то ты, кажется, сей часъ увидишь ихъ. Вотъ эти вошедшіе суть предтечи и друзья того, который почитается красивѣйшимъ. Вѣроятно и самъ онъ скоро войдетъ. — Да кто же и чей онъ, спросилъ я? — Ты безъ сомнѣнія зналъ его; только до твоего отъѣзда онъ не былъ еще на возрастѣ (4): это
 В. двоюродный братъ мой Хармидъ, сынъ нашего дяди, Главка. — А! точно зналъ. Онъ былъ не дурень и тогда — въ дѣтствѣ, а те-

быть, прилично имѣть и образованную душу. — О, въ этомъ отношеніи онъ также весьма хорошъ и добръ, былъ отвѣтъ. — А что, не раздѣтъ ли намъ ее (7), сказалъ я, и не посмотрѣть ли на нее прежде, чѣмъ на тѣло? Находясь въ такомъ возрастѣ, Хармидъ уже конечно охотникъ разговаривать. — И очень, отвѣчалъ Критіасъ; къ томужъ онъ философъ, да еще и поэтическій (8), какъ инымъ и ему самому кажется. — Вотъ эта-то красота, любезный Критіасъ, перешла къ вамъ издалека, отъ родства съ Солономъ. Такъ потрудись же позвать и покажи юношу; ибо ему, хотя бы онъ былъ и моложе, не стыдно бесѣдовать съ нами при тебѣ, его руководителѣ и двоюродномъ братѣ. — Ты хорошо говоришь; позовемъ. — Мал-
в. чикъ! крикнулъ онъ слугѣ: позови сюда Хармида, и скажи ему, что я хочу представить его врачу, по случаю болѣзни, на которую онъ недавно жаловался. — Потомъ обратившись ко мнѣ, примолвилъ: Хармидъ, вставши съ постели, въ самомъ дѣлѣ чувствовалъ тяжесть въ головѣ, и тебѣ ничто не мѣшаетъ показать видъ, будто ты знаешь лекарство для головы. — Конечно ничто не мѣшаетъ, только приди онъ. — А вотъ придетъ сказалъ Критіасъ. — Такъ и случилось. Но своимъ приходомъ Хармидъ возбудилъ сильный смѣхъ; потому что каждый изъ насъ, которые тутъ сидѣли, усердно тѣснѣли своего сосѣда, съ намѣреніемъ очистить

волей себя нѣсто, пока съ воцѣсть одинъ не
всталъ, а другой не свалился на полъ. При-
шедшій съел между ними и Бритисонъ. Вотъ
тутъ-то, другъ мой, и я уже сѣмьлася; куда
дѣвалась преская сѣмьлость, представляемая
мнѣ босаду съ нѣмъ восьма лѣтнѣ! А когда
Бритисъ сказалъ, что я нѣмнѣ тотъ, который
знаеть лѣкарство, и когда Хариндъ какъ-то не-
ожиданно посмотрѣлъ на меня и будто хо-
телъ что-то спросить, цѣмъ же наестра вол-
новалась около насъ большннѣ крѣтѣнъ; тогда,
почтеннѣйшій, я (9).
. вышель изъ себя (10) и въ
честу иудрѣйнику въ любви оиѣсь Бритисъ
(11), который о прекрасномъ мальчикѣ сказалъ:
слѣднѣ, *любѣ оиѣ*, повелѣннѣ на оиѣрѣу
моу, не оиѣдался еѣ добѣтѣмъ. Казалось, что
и меня увлекло это животное. На вопросъ
Харинда, точно ли нѣмъ нѣмнѣство лѣкарство к
днѣ головы, я еднѣ могъ отвѣтить, что нѣмнѣс-
но. — Какое же это? спросилъ онъ. — Это
одинъ листъ, сказалъ я: но къ оиѣу лѣкарству
надобно еще пригосудннѣть приговору; и кѣ
устроѣмнѣсть еѣ съ приговоруѣмъ, днѣ того
еѣ дѣйствнѣтельно, а бѣмъ приговору не при-
вѣстѣ нѣмнѣской воли. — Такъ я оиѣмнѣу у
тебѣ эѣотъ приговору, сказалъ онъ. — Но нѣмнѣу
ли, что поспросннѣть меня, или и не проси? —
По тому, что поспросиу. Сократѣ, отвѣчалъ оиѣмнѣ-
тѣмнѣмъ. — Пусть такъ: но ты уже нѣмнѣмнѣ

мое имя? — Иначе я обидѣлъ бы тебя моими сверстниками бываетъ о тебѣ разговоровъ; притомъ я еще съ дѣтства твое знакомство съ Критіасомъ. — Ходялаешь ты, сказалъ я; за то тѣмъ смѣ

- В. ду говорить, въ чемъ состоитъ мой п только недоумѣваю, какимъ бы образъяснить его силу. Видишь, онъ такъ мидъ, что не исцѣляетъ одной голово ствуетъ, подобно добрымъ врачамъ, какъ и ты можешь быть слыхалъ, ходитъ къ нимъ кто-нибудь, страда зами, говорятъ ему, что они не мо зовать одни глаза, что для приведе здоровое состояніе, должно лѣчить
- С. лѣчить голову—онѣть одну, саму по всего тѣла, было бы крайне небл По этой причинѣ, они предписыв цѣлому тѣлу и въ цѣломъ старают вать часть его. Или ты, можешь бы ешь, что такъ говорятъ и такъ бы Нѣтъ знаю. — А одобряешь ли это принимаешь ли его? — Всего болѣ онъ —

Слыша, что онъ хвалить меня я бодрѣе, мало по малу возвратил вою снѣлость и воодушивившись лютъ же сущность приговора цѣлого въ лагерь отъ бракій и а ией. Замолкисовыхъ (13), которы

Между
не мало
я помню
орошо же
мѣтѣ бу-
приговоръ;
азомъ обѣ-
ковъ, Хар-
вы, но дѣй-
ь, которые,
когда при-
дающий гла-
могутъ поль-
денія ихъ въ
гъ и голову, а
по себѣ, безъ
еблагоразумно.
исываютъ дѣту
раются увраче-
гъ быть, не зна-
гъ бываетъ (12)?—
и это сужденіе и
болѣе, отвѣчалъ

меня, я сдвинул
прежнюю
сказаль:
Харидь
одного

- самъ: подтверждаешь ли прежнее? думаешь ли что у тебя достаточно разсудительности, и чувствуешь въ ней нужду? — Хармидъ спер покраснѣлъ и сталъ еще лучше, ибо стыдливость идетъ къ его возрасту; потомъ не безъ благородства отвѣчалъ (18), что въ настоящее время не легко ему сказать на вопросъ и дать нѣтъ. Если я не признаю себя разсудительнымъ говорилъ онъ; то, подавая мнѣніе, неблагопріятное самому себѣ, покажусь страннымъ и облы (19) какъ Критіаса, такъ и многихъ другихъ, которые, согласно съ его отзывомъ, и читаютъ меня разсудительнымъ: а когда признаю и начну хвалиться; то можетъ быть возбужу противъ себя ненависть. По сему мнѣ нечего отвѣчать тебѣ. — На это я сказалъ, что Хармидъ, повидимому, говоритъ дѣло: кажется, и удобно разсмотрѣть съобща, другъ мой, пріобрѣлъ ли ты, или не пріобрѣлъ то, о чемъ спрашивается, чтобы и тебя не неводить говорить, чего не хочешь, и мнѣ не прибѣгать къ лѣкарству неосмотрительно. И такъ, если тебѣ пріятно, то я готовъ изслѣдовать это вмѣстѣ тобою; а когда нѣтъ, то оставимъ. — Мнѣ всего пріятнѣе, отвѣчалъ онъ; и по томъ какъ самъ лучше думаешь изслѣдовать, такъ изслѣдывай. — Приличнѣйшій образъ изслѣдованія этого предмета, сказалъ я, кажется, вотъ какой. Явно, что если есть у тебя разсудительность, то есть и нѣкоторое понятіе о ней; и

ХАРМИДЪ.

выходя въ бѣгу — нѣбудь, она необходима
внушаетъ известное чувство; а изъ чувствъ
различается у тебя и новитѣ, что такое раз-
дѣльность и какова она. Или ты не дума-
ешь? — Нѣтъ, думаю, отыскалъ она. —
этому тебѣ, умѣя говорить по-гречески,
хоть бы и выразить то самое, что думаешь
ты-есть, что она такое? — Можетъ быть. — Та-
вотъ же мы и узнаемъ, есть ли у тебя раз-
дѣльность, или нѣтъ: скажи только, что
такое, по твоему мнѣнью? — Хармидъ спе-
шился и не очень хотѣлъ отыскавъ,
потому сказалъ, что разсудительность, каковъ
есть благопростоная дѣтельность и такъ
въ ходѣ по дорожкѣ, въ разговорѣ
всѣхъ дружокъ. Цѣль твоего вопроса, по-
мнилъ онъ, выведенному, вообще есть нѣтъ
тѣмъ.

Можетъ быть ты и хорошо говоришь
сказалъ я; разсудительныхъ, Хармидъ,
моя дѣла называть такими: одинъ
своими, заключается ли что-нибудь
новитѣ. Скажи мнѣ: разсудительность
показывать ли дѣла? — И очень изъ
нѣтъ, отыскалъ онъ. — Но въ нѣтъ
тѣмъ всѣмъ показывать свѣдѣн-
ро, или тихо? — Скоро. — А читать скоро
медленно? — Скоро. — Равно и писать на-
ра, и бороться — гораздо лучше быстро,
тихо и медленно? — Да. — Ну, а состави-

кулакахъ и подвизаться во всѣхъ родахъ гимнастики — не такимъ же ли образомъ? — Конечно. — И бѣгать, и прыгать, и дѣлать всѣ тѣлесныя движенія не почитается ли свойствомъ похвальнымъ, когда это совершается быстро и скоро, а постыднымъ, когда медленно, неprovорно, тихо (21)? — Кажется. — Слѣдственно намъ кажется и то, сказалъ я, что, въ отношеніи къ тѣлу, не тихость, а скорость и быстрота есть дѣло самое похвальное? Не такъ ли? — И очень. — Но вѣдь разсудительность похвальна? — Да. — Если же она похвальна; то, въ отношеніи къ тѣлу, должна быть разсудительнѣе не тихость, а скорость. — Надлежало бы, отвѣчалъ онъ. — А что? спросилъ я: въ ученіи похвальнѣе острота, или тупость? — Острота. — Не правда ли, что въ ученіи быть острымъ, значить учиться скоро, а быть тупымъ, значить учиться тихо и медленно? — Да. — И учить другаго не похвальнѣе ли скоро и сильно, чѣмъ тихо и медленно? — Конечно. — Что еще? припоминать и удерживать въ памяти похвально ли тихо и медленно, или скоро и сильно? — Сильно и скоро, сказалъ онъ. — Вѣдь остроуміе, безъ сомнѣнія, есть нѣкоторая быстрота, а не тихость души? — Правда. — Слѣдовательно весьма похвально замѣчать наставленія грамматиста, цитриста и всякаго другаго, какъ можно скорѣе, а не какъ можно тише. — — По этому въ душевной дѣятельности и

связаніи достоинъ похвалы, думаю, не тотъ, кто тихо, съ трудомъ совѣтуетъ и изобрѣтаетъ, а тотъ, кто дѣлаетъ это легко и скоро.—Точно такъ, сказалъ онъ. — Значить все, совершаемое скоро и быстро, какъ въ отношеніи къ душѣ, такъ и въ отношеніи къ тѣлу, кажется намъ, Хармидъ, гораздо похвальнѣе, чѣмъ то, что совершается медленно и тихо? — Должно быть, отвѣчалъ онъ. — А изъ этихъ словъ слѣдуетъ, что разсудительность нельзя назвать какою-то тихостію, и жизнь разсудительную жизнью тихою, какъ скоро, будучи разсудительною, она должна быть похвална. Тутъ одно изъ двухъ: тихія дѣла или никогда, или весьма рѣдко въ жизни выходятъ лучше скорыхъ и сильныхъ. Да если бы, другъ мой, тихихъ, достойныхъ похвалы, открыть и не менѣе, чѣмъ сильныхъ и скорыхъ; и тогда неразсудительно было бы предпочитать дѣятельность болѣе тихую, дѣятельности скорой и сильной, въ ходѣ ли то, въ разговорѣ, или въ чемъ другомъ (22); и тогда тихую жизнь не слѣдовало бы представлять себѣ разсудительнѣе не тихой; потому что разсудительность мы причислили къ дѣламъ похвальнымъ; а скорое было бы столь же похвально, какъ и тихое. — Ты Сократъ, кажется, говоришь справедливо, сказалъ онъ. —

И такъ, Хармидъ, размысли опять, всмотрись въ самага себя, подумай, какимъ дѣлаетъ тебя твоя разсудительность и какова она, ес

такимъ тебя дѣлаетъ. Соединивъ въ умѣ всѣ эти обстоятельства, скажи прямо и смѣло, чѣмъ она тебѣ кажется. — Тутъ Хармидъ пріостановился и, мужественно вошедши въ себя, сказалъ: разсудительность, повидимому, заставляетъ стыдиться, дѣлаетъ человека стыдливымъ и есть то же, что стыдъ. — Пусть такъ; но недавно ты призналъ ее похвальною? — Конечно, отвѣчалъ онъ. — Следовательно люди разсудительные суть также и добрые? — Да. — А можетъ ли быть добромъ то, что дѣлаетъ недобрымъ? — Отнюдъ нѣтъ. — Между тѣмъ разсудительность есть дѣло не только похвальное, но и доброе. — Кажется. — Что же? значить ты не вѣришь, что Омиръ (23) хорошо говоритъ: *стыдъ не добро съ человѣкомъ нуждающимся?* — Нѣтъ, вѣрю, отвѣчалъ онъ. — Такъ видно стыдъ добро и не добро? — Видно такъ. — Но разсудительность вѣдь добро, если она тѣхъ людей, которымъ присуща, дѣлаетъ добрыми, а не в. худыми. — Мнѣ кажется, ты говоришь правду. — Когда же разсудительность добро, а стыдъ не болѣе добро, какъ и зло; то первую нельзя назвать послѣднимъ. — Все это, повидимому, справедливо, Сократъ; но разсмотри еще слѣдующее понятіе о разсудительности: какъ оно тебѣ кажется?

Я сей-часъ вспомнилъ чьи-то слова, что быть разсудительнымъ, значить дѣлать свое. Разсмотри-ка, хорошо ли это сказано. — О лу-

кавентъ! воскликнулъ я; ты вѣрно слышалъ отъ С. Критіаса, или отъ какого-нибудь другаго мудреца! — Развѣ отъ другаго, примолвилъ Критіасъ, а ужъ никакъ не отъ меня. — Да какая нужда, Сократъ, сказалъ Хармидъ, отъ кого бы я ни слышалъ. — Разумѣется никакой; ибо не то, безъ сомнѣнія, надобно изслѣдовать, кто говорилъ, а то, истинно, или нѣтъ изреченіе. — Вотъ теперь твоя правда, сказалъ онъ. — Да, клянусь Зевсомъ. Однакожъ было бы удивительно, если бы мы открыли настоящій смыслъ его; видишь, оно походитъ на загадку. — Почему же такъ, спросилъ онъ? — По тому, отвѣчалъ я, что въ выраженіи «разсудительность D. есть дѣланіе своего» слова значать не то, что мыслилъ произносившій ихъ. Думаешь ли, что грамматистъ ничего не дѣлаетъ, когда пишетъ, или читаетъ? — Думаю, дѣлаетъ. — А кажется ли тебѣ, что онъ пишетъ и читаетъ только свое имя и васъ дѣтей учить тому же (34)? Или вы столько же писали имена враговъ, сколько друзей и свои собственные? — Конечно столько же. — Но, дѣлая это, вы хватались за E. многое и не были разсудительны? — Никакъ. — И однакожъ дѣлали - то не свое, если только писать и читать значить что-нибудь дѣлать. — Безъ сомнѣнія. — Равнымъ образомъ, другъ мой, врачевать, строить, ткать, вообще производить извѣстную вещь въ какомъ бы то ни было родѣ искуствъ называется что-нибудь дѣлать. —

И очень. — Но что? хорошо ли, по твоему мнѣнію, управлялъ бы обществомъ тотъ законъ, который предписывалъ бы каждому ткать и мыть для себя платье, шить себѣ башмаки, 162. готовить маслянные сосуды, головныя повязки и другое тому подобнѣе, — вообще чужаго не касаться, а дѣлать всякому свое? — Не думаю, отвѣчалъ онъ. — Однакожь такое общество, живя разсудительно, жило бы вѣдь очень хорошо. — Какъ же иначе, сказалъ онъ. — Такъ выходитъ, что подобное дѣланіе своего не можетъ быть названо разсудительностію. — Да, выходитъ. — То-то и есть; я и прежде, сказалъ, что слова «разсудительность есть дѣланіе своего» загадочны. Произнесшій ихъ видно былъ не такъ-то простъ. Или ты, Хармидъ, слышалъ ихъ отъ какого-нибудь простака? — Все- 163. го менѣе; онъ казался мнѣ даже очень мудрымъ. — Слѣдовательно тѣмъ вѣроятнѣе, что его изреченіе, какъ я думаю, загадка; по тому-то и трудно понять, что значить «дѣлать свое» — Вѣроятно, сказалъ онъ. — Такъ что же бы значило «дѣлать свое?» Объяснишь ли ты? — Не умѣю, клянусь Зевсомъ, отвѣчалъ онъ. Впрочемъ можетъ быть (что удивительнаго!) и тотъ не понималъ этихъ словъ, кто сказалъ ихъ. — Выговоривъ это, онъ улыбнулся и взглянулъ на Критіаса.

Между тѣмъ явно было, что Критіасъ даже борется съ самимъ собою и сильно

желаетъ похвастаться предъ Хармидомъ и присутствующими. Доселъ онъ такъ кое-какъ удерживался, но тутъ уже не вытерпѣлъ. Поэтому мнѣ кажется весьма справедливымъ свое предположеніе, что тотъ отвѣтъ о разсудительности Хармидъ слышалъ отъ Критіаса. Не рѣшался самъ дать отчетъ въ изреченіи (25), онъ подстрекнулъ своего брата и указалъ на него, какъ на обличеннаго. А этотъ невыдержалъ и, повидимому, досадовалъ на Хармида, будто поетъ на актера, когда онъ худо декламируетъ его стихотвореніе (26). По сему, взглянувъ на него значительно, Критіасъ сказалъ: тебѣ-то такъ кажется, Хармидъ, что если самъ ты не знаешь мысли чловѣка, который разсудительность поставялъ въ дѣланіи своего, то уже и онъ не знаетъ. — Но вѣдь ему въ такой молодости и не удивительно не знать этого, любезный Критіасъ, сказалъ я. Вотъ тебѣ, и по возрасту и по твоимъ занятіямъ, знать это конечно естественно. Е. И такъ если ты согласенъ, что разсудительность надобно разумѣть въ самомъ дѣлѣ такъ, какъ онъ опредѣлилъ ее; если ты принимаешь его слово: то я съ особеннымъ удовольствіемъ желаю бы вмѣстѣ съ тобою изслѣдовать, истинно или нѣтъ это опредѣленіе. — Да, я очень согласенъ и принимаю, отвѣчалъ Критіасъ. — Хорошо; скажи же мнѣ, согласенъ ли ты и въ томъ, о чемъ я недавно спрашивалъ, что то-есть всѣ художники производятъ нѣчто? — Разумѣется. —

163. Но какъ тебѣ кажется: свое ли только производятъ они, или и чужое? — И чужое. — По этому они разсудительны, производя и не свое? — Что же препятствуетъ, спросилъ онъ? — Мнѣ-то ничто, сказалъ я; но смотри, не препятствуетъ ли что-нибудь тому, кто, положивъ разсудительность въ дѣланіи своего, потомъ говорить, что нѣтъ никакого препятствія быть разсудительнымъ, дѣлая и чужое. — Да, можетъ быть, я призналъ разсудительными дѣлающихъ
- в. чужое, а признавалъ ли производящихъ? — Но развѣ, по твоему мнѣнію, *производить* (ποιεῖν) и *дѣлать* (πράττειν) не одно и то же? — Конечно, равно какъ *работать* (ἐργάζεσθαι) и *производить* (ποιεῖν). Я узналъ это у Исіода, который сказалъ: *никакая работа не есть безчестіе* (27). Думаешь ли, что онъ не почелъ бы ни для кого безчестнымъ шить обувь, продавать соленую рыбу, или сидѣть въ лавочкѣ (28), еслибы слова *работать* и *дѣлать* относились къ такимъ вещамъ, о которыхъ ты сейчасъ говорилъ? Вѣдомо не такъ (29), Сократъ; производительность онъ вѣроятно различалъ отъ дѣланія и работы, и произведеніе почиталъ иногда безчестнымъ, какъ скоро оно относилось къ предметамъ неизящнымъ, а въ работѣ не видѣлъ ничего безчестнаго, и по тому, что производимо было хорошо и съ пользою, называлъ работами, трудами и дѣлами. Только такія дѣла, по его мнѣнію, и надобно почи-
- с.

татъ свои; а всѣ вредныя суть чужія. И такъ, согласно съ Исидоромъ и другими благо-разумными людьми, разсудительнымъ должно называть того, кто дѣлаетъ свое. — О Критіасъ! d. сказалъ я: почти при самомъ началѣ твоей рѣчи можно было замѣтить, что подѣ именемъ *собственнаго* и *своего* ты разумѣешь *добро*, а произведенія людей добрыхъ называешь *дѣлами*. О различеніи — то именъ я вѣдь слыхалъ отъ Продика много дивнаго. Впрочемъ уступаю тебѣ: понимай каждое изъ нихъ, какъ хочешь, только объявляй, въ какомъ смыслѣ принимаешь употребляемое тобою слово.

Теперь опредѣли сначала и пояснѣе: точно ли, в. по твоему мнѣнію, разсудительность есть дѣланіе, или произведеніе (назови какъ угодно) добра? — Да, я такъ думаю, сказалъ онъ. — Следовательно, разсудителенъ не тотъ, кто дѣлаетъ зло, но тотъ, кто добро? — А тебѣ, любезный, развѣ иначе кажется, спросилъ онъ? — Постой, сказалъ я; рѣчь не о томъ, что кажется мнѣ, но о томъ, что говоришь ты. — Да я того не называю разсудительнымъ, кто дѣлаетъ не добро, а зло: по моему, разсудителенъ тотъ, кто дѣлаетъ не зло, а добро. Опредѣляю ясно: разсудительность есть дѣланіе добра. — Можетъ быть тебѣ 164. въ самомъ дѣлѣ ничто не мѣшаетъ говорить правду; однакожъ удивительно, если ты думаешь, что люди разсудительные не знаютъ того, что они разсудительны. — Но я такъ не ду-

маю. — Между тѣмъ немного прежде, продолжалъ я, тобою было сказано, что художникамъ, хотя они производятъ и чужое, ничто не препятствуетъ быть разсудительными. — Да, было сказано; такъ чтожь? — Ничего. Говори, кажется ли тебѣ хоть отчасти, что врачъ, исцѣляя кого-нибудь, приноситъ пользу и себѣ и тому, ко-
 В. го исцѣляется? — Кажется. — Слѣдовательно дѣлающій это, дѣлаетъ что должно? — Да. — А дѣлающій что должно, не разсудителенъ ли? — Конечно разсудителенъ. — По этому врачъ необходимо знаетъ, когда онъ лѣчитъ съ пользою и когда нѣтъ, равно какъ и всякій художникъ, — когда будетъ выгода отъ его работы и когда не будетъ? — Можетъ быть и не необходимо. — Значить иногда, дѣйствуя съ пользою, или вредомъ, врачъ не знаетъ своего, какъ онъ дѣлаетъ; хотя, дѣствуя съ пользою, поступаетъ, какъ
 С. ты сказалъ, разсудительно. Или ты такъ не говорилъ? — Говорилъ. — Слѣдовательно, иногда, дѣйствуя съ пользою, онъ, при всей своей разсудительности, не знаетъ своего, того то-есть, что онъ разсудителенъ. — Но этого, Сократъ, быть не можетъ, сказалъ Критіасъ. Если же ты пришелъ къ сему заключенію необходимо, на основаніи чего-нибудь въ прежде допущенныхъ мною положеніяхъ; то я скорѣе пересмотрю ихъ и не постыжусь признаться, что утверждалъ несправедливо, нежели соглашусь, D. что человѣкъ, не знающій самаго себя, разсуди-

теленъ: ибо моя мысль о разсудительности почти сходится съ мыслию о самопознаніи и не отличается отъ надписи, сдѣланной въ Дельфахъ. Эта надпись, мнѣ кажется, есть привѣтствіе бога къ приходящимъ, употребленное тамъ вмѣсто «радуйся» (*χαίρε*); потому что привѣтствіе «радуйся» несправедливо; не того надобно желать другъ другу, а разсудительности. Такимъ образомъ Богъ совѣтуетъ входящимъ нѣчто отличное отъ совѣта человѣческаго. И эту-то мысль, повидимому, имѣлъ въ умѣ члвкъ, посвятившій Дельфамъ свою надпись (31); то-есть, онъ всегда и всякому входящему говорить: будь разсудителенъ. Его слова, какъ слова прорицателя, конечно загадочны; познавай самого себя и будь разсудителенъ, безъ сомнѣнія, суть одно и то же: что утверждаетъ надпись, то утверждаю и я. Уже въ послѣдствіи нѣкоторые начали оразноображивать ея значеніе, что, какъ видно, дѣлали и позднѣйшіе посвятителі надписей: *ничего слишкомъ и порука возлѣ излитны*; ибо слова «познавай самого себя» принимая за совѣтъ, а не за привѣтствіе бога входящимъ, они и сами написали и посвятили Дельфамъ не менѣе полезные совѣты. Все это я говорю, Сократъ, вотъ для чего: въ прежнемъ уступаю тебѣ; объ этомъ иное, можетъ быть, правильно сказалъ ты, иное — я; но въ нашихъ словахъ не было надлежащей ясности. Теперь, если в ты не согласенъ, что разсудительность есть

знаніе самаго себя, я хочу тебѣ доказать это.

- Но ты, Критіасъ, такъ относись ко мнѣ, какъ будто я приписываю себѣ знаніе того, о чемъ спрашиваю, и, если захочу, могу согласиться съ тобою (33. Совсѣмъ не то: спрашивая тебя, я только изслѣдываю предметъ, по тому
- С. что самъ не знаю его, и уже по изслѣдованіи объявлю, принимаю ли его, или непринимаю. Подожди же, пока изслѣдую. — Такъ изслѣдывай, сказалъ онъ. — Конечно буду изслѣдывать; и вотъ слушай. Если быть разсудительнымъ, значить дѣйствительно познавать что-нибудь; то подъ разсудительностію должно разумѣть, очевидно, нѣкоторое чего-нибудь знаніе. Не такъ ли? — Да, и именно знаніе себя, отвѣчалъ онъ. — Такимъ образомъ врачебное искусство есть знаніе здоровья, сказалъ я? — И очень. — Теперь, если бы ты спросилъ меня: врачебное искусство, какъ знаніе здоровья, какую приносить намъ пользу и что дѣлаетъ? я отвѣчалъ бы, что оно
- Д. оказываетъ не маловажную услугу: плодъ его дѣятельности есть хорошее здоровье. Принимаешь ли это? — Принимаю. — По томъ, если бы ты спросилъ меня: искусство строительное, какъ знаніе строить, какимъ дѣломъ занимается? я отвѣчалъ бы: строеніемъ домовъ. То же и касательно прочихъ искусствъ. Отвѣчай же, Критіасъ, и ты на мой вопросъ. По твоему мнѣнію, разсудительность есть знаніе себя: но, какъ знаніе себя, что дѣлаетъ оно хорошаго и сообразнаго

свои именемъ? Скажи-ка это.—Да ты, Сократъ, неправильно изскадываешь, возразилъ онъ. Разсудительность, по своему свойству, не походить на прочія знанія; равно какъ и прочія знанія не сходны между собою: а ты спрашиваешь о нихъ, какъ о подобныхъ. Говори мнѣ, продолжалъ онъ: работа искусства щетнаго, или геометрическаго, такова ли, какъ домъ — строительнаго, одежда — ткацкаго, или другія подобныя работы? На послѣднія, сколько бы ихъ ни было по числу искусствъ, всякій можетъ указать; а укажешь ли на которую-нибудь изъ 166. первыхъ? вѣрно не укажешь.—Правда, отвѣчалъ я; однакожь могу указать, къ чему, отличному отъ самаго знанія, относится каждое изъ этихъ знаній. Такъ напримѣръ, щетное относится къ опредѣленію равныхъ и неравныхъ величинъ, то-есть, къ опредѣленію ихъ связи и взаимной зависимости. Не правда ли?—И очень, отвѣчалъ онъ.—А числа, неравное и равное, вѣдь отличны отъ искусства щетнаго?—Какъ же не отличны.—Такимъ же образомъ искусство взвѣшивать (отатъ в. 27) есть знаніе тяжелаго и легкаго: но тяжелое и легкое отличны отъ искусства взвѣшивать. Согласенъ ли?—Согласенъ.—Скажи же: и разсудительность конечно есть знаніе чего-нибудь, что отлично отъ самой разсудительности?—Это такъ, Сократъ; твои изскадванія дѣйствительно привели тебя къ тому, чѣмъ разсудительность отличается отъ всѣхъ знаній. Но ты

- искалъ какого-то сходства между первою и последними; а въ этомъ отношеніи уже не такъ. Прочія искусства суть знанія не себя, но чего-нибудь другаго: одна только разсудительность есть знаніе, какъ всѣхъ знаній, такъ и самой себя. И это отнюдь не могло скрыться отъ тебя: нѣтъ, ты, кажется, утверждаешь то, что недавно отвергалъ; ты выпустилъ изъ вида содержаніе рѣчи, лишь бы опровергнуть меня.— Какъ тебѣ думать, что я, хотя бы и дѣйствительно опровергалъ тебя, дѣлалъ это для какой-нибудь другой причины, а не для испытанія себя и словъ своихъ,—не изъ боязни, забывшись, почестъ себя знатокомъ того, что мнѣ неизвѣстно! Снова утверждаю, что **дѣлаю** это, то-есть, **изслѣдываю** предметъ, преимущественно для себя, можетъ быть также и для друзей своихъ. Развѣ ты не вѣришь, что для всѣхъ людей—одно общее благо: имѣть ясное понятіе о каждой вещи, какова она?—О, въ этомъ я совершенно увѣренъ, Сократъ, сказалъ онъ.—Будь же **сильнѣе**, почтеннѣйшій; отвѣчай на вопросы, какъ тебѣ кажется, не заботясь о томъ, кто будетъ опровергнуть, Критіасъ или Сократъ; обращай вниманіе только на самую рѣчь и смотри, къ чему придетъ опровергнутый.—Хорошо, постараюсь, сказалъ онъ; ибо ты, кажется, говоришь дѣло.—

И такъ скажи, продолжалъ я: какъ ты думаешь о разсудительности?—Я думаю, отвѣчалъ

онъ, что разсудительность есть такое знаніе, которое, одно изъ всѣхъ, знаетъ и себя и другія знанія. — Не есть ли она также знаніе и незнанія, если ты называешь ее знаніемъ знанія? — Конечно, сказалъ онъ. — По этому одинъ только разсудительный будетъ знать самъ себя, 167. получить возможность испытать, что знаетъ онъ и чего нѣтъ, и такимъ же образомъ — изслѣдовать другихъ, кто что знаетъ и увѣренъ въ своемъ знаніи, кто приписываетъ себѣ известное знаніе и не имѣетъ его; а изъ прочихъ людей — никто. То-есть, быть разсудительнымъ, или разсудительность есть самознаніе, знаніе того, что знаешь, и того, чего не знаешь. Это ли говоришь ты? — Это, отвѣчалъ онъ. — Такъ изслѣдуемъ же опять сначала, въ третій и послѣдній разъ (34), во первыхъ, воз- в. можно ли это, или нѣтъ, то-есть, что-нибудь зная, или чего-нибудь не зная, возможно ли знать, что одно знаешь, а другое не знаешь; во вторыхъ, возможно ли особенно, чтобы это знаніе принесло намъ какую-нибудь пользу. — Да, надобно изслѣдовать, сказалъ онъ. — Изслѣдуй же Критіасъ, не способнѣ ли ты меня въ этомъ отношеніи? я запутался, и сказать ли, какъ? — Скажи. — Не правда ли, что все, о чемъ ты сей часъ упоминалъ, какъ о несом- с. нѣнномъ, есть одно какое-то знаніе, — знаніе не того или другаго, но себя и прочихъ знаній, даже самаго незнанія? — Правда. — Смотри же,

- другъ мой, какую странность хотимъ мы утверждать. Попытаемся приложить это самое къ различнымъ вещамъ, и ты думаю встрѣтишь невозможность.—Какую же и въ чемъ? — Вотъ въ чемъ: посуди пожалуй, можешь ли ты представить себѣ зрѣніе, которое не было бы зрѣніемъ вещей, доступныхъ прочимъ зрѣніямъ, но было бы только зрѣніемъ себя и другихъ
- В. зрѣній, даже и не зрѣній, которое не видѣло бы никакихъ цвѣтовъ, но видѣло бы себя и другія зрѣнія? Можешь ли представить это?— Нѣтъ, клянусь Зевсомъ.—А слухъ, который бы не слышалъ никакихъ звуковъ, но слышалъ бы себя и другіе слухи, даже и не слухи? — И этого не могу. — Пересмотри всѣ вообще чувства: представляешь ли ты себѣ хоть одно изъ нихъ, которое было бы чувствомъ себя и другихъ чувствъ, а предметовъ, ощущаемыхъ прочими чувствами, не чувствовало бы?—Не представляю. — Равнымъ образомъ, допускаешь ли какое-нибудь желаніе сердца, которое не было бы желаніемъ удовольствія, но было бы желаніемъ себя и другихъ желаній?—Отнюдь нѣтъ. —Не допускаешь и хотѣнія, которое не хотѣло бы ничего добраго, но хотѣло бы себя и другихъ хотѣній? — Безъ сомнѣнія. — А можешь ли указать на какую-нибудь любовь, которая не любила бы ничего прекраснаго, но любила бы себя и всякую другую любовь? — Не могу. — Равно, воображалъ ли ты себѣ какой-нибудь

страхъ, который страшился бы себя и другихъ 168.
страховъ, а предметовъ опасныхъ не страшился бы? — Не воображалъ. — Также и мнѣнія о
себѣ самомъ и о другихъ мнѣніяхъ, которое
однакожь не было бы мнѣніемъ о томъ, къ
чему относятся другія мнѣнія? — Никакъ. —
Между тѣмъ знаніе мы, кажется, назвали та-
кимъ, которое, не будучи знаніемъ предметовъ
познаваемыхъ, есть знаніе себя и другихъ зна-
ній. — Да, назвали. — Но не странно ли, если
оно таково? ибо мы не должны утверждать,
что оно не таково, а обязаны изслѣдовать, та-
ково ли оно въ самомъ дѣлѣ. — Правда. — Смот- в.
три же, это знаніе есть знаніе чего-нибудь и
заключаетъ въ себѣ свойство быть знаніемъ
чего-нибудь. Не такъ ли? — Такъ. — Большему
мы вѣдь приписываемъ такое свойство, по ко-
торому оно есть больше чего-нибудь. — При-
писываемъ. — А когда будетъ большее, то бу-
детъ и меньшее? — Необходимо. — И такъ если
бы мы нашли нѣчто большее, что было бы
больше другаго большаго и себя, но не боль-
ше того, въ отношеніи къ чему другое большее
— больше; то безъ сомнѣнія выплю бы, что с.
это нѣчто, будучи больше себя, оказалось бы
также и меньше себя. Не правда ли? — Крайне
необходимо, Сократъ, сказалъ онъ. — Главнымъ
образомъ, если бы нѣчто было и двойное враз-
сужденіи другихъ двойныхъ вещей и себя; то
накъ двойное, оно составляло бы только поло-

*

- вину себя и прочихъ предметовъ, ибо двойное возможно иначе, какъ въ отношеніи къ половинѣ. — Правда. — Но что болѣе себя, то не будетъ ли и менѣе, что тяжелѣе, то не будетъ ли и легче, что старше, то не будетъ ли и моложе, и такъ далѣе? При томъ, что имѣть извѣстное свойство для себя, то не будетъ ли имѣть и такой природы, къ которой относится это свойство? Разумно слѣдующее: на примѣръ, мы называемъ слухъ — слухомъ не чего другаго, а звука. Не такъ ли? — Такъ. — По этому, если слухъ слышитъ себя, то надобно, чтобы онъ имѣлъ собственный свой звукъ; иначе онъ и не слышалъ бы. — Весьма необходимо. — Такимъ же образомъ и зрѣніе, почтеннѣйшій: если оно видитъ себя, то должно имѣть свой цвѣтъ; потому что зрѣніе не можетъ видѣть ничего безцвѣтнаго. — Конечно ничего. — И такъ смотри же Критіасъ: все изслѣдованное теперь кажется намъ частию вовсе невозможнымъ, а частию весьма сомнительнымъ — въ томъ отношеніи, для себя ли что-нибудь одарено свойствами. Что касается до величинъ, чиселъ и тому подобнаго, — это рѣшительно не возможно (35). Не правда ли? — Безъ сомнѣнія. — А слухъ и зрѣніе, также движеніе, которое будто бы само себя движеть, теплота, которая, говорятъ, сама себя согреваетъ, и прочее того же рода, для однихъ кажется сомнительнымъ, а для другихъ можетъ

быть и нѣтъ. Надобно быть, другъ мой, вели- 169.
кимъ человекомъ, чтобы удовлетворительно
разобрать это со всѣхъ сторонъ, то-есть, дѣй-
ствительно ли нѣтъ ни одной вещи, которая
бы заключала въ себѣ свойства не для себя са-
мой, а для другихъ вещей (36), или напротивъ
имѣють ихъ однѣ — для себя, а другія — для
другихъ. Потомъ, если и есть предметы, одаренные свойствами для себя; то имъ ли при-
писать знаніе, называемое разсудительностію? Я не нахожу себя способнымъ для такого раз-
личенія, а по сему не утверждаю ни того, воз-
можно ли знаніе знанія, ни того еще болѣе,
согласиться ли мнѣ на твое понятіе о разсуди- В:
тельности. Надобно прежде изслѣдовать, полез-
на ли она, или нѣтъ, покуда мы такъ ее по-
нимаемъ. Ибо я гадаю, что разсудительность
должна быть чѣмъ-то полезнымъ и добрымъ.
И такъ, сынъ Каллескра, положивъ, что она
есть знаніе (37), не только знанія, но и незна-
нія, и вызвавшись доказать свое положеніе, до-
кажи сперва то, о чемъ я сей часъ говорилъ
(38), то-есть, возможно ли это, а потомъ къ до-
казательству возможности присоедии и дока-
зательство пользы: тогда вдругъ увѣришь меня, С:
что слова твои о разсудительности справедливы.
— Слыша это и замѣтивъ, что я недоумѣваю,
Критіасъ пришелъ въ состояніе тѣхъ людей,
которые, видя передъ собою зѣвающихъ, сами
дѣлають тоже. Мигъ показалось, что мое недо-

- умѣніе заставило и его подвергнуться недоумѣнію. Однакожь, привыкши къ похваламъ, онъ стыдился присутствующихъ и не хотѣлъ признаться, что не можетъ разрѣшить предложенныхъ мною вопросовъ, а между тѣмъ не говорилъ ничего яснаго и только прикрывалъ свое недоумѣніе. По сему, чтобы продолжить нашъ разговоръ, я сказалъ: впрочемъ если угодно, Критіасъ, предположимъ пока, что знаніе знанія возможно, и будемъ разсматривать, такъ ли это, или нѣтъ. Давай же. Если это возможное всего; то можно ли не знать, кто что знаетъ и чего не знаетъ? Вѣдь это, кажется, значитъ знать себя и быть разсудительнымъ. Не такъ ли? — Такъ отвѣчалъ онъ; да и должно быть такъ, Сократъ; ибо кто обладаетъ знаніемъ, которое знаетъ само себя; тотъ конечно таковъ, каково то, чѣмъ онъ обладаетъ. Напримѣръ, кто обладаетъ скоростію, тотъ скоръ; кто красотою — красивъ; кто знаніемъ — знающъ; и такъ какъ знаніе знаетъ само себя, то и знающій равнымъ образомъ будетъ знать самаго себя. — Но мое сомнѣніе не въ томъ, сказалъ я, что владѣтель самознанія знаетъ самаго себя, а въ слѣдующемъ: человеку, обладающему самознаніемъ, необходимо ли знать, что онъ знаетъ и чего не знаетъ? — Да это одно и то же, Сократъ. — Можешь ли ты сказать, что и

знать, и то, что кто не знаетъ. — Какая твоя мысль, спросилъ онъ? — А вотъ какая, отвѣчалъ я: знаніе, будучи знаніемъ знанія, можетъ ли различить что-нибудь болѣе, кромѣ того, что это знаніе, а то незнаніе? — Нѣтъ, именно столько. — Слѣдственно одно и тоже — знать и не знать здоровое, знать и не знать справедливое? — Никакъ. — Но первое, думаю, в. относится къ искусству врачебному, второе — къ политикѣ, а третье есть не иное что, какъ знаніе. — Какъ же иначе? — Слѣдственно, кто хоть и не приобрѣлъ знанія ни о здоровомъ, ни о справедливомъ, а знаетъ одно знаніе, по-скольку имѣетъ только знаніе знанія; тотъ все-таки можетъ знать и о себѣ и о другихъ, что онъ нѣчто знаетъ, и что имѣетъ нѣкоторое знаніе. Не правда ли? — Да. — Но какъ этимъ знаніемъ узнаетъ онъ то, что знаетъ? Вотъ с. здоровое, на примѣръ, онъ знаетъ врачебнымъ искусствомъ, а не разсудительностію, гармоническое — музыкою, а не разсудительностію, домостроительное — наукою домостроительства, а не разсудительностію; такимъ же образомъ и все. Или нѣтъ? — Кажется. — Но разсудительностію, если только подъ нею надобно раз-
знать знаніе знаній, какъ узнать ему, здоровое знаетъ онъ, или домостроительное? — Ни-
между тѣмъ, кто не знаетъ сего, тотъ
знать, что именно онъ знаетъ, а
онъ знаетъ. — Вероятно. — По этому

- Д. быть разсудительнымъ , или , разсудительность есть знаніе не того, что именно знаешь и чего не знаешь , а того, какъ видно, что знаешь и что не знаешь. — Должно быть. — Следовательно, когда кто другой говорить, что онъ знаетъ нѣчто, разсудительный не можетъ изслѣдовать, дѣйствительно ли знаетъ онъ то, что признаетъ себя знающимъ, или не знаетъ: изслѣдователь повидимому будетъ знать только то, что другой имѣетъ какое-то знаніе, а какое именно, разсудительность не поможетъ ему.
- Е. знать. — Кажется не поможетъ. — Значить, онъ не отличить врача, который только выдаетъ себя за врача, а въ самомъ дѣлѣ не врачъ, отъ того, который въ самомъ дѣлѣ врачъ; равно какъ не отличить и другихъ знатоковъ отъ не знатоковъ. Мы рассмотримъ это на слѣдующемъ основаніи. Если разсудительный, или кто другой хочетъ отличить дѣйствительнаго врача отъ мнимаго; то не такъ ли поступить? О врачебной наукѣ онъ говорить съ нимъ не будетъ; потому что врачъ, какъ сказано, знаетъ только здоровое и больное. Не правда ли? — Конечно правда. — А о знаніи и искусный врачъ ничего не знаетъ; потому что знаніе мы приписали
171. одной разсудительности. — Да. — То-есть, онъ не знаетъ и о врачебной наукѣ, поколику врачебная наука есть также знаніе. — Справедливо. — И такъ разсудительный хоть и знаетъ, что врачъ имѣетъ нѣкоторое знаніе, однакожь, воз-

намѣрившись испытать, въ чемъ состоитъ оно, не будетъ ли изслѣдывать, къ чему оно относится? Развѣ не тѣмъ опредѣляется каждое знаніе, что оно не только есть знаніе, но и какое, то-есть, къ чему относится?—Именно тѣмъ. — И самое врачебное искусство почитается знаніемъ, отличнымъ отъ прочихъ знаній—конечно потому, что опредѣляется понятіемъ здоровья и болѣзни. — Да. — По этому, желающій изслѣдовать врачебное искусство необходимо долженъ изслѣдовать его въ томъ, въ чемъ оно состоитъ, а не въ иномъ внѣшнемъ; въ чемъ В. не состоитъ. — Безъ сомнѣнія. — Значить, надлежащій изслѣдователь будетъ разсматривать врача въ кругу здоровья и болѣзней, дѣйствительно ли онъ искусный врачъ.— Должно быть. — То-есть, будетъ разсматривать и слова и дѣла его именно въ этомъ отношеніи: слова,—вѣрны ли онъ, дѣла — правильно ли совершаются?— Необходимо. — И такъ безъ врачебной науки не лѣзя испытывать никого изъ нихъ? — Конечно не лѣзя.— Не лѣзя, какъ видно, никому-таки, кромѣ врача, — даже и разсудительному? Иначе при своей разсудительности онъ былъ С. бы и врачомъ.— Такъ. — Значить, нѣтъ сомнѣнія, что когда разсудительность есть только знаніе знанія и незнанія, то она не въ состояніи отличить ни врача, знающаго свою науку, отъ того, который не знаетъ ея, а думаетъ и приписываетъ себѣ знаніе, ни всякаго другаго,

что-нибудь знающаго: отличить развѣ подобную себѣ разсудительность; какъ дѣлаютъ и прочіе художники. — Кажется, сказалъ онъ. —

- D. Но какую пользу получили бы мы, Критіасъ, отъ разсудительности, когда бы она была такова? Если бы разсудительный, какъ было положено сначала, зналъ, что онъ знаетъ и чего не знаетъ, зналъ, что первое ему извѣстно, а послѣднее не извѣстно, и могъ бы изслѣдовать другаго въ тѣхъ же отношеніяхъ; то разсудительность, говоримъ, была бы намъ весьма полезна: тогда жили бы безгрѣшно и мы сами, потому что обладали бы ею, — и другіе, потому что находились бы подъ нашимъ руководствомъ. То-есть, и мы сами не брались бы

- тогда дѣлать то, чего не знаемъ, но для исполненія этихъ дѣлъ, искали бы людей знающихъ, и другимъ, которыми управляетъ, впускали бы поступать справедливо, или дѣлать то, что они знаютъ. Такимъ образомъ разсудительность была бы причиною благополучія въ жизни и домашней, и общественной, и всякой, которая управлялась бы ею; по тому что гдѣ нѣтъ грѣха, гдѣ каждое дѣло производится справедливо; тамъ люди безъ сомнѣнія живутъ похвально и честно; а живущіе честно благополучны. Не то ли, Критіасъ, говорили мы о разсудительности, гдѣ я, когда утверждали, что весьма хотѣю, кто знаетъ, и чего не знаетъ? гдѣ онъ. — А теперь ви-

дѣлѣ, такого знанія нигдѣ не оказывается. —
Вижу, сказалъ онъ. —

В.

Но добро, продолжалъ я, котораго мы ищемъ въ
понятіи о разсудительности, не состоитъ ли въ
томъ, что человекъ, обладающій ею, учась чему-
нибудь иному, учится легче и на всякой пред-
метъ смотреть яснѣе, поколику кромѣ того, чему
учится, видитъ еще знаніе? Равнымъ образомъ
въ тѣхъ вещахъ, которыми учится, не лучше
ли онъ испытываетъ и другихъ, между тѣмъ
какъ безъ сего условія, испытаніе производится
слабѣе и хуже? Не такое ли что-нибудь, другъ
мой, доставляетъ намъ разсудительность, тогда С.
какъ мы изслѣдуемъ и ищемъ въ ней чего-
то больше, нежели сколько она заключаетъ? —
Чтожь? хоть и такъ, отвѣчалъ онъ. — Можетъ
быть, сказалъ я; а можетъ быть мы и не нашли
ничего полезнаго. Вотъ видишь: разсудитель-
ность представляется мнѣ чѣмъ-то страннымъ,
какъ скоро она такова. Разсмотримъ, если угодно.
Положимъ, что знанію можно знать; не отверг-
немъ и прежняго положенія, что разсудитель-
ность есть знаніе того, что знаемъ, и того, чего
не знаемъ; согласимся съ этимъ: но допустивъ
все сіе, изслѣдуемъ обстоятельнѣе, принесетъ D.
ли намъ это какую-нибудь пользу. Сказавъ не
давно, что разсудительность была бы великимъ
благомъ, если бы имѣла такое значеніе, то-есть,
если бы управляла и дѣлами и домою и об-
ществомъ, мы вѣдь, кажется, не хорошо сказа-

- ли, Критіасъ. — Почему? спросилъ онъ. — Поэтому, отвѣчалъ я, что легкомысленно признали великимъ благомъ для людей то, когда каждый изъ насъ дѣлалъ бы, что знаетъ, и предоставлялъ бы дѣлать другимъ знающимъ, чего самъ не знаетъ. — Такъ это не хорошо? — Думаю, не хорошо, сказалъ я. — Ты, Сократъ, говоришь чрезвычайныя странности. — Клянусь собакою, что и мнѣ не иначе кажется. По тому-то я предварительно и называлъ свои представленія странными, что боялся, какъ бы не ошибиться въ изслѣдованіяхъ. Однакожь, если разсудительность въ самомъ дѣлѣ такова? вѣдь вовсе не видно, что бы тогда она могла принести намъ
173. какое-нибудь благо. — Какъ же это? спросилъ онъ. Скажи, чтобъ и мы знали, что ты говоришь. — Кажется, я брежу; впрочемъ мои представленія надобно изслѣдовать: кто хотя не много заботится о себѣ; тотъ легкомысленно не оставить ихъ. — Хорошо, Сократъ. — Выслушай же сонъ мой, сказалъ я, изъ роговъ ли высыплется онъ, или изъ слоновой кости (39). Если бы въ самомъ дѣлѣ управляла нами разсудительность, понимаемая такъ, какъ мы нынѣ опредѣлили ее; то она дѣйствовала бы вѣроятно по по знаціямъ. Тогда, то-есть, не обманулъ бы насъ ни кормчій, который только носитъ это имя, а не заслуживаетъ его, ни врачъ, ни военачальникъ, когда не укрылся бы отъ насъ
- В. никто изъ нихъ. — Но себѣ также знаніе, ко-

тогого онъ не имѣть. А чрезъ это положеніе дѣлъ, наше тѣло пользовалось бы лучшимъ здоровьемъ, чѣмъ нынѣ, мы спасались бы отъ опасности и на морѣ и на войнѣ, у насъ и сосуды и одежда и обувь и всѣ вещи были бы с. приготовлены искусно, потому что намъ служили бы истинные художники. Даже если бы ты захотѣлъ, чтобъ и прорицаніе мы почли также знаніемъ будущаго и поставили его подъ вліяніе разсудительности; то и тутъ отъ хвастуновъ мы отвращались бы, а избрали бы ссбъ прорицателей истинныхъ, которые дѣйствительно предсказываютъ будущее. Представляя родъ человѣческій въ такомъ состояніи, я говорю, что онъ поступалъ бы и жилъ съ знаніемъ; ибо разсудительность—наблюдательница d. не позволила бы незнанію вмѣшиваться въ наши занятія. Но все еще не лѣзя сказать, любезный Критіасъ, что дѣйствуя съ знаніемъ, мы проводили бы жизнь хорошую и были бы благополучны.—Однакожь унизивъ знаніе, сказалъ онъ, не легко найти тебѣ какое-нибудь другое, высшее совершенство хорошей жизни. — Но научи меня еще не многому: о какомъ знаніи говоришь ты? Не о томъ ли, какъ шить обувь? — Нѣтъ, клянусь Зевсомъ. — Или какъ обрабатывать мѣдь? — Отнюдь нѣтъ. — Или какъ e. обходиться съ шерстью, лѣсомъ и другими подобными вещами? — Вовсе нѣтъ. — Ну такъ мы не стоимъ въ своемъ словѣ, сказалъ я, что че-

ловѣкъ, живущій съ знаніемъ, благополученъ? Эти люди живутъ съ знаніемъ, и однакожь ты не признаешь ихъ благополучными, но приписываешь благополучіе, кажется, только нѣкоторымъ изъ тѣхъ, которые живутъ съ знаніемъ. Можетъ быть, по твоему мнѣнію, благополученъ тотъ, о которомъ я не давно упоминалъ,

174. то-есть, кто знаетъ все будущее? Такъ прорицателя, или кого другаго называешь ты благополучнымъ? — И прорицателя, и другаго, отвѣчалъ онъ. — Кого же другаго? спросилъ я. Не того ли, кто, кромѣ будущаго, знаетъ и прошедшее, и настоящее, для кого нѣтъ ничего неизвѣстнаго? ибо мы, пожалуй, предположимъ бытіе такого чловѣка. Ужь конечно ты не укажешь на другаго, кто жилъ бы съ большимъ знаніемъ, чѣмъ этотъ? — Безъ сомнѣнія не укажу. — Но я желаю знать, которое изъ знаній дѣлаетъ его благополучнымъ. Или все
- в. равномерно? — Отнюдь не равномерно, сказалъ онъ. — Которое же больше? и что оно знаетъ изъ настоящаго, прошедшаго и будущаго? Ужь не игра ли это въ кости? — Какая игра въ кости! — Такъ не искусство ли счисленія? — О нѣтъ. — Или не врачебная ли наука? — Еще менѣе. — Однакожь то знаніе, о которомъ я спрашиваю, безъ сомнѣнія имѣетъ какой-нибудь предметъ? — Имѣетъ, сказалъ онъ. — добро и зло. — О дурманъ! сказалъ я, ты уже говоришь, что добро и зло существуютъ, а ты хочешь

рошо и быть благополучнымъ, значить жить с. не съ знаніемъ вообще и не со всѣми другими знаніями, а только съ тѣмъ, которое относится къ добру и злу. Но скажи, Критіасъ: если это знаніе ты отдѣлишь отъ прочихъ; то искусство врачбное менѣ ли будетъ врачевать, бабшачное менѣ ли будетъ обувать, ткацкое менѣ ли будетъ ткать, также искусство кормчаго менѣ ли будетъ препятствовать намъ погибнуть на морѣ, а искусство полководца — на войнѣ? — Не менѣ, отвѣчалъ онъ. — Между тѣмъ, любезный Критіасъ, привести каждое изъ сихъ знаній въ хорошее состояніе и сдѣлать его полезнымъ не удастся намъ, когда не будетъ того перваго. — Твоя правда. — А то первое, какъ видно, есть не разсудительность, но такое знаніе, которое должно приносить намъ пользу; ибо оно представляется уже не какъ знаніе знаній и не знаній, но какъ знаніе добра и зла; такъ что, если это послѣднее полезно, то разсудительность была бы чѣмъ-то отличнѣмъ отъ полезнаго. — Какъ, спросилъ онъ? Развѣ она не можетъ быть полезною? Будучи знаніемъ знаній, то-есть, господствуя надъ всѣми знаніями, она имѣетъ въ своей власти и знаніе относящееся къ добру, слѣдовательно можетъ приносить намъ пользу. — Но она ли врачъ, или врачбная наука, спросилъ я? Развѣ, она ли совершаетъ дѣла, входя въ область всѣхъ другихъ искусствъ, или

каждое изъ нихъ дѣлаетъ свое? Не согласились ли мы давно уже, что разсудительность есть только знаніе знанія и не знанія, не болѣе? Правда вѣдь? — Кажется. — Следовательно она не есть причина здоровья. — Безъ сомнѣнія. —

175. То-есть здоровье зависитъ отъ другаго искусства. Или нѣтъ? — Отъ другаго. — А потому она не есть и причина пользы, другъ мой; ибо это дѣло мы теперь же приписали другому искусству. Не такъ ли? — Конечно такъ. — Какимъ же образомъ разсудительность будетъ полезна, не производя никакой пользы? — Кажется, никакимъ, Сократъ. —

- Видишь ли, Критіасъ? я давно имѣлъ причину беспокоиться, и не безъ основанія обвинялъ себя, что не открываю ничего дѣльнаго въ разсудительности. Если бы отъ меня была польза для надлежащихъ изслѣдованій; то предметъ, почитающійся прекраснѣйшимъ изъ всѣхъ, не показался бы намъ безполезнымъ. А теперь мы потерялись, мы не можемъ опредѣлить, съ которою изъ вещей нарицатель именъ соединилъ имя разсудительности. Предположены были конечно многія; но наша бесѣда показала несообразность ихъ. Предположено было, что разсудительность есть знаніе знанія; но изслѣдованіе не дозволило принять и утвердить это понятіе. Предположено было также, что это знаніе знаетъ и дѣйствія другихъ знаній; но опять представилось невозможнымъ, почитать разсудительнаго знатокомъ

того, что онъ знаетъ, что знаетъ, и что не знаетъ, что не знаетъ. Мы предположили это, правда, очень отважно, не замѣчая, что чего кто не знаетъ никакъ, того не знаетъ и какънибудь; то есть, наше мнѣніе приписывало разсудительному знанію того, что онъ не знаетъ; а это, мнѣ кажется, весьма безразсудно. Такимъ образомъ, хотя изслѣдованіе встрѣтило въ насъ D. людей стоворчивыхъ, не упорныхъ, однакожь не могло открыть истину, но непрестанно стыдило ее; такъ что, допустивъ и вообразивъ какое-нибудь понятіе о разсудительности, оно тотъ-часъ же слишкомъ оскорбительно выводило отсюда ея бесполезность. Впрочемъ по отношенію ко мнѣ, это еще не такъ досадно; я особенно досаую за тебя Хармидъ, что ты, будучи столь хорошъ по тѣлу, и сверхъ того, столь разсудителенъ по душѣ, ничего не вы- E. играешь отъ такой разсудительности и въ жизни не получишь отъ ней никакой пользы. Но всего досаднѣе приговоръ, перенятый мною у Оракійда: я заучивалъ его съ бѣднѣшимъ стараніемъ; а изъ него вышла вещь пустая. Впрочемъ не думаю, чтобъ это было такъ (40): напротивъ видно я-то плохой изслѣдователь; потому что разсудительность въ самомъ дѣлѣ—великое благо; и ты счастливъ, какъ скоро обладаешь ею. Только смотри, обладаешь ли? не чувствуешь ли нужды въ приговорѣ? Если 173. дѣйствительно обладаешь, то искренно совѣтую

тебѣ почитать меня болтуномъ и не способнымъ къ изслѣдыванію чего бы-то ни было посредствомъ разговора, а тебя, какъ болѣе разсудительнаго, разсудительнѣйшимъ и счастливѣйшимъ. — Но клянусь Зевсомъ, Сократъ, сказалъ онъ, что не знаю, разсудителенъ ли я, или нѣтъ. И какъ мнѣ знать, когда, по твоимъ словамъ, сами вы не можете опредѣлить даже того, что такое разсудительность? Въ этомъ однакожь я не очень вѣрю тебѣ, Сократъ, и живо чувствую, что мнѣ нуженъ приговоръ; да съ моей стороны и нѣтъ препятствія принимать его отъ тебя столько времени, сколько ты признаешь нужнымъ. — Хорошо, сказалъ Критіасъ Хармиду; сдѣлавъ это, то-есть, поручивъ Сократу приговаривать себя и не оставляя его ни на минуту, ты представишь мнѣ доказательство своей разсудительности. — Вѣрь, что буду слѣдовать за нимъ (41), не отстану отъ него, сказалъ онъ; при томъ съ моей стороны было бы грубо и не послушаться тебя, своего руководителя, и не поступить, какъ ты приказываешь. — Да, я именно приказываю это. — А я съ сего же дня начну выполнять твое приказаніе. — Э! что тамъ у васъ за совѣщаніе, спросилъ я? — Ничего, отвѣчалъ Хармидъ, уже рѣшено. — Не хочешь ли употребить силу, не давая мнѣ права избранія? — Если онъ прикажетъ, сказалъ Хармидъ, то употреблю и силу. По этому смотри самъ, что тебѣ лучше.

— Нечего уже смотреть, отвѣчалъ я. Когда ты рѣшишься что-нибудь сдѣлать и употребить силу; то никто не будетъ въ состояніи противиться. — Не противься же и ты. — Не буду, сказалъ я. —

SECRET

ЭВТИФРОНЪ.

ВВЕДЕНІЕ.

Къ числу тѣхъ разговоровъ, которые написаны Платономъ для отдѣльнаго раскрытія нравственныхъ истинъ Сократовой философіи, содержащихся въ Протагорѣ, относится и Эвтифронъ. Древніе критики начинали имъ первую тетралогію, посвященную признательнымъ ученикомъ памяти знаменитаго нравоучителя. И если тетралогическій порядокъ, какъ показано въ своемъ мѣстѣ, не приложимъ ко всемъ сочиненіямъ Платона; то въ отношеніи въ Эвтифрону, Критону, Апологіи и Федону, по крайній мѣръ историческая основательность его не подлежитъ сомнѣнію. Въ самомъ дѣлѣ, бывъ во всю свою жизнь, до глубокой старости, руководителемъ юныхъ умовъ въ исполненіи обязанностей, возлагаемыхъ на человека собственною его природою и обществомъ, проводивъ все

свое время въ борьбѣ съ возраставшимъ и непрестанно усиливавшимся духомъ софистическаго суемудрія и тщеславія, Сократъ наконецъ приходитъ къ послѣднему предѣлу жизни, гдѣ должна была обнаружиться связь земной его дѣятельности съ помыслами и надеждами загробными. И могъ ли Платонъ, такъ ясно понимавшій душу своего наставника, не обезсмертить его размышленій, раждавшихся при всѣхъ, особенно поразительныхъ обстоятельствахъ предсмертнаго его существованія? Философу, въ мірѣ языческомъ глубокому и наблюдательному, что въ состояніи было представить лучшіе случаи для философскихъ созерцаній и важнѣйшія темы для изложенія ихъ, какъ не катастрофа мудреца, возвысившагося надъ предрассудками своего вѣка и отечественнаго язычества? И такъ Платонъ, при первомъ появленіи Сократа предъ судомъ Архонтовъ, въ качествѣ государственнаго преступника, заставляетъ его разговаривать съ Эвтифрономъ о святости и благочестіи; потомъ возводитъ его на судейскую кафедру, какъ гражданина, прибѣгающаго подъ покровительство закона; далѣе описываетъ его уже какъ узника и влагаетъ ему въ уста бесѣду съ гономъ о справедливости и законности поговъ; и наконецъ изображаетъ его въ темнотѣ, какъ мужественнаго страдальца, изливающего ученикамъ свои чаянія и надежды на безсмертіе.

Впрочемъ эта историческая связь Эвтифрона съ показанными разговорами не препятствуетъ намъ въ наукословномъ отношеніи смотрѣть на него, какъ на дальнѣйшее развитіе мыслей объ одной изъ тѣхъ коренныхъ добродѣтелей, о которыхъ говорено было въ Протагорѣ. Эвтифронъ, сказали мы, посвященъ изслѣдованію святости и благочестія. Бесѣдуя съ Протагоромъ, Сократъ имѣлъ въ виду подвести частныя понятія о добродѣтеляхъ, въ смыслъ юридическомъ, подъ одно общее понятіе знанія, или добродѣтели нравственной, и требовалъ, чтобы сила и значеніе первыхъ объясняемы были изъ послѣдней. Съ этою цѣлію онъ приводилъ къ тождеству между прочимъ справедливость и святость. Слѣдовательно въ Протагорѣ дѣло шло объ отношеніи и сродствѣ добродѣтелей. Напротивъ въ Эвтифронѣ разсматривается одна святость сама по себѣ и рѣшается вопросъ не объ отношеніяхъ, а о существѣ и значеніи оной. Если же изслѣдованіе существа всякой вещи необходимо служить къ проясненію какъ отличительныхъ ея признаковъ, такъ и общихъ, которые указываютъ на ея сродство съ другими вещами; то само собою, разумѣется, что Эвтифронъ есть дальнѣйшее раскрытіе одного изъ моментовъ, заключающихся въ Протагорѣ (1).

(1) Эта связь высказана и самимъ Платономъ. См. Protag. p. 360. E.

Нельзя также не замѣтить близкой связи разсматриваемаго разговора съ Лахесомъ и Хармидомъ, какъ скоро сравнимъ характеръ, форму и ходъ всѣхъ сихъ сочиненій. Въ Лахесѣ Стезидай хвастается искусствомъ сражаться въ полномъ вооруженіи; а между тѣмъ серповидное его копье сдѣлало его смѣшнымъ въ глазахъ зрителей: здѣсь Эвтифронъ хвастается даромъ предсказанія и знаніемъ вещей божественныхъ; а между тѣмъ самъ же признается, что Аѳиняне часто смѣются надъ его прорицаніями. Въ Лахесѣ, равно какъ и въ Хармидѣ, предлагаются мнѣнія за мнѣніями о разсматриваемомъ предметѣ и всѣ, одно за другимъ, опровергаются Сократомъ: здѣсь Эвтифронъ непрестанно мѣняетъ свои понятія о святости, и ни одно изъ нихъ не выдерживаетъ Сократова анализа. Въ Лахесѣ и Хармидѣ результатъ разговора ясно не высказанъ; и здѣсь также не выведено окончательнаго заключенія, что такое святость. Впрочемъ о направленіи и цѣли Эвтифрона мы скажемъ послѣ, а теперь изложимъ кратко его содержаніе.

Прологъ Эвтифрона есть историческое событіе — появленіе Сократа въ портикъ царя, или предъ уголовнымъ судомъ, по доносу Мелита, который обвиняетъ сына Софронискова въ несчастіи и развращеніи юношества. Здѣсь Сократъ встрѣчается съ Эвтифрономъ, хвалившимся обширными познаніями въ дѣлахъ ре-

логи, и, вступивъ съ нимъ въ разговоръ, къ крайнему удивленію, узнать, что онъ пришелъ обвинить своего отца въ человекоубійствѣ, по случаю смерти одного наемнаго слуги, который за убійство раба былъ связанъ отцемъ его и прежде рѣшенія суда умеръ. Узнавъ это, Сократъ спрашиваетъ Эвтифрона: «Неужели ты приписываешь себѣ столь опредѣленное знаніе дѣлъ божественныхъ и тѣхъ, которыя называются святыми, что, обвиняя отца, не боишься совершить нечестіе? Скажи же, что ты называешь святымъ и что нечестивымъ?»

Замѣчательно, что заставивъ Эвтифрона рѣшать этотъ вопросъ, Платонъ мало по малу перевелъ его по всѣмъ степенямъ ограниченія предмета и изложилъ эротематически всю теорію логики объ опредѣленіи.

Эвтифронъ сперва отвѣчаетъ, что святое дѣло есть именно то самое, которое онъ теперь предпринялъ, то-есть, которое клонится къ обвиненію его отца въ убійствѣ. Это, очевидно не что иное, какъ опредѣленіе предмета частнымъ случаемъ, примѣромъ, или какою-нибудь одною стороною явленія. По сему Сократъ требуетъ, чтобы Эвтифронъ указалъ ему общую черту святости, достаточную для обозначенія цѣлаго рода дѣлъ святыхъ и благочестивыхъ.

Понявъ смыслъ этого требованія, прораггатель называетъ святымъ то, что пріятно богамъ, а нечестивымъ то, что нимъ непріятно.

Противъ сего опредѣленія, повидимому, и сказать бы нечего: но Сократъ вдругъ, вышедши изъ круга вѣрованій языческихъ, поставяетъ ихъ предъ судомъ истины, ясной для всякаго ума здравомыслящаго, — и Эвтифроново опредѣленіе падаетъ само собою. Какъ узнать, говорить онъ, что пріятно богамъ, и что нѣтъ, когда они во враждѣ между собою, когда одному изъ нихъ нравится то, другому — другое? Если боги ссорятся другъ съ другомъ, и предметъ ихъ ссоры есть справедливое и не справедливое, доброе и злое; то, по отношенію ко всѣмъ имъ вмѣстѣ, одно извѣстное дѣло должно быть и святымъ и нечестивымъ. Это заключеніе, очевидно, основывается на томъ свойствѣ родового признака, по которому онъ принадлежитъ не всему роду или цѣлому, а только извѣстнымъ видамъ, или частямъ его. Такая же погрѣшность была бы допущена, когда бы кто составилъ, напримѣръ, слѣдующій силлогизмъ: все, что разрушается смертно, а человѣкъ разрушается; слѣдовательно человѣкъ смертенъ.

Опровергнутый симъ заключеніемъ, Эвтифронъ старается поправить свое мнѣніе, посредствомъ бщенія родового понятія. Предположивъ, что жны же быть поступки, пріятныя либо не-
приятныя всѣмъ богамъ, онъ пополняетъ прежнее понятіе о святости. Святое, говоритъ, есть то, что любятъ всѣ боги; не святое напротивъ — то, что ненавидятъ всѣ боги. Но Сократъ

справедливо, но не все справедливое свято. Скажи же, Эвтифронъ, какая часть справедливости называется святостію; укажи признакъ, которымъ въ цѣлой сферѣ справедливаго отличается святое отъ всего прочаго. Но Эвтифронъ не видитъ въ предметѣ ничего, кромѣ формальныхъ его выраженій и признакомъ святости почитаетъ обхожденіе съ богами (*θερί τῶν θεῶν φερέλαια*), а признакомъ всего прочаго въ той же сферѣ—обхожденіе съ людьми; то-есть, опредѣляетъ святость не самымъ существомъ справедливости, а только ея отношеніемъ. По сему Сократъ признаетъ нужнымъ прояснить понятіе обхожденія и, вмѣстѣ съ Эвтифрономъ, разумѣя его какъ стараніе оказать пользу тому, съ кѣмъ обходимся, заключаетъ, что обходиться съ богами, значитъ приносить имъ пользу, или дѣлать ихъ лучшими. Само собою разумѣется, что Эвтифронъ не могъ согласиться на это заключеніе, а спѣшилъ исправить свою мысль, представляя святость, какъ искусство рабски служить богамъ (*ὑπερεταίη*). Но Сократъ преслѣдуетъ своимъ анализомъ и это новое опредѣленіе: онъ разсматриваетъ значеніе служенія, поколику оно почитается признакомъ святости, и находитъ, что служеніе въ сѣмъ слѣдъ есть орудіе, посредствомъ котораго боги производятъ, а по тому спрашиваетъ: что производятъ боги, пользуясь нашими услугами. На этотъ вопросъ Эвтифронъ не нахо-

добно сообразить всѣ обстоятельства разговора и сравнить ихъ съ нѣкоторыми современными мнѣніями народа о сынѣ Софрониска. Эвтифронъ выставляется образцемъ благочестія и въ тоже время вовсе несправедливо обвиняетъ своего отца въ убійствѣ. Напротивъ, Сократа между прочимъ обвиняли въ возмущеніи дѣтей противъ отцовъ (1) и за это относили его къ числу людей нечестивыхъ. Такія, совершенно противныя умозаключенія отдаются какъ бы на судъ Мелита, Сократова обвинителя. Явно, что его сужденіе должно основываться на истинномъ понятіи о благочестіи и святости; а понятіе о святости, какъ показано въ разговорѣ, должно вытекать изъ вѣрнаго значенія справедливости, покольку она прилагается къ богамъ и людямъ. Но какою чертою, которой характеризуется справедливость, Сократъ могъ объяснить, что такое святость? Мы видимъ, что онъ заставляетъ Эвтифрона возводить значеніе святости выше молитвъ и жертвоприношеній и поставять ее вообще въ выраженіи благодарности. Однакожь и благодарность ея нельзя назвать признакомъ справедливости, и потому что первая ниже послѣдней.

источановыхъ облакахъ v. 1320 sqq. Получившій образованіе въ школѣ Сократа отца и еще доказываетъ, что онъ справедливо.

Был пронос

вой в привокзальном

вскос подоткну

Что же сль

споты н' бл

и любовническим

в ладн шара

в стору для

и Грехи нап

хит со

людей з

и знач

и ш

вм

мн

д

я

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

звоняла писателю высказать его цѣль съ болѣею ясностію и откровенностію. А что Асть находитъ полную тему Эвтифрона въ Республикѣ II. 37. А. В. *ἔδὲ λεντίον νέφ ἀνέοντι, ὥς ἀδινῶν τὰ ἱσχυατὰ ἔδεν ἂν θαυμαστὸν ποιοίη, ὃδ' αὖ ὁ ἀδινῶντα τὸν πατέρα κολάζων παντὶ τρόπῳ, ἀλλὰ δρόφῃ ἂν, ὅπερ θεῶν—οἱ πρότεροι τε καὶ μέγιστοι—ἔδ' ἔγε—ὥς θεοὶ θεοῖς πολεμιοὶ τε καὶ ἐπιβιβλέουσιναι καὶ μάχονται*—то сравнивъ приведенныя слова съ разсматриваемымъ нами разговоромъ, всякій замѣтитъ, что онѣ никакъ не могутъ быть полною его темою, а только указываютъ на одну вѣтвь его развитія.

Гораздо важнѣе вопросъ о времени, когда Платонъ написалъ своего Эвтифрона. Ширенбергъ въ программѣ: *über die Zeit der Abfassung des Platonischen Euthyphron*, Lemg. 1830, весьма основательно подтверждаетъ мнѣніе Шлейермахера, Зохера и Штальбома, что разсматриваемый разговоръ написанъ послѣ доноса, по которому начался судъ надъ Сократомъ, однакожь прежде того времени, въ которое можно было предвидѣть бѣдственные слѣдствія судопроизводства для сына Софронискова. Что Эвтифронъ вышелъ въ свѣтъ послѣ доноса,—о изъ того, что въ немъ говорится объ обстоятельствахъ. Но по чему бы Платону нести его тогда, когда судебное дѣло его я было уже кончено?—Этого не позво-
лъ допустить самый тонъ разговора. Можно

ли предвещан... что... [unclear]

Мелиты. События... [unclear]

и обыкновенные... [unclear]

роль — одним... [unclear]

когда бы... [unclear]

и быть... [unclear]

случай... [unclear]

теля. Получил... [unclear]

тонь... [unclear]

более... [unclear]

мы видим... [unclear]

вание... [unclear]

ново... [unclear]

опасения. [unclear]

Платонъ и... [unclear]

неть... [unclear]

тласной... [unclear]

притворъ... [unclear]

гда... [unclear]

хлосовъ... [unclear]

притчина... [unclear]

не... [unclear]

кръ... [unclear]

известн... [unclear]

танже... [unclear]

неть... [unclear]

Платонъ... [unclear]

время... [unclear]

время... [unclear]

литъ, человекъ малоизвѣстномъ, но и о прочихъ двухъ обвинителяхъ.

Противъ сего мнѣнія могутъ сказать только то, что Платонъ поступилъ бы не разсудительно, если бы въ то самое время, когда Сократа обвиняли въ нечестіи, заставлялъ его худо отзываться о народномъ богопочтеніи и подвергать сомнѣнію важность молитвъ и жертвоприношеній. Но кто вникалъ въ религіозный бытъ Грековъ при Сократѣ, Периклѣ и Платонѣ; тотъ знаетъ, что подобныя сужденія о вѣрованіяхъ народа тогда были весьма обыкновенны и не почитались преступными. Греки открыто смѣялись надъ пороками своихъ боговъ; поэты ненаказанно описывали любовныя ихъ похождения, ссоры, происки и страсти; самые философы за шутки сего рода не подвергались гоненію. Если же нѣкоторые изъ нихъ и были наказаны правительствомъ основаніемъ казни служило или прямое порицаніе боговъ, что приписывалось Проклу, Диогору Мелоскому, или порицаніе религіозныхъ таинствъ, что, по свидѣтельству Діогена

116), позволялъ себѣ Стильпонъ, то и въ сѣнь навѣты злыхъ людей, отъ которыхъ далъ Сократъ. Каковы бы ни были сужденія Софронискова о своемъ отечествѣ и язычествѣ; но въ Эвтифронѣ онъ не споритъ ни о противъ предрасудковъ и мнѣній о богахъ, а не противъ

люція:

сатъ.

вратъ! ты пре- 2.

и проводишь

Въроятно у

царемъ

Эвтифронъ.

дѣлю не су-

13.

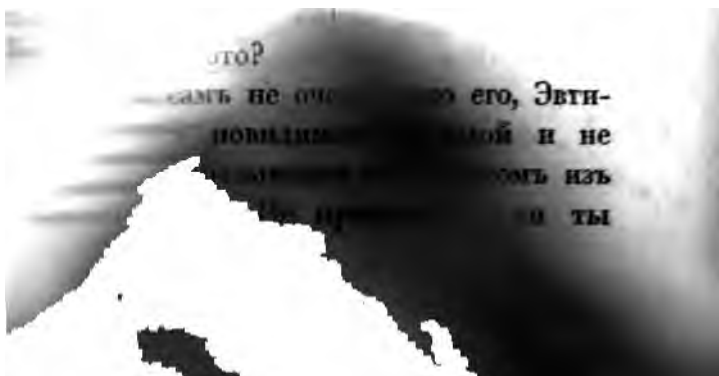
вѣ видно тебя

Ибо я не могу

кого-нибудь.

В.

обвиняють?

завести зло обществу съ самаго корня (6). Да
и мнѣ, какими бы дѣлами, по его словамъ,
развращалъ юношество (7)?

Сокр. И слышать-то странно, почтенный В.
Они говорятъ, что я творю боговъ; то-
гда, являю новыхъ и отвергаю древнихъ. Въ
самомъ явственно состоитъ его обвиненіе.

Эвт. Понимаю, Сократъ; ты объявляешь,
что съ тобою всегда твой геній, — вотъ ему и
надо обвинять тебя, какъ нововводителя въ
религію божественныхъ. Съ этимъ-то навѣтомъ
идеть въ судъ, зная, что толпа охотно
вѣруетъ подобныя клеветы. Въдь и надо
было бы, какъ надъ безумцемъ, когда я С.
иногда говорю что-нибудь о предметахъ
вѣрныхъ и предсказываю будущее, —
идти по тому, чтобы мои предсказанія
были оправданы, а по тому, что завидуютъ
мнѣ, какъ мы. Впрочемъ не нужно
беспокоиться; будемъ идти дружно.

Любезный Эвтифронъ! быть осмѣян-
нымъ, еще не важно. Афиняне,
иногда хлопочутъ, что въ ихъ мнѣ-
ніи; лишь бы не пропадала
мудрость. По зависти, какъ ты D.
иному, они иногда
атакуютъ готовящагося

представить такой доносъ — не безд
знаю, говорить онъ, какимъ образо
щается юношество, и знаю, кто р
его. Видно, это мудрецъ. Почитай
ность развратительницею своихъ свес
онъ обращается къ обществу, к
матери, и обвиняетъ меня. Кажется,
надобно приписать вѣрное понятіе
D. ибо въ самомъ дѣлѣ справедливо—н
заботиться о дѣтяхъ, чтобы они выш
ными, слѣдуя примѣру добраго садо
торый сперва старательно смотритъ
дыми растеніями, а потомъ уже и ж
Такъ-то можетъ быть и Мелить,—
3. требить насъ, по его словамъ, вред
прыскамъ юношества, а за тѣмъ у
позаботиться и о старшихъ, и чре
жетъ обществу весьма многія и пр

до? и въ чемъ дѣлю?
дѣлать.

многіе и не знаютъ.
ть. Соблюсти спра-
ть можно, думаю, не в.
му человѣку, а тому,
тѣхъ въ мудрости.

клянусь Зевсомъ.

и убить кого-нибудь
разумѣется: ибо
тѣхъ бы обвинять

что ты разни-
и. Надобно смо-
ища убить, или
а когда нѣтъ, С.
и нилъ за од-
леніе не мень-
и не очистить
и-то, видишь.
ужилъ у насъ,
островъ Нак-
разсѣрдившись

убилъ
ноги,
ѣка
у D.

Сокр. Можетъ быть, ты кажешься мнѣ особнякомъ, который не хочетъ преподавать своей мудрости; а я боюсь противнаго: не заметили ли они во мнѣ челоуѣколюбиваго чувства—изливать въ словъ каждому все, что имѣю, не только безъ платы, но и съ придачею своего удовольствія, лишь бы кто пожелалъ меня слушать? И такъ еслибы они, говорю, захотѣли только посмѣяться надо мною, какъ смѣялись и надъ тобою; то ни-чуть не скучно было бы провести время въ судѣ съ шутами и насмѣшниками: но что, когда примутся за дѣло серьезно? Тогда только вамъ—прорицателямъ будетъ извѣстно, какія произойдутъ послѣдствія.

Эвт. Можетъ быть, Сократъ, и ничего не будетъ. Думаю, ты благополучно выиграешь свое дѣло, а я—свое.

Сокр. Но у тебя-то, Эвтифронъ, какое же дѣло? Ты бѣжишь, или преслѣдуешь?

Эвт. Преслѣдую.

Сокр. Кого?

Эвт. Того, кого преслѣдуя, можно тотчасъ
4. показаться сумасшедшимъ.

Сокр. Что? ужъ не на-лету ли кого-нибудь (в)?

Эвт. Куда ему летать! Онъ уже дряхлый
къ.

кр. Ктожь это такой?

т. Мой отецъ.

кр. Твой отецъ?

убійца, не думалъ и не заботился: не то-есть, дѣло, если и умереть, — что было. Голодъ, стужа и эти веревки — прежде, чѣмъ посолъ возвратился отъ вателя. Вотъ за то-то и негодуютъ на тебя, какъ отецъ, такъ и пріродные, чѣмъ я обвиняю своего отца въ убійствѣ раго, по ихъ словамъ, ты не совершилъ еслибъ и совершилъ, ты и тогда, тогда стоило бы вступаться за умершаго: но Е. онъ самъ былъ убійца. При томъ, будто бы сыну обвинять отца въ убійствѣ понимаютъ они, Сократъ, дѣла божественныя и отличаютъ святое отъ нечестиваго.

Сокр. Но ради Зевса, Эвтифронъ! ты приписываешь себѣ столь оупрежденіе дѣлъ божественныхъ и тѣхъ, которые называются святыми и нечестивыми. Ты, не боясь отца, не боишься совершить нечестивое происшествіе было таково, какъ ты говоришь обою?

А что было бы отъ меня, Эвтифронъ отличалъ бы не зналъ опредѣлять.

О, какъ же хорошо, дѣла поучиться у тебя, и на судопроизводство, сказать: Я и прежде старался божественныхъ; а ты...

но, я и погрѣшаю.
при осмысленномъ
и дерзавшемъ того
одною, кажется, усту- в.
и оспитъ (16), когда сами
и ничего не знаемъ?
и (17), думаешь ли
и тѣхъ было.

и этого, Со-
и не вѣдаешь.

и, что между
и сильная вра-
и подобное (18), о чемъ
и добрые жи-
и для насъ
и: которая, со мно- С.
и, въ праздникъ
и въ Акро-
и истиннымъ,

и; я, если угод-
и божественныхъ
и, что, слушая меня,

и; но объ этомъ
и досугъ; а
и я не

и не р-
и
и

Зем. Испремьнно, Сократъ.

Сокр. Скажи же, что ты называешь с
и что несвятымъ ?

Зем. Святымъ я называю именно
теперь дѣлаю, то есть — преслѣдованіе
ника, обличеннаго либо въ убійствѣ ,
святотатствѣ , либо въ другихъ подобн
Е. лахъ, отецъ ли то будетъ, мать, или
нибудь: а непреслѣдованіе такихъ люд
моему мнѣнію , есть несвятое. И смот
кратъ , на какомъ прочномъ основаніи
ждается истинность этого закона (14).
рилъ уже и другимъ , что справедливос
буетъ не полагать нечестивому , кто
ни былъ. Люди сами почитаютъ Зевса в
6. шимъ и правосуднѣйшимъ изъ боговъ, о
вѣрять, что онъ связалъ своего отца, бе
пожиравшаго дѣтей, а потомъ за други
ныя дѣла осконилъ его. Между тѣмъ
досадуютъ, что я вооружаюсь противъ

Эвт. Какъ не кончить.

Сокр. Отъ какого же разногласія и къ какому согласію перейти мы не могли бы, но сердились бы другъ на друга и оставались врагами? Впрочемъ, можетъ быть, тебѣ такой вопросъ неподрученъ; такъ позволь мнѣ сказать и размысли: не есть ли это справедливое и несправедливое, хорошее и дурное, доброе и злое? Не объ этихъ ли предметахъ мы разногласимъ и, не могли совершенно сойтись въ отношеніи къ нимъ, бываемъ врагами другъ другу, какъ скоро сталкиваемся — я, ты и всѣ прочіе люди?

Эвт. Точно это, Сократъ, и объ этомъ все разногласіе.

Сокр. Чтожь? Если и боги разногласятъ, Эвтифронъ; то не тѣже ли предметы ихъ разногласія?

Эвт. Крайне необходимо.

Сокр. Значить, справедливымъ и несправедливымъ, хорошимъ и дурнымъ, добрымъ и злымъ одни изъ боговъ, благородный Эвтифронъ, по твоимъ словамъ, почитаютъ одно, другіе другое; ибо они, вѣроятно, не ссорились бы между собою, если бы не разногласили въ этомъ отношеніи. Не правда ли?

Эвт. Правда.

Сокр. И что каждый изъ нихъ почитаетъ хорошимъ, добрымъ и справедливымъ, то и любить, а противное сему ненавидить?

Эвт. Безъ сомнѣнія.

Сокр. Но одно и тоже, какъ ты говоришь, для однихъ боговъ справедливо, а для другихъ несправедливо; — и это недоумѣніе есть причина ихъ ссоры и взаимной вражды. Не такъ ли?

8.

Эвт. Такъ.

Сокр. Значить, одно и тоже и ненавидѣть они и любятъ; а потому дѣла богоненавистныя и боголюбезныя должны быть однѣ и тѣже.

Эвт. Кажется.

Сокр. Но по этимъ словамъ, Эвтифронъ, и святое и несвятое равнымъ образомъ должно быть одно и тоже.

Эвт. Едва ли не такъ.

Сокр. Слѣдовательно ты не на вопросъ отвѣчалъ, чуждакъ: я спрашивалъ тебя не о томъ, что бываетъ одно и тоже — и святое и не святое; а изъ твоихъ словъ видно, что боголюбезное есть вмѣстѣ и богоненавистное. Такъ напримѣръ, не удивительно, что настоящимъ своимъ поступкомъ, то-есть, обвиненіемъ отца, в. ты угодишь Зевсу, но оскорбишь Хроноса и Урана, — едвалишь пріятное Иеесту, но огорчишь Иру. Тоже должно сказать и о прочихъ богахъ, если только они не одного объ этомъ мнѣнія.

Эвт. Но ни одинъ богъ, думаю, не споритъ съ другимъ, Сократъ, что не надобно на-

казывать человека, который незаконно убилъ кого-нибудь.

Сокр. Чтожь, Эвтифронъ? А между людьми разнѣ ты слыхалъ, чтобы кто спорилъ, что не должно подвергать наказанію незаконнаго убійцу, или поступившаго не справедливо въ чемъ-нибудь иномъ?

Эт. Такіе споры не прекращаются и въ другихъ мѣстахъ и въ судахъ. Даже тѣ, которые виноваты, какъ нельзя болѣе, все дѣлають и говорятъ, чтобы избавиться отъ обвиненія.

Сокр. Но если они уже признають себя виноватыми, Эвтифронъ; то, признавшись, говорить ли, что не должно наказывать ихъ?

Эт. Этого-то не бываетъ.

Сокр. Слѣдовательно они не все дѣлають и говорятъ. Я думаю, никто не осмѣлится утверждать и спорить, что не должно наказывать его, хотя онъ и виноватъ. Такіе люди, видно, не почитаютъ себя виноватыми. Не правда ли?

Эт. Правда.

Сокр. Слѣдовательно они спорятъ не о томъ, что не должно наказывать виновнаго, а о томъ, кто, въ чемъ и когда виновенъ.

Эт. Справедливо.

Сокр. Но не тоже ли самое бываетъ и съ богами, если они, по твоимъ словамъ, ссорятся о справедливомъ и несправедливомъ, то-есть, если одинъ изъ нихъ говорятъ, что такой-то обидѣлъ,

а другіе не говорятъ? Того же, почтеннѣйшій, что не должно наказывать виновнаго, не смѣють сказать ни боги, ни люди. Б.

Эт. Да, ты говоришь правду, Сократъ; именно это главное.

Сокр. При томъ, люди и боги, если только у боговъ, Эвтифронъ, бываютъ касательно чего-нибудь разногласія и споры, споря между собою, спорять, думаю, о дѣлахъ частныхъ; то есть, одни изъ нихъ известное дѣло почитаютъ правымъ, а другіе не правымъ. Не такъ ли?

Эт. Конечно.

Сокр. И такъ наставь же меня, любезный Эвтифронъ, что бы я былъ мудре; скажи, почему ты знаешь, что всѣ боги почитаютъ беззаконною смерть такого наемнаго слуги (22), который, сдѣлавшись челоуѣкоубійцею, былъ бы связанъ господиномъ похвойника и отъ уза умеръ, прежде нежели связавшій успѣлъ получить извѣстіе отъ Истолкователей, какъ ему поступить, и что за это сынъ справедливо можетъ преслѣдовать своего отца и обвинять его въ убійствѣ. Ну-ка постарайся доказать мнѣ какъ-нибудь яснѣе, что непременно всѣ боги признаютъ это дѣло справедливымъ. Если твое доказательство будетъ достаточно, то я никогда не перестану прославлять твою мудрость.

Эт. Но можетъ быть, это было бы дѣло

не малое, Сократъ, если бы я захотѣлъ доказать тебѣ съ совершенною ясностію.

Сокр. Вижу, что въ твоихъ глазахъ я не столь понятливъ, какъ судьи; ибо имъ-то ты конечно докажешь, что это незаконно (23), что такія дѣла ненавистны всѣмъ богамъ.

Эвт. И весьма ясно, Сократъ,—только бы захотѣли меня слушать.

- C. *Сокр.* Будутъ слуш , лишь бы твоя рѣчь показалахъ хорошею. Но между тѣмъ какъ ты говорилъ, я подумалъ и теперь размышляю самъ съ собою: положи , Эвтифронъ въ самомъ дѣлѣ научилъ бы меня, что такую смерть всѣ боги признаютъ незаконною; узналъ ли бы я отъ него даже и тогда, въ чемъ состоитъ святое, и въ чемъ несвятое? Пусть онъ сказалъ бы, что это богоненавистно; однакожь симъ, по видимому не опредѣлилось бы еще значеніе того, что свято и противно святому; ибо дѣло богоненавистное бываетъ и богопріятнымъ. И такъ я увольняю тебя отъ отвѣта, Эвтифронъ; допустимъ если угодно, что всѣ боги признаютъ этотъ поступокъ незаконнымъ и ненавидятъ его.⁴ Но не поправиться ли намъ съ своею рѣчью слѣдующимъ образомъ: что всѣ боги ненавидятъ, то несвято; что любятъ, то свято; что одни любятъ, другіе ненавидятъ, то ни-то ни сѣ, или и то и сѣ? Хочешь ли такъ опредѣлить святое и несвятое?

Эвт. Что же препятствуетъ, Сократъ?

Сокр. Мнѣ-то ничто не препятствуетъ, Эвтифронъ; но ты смотри свое: допустивъ это, удобно ли тебѣ научить меня тому, что обещалъ?

Эвт. Да, я могу допустить, что любезное всѣмъ богамъ свято, а ненавистное всѣмъ богамъ несвято.

Е.

Сокр. Но разсматривать ли намъ, Эвтифронъ, истинность этого положенія, или оставить, и, когда утверждаютъ, что это такъ, просто принимать мнѣніе — наше ли оно: будетъ, или чужое? Впрочемъ не лучше ли изслѣдовать, что тутъ говорится?

Эвт. Лучше изслѣдовать; хотя я думаю, что теперь мы сказали хорошо.

Сокр. А вотъ сей-часъ узнаемъ обстоятельнѣе, почтеннѣйшій. Подумай-ка о слѣдующемъ: свято по тому ли свято, что любезно богамъ, или по тому любезно богамъ, что свято?

Эвт. Я не понимаю твоихъ словъ, Сократъ.

10.

Сокр. Такъ постараюсь сказать яснѣе: мы называемъ нѣчто носимымъ и носящимъ, видимымъ и водящимъ, видимымъ и выдающимъ. Ты понимаешь, что все это отлично одно отъ другаго, какъ отличное.

Эвт. Да, кажется понимаю.

Сокр. По этому, любимое не отлично ли также отъ любящаго?

Эвт. Какъ не отлично.

В. *Сокр.* Скажи же мнѣ: носимое по тому ли носимо, что его носятъ, или по чему иному?

Эвт. Нѣтъ, именно по этому.

Сокр. И водимое,—по тому, что его водятъ, и видимое,—по тому, что его видятъ?

Эвт. Конечно.

Сокр. Значить, видимое не по тому видятъ, что оно видимо, а напротивъ по тому видимо, что его видятъ; и водимое не по тому водятъ, что оно водимо, а по тому водимо, что его водятъ; и носимое не по тому носятъ, что оно носимо, а по тому носимо, что его носятъ. Понимаешь ли теперь, Эвтифронъ, что я хочу сказать? Я хочу сказать слѣдующее: если что-

С. нибудь бываетъ, или страдаетъ; то бываетъ не по тому, что оно есть бываемое, а по тому есть бываемое, что оно бываетъ; и страдаетъ не по тому, что оно есть страдательное, а по тому есть страдательное, что оно страдаетъ. Или ты не согласенъ съ этимъ?

Эвт. Согласенъ.

Сокр. А любимое не есть ли нѣчто бываемое, либо нѣчто страдательное въ отношеніи къ чему-нибудь?

Эвт. Конечно.

Сокр. Значить, и оно таково же, какъ прежнее; то-есть, когда любятъ его, то любятъ не по тому, что оно любимо, а по тому оно любимо, что его любятъ?

Эвт. Необходимо.

Сокр. И такъ что же скажемъ мы о свя- D.
томъ, Эвтифронъ? не то ли, что оно, согласно
съ прежнимъ твоимъ мнѣніемъ, любезно всѣмъ
богамъ?

Эвт. То самое.

Сокр. Но по тому ли, что оно свято, или
по чему иному?

Эвт. Нѣтъ, именно по этому.

Сокр. Следовательно оно любимо по тому,
что свято, а не потому свято, что любимо.

Эвт. Кажется.

Сокр. И однакожь боголюбезное боголюбезно
и любимо по тому, что его любить боги.

Эвт. Какъ же иначе.

Сокр. Значить, боголюбезное же есть свя-
тое, Эвтифронъ, и святое, по твоимъ же сло-
вамъ, не есть боголюбезное; но одно отлично
отъ другаго.

Эвт. Какъ же такъ, Сократъ?

Сокр. Такъ. Мы согласились, что святое
по тому любимо, что свято, а не по тому свято,
что любимо. Не правда ли? Е.

Эвт. Правда.

Сокр. Боголюбезное же таково, поколику
любезно богамъ, то-есть, боголюбезно именно
по тому, что любимо, а не по тому любимо, что
боголюбезно.

Эвт. Твоя правда.

Сокр. Но если боголюбезное и святое, Эв-
тифронъ, одно и тоже; то, какъ святое любить

- ради того, что оно свято, такъ и боголюбезное
11. любили бы по тому, что оно боголюбезно. Если же боголюбезное боголюбезно по тому, что оно любимо богами, то и святое было бы свято по тому, что оно любимо ими. Между тѣмъ ты видишь, что онѣ находятся въ обратномъ отношеніи, какъ отличныя одно отъ другаго: то-есть, первое надобно любить по тому, что его любить; а послѣднее любить по тому, что его надобно любить. Видно же на мой вопросъ, что называется святымъ, ты, Эвтифронъ, не хотѣлъ открыть самую сущность его, а только показавъ нѣкоторое его свойство. Ты сказалъ, что ему свойственно быть любезнымъ для всѣхъ боговъ, а не сказалъ, что такое оно само по себѣ. И такъ, если тебѣ пріятно, не скрывай отъ меня этого, но объяви опять сначала, что называется святымъ, независимо отъ того, любезно ли оно богамъ, или имѣетъ какое-нибудь другое свойство. Объ этомъ мы разногласить не будемъ; только скажи искренно, что почитается святымъ и несвятымъ.

Эвт. Но я не знаю, Сократъ, какъ высказать тебѣ свои мысли. Все, что мы ни выставимъ (24), какъ-то кружится у насъ и не хочетъ оставаться на томъ мѣстѣ, гдѣ было поставлено.

- Сокр.* Видно твои слова, Эвтифронъ, суть
- с. слова моего предка Дедала (25). Если бы сказалъ и постановилъ ихъ я; то ты, можетъ быть, посмѣялся бы надо мною: вотъ - де, по родству

съ нимъ, и у тебя содержаніе ускользаетъ изъ рѣчи и не хочетъ оставаться тамъ, гдѣ было положено. А теперь, такъ какъ предположенія сдѣланы тобою, нужна иная шутка: ты самъ видишь, что онъ не устываются у тебя.

Эвт. По мнѣ, Сократъ, наши слова вызываютъ именно такую шутку; потому что не я сообщилъ имъ способность кружиться и не стоять на одномъ мѣстѣ, а ты — Дедалъ, какъ о. мнѣ кажется. У меня - то оставалось бы это такъ.

Сокр. Видно же, другъ мой, въ искусствѣ я превосхождѣе того чловѣка: онъ дѣлалъ движимыми только собственныя свои произведенія; а я, кромѣ собственныхъ, привожу въ движеніе и чужія. При томъ, — вотъ прелесть искусства — я мудрецъ не хотя: мое желаніе было установить рѣчь и сдѣлать ее твердою, чтобы къ мудрости Дедала присоединить особенно сокровища Танталовы (26). Впрочемъ довольно объ этомъ. Такъ какъ ты, кажется, безпеченъ; то я самъ вмѣстѣ съ тобою постараюсь показать, какимъ образомъ тебѣ надлежало бы учить меня, что называется святымъ. Не поскучай же. Смотри: все святое не необходимо ли представляется тебѣ справедливымъ?

Эвт. Необходимо.

Сокр. А все справедливое — святымъ? — Или можетъ быть все святое справедливо, но не все

12. справедливое свято? можетъ быть одно свято, а другое и не таково?

Эвт. Я не понимаю тебя, Сократъ.

Сокр. Однакожь ты во сколько моложе меня, во столько же и мудрее. Тебѣ, какъ я сказалъ, мѣшаетъ одна безпечность, происходящая отъ богатства мудрости. Но сдѣлай усиліе, почтеннѣйшій. Да о моихъ словахъ и не трудно размыслить. Я говорю противное тому, что восхваляетъ поэтъ (37): «О Зевсъ, который все это сотворилъ и насадилъ, ты говорить не хочешь; ибо гдѣ страхъ, тамъ и стыдъ.» Въ этомъ я не согласенъ съ поэтомъ. Сказать ли по чему?

Эвт. Скажи.

Сокр. Я не думаю, что гдѣ страхъ, тамъ и стыдъ. Мнѣ кажется, многіе хотъ и боятся болѣзней, бѣдности и другихъ вещей; но, боясь, не стыдятся того, чего боятся. Не такъ ли и тебѣ кажется?

Эвт. Конечно.

Сокр. Напротивъ, гдѣ стыдъ, тамъ и страхъ; ибо найдется ли такой человѣкъ, который бы, стыдясь чего-нибудь и краснѣя, не опасался въ С. тоже время и не боялся безславія?

Эвт. Да, боится.

Сокр. Справедливо несправедливо сказано: гдѣ страхъ, тамъ и стыдъ. Надобно сказать: гдѣ стыдъ, тамъ и страхъ. То-есть, гдѣ стыдъ, тамъ всегда бываетъ страхъ;

потому что страхъ, кажется, обширнѣе стыда: стыдъ есть часть страха, какъ нечетъ есть часть числа; такъ что, гдѣ есть число, тамъ можно еще и не быть нечету; а гдѣ есть нечетъ, тамъ уже есть и число. Понимаешь ли теперь?

Эвт. Понимаю.

Сокр. Такъ вотъ такой же вопросъ былъ и прежде. Точно ли, гдѣ справедливое, тамъ и святое? или только на оборотъ: гдѣ святое, тамъ и справедливое, а гдѣ справедливое, тамъ не всегда бываетъ святое, поколику то есть святое разумется, какъ часть справедливаго? Такъ ли скажемъ, или тебѣ иначе кажется?

Эвт. Не иначе, а такъ; по тому что ты говоришь правду.

Сокр. Смотри же, что дагве. Если святое есть часть справедливаго; то по видимому надобно опредѣлить, какую часть справедливаго составляетъ святое. Положимъ, ты спросилъ бы меня, о чемъ сей часъ говорено было, то есть, какую часть числа составляетъ четъ, и что это за-число? Я отвѣчалъ бы: у котораго не неравныя, а равныя стороны (28). Или не такъ?

Эвт. Такъ.

Сокр. Постарайся же и ты объяснить мнѣ въ такомъ образомъ: святое—какая часть справедливаго?—и тогда скажемъ Мелиту, что онъ не

долженъ обижать насъ и обвинять въ нечестіи; ибо мы достаточно узнали отъ тебя, что называется благочестивымъ и святымъ, и что нѣтъ.

Эвт. Благочестивое и святое, Сократъ, кажется, есть та часть справедливаго, которая состоитъ въ обхожденіи съ богами; а остальная относится къ обхожденію съ людьми.

Сокр. Ты, по видимому, прекрасно говоришь, Эвтифронъ. Теперь мнѣ нужно нѣчто
13. небольшое. Я еще не понимаю, что у тебя называется обхожденіемъ. Ты вѣдь, кажется, не сказалъ, что обхожденіе съ богами—таково, каково бываетъ и съ другими. Мы говоримъ же напримѣръ, что не всякій умѣетъ обходиться съ лошадьми, а только всадникъ. Не такъ ли?

Эвт. Конечно.

Сокр. По этому искусство всадника состоитъ въ обхожденіи съ лошадьми.

Эвт. Да.

Сокр. И не всякій умѣетъ обходиться съ собаками, а только псарь.

Эвт. Такъ.

Сокр. Значитъ, искусство псара есть обхожденіе съ собаками.

В. Эвт. Да.

Сокр. А что такое искусство псара—съ собаками.

Эвт. Къ

съ богами,

или?

Эт. Такъ.

Сокр. Но вѣдь всякое обхожденіе дѣлаетъ одно и тоже, а именно, какое-нибудь добро и пользу тому, съ чѣмъ обходятся. Напримѣръ, ты самъ видишь, что отъ искусства всадническаго получаютъ пользу и становятся лучшими лошади. Или тебѣ иначе кажется?

Эт. Нѣтъ, не иначе.

Сокр. Такимъ же образомъ, отъ искусства псарнаго — собаки, отъ пастушьаго — быки. С. Тоже должно сказать и о всемъ другомъ. Или ты думаешь, что обхожденіе служить ко вреду того, съ чѣмъ обходятся?

Эт. Нѣтъ, не думаю, клянусь Зевсомъ.

Сокр. Следовательно къ пользѣ?

Эт. Какъ же иначе.

Сокр. Значить, и святость, какъ обхожденіе съ богами, приносить имъ пользу и дѣлаетъ ихъ лучшими? Но можешь ли согласиться, что, совершая извѣстное святое дѣло, ты улучшаешь котораго-нибудь бога?

Эт. Нѣтъ, клянусь Зевсомъ.

Сокр. Конечно, я и самъ не думаю, Эвтифронъ, чтобы ты сказалъ это; куда думать! Для того-то я и спросилъ, какъ ты понимаешь обхожденіе съ богами, что былъ увѣренъ въ то, что не могу несогласіи разумѣть его такимъ обра- д.

на. Да и справедливо, Сократъ; ибо я охотѣе дѣлъ не такъ разумно его.

Сокр. Положимъ; какое одинакомъ обхожденіе съ богами называется святостію?

Эвт. Такое, Сократъ, какое прилично слугамъ въ отношеніи къ ихъ господамъ.

Сокр. Понимаю: это должно быть искусство служить богамъ.

Эвт. Безъ сомнѣнія.

Сокр. Но можешь ли сказать, въ исполненіи какого дѣла искусство служить услуживаетъ врачамъ? не въ возстановленіи ли здоровья?

Эвт. Конечно.

Сокр. Чтожь? А кораблестроителямъ искусство служить въ исполненіи какого дѣла услуживаетъ?

Б. Эвт. Явно, что въ постройкѣ кораблей, Сократъ.

Сокр. А домостроителямъ, видно, въ постройкѣ домовъ?

Эвт. Да.

Сокр. Скажи же, почтеннѣйшій: искусство служить богамъ въ исполненіи какого дѣла услуживаетъ? Ты безъ сомнѣнія знаешь это; повалику самъ говоришь, что лучше всѣхъ разуживаешь предметы божественные.

Эвт. И я радъ слышать, Сократъ.

Сокр. Скажи же, ради Зевса; въ чемъ состоитъ искусство, которое производитъ услуги?

Эвт. Такихъ дѣлъ много и онѣ прекрасны, Сократъ.

Сокр. Конечно, и у полководцовъ также; 14. любезнѣйшій: однакожь о главномъ дѣлѣ ихъ сказать не трудно; то-есть они выигрываютъ побѣду на войнѣ. Не такъ ли?

Эвт. Какъ же иначе?

Сокр. Равнымъ образомъ много прекрасныхъ дѣлъ и у земледѣльцевъ; однакожь главное дѣло ихъ есть произращеніе пищи.

Эвт. Конечно.

Сокр. Ну, а изъ многихъ и прекрасныхъ дѣлъ, производимыхъ богами, которое главное?

Эвт. Я недавно сказалъ тебѣ, Сократъ, в. что узнать съ точностію состояніе всего этого весьма не легко. Вотъ мой короткій отвѣтъ: Кто въ молитвахъ и жертвоприношеніяхъ умѣетъ и говорить и дѣлать угодное богамъ; того дѣла святы и спасительны, какъ для собственнаго его дома, такъ и вообще для общества: а противныя богоугоднымъ—нечестивы, все искореняють и губятъ.

Сокр. Конечно, если бы ты захотѣлъ, Эвтифронъ, то могъ бы еще гораздо короче выразить главное въ томъ, о чемъ я спрашивалъ. Но у тебя нѣтъ охоты научить меня; это видно. Вотъ, и приблизившись къ дѣлу, ты возвращаешься назадъ. Выслушавъ твой отвѣтъ, я с. и безъ тебя уже достаточно уразумѣлъ бы, что такое святость: а теперь вопрошающій по

необходимости долженъ слѣдовать за вопрошаемымъ, куда бы послѣдній ни шелъ. И такъ что же называешь ты святымъ и святостию? ужь не умъныя ли приносить жертвы и молиться?

Эвт. Да.

Сокр. Но приносить жертвы не значить ли давать богам, а молиться — просить у них?

Эт. Разумѣется, Сократъ.

В. Сокр. Следовательно святость, по твоим словамъ, есть знаніе просить и давать?

Эт. Ты весьма хорошо понял меня,
Сократъ.

Сокр. По тому, любезнѣйшій, что жажду твоей мудрости и прилагаю къ ней умъ свой, чтобы не уронить ни одного слова.—Но скажи мнѣ, что же будетъ самое служеніе богамъ? видно просить ихъ и давать имъ?

Эт. Да.

Сокр. А справедливо просить, не значит ли просить у них того, что намъ нужно съ ихъ стороны?

Зит. Чего же еще?

Согр. И опять, справедливо давать, не
значит ли смириться перед тем, что из
в руках у... не учтено же,
каким...нибудь такую
...

© 2004 Blackwell Publishing Ltd

Эвт. Твоя правда, Сократъ.

Сокр. Слѣдовательно святость, Эвтифронъ, есть какое-то торговое искусство между богами и людьми?

Эвт. Пожалуй, если тебѣ угодно такъ называть его.

Сокр. Мнѣ-то не угодно, если это несправедливо. Скажи, какую пользу боги получаютъ отъ даровъ нашихъ? Что они даютъ, то всякому извѣстно; ибо у насъ нѣтъ ничего добраго, что было бы даровано не ими. Но въ чемъ состоитъ та польза, которую они получаютъ отъ насъ? Или наша выгода въ этой торговлѣ такъ выше ихъ выгоды, что отъ нихъ мы приобретаемъ всѣ блага, а отъ насъ они не приобретаютъ ничего?

Эвт. Развѣ ты думаешь, Сократъ, что боги пользуются нашими приношеніями?

Сокр. А иначе, что значили бы онѣ для боговъ, Эвтифронъ?

Эвт. Что другое представишь, кромѣ чести, поклоненія и благодарности, какъ я недавно сказалъ.

Сокр. По этому святое есть выраженіе благодарности, Эвтифронъ, а не то, что полезно богамъ?

Эвт. Но выраженіе благодарности для нихъ, не, любезнѣе всего.

Сокр. Такъ опять выходитъ, что святое — то, что любезно богамъ?

Эвт. Безъ всякаго сомнѣнія.

Сокр. Но говоря это будешь ли удивляться, что слова твои не стоятъ на одномъ мѣстѣ, а бродятъ? и захочешь ли обвинять меня, какъ Дедала, въ ихъ непостоянствѣ? Ты самъ гораздо искуснѣе, чѣмъ Дедалъ, заставляешь ихъ ходить кругомъ. Развѣ не замѣчаешь, что наша рѣчь пришла опять къ своему началу? Вѣроятно ты помнишь, что святое и боголюбивое прежде было у насъ не одно и тоже, а различно. Или не помнишь?

Эвт. Помню.

Сокр. А теперь развѣ не сознаешь, что любезное богамъ называется святымъ? Вѣдь любезное богамъ есть не иное что, какъ боголюбивое? Или нѣтъ?

Эвт. Конечно.

Сокр. Следовательно, или прежнее положеніе не хорошо, или теперешнее не вѣрно, если то хорошо.

Эвт. Кажется.

Сокр. Итакъ надобно изслѣдовать слова, что называется святымъ: я, сколько отъ меня зависитъ, не откажусь отъ этого предмета, пока не узнаю его. Не презираю же меня, но непремѣнно удостой своимъ вниманіемъ и хоть теперь изобрази слова истинны. Тебѣ она извѣстна вѣдь болѣе, чѣмъ другимъ; а потому тебя не должно смущать въ рѣчь, какъ Протекъ, пока не извѣстно это. Если бы ты не зналъ

ясно, что называется святымъ и нечестивымъ, то какъ бы тебѣ рѣшиться—за челоѡвка наемнаго, настойчиво обвинять (30) въ убійствѣ старика отца? Нѣтъ, ты и боговъ побоялся бы, чтобъ какъ-нибудь не сдѣлать неправды, и постыдился бы людей. Да, я хорошо знаю, что тебѣ совершенно извѣстно святое и не святое. Скажи же, добрый Эвтифронъ; не скрывай отъ меня своихъ мыслей.

Эвт. Въ другое время, Сократъ; теперь спѣшу въ одно мѣсто, и уже пора идти.

Сокр. Что ты дѣлаешь, другъ мой? Твое удаленіе лишаетъ меня великой надежды, — узнавъ отъ тебя, что свято, что нѣтъ, избавить-ся отъ обвиненія, внесеннаго на меня Мелитомъ. Я доказалъ бы ему, что, по милости 16. Эвтифрона, вышедши мудрецомъ въ дѣлахъ божественныхъ, я уже не говорю объ нихъ пустяковъ, какъ невѣжда, не ввожу новыхъ понятій, даже намѣренъ и остальную свою жизнь провести сколько можно лучше.

МЕНОНЪ.

11

1

М Е Н О Н Ъ.

В В Е Д Е Н І Е.

Главная тема Менона ничѣмъ не отличается отъ вопроса, разрываемаго въ Протагорѣ. Какъ здѣсь, такъ и тамъ, предметъ изслѣдованія—добродѣтель, то-есть, изучается ли она, или получается отъ природы. По этому вѣроятно покажется страннымъ, что я не поставилъ Менона въ непосредственную связь съ Протагоромъ, или по крайней мѣрѣ Эвтидемомъ, но между сими разговорами помѣстилъ Лахеса, Хармида и Эвтифрона, въ которыхъ разсматриваются только виды добродѣтели. Вотъ мое основаніе: въ Протагорѣ Платонъ не высказалъ послѣдняго результата, откуда и какимъ образомъ пріобрѣтается добродѣтель; цѣль его тамъ была—не научить, а обличить софиста въ незнаніи того самаго предмета, по отношенію къ которому онъ почиталъ себя

мудрецомъ и лучшимъ изъ всѣхъ преподавателемъ. Въ томъ же намѣреніи изложенъ разговоръ Сократа съ Лахесомъ и Никіасомъ о мужествѣ, съ Хармидомъ и Критіасомъ—о разсудительности, съ Эвтифрономъ—о святости. Во всѣхъ этихъ сочиненіяхъ не видно прямого указанія на положительную мысль сына Софронискова: къ ней ведутъ только намеки; ее обличаетъ только умозаключеніе. Напротивъ въ Менонѣ, послѣ долговременной борьбы съ ученикомъ Горгіаса, и по опроверженіи софистическихъ его понятій о существѣ и происхожденіи добродѣтели, Сократъ довольно определенно высказываетъ и собственную свою мысль о ней. По сему на Менона должно смотрѣть, какъ на заключеніе Сократовой Иппии, какъ на окончательное раскрытіе нравственности, которую Афинскій мудрецъ столь неутомимо преподавалъ своимъ соотечественникамъ. При томъ нельзя не замѣтить, что въ Менонѣ къ ученію Сократа Платонъ уже привилъ нѣсколько и своихъ собственныхъ идей, которыми этотъ разговоръ поставляется въ отношеніе къ Федру, Горгіасу и Теэтету. Такъ напримѣръ, ученіе о познаніи въ смыслѣ припоминанія вещей, которыя душа видѣла въ домірномъ своемъ существованіи, очевидно объясняется исторією человѣческаго духа, мифически изложенною въ Федрѣ; а математическія понятія о фигурѣ, физиологическіе толки

Эмпедокла о чувственныхъ представленіяхъ и мысль о правильномъ мнѣніи указываютъ на основанія въ Тезетѣ и Горгіасѣ. Впрочемъ общее всегда позволительно предпочитать частному: общая тема Менона даетъ ему большее право на связь съ Протагоромъ, нежели нѣкоторыя частныя мысли—на сближеніе съ сими послѣдними разговорами.

Приступая къ разбору этого сочиненія, мы прежде всего видимъ, что въ немъ нѣтъ обыкновеннаго въ Платоновыхъ разговорахъ вступленія, въ которомъ нашъ философъ драматически излагаетъ всѣ обстоятельства, предуготовляющія къ изслѣдованію извѣстнаго предмета. Здѣсь бесѣда начинается вдругъ вопросомъ: «скажи мнѣ, Сократъ, можно ли изучать добродѣтель, или она не изучается, а приобрьтается подвигами, или и не изучается и не приобрьтается подвигами, а получается отъ природы?» Такое нечаянное, не приготовленное начало заставляло нѣкоторыхъ критиковъ сомнѣваться въ подлинности Менона. Это сомнѣніе, по видимому, тѣмъ основательнѣе, чѣмъ нужнѣе было бы здѣсь вступленіе. Потребность его становится ощутительною особенно въ томъ случаѣ, когда Сократъ вдругъ обращается къ новому собесѣднику, Аниту, о присутствіи, или прибытіи котораго прежде было вовсе неизвѣстно, если не на это указывается словами: *αἰς καλὸν ἦμιν Ἄνιτος ὅδε παρεμβαίνετο*. Но одинъ

недостатокъ драматическаго вступленія, по нашему мнѣнію, еще нельзя почитать признакомъ подложности разговора—во первыхъ по тому, что и другія нѣкоторыя бесѣды Платона, въ подлинности которыхъ никто не сомнѣвался, оставлены также безъ вступленій, таковы напримѣръ Кратилъ и Филебъ; во вторыхъ по тому, что недостатокъ приступа можетъ только приводить къ вопросу, вполнѣ ли извѣстный разговоръ дошелъ до насъ, не былъ ли онъ отрывкомъ иного, болѣе обширнаго сочиненія, которое впоследствии потерялось, или, не входилъ ли въ какую-нибудь тетралогію Платоновыхъ разговоровъ.

Сомнѣвались также и касательно главной темы Менона; спрашивали, что именно изслѣдывается въ немъ: то ли, какъ надобно понимать добродѣтель, или то, какимъ образомъ она пріобрѣтается? Это недоумѣніе основывалось на самомъ ходѣ разсматриваемой бесѣды. Она естественно дѣлится на четыре части.

Первая начинается вопросомъ Менона: можно ли изучать добродѣтель, или надобно почитать ее даромъ природы? Поелику же, для рѣшенія его, по замѣчанію Сократа, нужно напередъ знать, что должно разумѣть подъ именемъ добродѣтели; то Менонъ старается опредѣлить ее, и однакожь никакъ не можетъ всѣ виды ея подвести подъ одинъ родъ. Вотъ его опредѣленія:

- а. Всякому возрасту, полу и состоянію прилична своя добродѣтель, а потому понятія о добродѣтели относительно различны: но Сократъ требуетъ одного общаго. 70—73.
- б. Добродѣтель есть умѣнье управлять людьми: но Сократъ замѣчаетъ, что дѣти и рабы по этому не могутъ быть добродѣтельными. При томъ, чтобы умѣнье управлять было добродѣтелию, надобно представлять себѣ управленіе справедливое; а справедливость есть только часть добродѣтели. 74—76.
- в. Быть добродѣтельнымъ значить радоваться хорошему и имѣть для него способность: но Сократъ доказываетъ, что всякій радуется хорошему, хотя бы кто находилъ хорошее въ дѣятельности совершенно злой; а по тому людей злыхъ нѣтъ, всѣ добрые. Притомъ радоваться хорошему можно справедливо или несправедливо, разсудительно или неразсудительно; а это значить имѣть дѣло не съ добродѣтелию, но съ частію добродѣтели. 77—79.

Послѣ сего Менонъ прибѣгаетъ подъ защиту извѣстнаго въ древности софизма, что опредѣлять нельзя ни того, что знаешь, ни того, чего не знаешь.

Во второй части Сократъ доказываетъ Менону, что неизвѣстное общее можно опредѣлять посредствомъ предварительнаго возбужденія

частныхъ познаній (*ἐν ἧσιν αὐτῷ αἱ δόξαι*); по тому что всякое познаніе есть не болѣе, какъ припоминаніе вещей, видѣнныхъ душою во время домірнаго ея существованія. Это доказательство производится посредствомъ возбужденія геометрическихъ понятій въ мальчикъ, который никогда не учился геометріи. 80—86.

Въ третьей Сократъ, на принятой мысли, что общее понятіе о добродѣтели, какъ припоминаніе, для человѣка возможно, хочетъ изслѣдовать вмѣстѣ съ Менономъ, какъ надобно понимать ее: но ученикъ Горгіаса требуетъ рѣшенія прежняго вопроса и, вмѣсто необходимаго въ семъ случаѣ основанія, соглашается допустить только предположеніе, что добродѣтель есть знаніе. Изъ этого предположенія очевидно вытекаетъ ея изучаемость (1): но Сократъ опровергаетъ слѣдствіе тѣмъ, что нѣтъ учителей добродѣтели; такъ что наконецъ добродѣтель представляется и не даромъ природы, поколику она есть знаніе, и не плодомъ науки, поколику ни одинъ добродѣтельный человѣкъ не въ силахъ передать ее другому. 87—96.

(1) Считаемо нужнымъ замѣтить, что выводъ изучаемость добродѣтели изъ понятія о ней, какъ о знаніи, Сократъ отнюдь не излагаетъ собственнаго мнѣнія, а приспособляется къ убѣжденію софистовъ и дѣлаетъ это для того, чтобы на ихъ же основаніяхъ показать независимость добродѣтели отъ природы.

Въ четвертой Сократъ находитъ другое предположеніе для рѣшенія Меноновой задачи. Добродѣтель, говоритъ онъ, есть не только знаніе, но и справедливое мнѣніе; потому что послѣднее точно такъ же руководствуетъ къ совершенію добрыхъ дѣлъ, какъ и первое. Но знаніе само по себѣ не даетъ добродѣтели; а справедливое мнѣніе, припоминаемое душою (85 С.), само по себѣ походитъ на прорицаніе мужей богодухновенныхъ, которые говорятъ много истиннаго, не зная того, что говорятъ. По сему добродѣтель не изучается и не есть даръ природы, а посылается отъ Бога. Вотъ что вытекаетъ изъ настоящихъ основаній, заключаетъ Сократъ! но ясно мы узнаемъ это тогда, когда оснуемъ свою мысль о происхожденіи добродѣтели не на предполагаемомъ понятіи о ней, а на изслѣдованіи сущности ея. 97—100.

Изъ такого хода разговора ясно открывается, что метода его изложенія — аналитическая; то-есть Платонъ старается рѣшить предложенный вопросъ на основаніи вѣрнаго понятія объ изслѣдываемомъ предметѣ. По сему критики, доказывавшіе, что въ Менонѣ главное вниманіе писателя обращено было на опредѣленіе добродѣтели, а не на происхожденіе ея, очевидно принимали основаніе за слѣдствіе и давали особенный вѣсъ не тому, для чего что

изсльдывается, а тому, о чемъ болышею частію говорится.

Изъ такой ошибки сама собою пронстекла и другая. Арнольдъ и Штальбомъ доказывають, что слова Платона о добродѣтели, какъ о дарѣ Божіемъ, надобно принимать въ смыслъ ироническомъ, и что послѣдняго результата, что такое добродѣтель, Платонъ въ своемъ Менонѣ не высказалъ; а Астъ, испугавшись мысли Сократа о божественномъ ея происхожденіи и думая, будто сынъ Софрониска противорѣчить этому положенію въ Протагорѣ, также показаніемъ Ксенофонта и Аристотеля, относитъ Менона къ числу сочиненій подложныхъ.

Мы имѣемъ причины не допускать ни того ни другаго заключенія. И во первыхъ, изъ представленія истинно добрыхъ дѣлъ, совершаемыхъ политиками по одному правильному мнѣнію, Сократъ такъ прямо и опредѣленно выводитъ слѣдствіе, что добродѣтель достается людямъ *θεία μοίρα, ἀνευ ἡμῶν*, что тутъ не можетъ быть мѣста ироніи. Платонъ допускалъ добродѣтели юридическія и, для совершенія ихъ, признавалъ достаточными законы отечества, образованіе, науку, но подъ этимъ отнюдъ не разумѣлъ добродѣтели нравственной, тождественной съ мудростію: первыя онъ почиталъ только полезными, послѣднюю—добромъ, и обыкновенно заключалъ, что все доброе полезно, но не все полезное добро. И такъ, если политикъ

производить истинное добро, если онъ въ самомъ дѣлѣ мудрецъ; то своимъ добромъ обязанъ и не природѣ и не наукѣ, а внушенію Божію. Эта самая мысль повторяется во многихъ мѣстахъ Платоновыхъ сочиненій, на примѣръ въ Политикѣ (р. 309. С): «истинно и непреложно мнѣніе, что прекрасное, справедливое и доброе, входя въ души, въ родѣ, причастномъ Божеству, бываетъ божественнымъ.» И въ Республикѣ (р. 493 А): «надобно твердо помнить, что кто соблюлъ себя и остался, какимъ должно, въ подобномъ состояніи общества; тотъ успѣлъ въ этомъ по жребію божественному.» Положеніе, что въ Менонѣ Сократъ не иронически, а серьезно производить добродѣтель отъ Бога, весьма сильно поддерживается также Фюлленборномъ (1), Фишеромъ (2), и Тидеманомъ (3).

Но что сказать противъ основаній Аста?— только то, что онъ, подобно многимъ своимъ соотечественникамъ (4), неправильно понимаетъ

(1) Symbolæ ad histor. phil. P. X p. 143 sqq.

(2) Ad Aeschin. Socrat. p. 21.

(3) Argumenta diall. Plat. p. 129.

(4) Брандисъ (Musei Rhenani vol. I. p. 131) говоритъ: tugendhaft handelt, nach Socrates Lehre, wer mit deutlichem zum Begriff gesteigerten Bewusstsein von der Sittlichkeit und Pflicht und mit Einsicht handelt. На какихъ словахъ Сократа или Платона опирается это, по всему Нѣмецкое умствованіе?

значение знанія (*φρόνησις*), поколику Сократъ размѣсть подъ нимъ добродѣтель. Въ введеніи къ Протагору было уже доказано, что по мнѣнію Сократа, добродѣтель нравственная отнюдь не есть ничто изучаемое, слѣдовательно и не есть знаніе (*ἐπιστήμη*). По этѣ въ Менонѣ, производя ее отъ Бога, Платонъ нисколько не противорѣчить Сократову мнѣнію, намекнутому въ Протагорѣ. Асть ссѣ тся на Ксенофонта *Mem. Socr.* III. 9. 5: нѣ въ этомъ мѣстѣ говорится, что и справедливость и всякую другую добродѣтель Сократъ почиталъ мудростію (*σοφία*), и кто не имѣетъ мудрости, тотъ не умѣетъ совершить ничего добраго и похвальнаго. Но что такое мудрость, по смыслу Сократа? «Мудрость, говоритъ онъ, есть знаніе наилучшаго» (*ἡ τῆ βελτίστου ἐπιστήμη Alcib. 145. C.*); «имя мудрости, мнѣ кажется, есть имя великое, приличествующее одному Богу» (*τὸ μὲν σοφὸν καλεῖν ἔμοιγε μέγα εἶναι δοκεῖ καὶ θεῷ μόνῳ πρέπει Phaedr. 278. D.*); «мудрствуетъ тотъ, кто познаетъ самаго себя» (*τὸ ἑαυτὸν γινώσκειν, ἐστὶ σοφροῦν Amat. 138. A.*). Эти выраженія показываютъ, что знаніе, въ смыслѣ мудрости или добродѣтели, по мнѣнію Сократа, не есть теоретическое развитіе ума, обогащающее его различными познаніями (1),

(1) Эту именно мысль выражаетъ Сократъ, говоря: «а что исполнить правильно дѣла свои нельзя тому, кто не благоразуменъ,—на это мы, по видимому, напрасно согласились.»

но есть гармоническое и сознательное направление всѣхъ силъ души, ума, чувства и воли, къ высочайшей цѣли, которая отразилась въ человѣческомъ существѣ чѣмъ-то божественнымъ, и которая проявляется истинно добрыми дѣлами, или добродѣтелю.

Отсюда становятся понятны условія, требующіяся Греческою нѣскою для совершенія добродѣтели и указываемыя въ самомъ началѣ Менона, — то-есть природа, ученіе, подвигъ, *φύσει παραγυγμένον, διδακτόν, ἀσκητόν*, или по Аристотелю (Polit. VII. 13. с. 12), *φύσει, λόγος, ἔθος*, иначе: *φύσει, μάθησις, ἀσκησις* (1). Софистъ спрашиваетъ Сократа: которое изъ этихъ условій нужно, чтобы произошла добродѣтель? Сократъ въ концѣ разговора выводитъ заключение, что ни одно изъ нихъ само по себѣ не достаточно для сей цѣли, что добродѣтель дается Богомъ, что знаніе (*μάθησις*) и справедливое мнѣніе (*δρθοδοξία*) тогда только могутъ руководствовать къ ней, когда будутъ соединяемы размышленіемъ (*λογισμῶ*), то-есть, когда справедливое мнѣніе, безотчетно припоминаемое душою, сочетается съ знаніемъ, или войдетъ въ сознаніе. По этому Сократовы условія добродѣтели суть знаніе, справедливое мнѣніе и размысле-

(1) Сравни. Xenoph. mem. Socr. II. 6. 39. III. 9. 1. 2. 3. IV. 1. 3. 4. IV. 22. Diog. Laert. V. 16.

ніе, и послѣднее, какъ союзъ двухъ первыхъ, развивается только въ области философіи.

Послѣ сего понятна и цѣль разсматриваемаго разговора. Платонъ вводитъ въ собесѣдованіе съ Сократомъ двухъ мужей, пользовавшихся извѣстностію. Одинъ изъ нихъ, Менонъ Ѳессаліецъ, другъ Аристиппа и ученикъ Горгіаса, слѣдовательно человекъ напитанный началами ученія софистическаго. Если предположимъ, что объ немъ именно говорится въ Отступленіи Ксенофоновомъ; то къ личнымъ свойствамъ его придадимъ еще и безпокойный характеръ. Другой, Анить Аѳинянинъ, имѣвшій значительное вліяніе на своихъ согражданъ, какъ политикъ. По свидѣтельству Атенея и Діогена Лаерція, онъ былъ тотъ самый, который, вмѣстѣ съ Мелитомъ и Ликономъ, обвинялъ Сократа предъ народомъ и судіями. Каждый изъ этихъ собесѣдниковъ понималъ добродѣтель согласно съ духомъ своего сословія: Менонъ, какъ плодъ науки, знаніе или умъне бороться и ладить съ человѣческими страстями; Анить, какъ силу, или значимость въ обществѣ, основывающуюся на юридической расчитанности дѣйствій и обнаруживающуюся участіемъ въ дѣлахъ государственныхъ. Но какъ то, такъ и другое понятіе о добродѣтели было далеко ниже истиннаго ея значенія и, распространяясь между людьми, портило ихъ нравы. По сему Платонъ въ своемъ Менонѣ имѣлъ цѣ-

лію показать—во первыхъ превратность софистическихъ понятій о добродѣтели, во вторыхъ невѣжество и слѣпоту политиковъ даже въ такихъ поступкахъ, которые по отношенію къ обществу оказываются добрыми, и наконецъ зависимость истинной добродѣтели отъ Бога и способъ приближаться къ ней посредствомъ философскаго размышленія.

Оскается по возможности опредѣлить время, въ которое Менонъ долженствовалъ быть написанъ. Признаками для сего отчасти служатъ: выраженное въ разговоръ непріязненное отношеніе Анита къ Сократу, угроза перваго послѣднему и упоминаніе о недавней, по видимому, смерти Протагора. Анитъ представляется въ разговоръ оскорбившимся, когда Сократъ примѣрами знаменитѣйшихъ мужей Греціи доказалъ неизучаемость добродѣтели, то-есть безсиліе ихъ передать свою добродѣтель дѣтямъ. Изъ этого видно, что будущій обвинитель Сократа уже считалъ себя между людьми, въ Республикѣ значительными, что случилось не задолго до доноса, сдѣланнаго Мелитомъ на сына Софронискова. Слова Анита: «можетъ быть и въ другомъ городѣ легче бываетъ дѣлать людямъ зло, чѣмъ добро, а здѣсь и того болѣе; ты самъ, думаю, знаешь это» какъ будто указываютъ на Сократовыхъ злоумышленниковъ, даже едва ли не на самаго Мелита. Но съ другой стороны, Сократъ говорить съ Анитомъ такъ спокойно

и учтиво, что въ последнемъ никакъ нельзя видѣть явнаго уже врага его. Все это заставляетъ думать, что Менонъ написанъ или незадолго до Мелитова доноса, или вскорѣ послѣ того. Поелику же Сократъ умеръ въ 1, 95 олимп.; то Менонъ могъ выйти въ свѣтъ не позднѣе половины 94 и не ранѣе 2, 92; потому что къ этому году относится смерть Протагора, о которой въ разговѣ упоминается, какъ о событіи прошедшемъ.

Лица разговаривающія:

СОКРАТЬ, МЕНОНЪ, АНЕТЪ И СЛУГА МЕНОНА.

Менонъ. Скажи мнѣ, Сократъ, можно ли 70.
изучать добродѣтель, или она не изучается, а
приобрѣтается подвигами? Или и не изучается
и не приобрѣтается подвигами, а получается
отъ природы? или достается какъ-нибудь иначе?

Сократъ. Менонъ! Фессалійцы прежде сла- в.
вились и удивляли Грековъ верховною ѣздою и
богатствомъ, а теперь, какъ видно, славятся и
мудростію; теперь жители Лариссы не хуже
твоего друга Аристиппа. Этимъ вы обязаны
Горгіасу. Пріѣхавъ въ вашъ городъ (1), онъ на-
шелъ себѣ любителей мудрости въ знаменитѣй-
шихъ особахъ изъ дома Алевадовъ, къ которо-
му принадлежитъ другъ твой Аристиппъ, и въ
иныхъ Фессалійцахъ. Черезъ него-то въ самомъ
дѣлѣ вошло у васъ въ привычку на всѣ вопро-
сы отвѣчать безбоязненно и свысока, какъ при- 3.
лично людямъ знающимъ; да и самъ онъ поз-
волялъ каждому изъ Грековъ спра

- о чемъ кто хочетъ, и никому не отказывалъ въ отвѣтъ. Между тѣмъ здѣсь, любезный Менонъ, произошло противное; у насъ случилась ка-
 71. кая-то засуха мудрости; мудрость изъ этихъ мѣстъ переселилась едвали не къ вамъ. И такъ, если ты кому-нибудь изъ здѣшнихъ захочешь предложить подобный вопросъ; то всякій засмѣется и скажетъ: Иностранецъ! видно я ка- жусь тебѣ человекомъ таланливымъ (2), кото- рый знаетъ, изучается ли добродѣтель, или достается другимъ образомъ; между тѣмъ мнѣ не извѣстно не только то, изучима она, или нѣтъ, но даже и то, что надобно разумѣть во-
 В. обще подъ именемъ добродѣтели. Таковъ-то и я, Менонъ; и я въ этомъ дѣлѣ раздѣляю бѣд- ность своихъ согражданъ и обвиняю себя въ незнаніи добродѣтели вообще. А не зная, что такое она, какъ могу знать ея свойства? Развѣ ты думаешь, что тотъ, кто не знакомъ съ Ме- нономъ, можетъ знать, хорошъ ли онъ, богатъ и благороденъ, или имѣетъ противоположныя этимъ свойства? Возможно ли это, по твоему мнѣнію?

Мен. По моему нѣтъ. Но ты, Сократъ, въ самомъ дѣлѣ не знаешь, что такое добродѣ-
 С. тель? А что, если мы скажемъ объ этомъ дома (3)?

Сокр. Не только объ этомъ, другъ мой, но и о томъ, что мнѣ сколько я помню, никогда

не случилось встрѣчать и другаго, который зналъ бы это.

Мен. Какъ? Развѣ ты не встрѣчалъ Горгіаса, когда онъ былъ здѣсь?

Сокр. Встрѣчалъ.

Мен. Такъ неужели, думаешь, онъ не знаетъ?

Сокр. Не очень помню, Менонъ, и по тому теперь не могу сказать, какъ я тогда понималъ его. Можетъ быть, и онъ знаетъ, и тебѣ известны его мысли. Напомни же мнѣ, какъ онъ говорилъ; а не то, скажи самъ; ибо ваши мнѣнія, вѣроятно, сходны.

Мен. Конечно.

Сокр. Ну такъ мы оставимъ его, — тѣмъ болѣе что онъ въ отсутствіи. Скажи ты самъ, Менонъ, ради боговъ, что называешь добродѣтелию? Скажи не отговариваясь: тогда мой обманъ будетъ очень счастливъ; тогда откроется, что ты и Горгіасъ знаете; между тѣмъ какъ я утверждалъ, что мнѣ никогда и никого не случилось видѣть, кто бы зналъ это.

Мен. Сказать не трудно, Сократъ. И во е
первыхъ, если тебѣ угодно знать о добродѣтели мужчины; то явно, что она есть способность исполнять общественныя должности и, исполняя ихъ, доброхотствовать друзьямъ, вредить врагамъ и смотрѣть, какъ бы не обидѣть самого себя (4). А когда ты хочешь опредѣлить добродѣтель женщины; то не трудно разобрать, что

72. ея дѣло—хорошо править домо́мъ, сберегая, что въ немъ находится, и слушааясь мужа. Такимъ же образомъ иная бываетъ добродѣтель дитяти, какъ мальчика, такъ и дѣвочки, иная—старика, иная, если хочешь, добродѣтель свободнаго и иная—раба. Воище, есть множество добродѣтелей; такъ что ты не затруднишься сказать, что такое добродѣтель; ибо по различію занятій и возрастовъ, у каждаго изъ насъ и для всякаго дѣла—своя добродѣтель. Такъ я думаю, Сократъ, и о злѣ.

Сокр. Видно-же я очень счастливъ, когда, ища одной добродѣтели, нашелъ ихъ у тебя въ запасъ цѣлый рой. Однакожь если бы мнѣ вздумалось, выдерживая это самое подобіе, спросить В. тебя о природѣ пчелы, что такое она, а ты сказалъ бы, что ихъ много и онѣ разнообразны; то какой бы далъ отвѣтъ на слѣдующій вопросъ: въ томъ ли отношеніи ты приписываешь пчеламъ многочисленность, разнообразіе и взаимное различіе, что онѣ пчелы? или различіе ихъ зависитъ не отъ этого, а отъ чего-нибудь иного, напримѣръ отъ красоты, величины и другихъ подобныхъ свойствъ? Скажи, какъ отвѣчалъ бы ты на это?

Мен. Я отвѣчалъ бы, что онѣ, какъ пчелы, ничѣмъ не отличаются одна отъ другой.
 С. *Сокр.* Но если бы потомъ я спросилъ тебя: скажи же мнѣ, Менонъ, то самое, чѣмъ пчелы не отличаются отъ другой, или въ чемъ

всѣ онѣ одно и тоже? Могъ ли бы ты какъ-нибудь отвѣчать мнѣ на это?

Мен. Могъ бы.

Сокр. Вотъ такъ-то и о добродѣтеляхъ: хотя ихъ много, и онѣ разнообразны, однакожъ всѣ составляютъ конечно одинъ родъ, по которому называются добродѣтелями, и на который хорошо бы смотрѣть тому, кто своимъ отвѣтомъ на вопросъ хочетъ опредѣлить существо добродѣтели. Или ты не понимаешь, о чемъ я говорю?

Мен. Кажется, понимаю; впрочемъ вопросъ д. твой все еще не такъ ясенъ въ моемъ сознаніи, какъ бы мнѣ хотѣлось.

Сокр. Но только ли добродѣтель, Менонъ, ты считаешь — иною у мужчины, иною у женщины и иною у другихъ, или такимъ же образомъ думаешь и о здоровьи, и о величинѣ, и о силѣ? То-есть, иное ли, по твоему мнѣнію, здоровье у мужчины, а иное у женщины? или по роду, оно вездѣ тоже самое — и у мужчины, и у женщины, и у каждаго, лишь бы только было здоровье?

Мен. Мнѣ кажется, здоровье — одно и у мужчинъ и у женщины.

Сокр. Следовательно — и величина и сила? То-есть, ежели женщина сильна; то она сильна тѣмъ же самымъ родомъ, тою же самою силою. Замѣть, когда я говорю: тою же самою силою; то силу, въ смыслѣ силы, нахожу безразлич-

ною, мужчинѣ ли она принадлежитъ, или женщинѣ. А ты, можетъ быть, считаешь, ее различною?

Мен. Нѣтъ.

73. *Сокр.* Но добродѣтель, въ смыслѣ добродѣтели, различается ли чѣмъ-нибудь, — дитяти ли она принадлежитъ или старику, женщинѣ или мужчинѣ?

Мен. Мнѣ какъ-то представляется, Сократъ, что добродѣтель не походитъ на все это.

Сокр. Однакожь, не говорилъ ли ты, что хорошо управлять республикою есть добродѣтель мужчины, а домоу — добродѣтель женщины?

Мен. Говорилъ.

Сокр. Но тотъ можетъ ли править республикою, домоу, или чѣмъ другимъ — хорошо, кто не умѣетъ править разсудительно и справедливо?

- В. *Мен.* Конечно не можетъ.

Сокр. А кто правитъ разсудительно и справедливо; тотъ правитъ разсудительностію и справедливостію?

Мен. Необходимо.

Сокр. Слѣдовательно разсудительность и справедливость равно нужна обоимъ — и мужчинамъ и женщинамъ, если они хотятъ быть добрыми.

Мен. Кажется.

Сокр. Что же далѣе? Дитя и старикъ, по-

ложны, дерзкіе и не справедливые, могут ли быть добрыми?

Мен. Нѣтъ.

Сокр. А разсудительные и справедливые?

Мен. Могутъ.

Сокр. И такъ всѣ люди добры одинакимъ образомъ, потому что бываютъ добрыми при однихъ и тѣхъ же условіяхъ.

Мен. Кажется.

Сокр. Если бы, то-есть, добродѣтель ихъ была не одна и таже; то они были бы добры не одинакимъ образомъ.

Мен. Конечно.

Сокр. А когда добродѣтель у всѣхъ одна и таже; то постарайся сказать и припомнить, что такое она, по мнѣнію Горгіаса (б) и твоему собственному.

Мен. Что другое, какъ не умѣнье управлять людьми, если ты ищешь чего-то одного во всемъ?

Сокр. Да, ищу-таки. Но ужели и дитяти D. и рабу, Менонъ, свойственна эта самая добродѣтель управлять господиномъ? Не думаешь ли, что и рабъ есть правитель?

Мен. Отнюдъ не думаю, Сократъ.

Сокр. Да и не сообразно было бы, почтеннѣйшій. И то еще смотри: дѣло управленія ты называешь способностію;—не нужно ли присоединить къ этому: управленія справедливаго, а не несправедливаго?

Мен. Конечно нужно, Сократъ; потому что справедливость есть добродѣтель.

Е. *Сокр.* Но добродѣтель ли она, Менонъ, или нѣкоторая добродѣтель?

Мен. Какъ это?

Сокр. Какъ и другое что-нибудь. Напримѣръ, говоря о круглотѣ, я могъ бы, если угодно, назвать ее нѣкоторою фигуурою, а не просто фигуурою, и назвать бы нѣкоторою — по тому, что есть и иныя фигуры.

Мен. Ты говоришь вѣрно. Я и самъ допускаю не одну справедливость, но и иныя добродѣтели.

74. *Сокр.* Скажи же, какія именно? Вотъ я готовъ перечестъ тебѣ всѣ фигуры, если прикажешь: перечти же и ты мнѣ всѣ добродѣтели.

Мен. По моему мнѣнію, добродѣтели суть: мужество, разсудительность, мудрость, великолюбіе (6) и множество другихъ.

Сокр. Но опять таже бѣда, Менонъ: опять нашлось много добродѣтелей; а искали одной, — только тогда иначе, нежели теперь. Одной же добродѣтели, которая бѣла бы во всѣхъ, никакъ не находимъ.

В. *Мен.* Да, Сократъ; схватить, согласно съ твоимъ желаніемъ, одну добродѣтель во всѣхъ, я что-то не могу; это не такъ, какъ въ другихъ вещахъ.

Сокр. И естественно. Однакожь я постараюсь, если только буду въ состояніи, подви-

нута наши изслѣдованія впередъ. Тебѣ, можетъ быть, извѣстно, что все бываетъ слѣдующимъ образомъ: Когда кто-нибудь спросилъ бы тебя, о чемъ и я недавно говорилъ: Менонъ! что такое фигура? то ты, положимъ, отвѣчалъ бы: фигура есть круглота. Потомъ, когда предложили бы тебѣ другой вопросъ, подобный моему: круглота—фигура ли, или нѣкоторая фигура? то ты вѣроятно назвалъ бы ее нѣкоторою фигурою.

Мен. Конечно.

Сокр. Не по тому ли, что существуютъ и другія?

Мен. Да.

С.

Сокр. А когда послѣ того спросили бы тебя: какія именно? — сказалъ ли бы ты?

Мен. Сказалъ бы.

Сокр. Равнымъ образомъ, если бы спросили тебя, что такое цвѣтъ, и ты назвалъ бы его близною; то на другой вопросъ: близна—цвѣтъ ли, или нѣкоторый цвѣтъ?—ты конечно отвѣчалъ бы: нѣкоторый; потому что есть и другіе.

Мен. Отвѣчалъ бы.

Сокр. И когда попросили бы тебя перечислить ихъ; то ты перечислилъ бы всѣ, которыми, какъ и бывому, прилично названіе цвѣта?

Мен. Перечислилъ бы.

D.

Сокр. Но если бы кто-нибудь, какъ и я, изслѣдывая предметъ, сказалъ: мы

димъ къ чему-то многому; а мнѣ хотѣлось бы не того. Такъ какъ многое ты называешь однимъ какимъ-то именемъ, и говоришь, что изъ этого множества нѣтъ ничего, что не носило бы названія фигуры, хотя бы каждая изъ нихъ была даже противоположна другой; то опредѣли мнѣ вещь, которая равно заключала бы въ себѣ и круглоту и прямоу, и которую ты называешь

Е. фигурою, разумѣя подъ этимъ именемъ фигуру какъ круглую, такъ и прямую. Или твои мысли не таковы?

Мен. Нѣтъ, я именно такъ думаю.

Сокр. А думая такъ, круглотою назовешь ли ты не болѣе круглоту, какъ и прямоу, и прямоотою не болѣе прямоу, какъ и круглоту?

Мен. Кажется нѣтъ.

Сокр. Между тѣмъ фигура-то, по твоему мнѣнію, есть не болѣе круглота, какъ и прямота; такъ что одна не исключаетъ другой (7).

Мен. Правда.

Сокр. Попытайся же сказать, что бы такое было, чему ты даешь имя фигуры. Если бы

75. кто подобнымъ образомъ спросилъ тебя о фигурѣ или цвѣтѣ, а ты отвѣтилъ бы ему: я не понимаю, добрый человѣкъ, чего тебѣ хочется и о чемъ ты спрашиваешь; то можетъ быть онъ удивился бы и сказалъ: такъ ты не понимаешь, что я во всемъ этомъ ищу одного и того же? Неужели, Менонъ, у тебя не было бы силъ отвѣчать, когда бы предложили тебѣ

слѣдующій вопросъ: что такое одно и тоже во всемъ—и въ круглотѣ, и въ прямотѣ, и въ прочемъ, заключающемся подъ словомъ «фигура?» Попытайся сказать, чтобы приготовиться къ отвѣту о добродѣтели.

Мен. Нѣтъ, скажи самъ, Сократъ.

В.

Сокр. А хочешь ли, я доставлю тебѣ это удовольствіе?

Мен. И очень.

Сокр. Но согласишься ли въ свою очередь сказать о добродѣтели?

Мен. Соглашусь.

Сокр. Такъ надобно постараться, — да и стоять.

Мен. Конечно.

Сокр. Хорошо; попытаемся же сказать, что такое фигура. Смотри, не покажется ли тебѣ слѣдующее: фигура, положимъ, есть то, что одно изъ сущаго всегда слѣдуетъ за цвѣтомъ. Довольно ли для тебя? Или потребуешь какого-нибудь другаго опредѣленія? Я былъ бы радъ, если бы ты хоть такъ опредѣлилъ мнѣ добродѣтель.

Мен. Но вѣдь это, Сократъ, простовато. С.

Сокр. Какъ?

Мен. По твоимъ словамъ, фигура есть то, что всегда слѣдуетъ за цвѣтомъ. Положимъ; но если бы кто сказалъ, будто онъ не знаетъ цвѣта и сомнѣвается въ немъ такъ же, какъ и въ фигурѣ; — что отвѣтилъ бы ты ему?

- Сокр.* Отвѣтилъ бы правду, а именно: Когда вопрошатель былъ бы изъ числа мудрецовъ, любящихъ спорить и состязаться; то я
- D.** сказалъ бы ему, что это дѣйствительно мои слова,—и если онъ не справедливъ, твое дѣло войти въ разговоръ и проверить ихъ. А когда собесѣдники захотѣли разговаривать дружески, какъ я и ты; то имъ надобно отвѣчать на вопросы спойнѣе и согласнѣе съ діалектикою (8); діалектика же, вѣроятно, требуетъ, чтобы отвѣты были не только справедливы, но и въ связи съ понятіями вопрошателя. Вотъ и я стараюсь говорить съ тобою такимъ образомъ. Говѣчай-ка мнѣ: называешь ли ты что-нибудь концомъ, то-есть, что-нибудь такое, какъ предѣлъ и крайность?—По моему мнѣнію, всѣ эти слова тождественны, хотя Продикъ, можетъ быть, и нашелъ бы между ними различіе. — Такъ приписываешь ли ты чему-нибудь предѣльность и законченность?—Я говорю это просто, безъ затей (9).
- E.**

Мен. Конечно приписываю и, кажется, понимаю тебя.

- 76.** *Сокр.* Что? значить ты называешь одно поверхностью, а другое — твердостью, напримеръ въ Геометріи?

Мен. Называю.

Сокр. Ну вотъ изъ сего и можешь понять, что я разумно подѣлилъ именемъ фигуры. Ибо во всякой фигурѣ — одну, что то, чѣмъ оканчивается

твердость, есть фигура. И такъ, взимая это вмѣстѣ, фигурою я называю предѣлъ твердости.

Мен. А что называешь цвѣтомъ, Сократъ?

Сокр. Ты назойливъ, Менонъ, — на чело-вѣка стараго взыалишься трудъ отвѣчать на вопросы (10), а самъ не хочешь припомнить и сказать, въ чемъ Горгіасъ поставляетъ добро- в. дѣтель.

Мен. Нѣтъ, я скажу, Сократъ, когда отвѣ-тишь на мой вопросъ.

Сокр. Съ кѣмъ ты разговариваешь, Менонъ; тотъ, и закрывъ глаза, узнаеть въ тебѣ красав-ца, у котораго есть угодники.

Мен. Отъ чегожь это?

Сокр. Отъ того, что въ разговоръ ты толь-ко приказываешь; а такъ поступаютъ люди С. избалованные, которые, пока цвѣтутъ красотою, бываютъ господами. Можетъ быть тобою замѣ-чено, что я не могу противиться красавцамъ? Изволь, сдѣлаю тебѣ удовольствіе, буду от-вѣчать.

Мен. Конечно сдѣлай.

Сокр. Но хочешь ли, отвѣчу мнѣніемъ Горгіаса, чтобы для тебя было понятнѣе?

Мен. Хочу; почему же не такъ?

Сокр. Не правда ли, что вы допускаете какія-то изтеченія изъ всего сущаго, по ученію Эмпедокла?

Мен. Безъ сомнѣнія.

Сокр. И поры, въ которыя и чрезъ которыя эти изтеченія проходятъ?

Д. Мен. Конечно.

Сокр. И одиѣ изъ изтеченій соотвѣтствуютъ нѣкоторымъ порамъ, а другія менѣе, или болѣе ихъ?

Мен. Такъ.

Сокр. Но ты называешь что-нибудь и зрѣніемъ?

Мен. Называю.

Сокр. Ну такъ замѣть же слова мои, сказалъ Пиндаръ (11): Цветъ есть изтеченіе фигуръ, соотвѣтствующее зрѣнію и оцутительное для него.

Мен. Этотъ отвѣтъ, Сократъ, кажется, весьма хорошъ.

Сокр. Можетъ быть отъ того, что онъ—по твоему образу мыслей; сверхъ сего ты, по видимому, надѣешься вывести отсюда значеніе голоса, обонянія и многое тому подобное.

Е. Мен. И очень.

Сокр. Да, Менонъ; это — отвѣтъ трагическій (12), когда онъ нравится тебѣ болѣе отвѣта о фигурѣ.

Мен. Конечно болѣе.

Сокр. А по моему убѣжденію, сынъ Алексидема, такъ онъ не таковъ; тотъ лучше. Даже, думаю, и тебѣ не показался бы онъ, если бы ты, по вчерашнимъ твоимъ словамъ, не имѣлъ надобности отправиться отсюда прежде мисте-

рій, но, оставшись здѣсь, посвятился бы въ нихъ (13).

Мен. Да я готовъ остаться, Сократъ, лишь бы ты согласился сказать мнѣ много такихъ вещей. 77.

Сокр. Въ желаніи-то сказать недостатка не будетъ — и ради тебя и ради меня самого. Но что, какъ не съумѣю высказать много такихъ вещей! Однако смотри же, постарайся и ты исполнить свое обѣщаніе — опредѣлить добродѣтель вообще, что она такое; перестань дѣлать многое изъ одного (41), какъ всегда говорятъ въ шутку о тѣхъ, которые что-нибудь переламываютъ; оставь добродѣтель цѣлою и здоровою, и скажи, что она такое. Въдѣ примѣры-то я предложилъ тебѣ.

Мен. Мнѣ кажется, Сократъ, что быть добродѣтельнымъ, значить, по словамъ поэта, радоваться хорошему и имѣть для того способность (15). По сему я опредѣляю добродѣтель слѣдующимъ образомъ: она есть желаніе хорошаго и способность пріобрѣтать его. В.

Сокр. Но желать хорошаго, значить ли, по твоему мнѣнію, желать добраго?

Мен. Непремѣнно.

Сокр. Вѣрно по тому, что одни изъ людей желаютъ зла, а другіе добра? Въдѣ не всѣ же, почтеннѣйшій, представляются тебѣ стремящимися къ добру?

Мен. Конечно нѣтъ.

Сокр. Напротивъ, нѣкоторые къ злу.

С.

Мен. Да.

Сокр. По тому ли, скажешь, что зло почитают добромъ, или, и сознавая его какъ зло, тѣмъ не менѣе стремятся къ нему?

Мен. Мнѣ кажется то и другое.

Сокр. И тебѣ, Менонъ, въ самомъ дѣлѣ кажется, что сознающій зло, какъ зло, тѣмъ не менѣе желаетъ его?

Мен. Непременно.

Сокр. Чего же, по твоему мнѣнію, желаетъ онъ? чтобы зло приключилось ему?

Мен. Чтобы приключилось; чего же болѣе?

Д. *Сокр.* Съ тою ли мыслию, что человеку, которому приключается, оно приноситъ пользу, или въ томъ сознаніи, что каждый подвергающійся ему, терпитъ вредъ?

Мен. Есть люди, которые думаютъ, что зло пользуется, есть и такіе, которые знаютъ, что оно вредитъ.

Сокр. Кажется ли тебѣ, что люди, почитающіе зло полезнымъ, сознаютъ, что оно — зло?

Мен. Этого-то мнѣ вовсе не кажется.

Сокр. Следовательно люди, не сознающіе зла, очевидно, желаютъ не зла, а того, что почитали добромъ, и что на самомъ дѣлѣ есть зло; то-есть, не сознающіе зла и почитающіе его добромъ, стремятся видимо къ добру. Или нѣтъ?

Мен. Должно быть такъ.

Сокр. Что же далѣе? Люди, желающіе, какъ ты говоришь, зла, и однакожь думающіе, что зло вредитъ тому, кому приключается, сознаютъ ли, что получать отъ него вредъ?

Мен. Необходимо.

Сокр. А тѣхъ, которые получаютъ вредъ, ^{78.} не почитаютъ ли они людьми жалкими, поклку имъ что-нибудь вредно?

Мен. И это необходимо.

Сокр. А людей жалкихъ не называютъ ли они несчастными?

Мен. Я думаю.

Сокр. Но есть ли такой человекъ, который хочетъ быть жалкимъ и несчастнымъ?

Мен. Кажется нѣтъ, Сократъ.

Сокр. Следовательно никто не хочетъ зла, Менонъ, если не хочетъ быть такимъ. Да и что иное значитъ быть жалкимъ, какъ не хотѣть зла и не приобрѣтать его?

Мен. Ты, должно быть, говоришь правду, В. *Сократъ.* Въ самомъ дѣлѣ ну кто не хочетъ зла.

Сокр. А не сказалъ ли ты недавно, что быть добродѣтельнымъ, значитъ хотѣть добра и имѣть способность для него?

Мен. Конечно сказалъ.

Сокр. Если же сказать, те хотѣть его естественно вѣдь всѣмъ, и въ этомъ отношеніи одинъ варно ничѣмъ не лучше другаго?

Мен. Кажется такъ.

Сокр. Между тѣмъ явно, что одинъ лучше другаго, то лучший онъ по способности къ добру.

Мен. И конечно.

Сокр. Значить, по твоему по добродѣтель, видно, есть способности къ добру.

с. *Мен.* Я думаю совершенно такъ. Сократъ, теперь предполагаешь.

Сокр. Посмотримъ же и на славы ли слова твои. Можетъ быть и хорошо. Въдѣ возможно считать добродѣтель у тебя называетъ

Мен. Да.

Сокр. Но добро, по твоему мнѣнію, ли, на примѣръ, здоровье и богатство также пріобрѣтеніе золота, славы и власти въ обществѣ. Или считаешь добромъ что-нибудь иное,

Мен. Нѣтъ не иное, но все это.

д. *Сокр.* Хорошо; пускай пріобрѣтеніе золота и серебра есть добродѣтель, Менонъ, единоплеменный гость въ Афины. Однакожь съ этимъ пріобрѣтеніемъ ты, Менонъ, понятія: справедливо и несправедливо для тебя все равно, то - есть пріобрѣтаетъ и несправедливо, ты считаешь это добродѣтелию.

Мен. Ну нѣтъ, Сократъ; называю порокомъ.

Сокр. Слѣдственно къ этому приобрѣтенію, по видимому, непременно надобно присоединить либо справедливость, либо разсудительность, либо святость, либо какую-нибудь другую часть добродѣтели; а иначе оно не будетъ добродѣтель, хотя и доставляетъ добро.

Мен. Да безъ этого какъ же быть добродѣтели?

Сокр. А не собирать золота и серебра ни себѣ, ни другому, когда это несправедливо, — такое именно несобирание не есть ли добродѣтель?

Мен. Кажется, добродѣтель.

Сокр. Слѣдовательно приобрѣтеніе подобныхъ благъ не больше есть добродѣтель, какъ и неприобрѣтеніе ихъ: видно, что сопровождается справедливостію, то будетъ добродѣтель; а что бываетъ безъ всего подобнаго, то — порокъ.

Мен. Мнѣ кажется, необходимо думать такъ, какъ ты говоришь. 79.

Сокр. Но каждую изъ этихъ вещей, — то есть справедливость, разсудительность и все подобное немного прежде не называли ли мы частію добродѣтели?

Мен. Да.

Сокр. Такъ ты, Менонъ, шутишь со мною?

Мен. Какъ же это, Сократъ?

Сокр. Недавно я просилъ тебя не раздроблять и не разсѣкать добродѣтели, и предложилъ примѣры, какъ надлежало отвѣчать: а ты, пренебревши этимъ, сказалъ мнѣ, что добродѣтель есть возможность приобрѣтати добро. **В.** Ты же призналъ частію

Л но.
Сокр. при ныхъ тобою положеній , что , что бы кто ни дѣлалъ, съ ю час добродѣтели, есть добродѣтель; ибо справедливо, равно какъ и прочее въ томъ же родѣ ы называешь частію добродѣтели.

Мен. Такъ что же?

Сокр. То, что я просилъ тебя опредѣлить цѣлую добродѣтель; а ты отнюдь не сказалъ, что она такое, и называешь добродѣтелию всякое дѣло, какъ скоро оно производится частію добродѣтели. Ты какъ бы такъ говоришь: добродѣтель въ цѣломъ я узнаю и изъ того уже, когда она будетъ разсѣчена на части. И такъ тебѣ, любезный Менонъ, кажется нуженъ снова тотъ же вопросъ: что такое добродѣтель? иначе всякое дѣло съ частію добродѣтели было бы добродѣтелию. Вѣдь это именно сказалъ бы кто-нибудь, когда бы сказалъ, что всякое дѣло съ справедливостію есть добродѣтель. Или ты не считаешь нужнымъ возвратиться къ прежнему вопросу, но думаешь,

что иной знаетъ, что такое часть добродѣтели, не зная самой добродѣтели?

Мен. Нѣтъ, я не думаю этого.

Сокр. Да и вѣрно помнишь, что, когда в. предъ этимъ я отвѣчалъ тебѣ о фигурѣ, — мы того отвѣта не одобрили ибо онъ основывался на понятіи еще изслѣдываемомъ и не признанномъ.

Мен. И справедливо не одобрили, Сократъ.

Сокр. Не надѣйся же и ты, почтеннѣйшій, объяснить кому-нибудь добродѣтель чрезъ указаніе на ея части, когда только еще изслѣдывается, что такое она въ цѣломъ. Не объясняй ничего такимъ образомъ; иначе всегда потребуетъ прежній вопросъ: на какомъ понятіи о добродѣтели основывается то, что ты говоришь о ней. Или мои слова, по твоему мнѣнію, ничего не значать?

Мен. Мнѣ кажется, онъ справедливы.

Сокр. Отвѣчай же опять сначала: что называете вы добродѣтелию—ты и другъ твой?

Мен. Сократъ! Слыхалъ я и прежде нежели встрѣтился съ тобою, что ты не дѣлаешь ничего болѣе, какъ самъ недоумѣваешь, и другихъ вводишь въ недоумѣніе; вижу и теперь, что ты чаруешь меня, обворожаешь, просто — околдовываешь, такъ что я полонъ сомнѣнія. Ты и видомъ и всѣмъ другимъ, если можно позволить себѣ шутку, кажется, совершенно походишь на широкую морскую рыбу, торпиду

(16): потому что и она челоѣка, приближающагося и прикасающагося къ себѣ, приводитъ въ оцѣпенѣніе; и ты сегодня сдѣлать со мною, по видимому, нѣчто подобное, — оцѣпени.тъ меня. Да, я истинно нахожусь въ оцѣпенѣніи — и по душѣ и по языку, такъ что не могу ничего сказать тебѣ. О добродѣтели я бесѣдовалъ тысячекратно, продолжительно, со многими и, какъ мнѣ по крайней мѣрѣ казалось, не безъ успѣха: а теперь даже не могу отвѣчать, что такое она вообще. Кажется, хорошо, дѣлаешь ты, что и не отыливаешь и не уѣзжаешь отсюда; потому что въ другомъ обществѣ, будучи чужестранцемъ и поступая такимъ образомъ, тотчасъ бы отведенъ былъ въ тюрьму, какъ чародей.

Сокр. Хитрецъ ты, Менонъ! едва не обманулъ меня.

С. *Мен.* Что еще, Сократъ?

Сокр. Знаю, для чего пріискалъ мнѣ это подобіе.

Мен. А для чего, думаешь?

Сокр. Для того, чтобы я и тебя уподобилъ. Мнѣ вѣдь извѣстно, что всѣмъ красавцамъ нравится быть уподобляемыми. Это имъ выгодно; ибо къ людямъ красивымъ подбираются и подобія красивые. Однакожь я не уподобляю тебя. Если твоя торпиль и сама цѣпенѣтъ, и другихъ повергаетъ въ оцѣпенѣніе; то я похожу на нее: а когда пѣтъ; то не похожу. Ибо я привожу другихъ въ недоумѣніе — не поко-

лику самъ разумѣю дѣло; но напротивъ, заставляю другихъ сомнѣваться, поколику самъ сомнѣваюсь. Вотъ и теперь, что касается до добродѣтели, я не знаю, въ чемъ состоитъ она; а ты, прежде нежели сошелся со мною, можешь быть знать, — и вдругъ уподобился не знающему. Впрочемъ мнѣ все-таки хочется вмѣстѣ съ тобою рассмотреть и изслѣдовать, что она такое.

Мен. Но какимъ образомъ, Сократъ, ты будешь изслѣдывать то, чего не можешь опредѣлить вообще? Какою предположишь себѣ вещь, которой не знаешь, а ищешь? Даже, если бы ты и встрѣтился съ нею; какъ узнаешь, что это она, когда не зналъ ея (17)?

Сокр. Понимаю, что хочешь ты сказать. *Е.* Менонъ. Видишь, какое спорное приводишь положеніе! Какъ будто то-есть человекъ въ самомъ дѣлѣ не можетъ изслѣдывать — ни того, что знаетъ, ни того, чего не знаетъ: не можетъ изслѣдывать того, что знаетъ, ибо знаетъ, и не имѣетъ нужды въ такомъ именно изслѣдованіи; не можетъ изслѣдывать того, чего не знаетъ, ибо не знаетъ, что изслѣдывать. *и.*

Мен. Но развѣ, по твоему мнѣнію, это нехорошо говорится?

Сокр. Конечно нехорошо.

Мен. И ты можешь сказать, почему?

Сокр. Могу. Вѣдь я слушалъ мужчинъ и женщинъ, мудрыхъ въ отношеніи къ дѣламъ божественнымъ.

Мен. Что же говорятъ они?

Сокр. Кажется, все истинное и хорошее.

Мен. А что именно? и кто говорить?

- Сокр.* Говорятъ нѣкоторые жрецы и жрицы (18), старающіеся о томъ, чтобы умѣть дать отчетъ въ своихъ обязанностяхъ; говорить также Пиндаръ (19) и многіе другіе поэты, называющіеся божественнымъ — и вотъ что говорить они. Впрочемъ смо и самъ, истинными ли кажутся тебѣ слова ихъ. По ихъ ученію, человѣческая душа безсмертна и — то скончается, что называютъ они смертію, то снова рождается, но никогда не исчезаетъ. По сему надобно проводить свою жизнь какъ можно святѣе. «Ибо Ферсефона (Прозерпина) въ тѣхъ людей, которыхъ подвергла казни за древнее бѣдствіе, на выпрennemъ солнцѣ, въ девятомъ году снова вселяетъ души; потомъ изъ нихъ выходятъ знаменитые цари, отличные силою и великіе мудростію мужи; а въ послѣднія времена между людьми они называются непорочными героями.» Если же душа, будучи безсмертною и часто рождаясь, все видѣла и здѣсь и въ преисподней, такъ что нѣтъ вещи (20), о которой она не знала бы; то не удивительно, въ ней есть возможность припоминать и предвѣстель и другое, что ей извѣстно было прежде. Ибо такъ какъ въ природѣ все имѣетъ чувствъ и душа знала всѣ вещи; то ничто не мешаетъ ей, припомнивъ только одно, —

и такое припоминаніе люди называютъ наукою; — отыскивать и прочее, лишь бы человекъ былъ мужественъ и не утомлялся изслѣдованіями. Да и въ самомъ дѣлѣ, изслѣдованіе и изученіе есть совершенное воспоминаніе (21). И такъ не должно вѣрить сему спорному положенію: послѣднее можетъ сдѣлать насъ лѣнивыми и бываетъ пріятно для слуха людей изнѣженныхъ; а первое располагаетъ къ трудамъ и изысканіямъ. Вѣря ему, я дѣйствительно хочу рассмотреть вмѣстѣ съ тобою, что такое добродѣтель.

Мен. Да, Сократъ; но какъ ты говоришь, будто мы ничего не изучаемъ, будто то, что называется наукою, есть воспоминаніе? Можешь ли научить меня, что это дѣйствительно такъ?

Сокр. Я недавно сказалъ, что ты, Менонъ, хитрецъ: вотъ и теперь — спрашиваешь, могу ли я научить тебя, какъ будто не мною было положено, что нѣтъ науки, а есть припоминаніе. Ты хочешь то-есть, чтобы я тотчасъ же 22. противорѣчилъ самому себѣ.

Мен. О нѣтъ, Сократъ, клянусь Зевсомъ. Спрашивая тебя, я вовсе не имѣлъ этого въ виду и сказалъ по привычкѣ. Въ самомъ дѣлѣ, если можешь объяснить мнѣ, что бываетъ именно такъ, какъ ты говоришь; то объясни.

Сокр. Но вѣдь это не легко: впрочемъ для тебя — постараюсь; только позови сюда кого

хочешь одного изъ этого множества слугъ своихъ (22), чтобы на немъ показать тебѣ.

Мен. Изволь. — Поди сюда.

Сокр. Но онъ Грекъ (23) и по-гречески говорить?

Мен. Даже очень изрядно; — доморощенный.

Сокр. Замѣчай же, какъ тебѣ покажется: станетъ ли онъ припоминать, или учиться у меня?

Мен. Хорошо, буду замѣчать.

Сокр. Скажи-ка мнѣ, мальчикъ: знаешь ли ты, что четвероугольное пространство таково (24)?

Мал. Знаю.

Сокр. Следовательно четвероугольное пространство есть то, которое имѣетъ всѣ эти линіи равныя, а именно четыре?

Мал. Конечно.

Сокр. Значитъ и эти, проведенныя по срединѣ, также равны?

Мал. Да.

Сокр. Но это пространство не можетъ ли быть болѣе и менѣе?

Мал. Можетъ.

Сокр. И такъ, если бы эта сторона равнялась двумъ футамъ, и эта двумъ; то сколько въ заключалось бы въ цѣломъ? Смотри: если бы въ этой сторонѣ было два фута, этой — только одинъ; то все пространство вышло бы однажды двумъ футамъ?

Мал. Равнялось бы.

Сокр. Поелику же и эта сторона въ два фута, то цѣлое не равно ли дважды двумъ?

Мал. Равно.

Сокр. Слѣдовательно въ немъ заключается дважды два фута?

Мал. Конечно.

Сокр. А сколько будетъ—дважды два фута? Подумай и скажи.

Мал. Четыре, Сократъ.

Сокр. Но не можетъ ли быть другаго пространства вдвое болѣе этого,—и притомъ тако-го, въ которомъ всѣ линіи были бы также равны?

Мал. Можетъ.

Сокр. Сколько же въ немъ будетъ футовъ?

Мал. Восемь.

Сокр. А ну-ка, попробуйся сказать мнѣ, велика ли будетъ въ томъ пространствѣ каждая линія: въ этомъ по два фута, а въ томъ двойномъ—по скольку?

Мал. Очевидно вдвое, Сократъ.

Сокр. Видишь ли, Менонъ? Я ничему не учу его, но все спрашиваю. И вотъ онъ приписываетъ себѣ знаніе о величинѣ той линіи, отъ которой произойдетъ восьмифутовое пространство. Или тебѣ не кажется?

Мен. Нѣтъ, кажется.

Сокр. И такъ онъ знаетъ?

Мен. Ну нѣтъ.

Сокр. По крайней мѣрѣ думаетъ, что оно произойдетъ отъ удвоенной?

Мен. Да.

Сокр. Наблюдай же: онъ будетъ припоминать по порядку, что слѣдуетъ далѣе. А ты говори мнѣ: утверждаешь ли, что отъ удвоенной линіи происходитъ двойное пространство? — разумью не такое, и оное съ одной стороны длиннѣе, съ другой короче, а равностороннее кругомъ, какъ это, только двойное въ сравненіи съ этимъ, — въ восемь футовъ. Такъ смотри: еще ли тебѣ кажется, что оно произойдетъ отъ удвоенной линіи?

Мал. Мнѣ кажется.

Сокр. И та линія будетъ двойною въ сужденіи этой, — такъ какъ бы мы прибавили сюда другую такую же?

Мал. Конечно.

Сокр. А изъ ней, говоришь, составитъ восьмифутовое пространство, если будутъ таковы всѣ четыре?

Мал. Да.

В. Сокр. Проведемъ же отъ ней четыре равныя. Не это ли называешь ты восьмифутовымъ пространствомъ?

Мал. Конечно.

Сокр. Но въ семь пространствъ не четыре такихъ линій, изъ которыхъ каждая равна четырехфутовой?

Л. Да.

Сокр. Сколько же всего? не четырежды ли столько?

Мал. Какъ же иначе?

Сокр. И такъ четырежды столько составлять пространство двойное?

Мал. Нѣтъ, клянусь Зевсомъ.

Сокр. Во сколько же большее?

Мал. Въ четыре раза.

Сокр. Следовательно изъ линіи удвоенной, мальчикъ, прозойдетъ пространство не двойное, а четверное.

Мал. Правда.

Сокр. Потому что четырежды четыре — шестнадцать. Не такъ ли?

Мал. Такъ.

Сокр. А восьмифутовое пространство отъ сколь большой произойдетъ линіи? Вотъ отъ этой происходить вѣдь въ четыре раза большее?

Мал. Да.

Сокр. Четырехфутовое же произошло отъ половины этой?

Мал. Точно.

Сокр. Пусть. А восьмифутовое не есть двойное вразсужденіи послѣдняго и половинное вразсужденіи перваго?

Мал. Конечно.

Сокр. Следовательно оно не произойдетъ ни изъ большей, ни изъ такой линіи, ни изъ меньшей, ни изъ такой. Не правда ли? В.

Мал. Кажется, такъ.

Сокр. Хорошо. Отвѣчай же, что тебѣ кажется, и говори: одна линія была не въ два ли фута, а другая—не въ четыре ли?

Мал. Да.

Сокр. По сему линія восьмифутаго пространства должна быть больше этой линіи, двухфутовой, и меньше этой, четырехфутовой?

Мал. Должна быть.

Е. *Сокр.* Попытайся же сказать, сколь велика она, по твоему мнѣнію.

Мал. Въ три фута.

Сокр. А если въ три фута; то не выйдетъ ли трехъ футовъ, когда мы возьмемъ половину этой? — потому что здѣсь два, да здѣсь одинъ. Равнымъ образомъ и съ этой стороны: два здѣсь, да одинъ здѣсь. И вотъ тебѣ то пространство, о которомъ ты говоришь.

Мал. Такъ.

Сокр. Но если въ этой сторонѣ три, и въ этой три; то въ цѣломъ пространствѣ не трижды ли три фута?

Мал. Кажется.

Сокр. А трижды три — сколько составить футовъ?

Мал. Девять.

Сокр. Между тѣмъ какъ двойному пространству сколько надлежало бы заключать въ футовъ?

М. Восемь.

Сокр. Слѣдовательно пространство восьмифутовое происходитъ, видно, не изъ трехфутовой линіи.

Мал. Видно, не изъ трехфутовой.

Сокр. Изъ какой же? Попробуйся сказать намъ точнѣе, и если не хочешь высчитать, то ⁸⁴ хоть покажи, сколь велика она должна быть.

Мал. Но клянусь Зевсомъ, Сократъ, что не знаю.

Сокр. Замѣчаешь ли опять, Менонъ, до какой степени воспоминанія наконецъ дойдено? Онъ и прежде конечно не зналъ, что за линія восьмифутоваго пространства, равно какъ и теперь не знаетъ: но тогда былъ по крайней мѣрѣ увѣренъ, что знаетъ ее, смѣло отвѣчалъ, какъ человѣкъ знающій, и не думалъ сомнѣваться; напротивъ теперь уже считаетъ нужнымъ сомнѣніе и, такъ какъ не знаетъ, то и увѣренъ въ своемъ незнаніи (35).

Мен. Правда.

В.

Сокр. И настоящее его состояніе не лучше ли, въ отношеніи къ тому предмету, котораго онъ не знаетъ?

Мен. Кажется и это такъ.

Сокр. Слѣдовательно, приводя его въ недоумѣніе и оцѣпняя, какъ оцѣпняетъ торпиль, мы вѣрно не вредимъ ему?

Мен. Думаю, нѣтъ.

Сокр. Напротивъ, кажется, приготавли-
емъ его къ тому, чтобы онъ могъ открыть

въ чемъ состоитъ дѣло. Теперь, не зная, онъ вѣдь съ удовольствіемъ станетъ изслѣдывать; а тогда былъ бы увѣренъ, что легко, часто и многимъ въ состояніи прекрасно говорить, **С.** будто двойное пространство должно произходить отъ линіи, имѣющей двойную длину.

Мен. Вѣроятно.

Сокр. И такъ думаешь ли, что онъ рѣшился бы изслѣдывать, или изучать то, что представляетъ себя знающимъ, не зная, пока не впалъ бы въ недоумѣніе и, увѣрившись въ своемъ незнаніи, не попытался бы узнать?

Мен. Не думаю, Сократъ.

Сокр. Значитъ, быть въ оцѣпенѣніи—полезно ему?

Мен. Кажется.

Сокр. Наблюдай же, что найдетъ онъ (36), начавъ такимъ сомнѣніемъ и изслѣдывая вмѣстѣ со мною; хотя я буду только спрашивать, а не учить. Слѣди, откроешь ли, что я учу и изъясняю, или только требую его мнѣнія. Говори-ка мнѣ: это пространство не четырех-футовое ли? Понимаешь?

Мал. Да.

Сокр. И мы можемъ приложить къ нему другое, ему равное?

Мал. Можемъ.

Сокр. И третіе, равное каждому изъ нихъ?

Мал. Да.

Сокр. А нельзя ли намъ дополнить пространство въ этомъ углу?

Мал. Можно.

Сокр. Не вышло ли отсюда четырехъ равныхъ пространствъ?

Мал. Вышло.

Е.

Сокр. Ну чтожь? Это цѣлое пространство во сколько болѣе этого?

Мал. Въ четыре раза.

Сокр. Но вѣдь мы должны были получить двойное. Или ты не помнишь?

Мал. Конечно двойное.

Сокр. Вотъ эта линія, проведенная изъ одного котораго - нибудь угла къ другому, не разсѣкаетъ ли каждое изъ сихъ пространствъ въ двѣ части?

Мал. Разсѣкаетъ.

Сокр. Не происходятъ ли отсюда четыре линіи равныхъ, связывающихъ собою это пространство?

Мал. Происходятъ.

Сокр. Смотри же, сколь велико это пространство.

Мал. Не знаю.

Сокр. Но каждая изъ этихъ линій пополамъ ли разсѣкла каждое изъ начертанныхъ четырехъ пространствъ, или нѣтъ?

Мал. Пополамъ.

Сокр. Сколько же такихъ пространствъ въ этомъ?

Мал. Четыре.

Сокр. А сколько въ этомъ?

Мал. Два.

Сокр. Но сколько составляютъ дважды четыре?

Мал. Вдвое.

В. *Сокр.* Значить, сколько тутъ будетъ футовъ?

Мал. Восемь.

Сокр. Отъ какой линіи происходятъ они?

Мал. Отъ этой.

Сокр. То-есть отъ линіи четырехфутаго пространства, идущей изъ одного угла къ другому?

Мал. Да.

Сокр. Такую линію софисты называютъ діаметромъ (діагональю); такъ что, если ея имя—діаметръ, то отъ діаметра, какъ сказалъ ты, мальчикъ Менона, и должно произойти двойное пространство.

Мал. Да, такъ, Сократъ.

Сокр. Ну какъ тебѣ кажется, Менонъ? Произнесъ ли онъ какое-нибудь не свое мнѣніе?

С. *Мен.* Нѣтъ, всѣ его.

Сокр. Однако онъ не зналъ же, какъ мы зрили недавно.

Мен. Твоя правда.

Сокр. И между тѣмъ эти мнѣнія были-его. Или нѣтъ?

Мен. Были.

Сокр. Следовательно у человека, который не знает того, чего может не знать, есть верныя понятія о томъ, чего онъ не знаетъ.

Мен. Кажется.

Сокр. И теперь онъ вдругъ возбуждаются у него, какъ сновидѣніе. Когда же кто-нибудь начнетъ часто и различнымъ образомъ спрашивать его о томъ самомъ предметъ; то согласись, что наконецъ онъ безъ всякаго сомнѣнія будетъ знать о немъ ничѣмъ не хуже другаго.

Мен. Вѣроятно.

D.

Сокр. По этому будетъ знать, не учась ни у кого, а только отвѣчая на вопросы; то-есть почерпнетъ знаніе въ самомъ себѣ?

Мен. Да.

Сокр. Но почерпать знаніе въ самомъ себѣ, не значитъ ли припоминать?

Мен. Конечно.

Сокр. И припоминать не то ли знаніе, которымъ онъ обладаетъ теперь, которое приобрѣлъ когда-нибудь, или имѣлъ всегда?

Мен. Да.

Сокр. Но какъ скоро онъ имѣлъ его всегда; то всегда былъ и знающимъ. А если допустимъ, что приобрѣлъ когда-нибудь; то приобрѣлъ конечно не въ этой жизни. Развѣ кто выучилъ его Геометріи? Вѣдь онъ въ отношеніи къ этой наукѣ будетъ дѣлать то самое, что и въ отношеніи ко всемъ другимъ. И такъ кто же научилъ его? Ты безъ сомнѣнія долженъ

знать это, особенно когда онъ и рождень и вскормленъ въ твоёмъ домѣ.

Мен. Да я знаю, что его никто и никогда не училъ.

Сокр. Однакожь онъ имѣеть эти мнѣнія, или нѣтъ?

Мен. По видимому, необходимо допустить, Сократъ.

86. *Сокр.* Такъ не очевидно ли, что, не получивъ ихъ въ настоящей жизни, онъ имѣлъ и узналъ ихъ въ какое-то другое время?

Мен. Кажется.

Сокр. И не то ли это время, когда онъ не былъ человѣкомъ?

Мен. Да.

Сокр. Если же въ то время, когда онъ былъ, но не былъ человѣкомъ, должныствовали находиться въ немъ истинныя мнѣнія, которыя, будучи возбуждаемы посредствомъ вопросовъ, становятся познаніями; то душа его не будетъ ли познавать въ продолженіе всего времени? ибо явно, что она существуетъ всегда, и не всегда человѣкъ.

1. По видимому, такъ.

кр. А когда истина сущаго всегда находится въ душѣ; то не безсмертна ли эта душа и что, не зная теперь, то-есть, не при-
его-нибудь, ты долженъ смѣло рѣ-
испытывать и припоминать.

Мен. Мнѣ кажется, Сократъ, ты говоришь такъ хорошо, что я и не знаю.

Сокр. Да и мнѣ то же кажется, Менонъ. Впрочемъ о дальнѣйшемъ болѣе надлежащаго утверждать не могу; а за то, что признавая нужнымъ изслѣдывать, чего кто не знаетъ, мы были бы лучше, мужественнѣе и дѣятельнѣе, чѣмъ тогда, когда бы думали, что чего не знаемъ, того и нельзя найти, и не должно изслѣдывать,—за это я, сколько достанетъ силъ, буду стоять и словомъ и дѣломъ.

Мен. Вотъ и это, мнѣ кажется, хорошо сказано, Сократъ.

Сокр. Если же мы согласны между собою, что надобно изслѣдывать предметъ, котораго кто-нибудь не знаетъ; то хочешь ли, приступимъ сообща къ изслѣдованію того, что такое добродѣтель?

Мен. И очень. Однакожь я гораздо охотнѣе разсматривалъ бы и слушалъ то, Сократъ, о чемъ сначала спрашивалъ, а именно: къ добродѣтели должно ли приступать, какъ къ чему-то изучаемому, или какъ къ такому предмету, который дается природою, либо достается людямъ какимъ-нибудь инымъ образомъ?

Сокр. А если бы я управлялъ—не только собою, да и тобою, Менонъ; то мы разсмотрѣли бы, изучаема ли добродѣтель, или не изучаема,—уже по рѣшенію вопроса, что она такое. Но такъ какъ ты собою-то управлять не

хочешь, потому что свободенъ, а мною и хочешь и управляешь; то я уступлю тебѣ. Да, что дѣлать? Видно приходится разсматривать, каково что-нибудь, прежде нежели знаемъ, что это такое. Или ужъ, если не болѣе, то по крайней мѣрѣ ослабѣ немного власть свою и позволь мнѣ разсмотрѣть на основаніи предположенія, изучаема ли добродѣтель, или достается какъ иначе. А разсматривать на основаніи предположенія, по моему мнѣнію, значить то же, что часто дѣлають геометры. Когда спрашиваютъ ихъ, напримѣръ, о пространствѣ, можетъ ли хоть вотъ это пространство, обращенное въ треугольникъ, быть наложено на этотъ кругъ (28;

87. то всякій отвѣчаетъ, что ему еще не извѣстно, такъ ли это будетъ; для сего, думаю, предварительно требуется нѣкоторое предположеніе. Если это пространство таково, что данная его линія, и по протяженіи, останется короче другаго, сколько бы то протянуто ни было (29); то выйдетъ нѣчто иное: и опять иное, какъ-скоро

В. послѣднее окажется несообразнымъ. И такъ я хочу сказать тебѣ на основаніи предположенія, что должно выйти, при наложеніи треугольника на кругъ; возможно ли то, или нѣтъ. То же

же—и о добродѣтели: не зная, что такое и ва она, мы будемъ разсматривать на основаніи предположенія, можно ли изучать ее, или

Объяснимся такъ: предположимъ, что есть нѣчто относящееся къ душѣ;

въ такомъ случаѣ изучаема она, или нѣтъ? И во-первыхъ, если подѣ нею разумѣется нѣчто, отличное отъ знанія; то можно ли изучать ее, или нельзя, но, какъ теперь же сказали мы, надобно только припоминать? Нѣтъ нужды, какое бы слово мы тутъ ни употребили. Когда спрашивается: изучаема ли добродѣтель? то ко- с. нечно всякому понятно, что человѣкъ ничего не изучаетъ, кромѣ знанія.

Мен. Кажется.

Сокр. Если же напротивъ добродѣтель есть знаніе, то явно, что ей можно учиться.

Мен. Какъ не мочь?

Сокр. Значить, отъ этого мы вдругъ отдѣляемся: когда она такова, то изучаема; а когда такова, то нѣтъ (30).

Мен. Конечно.

Сокр. Такъ видно послѣ сего надобно разсмотрѣть, добродѣтель есть ли знаніе, или отлична отъ знанія.

Мен. Мнѣ кажется, послѣ сего нужно именно такое изслѣдованіе.

Сокр. Чтожь? Не назовемъ ли мы добродѣтели самымъ добромъ, оставаясь вѣрными тому предположенію, что она есть самое добро? d.

Мен. Безъ сомнѣнія.

Сокр. Но если есть какое-нибудь добро, отдѣльное отъ знанія; то вотъ добродѣтель и не будетъ уже знаніемъ? Напротивъ когда, нѣтъ ничего добраго, что не заключалось

бы въ знаніи; то не справедливо ли гадали бы мы, что она есть знаніе?

Мен. Такъ.

Сокр. Однакожь мы добры вѣдь добродѣтелию?

Мен. Да.

Е. *Сокр.* А когда добры, то и полезны; потому что все доброе полезно. Не правда ли?

Мен. Правда.

Сокр. Слѣдовательно добродѣтель и полезна?

Мен. Изъ допущеннаго это необходимо.

Сокр. Возмемъ же все порознь и рассмотримъ, въ чемъ состоитъ та польза, которую она приноситъ намъ. — Въ здоровьѣ, скажемъ мы, въ силѣ, красотѣ, богатствѣ (31): вотъ это и другое тому подобное мы называемъ полезнымъ. Не такъ ли?

Мен. Такъ.

88. *Сокр.* Но тому же самому иногда приписываемъ и вредъ. Такъ ли бы ты сказалъ, или иначе?

Мен. Не иначе, а такъ.

Сокр. Смотри же: когда и подъ какимъ влеченіемъ каждая изъ этихъ вещей бываетъ на намъ, когда и подъ какимъ вредить? гдѣ ли полезна, когда правильно употреблена, и не тогда ли вредить, когда непра-

Вѣзъ сомнѣнія.

Сокр. Разсмотримъ еще и то, что есть въ нашей душѣ. Ты допускаешь разсудительность, справедливость, мужество, понятливость, память, благородство и другое тому подобное?

Мен. Допускаю.

В.

Сокр. Вникни же, которая изъ этихъ вещей кажется тебѣ не знаніемъ, а чѣмъ-то отличнымъ отъ знанія, и не таковы ли онѣ, что иногда вредятъ, а иногда приносятъ пользу. Напримѣръ мужество, когда оно не есть разсудительность, а походить на дерзость. Не правда ли, что человѣкъ смѣлый, безъ ума, получаетъ вредъ, а съ умомъ — пользу?

Мен. Правда.

Сокр. Не такимъ же ли образомъ и разсудительность и понятливость? Познаваемое и исполняемое съ умомъ полезно, а безъ ума — вредно.

Мен. Безъ сомнѣнія.

Сокр. Следовательно всѣ вообще предна- С. мѣренія и усилія души, подѣ руководствомъ благоразумія, оканчиваются счастіемъ, а подѣ руководствомъ безумія — противнымъ тому?

Мен. Вѣрноятно.

Сокр. Если же добродѣтель принадлежить къ тому, что находится въ душѣ, и необходимо полезна; то надобно, чтобъ она была благоразумною; ибо все, находящееся въ душѣ, само по себѣ и не полезно и не вредно, а вѣсть съ благоразуміемъ или безуміемъ, либо вредно . . . Д.

либо полезно. На этомъ основаніи добродѣтель, признанная полезною, должна имѣть нѣкоторое благоразуміе.

Мен. Мнѣ кажется.

Сокр. Не такимъ же ли образомъ и прочее, о чемъ мы недавно упомянули, то-есть, богатство и другое тому подобное,—иногда благотвительно, иногда вредно? Какъ благоразуміе, управляющее иными свойствами души, дѣлаетъ ихъ полезными, а безуміе — вредными: не такъ ли душа поступаетъ и съ ними? употребляя и распределяя ихъ справедливо, она дѣлаетъ ихъ полезными, а несправедливо — вредными.

Мен. Конечно.

Сокр. Но справедливо вѣдь управляетъ разумный, а погрѣшительно — неразумный?

Мен. Такъ.

Сокр. Не то же ли надобно сказать и вообще? Все прочее въ человѣкѣ, чтобы быть ему добрымъ, зависитъ отъ души, а все душевное — отъ благоразумія. По этой причинѣ благоразуміе должно быть полезно. Но мы и добродѣтель называли полезною?

Мен. Конечно.

Сокр. А благоразуміе называли добродѣтелью, или нѣкоторою ея частію?

Мен. Слова твои, Сократъ, мнѣ кажется, хороши.

Если же такъ; то добрые — добры не ды.

Мен. Кажется, нѣтъ.

Сокр. Да пусть бы и это было. Если бы добрые были добры отъ природы; то меж- в. ду нами нашлись бы люди, которые юношей, добрыхъ по природѣ, узнали бы; а мы, по указанію этихъ людей, взяли бы ихъ и берегли въ крѣпости (32), запечатавши тщательнѣе, чѣмъ золото, чтобы никто не развратилъ ихъ и чтобы, пришедши въ возрастъ, они благодѣтельствовали обществамъ.

Мен. Слѣдовало бы - таки, Сократъ.

Сокр. Но когда добрые добры не отъ природы; то видно отъ науки?

Мен. Мнѣ кажется, это уже необходимо с. Да и изъ предположенія явствуется, Сократъ, что какъ скоро добродѣтель есть знаніе, то она изучаема.

Сокр. Можетъ быть, влянусь Зевсомъ; но не худо ли мы сдѣлали, что согласились?

Мен. Однако сей часъ намъ казалось это хорошимъ.

Сокр. Да хорошо сказанное должно быть таково не только сей часъ, но и теперь, и послѣ, — если въ немъ есть нѣчто здравое.

Мен. Такъ чтожь? Съ какой стороны это в. не нравится тебѣ и заставляетъ не вѣрить, что добродѣтель есть знаніе (33)?

Сокр. Я скажу, Менонъ. Не хочу переименовывать свое мнѣніе, будто не хорошо утверждаютъ, говоря, что какъ скоро добродѣтель есть.

знаніе, то она изучаема: но смотри, справедливо ли, по твоему мнѣнію, я не вѣрю, что добродѣтель есть знаніе. Скажи-ка мнѣ вотъ что: если не только добродѣтель, но и какая бы то ни была вещь, — изучаема; то не необходимо ли, въ отношеніи къ ней, какъ учителя, такъ и ученики?

Мен. Кажется.

В. *Сокр.* А когда напротивъ для вещи нѣтъ ни учителей ни учениковъ; то не хороша ли была бы догадка, если бы мы догадывались, что она не изучаема?

Мен. Конечно. Но учителей добродѣтели развѣ, ты думаешь, нѣтъ?

Сокр. Я часто ищу, есть ли какіе-нибудь учителя добродѣтели; все дѣлаю, но не могу найти. Притомъ ищу вмѣстѣ со многими, и особенно съ такими людьми, которыхъ считаю опытнѣйшими въ этомъ отношеніи. Вотъ и теперь, Менонъ, весьма кстати подсылъ къ намъ именно такой человекъ, которому можно сообщить свой вопросъ.— Да сообщить ему было бы и справедливо (34): потому что Анить во-первыхъ сынъ богатаго и мудраго отца, Анее-который сдѣлался богатымъ не по слуху отъ щедрости другаго, какъ недавно іась Фивянинъ, получившій имѣніе Пота, но собралъ богатство своею мудростію и немъ; во-вторыхъ онъ по всему кажется иномъ не гордымъ, не надутымъ и

не спѣсивымъ, но челоуѣкомъ свѣтскимъ и ловкимъ; потомъ онъ, по мнѣнію Аѣннскаго народа, прекрасно воспиталъ и образовалъ своего сына (35), котораго они по сему избираютъ въ важныя правительственныя должности. И такъ справедливо изслѣдовать вмѣстѣ съ нимъ, есть ли учителя добродѣтели, или нѣтъ, и кто такіе. Помогите же, Анітъ, мнѣ и твоему гостю Менону въ рѣшеніи вопроса объ этомъ предметѣ, то-есть, кто бы могъ быть учителемъ. А разсматривай вотъ какъ: если бы мы захотѣли сдѣлать этого Менона хорошимъ врачомъ; то къ какимъ бы послали его учителямъ? не правда ли, что къ врачамъ?

Ан. Конечно.

С.

Сокр. А когда бы пожелали, чтобъ онъ былъ хорошимъ башмачникомъ, то вѣрно къ башмачникамъ?

Ан. Да.

Сокр. И такъ во всемъ?

Ан. Конечно.

Сокр. Скажи мнѣ опять вотъ что о томъ же предметѣ. Посылая его, какъ говоримъ, къ врачамъ, мы хорошо поступили бы, если хотѣть, чтобъ онъ былъ врачомъ. Но говоря это, не разумѣемъ ли, что мы благоразумнѣе сдѣлаемъ, когда отправимъ его къ такимъ врачамъ, которые не считаются представителями искусства, берутъ за то плату и объявляютъ себя учителями всѣхъ желающихъ ходить къ нимъ и учиться?

- платья, возвращали то и другое въ худшемъ состояніи, чѣмъ приняли; то они не укрылись бы и въ продолженіе тридцати дней, но чрезъ такіе поступки скоро умерли бы съ голоду. Напротивъ Протагоръ, развращая приближенныхъ и отпускаая ихъ худшими, чѣмъ принималъ, укрывался отъ всей Греціи, въ продолженіе сорока лѣтъ; ибо онъ умеръ, думаю, почти уже лѣтъ семидесяти отъ роду, а занимался своимъ искусствомъ около сорока, и во все это время, даже до настоящаго дня, не потерялъ своей славы.
92. И только ли Протагоръ? — много и другихъ; иные жили прежде его, а иные живутъ еще и теперь. И такъ скажемъ ли, согласно съ твоимъ мнѣніемъ, что они сознательно обманываютъ и развращаютъ юношей, или дѣлаютъ это безъ сознанія? И такимъ образомъ признаемъ ли глупыми тѣхъ, которыхъ иные называютъ людьми мудрѣйшими?

- Ан.* Они-то не глупы, Сократъ; гораздо глупѣе ихъ юноши, дающіе имъ деньги; а и того глупѣе ближніе, ввѣряющіе имъ юношей;
- В. глупѣе же всѣхъ общества, которыя позволяютъ имъ вступать въ свои предѣлы, и не изгоняютъ — иностранца ли то, или Аѳинянина, какъ скоро онъ рѣшается на такіе поступки.

Сокр. Что? тебя, Анить, обидѣлъ кто-нибудь изъ софистовъ, или — почему ты такъ сер-
на нихъ?

Ан. Нѣтъ, клянусь Зевсомъ; я и самъ никогда, ни съ кѣмъ изъ нихъ не имѣлъ дѣла, и никому изъ своихъ не позволилъ бы этого.

Сокр. Слѣдовательно ты вовсе незнакомъ съ ними?

Ан. И быть тому такъ.

Сокр. Но какимъ же образомъ, чудный человекъ, ты можешь знать объ этомъ предметѣ, заключаетъ ли онъ въ себѣ что-нибудь доброе, или худое, когда вовсе не знакомъ съ ними?

Ан. Легко. Знакомъ ли я съ ними, или нѣтъ, — мнѣ по крайней мѣрѣ извѣстно кто они.

Сокр. Ты, Анитъ, вѣроятно прорицатель; ибо иначе, судя по твоимъ словамъ, удивительно, какъ бы тебѣ знать о нихъ. Впрочемъ мы вѣдь не изслѣдывали, кто тѣ, которыхъ посѣщая, Менонъ сдѣлался бы худымъ: такіе-то люди, пожалуй, пусть будутъ софисты. Назови же намъ другихъ и окажи благодареніе этому отечественному гостю: объяви ему, къ кому онъ долженъ отправиться въ столь обширномъ городѣ, чтобы въ добродѣтели, которая недавно описана мною, выйти человекомъ, стоящимъ имени.

Ан. А почему ты самъ не объявишь ему?

Сокр. Я уже сказалъ, кого почитаю учителями въ этомъ предметѣ; но изъ твоихъ словъ видно, что мною ничего не сказано. Можетъ быть это и правда. Скажи же и ты

свою очередь, къ кому изъ Аѳинянъ идти ему; назови, чье хочешь, имя.

Ан. Къ чему слышать имя одного человека? Съ кѣмъ бы изъ Аѳинянъ хорошихъ и добрыхъ ни сошелся онъ, всякій сдѣлаетъ его лучшимъ, нежели софисты, если найдетъ въ немъ довольно послушанія.

Сокр. Но эти хорошіе и добрые стали такими неужели случайно, не учась ни у кого? И какимъ образомъ тому, чему сами не учились, могутъ учить другихъ?

63. *Ан.* Они, пожалуй, учились у своихъ предковъ, которые были столь же хороши и добры. Развѣ не кажется тебѣ, что въ этомъ городѣ бывало много людей добрыхъ?

Сокр. Мнѣ-то кажется, Анитъ, что здѣсь и теперь есть люди добрые по дѣламъ политическимъ, и бывало ихъ не менѣе, чѣмъ нынѣ. Но были ли они, говорю, и добрыми наставниками въ своей добродѣтели? Вопросъ, о которомъ идетъ у насъ рѣчь, состоитъ вѣдь не въ томъ, есть ли здѣсь добрые люди, или нѣтъ, и не въ томъ, бывали ли они прежде: мы давно уже разсматриваемъ, изучаема ли добродѣтель. А разсматривая это, разсматриваемъ вотъ что: добрые люди настоящаго и прежнихъ временъ умѣли ли ту добродѣтель, по которой были сами добры, передать и другому, или она не передается человѣкомъ и не переходитъ отъ

лица къ лицу? Это-то давно уже изслѣдуемъ мы—я и Менонъ. Такъ смотри сюда изъ своихъ основаній. Не сказалъ ли бы ты, что Θεμισтоклъ былъ человекъ добрый?

Ан. Конечно сказалъ бы,—и добрее всѣхъ. С.

Сокр. Значить, если кто другой могъ учить своей добродѣтели; то онъ былъ конечно хорошимъ учителемъ?

Ан. Думаю, если бы только захотѣлъ.

Сокр. А думаешь ли, что онъ не хотѣлъ сдѣлать хорошимъ и добрымъ не только кого-нибудь, но даже и собственнаго сына? Или, по твоему мнѣнiю, Θεμισтоклъ завидовалъ ему и умышленно не передалъ добродѣтели, по которой самъ былъ добрымъ? Развѣ ты не слышалъ, что онъ образовалъ своего сына, Клеофанта, добрымъ всадникомъ; такъ что послѣднiй держался на конѣ стоя, стоя на конѣ стрѣлялъ и дѣлалъ много другихъ чудесъ? Всему этому отецъ научилъ его и сдѣлалъ мудрецомъ, сколько зависѣло отъ добрыхъ учителей. Или ты не слышалъ объ этомъ отъ стариковъ? D.

Ан. Слышалъ.

Сокр. Слѣдовательно никто не могъ обвинять природу его сына въ тупости.

Ан. Можетъ быть. E.

Сокр. Но что потомъ? Слышалъ ли ты когда-нибудь отъ юношей, или стариковъ, что Клеофантъ, сынъ Θεμισтокла, былъ добръ и мудръ въ томъ, въ чемъ отецъ его?

Ан. Ну нѣтъ.

Сокр. Неужели же мы подумаемъ, что этому-то онъ старался научить своего сына, а въ той мудрости, въ которой самъ былъ мудрецомъ, не сдѣлалъ бы его лучше сосѣдовъ, если бы добродѣтель была дѣйствительно изучаема?

Ан. Едва ли подумаемъ, клянусь Зевсомъ.

94. *Сокр.* Итакъ вотъ тебѣ такой учитель добродѣтели, котораго и ты относишь къ числу отличнѣйшихъ между предками. Посмотримъ еще на другаго,—на Аристиду, сына Лизимахова. Не согласишься ли ты, что онъ былъ добръ?

Ан. Совершенно согласенъ.

Сокр. И этотъ сына своего Лизимаха, сколько зависѣло отъ учителей, воспиталъ лучше всѣхъ Аѳинянъ (38): а какъ тебѣ кажется? сдѣлалъ ли его лучшимъ человекомъ? Вѣдь ты бываешь съ нимъ вмѣстѣ и видишь, каковъ онъ. Возьми, пожалуй, хотъ Перикла,

В. столь знаменито-мудраго мужа: знаешь ли, что онъ воспиталъ двухъ сыновей, Паралоса и Ксантиппа?

Ан. Знаю.

Сокр. Вѣдь они, какъ и тебѣ извѣстно, выучены ѣздить верхомъ не хуже Аѳинянъ, и никого не хуже узнали музыку, гимнастику и все другое, зависящее отъ искусствъ. Но неужели Периклъ не хотѣлъ образовать ихъ

добрыми людьми? Мнѣ кажется, хотѣлъ; да это видно не изучаемо. А чтобы ты не подумалъ, будто не многіе и при томъ самые худые Аѳиняне (39) не могутъ сдѣлать этого, то замѣть, что и Фукидидъ воспиталъ двухъ сыновъ, Мелісіаса и Стефана, которые прекрасно были наставлены и въ прочихъ искусствахъ, а въ гимнастическихъ упражненіяхъ превосходили всѣхъ Аѳинянъ; потому что Фукидидъ одного изъ нихъ ввѣрилъ Ксанѳіасу, а другаго—Эвдору, которые считались тогда отличнѣйшими бойцами. Или ты не помнишь?

Ан. Знаю—по слуху.

Сокр. Такъ не явно ли, что научивъ дѣтей своихъ тому, что требовало издержекъ, онъ еще охотнѣе сдѣлалъ бы ихъ добрыми людьми, для чего издержекъ не нужно, если бы это изучалось? Впрочемъ можетъ быть Фукидидъ былъ человѣкъ маловажный и не имѣлъ довольно друзей между Аѳинянами и союзникамъ ихъ?—Нѣтъ, онъ и принадлежалъ къ большому дому, и много могъ, какъ въ отечествѣ, такъ и у другихъ Грековъ; значитъ, если бы это было изучаемо, нашелъ бы людей, между соотечественниками, или иностранцами, которые сдѣлали бы его сыновей добрыми, хотя бы общественныя занятія и не давали досуга ему самому. Такъ нѣтъ, любезный Анитъ, видно добродѣтели учить нельзя.

Ан. Тебѣ, кажется, не трудно, Сократъ, худо отзываться о людяхъ. Но, если хочешь

послушаться меня,—совѣтую быть осторожнѣе. Можетъ быть и въ другомъ городѣ легче бываетъ дѣлать имъ зло, чѣмъ добро (40), а здѣсь — и того болѣе. Ты и самъ, думаю, знаешь это.

95. *Сокр.* Менонъ! Анитѣ-то, кажется, сердить на меня. Да и не удивительно; потому что во-первыхъ почитаетъ меня порицателемъ такихъ людей, во-вторыхъ относить и себя къ числу ихъ. Но если онъ узнаетъ, что значить говорить худо, то перестанетъ сердиться: теперь ему это еще не извѣстно. Скажи мнѣ ты, есть ли и у васъ хорошіе и добрые люди.

Мен. Конечно.

- В. *Сокр.* Чтожъ? хотятъ ли они выдавать себя юношамъ за учителей? хотятъ ли объявлять себя учителями, или добродѣтель изучаемою?

Мен. Нѣтъ, Сократъ, клянусь Зевсомъ; но иногда слышишь отъ нихъ, что добродѣтель изучаема, а иногда,—что нѣтъ.

Сокр. И такъ назовемъ ли ихъ преподавателями самаго предмета, когда они даже и въ этомъ между собою несогласны?

Мен. Кажется нѣтъ, Сократъ.

Сокр. Что еще? Эти софисты—одни вызывающіеся учить добродѣтели, могутъ ли, по твоему мнѣнію, учить ей?

- С. *Мен.* Я и Горгіаса люблю особенно за то, Сократъ, что ты никогда не услышишь отъ него подобнаго обещанія. Онъ даже смѣется и

надъ другими, когда они общаются это, а только вызывается сдѣлать чловѣка сильнымъ въ словѣ.

Сокр. Следовательно софистовъ ты не считаешь учителями?

Мен. Я не могу сказать этого, Сократъ; ибо чувствую то же, что и многіе: иногда почитаю, иногда нѣтъ.

Сокр. А знаешь ли, что не только ты и д. другіе политики—почитаєте добродѣтель иногда изучаемою, иногда нѣтъ, но и поэтъ Теогнисъ говорить то же самое?

Мен. Въ какихъ стихотвореніяхъ?

Сокр. Въ элегіяхъ, гдѣ сказано (41): «У тѣхъ пей и ѣшь, съ тѣми сиди и тѣмъ нрався, которые имѣютъ великую силу; потому что отъ добрыхъ добру и научишься. А когда свяжешься съ худыми, то потеряешь и наличный умъ.» Видишь ли? здѣсь утверждается, что добродѣтель изучаема.

Мен. По видимому такъ.

Сокр. Напротивъ въ другомъ мѣстѣ онъ нѣсколько уклоняется отъ своихъ словъ и говорить: «Если бы возможно было сотворить и вложить умъ въ чловѣка; то, заключаетъ онъ, великую и важную награду получили бы люди, сѣмьившіе сдѣлать это. Тогда отъ добраго отца не происходилъ бы худой сынъ, вѣря спасительнымъ его наставленіямъ. Но посредствомъ 96.

кую-нибудь иную вещь, въ л
щіе себя за учителей, не те
учителями другихъ, но и са
В. дами, сами худы въ той вещи
торой посѣтъ имя учителей.
ють дѣйствительно хорошии
причисляють ее къ вещамъ
нѣтъ? Сказалъ ли бы ты, ч
ся въ такомъ недоумѣніи в
мета, суть именно его пре

Мен. Нѣтъ, клянусь !

Сокр. Если же ни со
рошіе и добрые люди н
подавателями этой вещи,
другой?

Мен. Кажется, никто.

Сокр. А если нѣтъ у
учениковъ?

Сокр. А для добродѣтели, какъ открывается, нѣтъ учителей?

Мен. Да.

Сокр. Если же нѣтъ учителей, то нѣтъ и учениковъ?

Мен. Кажется такъ.

Сокр. Слѣдовательно добродѣтель неизучаема?

Мен. Невѣроятно, хотя наши изслѣдованія и справедливы. Я все еще не понимаю, Сократъ, какъ бы и быть когда-нибудь добрымъ людямъ ; или, какимъ бы образомъ сдѣлаться добрыми тѣмъ, которые сдѣлались.

Сокр. Оба мы, Менонъ, должно быть, люди плохіе. Видно тебя, Горгіасъ, а меня Продикъ, не довольно научили. И такъ намъ нужно обратить вниманіе и изслѣдовать самимъ, можетъ ли кто сдѣлать насъ лучшими какимъ-нибудь однимъ образомъ (42). Говорю это, имѣя въ виду прежній вопросъ. Какъ смѣшно утѣшилось отъ насъ, что у человѣка, подъ руководствомъ не одного знанія, совершаются дѣла справедливыя и добрыя! Когда же не допустимъ, что кромѣ знанія, для сей цѣли необходимо и другое кое-что ; то можетъ быть и не уразумѣемъ, какимъ образомъ люди дѣлаются добрыми.

Мен. Какъ это говоришь ты, Сократъ?

Сокр. Вотъ какъ: Мы вѣдь справедливо согласились, что люди добрые должны прино-

силь пользу; это иначе и быть не может. Не правда ли?

97. *Мен.* Да.

Сокр. И что они будутъ приносить пользу, исполняя правильно дѣла свои: вѣдь и это мы, кажется, хорошо допустили?

Мен. Да.

Сокр. А что исполняя правильно дѣла свои нельзя тому, кто неблагоуразуменъ, — на это мы, по видимому, напрасно согласились.

Мен. Но что ты выражаешь словомъ «правильно?»

Сокр. Я скажу тебѣ. Если бы кто-нибудь, зная дорогу въ Лариссу, или куда угодно въ иное мѣсто, самъ шелъ и другихъ велъ по ней; то правильно ли и хорошо ли велъ бы?

Мен. Конечно.

в. *Сокр.* Но что, если бы кто-нибудь имѣлъ хоть и правильное мнѣніе объ этой дорогѣ, однакожь самъ еще не ходилъ по ней и не знаетъ ея: — не могло ли бы быть правильно и его водительство?

Мен. Конечно.

Сокр. Значить, пока онъ имѣетъ правильное мнѣніе о томъ предметѣ, о которомъ у дру-
жаніе; дотогъ, обладая истиннымъ
е благоуразуміемъ, будетъ руковод-
гъ благоуразумный.

Мен. Конечно не хуже.

Сокр. Следовательно истинное мнѣніе для правильности дѣла есть руководитель не хуже благоразумія. Такъ вотъ это-то пропустили мы С при изслѣдываніи вопроса, какова добродѣтель. По нашимъ словамъ, одно благоразуміе должно руководствоваться къ правильной дѣятельности: а тутъ нужно и истинное мнѣніе.

Мен. Вѣроятно.

Сокр. По этому правильное мнѣніе не менѣе полезно, какъ и знаніе.

Мен. По крайней мѣрѣ столько полезно, Сократъ, что обладающій знаніемъ всегда можетъ достигнуть цѣли, а имѣющій правильное мнѣніе иногда достигаетъ ея, иногда нѣтъ.

Сокр. Какъ ты говоришь? Чтобы тотъ, кто всегда имѣетъ правильное мнѣніе, не всегда достигалъ цѣли, пока мнитъ правильно?

Мен. Съ тобою, кажется необходимо согласиться; но когда это такъ, то я удивляюсь, почему знаніе цѣнится гораздо выше правильнаго мнѣнія, и чѣмъ одно изъ нихъ отлично отъ другаго.

Сокр. А знаешь ли, почему ты удивляешься, или сказать тебѣ это?

Мен. Пожалуй-ста скажи.

Сокр. По тому, что не обратилъ вниманія на Дедаловы статуи (43). Да у васъ, можетъ быть, и нѣтъ ихъ.

дела не много значить
быть былаго человека
остается на одномъ мыс
ное—дорого; но такія
На что же я мѣчу свои
ныя мнѣнія. Въдь и н
красное дѣло, и произв
бываютъ постоянны. Е
оставаться неизмѣняемы
человѣческой души и п
кто «нибудъ не свяжетъ
причинъ. А это, любе
припоминаніе, — въ чел
лись. Когда же истины
связаны; то сперва ста
томъ упрочиваются. От
нѣе правильнаго мнѣнія;
первое отъ послѣдняго.

ніемъ; то оно, думаю, уже не есть нѣчто похожее, но, если бы я приписалъ себѣ какія-нибудь знанія, — а приписалъ бы ихъ себѣ не много, — то упомянутое было бы однимъ изъ тѣхъ, которыя имѣю.

Мен. Да и справедливо говоришь, Сократъ.

Сокр. Чтожь? А то несправедливо, что истинное мнѣніе, управляя совершеніемъ каждаго дѣла, управляетъ не хуже знанія?

Мен. Кажется, и то справедливо.

Сокр. Значить, справедливое мнѣніе не хуже знанія, и въ дѣятельности будетъ не менѣе полезно; значить, и человѣкъ, обладающій справедливымъ мнѣніемъ, не хуже того, который обладаетъ знаніемъ.

Мен. Такъ.

Сокр. Между тѣмъ мы согласились, что добрый человѣкъ полезенъ намъ.

Мен. Да.

Сокр. Поелику же добрые люди, если они есть, должны быть полезны обществамъ не только посредствомъ знанія, но и посредствомъ справедливаго мнѣнія; а оба эти средства — знаніе и истинное мнѣніе, и не даются людямъ природою, и не приобрѣтаются.... Или, ты думаешь, что которое-нибудь изъ нихъ получается отъ природы?

Мен. Не думаю.

Сокр. А если они—не отъ природы; то и добрые — не отъ природы.

Мен. Разумѣется.

Сокр. Когда же не отъ природы, то вотъ мы и рассматривали (44), изучаемо ли это.

Мен. Да.

Сокр. И не показалось ли намъ, что добродѣтели можно бы учиться какъ скоро она была бы благоразуміе?

Мен. Показалось.

Сокр. А когда добродѣтель была бы благоразуміе, то ей можно бы учиться?

Мен. Конечно.

Сокр. И если бы, въ отношеніи къ ней, дѣйствительно существовали учителя, то она бы почиталась бы изучаемою; а — не существовали, —оставалась бы неизучаемою?

Мен. Такъ.

Сокр. Но мы согласились, что въ отношеніи къ ней нѣтъ учителей?

Мен. Правда.

Сокр. Слѣдовательно согласились и въ томъ, что она и не изучаема, и не есть благоразуміе?

Мен. Конечно.

Сокр. Однакожь мы допустили, что она все-таки есть добро?

Мен. Да.

Сокр. А полезнымъ и добрымъ называется то, что правильно руководствуетъ?

Мен. Конечно.

Сокр. Собственно же правильными руководителями признаны только два: правильное мнѣніе и знаніе. И кто обладаетъ ими, тотъ руководствуется правильно; потому что происходящее случайно, зависитъ не отъ человѣческаго руководства. То, посредствомъ чего самъ человѣкъ дѣлается руководителемъ къ правильному, есть истинное мнѣніе и знаніе.

Мен. Мнѣ кажется, такъ.

Сокр. Но какъ скоро добродѣтель не изучается, то она уже не бываетъ и знаніемъ?

Мен. По видимому, нѣтъ.

Сокр. И такъ одинъ изъ двухъ добрыхъ и полезныхъ руководителей развязанъ, то-есть, знаніе не можетъ руководствовать въ дѣлахъ политическихъ.

Мен. Кажется, нѣтъ.

Сокр. Значить, такіе люди, каковы Темистоклъ и подобные ему, недавно упомянутые Анимомъ, управляютъ обществами не посредствомъ какой-нибудь мудрости, и не какъ мудрецы. По тому - то имъ и невозможно сдѣлать другихъ равными себѣ, что они вышли такими — не чрезъ знаніе.

разумію. они ни чѣмъ
рицателей и мужей бо
что и послѣдніе говор
не знаютъ того, что г

Мен. Едва ли не

Сокр. По сему не
зывать этихъ мужей бо
дѣлая и говоря что-ни
производить много ве

Мен. Конечно.

Сокр. Да, если ми
д. божественными тѣхъ,
манули, то-есть прори
дей съ даромъ поэтич
нѣемъ право называ
торженными самыхъ
они, вдохновленные,
совмѣняютъ поспѣст

человѣкомъ, говорятъ: онъ чловѣкъ божественный.

Мен. И говорятъ-то, кажется, справедливо, Е. Сократъ; хотъ Анить за такія слова, можетъ быть, и сердится на тебя.

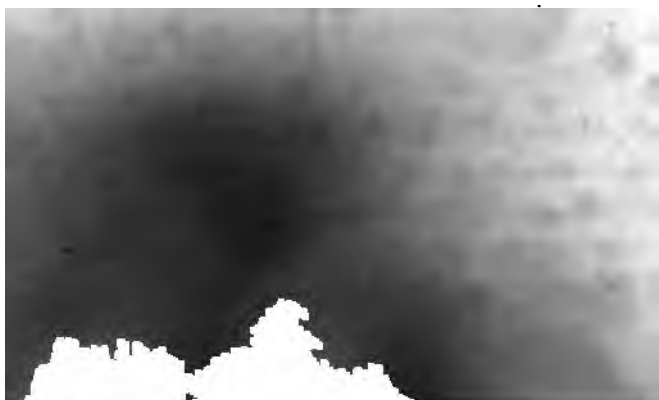
Сокр. Нужды нѣтъ. Съ нимъ мы еще поговоримъ, Менонъ. Теперь же—если во вссмъ этомъ разсужденіи наши изслѣдованія и рѣчи были хороши; то добродѣтель и не получается отъ природы и не пріобрѣтается ученіемъ, но дается божественнымъ жребіемъ, независимо 100. отъ ума,—тому, кому дается, какъ скоро нѣтъ политика, который могъ бы и другаго сдѣлать политикомъ. А когда бы онъ былъ, то между живыми можно бы считать его почти тѣмъ же, чѣмъ между мертвыми Омнръ (45) представляетъ Тиресіаса, говоря: «онъ мыслить» въ преисподней, «а прочія тѣни летаютъ». Таковъ-то былъ бы и этотъ чловѣкъ, какова дѣйствительная вещь въ сравненіи съ тѣнію, поколику разсматривается добродѣтель.

Мен. По моему мнѣнію, ты прекрасно говоришь, Сократъ.

Сокр. Итакъ, Менонъ, изъ настоящихъ основаній вытекаетъ, что добродѣтель дается божественнымъ жребіемъ тому, кому дается. Но ясно мы узнаемъ это тогда, когда, прежде чѣмъ изслѣдуемъ образъ дарованія оной людямъ, рѣ-

шимся изслѣдовать, что такое добродѣтель. Теперь мнѣ уже пора кое-куда идти; а ты, въ чемъ самъ убѣдился, постарайся убѣдить и своего гостя Анита, чтобы онъ былъ покротче.

С. Когда убѣдишь его, то сдѣлаешь пользу и Аоннянамъ.

АПОЛОГІЯ СОКРАТА.

АПОЛОГІЯ СОКРАТА.

ВВЕДЕНІЕ.

Апология Сократа, по своему содержанию, есть не просто защитительная рѣчь въ отношеніи къ тѣмъ частнымъ пунктамъ обвиненія, которые изложены были въ доносахъ Мелита и Анита, но полный отчетъ старца въ долготѣйшей его жизни и дѣятельности. Оправдываться Сократу иначе, кажется, было и невозможно: потому что у него, какъ у философа практическаго, все частное находилось въ связи съ общимъ, всѣ поступки вытекали изъ понятій. Слѣдовательно вѣнчать ему въ вину нѣчто отдѣльное, значило вѣнчать все; а вѣнчать все, было тоже, что осуждать и умственную и нравственную и политическую жизнь его. Такое общее изображеніе Сократовой жизни, изложенное Платономъ въ разсматриваемомъ сочиненіи, сообщаетъ ему необыкновенную силу

кичливъ умъ Эвтифро
васть себѣ даръ про
святости (1); кичливъ у
читаетъ себя великимъ
вѣдѣніемъ на дѣ
чливъ умъ Калліаса, вѣ
дитъ себѣ пищу въ по
всѣхъ націй (3); кичли
выставляетъ предъ свѣ
щеніе о нравственно
ства (4); — мы забываемъ
только одно, — что кич
онъ философствуетъ с
ваетъ подземное, — по
му, что въ семъ случаѣ
посредственно о се
сужденіе, *судя*

съ тѣмъ только разли
трудности странствова
чаями къ побѣдамъ; и
лось дѣломъ славными
внушать намъ уничи
собственномъ безсиліи.
такое подвижническая
стивыхъ, какъ не обра
путій свѣта на призыв
кажется, что ихъ под
умерщвленіи плоти тр
бодрствованіемъ. Но ес
смирившейся плоти в
ливый умъ? — мы кон
можетъ. — А сопровожда
можетъ ли она возврат
Безъ сомнѣнія нѣтъ. — Ч

познапій, имѣющихъ свойство надмевать его. Вотъ почему любомудріе признавалось необходимымъ даже въ пустыняхъ, пещерахъ и кельяхъ отшельниковъ! И вотъ характеръ философіи истинной! Она отличается отъ ложной не содержаниемъ, ибо предметы изслѣдованія въ той и другой одинаковы, но направленіемъ, по-скольку первая идетъ отъ заблужденій къ вѣрѣ, а послѣдняя — отъ вѣры къ заблужденіямъ; та сознасть свою слабость, а эта свою — силу и могущество; одну и Сократъ уже называлъ философіею, потому что она только искала мудрости, но не находила ее на землѣ, а другой тотъ же самый Сократъ иронически давалъ имя мудрости, потому что она присвояла себѣ совершенное знаніе истины.

Теперь понятно, почему сынъ Софрониска, защищаясь противъ давняго невыгоднаго для себя мнѣнія, отказывается отъ названія мудреца, и какую силу его оправданію сообщить указаніе на тѣ поиски мудрости, въ которыхъ онъ провелъ всю жизнь и которыми раздражилъ почти всѣ сословія общества. Мы воображаемъ Сократа, смѣло идущаго на встрѣчу своему вѣку, и хлопотливо старающагося остановить многочисленную и шумную толпу мудрецовъ всякаго рода, чтобы они одумались, замѣтили свое заблужденіе и поняли, что именемъ знанія у нихъ прикрито невѣжество, что истинная мудрость можетъ быть только цѣлю чело-

вѣческихъ стремленій, а не пріобретеніемъ, и что въ собственномъ смыслѣ она принадлежитъ одному Богу. Такимъ образомъ цѣль Аѳинскаго правоучителя была—обуздать кичливость ума, то-есть, отъ слѣпой вѣры въ свою мудрость возвратить его къ философскому изслѣдованію познаній, чтобы наконецъ онъ убѣдился въ слабости своихъ силъ и пробудить въ себѣ потребность высшей помощи, подѣ условіемъ которой, говоритъ Платонъ, только и возможна истинная добродѣтель. Таково было направленіе Сократовой философіи! Въ основаніи ея лежало убѣжденіе въ незнаніи, и по тому Сократъ ни какъ не смѣлъ усвоить себѣ мудрость. Но кто не знаетъ и сознаетъ свое незнаніе; тотъ естественно—на пути къ мудрости, которая, по чувству сына Софронискова, есть Богъ; следовательно Аѳиняне несправедливо навязываютъ ему невѣріе въ боговъ. При томъ, кто отъ убѣжденія въ собственномъ незнаніи идетъ къ мудрости и ищетъ ея; тотъ конечно мудрецами, которые и по тому уже невѣжды, что почитаютъ себя мудрецами. Этими умозаключеніемъ Сократъ оправдываетъ также и слова оракула.

Защитившись такимъ образомъ противъ общаго и давняго мнѣнія Аѳинянъ, обвиняемый приступаетъ къ разсмотрѣнію доноса, сдѣланнаго Мелитомъ и Анитомъ. Поелику же доносъ ихъ состоялъ изъ двухъ пунктовъ обви-

ненія, будто бы то-есть Сократъ развращаетъ юношей и не признаетъ боговъ, признаваемыхъ обществомъ, а вводитъ новыхъ геніевъ; то и оправданіе также раздѣляется на два пункта: въ первомъ доказывается, что Сократъ или во-все не развращалъ юношей, или развращалъ ихъ неумышленно, а потому подлежитъ не уголовному суду, а частному вразумленію (24 В—26 А); во второмъ утверждается, что въруя въ геніевъ, рожденныхъ богами, онъ не могъ не въровать и въ самыхъ боговъ (26 В. — 28 А.).

Излагая первое доказательство, Сократъ сначала искусно намекаетъ на различіе между законодательною, или теоретическою стороною хорошаго воспитанія дѣтей и практическою. На вопросъ сына Софронискова: кто дѣлаетъ юношей лучшими? Мелитъ указываетъ и на законы, и на судей, и на народъ. Сократъ прямо не опровергаетъ Мелита, но говоритъ, что счастливо было бы общество, если бы улучшателей находилось въ немъ такъ много, а развращалъ — одинъ я; да не такъ бываетъ. Всѣ мы прекрасно говоримъ о добродѣтели и нравственности; а когда надобно подать примѣръ и научить самымъ дѣломъ; то въ послѣднемъ случаѣ дѣти наши едва ли не больше находятъ поводовъ къ развращенію, чѣмъ къ улучшенію своего сердца. Кто улучшаетъ лошадей, спрашиваетъ Сократъ? всѣ ли, которые понимаютъ, какова должна быть хорошая лошадь? Нѣтъ

кратъ, что я въ самомъ дѣ-
могло ли это быть съ нами
сится воспитывать крокоди-
знать, что надобно будетъ
ществовъ? Нѣкоторые критъ
Ксенофонта (1) *τὸς δὲ τοιαῦτα*
(*κατήγορος*), *τὸς νέος κατὰ*
πολιτείας, καὶ ποιεῖν βιαίως, и
въ уста Мелита, и припох-
тона въ Политикъ (р. 296
какой несправедливости :
дѣйствовать вопреки пре-
новое дѣйствіе было бы
этотъ оборотъ Сократова
фистическою уверткою. /
приведенныя мѣста доля
не слишкомъ въ строгомъ
ти много доказательствъ,

Сократу: однакожь ни изъ чего не видно, чтобы въ школахъ этихъ философовъ воспитывалась партія, враждебная кореннымъ законамъ Аѳинской республики. Обращеніе Сократа съ Алкивіадомъ, котораго онъ будто бы надѣялся противопоставить современнымъ демагогамъ, и слова его (Gorg. 481. D) Калликлессу: «я люблю Алкивіада и философію, а ты любишь народъ и сына Перилампова» относятся только къ чувству правоучителя, скорбѣвшаго при взглядѣ на злоупотребленіе отечественныхъ законовъ подъ вліяніемъ народной тиранніи. И такъ, оправдываясь извѣстнымъ образомъ, Сократъ могъ оправдываться и не софистически: онъ могъ говорить по внутреннему убѣжденію, что ему гораздо пріятнѣе было бы жить съ такими гражданами, которые отличаются добродѣтелию, хотя формы добродѣтельной жизни ихъ, требуемыя Сократомъ, были и несогласны съ нѣкоторыми частными выраженіями тогдашней Аѳинской политики. Онъ чувствовалъ, что хорошее по его мнѣнію, было бы хорошо для всѣхъ; потому что его философія желала обществу всякаго добра, какое только могло быть въ гармоніи съ вѣчною истиною и нравственными цѣлями человечества.

Подобную софистическую уловку и неосновательность критика находить въ опроверженіи Сократа и противъ втораго пункта обвиненія. Говорять, что Мелитъ и Анитъ осуждаютъ

же свои веры съ верою ,
ничего. При томъ, обвин
разумѣють въ значеніи
наго, которое у Грековъ бы
и прилагалось къ различн
ческаго богопочтенія: на
принимаетъ его за прила
тъ *δαμονίῳ προϋματός* , или
основаній опять нисколько
даніе Сократа носить хар
Аѳиняне, сколько-нибудь
тымъ своимъ правоучите
вероятно слышали отъ не
номъ , которое въ затруд
будтобы внушало ему ,
чего нѣтъ. Вотъ и Эвтис
крата обвиняють въ введеніи
паніи древнихъ боговъ, т

жизнь частных лиц и управляютъ ихъ дѣйствіями (1), они естественно должны были прійти къ мысли, что это геніальное есть нечто предметное, существо высшаго рода, тѣмъ болѣе, что сынъ Софрониска въ нѣкоторыхъ случаяхъ замѣнялъ его словомъ *θεός*: напр: Alcib. 124. С. *θεός*, *ὅσπερ σοί με ἔκ εἶα* — *διαλεχθῆναι*, или у Ксенофонта (IV. 8. 5. §. 8) *ὁρθός δὲ οἱ θεοὶ τότε μοι ἐπαγγέλλοντο*. Но разумѣя *τὸ δαιμόνιον* въ смыслъ существа предметнаго, Аѳиняне однакожь были увѣрены, что внушенія геніевъ никогда не входятъ въ столь ясное сознаніе, въ какомъ онѣ представлялись Сократу, а потому могли думать, что Аѳинскій мудрецъ допускаетъ бытіе какихъ-то особенныхъ божествъ, по крайней мѣрѣ личные враги его рады были и этому поводу для обвиненія нравоучителя предъ судомъ и народомъ. И такъ выраженіе Мелитова доноса, по нашему мнѣнію, надобно понимать слѣдующимъ образомъ: Сократъ вѣруеть не въ такихъ геніевъ и боговъ, въ какихъ вѣруеть общество, а въ другихъ новыхъ (то-есть иначе дѣйствующихъ на челоуѣка). Если это объясненіе наше справедливо; то очевидно, что софизмъ скрывается не въ оправданіи Сократа, а въ доносѣ Мелита; ибо Мелитъ отъ вѣры въ

(1) *Hesiod. Opp. et dd. v. 120. sqq. Plat. Cratyl. 397. E. de Republ. p. 469. A.*

отъ теніевъ, следовательно
онъ вѣруеть и въ теніевъ;
объективно ни чѣмъ не с
отечественной. Но что зас
словомъ *дай-буйот* соединя
прилагательнаго, которое, и
понимали совершенно ни
влекло на него столько бѣ
вопросъ, мы могли бы сн
что высказали нѣкогда (со
24, 25); но не любя новто
ко, что новая идея необхо
ваго слова, хотя оно, на пе
непривычнаго и ума нех
кажется и диковатымъ. С
выразить не объективное (
а дѣйствіе его на человѣч
что божественное въ чело

признаковъ Сократова генія, разсѣянныхъ въ различныхъ разговорахъ Платона, можно составить о немъ и общее понятіе. Подъ словомъ τὸ δαιμόνιον, или δαιμόνιον τι, сынъ Софрониска разумѣлъ, кажется, божественную стихію человѣческой души, небесное сокровище нашего бытія, единственный источникъ всего истиннаго, добраго и прекраснаго въ области наукъ, искусствъ и жизни практической. На такое по крайней мѣрѣ значеніе Сократова генія указываютъ, между прочимъ, нѣкоторыя перифрастическія выраженія Платона, Ксенофонта и Аристотеля. Напримѣръ, ὥς ἤ τι — μαντικόν γέ τι καὶ ἡ ψυχὴ (*Plat. Phædr.* 242 C.); Ἀλλὰ μὴν καὶ ἀνθρώπου γε ψυχῇ, εἴπερ τι καὶ ἄλλο τῶν ἀνθρώπων, τὸ θεῶ μετέχει. (*Xenoph. mem. Socr.* IV. 3. § 14); Σωκράτης δ' ἤγατο πάντα μὲν θεὸς εἶδέναι καὶ σημαίνειν τοῖς ἀνθρώποις περὶ τῶν ἀνθρώπων πάντων (*Xenoph. mem. Socr.* I. 1. 19); οἷον, ὅτι τὸ δαιμόνιον ἰδέν ἐστιν, ἀλλ' ἡ θεὸς ἡ θεῶ ἔργον (*Arist. Rhetor.* II. 23. § 8.); et al. И могъ ли Сократъ эту идею, или лучше сказать, это убѣжденіе сердца выразить иначе, когда чувствовалъ во глубинѣ своего духа нѣчто божественное и въ тоже время ясно сознавалъ, что его божественное не есть Богъ? Правда, въ одномъ мѣстѣ Ксенофоновыхъ записокъ (I. 4 §. 19) τὸ δαιμόνιον замѣнено словомъ τὸ θᾶον, которое послѣ въ томъ же значеніи употреблялъ и мѣръ 2 ристіанскій; но извѣстно, что Греки, любившіе все осуществлять, вскорѣ и прилагатель-

юношества, Сократъ и
жизнь въ сферѣ болѣз
ностей гражданина (2
аполоніи изображаетъ
вѣтчикомъ, а поборни
и героемъ правды,
необходимость перест
сти, свойственной без
терпѣнію, и высказы
служенія для пользы
димъ здѣсь сына Соф
стоянія, съ которой в
на земной свой интер
условія политическихъ
связь гражданскихъ
судьбами небесными,
подвиговъ съ посмерт
тѣхъ стоянія опрѣдѣ

увѣрены; 2 понятіемъ Сократа о значеніи своей дѣятельности въ обществѣ, для котораго она есть благо едва ли замѣнимое; ибо сынъ Софрониска, по волѣ Божіей, въ республикѣ—тоже, что оводъ на конѣ, чтобы послѣдній не дремалъ и былъ поворотливѣе. Но почему Сократъ, для той же цѣли, не несъ обязанностей общественныхъ, а давалъ наставленія и совѣты въ качествѣ частнаго человѣка? — По тому, отвѣчаетъ онъ, что гражданинъ, рѣшившійся дѣлать угодное Богу, не станетъ потакать людямъ, когда они поступаютъ несправедливо; а не потакая людямъ, онъ погибнетъ на поприщѣ общественной службы, слѣдовательно не принесетъ отечеству никакой пользы. Очевидно, что Аѣинскій правоучитель мѣтитъ здѣсь на жестокости недавно изгнанныхъ изъ республики олигарховъ и на необузданное своеволие Аѣинскаго народа подъ покровительствомъ демократическихъ формъ правленія.

Въ заключеніе первой рѣчи (34. С. — 32. D.) Сократъ объясняетъ, для чего онъ, оправдываясь предъ судіями, дѣйствуетъ только на ихъ умъ—доказательствами, а не старается тронуть ихъ сердца слезами, изображеніемъ жалкаго состоянія остающагося семейства, воплями жены и дѣтей и другими драматическими средствами. Человѣку, дожившему до такихъ лѣтъ, и снискавшему такое имя, говоритъ онъ, неприлично позволять себѣ подобныя мѣры; да

вѣческихъ стремленій, а не пріобретеніемъ, и что въ собственномъ смыслѣ она принадлежитъ одному Богу. Такимъ образомъ цѣль Аѳинскаго правоучителя была—обуздать кичливость ума, то-есть, отъ слѣпой вѣры въ свою мудрость возвратить его къ философскому изслѣдованію познаній, чтобы наконецъ онъ убѣдился въ слабости своихъ силъ и пробудить въ себѣ потребность высшей помощи, подѣ условіемъ которой, говоритъ Платонъ, только и возможна истинная добродѣтель. Таково было направленіе Сократовой философіи! Въ основаніи ея лежало убѣжденіе въ незнаніи, и по тому Сократъ ни какъ не смѣлъ усвоить себѣ мудрость. Но кто не знаетъ и сознаетъ свое незнаніе; тотъ естественно—на пути къ мудрости, которая, по чувству сына Софронискова, есть Богъ; слѣдовательно Аѳиняне несправедливо навязываютъ ему невѣріе въ боговъ. При томъ, кто отъ убѣжденія въ собственномъ незнаніи идетъ къ мудрости и ищетъ ея; тотъ конечно мудрецами, мудрецовъ, которые и по тому уже невѣжды, что почитаютъ себя мудрецами. Этимъ умозаключеніемъ Сократъ оправдываетъ также и слова оракула.

Защитившись такимъ образомъ противъ общаго и давняго мнѣнія Аѳинянъ, обвиняемый приступаетъ къ разсмотрѣнію доноса, сдѣланнаго Мелитомъ и Анитомъ. Поелику же доносъ ихъ состоялъ изъ двухъ пунктовъ обви-

ненія, будто бы то-есть Сократъ развращаетъ юношей и не признаетъ боговъ, признаваемыхъ обществомъ, а вводитъ новыхъ геніевъ; то и оправданіе также раздѣляется на два пункта: въ первомъ доказывается, что Сократъ или во-все не развращалъ юношей, или развращалъ ихъ неумышленно, а потому подлежитъ не уголовному суду, а частному вразумленію (24 В—26 А); во второмъ утверждается, что вѣруя въ геніевъ, рожденныхъ богами, онъ не могъ не вѣровать и въ самыхъ боговъ (26 В. — 28 А.).

Излагая первое доказательство, Сократъ сначала искусно намекаетъ на различіе между законодательною, или теоретическою стороною хорошаго воспитанія дѣтей и практическою. На вопросъ сына Софронискова: кто дѣлаетъ юношей лучшими? Мелитъ указываетъ и на законы, и на судей, и на народъ. Сократъ прямо не опровергаетъ Мелита, но говоритъ, что счастливо было бы общество, если бы улучшателей находилось въ немъ такъ много, а развращалъ — одинъ я; да не такъ бываетъ. Всѣ мы прекрасно говоримъ о добродѣтели и нравственности; а когда надобно подать примѣръ и научить самымъ дѣломъ; то въ послѣднемъ случаѣ дѣти наши едва ли не больше находятъ поводовъ къ развращенію, чѣмъ къ улучшенію своего сердца. Кто улучшаетъ лошадей, спрашиваетъ Сократъ? всѣ ли, которые понимаютъ, какова должна быть хорошая лошадь? Нѣтъ

кратъ, что я въ самомъ
могло ли это быть съ на
сится воспитывать кроко
знать, что надобно буд
ществъ? Нѣкоторые кри
Ксенофонта (1) *Τὴς δὲ τοι*
(*κατηγορος*), *τὴς νέης κατ*
πολιτείας, καὶ ποικίλ βίαις,
въ уста Мелита, и при
тона въ Политикъ (р. 2!
какой несправедливости
дѣйствовать вопреки пр
новое дѣйствіе было бы
этотъ оборотъ Сократова
фистическою уверткою.
приведенныя мѣста дол
не слишкомъ въ строгом
ти много доказательствъ

Мерикла: однакожь ни изъ чего не видно, чтобы въ школахъ этихъ философовъ воспитывалась партія, враждебная кореннымъ законамъ Аѳинской республики. Обращеніе Сократа съ Алкивіадомъ, котораго онъ будто бы надѣялся противупоставить современнымъ демагогамъ, и слова его (Gorg. 481. D) Калликлессу: «я люблю Алкивіада и философію, а ты любишь народъ и сына Перилампова» относятся только къ чувству правоучителя, скорбѣвшаго при взглядѣ на злоупотребленіе отечественныхъ законовъ подъ вліяніемъ народной тиранніи. И такъ, оправдываясь извѣстнымъ образомъ, Сократъ могъ оправдываться и не софистически: онъ могъ говорить по внутреннему убѣжденію, что ему гораздо пріятнѣе было бы жить съ такими гражданами, которые отличаются добродѣтелию, хотя формы добродѣтельной жизни ихъ, требуемыя Сократомъ, были и несогласны съ нѣкоторыми частными выраженіями тогдашней Аѳинской политики. Онъ чувствовалъ, что хорошее по его мнѣнію, было бы хорошо для всѣхъ; потому что его философія желала обществу всякаго добра, какое только могло быть въ гармоніи съ вѣчною истиною и нравственными цѣлями человечества.

Подобную софистическую уловку и неосновательность критика находятъ въ опроверженіи Сократа и противъ втораго пункта обвиненія. Говорятъ, что Мелитъ и Анитъ осуждаютъ

же свои вѣры съ вѣрою
ничего. При томъ, об
разумѣють въ значені
наго, которое у Грековъ
и прилагалось къ разли
ческаго богопочтенія:
принимаетъ его за при
тъ *δαίμονις προῦματος*, и
основаній опять нискол
даніе Сократа носить и
Аѳиняне, сколько-нибуд
тымъ своимъ правоучи
вѣрѣ слышали отъ
номъ, которое въ затруд
будтобы внушало ему,
чего нѣтъ. Вотъ и Эвти
крата обвиняють въ вве
даніи древнихъ боговъ.

жизнь частных лиц и управляютъ ихъ дѣйствіями (1), они естественно должны были прійти къ мысли, что это геніальное есть нѣчто предметное, существо высшаго рода, тѣмъ болѣе, что сынъ Софрониска въ нѣкоторыхъ случаяхъ замѣнялъ его словомъ *θεός*, напр: Alcib. 124. С. *θεός*, *δσπερ σοί με εἰκ εἶα* — *διαλεχθῆναι*, или у Ксенофонта (IV. 8. 5. §. 8) *δρδθς δε οἱ θεοὶ τότε μοι ἐπαγγέλλοντο*. Но разумѣя τὸ δαιμόνιον въ смыслъ существа предметнаго, Аѳиняне однакожь были увѣрены, что внушенія геніевъ никогда не входятъ въ столь ясное сознаніе, въ какомъ онѣ представлялись Сократу, а потому могли думать, что Аѳинскій мудрецъ допускаетъ бытіе какихъ-то особенныхъ божествъ, по крайней мѣрѣ личные враги его рады были и этому поводу для обвиненія нравоучителя предъ судомъ и народомъ. И такъ выраженіе Мелитова доноса, по нашему мнѣнію, надобно понимать слѣдующимъ образомъ: Сократъ вѣруеть не въ такихъ геніевъ и боговъ, въ какихъ вѣруеть общество, а въ другихъ новыхъ (то-есть иначе дѣйствующихъ на челоѡвка). Если это объясненіе наше справедливо; то очевидно, что софизмъ скрывается не въ оправданіи Сократа, а въ доносѣ Мелита; ибо Мелитъ отъ вѣры въ

(1) *Hesiod. Opp. et dd. v. 120. sqq. Plat. Cratyl. 397. E. de Republ. p. 469. A.*

юношества, Сократъ ,
жизнь въ сферѣ болѣ-
ностей гражданина (2
апологи изображаетъ
вѣтчиномъ , а поборни
и героемъ правды ,
необходимость перест
сти, свойственной без
терпѣннѣю , и высказы
служенія для пользы
дитъ здѣсь сына Соф
стоянія, съ которой в
на земной свой интер
условія политическаго
связь гражданскихъ
судьбами небесными,
подвиговъ съ посмерт
точка стоянія опредѣлы

увѣрены; 2 понятіемъ Сократа о значеніи своей дѣятельности въ обществѣ, для котораго она есть благо едва ли замѣнимое; ибо сынъ Софрониска, по волѣ Божіей, въ республикѣ—тоже, что оводъ на конѣ, чтобы послѣдній не дремалъ и былъ поворотливѣе. Но почему Сократъ, для той же цѣли, не несъ обязанностей общественныхъ, а давалъ наставленія и совѣты въ качествѣ частнаго человѣка? — По тому, отвѣчаетъ онъ, что гражданинъ, рѣшившійся дѣлать угодное Богу, не станетъ потакать людямъ, когда они поступаютъ несправедливо; а не потакая людямъ, онъ погибнетъ на поприщѣ общественной службы, слѣдовательно не принесетъ отечеству никакой пользы. Очевидно, что Аѣинскій правоучитель мѣтитъ здѣсь на жестокости недавно изгнанныхъ изъ республики олигарховъ и на необузданное своеволие Аѣинскаго народа подъ покровительствомъ демократическихъ формъ правленія.

Въ заключеніе первой рѣчи (34. С. — 32. D.) Сократъ объясняетъ, для чего онъ, оправдываясь предъ судіями, дѣйствуетъ только на ихъ умъ—доказательствами, а не старается тронуть ихъ сердца слезами, изображеніемъ жалкаго состоянія остающагося семейства, воплями жены и дѣтей и другими драматическими средствами. Человѣку, дожившему до такихъ лѣтъ, и снискавшему такое имя, говоритъ онъ, неприлично позволять себѣ подобныя мѣры; да

нихъ, или освободить подд
его виновнымъ. Если он
виновнымъ; то надлежал
вина его подходить къ
казанію, опредѣляемое сам
штрафъ за нее долженъ бы
ніями судей. Въ первомъ
лась *ἀτίμητος*, во второмъ
та представляли свою вину
бы она была *ἀτίμητος* и
звался *γρᾶφῃ* и заключа
воромъ. Но судіи, высл
Софронискова, отнесли е
видно, къ роду тѣхъ, да
опредѣленной казни; а в
ному позволялось напер
себя (*ἀντιτιμᾶσθαι*) къ так
его сознанію, былъ бы с

такому ходу судопроизводства, не только вся апологія Сократа, какъ выше сказано, дѣлится на двѣ рѣчи, но и послѣдняя рѣчь подраздѣляется опять на двѣ части, изъ которыхъ въ первой (35. E. — 38. B.) Сократъ назначаетъ себѣ приличное воздаяніе за свою жизнь и дѣятельность, а во второй (38. C. — 41. D.) высказываетъ Аѳинянамъ предсмертныя свои мысли объ ихъ приговорѣ и чувствованіяхъ въ отношеніи къ своимъ врагамъ и доброжелателямъ.

Первая часть начинается удивленіемъ Сократа, что большинство голосовъ, признавшихъ его виновнымъ, оказалось такъ не велико. Но если Мелитъ и Анитъ еще прежде, подтверждая свои доносы рѣчами, требовали его смерти; то къ чему теперь долженъ присудить себя самъ онъ? Основываясь на важности своихъ заслугъ, объясненныхъ въ прежней рѣчи, сынъ Софрониска могъ бы присудить себя къ содержанію на счетъ общества, или къ почетному столу въ Пританіонѣ (1). Но такъ какъ дѣло

(1) Это мнѣніе, послѣ того, какъ онъ объявленъ былъ виновнымъ, не есть ли шутка, надъ судебнымъ опредѣленіемъ? Нѣтъ, контекстъ Сократовой рѣчи указываетъ, по видимому, на иную цѣль сказанныхъ словъ. Можно догадываться, что во времена Платона Пританіонъ питалъ не столько знаменитыхъ старцевъ, которые всю свою жизнь провели въ непрестанныхъ трудахъ для существенныхъ пользъ отечества, которыхъ доблести были опорой его славы, могущества,

шествомъ и софистами
Здѣсь нѣтъ ни обык-
скромнаго мнѣнія о
здѣсь всякій видитъ с-
цемъ серьезнымъ, стр-
будто стоящимъ выше
смылю опирается на а-
самоувѣренностию опр-
служенія отечеству, и
невѣжество тогдашних
по высказываетъ неп-
гражданъ за все, что (
зу республики. Такой
конечно можетъ при-
подлинности апологиз-
тону. Но должно взять
тельствва, въ которыхъ
защищать свое дѣло. Н

прозв.:
26.11.14.
с. 875
2. ~~Том~~

ступленіи; теперь было не столько не до про-
ніи, которая въ подобныхъ случаяхъ не при-
нимается и отъ шутовъ, но и не до скромнаго
мнѣнія о самомъ себѣ, потому что оно ввело
бы въ обманъ судей и безпристрастныхъ, за-
ставляя ихъ наказывать челоѣка, можетъ быть
стоющаго награды. Во-вторыхъ, судейская ка-
еэдра для Сократа въ самомъ дѣлѣ долженство-
вала быть мѣстомъ разоблаченія его предъ свѣ-
томъ; потому что служила ему переходомъ изъ
настоящей жизни въ будущую. Сократъ, да
и самые друзья сына Софронискова, сколько
видно изъ мыслей ихъ въ Критонъ и Федонъ,
не совсѣмъ вѣрно понимали важность и цѣль
его дѣятельности. По сему въ апології онъ
какъ бы разрѣшаетъ загадку о самомъ себѣ и
показываетъ слушателямъ, что значили фило-
софскія его усилія и каковы предсмертныя его
надежды. Послѣ сего неудивительно, что когда
Лизіасъ, знаменитый Аѣинскій ораторъ, за нѣ-
сколько дней до того времени, въ которое Со-
крату надлежало защищать себя въ судѣ, при-
несъ ему собственную рѣчь и совѣтовалъ вос-
пользоваться ею; то Сократъ прочиталъ ее и
призналъ для себя унижительною (1). То-есть

(1) *Cicer. de Orat.* 1. 54. *Quintil.^{us} inst. Orat.* II. 15, 30. nam et Socrates inhonestam sibi credidit orationem, quam ei Lysias reo composuerat. Сравни. *Diog. L.* II. 40. *Menag.* p. 95.

жало ожидать отъ м
старца , говорившаго
предъловъ настоящей
ныя основанія подл
сочиненія кажутся и

Нельзя равнымъ
что апологию Сокр
обыкновенію , должен
жянно въ формѣ раз
непрерывное слово и
сто и въ другихъ ес
въ Федръ вводится и
потомъ другую такую
въ Менекоенъ сынъ

(2) Xenoph. apol. §. 1.
ἄλλοι . καὶ πάντες ἐν

негирикъ умершимъ за отечество воинамъ. Конечно, тамъ ораторская и разговорная формы часто смѣняются: но и здѣсь легко замѣтить стремленіе Сократа обращаться къ любимому своему діалогизму. Посмотрите, какъ ему хочется заставить Мелита бесѣдовать съ собою и какъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, онъ воображаетъ себѣ собесѣдниковъ, не имѣя ихъ предъ глазами. Притомъ надобно замѣтить, что апологія есть сочиненіе не только философское, но и принаровленное къ случаю; слѣдовательно случаемъ должна была, хотя отчасти, опредѣляться и его форма.

Астъ утверждаетъ еще, что Платонъ и вовсе не могъ писать апологію, не противорѣча самому себѣ въ Горгіасъ (р. 521. sqq.), гдѣ онъ разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ: оправданіе для виновнаго вредно, ибо заставляетъ думать, что недаромъ же стараются оправдывать его; а для невиннаго излишне, потому что невинный оправдывается самою истиною. Но почтенный критикъ не замѣтилъ, какимъ образомъ эта же мысль поддерживается и объясняется въ апологіи. Сократъ говоритъ (р. 35. В. С.): «мнѣ кажется несправедливо — какъ просить судію, такъ чрезъ прозбу избѣгать приговора: для сего требуются объясненія и доказательства. Въдѣ судія сидитъ не для того, чтобы дарить правду, а для того, чтобы изслѣдывать ее; онъ и клялся не дарить ее, кому вздумается, но су-

предписаніи закона, а
логія Сократа.

Впрочемъ наводити
ность рассматриваемаго
возможно, — не только п
щается знаменитыми в
временъ, напримѣръ Ти
Зохеромъ (3), Шлейерм
момъ (5) и другими, кот
ни въ языкъ его не нах
лицу Сократа и господ
Платоновыхъ твореній,
нее стоитъ почти вся у
многія мѣста сей аполог

(1) *Annal. Liter. Vindobon.*

(2) *In scriptione scholastica*

(3) *De vita et scriptis Plato*

номъ, Діонисіемъ Галикарнаскимъ, Плутархомъ, Аристидомъ, Атенеємъ, Стобеемъ и проч. (1) и постоянно приписываются ими Платону; да и Аристотель въ своемъ Rhetor. III. 18. указываетъ очевидно на это самое сочиненіе. Сравни. р. 27. В. С.

Но когда Платонъ написалъ апологію Сократа: прежде ли того времени, въ которое учитель его защищалъ себя противъ доносовъ Мелита и Анита, или послѣ? Припомнивъ свидѣтельство Діогена Лаерція, что Платону хотѣлось публично доказать невинность сына Софронискова, но что судіи запретили ему, (см. соч. Плат. Ч. I стр. 6), можно прійти къ вопросу: не это ли самое сочиненіе предполагалъ онъ произнести съ судейской кафедры? — Не имѣя достаточной причины подвергать сомнѣнію вѣрность Діогенова показанія, мы однакожь отнюдь не думаемъ, что преднаписанная Платономъ защитительная рѣчь была нечто иное, какъ дошедшая до насъ подъ его именемъ апологія Сократа; ибо въ послѣдней изображается самый ходъ судопроизводства и указывается на окончательный приговоръ судей, по которому обвиненный долженъ былъ умереть; а этого не могъ предварительно знать не только Платонъ, но и Сократъ. И такъ рассматриваемое сочиненіе написано, или по

(1) Въ такія мѣста указываются Фишеромъ (ad Apol. Socr. р. 66).

ляющимися мнѣ сло
стану говорить справе
ожидайте отъ меня. Д
было бы мнѣ, гражда
въ такихъ лѣтахъ, на
ботливостію юноши (з
и молю (5) васъ, Аени
D. не удивлялись и не из
буду защищать себя
кимъ въ слухъ многи
на площади — при ст
въ другихъ мѣстахъ.
болѣе семидесяти лѣтъ
первый разъ явился в
не знакомъ съ здѣшн
тельно, какъ тогда, ког
дѣлѣ чужеземецъ, вы
рять на томъ нарѣчѣ

ибо добродѣтель суди — видѣть, а ритор — говорить истину!

Но защищая себя, Аѳиняне, я считаю справедливымъ говорить сперва противъ прежнихъ, ложно сдѣланныхъ на меня доносовъ, и прежнихъ доносителей, а потомъ противъ послѣднихъ; потому что многіе и уже давно за нѣсколько лѣтъ обвиняли меня предъ вами, но никто не говорилъ правды. Прежнихъ обвинителей я боюсь болѣе, чѣмъ Анита съ его сообщниками (8). Страшны, конечно и эти, — но тѣ страшнѣе (9); ибо многихъ изъ васъ они предубѣдили еще во время вашего дѣтства и обвиняли меня вовсе несправедливо: есть-де нѣкто Сократъ, *человѣкъ мудрый, который умствуетъ о небесномъ, испытываетъ все подземное и причины низшія превращаетъ въ высшія* (10). Распространители такой молвы суть *дѣйствительно страшные мои обвинители; ибо слушающіе ихъ думаютъ, что изслѣдователи подобныхъ вещей и въ боговъ не вѣрятъ. При томъ этихъ обвинителей было много, и они обвиняли меня съ давняго времени: они говорили вамъ еще въ такомъ возрастѣ вашей жизни, въ которомъ вы, бывъ мальчиками, а нѣкоторые — и младшицами, могли бы легче вѣрить; они навѣтовали вовсе заочно (11), — оправдываться было некому. И что всего страннѣе: я даже не могу знать и сказать имена ихъ, кромѣ имени одного комика. Всѣ тѣ, которые воору-*

достою благодарности.
дрецъ изъ Пароса, по
вѣстно, въ Аоннахъ.
съ Калліасомъ, сыно
одинъ раздалъ денегъ
всѣ прочіе, я спрос
сына:— Калліасъ! если
жеребьями, или тел
найти и панять для
былъ бы въ состояніи

В. ния совершенства, бу
ховъ, или изъ земли
люди: какого же насти
нихъ? Кто знатокъ та
человѣческой и полити
вѣроятно размыслилъ
кто, или нѣтъ, спроси
отвѣчалъ онъ. — Кто

Но можетъ быть кто изъ васъ спросить: Сократъ! въ чемъ же состоитъ твое занятіе? откуда на тебя эти клеветы? Въдь если бы ты не дѣлалъ ничего особеннаго предъ прочими, о тебѣ вѣроятно не было бы такихъ рѣчей и толковъ; — да, если бы не дѣлалъ иного, чѣмъ многіе. Скажи же, что это такое, чтобы намъ не заключить о тебѣ опрометчиво. Кто спросилъ бы такъ, тотъ спросилъ бы кстати, — и я постараюсь показать вамъ, что сдѣлало мнѣ имя и навлекло на меня клевету. Слушайте. Можетъ быть инымъ изъ васъ слова мои покажутся шуткою: но знайте, что они будутъ настоящая истина. Я пріобрѣлъ это имя, Аѣиняне, не чѣмъ другимъ, какъ нѣкоторою мудростію, а какою мудростію? — вѣроятно человѣческою; ибо я, должно быть, въ самомъ дѣлѣ мудрецъ — по человѣчески; а тѣ, о которыхъ сей-часъ говорилъ, скорѣе мудрецы въ какой-нибудь мудрости выше-человѣческой; иначе, не знаю, что и сказать о ней; потому что не разумѣю ея, и кто приписываетъ ее мнѣ, тотъ лжетъ и говорить съ цѣлію оклеветать меня. Но не шумите, прошу васъ, Аѣиняне, и не думайте, будто я объявляю вамъ что-нибудь удивительное. То, что скажу, будетъ не мое слово; нѣтъ, сошлюсь на лице, пользующееся вашею довѣренностію; представлю вамъ свидѣлемъ своей мудрости, если какая есть у меня, Дельфійскаго бога. Вы вѣдь знаете Херефона (31): онъ

оказался неопровержн
я ходилъ къ поэтамъ

- В. оправдическимъ, и д
что здѣсь-то уже явн
чѣмъ они: бралъ въ
которыя, по видимос
ими; спрашивалъ,
вмѣстѣ научиться у н
стыдно, граждане, об
добно. Могу сказать, ч
вашиѣ при нашихъ р
суждали о содержаніи
тѣми самыми сочинен
узналъ, что и поэты
С. внушенію не мудрости
наго дара, приходя въ
цатели и предсказывати

находя въ себѣ такое же преимущество предъ ними, какое и предъ политиками. ~~Наконецъ~~ я пошелъ къ художникамъ — съ тою увѣренностію, что у меня, просто сказать, нѣтъ никакого знанія, а у нихъ, какъ мнѣ извѣстно было, найду много хорошихъ. Въ этомъ и не обманулся: они дѣйствительно знали то, чего я не зналъ, и въ семъ отношеніи были мудрее меня. Но и въ отличныхъ мастерахъ, Аѳиняне, оказалась та же погрѣшность, какая въ поэтахъ: каждый изъ нихъ, ради того, что онъ хорошо владѣеть своимъ искусствомъ, почиталъ себя человекомъ мудрейшимъ и въ другихъ дѣлахъ самой великой важности; а такую глупостію помрачалась ихъ мудрость. По сему я спросилъ себя именемъ оракула, что мнѣ избрать: оста- ваться ли такимъ, каковъ теперь, не желая быть ни мудрымъ ихъ мудростію, ни невѣж- дою ихъ невѣжествомъ, или пріобрѣсть ту и другую принадлежность ихъ? — и отвѣчалъ са- мому себѣ и оракулу, что для меня полезнѣе оставаться такимъ, каковъ я теперь. Изъ этихъ то изслѣдованій, Аѳиняне, проистекла нена- висть противъ меня, — ненависть жестокая и сильная, бывшая причиною многихъ навѣтовъ и того, что мнѣ даютъ имя мудреца; ибо присутствующие всякій разъ думаютъ, что въ чемъ я обличаю другихъ, въ томъ мудрецъ самъ. А на дѣлѣ, должно быть, Аѳиняне, мудръ-то Богъ (25), и сего изреченіемъ выражается, что

Сократу, сознается, что
чего не стоитъ въ отно
кимъ образомъ, и нынѣ
испытываю дѣло Божіе,
кого-нибудь изъ Аѳин
цовъ, и если не найдет
помощь Богу (27), что м
Занимаясь этимъ дѣломъ
для исполненія значите
въ обществѣ и въ домѣ, и
терплю величайшую бѣ
юпоши, принадлежащія
ствамъ, и слушающіе м
свободное время, охотно
испытываю людей, и час
равняются испытывать д
они, даю, встрѣчаютъ
которые, приписывая с

10 С.

незнанія, повторяютъ то, что обыкновенно толкуется противъ всѣхъ философовъ: онъ изслѣдываетъ предметы небесные и подземные, не признаетъ боговъ и причины низшія превращаетъ въ высшія. Сказать правду—имъ, думаю, не хочется; тогда открылось бы, что они приписываютъ себѣ знаніе, ничего не зная. Поелику же такіе люди, какъ видно, честолюбивы, горячи и многочисленны, поелику они говорятъ о мнѣ дружно и убѣдительно; то своими клеветами давно и сильно накричали вамъ уши. Изъ ихъ-то числа явились съ доносами на меня — и Мелитъ, и Анитъ, и Ликонъ,—Мелитъ раздосадованный за поэтовъ (29), Анитъ—за художниковъ и политиковъ (30), а Ликонъ—за риторовъ (31). По сему удивительно было бы, какъ сказано вначалѣ, если бы я успѣлъ въ столь короткое время изгладить въ васъ эту клевету, проявившуюся во многихъ видахъ. Вотъ вамъ истина, Афиняне! Я говорю ее, несколько не скрывая и не поддѣлывая, хотя почти знаю, что она навлекаетъ на меня ненависть. Но здѣсь — то и признакъ, что слова мои справедливы, что въ этомъ именно состоитъ клевета на меня и что эти именно ея причины. Будете разсматривать мое дѣло теперь или послѣ,—откроется одно и то же.

И такъ въ томъ, въ чемъ обвиняли меня первые мои обвинители, да будетъ достаточнымъ для васъ высказанное мною оправда-

кова: Сократъ посту
вращаетъ юношей и

С. знаваемыхъ общество
нiевъ. Вотъ въ чемъ
смотримъ каждый изъ

Во-первыхъ сказ
конно, развращая ю
няне, — такъ незакон
тому что шутить се
мысленно призывает
вая видъ, будто ревну
дымахъ, изъ которыхъ
не заботился. А что э
доказать вамъ.

Сокр. Пожалуй-т
D. мнѣ: не выше ли во
чтобы юноши были

имъ человека, дѣлающаго юношей лучшими. Видишь ли, Мелитъ? пришлось молчать, нѣтъ отвѣта! А не стыдно ли тебѣ и не достаточно ли этимъ подтверждаются слова мои, что у тебя подобной заботы не бывало? Скажи же, добрый человекъ, кто дѣлаетъ ихъ превосходнѣйшими.

Мел. Законы.

Сокр. Но не о томъ вопросъ, почтеннѣйшій: кто первый знаетъ самыя-то законы?

Мел. Эти судіи, Сократъ.

Сокр. Что ты говоришь, Мелитъ? эти судіи могутъ учить юношей и дѣлать ихъ лучшими?

Мел. Безъ сомнѣнія.

Сокр. Всѣ? или одни могутъ, а другіе нѣтъ?

Мел. Всѣ.

Сокр. Прекрасно сказано, клянусь Ирою. Да и какъ много людей обязательныхъ! Ну, а эти слушатели—что? — дѣлаютъ ихъ лучшими или нѣтъ?

Мел. И эти дѣлаютъ.

Сокр. А совѣтники (34)?

Мел. И совѣтники.

Сокр. Но ужь не развращаютъ ли юношей въ собраніяхъ посѣтители собраній? Или и они дѣлаютъ ихъ лучшими?

Мел. И они.

Впрочемъ скажи-ка
образомъ, по твоему мнѣ-
шей? Не правда ли, что, не
я учу признавать не тѣхъ
нимаетъ общество, а нов

Мел. Конечно,—и я
даю это.

Сокр. Заклинаю же
гами, Мелить, о которыхъ
выскажи это еще яснѣе—
С. ющимъ здѣсь мужамъ. Д
понятно: то ли ты гово
знавать какихъ-то богов
скаю ихъ, а по тому не
въ этомъ отношеніи не
только допускаю не тѣ
общество, а иныхъ, и э
вину, что иныхъ? или

солнца, ни луны, чѣмъ почитаютъ ихъ нѣкоторые люди (37)?

Мел. Нѣтъ, клянусь Зевсомъ, судін; солнце онъ называетъ камнемъ, а луну землею.

Сокр. Ты, кажется, обвиняешь Анаксагора (38), любезный Мелитъ. Думать, будто судін такъ мало знакомы съ книгами, будто они не знаютъ, что подобными мнѣніями преисполнены сочиненія Анаксагора Клазоменскаго, значить унижать ихъ. Видно же юноши учатся у меня тому, что иногда могутъ, много какъ Е. за драхму, купить со сцѣны (39), дабы посмѣяться надъ Сократомъ, когда эти и другія нечестности онъ вздумалъ бы выдавать за свое. Такъ вотъ что, ради Зевса, называется у тебя—не признавать ни одного бога?

Мел. Да, клянусь Зевсомъ, точно ни одного.

Сокр. Ты ужь не вѣришь, Мелитъ, кажется, и самому себѣ. Да, Афиняне, онъ по видимому, — человекъ вздорчивый и буйный; онъ сдѣлалъ на меня этотъ доносъ просто по вздорчивости, буйству и молодости. У него какъ будто была проба сложить загадку: узнать ли то-есть Сократъ, такой мудрецъ, что я прикрываюсь шуткою и противорѣчу самому себѣ, или мнѣ удастся обмануть и его и прочихъ слушателей? А онъ въ своемъ доносѣ дѣйствительно противорѣчитъ самому себѣ, какъ бы такъ говоря: Сократъ поступаетъ без-

являться въ привычѣ

Есть ли кто-нибѣ
человѣческія дѣла при
знавалъ? Пусть онъ с
шумить безъ толку. Д
рый бы, лошадей не
сящіяся къ лошадямъ,
флейщиковъ не призи
ныя имъ признавалъ
пій изъ мужей, от
скажу тебѣ и другимъ
что такихъ людей нѣ
дующій вопросъ: ест
С. бы гениальныя дѣла
признавалъ?

Мел. Нѣтъ.

Сокр. Какъ ты о

конечъ по побужденію

ная необходимость велить мнѣ уже признавать и геніевъ. Не такъ ли?—бѣзъ сомнѣнія такъ. Не слыша твоего отвѣта, я полагаю, что ты согласенъ. А геніевъ не почитаемъ ли мы то богами, то дѣтьми боговъ? Подтверждаешь, или нѣтъ?

Мел. Конечно.

Сокр. И такъ, если я вѣрую въ геніевъ; а геніи, по твоему сознанію, суть нѣкоторыя божества; то вотъ мои слова и справедливы, что ты предложилъ намъ загадку и прикрывался шуткою, когда утверждалъ, будто я не вѣрую въ боговъ и снова—что я вѣрую въ нихъ, поколику вѣрую въ геніевъ. Но далѣе, если геніи суть побочные дѣти боговъ, рожденные ими или отъ нимфъ, или, какъ говорятъ, отъ другихъ женщинъ; то какой человѣкъ, вѣруя въ божіихъ дѣтей, не вѣруетъ въ боговъ? Это было бы столь же нелѣпо, какъ если бы кто, допускающая бытіе лошадиныхъ жеребятъ и ослиныхъ муловъ, не допускалъ бытія лошадей и ословъ. Не можетъ статься, Мелитъ, чтобы ты сдѣлалъ такой доносъ, или не для испытанія насъ, или не по незнанію, какую дѣйствительную вину взнести на меня. А убѣдить кого-нибудь, кто имѣетъ хоть мало разсудка, что одному и тому же человѣку свойственно, вѣра въ геніальное и божественное, не вѣрить ни въ геніевъ, ни въ боговъ, ни въ героев,—никакимъ образомъ не возможно.

смерти есть не что и
домъ, не будучи имъ
знать то, чего не зна
знаетъ,—никто не зна
ли она для человѣка
благъ; и однакожь лю
знаютъ, что она ест
В. золь. Какъ же не самъ
—думать, будто знаешь
противъ я, граждане
можеть быть тѣмъ
людей, и по тому на
мудрѣ нѣкоторыхъ, ч
преисподней, такъ и
что поступать беззак
лучшему, человѣку т
худое и постыдное, —

когда призвали, надобно лишиться жизни, поколику онъ доказываетъ вамъ, что если я избѣгну смерти, то ваши сыновья, следуя ученію Сократа, всѣ и'вездѣ развратятся, — положимъ, что на это вы сказали бы мнѣ: Сократъ! теперь мы не послушаемся Анига и отпустимъ тебя, однакожь съ тѣмъ условіемъ, что бы ты уже не занимался подобнымъ изслѣдованіемъ и любомудріемъ; а когда снова будешь обличенъ въ томъ же дѣлѣ, то умрешь. Положимъ, говорю, что вы отпускали бы меня на этомъ условіи: въ семъ случаѣ вотъ каковъ D. былъ бы отвѣтъ мой: Аѳиняне! я преданъ вамъ чувствами дружбы и любви: но на мою вѣру имѣетъ большее право Богъ, нежели вы. А потому, пока дышу и могу, не перестану философствовать и предлагать каждому встрѣчному убѣжденія и доказательства въ обычныхъ мнѣ выраженіяхъ: почтеннѣйшій мужъ! будучи гражданиномъ Аѳинъ, общества великаго и славнаго по своей мудрости и силѣ духа, ты не стыдишься хлопотать о славѣ, чести и деньгахъ, чтобы собрать ихъ сколько можно болѣе; а о благоразуміи, объ истинѣ, о душѣ, E. чтобы возвысить ее сколько можно болѣе, не хлопочешь и не заботишься. Если же кто-нибудь изъ васъ усомнится и скажетъ, что онъ заботится объ этомъ; то я не тотчасъ отпущу его и не вдругъ отстану, но буду спрашивать, испытывать, вывѣдывать, и когда окажется,

чтобы одаривать живых.

Богъ, заботясь о вост
кого -нибудь еще. А
Богъ далъ меня обществу

- В. дующаго: Не на челове
мнѣнія походить, что
своемъ и столько уже
манія неустройства дома
занимаюсь вашими дѣла
порознь, какъ будто отс
и убѣждая слѣдовать доб
причина поступать так
черезъ это я снискивал
наставленія бралъ плат
видите, что мои обви
стыдны ихъ извѣты
другому, не могли одна
С. пеня безстыдства, что

и беру на-себя многое, а публично не осмѣли-
 ваюсь войти въ ваше собраніе и совѣтовать
 обществу. Причину этого вы уже слышали
 отъ меня много разъ: я часто говаривалъ, что
 во мнѣ бываетъ нѣчто божественное и геніаль- D.
 ное, надъ чѣмъ Мелитъ смѣялся и въ доносъ.
 Между тѣмъ во мнѣ съ самаго дѣтства про-
 является какой-то голосъ, который, въ минуту
 проявленія, всегда отклоняетъ меня отъ того,
 что я думалъ сдѣлать, а побуждать — никогда
 не побуждаетъ (43). Онъ-то возбранялъ мнѣ
 заниматься политическими дѣлами и, кажется,
 поступалъ прекрасно; ибо знайте, Аѳиняне, что
 если бы я задолго рѣшился вступить въ отпра-
 вленіе общественныхъ должностей, то давно бы
 уже погибъ и не принесъ бы никакой пользы
 ни вамъ ни себѣ. Не гнѣвайтесь на меня за E.
 истину: нѣтъ человѣка, который спасся бы,
 противясь сознательно—вамъ ли то, или како-
 му-нибудь другому народному собранію, и по-
 ставляя преграды несправедливости и престу-
 пленіямъ въ обществѣ. Ему необходимо сра- 31.
 жаться за правду, и если онъ хочетъ спастись
 на нѣсколько времени, то долженъ вести жизнь
 частную, а не общественную. Представляю вамъ 20
 на это доказательства сильныя — не словами, а
 тѣмъ, что вы уважаете—дѣлами. Выслушайте-
 ка, что бывало со мною, и узнаете, что изъ
 страха смерти я никому не могу потакать ко
 вреду справедливости, а не потакая, въ тоже

судить вдругъ всѣхъ
за то, что они съ м
везли убитыхъ. Такой
вамъ показалось, бе
нами (45). Въ то врем
противустоялъ вамъ,
коны, и подалъ пр
готовы уже были об
тельствомъ и предат
и кричали; а я дум
С вергнуться опасности
чѣмъ, боясь узъ и с
судіями неправедны
народномъ правлені
Когда же наступил
правителей снова пр
въ круглую палату
Салампна Льва Сал

къ дѣятельности, чуждой неправды и нечестія. То правительство, сколь могущественно оно ни было, не испугало меня и не заставило сдѣлать что-нибудь неправо: нѣтъ, вышедши изъ круглой налаты, прочіе четверо отправились на Саламинъ и привезли Льва; а я тотчасъ отправился домой и за это, можетъ быть, заплатилъ бы жизнью, если бы власть тиранновъ вскорѣ не исчезла. О такомъ поступкѣ моемъ Е. засвидѣтельствуютъ вамъ многіе.

Думаете ли, что я прожилъ бы столько лѣтъ, если бы несъ общественныя должности, поступая какъ прилично человѣку доброму, то-есть, помогая правымъ, и эту помощь, какъ слѣдуетъ, ставя выше всего? Далеко нѣтъ, Аѳиняне; да и никто другой не достигъ бы до такой старости. Между тѣмъ вся моя жизнь не 33. только въ отправленіи кое-какихъ общественныхъ дѣлъ, но и въ частныхъ занятіяхъ была такова, что я никогда и никому не поблажалъ ко вреду справедливости, — не поблажалъ и другимъ, и тѣмъ, которыхъ клеветники называютъ моими учениками (47). Я никогда и ничѣмъ не былъ учителемъ. Если же кто-нибудь, молодой или пожилой человѣкъ, хотѣлъ слушать мои слова, когда я исполнялъ свою обязанность; то никому и ни въ какое время не запрещалось. При томъ я не изъ тѣхъ, которые разсуждаютъ за деньги, а безъ денегъ не разсуждаютъ: в. я позволяю вопрошать себя равно и богатому

рять, будто отъ меня или слышали какую-нибудь отъ другихъ сокрытую что это говорятъ несправедливо.

С. Однакожь почему и въ
ся со мною долгое время
я не, я высказалъ вамъ
слушатели съ удовольствіемъ
я испытываю твоихъ лю
себя мудрецами, на самомъ
ибо это не неприятно.
таніе, какъ сказано, и
предписалъ и изреченія
дѣлѣніями, и всякимъ об
божественный жребій
что-нибудь дѣлать. Это
и удобоказательно.
D. юношей развращаю, и

изъ ихъ родственниковъ, на примѣръ отцамъ, братьямъ и другимъ ближнимъ,—вспомнить, что ихъ домашніе потерпѣли отъ меня нѣчто худое. Да многіе изъ нихъ, вижу, и въ самомъ дѣлѣ здѣсь: во-первыхъ вотъ Критонъ, мой сверстникъ и землякъ, отецъ этого Кривовула; Е. потомъ Лизаніасъ Сметійскій, отецъ этого Эсхина; вотъ еще Антифонъ Кефисійскій, отецъ Эпигена. Есть здѣсь и такіе, которыхъ братья обращались со мною: вотъ на примѣръ Никостратъ, сынъ Θεодотида, братъ Θεодота (но Θεодотъ уже умеръ и по тому не можетъ просить за меня); вотъ Паралось, сынъ Демодоха, его братъ былъ Θεагесъ; вотъ Адимантъ, сынъ 34. Аристана, его братъ этотъ Платонъ; вотъ Діантодорось, его братъ этотъ Аполлодоръ. Могу наименовать вамъ много и другихъ, изъ коихъ каждаго Мелитъ, особенно въ своемъ донося, долженъ бы былъ выставить какъ свидѣтеля. Если же тогда онъ забылъ; то пусть выставить теперь,—я не препятствую,—и скажетъ, что знаетъ. Но вы, граждане, найдете совершенно противное этому: меня, развратителя, который, по словамъ Мелита и Анита, дѣлаетъ зло ихъ В. ближнимъ, всѣ готовы защищать. Правда, сами развращенные, можетъ статься, имѣли бы причину оказать мнѣ помощь: а не развращенные, какъ люди уже пожилые и родственники первыхъ, какое нашли бы основаніе помогать мнѣ, кромѣ прямодушія и справедливости,

- молвы, граждане, — мнѣ кажется несправедливо какъ просить судію, такъ и чрезъ прозбу изъбѣгать приговора; для сего требуются объясненія и доказательства. Вѣдь судія сидитъ не для того, чтобы дарить правду, а для того, чтобы изслѣдывать ее: онъ и клялся не дарить ея, кому вздумается, но судить по законамъ. И такъ надобно, чтобы ни мы не приучали васъ нарушать клятву, ни вы не привыкали нарушать ее; ибо это и въ насъ и въ васъ было бы равно нечестиво. Не извольте же думать, Афиняне, будто въ отношеніи къ вамъ я долженъ дѣлать то, что почитаю и нехорошимъ, и несправедливымъ, и нечестивымъ, какъ во всякое другое время, клянусь Зевсомъ, такъ особенно
- D. теперь, когда этотъ Мѣсѣцъ обвиняетъ меня въ нечестіи. Явно, что если бы я убѣждалъ васъ и, послѣ вашихъ клятвъ, насиловать васъ прозбами; то давалъ бы разумѣть, что вы не чтите боговъ и, оправдываясь, просто обвинялъ бы самъ себя въ непризнаваніи ихъ. Между тѣмъ дѣло вовсе не таково: я признаю боговъ, Афиняне, — признаю болѣе, чѣмъ кто-нибудь изъ моихъ обвинителей, и поручаю вамъ и Богу судить о мнѣ такъ, какъ будетъ лучше и для меня и для васъ. —
-

Что я не досажаю на васъ, Аѳиняне, за В. *elo*
 настоящее заключеніе, за приговоръ надо мною,
 —къ тому способствуетъ кое-что многое: да та- 36.
 кое заключеніе казалось мнѣ и не невѣроят-
 нымъ. Напротивъ для меня гораздо увидитель-
 нѣе обнаружившееся число тѣхъ и другихъ
 мнѣній; ибо мнѣ представлялось, что большин-
 ство голосовъ будетъ не такъ мало, а поболье.
 Если же теперь, какъ открылось, только три
 голоса пали иначе (51); то можно бы еще из-
 бѣгнуть осужденія. Мелита-то я, кажется, уже
 избѣжалъ, и не только избѣжалъ, но, когда бы
 не присовокупили своихъ доносовъ на меня
 Анить и Ликонъ, онъ, какъ всякому видно,
 даже заплатилъ бы тысячу драхмъ, потому что
 не имѣетъ на своей сторонѣ пятой части голо- В.
 совъ (52). Этотъ человѣкъ присуждаетъ меня къ *elo*
 смерти,—пусть такъ: но я-то, Аѳиняне, къ чему
 напротивъ присужу себя? — очевидно къ тому,
 чего заслуживаю? Чего же я заслуживаю? что
 долженъ потерпѣть, или какому подвергнуться
 штрафу, что сознательно не молчалъ въ своей
 жизни, но, не заботясь о томъ, о чемъ заботят-
 ся многіе, то-есть о пріобрѣтеніи состоянія,
 объ экономіи, о военачальствѣ, о вліяніи на
 народныя собранія и другихъ властяхъ, о пар-
 тіяхъ и возмущеніяхъ, случающихся въ обще-
 ствѣ, поколику почиталъ себя въ самомъ дѣлѣ С.
 довольно честнымъ для подобныхъ средствъ
 спасенія, — не заботясь о всемъ этомъ, не позво-

лѣлъ себѣ вступать въ такія должности, изъ которыхъ не могъ быть полезенъ ни вѣстѣ, ни себѣ, а положилъ оказывать каждому морозу величайшее, какъ я говорю, благодареніе, рѣшился внушать всякому изъ васъ, что малая сдѣлаться человѣкомъ отличнѣйшимъ и благодарнѣйшимъ, надобно прежде заботиться о себѣ, нежели о своемъ, прежде о самомъ обществѣ, нежели объ общественномъ, и наконецъ не образомъ располагать своимъ поведениемъ насчетъ всего прочаго? Такъ что должно я

- D. потерпѣть за это поведеніе?—Что-нибудь доброе, Аѳиняне, если въ присужденіи действительно надобно соображаться съ заслугами, и притомъ доброе такого рода, какой родъ добра мнѣ приличенъ. А что прилично благодѣтелю—бѣдняку (53) // который имѣетъ нужду въ досугѣ для увѣщаванія васъ?—Нѣтъ ничего естественнѣе, Аѳиняне, какъ такому человѣку давать столъ въ Пританіонѣ. Это было бы гораздо лучше, чѣмъ если бы кто изъ васъ, во время Олимпійскихъ игръ, одержалъ побѣду на одномъ, двухъ, или трехъ коняхъ: ибо онъ счастливить васъ повидимому, а я счастливлю на самомъ дѣлѣ; E. онъ не нуждается въ пищѣ, а я нуждаюсь. И такъ, если должно присудить мнѣ что-нибудь справедливо и по заслугамъ; то присуждаю 37. себѣ столъ въ Пританіонѣ.

/ Но можетъ быть и эти слова мои, Аѳиняне, кажутся вамъ словами человѣка упрямаго,

близкими къ прошенію и мольбѣ. Нѣтъ, не то, Аѳиняне, а скорѣе вотъ что: я знаю, что сознательно не обижаю никого; однакожь не увѣряю васъ въ этомъ; ибо мы говорили между собою не долго. Мнѣ кажется, если бы и у васъ былъ законъ, какъ у другихъ людей,—судить объ уголовныхъ дѣлахъ въ продолженіе не одного, а многихъ дней; то вы убѣ- В. дились бы: напротивъ теперь, въ короткое время не легко разсѣять столь важныя клеветы. Впрочемъ, будучи увѣренъ, что не обижаю никого, я вовсе не желаю обидѣть и самого себя, то-есть говорить, будто заслуживаю какое-нибудь зло и долженъ быть присужденъ къ нему. Изъ какого страха я сдѣлалъ бы это? — Чтобы не потерпѣть того, къ чему присуждаетъ меня Мелитъ?—Но говорю, что мнѣ не извѣстно, добро это или зло. Положимъ, вмѣсто сего, я выберу нѣчто иное, что понимаю уже какъ зло, и обреку себя на то. Что же избрать? Узы ли?—Но С. для чего жить въ темницѣ, рабѣ гнѣву всегда поставляемой власти—одиннадцати судіямъ (54)? Пью ли и оковы, пока не выплачу ея?—Но это то же самое, что сейчасъ сказано: вѣдь у меня нѣтъ денегъ, которыя могъ бы я внести за себя. Не присудить ли себѣ изгнанія? Можетъ быть и вы согласились бы на это.—Но я былъ бы слишкомъ животолюбивъ, Аѳиняне, когда бы имѣлъ столь мало разсудка, что не могъ понять слѣдующаго: Если вамъ, моимъ

- D. сопращадамъ, невозможно вынести моихъ бесѣдъ и разсужденій, если для васъ онѣ сдѣлались такими и ненавистными, такъ что вы стараетесь теперь избавиться отъ нихъ; то другіе легче ли вынесутъ ихъ? Отнюдъ нѣтъ, Ассиние. Значить, короша же будетъ моя жизнь, когда я, вышедши отсюда въ такой старости, перейду одно общество на другое и въ каждомъ стану жить изгнанникомъ! Я вѣдь знаю, что куда ни приду, гдѣ ни заговорю,—юноши вездѣ будутъ слушать меня, какъ и здѣсь. Прогоню ли ихъ, повинуясь старшимъ? они сами изгонятъ меня. Не прогоню? — за это ихъ отцы и родственники поступать со мною такимъ же образомъ.

Крив
 38. Но можетъ быть кто спросить: а жить молчаливо и тихо, Сократъ, ты видно будешь не въ состояніи, когда выйдешь отсюда? — Въ этомъ-то убѣдить нѣкоторыхъ изъ васъ всего труднѣе: ибо скажу ли, что это значило бы не повиноваться Богу и что слѣдовательно жизнь молчаливая для меня невозможна, — вы не пофривите мнѣ и подумаете, что я говорю при-
 творно; скажу ли опять, что величайшее благо для человѣка каждый день разсуждать о добродѣтели и иныхъ предметахъ, о которыхъ вы слышали мои разсужденія, когда я испытывалъ и другихъ, и что жизнь безъ испытанія живуща въ человѣкѣ, — вы еще менѣе повѣрите моему слову. Дѣло-то, граждане, именно

таково, какъ я говорю; а убѣдить не легко. Вмѣ-
стѣ съ тѣмъ я не привыкъ почитать себя достой-
нымъ какого-нибудь зла. Если бы у меня были
деньги; то я присудилъ бы себя къ уплатѣ В.
надлежащей суммы ихъ; потому что изъ того
не вышло бы для меня никакого вреда: но те-
перь у меня въ самомъ дѣлѣ нѣтъ денегъ;
развѣ назначите заплатить столько, сколько
могу; а могу заплатить вамъ, кажется, одну ми-
ну серебра. Къ этому и присуждаю себя! Но
вотъ, Аѳиняне, Платонъ, Критонъ, Критовулъ
и Аполлодоръ велятъ мнѣ объявить уплату
тридцати минъ, и сами ручаются: присуждаю
себя и къ такой суммѣ; поручителями въ этихъ
деньгахъ будутъ у васъ люди, стоящіе довѣ- С.
ренности.

Радѣ столь краткаго-то времени, Аѳиняне, *little*
вы, отъ людей, пожелающихъ бранить ваше
общество, получите имя и нареканіе, что ли-
шили жизни Сократа, челоуѣка мудраго! Да,
тѣ, которые вздумаютъ оскорбить васъ, назо-
вутъ меня именно мудрымъ, хотя я и не му-
дрецъ. Между тѣмъ, если бы вы немного по-
дождали,— это сдѣялось бы само собою. По-
смотрите-ка на мой возрастъ: какъ далеко ушла
жизнь! какъ близко стоитъ смерть! Говорю это
не всѣмъ вамъ, а тѣмъ, которые присудили D.

меня къ смерти. Имъ же говорю и слѣдующее: Можеть быть, вы думаете, граждане, что палъ отъ недостатка такихъ рачей, которыми могъ бы убѣдить васъ, если бы почелъ нужнымъ сдѣлать и высказать все, для избѣжанія приговора? Совсѣмъ нѣтъ; причина моего надежія конечно недостатокъ — только не рачей, а дерзости, безстыдства и охоты говорить нѣтъ то, что было бы весьма пріятно для нашего слуха, когда бы то-есть я проливалъ слезы, горевалъ, Е. дѣлалъ и говорилъ много много, что, какъ сказано, недостойно меня, и что однакожь вы привыкли слышать отъ другихъ. Нѣтъ, у насъ и прежде не было обыкновенія, ради опасности, совершать что-нибудь рабское, и теперь не раскаяваюсь, что такъ оправдывался. Напротивъ, мнѣ кажется лучше съ этимъ оправданіемъ умереть, нежели съ тѣмъ жить; ибо ни я, ни кто другой, въ судъ ли то, или на войнѣ, не долженъ устремлять мыслей своихъ къ тому, какъ бы избѣгнуть всего, угрожающаго смертію. Въдѣ въ сраженіи часто видимъ, что отъ смерти — то могъ бы избавиться, кто, бросивъ оружіе, обратился бы къ преслѣдователямъ съ покорностію. Есть много и другихъ способовъ избѣгать смерти въ минуту каждой опасности, лишь бы имѣть дерзость все дѣлать и говорить. Да, не это трудно, граждане; гораздо труднѣе уйти отъ злобы, чѣмъ отъ смерти; по тому что первая бѣжитъ быстрѣе послѣдней.

Вотъ и теперь, меня, человека медленнаго и стараго, догнало медленнѣйшее; а обвинители мои, люди сильные и живые, пойманы тѣмъ, что быстрее — злобою. Вотъ и теперь я отхожу, приговоренный вами къ смерти; а они удаляются, обличенные истиною въ злодѣйствѣ и несправедливости. И я и они — будемъ вѣрны произнесенному надъ нами приговору. Можетъ быть этому и надлежало случиться; видно это-то и хорошо.

Послѣ сего, у меня рождается желаніе предсказывать вамъ, мои осудители; ибо я уже въ такомъ возрастѣ, въ которомъ люди особенно предсказываютъ, когда приближаются къ смерти. Возвѣщаю вамъ, граждане, умертвившіе меня, что тотчасъ послѣ моей смерти постигнетъ васъ казнь, клянусь Зевсомъ, гораздо страшнѣе той, на которую я обреченъ вами. Теперь вы сдѣлали это съ намѣреніемъ уклониться отъ обличеній вашей жизни; но выйдетъ, говорю вамъ, напротивъ: между вами появится много обличителей, которыхъ я доселѣ удерживалъ, а вы и не замѣтите. Эти обличители будутъ тѣмъ несноснѣе, чѣмъ моложе, — и вамъ станетъ еще досаднѣе. Если вы думаете, что, умерщвляя людей, воспрепятствуете укорять себя за развратную жизнь; то судите несправедливо: такое спасеніе и не очень возможно, и не честно. Самое похвальное и легкое состоитъ не въ томъ, чтобы полагать преграды

другими, а въ томъ, чтобы усовершенствъ себя и
быть человекомъ отличнейшимъ. Предсказаніе
это вамъ, мои осудители, я оставляю вамъ.

Well. Но съ вами, мои оправдатели, мнѣ
пріятно было бы поговорить о случившемся
теперь событіи, пока Архонты заняты (не) и
доколе я не отправлюсь туда, гдѣ ожидаетъ
меня смерть. Побудьте же со мною это время,
граждане; вѣдь ничто не препятствуетъ намъ
потоковать, пока можно. Я хочу показать вамъ,
какъ друзья, что значить то, что явля-
лось со мною. Да, со мною случилось нечто
удивительное, граждане-судіи, (я вочитаю-спра-
ведливый называть васъ судіями). Обычное
предсказаніе генія въ прежнія времена слу-
чалось у меня очень часто и противустояло
мнѣ даже при малѣйшихъ обстоятельствахъ,
когда я намѣревался сдѣлать что-нибудь не-
такъ. А теперь, какъ вы сами видите, со мною
случилось то, что всякій конечно признастъ и
вочитасть крайнимъ зломъ; и однакожъ Божіе
в. знаменіе не противустояло мнѣ ни по-утру —
при выходѣ моемъ изъ дома, ни тогда, когда
я вступалъ въ это судилище, ни въ продолже-
ніе моей рѣчи, когда я хотѣлъ сказать что-
нибудь; хотя въ другихъ рѣчахъ не рѣдко-таки
мнѣ навливало меня на середину. Да, нынѣ,
ително моего процесса, оно не противусто-
ло мнѣ ни въ дѣлѣ, ни въ словѣ. Какая же
причина этого? — скажу вамъ. Случившееся со

мною, должно быть, случилось хорошо, и мы вовсе несправедливо предполагаемъ, думая, будто смерть есть зло. Я принимаю это, какъ важное С. доказательство; ибо невозможно, чтобы обыкновенное знаменіе не воспротивилось мнѣ, если бы я не намѣренъ былъ сдѣлать нѣчто доброе.

Обратимъ вниманіе и на то, кзкъ много надежды почитать это добромъ. Смерть есть одно изъ двухъ: или какъ бы уничтоженіе, если умершій нисколько и ничего не чувствуетъ; или нѣкоторое, по общему мнѣнію, преобразование и переселеніе души изъ здѣшняго мѣста въ другое. Положимъ же, что смерть есть совершенное лишеніе чувства, похожее на такой сонъ, въ которомъ спящему ничего не снится: въ этомъ случаѣ она будетъ чрезвычай- D.но выгодна. Ибо мнѣ кажется, что если бы кто-нибудь долженъ былъ выбрать ночь, въ которую такъ бы спать, что во снѣ ничего не видѣлъ, и потомъ, противоположивши ей всѣ другія ночи и дни своей жизни, обязанъ былъ зрѣло обсудить, которыя изъ нихъ провелъ онъ лучше и пріятнѣе той; то, думаю, не только человѣку частному, но и великому царю легче было бы сосчитать первые, чѣмъ прочіе дни E. и ночи. А когда смерть такова; то я называю ее выгодною; ибо подъ этимъ условіемъ все время покажется не долѣе, какъ одною ночью. Положимъ опять, что смерть есть какъ бы пе-

реселеніе отсюда въ другое мѣсто, куда, по истинному свидѣтельству пророковъ, иже-
 дятся всѣ умершіе: въ семъ случаѣ это имѣетъ
 быть болѣе этого блага, грядущаго для
 41. кто, отошедши въ преисподнюю, и тамъ обитая,
 найдетъ судей истинныхъ, на которыхъ, гово-
 рять, и въ самомъ дѣлѣ лежитъ такая обязан-
 ность судить, то-есть, Миносъ, Радмантъ, Эакъ,
 Триптолема и другихъ, бывшихъ во время
 своей жизни справедливейшими изъ полу-
 говъ; тотъ худое ли сдѣластъ переселеніе?
 При томъ же сочли ли бы мы за великую
 честь обращаться съ Ореемъ, Музеемъ, Нисю-
 домъ, Омиромъ? Да я хочу умереть много
 разъ, если это истинно; потому что для самого
 меня занимательно было бы тамъ препрово-
 жденіе времени, когда бы я встрѣтился съ Пала-
 в. медомъ, Аяксомъ сыномъ Теламона (57), и съ
 кѣмъ-нибудь другимъ, кто изъ древнихъ умеръ
 отъ несправедливаго суда. Сравнивать мою
 участь съ ихъ участію было бы, думаю, не не-
 пріятно. А что всего лучше,—я проводилъ бы
 жизнь въ изслѣдованіи и испытываніи тамош-
 нихъ обитателей, какъ здѣшнихъ, то-есть, кто
 въ нихъ мудръ, и кто почитаетъ себя мудре-
 цемъ, въ самомъ же дѣлѣ не мудрецъ. Мало
 : чести, граждане-судіи, испытать вождя,
 одного подъ Трою столь великое вой-
 ско, также Одиссея, Сизиса и—можно бы и

звать безчисленное множество другихъ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ? Разговаривать съ ними тамъ, обращаться, испытывать ихъ, было бы безъ сомнѣнія счастьемъ непостижимымъ. При томъ же, тамошніе обитатели за это-то не лишаютъ жизни. Они блаженнѣе здѣшнихъ и по иному, и по тому, что на все время остаются уже безсмертными, если только преданія истинны.

Но и вы также, граждане - судин, должны имѣть твердую надежду на смерть и держать въ умѣ одну истину, что для чловѣка добраго нѣтъ зла ни въ жизни ни по смерти, и что о его обстоятельствахъ не нерадятъ боги. Вотъ и мои произошли не сами собою; для меня ясно, что теперь умереть и оставить здѣшнія заботы мнѣ гораздо лучше. По тому-то знаменіе ниразу и не отвратило меня; по тому-то я и не слишкомъ досажую на своихъ осудителей и доносчиковъ; хотя они осудили и доносили на меня не съ этою мыслію, а съ намѣреніемъ сдѣлать мнѣ зло, что достойно порицанія.

Вотъ о чемъ еще прошу ихъ: Граждане! Отмстите моимъ сыновьямъ, когда они вырастутъ, муча ихъ тѣмъ самымъ, чѣмъ я мучилъ васъ. Если откроется, что они болѣе заботятся о деньгахъ, или о чемъ другомъ, нежели о добродѣтели, либо будутъ думать, что нѣчто значутъ, ничего не знача; то

НА ЖИЗНЬ: А КТО ЛОВИТ
МУ, — НИКОМУ НЕ ИЗВЕСТЕ

КРИТОНЪ.

К Р И Т О Н Ъ.

В В Е Д Е Н І Е.

Въ Платоновомъ Критонѣ Сократъ изслѣдываетъ, гдѣмъ обязанъ руководствоваться гражданинъ, живя въ нѣдрѣ общества, и каковы должны быть его отношенія къ отечественнымъ законамъ. Эта тема мѣтитъ на два совершенно противоположныхъ понятія о гражданскомъ договорѣ.

Извѣстно, что Греческіе софисты, слѣдуя мнѣнію Протагора (1), почитали законы изобрѣтеніемъ правителей, независимо отъ нужды и внутренней природы лицъ, составляющихъ государство; а по тому учили, что люди соединяются въ общество только внѣшними условіями, то-есть частными выгодами, стремленіемъ

(1) *Plat. Protag.* 326. D. 337. D.

ближняго, въ которомъ
внѣшнюю свободу, не
литическаго. Къ столь
бывшей древнюю Элладъ
Францію и всю западъ
софистовъ, очевидно, э
жизнь. Эгоизмъ, по сво
общественныхъ связей
взаимной любви, доверъ
данъ, то-есть, на един
тожествѣ ихъ законовъ
въ нѣдрѣ Религіи. Онѣ

(2) Чувства любви и др
наше время не рѣдко въ
скихъ дѣятельностей и ути
туть-то и нуженъ взглядъ
соображалъ начала съ са

эту нравственную цѣль, въ которой одно кольцо держится другимъ, и само служить опорой для другаго; потому что здѣсь нужно сердечное самопожертвованіе членовъ общества, а эгоизмъ и жертва суть вещи совершенно противоположныя.

Совсѣмъ иначе смотрѣлъ на общество сынъ Софрониска. Разумѣя политическіе законы, какъ выраженія потребностей, таящихся въ душѣ каждаго гражданина, какъ опредѣленія, производимыя всѣми совѣстами и оправдываемыя всѣми умами, онъ представлялъ себѣ государство собраніемъ лицъ, внутренно и охотно соединившихся для удобнѣйшаго достиженія тѣхъ согласныхъ съ назначеніемъ чловѣка цѣлей, которыхъ никто, взятый отдѣльно, достигнуть не можетъ. Значить, отечество, по его разумѣнію, есть колоссъ, поднимаемый дружно милліонами рукъ; истина, осуществляемая сочетаніемъ безчисленныхъ понятій; прекрасное, воплощаемое гармоническимъ сліяніемъ различныхъ звуковъ, цвѣтовъ, или красокъ; добро, выражаемое стройными усиліями многообразныхъ дѣятельностей. Тутъ не можетъ быть ни общаго благоденствія безъ частныхъ трудовъ, ни частной пользы безъ общаго блага. Тутъ гражданинъ, если можно сказать, не разъединяется силою центробѣжною, а собираются центростремительно; слѣдовательно тутъ поприще не эгоизма, идущаго отъ центра къ периферіи, а

вытъ изъ самаго понятія о законѣ, — а въ тѣхъ, что бы послѣдній повиновался первымъ. Ядовательно права ихъ не равны: права зѣвъ безусловны, а—гражданина—условны; что обязанности въ отношеніи къ законамъ отъ государства тѣе обязанностей въ отношеніи къ отцу и матери. 50. D — 51. C.

3. смотря на условныя права свои, Афинскіе законы еще къ снисходительны, что позволютъ гражданину испытать себя и, если не понравятся, дать ему полную свободу удалиться, куда угодно. За то, когда гражданинъ призналъ ихъ хорошими и однакожь не повинуется имъ; то они уже почитаютъ его виновнымъ въ отношеніи къ себѣ—и какъ родители, и какъ воспитатели, и какъ обязательная сила, управляющая государствомъ. 51. D. — 52. A.

4. Но Сократъ постояннымъ пребываніемъ, долголѣтнею жизнью и рожденіемъ дитяти въ Афинахъ, даже тѣмъ, что во время судопроизводства не обрекъ себя на изгнаніе,—выразилъ свою любовь къ законамъ отечества, и если теперь рѣшается нарушить ихъ, то становится предъ ними безотвѣтенъ. 52. B.—53. A.

5. Да и какое благо пріобрѣтетъ онъ, ушедши изъ отечества? Въ обществахъ благоустроенныхъ онъ будетъ предметомъ презрѣнія, какъ нарушитель законовъ; а въ неустроенныхъ встрѣтятъ его насмѣшки людей развратныхъ,

какъ старика, подвергавшагося такимъ опасностямъ для сбереженія не многихъ лѣтъ дряхлой жизни. Что же касается до дѣтей, то онъ могли бы быть воспитаны друзьями Сократа столь же хорошо послѣ его смерти, какъ и въ его отсутствіе. Вообще, нарушивъ законы отечества, Сократъ не только не найдетъ покровителей на землѣ, но встрѣтитъ истителей и въ преисподней; потому что и тамъ подвергнется суду тѣхъ же самыхъ законовъ. 53. В.—54. С.

И такъ, Сократъ, не вѣрь Критону болѣе, чѣмъ намъ, заключають законы, и не дѣлай того, что онъ говоритъ. 54. D. E.

Изъ сего содержанія Сократовой бесѣды съ Критономъ видно, что цѣль ея—апологическая; то-есть, сынъ Софрониска, и приговоренный къ смерти, и заключенный въ темницу, и доживавшій послѣдніе дни, и уже не ожидавшій ничего отъ земныхъ своихъ судей, тѣмъ не менѣе остается точнымъ исполнителемъ отечественныхъ законовъ и истиннымъ чтителемъ ихъ предписаній; а по тому приговоръ, произнесенный надъ нимъ, какъ надъ человекомъ гибельнымъ для общества, есть приговоръ не правосудія, — оскорбленіе, нанесенное тѣмъ самымъ законамъ, которые онъ всегда защищалъ и именемъ которыхъ потомъ присужденъ былъ къ смертной казни. Представленію сей цѣли не препятствуетъ то обстоятельство, что бѣжать изъ темницы убѣждаетъ Сократа не

какой-нибудь политикъ или софистъ, а одинъ изъ его друзей, долженствовавшихъ знать строгія правила своего учителя и слѣдовать имъ. Критонъ и Сократъ изображаютъ намъ борьбу чловѣка съ самимъ собою въ рѣшительныя минуты его жизни и въ тѣхъ показывають, что одна теорія добродѣтели не сдѣлаетъ никого добродѣтельнымъ, что въ такое знаніе обязанностей гражданина должны быть оправдываемо законною дѣятельностію, что справедливость какъ въ словахъ, такъ въ поступкахъ, необходимо равна сама себѣ. На сію-то конечно мысль мѣтитъ слѣдующая иронія Сократа: «можетъ быть это и хорошо было говорено, пока мнѣ не приходилось умереть; а теперь видно обнаружилось, что я говорилъ такъ, для вида, что слова мои на самомъ дѣлѣ были ребячество и болтанье.» р. 46. D.

Впрочемъ, касательно подлинности лица Критонова въ этомъ разговорѣ, критики еще не согласны между собою. Діогенъ Лаерцій приводитъ преданіе (II. 20. 35. 60), что бѣжать изъ темницы предлагалъ Сократу не Критонъ, а Эскинъ, и что Эскина Платонъ замѣнилъ Критономъ, въ угодность Аристиппу.

Если этому преданію мы припишемъ нѣкоторое правдоподобіе; то придемъ къ слѣдующему вопросу: рассматриваемый разговоръ есть ли свободное произведеніе ума Платонова, или изложеніе бесѣды дѣйствительно Сократовой?

Очень вѣроятно, что ученики Сократа старались спасти своего учителя отъ смерти и убѣждали его воспользоваться ихъ усердіемъ. Значить, историческая сторона Платонова Критона можетъ быть почитаема почти несомнѣнною. Если же такъ; то Сократу по видимому не иначе надлежало и отвѣчать на представленія своихъ учениковъ, какъ онъ въ самомъ дѣлѣ отвѣчаетъ въ Критонѣ. Здѣсь частный откликъ Платонова генія виденъ только въ идеализаціи закона. Слѣдовательно Платонъ, въ отношеніи къ Сократу, бесѣдовавшему въ темницѣ; былъ не болѣе какъ мимикъ. Но въ такомъ случаѣ, что заставило его замѣнить Эсхина Критономъ? Хотя Аѣиняне, умертвивъ Сократа, раскаялись въ своемъ поступкѣ и память умершаго почтили всенародными почестями; однакожь это не могло случиться скоро. Напротивъ, гораздо вѣроятнѣе, что тотчасъ послѣ его смерти, ненависть Аѣинянъ обратилась и на друзей его: потому-то безъ сомнѣнія почти всѣ они вскорѣ разѣхались изъ Аѣинъ. Соображая эти обстоятельства, можно догадываться, что тогда, какъ Платонъ издавалъ разсматриваемый разговоръ, Эсхинъ, другъ Аристиппа, человекъ молодой,—былъ еще живъ, а Критонъ, по лѣтамъ сверстникъ Сократа, уже умеръ, и что слѣдовательно перемѣна говорящаго лица въ Платоновомъ Критонѣ могла произойти изъ опасенія возбудить противъ Эсхина народную ненависть.

ты умрешь, подвергнущь не одному несчастію: кромѣ того, что лишуся друга, каковаго мнѣ никогда не найти, я покажусь толпѣ, не довольно знающей меня и тебя, человѣкомъ безпечнымъ, который могъ бы спасти тебя, если с. бы захотѣлъ употребить деньги. При томъ, какая молва можетъ быть постыднѣе той, которая приписываетъ кому-нибудь большую любовь къ деньгамъ, чѣмъ къ друзьямъ! Ибо толпа не повѣритъ, что не смотря на сильное наше убѣжденіе, ты самъ не захотѣлъ выйти отсюда.

Сокр. Но что намъ такъ заботиться о народной молвѣ, добрый Критонъ! Люди честнѣйшіе, которыхъ мнѣніемъ надобно особенно дорожить, будутъ думать, что дѣлу надлежало сдѣлаться такъ, какъ оно могло сдѣлаться.

Крит. Но вотъ ты видишь, Сократъ, что необходимо заботиться и о народномъ мнѣніи: D. настоящее именно событіе показываетъ (9), что толпа можетъ производить не маленькое, а дѣйствительно величайшее зло, когда кто-нибудь бываетъ оклеветанъ предъ нею.

Сокр. Да и надобно, Критонъ, чтобъ она могла производить величайшее зло, дабы имѣть силу и для произведенія величайшаго добра: тогда было бы хорошо. Но теперь она не въ состояніи сдѣлать ни того ни другаго, ни умнаго ни глупаго, а дѣлаетъ, что случится.

прежде. И такъ, если въ настоящее время мы не найдемъ лучшихъ; то знай, что я никакъ не согласусь съ тобою, хотя бы сила толпы еще болѣе, чѣмъ теперь, пугала насъ, будто дѣтей, оковами, смертями и отнятіемъ имущества. Но какъ бы намъ изслѣдовать это сообразнѣе съ дѣломъ (14)? Не пересмотрѣть ли напередъ ту причину, которую ты находишь въ мнѣніяхъ? хорошо ли то — есть мы всякій разъ говорили, или не хорошо, что на одинъ изъ нихъ надобно обращать вниманіе, а на другія — не надобно? Впрочемъ, можетъ быть, это и хорошо было говорено, пока мнѣ не приходилось умерѣть; а теперь, видно, обнаружилось, что я говорилъ такъ, лишь бы сказать, что слова мои на самомъ дѣлѣ были ребличество и болтанье. Да, Критонъ, я хочу вмѣстѣ съ тобою рассмотреть, иною ли представляется мнѣ та причина — теперь, когда я нахожусь въ семъ состояніи, или тою же, и надобно ли оставить ее, или слѣдовать ей. А говорено людьми, увѣренными въ дѣальности своихъ словъ, всегда было, по видимому, то самое, что я и теперь сказалъ, то-есть: изъ мнѣній, распространяемыхъ въ свѣтъ, одни достойны уваженія, а другія — нѣтъ. Ради боговъ, Критонъ, не кажется ли тебѣ, что эти слова хороши? Ты вѣдь, судя по человѣчески, не завтра умрешь; тебя не отталкиваетъ отъ истины настоящее бѣдствіе. Смотри же, не

оно направляется
человѣкъ непослу

Крит. Очев
разрушаетъ его.

Сокр. Ты хоч
другое такимъ же
не перечислять вс
ливомъ и несправ
и похвальномъ, и
теперь разсуждаем
D. ваться съ мнѣніями
съ мнѣніемъ одного
котораго надобно с
лѣе, чѣмъ всѣхъ др
дуя ему, испортим
отъ справедливости
ведливости погибал

Крит. Я думаю

Сокр. Вспомни
нію людей знающи
отъ

дѣлать это в
конамъ, такъ
право, намъ ре
ешься, сколько
насъ — законы
твой поступокъ
ревнитель ист
твоя мудрость!
чтеніе и мат
В что оно досточ
и предъ богами
предъ нимъ до
гнѣвается, поко
чѣмъ отцу: что
надобно или уг
писывать ли
притомъ молча.
оковы, ведетъ
надобно исполн
не уклоняться, н

ко предлагает
исполнять то,
лется одно из
исполнить, —
гаго. Этимъ ж
ты, Сократъ,
замышляешь; —
ко не менѣе п
чѣмъ они. А е
это такъ? — то
укорили бы ме
далъ намъ это
в. другими Аѳин
кратъ! у насъ
что и мы, и об
ты, вѣроятно, н
всѣхъ Аѳинянъ,
отличнаго распо
тельства. Ты ни
же и для общ

нерѣдко есть тоже, что cella. Переводя *οἰκήματα* словомъ «лавочка» я поставлю это слово въ связи съ *lupanar* и разумею постыдный обычай у древнихъ Грековъ—устроить торговыя мѣста для блудодействія, *τέγη* или *στέγη*, иначе *κλισία*, *οἰκήματα* и *ἐργαστήρια*. *Chrysost. homil. de Babyla, et in Mathaeum* 31. In pergulis stare solitas (meretrices), multorum artificum more, ut in officinis, ex Plauto notum.

(29) *ibid.* *Вѣдомо не такъ, ѣи οἶσθαι γε χρῆ.*
См. 98 прим. къ Протаг.

(30) 164. В. *Кажется ли тебѣ хоть отчасти... εἰ δοκεῖ τί σοι...* *Τι* относится не къ *ὠφέλημα*, какъ думаетъ Штальбомъ, а къ глаголу *δοκεῖ*. Подобнымъ образомъ это мѣстоимѣніе употребляется *Cratyl. p. 452. A. εἰάν τι ὠφέλωμεν ἢ προσθῶμεν ἢ μεταθῶμεν τι.*

(31) 164. Е. *Человѣкъ, посвятившій Дельфамъ свою надпись, ἀνέθηκεν ὁ ἀναθείς. Ανατίθεσθαι* имѣло различныя значенія: оно значило *переставовить*, напр. игральную кость, отсюда *пересмотрѣть*, какъ выше 164 D; оно значило также *возложить*, или *повѣсить*, напр. даръ Богу на стѣнѣ храма, отсюда *ἀναθήματα*, посвященные дары или жертвы.

(32) 165 А. *Порука волеѣ илипы, ἐγγυή, πάρα δ' αἱτή.* Схолиастъ объясняетъ это изреченіе слѣдующими словами: *ἐγγυή παρὰ δ' αἱτή, ἐπὶ τῶν παλαιῶν ἐγγυημάτων καὶ παλαιῶν ἀπαλιπτόντων. Λέγουσι δ' αὖτις ἐπὶ τῶν παλαιῶν ἐγγυημάτων καὶ παλαιῶν ἀπαλιπτόντων, καὶ τ. λ.*

(33) 165 В. *Μογυ* согласиться съ тобою, *ὁμολογήσαντός σε*. Съ контекстомъ рѣчи сообразите было бы читать *ὁμολογήσοντος σοι*. Такъ думаетъ и Гевзде; а Беккеръ, удержавъ *ὁμολογήσαντός*, измѣняетъ только *σὺ* на *σοί*.

(34) 167 А. Въ третій и послѣднй разъ, τὸ τρίτον τῷ Σωτῆρι. *Schol.* τὸ τρίτον τῷ Σωτῆρι ἐπὶ τῶν τελείως τι πραττόντων, τὰς γὰρ τρίτας σπονδὰς καὶ τὸν τρίτον κρατῆρα ἐκύρων τῷ Διὶ τῷ Σωτῆρι. *Срав. Aesch. Eumen. 756.* τῷ πάντα κραινόντος τρίτῳ Σωτῆρος. Это выраженіе встрѣчается и въ другихъ мѣстахъ Платоновыхъ сочиненій, *Phileb* p. 66. *de Rep.* IX. p. 612. *Epist. VII.* p. 340. *A. legg.* p. 692. О обыкновеніи Грековъ на пирахъ посвящать третій бокалъ Зевсу Хранителю *См. Pierson. ad moer. p. 72. Spanh. ad Aristoph. Plut. v. 1176. Müller ad Aeschyl. Eumen. p. 187. sqq.*

(35) 168 Е. Что касается до величинъ, чиселъ и тому подобнаго, — это рѣшительно невозможно, то-есть, невозможно, чтобы онѣ одарены были свойствами для себя. Сократъ во всей этой перикопѣ доказываетъ относительность вещей. Малое — мало по отношенію къ большому; длинное—длинно по отношенію къ короткому; здоровое—здорово по отношенію къ больному и т. д. Но такая относительность непременно требуетъ, чтобы вещи дѣйствовали на что-нибудь, отъ себя отличное, то-есть, чтобы каждая вещь была предметомъ и для себя самой, и
и вещи.

В А. *Κοττορὰ* бы заключала въ себя
и себя самой, а для другихъ вещей—

С. и мое пр
Aristoph. Ав

(24) И
тельство Со
ко припомн
что Платон
лагалъ его п
кажется Шт
канъ. Между
учившійся
истины, то
нительность
зательствомъ
воспользоват
ва и времен
духа; потому
впрочемъ он
въ основаніи
дискурсивны
кимъ образо
сознаніе геом
вить, что с
нибудъ квад

(26) Ib. C. H

σινέσαι δὴ — ὁ τι
Нилеймахеромъ и
я в н, въсто бтц
млось бы ботъ ви
сн, притомъ посл
з дс.

(27) 86. В. А

у насъ въ душѣ; а
Такое доказательств
почитають страни
дить истину безсм
вещей въ домірном
юсъ, я не нахож
душа, живя нѣкогда
въ Федръ, видѣла в
есть истина сущаг
въ ея существо; то
обыкновенно призи
futurum, потому ч
современнымъ созда
нтію, безсмертіе е

ца, помысливъ Онь даровать ей свой образъ и подобіе, и потокуъ это подобіе возстановить и обновить благодатию коупленія. Напротивъ Платонъ разумѣтъ безсмертіе души *ut statum prateritum*, или лучше, *antectum*, и въ основаніе будущаго ея безсмертія полагаетъ бытіе домірное. Если то-есть въ существѣ души есть идея *прежняго безсмертія*, то ея существо, уже по силѣ этой самой идеи, должно быть безсмертно и *послѣ*.

(28) 87. А. *Можетъ ли это пространство, обращенное въ треугольникъ, быть наложено на этотъ кругъ? εἰ οὖν τε ἐς τὸν — δε τὸν κύκλον τότε τὸ χωρίον τρίγωνον ἐνταθῆναι;* Почти всѣ истолкователи Платона переводятъ эти слова такъ: можетъ ли этотъ треугольникъ (*тогда τὸ χωρίον τρίγωνον*) быть наложенъ на этотъ кругъ? Но тогда стало бы: *тогда τὸ τρίγωνον χωρίον*, между тѣмъ какъ здѣсь *τρίγωνον* очевидно есть слово объясняющее, предикатъ въ отношеніи къ слову *τὸ χωρίον*. По сему смыслъ рѣчи долженъ быть такой, какъ бы Платонъ сказалъ: *εἰ οὖν τε τότε τὸ χωρίον εἰς τὸνδε τὸν κύκλον ἐνταθῆναι ὡς τρίγωνον;* Сократъ вѣроятно указалъ Менону на начертанный прежде на пескѣ квадратъ и спросилъ: можетъ ли этотъ квадратъ, обращенный въ равный себѣ треугольникъ, быть вписанъ въ этотъ кругъ, такъ чтобы углы перваго касались окружности послѣдняго? Въ такомъ именно значеніи слово *ἐγγράφειν* употребляется и у Эвклида (Elem. IV).

(29) Ib. *Если это пространство таково, то данная его линія, и по протяженіи, останется короче того, которое будетъ, написано, εἰ μὲν ἐστὶ*

τῷτο τὸ χωρίον τοιῷτον, οἷον πα
 γραμμὴν παρατείναντα ἐλλείπει
 ἂν αὐτὸ τὸ παρατεταμένον ἤ.
 весьма затрудняютъ переводчикъ
 τέιναντα стоитъ вне всякой ко
 вѣрности, повреждено. Луч
 παρατείναν и относить его къ
 χωρίον. Во-вторыхъ οἷον ἂν αὖ
 относится ли къ треугольнику
 вывааясь на значеніи слова πα
 παρατείναν, я отношу это по
 треугольнику.

(30) Пб. С. *А когда такъ*
 δ', οὐ. Бутманъ остроумно за
 остерегается, какъ бы не назва
 ніемъ, и потому употребляетъ
 ἐπιστήμης, равно какъ и здѣсь—
 но въ обоихъ членахъ дѣленія
 сюда видно, какъ несправедлив
 онъ навязываетъ Сократу мысл
 есть знаніе.

(31) Пб. Е. *Въ здоровьѣ,*
гигіенѣ. Подъ эти именно
 Греки подводили все выше
 ліа Симонида, или Эпихарма
 στον ἀνδρὶ θνατῷ, Δεύτερον δὲ
 τὸ τρίτον δὲ πλετεῖν ἀδόλως,
 μετὰ τῶν φίλων. См. Jacobs.
 p. 208. sq.

(32) 89. В. *Взали бы ихъ*
 Государственный драгоцѣнност

сохранялись въ Акрополисѣ. См. Boeckh. de Oecon. A. II 11. p. 203. Conf. T. I. p. 473.

(33) Ib. D. *И заставляетъ нестыдить, что добродѣтель есть знаніе?* ἀπιοτεῖς, μή ὅτι ἐπιότημηι ᾗ. Послѣ глагола ἀπιοτεῖν и имени ἀπιοτία Платонъ весьма нерѣдко употребляетъ двойное отрицаніе, и именно въ томъ случаѣ, когда эти слова заключаютъ въ себѣ понятіе страха, или опасенія. Сравни. Phaed. 70. A.

(34) Ib. E. *И сообщить ему было бы справедливо, εἰκότως δ' αὖ μεταδοίμεν αὐ.* Бутманъ замѣчаетъ, что αὖ послѣ εἰκότως вовсе не имѣетъ значенія, — и это справедливо. Повидимому, переписчикъ не дописалъ слова αὐτῷ, которое было бы здѣсь очень кстати.

(35) 90. A. *Прекрасно воспиталъ и образовалъ своего сына.* Сократъ превозноситъ похвалами Анитова отца — преимущественно въ томъ отношеніи, что онъ былъ не гордъ, не надутъ, не спѣсивъ, и прекрасно воспиталъ своего сына. А между тѣмъ ниже доказываетъ, что и самые добродѣтельные мужи не могутъ передать дѣтямъ собственной добродѣтели. Изъ этого не трудно замѣтить, что Сократовъ отзывъ о прекрасномъ воспитаніи Анита есть иронія, намекающая на недостатокъ въ немъ добрыхъ качествъ отца, то-есть на его гордость, надутость и спѣсь. На это же указывается оговоркою Сократа, что Анитъ получилъ прекрасное воспитаніе, *по мнѣнію Афинскаго народа*, которому то-есть онъ былъ преданъ во время борьбы съ тридцатью тираннами. Lusac. de Socrate Cive p. 132. sq.

(36) Ib. E. *Даже и не*
πρός. 'Αμαθία значить болѣе,
 ство. Последнее выражаетъ н
 о какомъ-нибудь предметъ, л
 даже дѣятельность, не расти
 шленіемъ. Напротивъ первое
 токъ способностей, на само
λέγειν τε καὶ ἐργάζεσθαι. Неп
 385. *Wolf de Demosth. Lept.*

(37) 91. D. Объ урокахъ
 онъ бралъ за нихъ, см. 113

(38) 94. A. См. *Lach.* 1
 къ тому мѣсту.

(39) Ib. B. *И притомъ*
 этимъ отнюдь не указывается
 стекла, какъ подозрѣваетъ П
 говоритъ общее положеніе, п
 рая не должна имѣть связи с

(40) Ib. E. *Легче бываетъ*
добро, ὅσον ἐστὶ καὶ ὅς ποιεῖ
 читаю я, вмѣстѣ съ Бутман
 Беккеромъ и Штальбомомъ,
 нія *ῥάδιον*; потому что ни
 уместно, отчего вѣроятно в
 оно и выпущено.

(41) 95. D. См. *Theognid*
 Эти стихи приводятся и Ксен
 2. 20. Слѣдующіе далѣе E. T
 же изданіи.

(42) 96. D. *Можетъ ли*
шили, ὅστις ἤμῃς βελτίος ποι

ОСНОВЫВАЯСЯ НА ЗНАЧЕНІИ ИЗЪЯВИТЕЛЬНОГО *ποιήσας*, ХОТЯ ВЪ ТАКОМЪ СЛУЧАѢ ДОЛЖНО БЫ СТОЯТЬ *ἀρὰ τις ἤμᾶς* И ПРОЧ. ПРИ ТОМЪ ЯВНО, ЧТО СИЛА МЫСЛИ ЗДѢСЬ—ВЪ СЛОВАХЪ *ἐνὶ γὰρ τῷ τρόπῳ*, А НЕ ВЪ *ποιήσας*; ИНАЧЕ ПОСЛѢ *ζητητέον* НАДЛЕЖАЛО БЫ ПИСАТЬ *ποιήσας*. ДАЛЬНѢЙШИХЪ СЛОВЪ Е. *когда же не допустили*—и другое кое-что, *εἰ μὴ τῷτο δοίμεν*—*ἄλλῃ τινός*, ВО МНОГИХЪ СПИСКАХЪ ВОСРЕ НѢТЬ, ДА И ФИЦИНЪ НЕ ВЫРАЗИЛЪ ИХЪ ВЪ СВОЕМЪ ПЕРЕВОДѢ. ВПРОЧЕМЪ ХОДУ МЫСЛЕЙ ОНѢ НЕ ИЪШАЮТЪ.

(43) 97. D. *На Дедаловы статуи*. См. прим. 25 къ Эпиграну.

(44) 98. D. *То вотъ мы и рассматривали, ἐσκόπῃμεν τὸ μετὰ τῷτο*. Штальбомъ догадывается, что надлежало бы читать *ἐσκόπῃμεν*, и удивляется, какъ могло *ἐσκόпῃμεν* вкрасться во всѣ списки. По моему, это очень не удивительно; потому что и въ самомъ дѣлѣ надобно читать *ἐσκόпῃμεν*. Сократъ говоритъ здѣсь очевидно о прежнемъ проищескомъ доказательствѣ, что добродѣтель пріобрѣтается наукою, а не о послѣдующемъ, котораго вовсе нѣтъ. Платонъ видимо обозрѣваетъ весь ходъ разговора и приближается къ заключенію.

(45) 100. A. Приведенныя слова Омира см. *Odyss. X. v. 495. sqq.*

ПРИМѢ

КЪ

АПОЛОГІИ

(1) 17. В. *Вовсе не го*
ὄδεν ἀληθὲς εἰρήκασιν. Эта
себѣ понятіе совершеннаго
ad Herod. III. 149. Онъ си
фонта (Сугор. VII. 5. 45):
ἢ τινα ἢ ὀδὲνα οἶδα, и ἑλία
ἴσασιν Αἰγυπτίων ἢ τις ἢ
τις ἢ ὀδεῖς. См. *Matth. Gt.*
непонявъ силы и значечія
ἢ во многихъ спискахъ при
гнали изъ текста. Эта форм
въ обманъ и при объясненіи
496. С.

(2) Ib. С. *Рѣчи, расцвѣ*
сентенціями и именовали, не
ῥήμασί τε καὶ ὀνόμασιν, ὀδὲ
по Валькенеру (*diatrib. p. 29*
tione venusta et eleganti, elegan
λόγοι κακαλλιεπημένοι ῥήμα
рѣчи расцвѣченные сентен

φῆματα суть мысли выраженные словами, а ἀνόματα — самые слова. Theaet. 190. E. и прим. Гейнд. къ сему мѣсту. Λόγοι κηροσμεμένοι суть рѣчи, вообще богатая тропами и фигурами; ибо въ нихъ собственно состоитъ κῆρος, или ornatus orationis.

(3) Ib. *Наряжать свою рѣчь съ заботливостію юноши, ὥσπερ μισρανίφ πλαττοντι λόγους.* Фраза *πλαττοντι λόγους* прекрасно выражаетъ усиліе дитяти подбирать, соединять, или какъ бы смазывать слова, по требованію внѣшнихъ формъ, предписываемыхъ Риторикою, при недостаткѣ мысли, которая бы сама собою сообщала имъ связность. *Τὶ λόγους πλαττίνεις;* говоритъ Демосоевъ de coron. p. 268. См. *Ernesti Lex. techn. gr. Rhetor.* p. 267. sqq., гдѣ объясняются слова *πλαττίνεις* и *πλασμα*.

(4) Ib. *Напротивъ, καὶ μέντοι.* Частица *μέντοι* весьма часто выражаетъ противоположеніе; на пр. *Aristoph. Ran.* v. 61. *ὅχι ἔχω φράσαι διως γε μέντοι σοὶ δι' αἰνιγμῶν ἔρῳ.*

(5) Ib. *Прошу и умоляю, θέομαι καὶ παρίεμαι.* Въ нѣкоторыхъ кодексахъ *παρίεμαι* признано за глоссема и замѣнено словомъ *παραιῖμαι*. Но Рункеній правильно замѣчаетъ, что значеніе слова *παρίεμαι* объясняется значеніемъ средних залоговъ. *Ἰημι* и *ἐφίημι* значить отпускаю (*mitto*); но *ἔεμαι* и *ἐφέεμαι* значить *хочу, чтобы мнѣ отпустили*, то есть, *желаю, прошу*.

(6) Ib. D. *При столахъ мѣновщиковъ.* Погрешчески просто — *ἐπὶ τῶν τραπέζων;* но тутъ разумѣются столы мѣновщиковъ, стоявшіе обыкновенно

на площади. Слово αἱ τρο-
зомъ употребляютъ *Demosth.*
946. *Isocr.* p. 449. 450. 704.
суть мѣновщики, или mensarii

(7) Пв. *Болге селиде*
ἐτη γεγονὼς πλείω ἑβδομήκοντα
реводитъ: annos plus sexaginta
πλείω ἑξήκοντα, основывался
Диогена Лаерція II. 4. 5.
Maxim. Tyr. 39. p. 412. *Diog.*

(8) 18. В. *Чѣмъ Ани*
Разумѣются Мелитъ и Лико-
на Анига, какъ на главнаго
что послѣдній пользовался оу-
мою народа и заслужилъ ее и
тираннамъ. *Xenoph. Hellen.* 1

(9) Пв. *Но тѣ страи*
напрасно думаютъ, что Со-
фронискъ, которые
своихъ эпиграммъ и выстави-
ли на сценѣ театра. Изъ
что апологистъ указываетъ
о сынѣ Софрониска, предст-
авилъ случай и возможность
Сколь ни необузданно было
время Платона, но едва ли
бы Аристофанъ, Амипсiасъ,
лились публично трогать ли-
ца бы не опирались на обш-

(10) Ib. *Человекъ мудрый, который ум-
ствуетъ о небесномъ, испытываетъ все подвешенное
в приемы низшій превращаетъ въ высшій.* Таково
было общее мнѣніе о Сократѣ! Оно оставилось
вѣроятно еще тогда, когда сынъ Софрониска нахо-
дился въ молодыхъ лѣтахъ и занимался изслѣдова-
ніемъ природы чрезъ чтеніе, наблюденіе и собесѣ-
дованіе съ послѣдователями разныхъ философскихъ
школъ, процвітавшихъ въ Греціи. Это можно замѣ-
тить изъ его словъ въ Федонѣ р. 97. sqq. Сравни.
Xenoph. Memorab. IV. 7. Искусство *τὸν ἥττω λόγον
κρίττω ποιῶν* Геллій (*Noct. Att. v. c. 3*) приписы-
ваетъ Протагору и разумѣетъ его, какъ умѣнье дѣ-
лу самому ничтожному, посредствомъ ловкихъ обо-
ротовъ рѣчи и витіеватыхъ выраженій, придать
видъ чего-то важнаго; или на оборотъ — дѣло осо-
бенной важности тѣми же орудіями уронить въ
мнѣніи слушателей. Для такихъ подвиговъ и у насъ
есть свои Протагоры. Но когда то же самое иску-
ство общественнымъ мнѣніемъ усвоилось Сократу;
то, мнѣ кажется, должно понимать его, какъ пони-
малъ Цицеронъ (*in Bruto c. 8*): *docere, quemadmodum
causa inferior dicendo fieri superior possit*; потому что
здесь указывается болѣе на глубокое раскрытіе
предмета, нежели на краснорѣчивое и заманчивое
изложеніе онаго. Такъ философія природы, говоря
о какомъ-нибудь довольно обыкновенномъ явленіи,
сообщаетъ ему необыкновенный интересъ, един-
ственно чрезъ изслѣдованіе причинъ и внутреннихъ
свойствъ его.

(11) Ib. C. *Они насплетали всевозможныя,*

ἀτεχνῶς ἐρήμην κατηγορεῖντες. Ἐρήμη (δίκη) есть заочное судопроизводство надъ обвиняемымъ, покуда онъ не исполнилъ обязательства явиться и судъ (vadimonium desertum) см. *Petit. ad legg. Attic. p. 317. Hundtwalker de Diaetetic Athen. p. 99 sqq.*

(12) 19. А. Ршиится — изгладить — ту клевету, ἐπιταί τὴν διαβολήν. Выразить не такъ неокончательное ἐξελεῖσθαι счесть трудно; между тѣмъ какъ та форма среднего залога даетъ рѣчи замѣчательный оттенокъ. Сократъ, по скромности, не беретъ изгладить, ἐξελεῖν, въ душахъ слушателей худое о себѣ мнѣніе, а только хочетъ стараться, чтобъ оно изгладилось, non evellere instituit, sed evelli vult, aut evellendum nititur.

(13) Ib. B. Сдѣлалъ на меня такой доносъ, ἐγγράφατο τὴν γραφήν ταύτην. О значеніи слова γραφή и о различіи его отъ слова δίκη см. 3 прим. къ Эвтикр. Δίκη есть доносъ, по которому дѣло предлагается изслѣдованію суда; γραφή есть доносъ, по которому оно представляется судіямъ съ готовымъ уже мнѣніемъ для утвержденія и произнесенія формальнаго приговора.

(14) Ib. C. Въ комедіи Аристофановой. Указывается на Аристофановы Облака, и при томъ въ первое изданіе ихъ, вышедшее 1. 89. Олимп. слѣдовательно за 24 года до смерти Сократа. Штальбомъ замѣчаетъ, что въ первомъ изданіи корзины представлена была вѣроятно движущеюся въ воздухѣ, περιφερόμενον, и потому Сократъ, на вопросъ Стрепсиады, τί δεῖ, отвѣчалъ ἀεροβατῶ: напротивъ

въ дошедшии до насъ вовсе не упоминается о ея движеніи, а только спрашивается (у 218—225): что это за человекъ въ корзинѣ? — Но Сократъ въ своей апології могъ сказать *периферейоту*, хотя бы въ комедіи и не упоминалось о движеніи корзины; потому что ея движеніе на сценѣ было ясно уже и для глазъ, следовательно не требовало объясненія словеснаго. Впрочемъ, говоря объ Аристофановыхъ Облакахъ, Сократъ не укоряетъ Аристофана, который тогда уже примирился съ нимъ, а только объясняетъ, какъ давно распространилось въ народѣ невыгодное мнѣніе о сынѣ Софрониска. См. мое введеніе къ Эвтид. Плат. ч. 1 стр. 201.

(15) Ib. *Какихъ у меня и въ головахъ не было, ѿν εὐδ' ὅδεν ἔτε μέγα ἔτε σμικρὸν πέρι ἐπαίω.* Выраженіе *οὔτε μέγα οὔτε σμικρὸν* имѣетъ значеніе поговорки и равносильно *ἢ τι ἢ ὅδεν* (см. выше прим. 1), то-есть означаетъ совершенное отрицаніе. *Verglerus ad Alciphron. p. 353. Herm. ad viger. p. 270, 78.*

(16) Ib. *Я говорю это не съ тѣмъ, чтобы унижать столь важное искусство и проч.* Здѣсь рѣчь очевидно ироническая. Сократъ имѣлъ въ виду ту мысль, что можетъ быть и Мелитъ имѣетъ претензію на подобное искусство и будетъ сердиться, когда станутъ унижать его.

(17) Ib. Е. *Будто я берусь учить людей и требую платы.* Что въ народѣ существовало такое мнѣніе о Сократѣ, видно изъ Аристофановой комедіи Облака в. 98 — 104. Но что онъ никогда не

иниторъ, когда въ нѣмъ они слѣдуютъ одному такту.

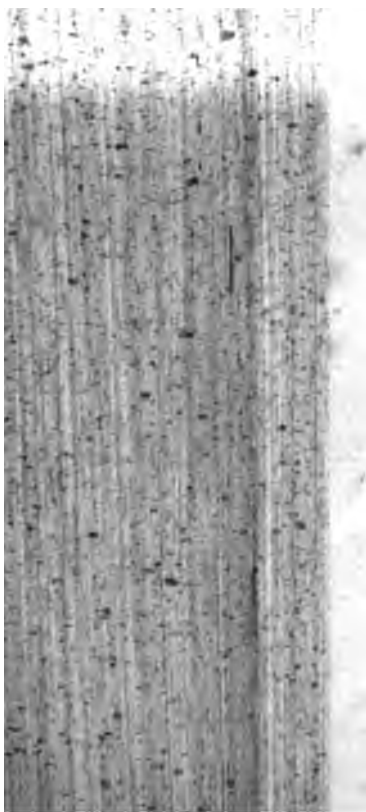
(20) Ib. *Вы еще знаете Херефона.* О пылкомъ и сильномъ характерѣ Херефона. См. *Aristoph. pubb.* v. 104. 501. sq. ibique scholiast. Avv. 1570. *Xenoph.* Мемог. 11. 3.

(21) 21. А. Этикъ указывается на эмиграцію многихъ Афинлянъ изъ отечества въ правленіе тридцати тиранновъ (См. *Corn. Nep. Trasibul.* 1. et *Iustin.* V. 8, бывшую не задолго до смерти Сократа.

(22) Ib. *Писелъ отпала, что клятвѣ никого.* По свидѣтельству Диог. Л. (11. 37), Писелъ сказала: *ἀνδρῶν πάντων Σωκράτης σοφώτατος.* А у Схولیаста ad *Aristoph. pubb.* v. 144 ея слова читаются такъ: *σοφὸς Σοφοκλῆς, σοφώτερος δ' Εὐριπίδης, ἀνδρῶν δὲ πάντων Σωκράτης σοφώτατος.*

(23) Ib. *Братья его,* то-есть Херекратъ. См. *Xenoph.* Мем. 11. 3.

(24) 22 А. *Клянусь собакою.* О клятвѣ Сократа собакою и другими животными у древнихъ и новѣйшихъ критиковъ были различныя мнѣнія. Всѣ онѣ собраны Менагіемъ (ad *Diog. Laert.* 11. 40. p. 92. sq.). Петитъ (miscell 4. 7.) полагаетъ, что подъ именемъ собаки Сократъ разумѣлъ своего генія; но Камерарію, собака для Сократа была символомъ вѣрности, и клятва ея соответствовала Латинской поговоркѣ *medius fidius*; а Олимпіодоръ въ Сократовой собакѣ видитъ Египетское божество (*Aelian.* V. Н. X. 45). Но я охотнѣе соглашаюсь съ

ἀληθείς, de Rep. IV.
τον μὲν τι ἦν ἡ δικα
θείς, ἡ περὶ τὰ ἀφ
γέγονε. Впрочемъ а
δνѣ.

(26) Ib. *Μαλο*
τινός καὶ οὐδενός. З
и усиливаетъ значе
Lucian. p. 11. Τα
Демосφена (p. 790.
οὐδέν. Въ такомъ
иногда союзъ atque
XII. 27. Manil. XV

(27) Ib. B. .
τῷ θεῷ βοηθῶν, τ
иie Аполлона спра

(28) Ib. C. *Τερπλ*
μυρία, ἐμί. Между
чие, какое между
Πενία бываетъ vч

милостынею. См. *Aristoph. plut. v. 552. sqq.* О томъ, сколь велика была бедность Сократа, видно изъ *Xenoph. Oecon. II. 3.* гдѣ самъ онъ говоритъ, что и домъ его, и все въ домѣ можно продать за пять Аттическихкихъ минъ (113. p. 75 к. сер.).

(29) *Ib. E.* Мелитъ былъ трагикъ; но такъ какъ Музы не очень любили его, то вмѣсто худыхъ стиховъ, онъ рѣшился написать хорошія правила Пинтики. Хороши ли онѣ были, видно изъ того, что Аристофанъ (*Ran. v. 1231.*) ставитъ ихъ подъ уровень *τῶν Καρίων ἀδλημάτων* (Карійскихъ пѣсентъ); а Карійцевъ еще Гомеръ называлъ *βαρβαροφώνες* (*Iliad XV. 867.*). Представляя суду доносъ на Сократа, Мелитъ былъ еще человѣкомъ молодымъ, но уже высоко мечталъ о себѣ; (*Euthyph. p. 2. B. C.*), и потому-то можетъ быть Сократъ обличаетъ его строже, чѣмъ другихъ. Говорятъ, что онъ находился въ числѣ тѣхъ четырехъ человѣкъ, которыми тридцать тиранновъ приказали привести въ Аѳины Льва Саламинскаго. *Audocides de myster. p. 46. Orat. T. IV. ed. Reisk.* Сравни. ниже p. 32. С.

(30) *Ib. E.* Анитъ, сынъ Анееміона, *βυρσοδέψης*, или кожевникъ (*Plat. Epist. VII. Socr. p. 30. Scholiast ad. Plat. Men. p. 90. A. Срав. Xenophont. Apol. 39*), злѣйшій врагъ Сократа, такъ что Горацій (*Satyr. II. 4.*) не безъ причины называетъ послѣдняго *Anitium*. Великое богатство его и множество малютостей были причиною того, что тридцать Тиранновъ, особенно заботившіеся, какъ извѣстно, о конфискаціи частныхъ имуществъ, изгнали его изъ отечества. За то послѣ онъ усердно помогалъ Тразибулу, воз-

не только Сократ общества (Men. p. слова «и каждый рошо владѣть св тастъ себя чело дѣлахъ самой вели относятся имени ковъ, къ такимъ .

(31) Ib. Л торовъ , которые говорить въ защ II. 38). Но такъ нѣ дѣлами респу рованные оратори дебныя интриги , образомъ вошли ные. См. *Valckenä* v. 567. sqq. Судя 1292.), можно ду и развратную ж Анти+ономъ, люб

и томъ же значеніи съ словомъ *φιλόπατρις*. *Φιλόπατρις*—тотъ, кто любитъ Грецію; а *φιλόπολις* есть любитель Аѳинъ. *Dorvill. ad Charit p. 215.*

(33) Ib. Она почти такова, *ἔχει δὲ πῶς ὧδε*. Слово *πῶς* показываетъ, что Сократъ приводитъ форму обвиненія не буквально. Буквальное ея изложеніе, еще во времена Фаворина, во второмъ вѣкѣ по Р. Х., сохранялось въ Аѳинскомъ *μητρόφῳ*, то-есть въ храмѣ матери всѣхъ боговъ. По свидѣтельству Діогена Л. (II. 40), на одной доскѣ въ этомъ храмѣ написаны были слѣдующія слова: *Τὰ δὲ ἐγράφατο καὶ ἀντωμολογήσατο Μέλιτος Μελίτη, Πιτθέως, Σωκράτη Σωφρονίσκου, Ἀλωπεκῆθεν ἄδικα Σωκράτης, ὅς μὲν ἡ πόλις νομίζει θεὸς ἢ νομίζειν, ἕτερα δὲ καὶ νῦν δαίμονα ἐισηγόμενος ἄδικα δὲ καὶ τὸς νέους διαφθείρων. Τίμημα θάνατος.*

(34) 25 А. А совѣтники? *τί δαὶ οἱ βουλευταί*; Аѳинскій Сенатъ состоялъ изъ двухъ отдѣльных присутственныхъ мѣстъ: изъ Ареопага, *βουλὴ ἡ ἐξ Ἀρείων πάγῳ*, и изъ Пятисотнаго Совѣта, *βουλὴ ἡ τῶν πεντακοσίων*. Члены послѣдняго назывались *οἱ βουλευταί*, или *πρυτάνεις* и, по закону Солона, жребіемъ избирались изъ всѣхъ десяти Аттическихъ округовъ въ числѣ пятидесяти человѣкъ изъ каждаго. Однакожъ совѣтники не всѣ вдругъ составляли совѣтъ, но чередовались по округамъ; такъ что одинъ округъ, отслуживъ свое время, или тридцать пять дней, сдавалъ должность другому. Да и представители известнаго округа заседали въ собраніи опять не всѣ вдругъ, но такъ какъ курсъ ихъ службы опредѣлялся тридцатью пятью днями или пятью недѣлями,

то пятьдесятъ совѣтниковъ (с) ленія, раздѣлившись на пять одинъ десятокъ, прослуживъ мѣсто другому, другой третью десятковъ назывались *πρόεδροι* *πρόεδροι* не всѣ и не всякій власть въ совѣтъ, но каждому день, въ который онъ предсталъ въ свое вѣденіе казну *ἐπιστάτης*. Само собою разумеется, что *ἐπιστάται* могли вступать въ совѣтъ, а служба стояла просто въ присутствіи *Lexic. v. Prytaneia.*

(35) *Ib. C. Отѣпай-ка,* *chius: ὃ τὰν — πρόεδρος τιμῆς καὶ ἐπὶ εἰρωνείᾳ πολλὰκις. Theophrast. rhet. bibl. Coisl. p. 494. ὃ τὰν ἀπικιῶς ὃ οὐ, ἐλληνικῶς. Ad.*

(36) *Ib. D. II законъ все слова закона, на который здѣсь говорить Демосѣенъ (с. Steph. Orationibus) въ судѣ (ἀντιδίκον) другъ другу на вопросы, не Forsterus.*

(37) 26. D. *Знаютъ, я солнце, ни луны, тѣмъ погнѣши люди. Этимъ Сократъ хочетъ признавать за боговъ солнце и не возможно не признавать*

Персы и другіе варвары, невѣрующіе въ Греческихъ боговъ, воздаютъ божескія почести по крайней мѣрѣ солнцу и лунѣ. По этому мысль Штальбома, будто Сократъ разумѣетъ здѣсь Аполлона и Діану, мнѣ кажется не вѣрною.

(38) Ib. Ты, кажется, обвинишь Анаксагора. По свидѣтельствѣ Діогена Лаерція (II. 8) Анаксагоръ Клазоменскій училъ, что солнце есть *μύδρος*, *διάπυρος*, который одни принимали за раскаленную массу желѣза, а другіе — за камень. Въ послѣднемъ смыслѣ *μύδρον διάπυρον* разумѣлъ и Сократъ (*Xenoph. Mem. VI. 7. 7*) и опровергалъ это мнѣніе. Луна же, по Анаксагору, имѣетъ *οἰκήσις*, *λόφος* и *φάρυγγας*, значить есть земля. См. *Fischer. ad. h. l.*; также *Hemsen de Anaxagora Clazomenio, s. de vita ejus atque philosophia* p. 30 sqq. p. 70 sqq. Эти мнѣнія Мелитъ навязывалъ Сократу вѣроятно по тому, что считалъ его ученикомъ Архелая, послѣдователя Анаксагорова.

(39) Ib. Е. Могутъ, много какъ за драхму, купить со сцѣны. Въ Аѣинахъ, до временъ Перикла, театральныя мѣста (*sedes et loca*) раздавались безмездно всѣмъ, желавшимъ видѣть представленіе. Периклъ, первый установилъ брать за нихъ плату, и это называлось *θεῖον ἀπομοιβήν* или *ἀγοράζειν* (*Leopard. emendatt. I. 13.*). Театральныя мѣста продавались откупщиками амфитеатровъ *θεατροῦναις*, *θεατροπώλαις*, *ἀρχιτεκτόνεσι* (*Demosth. de corona* p. 234. 23. Т. 1.) за два обола (около 2 коп. серебр.) а иногда и за цѣлую драхму (22½ коп. серебр.). См. *Casaub. ad. Theophr. Char. 2. Boeckh. de oeconom. Reipubl. Athen. T. I. p. 236. sqq.* Поелику же самую высокую цѣною за мѣ-

ученію же Сократа о геніѣ
есть только слѣдствіе испо
цательной. Напримѣръ въ
предписанія не уходить, с
ключеніе, что надобно оста

(44) 32. В. Нашему с
лось сенаторствовать. См.
производилось дѣло о десяти
рые, побѣдивъ Лакедемонян
не погребли непріятельски
былъ *ἐπιστάτης*, председа
какъ онъ въ семъ случаѣ
Hellen. I. 7. 14. 15. 38.

(45) Ib. Былъ не со
свидѣтельству Ксенофонта,
повелѣвалъ судить кажды
ἐκαστον.

(46) Ib. С. Приказали
нанина, чтобы лишить его
денію Саламинянннъ, а по
время правленія тридцати
избралъ ссылку на островъ
ное его богатство не воору
рыстолубивыхъ правителей.

(47) 33. А. И тѣмъ,
называютъ моими ученикам
мѣсть особенно Алкивіада и
мнѣнію народа, получили
дѣятельности въ школѣ Сок
12. sqq.

(48) 34. С. Что обвиняемые Афиняне, для уни-
лостивленія судей, приводили съ собою въ судъ
сыновей, дочерей и женъ, см. *Aristoph. Plut. v. 383.*
Vesp. v. 566. sqq.

(49) Ib. D. Hom. *Odyss. XIX. v. 163.* Пенелопа
не узнала Улисса и, требуя, чтобы онъ возвѣстилъ
ей о своемъ родѣ, сказала: *οὐ γὰρ ἀπὸ δρυὸς ἔσσι*
παλεφάτι οὐδ' ἀπὸ πέτρης.

(50) Ib. *Даже сыновъ.* У Сократа было три
сына: Лампроклъ, Софронискъ и Менекссенъ.

(51) 36. А. *Только три голоса пали иначе.*
Стефанъ, слѣдуя второму Базиліанскому списку, чи-
сло *τρῆς* перемѣнилъ на *τρίκοντα*, а Діогенъ Лаер-
цій (II. 41) свидѣтельствуетъ, что Сократъ осужденъ
былъ большинствомъ 281 голоса. Какъ согласить
эти различныя показанія? Соглашеніемъ ихъ зани-
мался Тихзенъ въ разсужденіи: *Ueber den Prozess des*
Socrates, напечатанномъ въ библіотекѣ древней лите-
ратуры и искусствъ fasc. I. p. 1. — 53 et fasc. II. p.
1—60. Вѣроятнѣе то мнѣніе, что послѣ первой рѣчи
Сократа, большинство голосовъ оказалось действи-
тельно не велико, по крайней мѣрѣ не больше трид-
цати; но потомъ когда Сократъ, оцѣнивая свои за-
слуги отечеству, присудилъ себя къ содержанію на
счетъ общества, то количество неблагопріятныхъ
для него мнѣній могло увеличиться до двухъ сотъ
и болѣе.

(52) Ib. В. *Не шлетъ на своей сторонѣ платой*
части голосовъ. Основаніе этихъ словъ можно видѣть
изъ слѣдующаго вычисленія: мнѣній, неблагопріят-

ныхъ для Сократа, было $\frac{1}{2}$ всѣхъ + 3. Значить каждый изъ трехъ обвинителей имѣлъ $\frac{1}{6}$ всѣхъ + 1. Следовательно на сторонѣ Мелита было ихъ менѣе $\frac{1}{6}$ -ой. Впрочемъ эти слова Сократъ сказалъ, по видимому, въ тонѣ шутокъ. Должно также замѣтить, что обвинитель не имѣвшій на своей сторонѣ пятой части г. татилъ тысячу драхмъ штрафу, но и подвергнулся честию (*ατιμία*), то-есть навсегда уже лишился права обвинять кого-нибудь. *Demosth.* in Mid. p. in Timocrat. p. 702. 5. in Theocrat. p. 1323. 13

(53) Ib. D. *Благодѣтели* — *бѣднику*, *ἀνδρὶ πένητι εὐεργέτῃ*. Люди, оказавшіе Аѳинской республикѣ особенные услуги, были укрѣплены именемъ *благодѣтелей*, *τῶν εὐεργετῶν*. *Dorn.* de Chariton. p. 317. *Хенорфъ*, de re dit. 923. *Lysias* 20 p. 365 и содержались на счетъ отечества. См. введ. въ апологію, it. *Cicer.* Orat. 1. 54. *Demosth.* de falsa leg. p. 231.

(54) 37. С. *Всегда поставленной власти — одинадцати судилихъ*. Одинадцать судей, *οἱ ἑνδεκα*, имѣли власть исполнительную: ихъ дѣло состояло въ исполненіи опредѣленій Сената, которыми виновный присуждаемъ былъ къ смерти (*Utric.* въ концѣ Платоновыхъ разговоровъ: Менонъ, Критонъ и Алкивиадъ I и II).

(55) 39. С. *Предсказываютъ, когда приближается къ смерти*. Древніе вѣрили, что человѣкъ предъ смертію получаетъ способность провидѣть будущее и предсказывать. *Cicer.* de divin. 1. 30. *Eustath.* ad Iliad. XVI. p. 1089. sq. *Phædon.* 94. B. C. D.

(56) Ib. E. *Пока архонты заняты.* Надобно разумѣть одиннадцать судей, которымъ судіи должны были передать свои опредѣленія, и которые въ свою очередь дѣлали зависящія отъ себя распоряженія касательно исполненія оныхъ.

(57) 41. В. *Съ Паламедомъ, Аяксомъ сыномъ Теламона.* Паламеда убило камнями Греческое войско за то, что, по интригамъ Улліса, на него пало подозрѣніе въ измѣнѣ. *Несун. excurs. ad Virgil. Aeneid. II. 81.* Аяксъ, сынъ Теламона, послѣ Ахиллеса храбрѣйшій изъ всѣхъ Греческихъ вождей подѣ Троею, не получивъ Ахиллесова оружія и бывъ униженъ предѣ Улиссомъ, сошелъ съ ума и умертвилъ самъ себя. *Нот. Odys. XI. v. 545.*

ПРИМѢЧА

КЪ

КРИТО

(1) 43. А. *Глубокое* утр
выраженіемъ Критонъ точнѣе
предыдущаго *πρῶ*, рано; ибо
носителю указывать на всѣ
по Фриниху, есть *τὸ πρὸ δ*
ἐτι λίσσῃ δύνатаί τις χρῆ
услышать и впустить со
Греческому *ὑπαίειν*, подоб
314. А *встать и выйти* —
примѣч. къ сему мѣсту.

(2) Ib. C. *Которое* пере
по видимому, тяжеле во
δοιῶ, ἐν τοῖς βαρύτατ' ἂν
можетъ затруднять здѣсь *ἂν*;
уже получилъ извѣстіе и до
положительно о своей скорби
зываетъ не на возвращеніе до
послѣдовать за тѣмъ смерть С
тонъ пришелъ съ надеждою
къ бѣгству изъ темницы, и

бы надежда его не сбылась, то ему было бы тяжело всего перенести наступающее бѣдствіе.

(3) Ib. Аѳиняне ежегодно праздновали день благополучнаго возвращенія Тезея съ острова Крита. Праздникъ состоялъ въ томъ, что въ сей день увѣнчиваемъ былъ корабль и на немъ послы, *θεωροὶ* (отъ глаг. *φράν* т. е. *φρονίῳ*, *θεραπεύω*, и *θεός*, т. е. Аполлонъ), отправлялись на Делось, для принесенія жертвы Аполлону. Ихъ плаваніе, смотря по погодѣ, иногда продолжалось около мѣсяца, и во все это время въ Аѳинахъ не позволялось исполнять приговоровъ надъ преступниками, присужденными къ смерти (*Хепорѣ*. Мет. IV. 8. 2.). Окончательный судъ надъ Сократомъ случился на другой день по отплытіи увѣнчанаго корабля; а по тому Сократъ содержался въ темницѣ до его возвращенія, и именно тридцать дней. *Phaed. init.*

(4) Ib. D. *Щастливаго ему возвращенія, τύχη αὔραδῃ*, — известная формула пріѣзжающаго, которою Греки выражали свое благожеланіе отъѣзжающимъ, или пріѣзжающимъ. У Римлянъ соотвѣтствовала ей: *quod bene vertat, quod felix faustumque sit*. *Symp. p. 177. E.*

(5) 44. А. *Господа этого дѣла*, то-есть одиннадцать Архотовъ, на нѣкоторыхъ лежала обязанность исполнять судейскіе приговоры надъ преступниками. См. *Apol. Socr. 39 C.* и 59 прим.

(6) Ib. *Незадолго въ сію ночь*. Слово «незадолго» *ὀλίγου χρόνου*, поставлено здѣсь, кажется,

не безъ причины. Древніе
полуночи бываютъ вѣрны.
XX. v. 82 — 91. *Horat. Sa*
post mediam noctem visus, qu

(7) Ib. В. *На третій*
день въ жолнистую Фтію
ἐρίβωλον ἰκοίω. Это предск
IX. 363. Въ семь мѣстъ
Агамемнономъ, приходитъ
что чрезъ три дня онъ бу
то-есть въ своемъ отечеств
тается *ἰκοίμην.* Само собою
указываетъ этимъ на будущ

(8) Ib. *Хотѣ теперь*
выраженіе показываетъ, ч
упрашивалъ Сократа бѣжат
прозьбы его были отвергае

(9) Ib. D. *Настоящее*
васть, αὐτὰ δὲ δῆλα τὰ πο
мѣтить, что *δῆλον* иногда
и выражаетъ то же, что *δι*
этому нѣтъ надобности, вм
нять его глаголомъ *δηλοῖ*

(10) 45. А. *Такъ не*
ἐλπτα ὅχ ὀρᾷς. Слова *ἐλτα*
ной рѣчи ставятся предъ
ють негодованіе или презрѣн
v. 226 *ἐπὶ τὸ ταβύτ* тѣ
сидя въ корзнѣ, ты през
1128. "Елпта *παῖδας χρὴ* q

послѣ этого, думаешь, надобно рождать и воспитывать дѣтей?

(11) Гв. В. *Живущіе здѣсь иностранцы*, преимущественно Симіасъ и Кевисъ, Ѡивейцы, короткіе друзья Сократа. Жизнеописанія и мнѣнія ихъ изложены Діогеномъ Лаерц. 11. 124. 125. Оба они писали въ философскомъ родѣ. До насъ дошла *Картина Кевиса*, если только она дѣйствительно Кевисова.

(12) Гв. Указывается на Апол. Сокр. р. 37. С. D.

(13) Гв. Е. *Какъ онъ внесенъ, ὡς εἰσῆλθεῖς*. По всей вѣроятности надобно читать: ὡς εἰσῆλθεν. Этого чтенія держится и Вольфъ, следуя лучшимъ спискамъ Платоновыхъ сочиненій. Но дальнѣйшія слова: *ἐξὸν μὴ εἰσελθεῖν* суть или glossa или неполная фраза. Предположивъ послѣднее, надлежало бы читать: *ἦν δ' ἐξὸν μὴ εἰσελθεῖν*. Этою мыслію тогда, можетъ быть, указывалось бы или на законъ, упоминаемый Лизіасомъ (р. 354 ed. Reisk.), что *δεδύοτι δίκης ἔνεκα δρασιδῶν*, то-есть обвиняемому, не надѣющемуся оправдаться, позволено бѣжать, или на расположеніе Анига помириться съ Сократомъ, послѣ того какъ онъ представилъ въ судъ свой доносъ. *Liban. T. 1. p. 644.*

(14) 46. С. *Исследовать это соображеніе съ дѣломъ, μετρίωτα σκοποῦμεθα αὐτά; Μετρίως σκοποῦναι* значитъ изслѣдовать надлежащимъ образомъ, какъ должно, по существу дѣла. Въ этомъ смыслѣ *μετρίως λέγειν* употребляется Theaet. р. 180. С. de

Вер. IV. р. 421. С. VI. р. 484. В. al. Ниже D. выражение: *въ дальности своихъ словъ, тѣ λέγειν*, противуполагается словамъ: *ребячество и болтание, φλυαρεῖν καὶ ληρεῖν*; изъ этого видно, въ какомъ смыслѣ надобно всегда разумѣть его. *Vigerius*. р. 731.

(15) 47. D. *Что отъ справедливости увеличилось, а отъ несправедливости погибало, ὁ τῷ μὲν δίκαιῳ βέλτιον ἐγίγνετο τῷ δὲ ἀδίκῳ ἀπώλλυτο.* Этими прошедшими временами указывается на мнѣнія Сократа въ прежней жизни, какъ онъ рассуждалъ объ этомъ съ своими учениками. Сократъ хотѣлъ сказать: *ὁ τῷ μὲν δίκαιῳ βέλτιον γέγνεσθαι, τῷ δὲ ἀδίκῳ ἀπώλλυσθαι* — это ἐνείστοτε ὑφ' ἡμῶν περὶ τῶν τοιούτων διαλεγόμενοι.

(16) 48. В. *Но та самая мысль, которую мы теперь раскрывали, и походитъ на прежнюю.* То - есть мы и прежде говорили, что не должно слѣдовать мнѣніямъ толпы, хотя бы она покушалась на нашу жизнь.

(17) Ib. E. *Для меня дорого убѣдиться — лишь бы не сдѣлать нехотѣя, ἐγὼ περὶ πολλῷ ποιεῖμαι πείσαι σε ταῦτα πράττειν, ἀλλὰ μὴ ἀκοντος.* Это выраженіе можетъ быть переведено двоякимъ образомъ: 1) я дорого цѣню, что ты убѣждаешь меня сдѣлать это, но только бы не противъ моей воли; 2) я дорого цѣню убѣдить тебя сдѣлать это, лишь бы не противъ твоей воли. Двусмысленность сей фразы зависитъ отъ неокончат. *πείσαι σε*, котораго подлежащимъ можетъ быть и Критонъ и Сократъ. По моему мнѣнію, подлежащее здѣсь Кри-

тонъ, такъ что къ слову *μη δμωνος* надобно условно присоединить *μη*; ибо въ противномъ случаѣ Сократу было бы дорого убѣдить Критона только въ томъ, чтобы онъ не повторялъ одного и того же; а сему смыслу противорѣчитъ значеніе глагола *πράττειν*, которое всегда ставится въ связи съ предикатомъ положительнымъ. При томъ должно замѣтить, что *μη δμωνος* относится не къ *πῆσαι*, а къ *πράττειν*; ибо иначе стояло бы *μη δμωντα*. Впрочемъ, вмѣсто того, чтобы сказать: мнѣ дорого, что ты убѣждаешь меня, я перевожу: для меня дорого быть убѣжденнымъ тобою; такого оборота рѣчи требуетъ аористъ *πῆσαι*.

(18) 49. А. Хорошо, постараюсь, *ἀλλὰ πηράσομαι*. Такъ употребляется *ἀλλὰ* въ смыслѣ одобренія, или, какъ говорятъ грамматикки, *ἀποστατικῶς*. Подобное употребленіе сего союза см. de Rep. IV. p. 421. *ἀλλὰ καλῶς μοι δοκεῖς λέγειν*. Hoogeven. doctrina particularum ling. gr. 15. VI.

(19) Ib. В. Дѣлать несправедливость несправедливому, какими бы то ни было образами, и преступно и постыдно. Протагоръ, Горгіасъ и другіе софисты учили, что надобно доброхотствовать друзьямъ и вредить врагамъ (Apolog. Socr. p. 28. С. Archiloch. ap. Theophil. ad Autolyc. L. II. 37. 'Εν δ' ἐπίσταμαι μέγα, τὸ κακῶς τι δοῶντα θανατὸς ἀνταμείβεσθαι κακοῖς. Solon. in Brunckii Poët. gnom. p. 73. Εἶναι δὲ γλυκὺν ὥδε φίλοις, ἐχθροῖσι δὲ πικρὸν τοῖσι μὲν αἰδοῖον, τοῖσι δὲ θανόν ἰδεῖν Fragm. Eurip. ap. Falcken. p. 157. 'Εχθρὸν κακῶς δοῦν ἄνδρὸς ἡγῆμαι

μέρος). Напротивъ Сократъ доказываетъ, что зло не должно платить невраждебныя отношенія человѣку, имѣющему право дѣлать ему зло. Однажды (Gorg. p. 469): «неужели собою быть обиженнымъ, нежели обидѣть? нисколько не желая отвѣчать: «я не хотѣю ни того; но еслибы встрѣтилъ обидѣть, либо быть обиженнымъ, то бы послѣднее, чѣмъ первое. Ибо нравственность въ сравненіи съ несправедливостью значитъ она предъ нравственностью, которая повелѣваетъ не только не мстить, но еще любить ихъ и благожелать имъ».

(20) Ib. Никакъ, въ отвѣтахъ обыкновенно соединяется οὐ. Μὴ δῆτα выражаетъ нежеланіе, отвращающагося отъ чего-либо. Orest. v. 1329. θανεῖν Ὀρέστης — Μὴ δῆτα, Оресту и мнѣ не умереть.—Да не будетъ. Напротивъ усиливаетъ отрицаніе, напр. οὐδὲ δημοκρατία, ταῦτα δὲ γὰρ ἀντιδημοκρατία! Это ли можно считать демократіею!

(21) Ib. С. Что же тутъ употребляется въ смыслѣ при увѣщаніяхъ, и соответствуетъ что же? Напр. Plat. Protag. τὸ τοιοῦτον δὲ αἶ ἐπὶ τῶν πρόβλεπτον что же это, господа? Всѣмъ 2) При возвращеніи къ глаголу

какъ Русское *ну*, а...; напр. *Euthyphr.* p. 14. *Τί δὲ δῆ;* τῶν πολλῶν καὶ καλῶν и. т. л. Ну, а изъ многихъ прекрасныхъ дѣлъ, производимыхъ богами, и проч. 3) При выведеніи результата послѣ изслѣдованія; по-русски: *что же теперь?* Напр. въ *Hipp.* p. 575. послѣ многократнаго повторенія *τί δὲ*, наконецъ говорится: *τί δὲ δῆ. ἀνθρώποι ψυχὴν κεντῆσαι* и. т. л. Въ этомъ последнемъ значеніи она употреблена и здѣсь.

(22) П. С. *Какъ бы не противорѣчить линпнію, ὅπως μὴ παρὰ δόξαν ὁμολογῆς.* Здѣсь говорится о мнѣніи въ томъ же смыслѣ, въ какомъ выше принималъ его Критонъ, то-есть въ смыслѣ народной молвы, которая, какъ ему казалось, должна побудить Сократа уйти изъ темницы. Астъ и Шлейермахеръ неправильно понимаютъ и переводятъ это выраженіе; по Асту: *at vide, Crito, ne hoc concedens, praeter tuam ipse sententiam cedas;* по Шлейермахеру: *und siehe wohl zu, Kriton, wenn du dies eingestehst, dass du es nicht gegen deine Meinung eingestehst.*

(23) 51. D. *Выдержать испытаніе, δομιασθῆναι.* Такъ читается во всѣхъ спискахъ, кромѣ одного Венеціанскаго *Ξ*, въ которомъ стоитъ *δομιασθῆναι*. Не смотря на то, что послѣдняго чтенія держатся почти всѣ переборчики, я вмѣстѣ съ Штальбомомъ, не нахожу причины предпочитать его первому; потому что страдательнымъ *δομιασθῆναι* указывается на древній законъ, которымъ предписывалось вводить юношу въ званіе челоѣка совершеннолѣтняго посредствомъ испытанія, *δομιασθῆναι εἰς ἀνδραγ.* Это испытаніе, долженствовавшее дать юношѣ право на обще-

ственную службу и почести, состояло въ показаніи его происхожденія и законности его генеалогіи, также въ изслѣдованіи его понятій о государственныхъ постановленіяхъ и вообще о добрѣ и злѣ. Юноши, выдержавшіе испытаніе, вносились въ особую книгу, *ληξιαρχικὸν γραμματεῖον* или *βιβλίον*. Aeschin. adv. Timarch. p. 26. ed. Bret. Ἐπαδὼν δὲ ἐγγραφεῖς εἰς τὸ ληξιαρχικὸν γραμματεῖον, καὶ τὰς νόμους εἰδὼν τὰς τῆς πόλεως καὶ ἤδη δύνηται διαλογίζεσθαι τὰ καλὰ καὶ τὰ μὴ, ὅν τι ἐτέρω διαλέγεσθαι. (ὁ νομοθέτης). Demosth. in Midiam. C. 45. Boeckh, de ep. Asia Attica въ книгѣ: Neues Archiv für Philologie etc. v. 18. 1836. P. III. p. 18 sqq.

(24) Ib. *Περеселитесь въ колонію, εἰς ἀποικίαν ἵναи*. Выраженіе *ἀποικίαν ἵναи* значить переселиться въ Греческую, и *ἀποικίαν* Лоннскую колонію, а *μετοικεῖν* перебраться въ то же, Греческое или Варварское государство.

(25) 52. В. *И для общественныхъ праздниковъ, καὶ ὅτ' ἐπὶ θεωρίαν*. Разумѣются Олимпійскія, Немейскія, Истмійскія и Пинейскія игры, на которыя стекалась вся Греція. Слѣдующее: *разъ только, ὅτι μὴ ἀπαξ*, не должно быть смѣшиваемо съ *εἰ μὴ*. *Εἰ μὴ* есть формула просго исключительная, а *ὅτι μὴ* исключаетъ только послѣ предшествующей отрицательной мысли. Напр. Не хорошо было бы сказано: *ἀπώλοντο πάντες, ὅτι μὴ ὀλίγοι τῇ φυγῇ σεωσμένοι*. Надобно сказать: *ὅδεῖς ἐσώθη, ὅτι μὴ ὀλίγοι τῇ φυγῇ*. Thucyd. L. IV. C. 94. *οὐ παρεγένοντο, ὅτι μὴ ὀλίγοι*. Впрочемъ должно замѣтить, что *ὅτι μὴ* часто употребляется вмѣсто *εἰ μὴ*, но *εἰ μὴ* никогда вмѣсто *ὅτι μὴ*, если не предшествуетъ отрицаніе.

(26) Ib. *Съ иными обществами и иными законами.* По свидѣтельству Сенеки, Лаерція, Ливанія и др., Сократъ отказался отъ многихъ иноземныхъ приглашеній, и между прочимъ отъ приглашенія Архелая, который звалъ его въ Македонію.

(27) Ib. E. *Которыя всякій разъ принаваля благоустроенными.* Эти отзывы Сократа см. de Republ. VIII, p. 544. C. Legg. I. p. 634. sqq. Protag. p. 342. C. D. Alcib. I. p. 121.

(28) 53. D. *Не думаешь ли, что тогда Сократъ и пр. καὶ ἐκ οἷοι—τὸ τῷ Σωκράτει προῦμα.* См. прим. 21 къ Протаг.

(29) 54. D. *Какъ изступленные жрецы слышатъ флейту, ὧσπερ οἱ κορυβαντίδντες τῶν αὐλῶν δοκῶσι ἀμύν.* Подъ именемъ изступленныхъ жрецовъ разумѣются Кориванты, служители великой матери боговъ въ Фригіи. По свидѣтельству Страбона, онѣ выражали присутствіе въ себѣ Бога изступленною пляскою. Strabo X. p. 726. Отсюда κορυβαντίαν страдать воображаемою болѣзнію, называвшеюся въ древности κορυβαντιασμός.

Stanford University Libraries

3 6105 008 511 862

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(415) 723-1493

All books may be recalled after 7 days

DATE DUE

JUN 3 2005
APR 28 2005
MAY 13 2005
MAY 10 2005
ILL

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004

Антикварный отдел

№ 43/14

